UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00008777 5

Dostoevsky, Theodor Mikhailovich
III

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Ѳ. М. Достоевскаго.

Polnoe sobranie sochinenij
t. 2

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ.

Безплатное приложеніе къ журналу „НИВА“ на 1894 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1894.

PG
3325
A1
1894
t.2

684495
5·9·58

Дозволено цензурою. СПБ. 27 января 1894 г.

Типографія А. Ф. МАРКСА, Средняя Подъяческая, д. № 1.

БѢЛЫЯ НОЧИ *).

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАНЪ.

(ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ МЕЧТАТЕЛЯ).

...Иль былъ онъ созданъ для того,
Чтобы побыть хотя мгновенье
Въ сосѣдствѣ сердца твоего?..
Ив. Тургеневъ.

Ночь первая.

Была чудная ночь, такая ночь, которая развѣ только и можетъ быть тогда, когда мы молоды, любезный читатель. Небо было такое звѣздное, такое свѣтлое небо, что, взглянувъ на него, невольно нужно было спросить себя: неужели же могутъ жить подъ такимъ небомъ разные сердитые и капризные люди? Это тоже молодой вопросъ, любезный читатель, очень молодой, но пошли его вамъ Господь чаще на душу!.. Говоря о капризныхъ и разныхъ сердитыхъ господахъ, я не могъ не припомнить и своего благонравнаго поведенія во весь этотъ день. Съ самаго утра меня стала мучить какая-то удивительная тоска. Мнѣ вдругъ показалось, что меня, одинокаго, всѣ покидаютъ, и что всѣ отъ меня отступаются. Оно, конечно, всякій въ правѣ спросить: кто-жъ эти всѣ? Потому что вотъ уже восемь лѣтъ, какъ я живу въ Петербургѣ и почти ни одного знакомства не умѣлъ завести. Но къ чему мнѣ знакомства? Мнѣ и безъ того знакомъ весь Петербургъ; вотъ почему мнѣ и показалось, что меня всѣ покидаютъ, когда весь Петербургъ поднялся и вдругъ уѣхалъ на дачу. Мнѣ страшно стало оставаться одному, и цѣлыхъ три дня я бродилъ по городу въ глубокой тоскѣ, рѣшительно не понимая, что со мной дѣлается. Пойду-ли на Невскій, пойду-ли въ садъ, брожу-ли по набережной—ни одного лица изъ тѣхъ, кого привыкъ встрѣчать въ томъ же мѣстѣ въ извѣстный часъ, цѣлый годъ.

*) Въ первый разъ напечатанъ къ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1848 г., т. 61-й.

Они, конечно, не знаютъ меня, да я-то ихъ знаю. Я коротко ихъ знаю, я почти изучилъ ихъ физіономіи—и любуюсь на нихъ, когда они веселы, и хандрю, когда они затуманятся. Я почти свелъ дружбу съ однимъ старичкомъ, котораго встрѣчаю каждый Божій день, въ извѣстный часъ, на Фонтанкѣ. Физіономія такая важная, задумчивая; все шепчетъ подъ носъ и махаетъ лѣвой рукой, а въ правой у него длинная сучковатая трость съ золотымъ набалдашникомъ. Даже онъ замѣтилъ меня и принимаетъ во мнѣ душевное участіе. Случись, что я не буду въ извѣстный часъ на томъ же мѣстѣ Фонтанки, я увѣренъ, что на него нападетъ хандра. Вотъ отчего мы иногда чуть не кланяемся другъ съ другомъ, особенно когда оба въ хорошемъ расположеніи духа. Намедни, когда мы не видались цѣлые два дня и на третій встрѣтились, мы уже было и схватились за шляпы, да благо опомнились во время, опустили руки и съ участіемъ прошли другъ подлѣ друга. Мнѣ тоже и дома знакомы. Когда я иду, каждый какъ будто забѣгаетъ впередъ меня на улицу, глядитъ на меня во всѣ окна и чуть не говоритъ: „здравствуйте, какъ ваше здоровье? И я слава Богу здоровъ, а ко мнѣ въ маѣ мѣсяцѣ прибавятъ этажъ“. Или: „какъ ваше здоровье? А меня завтра въ починку“. Или: „я чуть не сгорѣлъ и притомъ испугался“ и т. д. Изъ нихъ у меня есть любимцы, есть короткіе пріятели; одинъ изъ нихъ намѣренъ лѣчиться это лѣто у архитектора. Нарочно буду заходить каждый день, чтобъ не залѣчили какъ-нибудь, сохрани его Господи!.. Но никогда не забуду исторіи съ однимъ прехорошенькимъ свѣтло-розовымъ домикомъ. Это былъ такой миленькій каменный домикъ, такъ привѣтливо смотрѣлъ на меня, такъ горделиво смотрѣлъ на своихъ неуклюжихъ сосѣдей, что мое сердце радовалось, когда мнѣ случалось проходить мимо. Вдругъ на прошлой недѣлѣ, я прохожу по улицѣ и какъ посмотрѣлъ на пріятеля—слышу жалобный крикъ: „а меня красятъ въ желтую краску!“ Злодѣи! Варвары! Они не пощадили ничего: ни колоннъ, ни карнизовъ, и мой пріятель пожелтѣлъ, какъ канарейка. У меня чуть не разлилась желчь по этому случаю, и я еще до сихъ поръ не въ силахъ былъ повидаться съ изуродованнымъ моимъ бѣднякомъ, котораго раскрасили подъ цвѣтъ поднебесной имперіи.

Итакъ, вы понимаете, читатель, какимъ образомъ я знакомъ со всѣмъ Петербургомъ.

Я уже сказалъ, что меня цѣлые три дня мучило безпокойство, покамѣстъ я догадался о причинѣ его. И на улицѣ мнѣ было худо (того нѣтъ, этого нѣтъ, куда дѣлся такой-то?)—да и дома я былъ самъ не свой. Два вечера добивался я: чего недостаетъ мнѣ въ моемъ углу? Отчего такъ неловко было въ немъ оставаться?—И съ недоумѣніемъ осматривалъ я свои зеленыя, закоптѣлыя стѣны, потолокъ, завѣшанный паутиной, которую съ большимъ успѣхомъ разводила Матрена, пересматривалъ всю свою мебель, осматривалъ каждый стулъ, думая, не тутъ-ли бѣда? (потому что коль у меня хоть одинъ стулъ стоитъ не такъ, какъ вчера стоялъ, такъ я самъ не свой) смотрѣлъ на окно, и все попапрасну... нисколько не было легче! Я даже вздумалъ было призвать Матрену и тутъ же сдѣлалъ ей отеческій выговоръ за паутину и вообще за неряшество; но она только посмотрѣла на меня въ удивленіи и пошла прочь, не отвѣтивъ ни слова, такъ что паутина еще до сихъ поръ благополучно виситъ на мѣстѣ. Наконецъ, я только сегодня поутру догадался, въ чемъ дѣло. Э! Да вѣдь они отъ меня удираютъ на дачу! Простите за тривіальное словцо, но мнѣ было не до высокаго слога... потому что вѣдь все, что только ни было въ Петербургѣ, или переѣхало или переѣзжало на дачу; потому что каждый почтенный господинъ солидной наружности, нанимавшій извозчика, на глаза мои тотчасъ же обращался въ почтеннаго отца семейства, который послѣ обыденныхъ должностныхъ занятій отправляется налегкѣ въ нѣдра своей фамиліи, на дачу; потому что у каждаго прохожаго былъ теперь уже совершенно особый видъ, который чуть-чуть не говорилъ всякому встрѣчному: „мы, господа, здѣсь только такъ, мимоходомъ, а вотъ черезъ два часа мы уѣдемъ на дачу“. Отворялось-ли окно, по которому побарабанили сначала тоненькіе, бѣлые, какъ сахаръ, пальчики, и высовывалась головка хорошенькой дѣвушки, подзывавшей разносчика съ горшками цвѣтовъ,—мнѣ тотчасъ же, тутъ же представлялось, что эти цвѣты только такъ покупаются, то-есть вовсе не для того, чтобы наслаждаться весной и цвѣтами въ душной городской квартирѣ, а что, вотъ, очень скоро всѣ переѣдутъ на дачу и цвѣты съ собою увезутъ. Мало того, я уже сдѣлалъ такіе успѣхи въ своемъ новомъ, особенномъ родѣ открытій, что уже могъ безошибочно, по одному виду, обозначить, на какой кто дачѣ живетъ. Обитатели Ка-

меннаго и Аптекарскаго острововъ или Петергофской дороги отличались изученнымъ изяществомъ пріемовъ, щегольскими лѣтними костюмами и прекрасными экипажами, въ которыхъ они пріѣхали въ городъ. Жители Парголова и тамъ, гдѣ подальше, съ перваго взгляда „внушали“ своимъ благоразуміемъ и солидностью; посѣтитель Крестовскаго острова отличался невозмутимо-веселымъ видомъ. Удавалось-ли мнѣ встрѣтить длинную процессію ломовыхъ извозчиковъ, лѣниво шедшихъ съ вожжами въ рукахъ подлѣ возовъ, нагруженныхъ цѣлыми горами всякой мебели, столовъ, стульевъ, диванов турецкихъ и нетурецкихъ и прочимъ домашнимъ скарбомъ, на которомъ, сверхъ всего этого, зачастую возсѣдала, на самой вершинѣ воза, тщедушная кухарка, берегущая барское добро какъ зѣницу ока; смотрѣлъ-ли я на тяжело нагруженныя домашнею утварью лодки, скользившія по Невѣ иль Фонтанкѣ, до Черной рѣчки иль острововъ,—воза и лодки удесятерялись, усотерялись, въ глазахъ моихъ; казалось, все поднялось и поѣхало, все переселялось цѣлыми караванами на дачу; казалось, весь Петербургъ грозилъ обратиться въ пустыню, такъ что, наконецъ, мнѣ стало стыдно, обидно и грустно; мнѣ рѣшительно некуда и не зачѣмъ было ѣхать на дачу. Я готовъ былъ уйти съ каждымъ возомъ; уѣхать съ каждымъ господиномъ почтенной наружности, нанимавшимъ извозчика; но ни одинъ, рѣшительно никто не пригласилъ меня; словно забыли меня, словно я для нихъ былъ и въ самомъ дѣлѣ чужой!

Я ходилъ много и долго, такъ что уже совсѣмъ успѣлъ, по своему обыкновенію, забыть, гдѣ я, какъ вдругъ очутился у заставы. Вмигъ мнѣ стало весело, и я шагнулъ за шлагбаумъ, пошелъ между засѣянныхъ полей и луговъ, не слышалъ усталости, но чувствовалъ только всѣмъ составомъ своимъ, что какое-то бремя спадаетъ съ души моей. Всѣ проѣзжіе смотрѣли на меня такъ привѣтливо, что рѣшительно чуть не кланялись; всѣ были такъ рады чему-то, всѣ до одного курили сигары. И я былъ радъ, какъ еще никогда со мной не случалось. Точно я вдругъ очутился въ Италіи—такъ сильно поразила природа меня, полубольного гражданина, чуть не задохнувшагося въ городскихъ стѣнахъ.

Есть что-то неизъяснимо-трогательное въ нашей петербургской природѣ, когда она, съ наступленіемъ весны, вдругъ выкажетъ всю мощь свою, всѣ дарованныя ей не-

бомъ силы, опушится, разрядится, унестрится цвѣтами... Какъ-то невольно напоминаетъ она мнѣ ту дѣвушку, чахлую и хворую, на которую вы смотрите иногда съ сожалѣніемъ, иногда съ какою-то сострадательною любовью, иногда же просто не замѣчаете ея, но которая вдругъ, на одинъ мигъ, какъ-то нечаянно сдѣлается непъяснимо, чудно-прекрасною, а вы, пораженный, упоенный, невольно спрашиваете себя: какая сила заставила блистать такимъ огнемъ эти грустные, задумчивые глаза? Что вызвало кровь на эти блѣдныя, похудѣвшія щеки? Что облило страстью эти нѣжныя черты лица? Отчего такъ вздымается эта грудь? Что такъ внезапно вызвало силу, жизнь и красоту на лицо бѣдной дѣвушки, заставило его заблистать такой улыбкой, оживиться такимъ сверкающимъ, искрометнымъ смѣхомъ? Вы смотрите кругомъ, вы кого-то ищете, вы догадываетесь... Но мигъ проходитъ, и, можетъ быть, на завтра же вы встрѣтите опять тотъ же задумчивый и разсѣянный взглядъ, какъ и прежде, то же блѣдное лицо, ту же покорность и робость въ движеніяхъ и даже раскаяніе, даже слѣды какой-то мертвящей тоски и досады за минутное увлеченіе... И жаль вамъ, что такъ скоро, такъ безвозвратно завяла мгновенная красота, что такъ обманчиво и напрасно блеснула она передъ вами— жаль оттого, что даже полюбить ее вамъ не было времени...

А все-таки моя ночь была лучше дня! Вотъ какъ это было:

Я пришелъ назадъ въ городъ очень поздно, и уже пробило десять часовъ, когда я сталъ подходить къ квартирѣ. Дорога моя шла по набережной канала, на которой въ этотъ часъ не встрѣтишь живой души. Правда, я живу въ отдаленнѣйшей части города. Я шелъ и пѣлъ, потому что, когда я счастливъ, я непремѣнно мурлыкаю что-нибудь про себя, какъ и всякій счастливый человѣкъ, у котораго нѣтъ ни друзей, ни добрыхъ знакомыхъ и которому въ радостную минуту не съ кѣмъ раздѣлить свою радость. Вдругъ со мной случилось самое неожиданное приключеніе.

Въ сторонкѣ, прислонившись къ перилamъ канала, стояла женщина; облокотившись на рѣшетку, она, повидимому, очень внимательно смотрѣла на мутную воду канала. Она была одѣта въ премиленькой желтой шляпкѣ и въ кокетливой черной мантилькѣ. „Это дѣвушка, и непремѣнно брюнетка“, подумалъ я. Она, кажется, не слыхала шаговъ

лонихъ, даже не шевельнулась, когда я прошелъ мимо, затаивъ дыханіе и съ сильно забившимся сердцемъ. „Странно!“ подумалъ я: „вѣрно она о чемъ-нибудь очень задумалась“, и вдругъ я остановился какъ вкопанный. Мнѣ послышалось глухое рыданіе. Да! Я не обманулся: дѣвушка плакала, и черезъ минуту еще и еще всхлипываніе. Боже мой! У меня сердце сжалось. И какъ я ни робокъ съ женщинами, но вѣдь это была такая минута!.. Я воротился, шагнулъ къ ней и непремѣнно бы произнесъ:—Сударыня! если бъ только не зналъ, что это восклицаніе уже тысячу разъ произносилось во всѣхъ русскихъ великосвѣтскихъ романахъ. Это одно и остановило меня. Но покамѣстъ я пріискивалъ слово, дѣвушка очнулась, оглянулась, спохватилась, потупилась и скользнула мимо меня по набережной. Я тотчасъ-же пошелъ вслѣдъ за ней, но она догадалась, оставила набережную, перешла черезъ улицу и пошла по тротуару. Я не посмѣлъ перейти черезъ улицу. Сердце мое трепетало, какъ у пойманной птички. Вдругъ одинъ случай пришелъ ко мнѣ на помощь.

По той сторонѣ тротуара, недалеко отъ моей незнакомки, вдругъ появился господинъ во фракѣ, солидныхъ лѣтъ, но нельзя сказать, чтобъ солидной походки. Онъ шелъ пошатываясь и осторожно опираясь объ стѣнку. Дѣвушка же шла словно стрѣлка, торопливо и робко, какъ вообще ходятъ всѣ дѣвушки, которыя не хотятъ, чтобъ кто-нибудь вызвался провожать ихъ ночью домой, и, конечно, качавшійся господинъ ни за что не догналъ бы ея, если бъ судьба моя не надоумила его поискать искусственныхъ средствъ. Вдругъ, не сказавъ никому ни слова, мой господинъ срывается съ мѣста и летитъ со всѣхъ ногъ, бѣжитъ, догоняя мою незнакомку. Она шла какъ вѣтеръ, но колыхавшійся господинъ настигалъ, настигъ, дѣвушка вскрикнула—и... я благословляю судьбу за превосходную сучковатую палку, которая случилась на этотъ разъ въ моей правой рукѣ. Я мигомъ очутился на той сторонѣ тротуара, мигомъ незваный господинъ понялъ въ чемъ дѣло, припялъ въ соображеніе неотразимый резонъ, замолчалъ, отсталъ и только, когда уже мы были очень далеко, протестовалъ противъ меня въ довольно энергическихъ терминахъ. Но до насъ едва долетали слова его.

— Дайте мнѣ руку, сказалъ я моей незнакомкѣ,—и онъ не посмѣетъ больше къ намъ приставать.

Она молча подала мнѣ свою руку, еще дрожавшую отъ волненія и испуга. О, незванный господинъ! Какъ я благословлялъ тебя въ эту минуту! Я мелькомъ взглянулъ на нее, она была премиленькая и брюнетка—я угадалъ; на ея черныхъ рѣсницахъ еще блестѣли слезинки недавняго испуга, или прежняго горя,—не знаю. Но на губахъ уже сверкала улыбка. Она тоже взглянула на меня украдкой, слегка покраснѣла и потупилась.

— Вотъ видите, зачѣмъ же вы тогда отогнали меня? Если бъ я былъ тутъ, ничего бы не случилось...

— Но я васъ не знала; я думала, что вы тоже...

— А развѣ вы теперь меня знаете?

— Немножко. Вотъ, напримѣръ, отчего вы дрожите?

— О, вы угадали съ перваго раза! отвѣчалъ я въ восторгѣ, что моя дѣвушка умница: это при красотѣ никогда не мѣшаетъ.—Да, вы съ перваго взгляда угадали, съ кѣмъ имѣете дѣло. Точно, я робокъ съ женщинами, я въ волненіи, не спорю, не меньше, какъ были вы минуту назадъ, когда этотъ господинъ испугалъ васъ... Я въ какомъ-то испугѣ теперь. Точно сонъ, а я даже и во снѣ не гадалъ, что когда-нибудь буду говорить хоть съ какой-нибудь женщиной.

— Какъ? Неужели?..

— Да, если рука моя дрожитъ, то это оттого, что никогда еще ее не обхватывала такая хорошенькая маленькая ручка, какъ ваша. Я совсѣмъ отвыкъ отъ женщинъ; то есть я къ нимъ и не привыкалъ никогда; я вѣдь одинъ... Я даже не знаю, какъ говорить съ ними. Вотъ и теперь не знаю — не сказалъ-ли я вамъ какой-нибудь глупости? Скажите мнѣ прямо: предупреждаю васъ, я не обидчивъ...

— Нѣтъ, ничего, ничего; напротивъ. И если уже вы требуете, чтобъ я была откровенна, такъ я вамъ скажу, что женщинамъ нравится такая робость; а если вы хотите знать больше, то и мнѣ она тоже нравится. и я не отгоню васъ отъ себя до самаго дома.

— Вы сдѣлаете со мной, началъ я, задыхаясь отъ восторга, — что я тотчасъ же перестану робѣть и тогда — прощай всѣ мои средства!..

— Средства? Какія средства, къ чему? Вотъ это ужъ дурно.

— Виноватъ, не буду, у меня съ языка сорвалось; но какъ же вы хотите, чтобъ въ такую минуту не было желанія...

— Понравиться, что-ли?

— Ну, да; да будьте, ради Бога, будьте добры. Посудите, кто я! Вѣдь вотъ ужъ мнѣ двадцать шесть лѣтъ, а я никого никогда не видалъ. Ну, какъ же я могу хорошо говорить, ловко и кстати? Вамъ же будетъ выгоднѣе, когда все будетъ открыто, наружу... Я не умѣю молчать, когда сердце во мнѣ говоритъ. Ну, да все равно... Повѣрите-ли, ни одной женщины, никогда, никогда! Никакого знакомства! И только мечтаю каждый день, что, наконецъ-то, когда-нибудь я встрѣчу кого-нибудь. Ахъ, если-бъ вы знали, сколько разъ я былъ влюбленъ такимъ образомъ...

— Но какъ-же, въ кого-же?..

— Да ни въ кого, въ идеалъ, въ ту, которая приснится во снѣ. Я создаю въ мечтахъ цѣлые романы. О, вы меня не знаете! Правда, нельзя же безъ того, я встрѣчалъ двухъ-трехъ женщинъ, но какія онѣ женщины? Это все такія хозяйки, что... Но я васъ насмѣшу, я разскажу вамъ, что нѣсколько разъ думалъ заговорить, такъ, запросто, съ какой-нибудь аристократкой на улицѣ, разумѣется, когда она одна, заговорить, конечно, робко, почтительно, страстно; сказать, что погибаю одинъ, чтобъ она не отгоняла меня, что нѣтъ средства узнать хоть какую-нибудь женщину: внушить ей, что даже въ обязанностяхъ женщины не отвергнуть робкой мольбы такого несчастнаго человѣка какъ я. Что, наконецъ, и все, чего я требую, состоитъ въ томъ только, чтобъ сказать мнѣ какія-нибудь два слова братскія, съ участіемъ, не отогнать меня съ перваго шага, повѣрить мнѣ на-слово, выслушать, что я буду говорить, посмѣяться надо мной, если угодно, обнадежить меня, сказать мнѣ два слова, только два слова, потомъ пусть хоть мы съ ней никогда не встрѣчаемся!.. Но вы смѣетесь... Впрочемъ, я для того и говорю...

— Не досадуйте; я смѣюсь тому, что вы сами себѣ врагъ и если-бъ вы попробовали, то вамъ бы и удалось, можетъ-быть, хоть бы и на улицѣ дѣло было; чѣмъ проще, тѣмъ лучше... Ни одна добрая женщина, если только она не глупа, или особенно не сердита на что-нибудь въ ту минуту, не рѣшилась бы отослать васъ безъ этихъ двухъ словъ, которыхъ вы такъ робко вымаливаете... Впрочемъ, что я! Конечно, приняла-бы васъ за сумасшедшаго. Я вѣдь судила по себѣ. Сама-то я много знаю, какъ люди на свѣтѣ живутъ.

— О, благодарю васъ, закричалъ я, — вы не знаете, что вы для меня теперь сдѣлали!

— Хорошо, хорошо! Но скажите мнѣ, почему вы узнали, что я такая женщина, съ которой... ну, которую вы считали достойной... вниманія и дружбы... Однимъ словомъ, не хозяйка, какъ вы называете. Почему вы рѣшились подойти ко мнѣ?

— Почему? Почему? Но вы были одни, тотъ господинъ былъ слишкомъ смѣлъ, теперь ночь: согласитесь сами, что это обязанность...

— Нѣтъ, нѣтъ, еще прежде, тамъ, на той сторонѣ. Вѣдь вы хотѣли же подойти ко мнѣ?

— Тамъ, на той сторонѣ? Но я, право, не знаю, какъ отвѣчать; я боюсь... Знаете-ли, я сегодня былъ счастливъ: я шелъ, пѣлъ; я былъ за городомъ; со мной еще никогда не бывало такихъ счастливыхъ минутъ. Вы... мнѣ, можетъ-быть, показалось... Ну, простите меня, если я напомню: мнѣ показалось, что вы плакали, и я... я не могъ слышать это... у меня стѣснилось сердце... О, Боже мой! Ну, да неужели же я не могъ потосковать объ васъ? Неужели же былъ грѣхъ почувствовать къ вамъ братское состраданіе?.. Извините, я сказалъ состраданіе... Ну, да, однимъ словомъ, неужели я могъ васъ обидѣть тѣмъ, что невольно вздумалось мнѣ къ вамъ подойти?..

— Оставьте, довольно, не говорите... сказала дѣвушка, потупившись и сжавъ мою руку. — Я сама виновата, что заговорила объ этомъ; но я рада, что не ошиблась въ васъ... Но вотъ уже я дома; мнѣ нужно сюда въ переулокъ; тутъ два шага... Прощайте, благодарю васъ...

— Такъ неужели же, неужели мы больше никогда не увидимся?.. Неужели это такъ и останется?

— Видите-ли, сказала, смѣясь, дѣвушка, — вы хотѣли сначала только двухъ словъ, а теперь... Но, впрочемъ, я вамъ ничего не скажу... Можетъ-быть, встрѣтимся...

— Я приду сюда завтра, сказалъ я.—О, простите меня, я уже требую...

— Да, вы нетерпѣливы... вы почти требуете...

— Послушайте, послушайте! прервалъ я ее.—простите, если я вамъ скажу опять что-нибудь такое... Но вотъ что: я не могу не придти сюда завтра. Я мечтатель; у меня такъ мало дѣйствительной жизни, что я такія минуты, какъ эту, какъ теперь, считаю такъ рѣдко, что не могу не повторять этихъ минутъ въ мечтаньяхъ. Я промечтаю

объ васъ цѣлую ночь, цѣлую недѣлю, весь годъ. Я непремѣнно приду сюда завтра, именно сюда, на это же мѣсто, именно, въ тотъ часъ, и буду счастливъ, припоминая вчерашнее. Ужъ это мѣсто мнѣ мило. У меня уже есть такія два-три мѣста въ Петербургѣ. Я даже одинъ разъ заплакалъ отъ воспоминанія, какъ вы... Почемъ знать, можетъ-быть, и вы, тому назадъ десять минутъ, плакали отъ воспоминанія... Но простите меня, я опять забылся; вы, можетъ-быть, когда-нибудь были здѣсь особенно счастливы...

— Хорошо, сказала дѣвушка,—я, пожалуй, приду сюда завтра, тоже въ десять часовъ. Вижу, что я уже не могу вамъ запретить... Вотъ въ чемъ дѣло, мнѣ нужно быть здѣсь; не подумайте, чтобъ я вамъ назначала свиданіе; я предупреждаю васъ, мнѣ нужно быть здѣсь для себя. Но вотъ... ну, ужъ я вамъ прямо скажу: это будетъ ничего, если и вы придете; во-первыхъ, могутъ быть опять непріятности, какъ сегодня, но это въ сторону... Однимъ словомъ, мнѣ просто хотѣлось бы васъ видѣть... чтобъ сказать вамъ два слова. Только, видите-ли, вы не осудите меня теперь? Не подумайте, что я такъ легко назначаю свиданія... Я бы и не назначила, если-бъ... Но пусть это будетъ моя тайна! Только впередъ уговоръ...

— Уговоръ! Говорите, скажите, скажите все заранѣе; я на все согласенъ, на все готовъ, вскричалъ я въ восторгѣ, — я отвѣчаю за себя — буду послушенъ, почтителенъ... вы меня знаете...

— Именно оттого, что знаю васъ, и приглашаю васъ завтра, сказала, смѣясь, дѣвушка. — Я васъ совершенно знаю. Но смотрите, приходите съ условіемъ; во-первыхъ (только будьте добры, исполните, что я попрошу, — видите-ли, я говорю откровенно), не влюбляйтесь въ меня... Это нельзя, увѣряю васъ. На дружбу я готова, вотъ вамъ рука моя... А влюбиться нельзя, прошу васъ!

— Клянусь вамъ, закричалъ я, схвативъ ея ручку...

— Полноте, не клянитесь, я вѣдь знаю, вы способны вспыхнуть какъ порохъ. Не осуждайте меня, если я такъ говорю. Если-бъ вы знали... У меня тоже никого нѣтъ, съ кѣмъ бы мнѣ можно было слово сказать, у кого бы совѣта спросить. Конечно, не на улицѣ же искать совѣтниковъ, да вы исключеніе. Я васъ такъ знаю, какъ будто уже мы двадцать лѣтъ были друзьями... Не правда-ли, вы не измѣните?..

— Увидите... только я не знаю, какъ ужъ я доживу хотя сутки.

— Спите покрѣпче: доброй ночи — и помните, что я вамъ уже повѣрилась. Но вы такъ хорошо воскликнули давеча, неужели-жъ давать отчетъ въ каждомъ чувствѣ, даже въ братскомъ сочувствіи! Знаете-ли, это было такъ хорошо сказано, что у меня тотчасъ же мелькнула мысль довѣриться вамъ...

— Ради Бога, но въ чемъ? Что?

— До завтра. Пусть это будетъ покамѣстъ тайной. Тѣмъ лучше для васъ: хоть нѣкали будетъ на романъ похоже. Можетъ-быть, я вамъ завтра же скажу, а, можетъ-быть, нѣтъ... Я еще съ вами напередъ поговорю, мы познакомимся лучше...

— О, да я вамъ завтра же все разскажу про себя! Но что это? Точно чудо со мной совершается... Гдѣ я, Боже мой? Ну, скажите, неужели вы недовольны тѣмъ, что не разсердились, какъ бы сдѣлала другая, не отогнали меня въ самомъ началѣ? Двѣ минуты, и вы сдѣлали меня навсегда счастливымъ. Да, счастливымъ; почемъ знать, можетъ-быть, вы меня съ собой помирили, разрѣшили мои сомнѣнія... Можетъ-быть, на меня находятъ такія минуты... Ну, да я вамъ завтра все разскажу, вы все узнаете, все...

— Хорошо, принимаю; вы и начнете...

— Согласенъ.

— До свиданья!

— До свиданья!

И мы разстались. Я ходилъ всю ночь; я не могъ рѣшиться воротиться домой. Я былъ такъ счастливъ... до завтра!

Ночь вторая.

— Ну, вотъ и дожили! сказала она мнѣ, смѣясь и пожимая мнѣ обѣ руки.

— Я здѣсь уже два часа; вы не знаете, что было со мной цѣлый день.

— Знаю, знаю... Но къ дѣлу. Знаете, зачѣмъ я пришла? Вѣдь не вздоръ болтать, какъ вчера. Вотъ что: намъ нужно впередъ умнѣй поступать. Я обо всемъ этомъ вчера долго думала.

— Въ чемъ же, въ чемъ быть умнѣе? Съ моей стороны, я готовъ; но, право, въ жизнь не случалось со мною ничего умнѣе, какъ теперь.

— Въ самомъ дѣлѣ? Во-первыхъ, прошу васъ, не жмите такъ моихъ рукъ; во-вторыхъ, объявляю вамъ, что я объ васъ сегодня долго раздумывала.

— Ну, и чѣмъ же кончилось?

— Чѣмъ кончилось? Кончилось тѣмъ, что нужно все снова начать, потому что въ заключеніе всего я рѣшила сегодня, что вы еще мнѣ совсѣмъ неизвѣстны, что я вчера поступила, какъ ребенокъ, какъ дѣвочка, и, разумѣется, вышло такъ, что всему виновато мое доброе сердце, то есть я похвалила себя, какъ и всегда кончается, когда мы начнемъ свое разбирать. И потому, чтобъ поправить ошибку, я рѣшила разузнать объ васъ самымъ подробнѣйшимъ образомъ. Но такъ какъ разузнавать о васъ не у кого, то вы и должны мнѣ сами все разсказать, всю подноготную. Ну, что вы за человѣкъ? Поскорѣе—начинайте же, разсказывайте свою исторію.

— Исторію! закричалъ я, испугавшись, — исторію! Но кто вамъ сказалъ, что у меня есть моя исторія? У меня нѣтъ исторіи...

— Такъ какъ же вы жили, коли нѣтъ исторіи? перебила она, смѣясь.

— Совершенно безъ всякихъ исторій! Такъ, жилъ, какъ у насъ говорится, самъ по себѣ, то есть одинъ совершенно, — одинъ, одинъ, вполнѣ, — понимаете, что такое одинъ?

— Да какъ одинъ? То есть вы никого никогда не видали?

— О, нѣтъ, видѣть-то вижу, — а все-таки одинъ.

— Что же, вы развѣ не говорите ни съ кѣмъ?

— Въ строгомъ смыслѣ — ни съ кѣмъ.

— Да кто же вы такой, объяснитесь! Постойте, я догадываюсь: у васъ вѣрно есть бабушка, какъ и у меня. Она слѣпая и вотъ уже цѣлую жизнь меня никуда не пускаетъ, такъ что я почти разучилась совсѣмъ говорить. А когда я нашалила тому назадъ года два, такъ она видитъ, что меня не удержишь, взяла, призвала меня, да и пришпилила булавкой мое платье къ своему, — и такъ мы съ тѣхъ поръ и сидимъ по цѣлымъ днямъ; она чулокъ вяжетъ, хоть и слѣпая; а я подлѣ нея сиди, шей или книжку вслухъ ей читай, — такой странный обычай, что вотъ уже два года пришпиленная...

— Ахъ, Боже мой, какое несчастье! Да нѣтъ же, у меня нѣтъ такой бабушки.

— А коль нѣтъ, такъ какъ это вы можете дома сидѣть?..

— Послушайте, вы хотите знать, кто я таковъ?

— Ну, да, да!

— Въ строгомъ смыслѣ слова?

— Въ самомъ строгомъ смыслѣ слова!

— Извольте, я — типъ.

— Типъ, типъ! Какой типъ? закричала дѣвушка, захохотавъ такъ, какъ будто ей цѣлый годъ не удавалось смѣяться.—Да съ вами превесело! Смотрите: вотъ здѣсь есть скамейка; сядемъ! Здѣсь никто не ходитъ, насъ никто не услышитъ, и — начинайте же вашу исторію! Потому что, ужъ вы меня не увѣрите, у васъ есть исторія, а вы только скрываетесь. Во-первыхъ, что это такое типъ?

— Типъ? Типъ, это оригиналъ, это такой смѣшной человѣкъ! отвѣчалъ я, самъ расхохотавшись вслѣдъ за ея дѣтскимъ смѣхомъ. — Это такой характеръ. Слушайте: знаете вы, что такое мечтатель?

— Мечтатель! Позвольте, да какъ не знать? Я сама мечтатель! Иной разъ сидишь подлѣ бабушки и чего-чего въ голову не войдетъ. Ну, вотъ и начнешь мечтать, да такъ раздумаешься—ну, просто за китайскаго принца выхожу... А вѣдь это въ другой разъ и хорошо — мечтать! Нѣтъ, впрочемъ, Богъ знаетъ! Особенно если есть и безъ этого о чемъ думать, прибавила дѣвушка на этотъ разъ довольно серьезно.

— Превосходно! Ужъ коли разъ вы выходили за богдыхана китайскаго, такъ, стало быть, совершенно поймете меня. Ну, слушайте... Но позвольте: вѣдь я еще не знаю, какъ васъ зовутъ?

— Наконецъ-то! Вотъ рано вспомнили!

— Ахъ, Боже мой! Да мнѣ и на умъ не пришло, мнѣ было и такъ хорошо...

— Меня зовутъ—Настенька.

— Настенька! И только?

— Только! Да неужели вамъ мало, ненасытный вы этакой!

— Мало-ли? Много, много, напротивъ, очень много, Настенька, добренькая вы дѣвушка, коли съ перваго разу вы для меня стали Настенькой.

— То-то-же! Ну!

— Ну, вотъ, Настенька, слушайте-ка, какая тутъ выходитъ смѣшная исторія.

Я усѣлся подлѣ нея, принялъ педантски-серьезную позу, и началъ словно по писанному:

— Есть, Настенька, если вы того не знаете, есть въ

Петербургѣ довольно странные уголки. Въ эти мѣста какъ будто не заглядываетъ то же солнце, которое свѣтитъ для всѣхъ петербургскихъ людей, а заглядываетъ какое-то другое, новое, какъ будто нарочно заказанное для этихъ угловъ, и свѣтитъ на все инымъ, особеннымъ свѣтомъ. Въ этихъ углахъ, милая Настенька, выживается какъ будто совсѣмъ другая жизнь, непохожая на ту, которая возлѣ насъ кипитъ, а такая, которая можетъ быть въ тридесятомъ невѣдомомъ царствѣ, а не у насъ, въ наше серьезное-пресерьезное время. Вотъ эта-то жизнь и есть смѣсь чего-то чисто-фантастическаго, горячо-идеальнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ (увы, Настенька!) тускло-прозаичнаго и обыкновеннаго, чтобъ не сказать: до невѣроятности пошлаго.

— Фу! Господи Боже мой! Какое предисловіе! Что-же это я такое услышу?

— Услышите вы, Настенька (мнѣ кажется, я никогда не устану называть васъ Настенькой), услышите вы, что въ этихъ углахъ проживаютъ странные люди—мечтатели. Мечтатель — если нужно его подробное опредѣленіе — не человѣкъ, а знаете, какое-то существо средняго рода. Селится онъ большею частію гдѣ-нибудь въ неприступномъ углу, какъ будто таится въ немъ даже отъ дневного свѣта, и ужъ если заберется къ себѣ, то такъ и прирастетъ къ своему углу, какъ улитка или, по крайней мѣрѣ, онъ очень похожъ въ этомъ отношеніи на то занимательное животное, которое и животное, и домъ вмѣстѣ, которое называется черепахой. Какъ вы думаете, отчего онъ такъ любитъ свои четыре стѣны, выкрашенныя непремѣнно зеленою краскою, закоптѣлыя, унылыя и непозволительно обкуренныя? Зачѣмъ этотъ смѣшной господинъ, когда его приходитъ навѣстить кто-нибудь изъ его рѣдкихъ знакомыхъ (а кончаетъ онъ тѣмъ, что знакомые у него всѣ переводятся), зачѣмъ этотъ смѣшной человѣкъ встрѣчаетъ его такъ скопфузившись, такъ измѣнившись въ лицѣ и въ такомъ замѣшательствѣ, какъ будто онъ только что сдѣлалъ въ своихъ четырехъ стѣнахъ преступленіе; какъ будто онъ фабриковалъ фальшивыя бумажки или какіе-нибудь стишки для отсылки въ журналъ при анонимномъ письмѣ, въ которомъ обозначается, что настоящій поэтъ уже умеръ и что другъ его считаетъ священнымъ долгомъ опубликовать его вирши? Отчего, скажите мнѣ, Настенька, разговоръ такъ не вяжется у этихъ двухъ собесѣдниковъ? Отчего ни смѣхъ, ни какое-нибудь бойкое словцо не сле-

тастъ съ языка внезапно вошедшаго и озадаченнаго пріятеля, который въ другомъ случаѣ очень любитъ и смѣхъ, и бойкое словцо, и разговоры о прекрасномъ полѣ, и другія веселыя темы? Отчего же, наконецъ, этотъ пріятель, вѣроятно, недавній знакомый, и при первомъ визитѣ,—потому что втораго въ такомъ случаѣ уже не будетъ и пріятель другой разъ не придетъ,—отчего самъ пріятель такъ конфузится, такъ костенѣетъ, при всемъ своемъ остроуміи (если только оно есть у него), глядя на опрокинутое лицо хозяина, который въ свою очередь уже совсѣмъ успѣлъ потеряться и сбиться съ послѣдняго толка послѣ исполинскихъ, но тщетныхъ усилій разгладить и унестрить разговоръ, показать, и съ своей стороны, знаніе свѣтскости, тоже заговорить о прекрасномъ полѣ и хоть такою покорностію поправиться бѣдному, не туда попавшему человѣку, который ошибкою пришелъ къ нему въ гости? Отчего, наконецъ, гость вдругъ хватается за шляпу и быстро уходитъ, внезапно вспомнивъ о самонужнѣйшемъ дѣлѣ, котораго никогда не бывало, и кое-какъ высвобождаетъ свою руку изъ жаркихъ пожатій хозяина, всячески старающагося показать свое раскаяніе и поправить потерянное? Отчего уходящій пріятель хохочетъ, выйдя за дверь, тутъ же даетъ самому себѣ слово никогда не приходить къ этому чудаку, хотя этотъ чудакъ въ сущности и превосходнѣйшій малый, и въ то же время никакъ не можетъ отказать своему воображенію въ маленькой прихоти: сравнить, хоть отдаленнымъ образомъ, физіономію своего недавняго собесѣдника во все время свиданія съ видомъ того несчастнаго котеночка, котораго измяли, застращали и всячески обидѣли дѣти, вѣроломно захвативъ его въ плѣнъ, сконфузили въ прахъ, который забился, наконецъ, отъ пихъ подъ стулъ, въ темноту, и тамъ цѣлый часъ на досугѣ принужденъ ощетиниваться, отфыркиваться и мыть свое обиженное рыльце обѣими лапами и долго еще послѣ того враждебно взирать на природу и жизнь и даже на подачку съ господскаго обѣда, припасенную для него сострадательною ключницею?

— Послушайте, перебила Настенька, которая все время слушала меня въ удивленіи, открывъ глаза и ротикъ,—послушайте: я совершенно не знаю, отчего все это произошло и почему именно вы мнѣ предлагаете такіе смѣшные вопросы: но что я знаю навѣрно, такъ то, что всѣ эти приключенія случились непремѣнно съ вами, отъ слова до слова

— Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ я съ самою серьезной миной.

— Ну, коли безъ сомнѣнія, такъ продолжайте, отвѣтила Настенька, — потому что мнѣ очень хочется знать, чѣмъ это кончится.

— Вы хотите знать, Настенька, что̀ такое дѣлалъ въ своемъ углу нашъ герой, или, лучше сказать, я, потому что герой всего дѣла — я, своей собственной, скромной особой; вы хотите знать, отчего я такъ переполошился и потерялся на цѣлый день отъ неожиданнаго визита пріятеля? Вы хотите знать, отчего я такъ вспорхнулся, такъ покраснѣлъ, когда отворили дверь въ мою комнату, почему я не умѣлъ принять гостя и такъ постыдно погибъ подъ тяжестью собственнаго гостепріимства?

— Ну да, да! отвѣчала Настенька,—въ этомъ и дѣло. Послушайте: вы прекрасно разсказываете, но нельзя-ли разсказывать какъ-нибудь не такъ прекрасно? А то вы говорите, точно книгу читаете.

— Настенька! отвѣчалъ я важнымъ и строгимъ голосомъ, едва удерживаясь отъ смѣха,—милая Настенька, я знаю, что я разсказываю прекрасно, но—виноватъ, иначе я разсказывать не умѣю. Теперь, милая Настенька, теперь я похожъ на духъ царя Соломона, который былъ тысячу лѣтъ въ кубышкѣ, подъ семью печатями, и съ котораго, наконецъ, сняли всѣ эти семь печатей. Теперь, милая Настенька, когда мы сошлись опять послѣ такой долгой разлуки,—потому что я васъ давно уже зналъ, Настенька, потому что я уже давно кого-то искалъ, а это знакъ, что я искалъ именно васъ, и что намъ было суждено теперь свидѣться,—теперь въ моей головѣ открылись тысячи клапановъ, и я долженъ пролиться рѣкою словъ, не то я задохнусь. Итакъ, прошу не перебивать меня, Настенька, а слушать покорно и послушно; иначе—я замолчу.

— Ни-ни-ни! Никакъ! Говорите! Теперь я не скажу ни слова!

— Продолжаю: есть, другъ мой Настенька, въ моемъ днѣ одинъ часъ, который я чрезвычайно люблю. Это тотъ самый часъ, когда кончаются почти всякія дѣла, должности и обязательства, и всѣ спѣшатъ по домамъ пообѣдать, прилечь отдохнуть, и тутъ же, въ дорогѣ, изобрѣтаютъ и другія веселыя темы, касающіяся вечера, ночи и всего остающагося свободнаго времени. Въ этотъ часъ и нашъ герой, — потому что ужъ позвольте мнѣ, Настенька, разсказывать въ третьемъ лицѣ, затѣмъ, что въ первомъ лицѣ

все это ужасно стыдно разсказывать, — и такъ, въ этотъ часъ и нашъ герой, который тоже былъ не безъ дѣла, шагаетъ за прочими. Но странное чувство удовольствія играетъ на его блѣдномъ, какъ будто нѣсколько измятомъ лицѣ. Неравнодушно смотритъ онъ на вечернюю зорю, которая медленно гаснетъ на холодномъ петербургскомъ небѣ. Когда я говорю — смотритъ, такъ я лгу: онъ не смотритъ, но созерцаетъ какъ-то безотчетно, какъ будто усталый или занятый въ то же время какимъ-нибудь другимъ, болѣе интереснымъ предметомъ, такъ что развѣ только мелькомъ, почти невольно, можетъ удѣлить время на все окружающее. Онъ доволенъ, потому что покончилъ до завтра съ досадными для него *дѣлами*, и радъ, какъ школьникъ, котораго выпустили съ классной скамьи къ любимымъ играмъ и шалостямъ. Посмотрите на него сбоку, Настенька; вы тотчасъ увидите, что радостное чувство уже счастливо подѣйствовало на его слабые нервы и болѣзненно-раздраженную фантазію. Вотъ онъ о чемъ-то задумался... Вы думаете объ обѣдѣ? О сегодняшнемъ вечерѣ? На что онъ такъ смотритъ? На этого-ли господина солидной наружности, который такъ картинно поклонился дамѣ, прокатившейся мимо него на рѣзвоногихъ коняхъ, въ блестящей каретѣ? Нѣтъ, Настенька, что ему теперь до всей этой мелочи! Онъ теперь уже богатъ *своею особенною* жизнью; онъ какъ-то вдругъ сталъ богатымъ, и прощальный лучъ потухающаго солнца не напрасно такъ весело сверкнулъ передъ нимъ и вызвалъ изъ согрѣтаго сердца цѣлый рой впечатлѣній. Теперь онъ едва замѣчаетъ ту дорогу, на которой прежде самая мелкая мелочь могла поразить его. Теперь „богиня фантазіи“ (если вы читали Жуковскаго, милая Настенька) уже заткала прихотливою рукою свою золотую основу и пошла развивать передъ нимъ узоры небывалой, причудливой жизни—и, кто знаетъ, можетъ, перенесла его прихотливой рукою на сѣдьмое хрустальное небо съ превосходнаго гранитнаго тротуара, по которому онъ идетъ во-своясн. Попробуйте остановить его теперь, спросите его вдругъ: гдѣ онъ теперь стоитъ, по какимъ улицамъ шелъ? — онъ навѣрно бы ничего не припомнилъ, ни того, гдѣ ходилъ, ни того, гдѣ стоялъ теперь, и, покраснѣвъ съ досады, непремѣнно солгалъ бы что-нибудь для спасенія приличій. Вотъ почему онъ такъ вздрогнулъ, чуть не закричалъ и съ испугомъ оглядѣлся кругомъ, когда одна очень почтенная старушка учтиво

остановила его посреди тротуара и стала разспрашивать его о дорогѣ, которую она потеряла. Нахмурясь съ досады, шагаетъ онъ дальше, едва замѣчая, что не одинъ прохожій улыбнулся, на него глядя, и обратился ему вслѣдъ, и что какая-нибудь маленькая дѣвочка, боязливо уступившая ему дорогу, громко засмѣялась, посмотрѣвъ во всѣ глаза на его широкую созерцательную улыбку и жесты руками. Но все та же фантазія подхватила на своемъ игривомъ полетѣ и старушку, и любопытныхъ прохожихъ, и смѣющуюся дѣвочку, и мужичковъ, которые тутъ же вечеряютъ на своихъ баркахъ, запрудившихъ Фонтанку (положимъ, въ это время по ней проходилъ нашъ герой), заткала шаловливо всѣхъ и все въ свою канву, какъ мухъ въ паутину, и съ новымъ пріобрѣтеніемъ чудакъ уже вошелъ къ себѣ въ отрадную норку, уже сѣлъ за обѣдъ, уже давно отобѣдалъ и очнулся только тогда, когда задумчивая и вѣчно-печальная Матрена, которая ему прислуживаетъ, уже все прибрала со стола и подала ему трубку, очнулся, и съ удивленіемъ вспомнилъ, что онъ уже совсѣмъ пообѣдалъ, рѣшительно проглядѣвъ, какъ это сдѣлалось. Въ комнатѣ потемнѣло; на душѣ его пусто и грустно; цѣлое царство мечтаній рушилось вокругъ него, рушилось безъ слѣда, безъ шума и треска, пронеслось какъ сновидѣніе, а онъ и самъ не помнитъ, что́ ему грезилось. Но какое-то темное ощущеніе, отъ котораго слегка заныла и волнуется грудь его, какое-то новое желаніе соблазнительно щекочетъ и раздражаетъ его фантазію и незамѣтно сзываетъ цѣлый рой новыхъ призраковъ. Въ маленькой комнатѣ царствуетъ тишина; уединеніе и лѣнь нѣжатъ воображеніе; оно воспламеняется слегка, слегка закипаетъ, какъ вода въ кофейникѣ старой Матрены, которая безмятежно возится рядомъ, въ кухнѣ, стряпая свой кухарочный кофе. Вотъ оно уже слегка прорывается вспышками, вотъ уже и книга, взятая безъ цѣли и наудачу, выпадаетъ изъ рукъ моего мечтателя, недошедшаго и до третьей страницы. Воображеніе его снова настроено, возбуждено, и вдругъ опять новый міръ, новая, очаровательная жизнь блеснула передъ нимъ въ блестящей своей перспективѣ. Новый сонъ—новое счастіе! Новый пріемъ утонченнаго, сладостнаго яда! О, что́ ему въ нашей дѣйствительной жизни! На его подкупленный взглядъ мы съ вами, Настенька, живемъ такъ лѣниво, медленно, вяло; на его взглядъ мы всѣ такъ недовольны нашею судьбою, такъ

томимся нашею жизнью! Да и вправду, смотрите, въ самомъ дѣлѣ, какъ на первый взглядъ все между нами холодно, угрюмо, точно сердито... Бѣдные! думаетъ мой мечтатель. Да и не диво, что думаетъ! Посмотрите на эти волшебные призраки, которые такъ очаровательно, такъ прихотливо, такъ безбрежно и широко слагаются передъ нимъ въ такой волшебной, одушевленной картинѣ, гдѣ на первомъ планѣ, первымъ лицомъ, ужъ конечно, онъ самъ, нашъ мечтатель, своею дорогою особою. Посмотрите, какія разнообразныя приключенія, какой безконечный рой восторженныхъ грёзъ. Вы спросите, можетъ быть, о чемъ онъ мечтаетъ? Къ чему это спрашивать? да обо всемъ... объ роли поэта, сначала непризнаннаго, а потомъ увѣнчаннаго; о дружбѣ съ Гофманомъ, Варѳоломеевская ночь, Діана Вернонъ, героическая роль при взятіи Казани Иваномъ Васильевичемъ, Клара Мовбрай, Евфія Депсъ, соборъ прелатовъ и Гуссъ передъ ними, возстаніе мертвецовъ въ Робертѣ (помните музыку? Кладбищемъ пахнетъ!), Минна и Бренда, сраженіе при Березинѣ, чтеніе поэмы у графини В—й Д—й, Дантонъ, Клеопатра ei suoi amanti, домикъ въ Коломнѣ, свой уголокъ, а подлѣ милое созданіе, которое слушаетъ васъ, въ зимній вечеръ, раскрывъ ротикъ и глазки, какъ слушаете вы теперь меня, мой маленькій ангельчикъ... Нѣтъ, Настенька, что̀ ему, что̀ ему, сладострастному лѣнивцу, въ той жизни, въ которую намъ такъ хочется съ вами? Онъ думаетъ, что это бѣдная, жалкая жизнь, не предугадывая, что и для него, можетъ быть, когда-нибудь пробьетъ грустный часъ, когда онъ за одинъ день этой жалкой жизни отдастъ всѣ свои фантастическіе годы, и еще не за радость, не за счастіе отдастъ, и выбирать не захочетъ въ тотъ часъ грусти, раскаянія и невозвраннаго горя. Но покамѣсть еще не настало оно, это грозное время — онъ ничего не желаетъ, потому что онъ выше желаній, потому что съ нимъ все, потому что онъ пресыщенъ, потому что онъ самъ художникъ своей жизни и творитъ ее себѣ каждый часъ по новому произволу. И вѣдь такъ легко, такъ натурально создается этотъ сказочный фантастическій міръ! Какъ будто и впрямь все это не призракъ! Право, вѣрить готовъ въ иную минуту, что вся эта жизнь не возбужденіе чувства, не [illegible]ражъ, не обманъ воображенія, а что это и впрямь дѣйствительное, настоящее, сущее! Отчего-жъ, скажите, Настенька, отчего же въ такія минуты стѣсняется

духъ? Отчего же, какимъ-то волшебствомъ, по какому-то невѣдомому произволу, ускоряется пульсъ, брызжутъ слезы изъ глазъ мечтателя, горятъ его блѣдныя, увлаженныя щеки, и такой неотразимой отрадой наполняется все существованіе его? Отчего же цѣлыя безсонныя ночи проходятъ какъ одинъ мигъ, въ неистощимомъ веселіи и счастіи, и когда заря блеснетъ розовымъ лучемъ въ окна и разсвѣтъ освѣтитъ угрюмую комнату своимъ сомнительнымъ фантастическимъ свѣтомъ, какъ у насъ, въ Петербургѣ, нашъ мечтатель, утомленный, измученный, бросается въ постель и засыпаетъ въ замираніяхъ отъ восторга своего болѣзненно-потрясеннаго духа и съ такою томительно-сладкою болью въ сердцѣ? Да, Настенька, обманешься и невольно вчужѣ повѣришь, что страсть настоящая, истинная волнуетъ душу его, невольно повѣришь, что есть живое, осязаемое въ его безплотныхъ грёзахъ! И вѣдь какой обманъ—вотъ, напримѣръ, любовь сошла въ его грудь со всею неистощимою радостью, со всѣми томительными мученіями... Только взгляните на него, и убѣдитесь! Вѣрите-ли вы, на него глядя, милая Настенька, что, дѣйствительно, онъ никогда не зналъ той, которую онъ такъ любилъ въ своемъ изступленномъ мечтаніи? Неужели онъ только и видѣлъ ее въ однихъ обольстительныхъ призракахъ, и только лишь снилась ему эта страсть. Неужели и впрямь не прошли они рука въ руку столько годовъ своей жизни—одни, вдвоемъ, отбросивъ весь міръ и соединивъ каждый свой міръ, свою жизнь съ жизнью друга? Неужели не она, въ поздній часъ, когда настала разлука, не она лежала, рыдая и тоскуя, на груди его, не слыша бури, разыгравшейся подъ суровымъ небомъ, не слыша вѣтра, который срывалъ и уносилъ слезы съ черныхъ рѣсницъ ея? Неужели все это была мечта—и этотъ садъ, унылый, заброшенный и дикій, съ дорожками, заросшими мхомъ, уединенный, угрюмый, гдѣ они такъ часто ходили вдвоемъ, надѣялись, тосковали, любили, любили другъ друга такъ долго, „такъ долго и нѣжно!“ И этотъ странный, прадѣдовскій домъ, въ которомъ жила она столько времени уединенно и грустно, съ старымъ, угрюмымъ мужемъ, вѣчно-молчаливымъ и желчнымъ, пугавшимъ ихъ, робкихъ какъ дѣтей, уныло и боязливо таившихъ другъ отъ друга любовь свою? Какъ они мучились, какъ боялись они, какъ невинна, чиста была ихъ любовь, и какъ (ужъ, разумѣется, Настенька)

злы были люди! И, Боже мой, неужели не ее встрѣтилъ онъ потомъ, далеко отъ береговъ своей родины, подъ чужимъ небомъ, полуденнымъ, жаркимъ, въ дивно вѣчномъ городѣ, въ блескѣ бала, при громѣ музыки, въ палаццо (непремѣнно въ палаццо), потонувшемъ въ морѣ огней, на этомъ балконѣ, увитомъ миртомъ и розами, гдѣ она, узнавъ его, такъ посмѣшно сняла свою маску, и, прошептавъ: „я свободна", задрожавъ, бросилась въ его объятія, и, вскрикнувъ отъ восторга, прижавшись другъ къ другу, они въ одинъ мигъ забыли и горе, и разлуку, и всѣ мученія, и угрюмый домъ, и старика, и мрачный садъ въ далекой родинѣ, и скамейку, на которой, съ послѣднимъ страстнымъ поцѣлуемъ, она вырвалась изъ занѣмѣвшихъ въ отчаянной мукѣ объятій его... О, согласитесь, Наденька, что вспорхнешься, смутишься и покраснѣешь какъ школьникъ, только что запихавшій въ карманъ украденное изъ сосѣдняго сада яблоко, когда какой-нибудь длинный, здоровый парень, весельчакъ и балагуръ, вашъ незваный пріятель, отворитъ вашу дверь и крикнетъ, какъ будто ничего не бывало: „а я, братъ, сію минуту изъ Павловска!" Боже мой! Старый графъ умеръ, настаетъ неизреченное счастіе,—а тутъ люди пріѣзжаютъ изъ Павловска!

Я патетически замолчалъ, кончивъ мои патетическіе возгласы. Помню, что мнѣ ужасно хотѣлось какъ-нибудь черезъ силу захохотать, потому что я уже чувствовалъ, что во мнѣ зашевелился какой-то враждебный бѣсенокъ, что мнѣ уже начинало захватывать горло, подергивать подбородокъ, и что все болѣе и болѣе влажнѣли глаза мои...

Я ожидалъ, что Настенька, которая слушала меня открывъ свои умные глазки, захохочетъ всѣмъ своимъ дѣтскимъ, неудержимо-веселымъ смѣхомъ, и уже раскаивался, что зашелъ далеко, что напрасно разсказалъ то, что уже давно накипѣло въ моемъ сердцѣ, о чемъ я могъ говорить какъ по писанному, потому что уже давно приготовилъ я надъ самимъ собой приговоръ, и теперь не удержался, чтобъ не прочесть его, признаться, не ожидая, что меня поймутъ; но, къ удивленію моему, она промолчала, погодя немного, слегка пожала мнѣ руку и съ какимъ-то робкимъ участіемъ спросила:

— Неужели и въ самомъ дѣлѣ вы такъ прожили всю свою жизнь?

— Всю жизнь, Настенька, отвѣчалъ я.—Всю жизнь, и, кажется, такъ и окончу!

— Нѣтъ, этого нельзя, сказала она безпокойно,—этого не будетъ; этакъ, пожалуй, и я проживу всю жизнь подлѣ бабушки. Послушайте, знаете ли, что это вовсе не хорошо такъ жить?

— Знаю, Настенька, знаю! вскричалъ я, не удерживая болѣе своего чувства. — И теперь знаю больше, чѣмъ когда-нибудь, что я даромъ потерялъ всѣ свои лучшіе годы! Теперь это я знаю, и чувствую больнѣе отъ такого сознанія, потому что самъ Богъ послалъ мнѣ васъ, моего добраго ангела, чтобъ сказать мнѣ это и доказать. Теперь, когда я сижу подлѣ васъ и говорю съ вами, мнѣ ужъ и странно подумать о будущемъ, потому что въ будущемъ,— опять одиночество, опять эта затхлая, ненужная жизнь; и о чемъ мечтать будетъ мнѣ, когда я уже на-яву подлѣ васъ былъ такъ счастливъ! О, будьте благословенны вы, милая дѣвушка, за то, что не отвергли меня съ перваго раза, за то, что уже я могу сказать, что я жилъ хоть два вечера въ моей жизни!

— Охъ, нѣтъ, нѣтъ! закричала Настенька, и слезинки заблистали на глазахъ ея.—Нѣтъ, такъ не будетъ больше; мы такъ не разстанемся! Что такое два вечера!

— Охъ, Настенька, Настенька! Знаете-ли, какъ надолго вы примирили меня съ самимъ собою? Знаете-ли, что уже я теперь не буду о себѣ думать такъ худо, какъ думалъ въ иныя минуты? Знаете-ли, что уже я, можетъ быть, не буду болѣе тосковать о томъ, что сдѣлалъ преступленіе и грѣхъ въ моей жизни, потому что такая жизнь есть преступленіе и грѣхъ? И не думайте, чтобъ я вамъ преувеличивалъ что-нибудь, ради Бога не думайте этого, Настенька, потому что на меня иногда находятъ минуты такой тоски, такой тоски... Потому что мнѣ уже начинаетъ казаться въ эти минуты, что я никогда не способенъ начать жизнь настоящею жизнію, потому что мнѣ уже казалось, что я потерялъ всякій тактъ, всякое чутье въ настоящемъ, дѣйствительномъ; потому что, наконецъ, я проклиналъ самъ себя; потому что послѣ моихъ фантастическихъ ночей, на меня уже находятъ минуты отрезвленія, которыя ужасны! Между тѣмъ слышишь, какъ кругомъ тебя гремитъ и кружится въ жизненномъ вихрѣ людская толпа, слышишь, видишь, какъ живутъ люди—живутъ на-яву, видишь, что жизнь для нихъ не

заказана, что ихъ жизнь не разлетится какъ сонъ, какъ видѣніе, что ихъ жизнь вѣчно обновляющаяся, вѣчно юная, и ни одинъ часъ ея не похожъ на другой, тогда какъ унылая и до пошлости однообразна пугливая фантазія, раба тѣни, идеи, раба перваго облака, которое внезапно застелетъ солнце и сожметъ тоскою настоящее петербургское сердце, которое такъ дорожитъ своимъ солнцемъ,—а ужъ въ тоскѣ какая фантазія! Чувствуешь, что она, наконецъ, устаетъ, истощается въ вѣчномъ напряженіи, эта *настоящимія* фантазія, потому что вѣдь жизнь, выживаешь изъ прежнихъ своихъ идеаловъ: они разбиваются въ пыль, въ обломки; если-жъ нѣтъ другой жизни, такъ приходится строить ее изъ этихъ же обломковъ. А между тѣмъ чего-то другого проситъ и хочетъ душа! И напрасно мечтатель роется, какъ въ золѣ, въ своихъ старыхъ мечтаніяхъ, ища въ этой золѣ хоть какой-нибудь искорки, чтобъ раздуть ее, возобновленнымъ огнемъ прогрѣть похолодѣвшее сердце и воскресить въ немъ все, что было прежде такъ мило, что трогало душу, что кипятило кровь, что вырывало слезы изъ глазъ и такъ роскошно обманывало! Знаете-ли, Настенька, до чего я дошелъ? Знаете-ли, что я уже принужденъ справлять годовщину своихъ ощущеній, годовщину того, что было прежде такъ мило, чего въ сущности никогда не бывало, — потому что эта годовщина справляется все по тѣмъ же глупымъ, безплотнымъ мечтаніямъ,—я дѣлать это, потому что и этихъ-то глупыхъ мечтаній нѣтъ, затѣмъ, что нечѣмъ ихъ выжить: вѣдь и мечты выживаются! Знаете-ли, что я люблю теперь припомнить и посѣтить въ извѣстный срокъ тѣ мѣста, гдѣ былъ счастливъ когда-то по-своему, люблю построить свое настоящее подъ ладъ уже безвозвратно-прошедшему, и часто брожу, какъ тѣнь, безъ нужды и безъ цѣли, уныло и грустно, по петербургскимъ закоулкамъ и улицамъ. Какія все воспоминанія! Припоминается, напримѣръ, что вотъ здѣсь, ровно годъ тому назадъ, ровно въ это же время, въ этотъ же часъ, по этому же тротуару, бродилъ такъ же одиноко, такъ же уныло, какъ и теперь! И припоминаешь, что и тогда мечты были грустны, и хоть и прежде было не лучше, но все какъ-то чувствуешь, что какъ будто и лучше, и покойнѣе было жить, что не было этой черной думы, которая теперь привязалась ко мнѣ: что не было этихъ угрызеній совѣсти, угрызеній мрачныхъ, угрюмыхъ,

которыя ни днемъ, ни ночью теперь не даютъ покоя. И спрашиваешь себя: гдѣ же мечты твои? И покачиваешь головою, говоришь: какъ быстро летятъ годы! И опять спрашиваешь себя: что же ты сдѣлалъ со своими годами? Куда ты схоронилъ свое лучшее время? Ты жилъ или нѣтъ? Смотри, говоришь себѣ, смотри, какъ на свѣтѣ становится холодно. Еще пройдутъ годы, и за ними придетъ угрюмое одиночество, придетъ съ клюкой трясучая старость, а за ними тоска и уныніе. Поблѣднѣетъ твой фантастическій міръ, замрутъ, увянутъ мечты твои и осыплются какъ желтые листья съ деревьевъ... О, Настенька! Вѣдь грустно будетъ оставаться одному, одному совершенно, и даже не имѣть чего пожалѣть—ничего, ровно ничего... потому что все, что потерялъ-то, все это, все было ничто, глупый, круглый нуль, было одно лишь мечтанье!

— Ну, не разжалобливайте меня больше! проговорила Настенька, утирая слезинку, которая выкатилась изъ глазъ ея.—Теперь кончено! Теперь мы будемъ вдвоемъ; теперь что ни случись со мной, ужъ мы никогда не разстанемся. Послушайте. Я простая дѣвушка, я мало училась, хотя мнѣ бабушка и нанимала учителя, но, право, я васъ понимаю, потому что все, что вы мнѣ пересказали теперь, я ужъ сама прожила, когда бабушка меня пришпилила къ платью. Конечно, я-бы такъ не разсказала хорошо, какъ вы разсказали, я не училась,—робко прибавила она, потому что все еще чувствовала какое-то уваженіе къ моей патетической рѣчи и къ моему высокому слогу,—но я очень рада, что вы совершенно открылись мнѣ. Теперь я васъ знаю, совсѣмъ, всего знаю. И знаете что? Я вамъ хочу разсказать и свою исторію, всю безъ утайки, а вы мнѣ послѣ за то дадите совѣтъ. Вы очень умный человѣкъ; обѣщаетесь-ли вы, что вы дадите мнѣ этотъ совѣтъ?

— Ахъ, Настенька, отвѣчалъ я,—я хоть и никогда не былъ совѣтникомъ, и тѣмъ болѣе умнымъ совѣтникомъ, но теперь вижу, что если мы всегда будемъ такъ жить, то это будетъ какъ-то очень умно, и каждый другъ другу падастъ премного умныхъ совѣтовъ! Ну, хорошенькая моя Настенька, какой же вамъ совѣтъ? Говорите мнѣ прямо; я теперь такъ веселъ, счастливъ, смѣлъ и уменъ, что за словомъ не полѣзу въ карманъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! перебила Настенька, засмѣявшись.—

Мнѣ нуженъ не одинъ умный совѣтъ, мнѣ нуженъ совѣтъ сердечный, братскій, такъ, какъ бы вы уже вѣкъ свой любили меня!

— Идетъ, Настенька, идетъ! закричалъ я въ восторгѣ.— И если-бъ я уже двадцать лѣтъ васъ любилъ, то все-таки не любилъ бы сильнѣе теперешняго!

— Руку вашу! сказала Настенька.

— Вотъ она! сказалъ я, подавая ей руку.

— Итакъ, начнемте мою исторію!

Исторія Настеньки.

— Половину исторіи вы уже знаете, то-есть вы знаете, что у меня есть старая бабушка...

— Если другая половина такъ же недолга, какъ и эта... перебилъ было я, засмѣявшись.

— Молчите и слушайте. Прежде всего уговоръ: не перебивать меня, а не то я, пожалуй, собьюсь. Ну, слушайте же смирно.

— Есть у меня старая бабушка. Я къ ней попала еще очень маленькой дѣвочкой, потому что у меня умерли и мать, и отецъ. Надо думать, что бабушка была прежде богаче, потому что и теперь вспоминаетъ о лучшихъ дняхъ. Она же меня выучила по-французски, и потомъ наняла мнѣ учителя. Когда мнѣ было пятнадцать лѣтъ (а теперь мнѣ семнадцать), учиться мы кончили. Вотъ въ это время я и нашалила; ужъ что я сдѣлала—я вамъ не скажу; довольно того, что проступокъ былъ небольшой. Только бабушка подозвала меня къ себѣ въ одно утро и сказала, что такъ какъ она слѣпа, то за мной не усмотритъ, взяла булавку и пришпилила мое платье къ своему, да тутъ и сказала, что такъ мы будемъ всю жизнь сидѣть, если, разумѣется, я не сдѣлаюсь лучше. Однимъ словомъ, въ первое время отойти никакъ нельзя было: и работай, и читай, и учись—все подлѣ бабушки. Я было попробовала схитрить одинъ разъ, и уговорила сѣсть на мое мѣсто Оекл у. Оекла—наша работница, она глуха. Оекла сѣла вмѣсто меня; бабушка въ это время заснула въ креслахъ, а я отправилась недалеко къ подругѣ. Ну, худо и кончилось. Бабушка безъ меня проснулась и о чемъ-то спросила, думая, что я все еще сижу смирно на мѣстѣ. Оекла-то видитъ, что бабушка спрашиваетъ, а сама не слышитъ про что, думала, думала, что ей дѣлать, отстегнула булавку, да и пустилась бѣжать...

Тутъ Настенька остановилась и начала хохотать. Я засмѣялся вмѣстѣ съ нею. Она тотчасъ же перестала.

— Послушайте, вы не смѣйтесь надъ бабушкой. Это я смѣюсь оттого, что смѣшно... Что же дѣлать, когда бабушка, право, такая, а только я ее все-таки немножко люблю. Ну, да тогда и досталось мнѣ: тотчасъ меня опять посадили на мѣсто и ужъ ни-ни, шевельнуться было нельзя.

„Ну-съ, я вамъ еще позабыла сказать, что у насъ, то-есть, у бабушки, свой домъ, то-есть маленькій домикъ, всего три окна, совсѣмъ деревянный и такой же старый, какъ бабушка, а наверху мезонинъ; вотъ и переѣхалъ къ намъ въ мезонинъ новый жилецъ...“

— Стало-быть, былъ и старый жилецъ? замѣтилъ я мимоходомъ.

— Ужъ, конечно, былъ, отвѣчала Настенька,—и который умѣлъ молчать лучше васъ. Правда, ужъ онъ едва языкомъ ворочалъ. Это былъ старичокъ, сухой, нѣмой, слѣпой, хромой, такъ что, наконецъ, ему стало нельзя жить на свѣтѣ, онъ и умеръ: а затѣмъ и понадобился новый жилецъ, потому что намъ безъ жильца жить нельзя, это съ бабушкинымъ пенсіономъ почти весь нашъ доходъ. Новый жилецъ какъ нарочно былъ молодой человѣкъ, не здѣшній, заѣзжій. Такъ какъ онъ не торговался, то бабушка и пустила его, а потомъ и спрашиваетъ: „что, Настенька, нашъ жилецъ молодой или нѣтъ?“ Я солгать не хотѣла: такъ, говорю, бабушка, не то, чтобъ совсѣмъ молодой, а такъ, не старикъ.

„— Ну, и пріятной наружности? спрашиваетъ бабушка.

„Я опять лгать не хочу. Да, пріятной, говорю, наружности, бабушка! А бабушка говоритъ: „Ахъ! Наказанье, наказанье! Я это, внучка, тебѣ для того говорю, чтобъ ты на него не засматривалась. Экой вѣкъ какой! Поди, такой мелкій жилецъ, а вѣдь тоже пріятной наружности: не то въ старину!“

„А бабушкѣ все бы въ старину! И моложе-то она была въ старину, и солнце-то было въ старину теплѣе, и сливки въ старину не такъ скоро кисли,—все въ старину! Вотъ я сижу и молчу, а про себя думаю: что же это бабушка сама меня надоумливаетъ, спрашиваетъ, хорошъ-ли, молодъ-ли жилецъ? Да только, такъ только подумала, и тутъ же стала опять петли считать, чулокъ вязать, а потомъ совсѣмъ позабыла.

„Вотъ разъ, поутру, къ намъ и приходитъ жилецъ, спросить о томъ, что ему комнату обѣщали обоими оклеить. Слово за слово, бабушка же болтлива, и говоритъ: „сходи, Настенька, ко мнѣ въ спальню: принеси счеты". Я тотчасъ же вскочила, вся, не знаю отчего, покраснѣла, да и позабыла, что сижу пришпиленная; нѣтъ, чтобъ тихонько отшпилить, чтобъ жилецъ не видалъ, — рванулась такъ, что бабушкино кресло поѣхало. Какъ я увидѣла, что жилецъ все теперь узналъ про меня, покраснѣла, стала на мѣстѣ какъ вкопанная, да вдругъ и заплакала, — такъ стыдно и горько стало въ эту минуту, что хоть на свѣтъ не глядѣть! Бабушка кричитъ: что-жъ ты стоишь? А я еще пуще... Жилецъ какъ увидѣлъ, увидѣлъ, что мнѣ его стыдно стало, откланялся и тотчасъ ушелъ!

„Съ тѣхъ поръ я, чуть шумъ въ сѣняхъ, какъ мертвая. Вотъ, думаю, жилецъ идетъ, да потихоньку, на всякій случай, и отшпилю булавку. Только все былъ не онъ, не приходилъ. Прошло двѣ недѣли: жилецъ и присылаетъ сказать съ Ѳеклой, что у него книгъ много французскихъ, и что все хорошія книги, такъ что можно читать, такъ не хочетъ-ли бабушка, чтобъ я ихъ ей почитала, чтобъ не было скучно? Бабушка согласилась съ благодарностью, только все спрашивала, нравственныя книги или нѣтъ, потому что если книги безнравственныя, такъ тебѣ, говоритъ, Настенька, читать никакъ нельзя, ты дурному научишься.

„— А чему-жъ научусь, бабушка? Что тамъ написано?

„— А, говоритъ, описано въ нихъ, какъ молодые люди соблазняютъ благонравныхъ дѣвицъ, какъ они, подъ предлогомъ того, что хотятъ ихъ взять за себя, увозятъ ихъ изъ дому родительскаго, какъ потомъ оставляютъ этихъ несчастныхъ дѣвицъ на волю судьбы и онѣ погибаютъ самымъ плачевнымъ образомъ. „Я, говоритъ бабушка,— много такихъ книжекъ читала, и все, говоритъ, такъ прекрасно описано, что ночь сидишь, тихонько читаешь. Такъ ты, говоритъ, Настенька, смотри, ихъ не прочти. Какихъ это, говоритъ, онъ книгъ прислалъ?"

„— А все Вальтера Скотта романы, бабушка.

„— Вальтера Скотта романы! А полно, нѣтъ-ли тутъ какихъ-нибудь шашней? Посмотри-ка, не положилъ-ли онъ въ нихъ какой-нибудь любовной записочки?

„— Нѣтъ, говорю, бабушка, нѣтъ записки.

„— Да ты подъ переплетомъ посмотри; они иногда въ переплетъ запихаютъ, разбойники!..

„— Нѣтъ, бабушка, и подъ переплетомъ нѣтъ ничего.

„— Ну, то-то же!

„Вотъ мы и начали читать Вальтеръ Скотта и въ какой-нибудь мѣсяцъ почти половину прочли. Потомъ онъ еще и еще присылалъ. Пушкина присылалъ, такъ что, наконецъ, я безъ книгъ и быть не могла и перестала думать: какъ бы выйти за китайскаго принца.

„Такъ было дѣло, когда одинъ разъ мнѣ случилось повстрѣчаться съ нашимъ жильцомъ на лѣстницѣ. Бабушка зачѣмъ-то послала меня. Онъ остановился, я покраснѣла, и онъ покраснѣлъ; однако, засмѣялся, поздоровался, о бабушкиномъ здоровьѣ спросилъ и говоритъ: „что, вы книги прочли?“ Я отвѣчала: „прочла“. „Что же, говоритъ, вамъ больше понравилось?“ Я и говорю: „Ивангое да Пушкинъ больше всѣхъ понравились?“ На этотъ разъ тѣмъ и кончилось.

„Черезъ недѣлю я ему опять попалась на лѣстницѣ. Въ этотъ разъ бабушка не посылала, а мнѣ самой надо было зачѣмъ-то. Былъ третій часъ, а жилецъ въ это время домой приходилъ. „Здравствуйте!“ говоритъ. Я ему: „здравствуйте!“

„— А что, говоритъ,—вамъ не скучно цѣлый день сидѣть вмѣстѣ съ бабушкой?

„Какъ онъ это у меня спросилъ, я, ужъ не знаю отчего, покраснѣла, застыдилась и опять мнѣ стало обидно, видно оттого, что ужъ другіе про это дѣло разспрашивать стали. Я ужъ было хотѣла не отвѣчать и уйти, да силъ не было.

„— Послушайте, говоритъ, вы добрая дѣвушка! Извините, что я съ вами такъ говорю, но, увѣряю васъ, я вамъ лучше бабушки вашей желаю добра. У васъ подругъ нѣтъ никакихъ, къ которымъ бы можно было въ гости пойти?

„Я говорю, что никакихъ, что была одна, Машенька, да и та въ Псковъ уѣхала.

„— Послушайте, говоритъ, хотите со мною въ театръ поѣхать?

„— Въ театръ? Какъ же бабушка-то?

„— Да вы, говоритъ, тихонько отъ бабушки...

„— Нѣтъ, говорю, я бабушку обманывать не хочу. Прощайте-съ!

„— Ну прощайте, говоритъ, а самъ ничего не сказалъ.

„ Только послѣ обѣда и приходитъ онъ къ намъ; сѣлъ,

долго говорилъ съ бабушкой, разспрашивалъ, что она выѣзжаетъ-ли куда-нибудь, есть-ли знакомые—да вдругъ и говоритъ: „а сегодня я было ложу взялъ въ оперу; „Севильскаго цырюльника“ даютъ, знакомые ѣхать хотѣли, да потомъ отказались, у меня и остался билетъ на рукахъ“.

„— „Севильскаго цырюльника!“ закричала бабушка,— да это тотъ самый цырюльникъ, котораго въ старину давали?

„— Да, говоритъ, это тотъ самый цырюльникъ, да и взглянулъ на меня. А я ужъ все поняла, покраснѣла, и у меня сердце отъ ожиданія запрыгало!

„— Да какъ же, говоритъ бабушка, — какъ не знать! Я сама въ старину на домашнемъ театрѣ Розину играла!

„— Такъ не хотите-ли ѣхать сегодня? сказалъ жилецъ.—У меня билетъ пропадаетъ же даромъ.

„— Да, пожалуй, поѣдемъ, говоритъ бабушка,—отчего-жъ не поѣхать? А вотъ у меня Настенька въ театрѣ никогда не была.

„Боже мой, какая радость! Тотчасъ же мы собрались, снарядились и уѣхали. Бабушка хоть и слѣпа, а все-таки ей хотѣлось музыку слушать, да кромѣ того она старушка добрая: больше меня потѣшить хотѣла, сами-то мы никогда бы не собрались. Ужъ какое было впечатлѣніе отъ „Севильскаго цырюльника“—я вамъ не скажу, только во весь этотъ вечеръ жилецъ нашъ такъ хорошо смотрѣлъ на меня, такъ хорошо говорилъ, что я тотчасъ же увидѣла, что онъ меня хотѣлъ испытать поутру, предложивъ, чтобъ я одна съ нимъ поѣхала. Ну, радость какая! Спать я легла такая гордая, такая веселая, такъ сердце билось, что сдѣлалась маленькая лихорадка, и я всю ночь бредила о „Севильскомъ цырюльникѣ“.

„Я думала, что послѣ этого онъ все будетъ заходить чаще и чаще,—не тутъ-то было. Онъ почти совсѣмъ пересталъ. Такъ, одинъ разъ въ мѣсяцъ, бывало, зайдетъ, и то только съ тѣмъ, чтобъ въ театръ пригласить. Раза два мы опять потомъ съѣздили. Только ужъ этимъ я была совсѣмъ недовольна. Я видѣла, что ему просто жалко было меня за то, что я у бабушки въ такомъ загонѣ, а больше-то и ничего. Дальше и дальше, и нашло на меня: и сидѣть-то я не сижу, и читать-то я не читаю, и работать не работаю, иногда смѣюсь и бабушкѣ что-нибудь назло дѣлаю, другой разъ просто плачу. Наконецъ, я похудѣла

и чуть было не стала больна. Опершый сезонъ прошелъ, и жилецъ къ намъ совсѣмъ пересталъ заходить; когда же мы встрѣчались—все на той же лѣстницѣ, разумѣется—онъ такъ молча поклонится, такъ серьезно, какъ будто и говорить не хочетъ, и ужъ сойдетъ совсѣмъ на крыльцо, а я все еще стою на половинѣ лѣстницы, красная какъ вишня, потому что у меня вся кровь начала бросаться въ голову, когда я съ нимъ повстрѣчаюсь.

„Теперь сейчасъ и конецъ. Ровно годъ тому, въ маѣ мѣсяцѣ, жилецъ къ намъ приходитъ и говоритъ бабушкѣ, что онъ выхлопоталъ здѣсь совсѣмъ свое дѣло и что должно ему опять уѣхать на годъ въ Москву. Я какъ услышала, поблѣднѣла и упала на стулъ, какъ мертвая. Бабушка ничего не замѣтила, а онъ, объявивъ, что уѣзжаетъ отъ насъ, откланялся намъ и ушелъ.

„Что мнѣ дѣлать? Я думала-думала, тосковала-тосковала, да, наконецъ, и рѣшилась. Завтра ему уѣзжать, а я порѣшила, что все кончу вечеромъ, когда бабушка уйдетъ спать. Такъ и случилось. Я навязала въ узелокъ все, что было платьевъ, сколько нужно бѣлья, и съ узелкомъ въ рукахъ, ни жива, ни мертва, пошла въ мезонинъ къ нашему жильцу. Думаю, я шла цѣлый часъ по лѣстницѣ. Когда же отворила къ нему дверь, онъ такъ и вскрикнулъ на меня глядя. Онъ думалъ, что я привидѣніе, и бросился мнѣ воды подать, потому что я едва стояла на ногахъ. Сердце такъ билось, что въ головѣ больно было, и разумъ мой помутился. Когда же я очнулась, то начала прямо тѣмъ, что положила свой узелокъ къ нему на постель, сама сѣла подлѣ, закрылась руками и заплакала въ три ручья. Онъ, кажется, мигомъ все понялъ и стоялъ передо мной блѣдный и такъ грустно глядѣлъ на меня, что во мнѣ сердце надорвало.

„— Послушайте, началъ онъ,—послушайте, Настенька, я ничего не могу; я человѣкъ бѣдный; у меня покамѣстъ нѣтъ ничего, даже мѣста порядочнаго; какъ же мы будемъ жить, если-бъ я и женился на васъ?

„Мы долго говорили, но я, наконецъ, пришла въ изступленіе, сказала, что не могу жить у бабушки, что убѣгу отъ нея, что не хочу, чтобъ меня булавкой пришпиливали, и что я, какъ онъ хочетъ, поѣду съ нимъ въ Москву, потому что безъ него жить не могу. И стыдъ, и любовь, и гордость — все разомъ говорило во мнѣ, и я чуть не въ судорогахъ упала на постель. Я такъ боялась отказа!

„Онъ нѣсколько минутъ сидѣлъ молча, потомъ всталъ, подошелъ ко мнѣ и взялъ меня за руку.

„— Послушайте, моя добрая, моя милая Настенька! началъ онъ тоже сквозь слезы, — послушайте. Клянусь вамъ, что если когда-нибудь я буду въ состояніи жениться, то непремѣнно вы составите мое счастіе; увѣряю, теперь только одинъ вы можете составить мое счастье. Слушайте: я ѣду въ Москву и пробуду тамъ ровно годъ. Я надѣюсь устроить дѣла свои. Когда воротусь, и если вы меня не разлюбите, клянусь вамъ, мы будемъ счастливы. Теперь же невозможно, я не могу, я не въ правѣ хоть что-нибудь обѣщать. Но повторяю, если черезъ годъ это не сдѣлается, то хоть когда-нибудь непремѣнно будетъ; разумѣется — въ томъ случаѣ, если вы не предпочтете мнѣ другого, потому что связывать васъ какимъ-нибудь словомъ я не могу и не смѣю.

„Вотъ что онъ сказалъ мнѣ и на-завтра уѣхалъ. Положено было сообща бабушкѣ не говорить объ этомъ ни слова. Такъ онъ захотѣлъ. Ну, вотъ, теперь почти и кончена вся моя исторія. Прошелъ ровно годъ. Онъ пріѣхалъ, онъ ужъ здѣсь цѣлые три дня и, и...“

— И что же? закричалъ я въ нетерпѣніи услышать конецъ.

— И до сихъ поръ не являлся! отвѣчала Настенька, какъ будто собираясь съ силами,—ни слуху, ни духу...

Тутъ она остановилась, помолчала немного, опустила голову и вдругъ, закрывшись руками, зарыдала такъ, что во мнѣ сердце перевернулось отъ этихъ рыданій.

Я никакъ не ожидалъ подобной развязки.

— Настенька! началъ я робкимъ и вкрадчивымъ голосомъ. — Настенька! Ради Бога, не плачьте! Почему вы знаете? Можетъ-быть, его еще нѣтъ...

— Здѣсь, здѣсь! подхватила Настенька.—Онъ здѣсь, я это знаю. У насъ было условіе, тогда еще, въ тотъ вечеръ, наканунѣ отъѣзда: когда уже мы сказали все, что я вамъ пересказала, и условились, мы вышли сюда гулять, именно на эту набережную. Было десять часовъ; мы сидѣли на этой скамейкѣ; я уже не плакала, мнѣ было сладко слушать то, что онъ говорилъ... Онъ сказалъ, что тотчасъ же по пріѣздѣ придетъ къ намъ, и если я не откажусь отъ него, то мы скажемъ обо всемъ бабушкѣ. Теперь онъ пріѣхалъ, я это знаю, и его нѣтъ, нѣтъ!

И она снова ударилась въ слезы.

— Боже мой! Да развѣ никакъ нельзя помочь горю? закричалъ я, вскочивъ со скамейки въ совершенномъ отчаяніи.—Скажите, Настенька, нельзя-ли будетъ хоть мнѣ сходить къ нему?..

— Развѣ это возможно? сказала она, вдругъ поднявъ голову.

— Нѣтъ, разумѣется, нѣтъ! замѣтилъ я, спохватившись.—А вотъ что: напишите письмо.

— Нѣтъ, это невозможно, это нельзя! отвѣчала она рѣшительно, по уже потупивъ голову и не смотря на меня.

— Какъ нельзя? Отчего-жъ нельзя? продолжалъ я, ухватившись за свою идею. — Но, знаете, Настенька, какое письмо! Письмо письму рознь и... Ахъ, Настенька, это такъ! Ввѣрьтесь мнѣ, ввѣрьтесь! Я вамъ не дамъ дурного совѣта. Все это можно устроить! Вы же начали первый шагъ—отчего же теперь...

— Нельзя, нельзя! Тогда я какъ будто навязываюсь...

— Ахъ, добренькая моя Настенька! перебилъ я, не скрывая улыбки, — нѣтъ же, нѣтъ: вы, наконецъ, въ правѣ, потому что онъ вамъ обѣщалъ. Да и по всему я вижу, что онъ человѣкъ деликатный, что онъ поступилъ хорошо, продолжалъ я все болѣе и болѣе восторгаясь отъ логичности собственныхъ доводовъ и убѣжденій.—Онъ какъ поступилъ? Онъ себя связалъ обѣщаніемъ. Онъ сказалъ, что ни па комъ не женится кромѣ васъ, если только женится; вамъ же онъ оставилъ полную свободу хоть сейчасъ отъ него отказаться... Въ такомъ случаѣ, вы можете сдѣлать первый шагъ; вы имѣете право, вы имѣете передъ нимъ преимущество, хоть бы, напримѣръ, если-бъ захотѣли развязать его отъ даннаго слова...

— Послушайте, вы какъ бы написали?

— Что?

— Да это письмо.

— Я бы вотъ какъ написалъ:

„Милостивый Государь...“

— Это такъ непремѣнно нужно—милостивый государь.

— Непремѣнно! Впрочемъ, отчего-жъ? Я думаю...

— Ну, ну! Дальше!

„Милостивый Государь!

„Извините, что я...“ Впрочемъ, нѣтъ, не нужно никакихъ извиненій! Тутъ самый фактъ все оправдываетъ; пишите просто:

„Я пишу къ вамъ. Простите мнѣ мое нетерпѣніе: но я

цѣлый годъ была счастлива надеждой: виновата-ли я, что не могу теперь вынести и дня сомнѣнія? Теперь, когда уже вы пріѣхали, можетъ-быть, вы уже измѣнили свои намѣренія. Тогда это письмо скажетъ вамъ, что я не ропщу и не обвиняю васъ. Я не обвиняю васъ за то, что не властна надъ вашимъ сердцемъ, такова ужъ судьба моя!

„Вы благородный человѣкъ. Вы не улыбнетесь и не подосадуете на мои нетерпѣливыя строки. Вспомните, что ихъ пишетъ бѣдная дѣвушка, что она одна, что некому ни научить ее, ни посовѣтовать ей и что она никогда не умѣла сама совладать со своимъ сердцемъ. Но простите меня, что въ мою душу хотя на одинъ мигъ закралось сомнѣніе. Вы неспособны даже и мысленно обидѣть ту, которая васъ такъ любила и любитъ".

— Да, да! Это точно такъ, какъ я думала! закричала Настенька, и радость засіяла въ глазахъ ея. —О! вы разрѣшили мои сомнѣнія, васъ мнѣ Самъ Богъ послалъ! Благодарю, благодарю васъ!

— За что? За то, что меня Богъ послалъ? отвѣчалъ я, глядя въ восторгѣ на ея радостное личико.

— Да, хоть за то.

— Ахъ, Настенька! Вѣдь благодаримъ же мы иныхъ людей хоть за то, что они живутъ вмѣстѣ съ нами. Я благодарю васъ за то, что вы мнѣ встрѣтились, за то, что цѣлый вѣкъ мой буду васъ помнить!

— Ну, довольно, довольно! А теперь вотъ что, слушайте-ка: тогда было условіе, что какъ только пріѣдетъ онъ, такъ тотчасъ дастъ знать о себѣ тѣмъ, что оставитъ мнѣ письмо въ одномъ мѣстѣ у однихъ моихъ знакомыхъ, добрыхъ и простыхъ людей, которые ничего объ этомъ не знаютъ; или если нельзя будетъ написать ко мнѣ письма, затѣмъ, что въ письмѣ не всегда все разскажешь, то онъ, въ тотъ же день, какъ пріѣдетъ, будетъ сюда ровно въ десять часовъ, гдѣ мы и положили съ нимъ встрѣтиться. О пріѣздѣ его я уже знаю: но вотъ уже третій день нѣтъ ни письма, ни его. Ужли мнѣ отъ бабушки поутру никакъ нельзя. Отдайте письмо мое завтра вы сами тѣмъ добрымъ людямъ, о которыхъ я вамъ говорила: они уже перешлютъ: а если будетъ отвѣтъ, то сами вы принесете его вечеромъ въ десять часовъ.

— Но письмо, письмо! Вѣдь прежде нужно письмо написать! Такъ развѣ послѣзавтра все это будетъ.

— Письмо... отвѣчала Настенька, немного смѣшавшись, — письмо... но...

Но она не договорила. Она сначала отвернула отъ меня свое личико, покраснѣла какъ роза, и вдругъ я почувствовалъ на моей рукѣ письмо, повидимому, уже давно написанное, совсѣмъ приготовленное и запечатанное. Какое-то знакомое, милое, граціозное воспоминаніе пронеслось въ моей головѣ!

— R, o—Ro, s, i—si, n, a—na, началъ я.

— Rosina! запѣли мы оба, я чуть не обнимая ее отъ восторга, она покраснѣвъ, какъ только могла покраснѣть, и смѣясь сквозь слезы, которыя какъ жемчужинки дрожали на ея черныхъ рѣсницахъ.

— Ну, довольно, довольно! Прощайте теперь! сказала она скороговоркой. — Вотъ вамъ письмо, вотъ и адресъ, куда снести его. Прощайте! До свиданія! До завтра!

Она крѣпко сжала мнѣ обѣ руки, кивнула головой и мелькнула какъ стрѣлка въ свой переулокъ. Я долго стоялъ на мѣстѣ, провожая ее глазами.

— До завтра! До завтра! пронеслось въ моей головѣ, когда она скрылась изъ глазъ моихъ.

Ночь третья.

Сегодня былъ день печальный, дождливый, безъ просвѣта, точно будущая старость моя. Меня тѣснятъ такія страшныя мысли, такія темныя ощущенія, такіе еще неясные для меня вопросы толпятся въ моей головѣ — а какъ-то нѣтъ ни силы, ни хотѣнія ихъ разрѣшить. Не мнѣ разрѣшить все это!

Сегодня мы не увидимся. Вчера, когда мы прощались, облака стали заволакивать небо и подымался туманъ. Я сказалъ, что завтра будетъ дурной день; она не отвѣчала, она не хотѣла противъ себя говорить; для нея этотъ день и свѣтелъ и ясенъ, и ни одна тучка не застелетъ ея счастія.

— Коли будетъ дождь, мы не увидимся! сказала она,— я не приду.

Я думалъ, что она и не замѣтила сегодняшняго дождя, а между тѣмъ не пришла.

Вчера было наше третье свиданіе, наша третья бѣлая ночь...

Однако, какъ радость и счастіе дѣлаютъ человѣка пре-

краснымъ! Какъ кипитъ сердце любовью! Кажется, хочешь излить все свое сердце въ другое сердце, хочешь, чтобъ все было весело, все смѣялось. И какъ изразительна эта радость! Вчера въ ея словахъ было столько нѣги, столько доброты ко мнѣ въ сердцѣ... Какъ она ухаживала за мной, какъ ласкалась ко мнѣ, какъ ободряла и нѣжила мое сердце! О, сколько кокетства отъ счастія! А я... Я принималъ все за чистую монету, и думалъ, что она...

Но, Боже мой, какъ же могъ я это думать? Какъ же могъ я быть такъ слѣпъ, когда уже все взято другимъ, все не мое; когда, наконецъ, даже эта самая нѣжность ея, ея забота, ея любовь... да, любовь ко мнѣ—была не что иное, какъ радость о скоромъ свиданіи съ другимъ, желаніе наказать и мнѣ свое счастіе?.. Когда онъ не пришелъ, когда мы прождали напрасно, она же нахмурилась, она же оробѣла и струсила. Всѣ движенія ея, всѣ слова ея уже стали не такъ легки, игривы и веселы. И, странное дѣло,— она утвоила ко мнѣ свое вниманіе, какъ будто инстинктивно желая на меня излить то, чего сама желала себѣ, за что сама боялась, если-бъ оно не сбылось. Моя Настенька такъ оробѣла, такъ перепугалась, что, кажется, поняла, наконецъ, что я люблю ее, и сжалилась надъ моей бѣдной любовью. Такъ, когда мы несчастны, мы сильнѣе чувствуемъ несчастіе другихъ; чувство не разбивается, а сосредоточивается...

Я пришелъ къ ней съ полнымъ сердцемъ и едва дождался свиданія. Я не предчувствовалъ того, что буду теперь ощущать, не предчувствовалъ, что все это не такъ кончится. Она сіяла радостью, она ожидала отвѣта. Отвѣтъ былъ онъ самъ. Онъ долженъ былъ придти прибѣжать на ея зовъ. Она пришла раньше меня нѣсколькъ часомъ. Сначала она всему хохотала, всякому слову моему смѣялась. Я началъ было говорить и умолкъ.

— Знаете-ли, отчего я такъ рада? сказала она,—такъ рада на васъ-смотрѣть? Такъ люблю васъ сегодня?

— Ну? спросилъ я, и сердце мое задрожало.

— Я оттого люблю васъ, что вы не влюбились въ меня. Вѣдь вотъ иной, на вашемъ мѣстѣ, сталъ бы безпокоить, приставать, разохался бы, разболѣлся, а вы такой милый!

Тутъ она такъ сжала мою руку, что я чуть не закричалъ. Она засмѣялась.

— Боже! Какой вы другъ! начала она черезъ минуту очень серьезно. — Да васъ Богъ мнѣ послалъ! Ну, что бы

со мной было, если-бъ васъ со мной теперь не было? Какой вы безкорыстный! Какъ хорошо вы меня любите! Когда я выйду замужъ, мы будемъ очень дружны, больше чѣмъ какъ братья. Я буду васъ любить почти такъ, какъ его...

Мнѣ стало какъ-то ужасно грустно въ это мгновеніе: однакожъ, что-то похожее на смѣхъ зашевелилось въ душѣ моей.

— Вы въ припадкѣ, сказалъ я, — вы трусите: вы думаете, что онъ не придетъ.

— Богъ съ вами! отвѣчала она, — если-бъ я была меньше счастлива, я бы, кажется, заплакала отъ вашего невѣрія, отъ вашихъ упрековъ. Впрочемъ, вы меня навели на мысль и задали мнѣ долгую думу; но я подумаю послѣ, а теперь признаюсь вамъ, что правду вы говорите. Да! Я какъ-то сама не своя; я какъ-то вся въ ожиданіи и чувствую все какъ-то слишкомъ легко. Да полноте, оставимъ про чувства...

Въ это время послышались шаги, и въ темнотѣ показался прохожій, который шелъ къ намъ навстрѣчу. Мы оба задрожали, она чуть не вскрикнула. Я опустилъ ея руку и сдѣлалъ жестъ, какъ будто хотѣлъ отойти. Но мы обманулись: это былъ не онъ.

— Чего вы боитесь? Зачѣмъ вы бросили мою руку? сказала она, подавая мнѣ ее опять. — Ну, что же? Мы встрѣтимъ его вмѣстѣ. Я хочу, чтобъ онъ видѣлъ, какъ мы любимъ другъ друга.

— Какъ мы любимъ другъ друга! закричалъ я.

„О, Настенька, Настенька!“ подумалъ я,—„какъ этимъ словомъ ты много сказала! Отъ этакой любви, Настенька, въ *иной* часъ холодѣетъ на сердцѣ и становится тяжело на душѣ. Твоя рука холодная, моя горячая какъ огонь. Какая слѣпая ты, Настенька!.. О! какъ несносенъ счастливый человѣкъ въ иную минуту! Но я не могъ на тебя разсердиться!..“

Наконецъ, сердце мое переполнилось.

— Послушайте, Настенька! закричалъ я, — знаете-ли, что со мной было весь день.

— Ну, что, что такое? Разсказывайте скорѣй! Что-жъ вы до сихъ поръ все молчали!

— Во-первыхъ, Настенька, когда я исполнилъ всѣ ваши комиссіи, отдалъ письмо, былъ у вашихъ добрыхъ людей, потомъ... потомъ я пришелъ домой и легъ спать.

— Только-то? перебила она, засмѣявшись.

— Да, почти только-то, отвѣчалъ я скрѣпя сердце, потому что въ глазахъ моихъ уже накипали глупыя слезы.— Я проснулся за часъ до нашего свиданія, но какъ будто и не спалъ. Не знаю, что было со мною. Я хотѣлъ, чтобъ вамъ это все разсказать, какъ будто время для меня остановилось, какъ будто одно ощущеніе, одно чувство должно было остаться съ этого времени во мнѣ на-вѣчно, какъ будто одна минута должна была продолжаться цѣлую вѣчность и словно вся жизнь остановилась для меня... Когда я проснулся, мнѣ казалось, что какой-то музыкальный мотивъ, давно знакомый, гдѣ-то прежде слышанный, забытый и сладостный, теперь вспоминался мнѣ. Мнѣ казалось, что онъ всю жизнь просился изъ души моей, и только теперь...

— Ахъ, Боже мой, Боже мой! перебила Настенька, — какъ же это все такъ? Я не понимаю ни слова.

— Ахъ, Настенька! Мнѣ хотѣлось какъ-нибудь передать вамъ это странное впечатлѣніе... началъ я жалобнымъ голосомъ, въ которомъ скрывалась еще надежда, хотя весьма отдаленная.

— Полноте, перестаньте, полноте! заговорила она, и въ одинъ мигъ она догадалась, плутовка!

Вдругъ она сдѣлалась какъ-то необыкновенно говорлива, весела, шаловлива. Она взяла меня подъ руку, смѣялась, хотѣла, чтобъ и я тоже смѣялся, и каждое смущенное слово мое отзывалось въ ней такимъ звонкимъ, такимъ долгимъ смѣхомъ... Я начиналъ сердиться, она вдругъ пустилась кокетничать.

— Послушайте, начала она, — а вѣдь мнѣ немножко досадно, что вы не влюбились въ меня. Разберите-ка послѣ этого человѣка! Но все-таки, господинъ непреклонный, вы не можете не похвалить меня за то, что я такая простая. Я вамъ все говорю, все говорю, какая бы глупость ни промелькнула у меня въ головѣ.

— Слушайте! Это одиннадцать часовъ, кажется, сказалъ я, когда мѣрный звукъ колокола загудѣлъ съ отдаленной городской башни. Она вдругъ остановилась, перестала смѣяться и начала считать.

— Да, одиннадцать, сказала она, наконецъ, робкимъ, нерѣшительнымъ голосомъ.

Я тотчасъ же раскаялся, что напугалъ ее, заставилъ считать часы, и проклялъ себя за припадокъ злости. Мнѣ

стало за нее грустно и я не зналъ, какъ искупить свое прегрѣшеніе. Я началъ ее утѣшать, выискивать причины его отсутствія, подводить разные доводы, доказательства. Никого нельзя было легче обмануть, какъ ее, въ эту минуту, да и всякій въ эту минуту какъ-то радостно выслушиваетъ хотя какое бы то ни было утѣшеніе, и радъ-радъ, коли есть хоть тѣнь оправданія.

— Да и смѣшное дѣло, началъ я, все болѣе и болѣе горячась и любуясь на необыкновенную ясность своихъ доказательствъ;—да и не могъ онъ придти; вы и меня обманули и завлекли, Настенька, такъ что и я времени счетъ потерялъ... Вы только подумайте: онъ едва могъ получить письмо; положимъ, ему нельзя придти, положимъ, онъ будетъ отвѣчать, такъ письмо придетъ не раньше, какъ завтра. Я за нимъ завтра чѣмъ свѣтъ схожу и тотчасъ же дамъ знать. Предположите, наконецъ, тысячу вѣроятностей: ну, его не было дома, когда пришло письмо, и онъ, можетъ-быть, его и до сихъ поръ не читалъ? Вѣдь все можетъ случиться.

— Да, да! отвѣчала Настенька,—я и не подумала, конечно, все можетъ случиться, продолжала она самымъ сговорчивымъ голосомъ, но въ которомъ, какъ досадный диссонансъ, слышалась какая-то другая, отдаленная мысль.— Вотъ что вы сдѣлайте, продолжала она,—вы идите завтра, какъ можно раньше, и если получите что-нибудь, тотчасъ же дайте мнѣ знать. Вы вѣдь знаете, гдѣ я живу? И она начала повторять мнѣ свой адресъ.

Потомъ она вдругъ стала такъ нѣжна, такъ робка со мною... Она, казалось, слушала внимательно, что̀ я ей говорилъ; но когда я обратился къ ней съ какимъ-то вопросомъ, она смолчала, смѣшалась и отворотила отъ меня головку. Я заглянулъ ей въ глаза — такъ и есть: она плакала.

— Ну, можно-ли, можно-ли? Ахъ, какое вы дитя! Какое ребячество!.. Полноте!

Она попробовала улыбнуться, успокоиться, но подбородокъ ея дрожалъ и грудь все еще колыхалась.

— Я думаю объ васъ, сказала она мнѣ послѣ минутнаго молчанія,—вы такъ добры, что я была бы каменная, если-бъ не чувствовала этого. Знаете, что̀ мнѣ пришло теперь въ голову? Я васъ обоихъ сравнивала. Зачѣмъ онъ — не вы? Зачѣмъ онъ не такой, какъ вы? Онъ хуже васъ, хоть я и люблю его больше васъ.

Я не отвѣчалъ ничего. Она, казалось, ждала, чтобъ я сказалъ что-нибудь.

— Конечно, я, можетъ-быть, не совсѣмъ еще его понимаю, не совсѣмъ его знаю. Знаете, я какъ будто всегда боялась его; онъ всегда былъ такой серьезный, такой какъ будто гордый. Конечно, я знаю, что это онъ только смотритъ такъ, что въ сердцѣ его больше, чѣмъ въ моемъ, нѣжности... Я помню, какъ онъ посмотрѣлъ на меня тогда, какъ я,—помните, пришла къ нему съ узелкомъ; но все-таки я его какъ-то слишкомъ уважаю, а вѣдь это какъ будто мы и не ровня?

— Нѣтъ, Настенька, нѣтъ, отвѣчалъ я.—это значитъ, что вы его больше всего на свѣтѣ любите, и гораздо больше **себя самой любите.**

— Да, положимъ, что это такъ, отвѣчала наивная Настенька,—но знаете-ли, что мнѣ пришло теперь въ голову. Только я теперь не про него буду говорить, а такъ вообще; мнѣ уже давно все это приходило въ голову. Послушайте, зачѣмъ мы всѣ не такъ, какъ бы братья съ братьями? Зачѣмъ самый лучшій человѣкъ всегда какъ будто что-то таитъ отъ другого и молчитъ отъ него? Зачѣмъ прямо, сейчасъ, не сказать, что есть на сердцѣ, коли знаешь, что не на вѣтеръ свое слово скажешь? А то всякій такъ смотритъ, какъ будто онъ суровѣе, чѣмъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, какъ будто всѣ боятся оскорбить свои чувства, коли очень скоро выкажутъ ихъ...

— Ахъ, Настенька! Правду вы говорите; да вѣдь это происходитъ отъ многихъ причинъ, перебилъ я, самъ болѣе чѣмъ когда-нибудь въ эту минуту стѣснявшій свои чувства.

— Нѣтъ, нѣтъ! отвѣчала она съ глубокимъ чувствомъ.— Вотъ вы, напримѣръ, не таковъ, какъ другіе! Я, право, не знаю, какъ бы вамъ это разсказать, что я чувствую; но мнѣ кажется, вы вотъ, напримѣръ.. хоть бы теперь... мнѣ кажется, вы чѣмъ-то для меня жертвуете, прибавила она робко, мелькомъ взглянувъ на меня.—Вы меня простите, если я вамъ такъ говорю: я вѣдь простая дѣвушка; я вѣдь мало еще видѣла на свѣтѣ, и, право, не умѣю иногда говорить, прибавила она голосомъ, дрожащимъ отъ какого-то затаеннаго чувства, и стараясь, между тѣмъ, улыбнуться,—но мнѣ только хотѣлось сказать вамъ, что я благодарна, что я тоже все это чувствую... О, дай вамъ Богъ за это счастія! Вотъ то, что вы мнѣ наскакали тогда о

вашемъ мечтателѣ, совершенно неправда, то есть, я хочу сказать, совсѣмъ до васъ не касается. Вы выздоравливаете, вы, право, совсѣмъ другой человѣкъ, чѣмъ какъ сами себя описали. Если вы когда-нибудь полюбите, то дай вамъ Богъ счастія съ нею! А ей я ничего не желаю, потому что она будетъ счастлива съ вами. Я знаю, я сама женщина, и вы должны мнѣ вѣрить, если я вамъ такъ говорю...

Она замолкла и крѣпко пожала руку мнѣ. Я тоже не могъ ничего говорить отъ волненія. Прошло нѣсколько минутъ.

— Да, видно, что онъ не придетъ сегодня! сказала она наконецъ, поднявъ голову.—Поздно!..

— Онъ придетъ завтра, сказалъ я самымъ увѣрительнымъ и твердымъ голосомъ.

— Да, прибавила она, развеселившись;—я сама теперь вижу, что онъ придетъ только завтра. Ну, такъ до свиданья! До завтра! Если будетъ дождь, я, можетъ-быть, не приду. Но послѣзавтра я приду, непремѣнно приду, что бы со мной ни было; будьте здѣсь непремѣнно; я хочу васъ видѣть, я вамъ все разскажу.

И потомъ, когда мы прощались, она подала мнѣ руку и сказала, ясно взглянувъ на меня:

— Вѣдь мы теперь навсегда вмѣстѣ, не правда-ли?

О! Настенька, Настенька! Если-бъ ты знала, въ какомъ я теперь одиночествѣ!

Когда пробило девять часовъ, я не могъ усидѣть въ комнатѣ, одѣлся и вышелъ, несмотря на ненастное время. Я былъ тамъ, сидѣлъ на нашей скамейкѣ. Я было пошелъ въ ихъ переулокъ, но мнѣ стало стыдно, и я воротился, не взглянувъ на ихъ окна, не дойдя двухъ шаговъ до ихъ дома. Я пришелъ домой въ такой тоскѣ, въ какой никогда не бывалъ. Какое сырое, скучное время! Если-бъ была хорошая погода, я бы прогулялъ тамъ всю ночь...

Но до завтра, до завтра! Завтра она мнѣ все разскажетъ.

Однако, письма сегодня не было. Но, впрочемъ, такъ и должно было быть. Они уже вмѣстѣ...

Ночь четвертая.

Боже, какъ все это кончилось! Чѣмъ все это кончилось!

Я пришелъ въ девять часовъ. Она была уже тамъ. Я еще издали замѣтилъ ее; она стояла, какъ тогда, въ пер-

вый разъ, облокотясь на перила набережной, я не слыхала, какъ я подошелъ къ ней.

— Настенька! окликнулъ я ее, черезъ силу подавляя свое волненіе.

Она быстро обернулась ко мнѣ.

— Ну, сказала она,—ну! Поскорѣе!

Я смотрѣлъ на нее въ недоумѣніи.

— Ну, гдѣ же письмо! Вы принесли письмо? повторила она, схватившись рукой за перила.

— Нѣтъ, у меня нѣтъ письма, сказалъ я, наконецъ; — развѣ онъ еще не былъ?

Она страшно поблѣднѣла и долгое время смотрѣла на меня неподвижно. Я разбилъ послѣднюю ея надежду.

— Ну, Богъ съ нимъ! проговорила она, наконецъ, прерывающимся голосомъ. — Богъ съ нимъ, если онъ такъ оставляетъ меня.

Она опустила глаза, потомъ хотѣла взглянуть на меня, но не могла. Еще нѣсколько минутъ она пересиливала свое волненіе, но вдругъ отворотилась, облокотясь на балюстраду набережной, и залилась слезами.

— Полноте, полноте! заговорилъ было я, но у меня силъ недостало продолжать, на нее глядя, да и что бы я сталъ говорить?

— Не утѣшайте меня, говорила она, плача;—не говорите про него, не говорите, что онъ придетъ, что онъ не бросилъ меня такъ жестоко, такъ безчеловѣчно, какъ онъ это сдѣлалъ. За что, за что? Неужели что-нибудь было въ моемъ письмѣ, въ этомъ несчастномъ письмѣ?..

Тутъ рыданія пресѣкли ея голосъ; у меня сердце разрывалось, на нее глядя.

— О, какъ это безчеловѣчно-жестоко! начала она снова.

— И ни строчки, ни строчки! Хоть бы отвѣчалъ, что я не нужна ему, что онъ отвергаетъ меня; а то ни одной строчки въ цѣлые три дня! Какъ легко ему оскорбить, обидѣть бѣдную, беззащитную дѣвушку, которая тѣмъ и виновата, что любитъ его! О, сколько я вытерпѣла въ эти три дня! Боже мой! Боже мой! Какъ вспомню, что я пришла къ нему въ первый разъ сама, что я передъ нимъ унижалась, плакала, что я вымаливала у него хоть каплю любви... И послѣ этого!.. Послушайте, заговорила она, обращаясь ко мнѣ, и черные глазки ея засверкали, — да это не такъ! Это не можетъ быть такъ; это не натурально! Или вы, или я обманулись; можетъ-быть, онъ письма не

получалъ? Можетъ-быть, онъ до сихъ поръ ничего не знаетъ? Какъ же можно, судите сами, скажите мнѣ, ради Бога, объясните мнѣ—я этого не могу понять—какъ можно такъ варварски-грубо поступить, какъ онъ поступилъ со мною! Ни одного слова! Но къ послѣднему человѣку на свѣтѣ бываютъ сострадательнѣе. Можетъ-быть, онъ что-нибудь слышалъ, можетъ-быть кто-нибудь ему насказалъ обо мнѣ? закричала она, обратившись ко мнѣ съ вопросомъ.—Какъ, какъ вы думаете?

— Слушайте, Настенька, я пойду завтра къ нему отъ вашего имени.

— Ну!

— Я спрошу его обо всемъ, разскажу ему все.

— Ну, ну!

— Вы напишите письмо. Не говорите нѣтъ, Настенька, не говорите нѣтъ! Я заставлю его уважать вашъ поступокъ, онъ все узнаетъ, и если...

— Нѣтъ, мой другъ, нѣтъ, перебила она.—Довольно! Больше ни слова, ни одного слова отъ меня, ни строчки—довольно! Я его не знаю, я не люблю его больше, я его по...за...буду...

Она не договорила.

— Успокойтесь, успокойтесь! Сядьте здѣсь, Настенька, сказалъ я, усаживая ее на скамейку...

— Да я спокойна. Полноте. Это такъ! Это слезы, это просохнетъ! Что вы думаете, что я сгублю себя, что я утоплюсь?..

Сердце мое было полно; я хотѣлъ было заговорить, но не могъ.

— Слушайте! продолжала она, взявъ меня за руку.—Скажите: вы бы не такъ поступили? Вы бы не бросили той, которая бы сама къ вамъ пришла, вы бы не бросили ей въ глаза безстыдной насмѣшки надъ ея слабымъ, глупымъ сердцемъ! Вы поберегли бы ее? Вы бы представили себѣ, что она была одна, что она не умѣла усмотрѣть за собой, что она не умѣла себя уберечь отъ любви къ вамъ, что она не виновата, что она, наконецъ, не виновата... что она ничего не сдѣлала... О, Боже мой, Боже мой...

— Настенька! закричалъ я, наконецъ, не будучи въ силахъ преодолѣть свое волненіе.—Настенька! Вы терзаете меня! Вы язвите сердце мое, вы убиваете меня, Настенька! Я не могу молчать! Я долженъ, наконецъ, говорить, высказать, что у меня накипѣло тутъ въ сердцѣ...

Говоря это, я привсталъ со скамейки. Она взяла меня за руку и смотрѣла на меня въ удивленіи.

— Что̀ съ вами? проговорила она, наконецъ.

— Слушайте! сказалъ я рѣшительно.—Слушайте меня, Настенька! Что̀ я буду теперь говорить, все вздоръ, все несбыточно, все глупо! Я знаю, что этого никогда не можетъ случиться, но не могу же я молчать. Именемъ того, чѣмъ вы теперь страдаете, заранѣе молю васъ, простите меня!..

— Ну, что̀, что̀? говорила она, переставъ плакать и пристально смотря на меня, тогда какъ странное любопытство блистало въ ея удивленныхъ глазкахъ. — Что̀ съ вами?

— Это несбыточно, но я васъ люблю, Настенька! Вотъ что! Ну, теперь все сказано! сказалъ я, махнувъ рукой.— Теперь вы увидите, можете-ли вы такъ говорить со мной, какъ сейчасъ говорили, можете-ли вы, наконецъ, слушать то, что̀ я буду вамъ говорить...

— Ну, что-жъ, что же? перебила Настенька.—Что-жъ изъ этого? Ну, я давно знала, что вы меня любите, но только мнѣ все казалось, что вы меня такъ, просто, какъ-нибудь любите... Ахъ, Боже мой, Боже мой!

— Сначала было просто, Настенька, а теперь, теперь!.. Я точно такъ же, какъ вы, когда вы пришли къ нему тогда съ вашимъ узелкомъ. Хуже, чѣмъ какъ вы. Настенька, потому что онъ тогда никого не любилъ, а вы любите.

— Что̀ это вы мнѣ говорите! Я, наконецъ, васъ совсѣмъ не понимаю. Но, послушайте, зачѣмъ же это, то есть не зачѣмъ, а почему же это вы такъ, и такъ вдругъ... Боже! Я говорю глупости! Но вы...

И Настенька совершенно смѣшалась. Щеки ея вспыхнули; она опустила глаза.

— Что-жъ дѣлать, Настенька, что-жъ мнѣ дѣлать? Я виноватъ, я употребилъ во зло... Но нѣтъ же, нѣтъ, не виноватъ я, Настенька: я это слышу, чувствую, потому что мое сердце мнѣ говоритъ, что я правъ, потому что я васъ ничѣмъ не могу обидѣть, ничѣмъ оскорбить! Я былъ другъ вашъ; ну, вотъ я и теперь другъ: я ничему не измѣнялъ. Вотъ у меня теперь слезы текутъ, Настенька. Пусть ихъ текутъ, пусть текутъ—онѣ никому не мѣшаютъ. Онѣ высохнутъ, Настенька...

— Да сядьте же, сядьте, сказала она, сажая меня на скамейку,—охъ, Боже мой!

— Нѣтъ! Настенька, я не сяду; я уже болѣе не могу быть здѣсь, вы уже меня болѣе не можете видѣть; я все скажу и уйду. Я только хочу сказать, что вы бы никогда не узнали, что я васъ люблю. Я бы сохранилъ свою тайну. Я бы не сталъ васъ терзать теперь, въ эту минуту, моимъ эгоизмомъ. Нѣтъ! Но я не могъ теперь вытерпѣть; вы сами заговорили объ этомъ, вы виноваты, вы во всемъ виноваты, а я не виноватъ. Вы не можете прогнать меня отъ себя...

— Да нѣтъ же, нѣтъ, я не отгоняю васъ, нѣтъ! говорила Настенька, скрывая, какъ только могла, свое смущеніе, бѣдненькая.

— Вы меня не гоните? Нѣтъ! А я было самъ хотѣлъ бѣжать отъ васъ. Я и уйду, только я все скажу сначала, потому что, когда вы здѣсь говорили, я не могъ усидѣть, когда вы здѣсь плакали, когда вы терзались оттого, ну оттого (ужъ я назову это, Настенька), оттого, что васъ отвергаютъ, оттого, что оттолкнули вашу любовь, я почувствовалъ, я услышалъ, что въ моемъ сердцѣ столько любви для васъ, Настенька, столько любви!.. И мнѣ стало такъ горько, что я не могу помочь вамъ этой любовью... что сердце разорвалось, и я, я—не могъ молчать, я долженъ былъ говорить, Настенька, я долженъ былъ говорить!..

— Да, да! Говорите мнѣ, говорите со мною такъ! сказала Настенька съ непзъяснимымъ движеніемъ.—Вамъ, можетъ-быть, странно, что я съ вами такъ говорю, но... говорите! Я вамъ послѣ скажу! Я вамъ все разскажу!

— Вамъ жаль меня, Настенька; вамъ просто жаль меня, дружочекъ мой! Ужъ что пропало, то пропало! Ужъ что сказано, того не воротишь! Не такъ-ли? Ну, такъ вы теперь знаете все. Ну, вотъ это точка отправленія. Ну, хорошо! Теперь все это прекрасно; только послушайте. Когда вы сидѣли и плакали, я про себя думалъ (охъ, дайте мнѣ сказать, что я думалъ!), я думалъ, что (пу, ужъ, конечно, этого не можетъ быть, Настенька), я думалъ, что вы... я думалъ, что вы какъ-нибудь тамъ... ну, совершенно постороннимъ какимъ-нибудь образомъ, ужъ больше его не любите. Тогда — я это и вчера, и третьяго дня уже думалъ, Настенька—тогда я бы сдѣлалъ такъ, я бы непремѣнно сдѣлалъ такъ, что вы бы меня полюбили: вѣдь вы сказали, вѣдь вы сами говорили, Настенька, что вы меня уже почти совсѣмъ полюбили. Ну, что-жъ дальше? Ну, вотъ почти и все, что я хотѣлъ сказать; остается

только сказать, что бы тогда было, если-бъ вы меня полюбили, только это, больше ничего! Послушайте же, другъ мой—потому что вы все-таки мой другъ—я, конечно, человѣкъ простой, бѣдный, такой незначительный, только не въ томъ дѣло (я какъ-то все не про то говорю, это отъ смущенія, Настенька), а только я бы васъ такъ любилъ, такъ любилъ, что если-бъ вы еще и любили его, и продолжали любить того, котораго я не знаю, то все-таки не замѣтили бы, что моя любовь какъ-нибудь тамъ для васъ тяжела. Вы бы только слышали, вы бы только чувствовали каждую минуту, что подлѣ васъ бьется благодарное, благодарное сердце, горячее сердце, которое за васъ... Охъ, Настенька, Настенька! Что вы со мной сдѣлали!!.

— Не плачьте же, я не хочу, чтобъ вы плакали, сказала Настенька, быстро вставая со скамейки.—Пойдемте, встаньте, пойдемте со мной, не плачьте же, не плачьте, говорила она, утирая мои слезы своимъ платкомъ, — ну, пойдемте теперь; я вамъ, можетъ-быть, скажу что-нибудь... Да ужъ коли теперь онъ оставилъ меня, коль онъ позабылъ меня, хотя я еще и люблю его (не хочу васъ обманывать)... но послушайте, отвѣчайте мнѣ. Если-бъ я, напримѣръ, васъ полюбила, то есть если-бъ я только... Охъ, другъ мой, другъ мой! Какъ я подумаю, какъ подумаю, что я васъ оскорбляла тогда, что смѣялась надъ вашей любовью, когда васъ хвалила за то, что вы не влюбились! О, Боже! Да какъ же я этого не предвидѣла, какъ я не предвидѣла, какъ я была такъ глупа, но... Ну, ну, я рѣшилась, я все скажу...

— Послушайте, Настенька, знаете что? Я уйду отъ васъ, вотъ что! Просто, я васъ только мучаю. Вотъ у васъ теперь угрызенія совѣсти за то, что вы насмѣхались, а я не хочу, да, не хочу, чтобъ вы, кромѣ вашего горя... Я, конечно, виноватъ, Настенька, но прощайте!

— Стойте, выслушайте меня: вы можете ждать?

— Чего ждать, какъ?

— Я его люблю: но это пройдетъ, это должно пройти, это не можетъ не пройти; ужъ проходитъ, я слышу... Почемъ знать, можетъ-быть, сегодня же кончится, потому что я его ненавижу, потому что онъ надо мной насмѣялся, тогда какъ вы плакали здѣсь вмѣстѣ со мною, потому что вы не отвергли бы меня, какъ онъ, потому что вы любите, а онъ не любилъ меня, потому что я васъ, наконецъ, люблю сама... Да, люблю! Люблю, какъ вы меня

любите: я же вѣдь сама еще прежде вамъ это сказала, вы сами слышали,—потому люблю, что вы лучше его, потому что вы благороднѣе его, потому, потому, что онъ...

Волненіе бѣдняжки было такъ сильно, что она не докончила, положила свою голову мнѣ на плечо, потомъ на грудь, и горько заплакала. Я утѣшалъ, уговаривалъ ее, но она не могла перестать, она все жала мнѣ руку и говорила между рыданьями: „Подождите, подождите; вотъ, я сейчасъ перестану! Я вамъ хочу сказать... вы не думайте, чтобъ эти слезы—это такъ, отъ слабости, подождите, пока пройдетъ“... Наконецъ, она перестала, отерла слезы, и мы снова пошли. Я было хотѣлъ говорить, но она долго еще все просила меня подождать. Мы замолчали... Наконецъ, она собралась съ духомъ и начала говорить...

— Вотъ что, начала она слабымъ и дрожащимъ голосомъ, но въ которомъ вдругъ зазвенѣло что-то такое, что̀ вонзилось мнѣ прямо въ сердце и сладко заныло въ немъ,—не думайте, что я такъ непостоянна и вѣтрена, не думайте, что я могу такъ легко и скоро позабыть и измѣнить... Я цѣлый годъ его любила, и Богомъ клянусь, что никогда, никогда даже мыслью не была ему невѣрна. Онъ презрѣлъ это; онъ насмѣялся надо мною—Богъ съ нимъ! Но онъ уязвилъ меня и оскорбилъ мое сердце. Я... я не люблю его, потому что я могу любить только то, что̀ великодушно, что̀ понимаетъ меня, что̀ благородно; потому что я сама такова, и онъ недостоинъ меня,—ну, Богъ съ нимъ! Онъ лучше сдѣлалъ, чѣмъ когда бы я потомъ обманулась въ своихъ ожиданіяхъ и узнала, кто онъ таковъ... Ну, кончено! Но почемъ знать, добрый другъ мой, продолжала она, пожимая мнѣ руку,—почемъ знать, можетъ-быть, и вся любовь моя была обманъ чувствъ, воображенія, можетъ-быть, началась она шалостью, пустяками, оттого, что я была подъ надзоромъ у бабушки? Можетъ-быть, я должна любить другого, а не его, не такого человѣка, другого, который пожалѣлъ бы меня и, и... Ну, оставимъ, оставимъ это, перебила Настенька, задыхаясь отъ волненія,—я вамъ только хотѣла сказать... я вамъ хотѣла сказать, что если, несмотря на то, что я люблю его (нѣтъ, любила его), если, несмотря на то, вы еще скажете... Если вы чувствуете, что ваша любовь такъ велика, что можетъ, наконецъ, вытѣснить изъ моего сердца прежнюю... Если вы захотите сжалиться надо мною, если вы

не захотите меня оставить одну въ моей судьбѣ, безъ утѣшенія, безъ надежды, если вы захотите любить меня всегда, какъ теперь меня любите, то, клянусь, что благодарность... что любовь моя будетъ, наконецъ, достойна вашей любви.. Возьмете-ли вы теперь мою руку?

— Настенька! закричалъ я, задыхаясь отъ рыданій.— Настенька!.. О, Настенька!..

— Ну, довольно, довольно! Ну, теперь совершенно довольно! заговорила она, едва пересиливая себя,—ну, теперь уже все сказано, не правда-ли? Такъ? Ну, и вы счастливы, и я счастлива; ни слова же объ этомъ больше: подождите; пощадите меня... Говорите о чемъ-нибудь другомъ, ради Бога!..

— Да, Настенька, да! Довольно объ этомъ, теперь я счастливъ, я... Ну, Настенька, ну, заговоримъ о другомъ, поскорѣе, поскорѣе заговоримъ; да! Я готовъ...

И мы не знали, что говорить, мы смѣялись, мы плакали, мы говорили тысячи словъ безъ связи и мысли: мы то ходили по тротуару, то вдругъ возвращались назадъ и пускались переходить черезъ улицу; потомъ останавливались и опять переходили на набережную: мы были какъ дѣти...

— Я теперь живу одинъ, Настенька, заговорилъ я,—с завтра... Ну, конечно, я, знаете, Настенька, бѣденъ, у меня всего тысяча двѣсти, но это ничего...

— Разумѣется, нѣтъ, а у бабушки пенсіонъ: такъ она насъ не стѣснитъ. Нужно взять бабушку.

— Конечно, нужно взять бабушку... Только вотъ Матрена...

— Ахъ, да и у насъ тоже Ѳекла!

— Матрена добрая, только одинъ недостатокъ: у ней нѣтъ воображенія, Настенька, совершенно никакого воображенія; но это ничего...

— Все равно; онѣ обѣ могутъ быть вмѣстѣ; только вы завтра къ намъ переѣзжайте.

— Какъ это? Къ вамъ? Хорошо, я готовъ...

— Да, вы наймите у насъ. У насъ, тамъ, наверху, мезонинъ: онъ пустой; жилица была, старушка, дворянка, она съѣхала, и бабушка, я знаю, хочетъ молодого человѣка пустить; я говорю: „зачѣмъ же молодого человѣка?" А она говоритъ: „да такъ, я уже стара, а только ты не подумай, Настенька, что я за него тебя хочу замужъ сосватать". Я и догадалась, что это для того...

— Ахъ, Настенька!..

И оба мы засмѣялись.

— Ну, полноте же, полноте. А гдѣ же вы живете? Я и забыла.

— Тамъ у —скаго моста, въ домѣ Баранникова.

— Это такой большой домъ?

— Да, такой большой домъ.

— Ахъ, знаю, хорошій домъ; только вы, знаете, бросьте его и переѣзжайте къ намъ поскорѣе...

— Завтра же, Настенька, завтра же; я тамъ немножко долженъ за квартиру, да это ничего... Я получу скоро жалованье...

— А знаете, я, можетъ-быть, буду уроки давать; сама выучусь и буду давать уроки...

— Ну, вотъ и прекрасно... а я скоро награжденіе получу, Настенька...

— Такъ вотъ вы завтра и будете мой жилецъ...

— Да, и мы поѣдемъ въ „Севильскаго цырюльника“, потому что его теперь опять дадутъ скоро.

— Да, поѣдемъ, сказала смѣясь Настенька, — нѣтъ, лучше мы будемъ слушать не „Цырюльника“, а что-нибудь другое...

— Ну, хорошо, что-нибудь другое; конечно, это будетъ лучше, а то я не подумалъ...

Говоря это, мы ходили оба какъ будто въ чаду, въ туманѣ, какъ будто сами не знали, что́ съ нами дѣлается. То останавливались и долго разговаривали на одномъ мѣстѣ, то опять пускались ходить и заходили Богъ знаетъ куда, и опять смѣхъ, опять слезы... То Настенька вдругъ захочетъ домой, я не смѣю удерживать и захочу проводить ее до самаго дома; мы пускаемся въ путь, и вдругъ, черезъ четверть часа, находимъ себя на набережной у нашей скамейки. То она вздохнетъ, и снова слезинка набѣжитъ на глаза: я оробѣю, похолодѣю... Но она тутъ же жметъ мою руку и тащитъ меня снова ходить, болтать, говорить...

— Пора теперь, пора мнѣ домой; я думаю, очень поздно, сказала, наконецъ, Настенька,—полно намъ такъ ребячиться!

— Да, Настенька, только ужъ я теперь не засну; я домой не пойду.

— Я тоже, кажется, не засну: только вы проводите меня...

— Непремѣнно!

— Но ужъ теперь мы непремѣнно дойдемъ до квартиры.

— Непремѣнно, непремѣнно...

— Честное слово?.. Потому что вѣдь нужно же когда-нибудь воротиться домой!

— Честное слово, отвѣчалъ я, смѣясь...

— Ну, пойдемте!

— Пойдемте.

— Посмотрите на небо, Настенька, посмотрите! Завтра будетъ чудесный день; какое голубое небо, какія луны! Посмотрите; вотъ это желтое облако теперь застилаетъ ее, смотрите, смотрите!.. Нѣтъ, оно прошло мимо. Смотрите же, смотрите!..

Но Настенька не смотрѣла на облако, она стояла молча, какъ вкопанная; черезъ минуту она стала какъ-то робко, тѣсно прижиматься ко мнѣ. Рука ея задрожала въ моей рукѣ; я поглядѣлъ на нее... Она оперлась на меня еще сильнѣе.

Въ эту минуту мимо насъ прошелъ молодой человѣкъ. Онъ вдругъ остановился, пристально посмотрѣлъ на насъ и потомъ опять сдѣлалъ нѣсколько шаговъ. Сердце во мнѣ задрожало...

— Настенька, сказалъ я вполголоса, — кто это, Настенька?

— Это онъ! отвѣчала она шопотомъ, еще ближе, еще трепетнѣе прижимаясь ко мнѣ... Я едва устоялъ на ногахъ.

— Настенька! Настенька! Это ты! послышался голосъ за нами, и въ ту же минуту молодой человѣкъ сдѣлалъ къ намъ нѣсколько шаговъ...

Боже, какой крикъ! Какъ она вздрогнула! Какъ она вырвалась изъ рукъ моихъ и порхнула къ нему навстрѣчу!.. Я стоялъ и смотрѣлъ на нихъ какъ убитый. Но она едва подала ему руку, едва бросилась въ его объятія, какъ вдругъ снова обернулась ко мнѣ, очутилась подлѣ меня, какъ вѣтеръ, какъ молнія, и прежде чѣмъ успѣлъ я опомниться, обхватила мою шею обѣими руками и крѣпко, горячо поцѣловала меня. Потомъ, не сказавъ мнѣ ни слова, бросилась снова къ нему, взяла его за руки и повлекла его за собою.

Я долго стоялъ и глядѣлъ имъ вслѣдъ... Наконецъ, оба они исчезли изъ глазъ моихъ.

Утро.

Мои ночи кончились утромъ. День былъ нехорошій. Шелъ дождь и уныло стучалъ въ мои стекла; въ комнаткѣ было темно, на дворѣ пасмурно. Голова у меня болѣла и кружилась; лихорадка прокрадывалась по моимъ членамъ.

— Письмо къ тебѣ, батюшка, по городской почтѣ, почтарь принесъ, проговорила надо мною Матрена.

— Письмо! Отъ кого? закричалъ я, вскакивая со стула.

— А не вѣдаю, батюшка, посмотри, можетъ, тамъ и написано отъ кого.

Я сломалъ печать. Это отъ нея!

„О, простите, простите меня!“ писала мнѣ Настенька, „на колѣняхъ умоляю васъ, простите меня! Я обманула и васъ, и себя. Это былъ сонъ, призракъ... Я изныла за васъ сегодня; простите, простите меня!..

„Не обвиняйте меня, потому что я ни въ чемъ не измѣнилась предъ вами: я сказала, что буду любить васъ, я и теперь васъ люблю, больше чѣмъ люблю. О, Боже! Если бъ я могла любить васъ обоихъ разомъ! О, если бъ вы были онъ!“

— О, если бъ онъ были вы! пролетѣло въ моей головѣ. Я вспомнилъ твои же слова, Настенька!

„Богъ видитъ, что бы я теперь для васъ сдѣлала! Я знаю, что вамъ тяжело и грустно. Я оскорбила васъ, но вы знаете—коли любишь, долго-ли помнишь обиду. А вы меня любите!

„Благодарю! Да! Благодарю васъ за эту любовь. Потому что въ памяти моей она напечатлѣлась какъ сладкій сонъ, который долго помнишь послѣ пробужденія; потому что я вѣчно буду помнить тотъ мигъ, когда вы такъ братски открыли мнѣ свое сердце и такъ великодушно приняли въ даръ мое, убитое, чтобъ его беречь, лелѣять, вылѣчить его... Если вы простите меня, то память объ васъ будетъ возвышена во мнѣ вѣчнымъ благодарнымъ чувствомъ къ вамъ, которое никогда не изгладится изъ души моей... Я буду хранить эту память, буду ей вѣрна, не измѣню ей, не измѣню своему сердцу: оно слишкомъ постоянно. Оно еще вчера такъ скоро воротилось къ тому, которому принадлежало навѣки.

„Мы встрѣтимся, вы придете къ намъ, вы насъ не оставите, вы будете вѣчно другомъ, братомъ моимъ... И когда

вы увидите меня, вы подадите мнѣ руку... да? Вы подадите мнѣ ее, вы простили меня, не правда-ли? Вы мой любите *попрежнему?*

„О, любите меня, не оставляйте меня, потому что я васъ такъ люблю въ эту минуту, потому что я достойна любви вашей, потому что я заслужу ее... другъ мой милый! На будущей недѣлѣ я выхожу за него. Онъ воротился влюбленный, онъ никогда не забывалъ обо мнѣ... Вы не разсердитесь за то, что я о немъ написала. Но я хочу придти къ вамъ вмѣстѣ съ нимъ; вы его полюбите, не правда-ли?

„Простите же, помните и любите вашу

„*Настеньку*".

Я долго перечитывалъ это письмо; слезы проступили изъ глазъ моихъ. Наконецъ, оно выпало у меня изъ рукъ, и я закрылъ лицо.

— Касатикъ! А касатикъ! начала Матрена.

— Что, старуха?

— А паутину-то я всю съ потолка сняла; теперь хоть женись, гостей созывай, такъ въ ту-жъ пору...

Я посмотрѣлъ на Матрену. Это была еще бодрая, *молодая* старуха, но не знаю отчего, вдругъ она представилась мнѣ съ потухшимъ взглядомъ, съ морщинами на лицѣ, согбенная, дряхлая... Не знаю отчего, мнѣ вдругъ представилось, что комната моя постарѣла такъ же, какъ и старуха. Стѣны и полы облиняли, все потускнѣло: паутины развелось еще больше. Не знаю отчего, когда я взглянулъ въ окно, мнѣ показалось, что домъ, стоявшій напротивъ, тоже одряхлѣлъ и потускнѣлъ въ свою очередь, что штукатурка на колоннахъ облупилась и осыпалась, что карнизы почернѣли и растрескались, и стѣны изъ темно-желтаго яркаго цвѣта стали пѣгія...

Или лучъ солнца, внезапно выглянувъ изъ-за тучи, опять спрятался подъ дождевое облако и все опять потускнѣло въ глазахъ моихъ; или, можетъ-быть, и рѣзко мною мелькнула такъ непривѣтно и грустно вся перспектива моего будущаго, и я увидѣлъ себя такимъ, какъ я теперь, ровно черезъ пятнадцать лѣтъ, постарѣвшимъ, въ той же комнатѣ, такъ же одинокимъ, съ той же Матреной, которая нисколько не поумнѣла за всѣ эти годы.

Но чтобъ я помнилъ обиду мою, Настенька! Чтобъ я напалъ темное облако на твое ясное, безмятежное сча-

стіе, чтобъ я, горько упрекнувъ, нагналъ тоску на твое сердце, уязвилъ его тайнымъ угрызеніемъ и заставилъ его тоскливо биться въ минуту блаженства, чтобъ я измялъ хоть одинъ изъ этихъ нѣжныхъ цвѣтковъ, которые ты вплела въ свои черные кудри, когда пошла вмѣстѣ съ нимъ къ алтарю... О, никогда, никогда! Да будетъ ясно твое небо, да будетъ свѣтла и безмятежна милая улыбка твоя, да будешь ты благословенна за минуту блаженства и счастія, которое ты дала другому, одинокому, благодарному сердцу!

Боже мой! Цѣлая минута блаженства! Да развѣ этого мало хоть бы и на всю жизнь человѣческую?..

НЕТОЧКА НЕЗВАНОВА *).

I.

Отца моего я не помню. Онъ умеръ, когда мнѣ было два года. Мать моя вышла замужъ въ другой разъ. Это второе замужество принесло ей много горя, хотя и было сдѣлано по любви. Мой отчимъ былъ музыкантъ. Судьба его очень замѣчательна: это былъ самый странный, самый чудесный человѣкъ изъ всѣхъ, которыхъ я знала. Онъ слишкомъ сильно отразился въ первыхъ впечатлѣніяхъ моего дѣтства, такъ сильно, что эти впечатлѣнія имѣли вліяніе на всю мою жизнь. Прежде всего, чтобъ былъ понятенъ разсказъ мой, я приведу здѣсь его біографію. Все, что я теперь буду разсказывать, узнала я потомъ отъ знаменитаго скрипача Б., который былъ товарищемъ и короткимъ пріятелемъ моего отчима въ своей молодости.

Фамилія моего отчима была Ефимовъ. Онъ родился въ селѣ очень богатаго помѣщика, отъ одного бѣднаго музыканта, который, послѣ долгихъ странствованій, поселился въ имѣніи этого помѣщика и нанялся въ его оркестръ. Помѣщикъ жилъ очень пышно, и болѣе всего, до страсти, любилъ музыку. Разсказывали про него, что онъ, никогда не выѣзжавшій изъ своей деревни даже въ Москву, однажды вдругъ рѣшился поѣхать за границу на какія-то воды, и поѣхалъ не болѣе какъ на нѣсколько недѣль, единственно для того, чтобъ услышать какого-то знаменитаго скрипача, который, какъ увѣдомляли газеты, собирался дать на водахъ три концерта. У него былъ порядочный оркестръ музыкантовъ, на который онъ тратилъ почти весь доходъ свой. Въ этотъ оркестръ мой отчимъ поступилъ кларнетистомъ. Ему было двадцать два года, когда онъ познакомился съ однимъ страннымъ че-

*) Въ первый разъ напечатано въ „Отечественныхъ Записках“ 1849 г., тт. 62, 64.

ловѣкомъ. Въ этомъ же уѣздѣ жилъ богатый графъ, который разорился на содержаніе домашняго театра. Этотъ графъ отказалъ отъ должности капельмейстеру своего оркестра, родомъ итальянцу, за дурное поведеніе. Капельмейстеръ былъ дѣйствительно дурной человѣкъ. Когда его выгнали, онъ совершенно унизился, сталъ ходить по деревенскимъ трактирамъ, напивался, иногда просилъ милостыню, и уже никто, въ цѣлой губерніи, не хотѣлъ дать ему мѣста. Съ этимъ-то человѣкомъ подружился мой отчимъ. Связь эта была необъяснимая и странная, потому что никто не замѣчалъ, чтобъ онъ сколько-нибудь измѣнился въ своемъ поведеніи изъ подражанія товарищу, и даже самъ помѣщикъ, который сначала запрещалъ ему водиться съ итальянцемъ, смотрѣлъ потомъ сквозь пальцы на ихъ дружбу. Наконецъ, капельмейстеръ умеръ скоропостижно. Его нашли, поутру, крестьяне во рву, у плотины. Нарядили слѣдствіе, и вышло, что онъ умеръ отъ апоплексическаго удара. Имущество его сохранялось у отчима, который тотчасъ же и представилъ доказательства, что имѣлъ полное право наслѣдовать этимъ имуществомъ: покойникъ оставилъ собственноручную записку, въ которой дѣлалъ Ефимова своимъ наслѣдникомъ въ случаѣ своей смерти. Наслѣдство состояло изъ чернаго фрака, тщательно сберегавшагося покойникомъ, который все еще надѣялся достать себѣ мѣсто, и скрипки, довольно обыкновенной съ виду. Никто не оспаривалъ этого наслѣдства. Но только спустя нѣсколько времени къ помѣщику явился первый скрипачъ графскаго оркестра, съ письмомъ отъ графа. Въ этомъ письмѣ графъ просилъ, уговаривалъ Ефимова продать скрипку, оставшуюся послѣ итальянца, и которую графъ очень желалъ пріобрѣсть для своего оркестра. Онъ предлагалъ три тысячи рублей и прибавлялъ, что уже нѣсколько разъ посылалъ за Егоромъ Ефимовымъ, чтобъ покончить торгъ лично, но что тотъ упорно отказывался. Графъ заключалъ тѣмъ, что цѣна скрипки настоящая, что онъ не сбавляетъ ничего, и въ упорствѣ Ефимова видитъ для себя обидное подозрѣніе воспользоваться при торгѣ его простотою и незнаніемъ, а потому и просилъ вразумить его.

Помѣщикъ немедленно послалъ за отчимомъ.

— Для чего-жъ ты не хочешь отдать скрипку? спросилъ онъ его,—она тебѣ не нужна. Тебѣ даютъ три тысячи рублей, это цѣна настоящая, и ты дѣлаешь нера-

зумно, если думаешь, что тебѣ дадутъ больше. Графъ тебя не станетъ обманывать.

Ефимовъ отвѣчалъ, что къ графу онъ самъ не пойдетъ, но если его пошлютъ, то на это будетъ воля господская: графу онъ скрипку не продастъ, а если у него захотятъ взять ее насильно, то на это опять будетъ воля господская.

Ясное дѣло, что такимъ отвѣтомъ онъ коснулся самой чувствительной струны въ характерѣ помѣщика. Дѣло въ томъ, что тотъ всегда съ гордостію говорилъ, что знаетъ, какъ обращаться со своими музыкантами, потому что всѣ они до одного истинные артисты и что, благодаря имъ, его оркестръ не только лучше графскаго, но и не хуже столичнаго.

— Хорошо! отвѣчалъ помѣщикъ,— я увѣдомлю графа, что ты не хочешь продать скрипку, потому что ты не хочешь, потому что ты въ полномъ правѣ продать или не продать, понимаешь? Но я самъ тебя спрашиваю: зачѣмъ тебѣ скрипка? Твой инструментъ кларнетъ, хоть ты и плохой кларнетистъ. Уступи ее мнѣ. Я дамъ три тысячи. (Кто зналъ, что это такой инструментъ!).

Ефимовъ усмѣхнулся.

— Нѣтъ, сударь, я вамъ ее не продамъ, отвѣчалъ онъ,—конечно, ваша воля...

— Да развѣ я тебя притѣсняю, развѣ я тебя принуждаю! закричалъ помѣщикъ, выведенный изъ себя, тѣмъ болѣе, что дѣло происходило при графскомъ музыкантѣ, который могъ заключить по этой сценѣ очень невыгодно объ участи всѣхъ музыкантовъ помѣщичьяго оркестра.— Ступай же вонъ, неблагодарный! Чтобъ я тебя не видалъ съ этихъ поръ! Куда бы ты дѣлся безъ меня съ твоимъ кларнетомъ, на которомъ ты и играть не умѣешь? У меня же ты сытъ, одѣтъ, получаешь жалованье; ты живешь на благородной ногѣ, ты артистъ, но ты этого не хочешь понимать и не чувствуешь. Ступай же вонъ и не раздражай меня своимъ присутствіемъ!

Помѣщикъ гналъ отъ себя всѣхъ, на кого сердился, потому что боялся за себя и за свою горячность. А ни за что бы онъ не захотѣлъ поступить слишкомъ строго съ „артистомъ", какъ онъ называлъ своихъ музыкантовъ.

Торгъ не состоялся и, казалось, тѣмъ дѣло и кончилось, какъ вдругъ, черезъ мѣсяцъ, графскій скрипачъ затѣялъ ужасное дѣло: подъ своею отвѣтственностью онъ

подалъ на моего отчима доносъ, въ которомъ доказывалъ, что отчимъ виноватъ въ смерти итальянца и умертвилъ его съ корыстною цѣлью: овладѣть богатымъ наслѣдствомъ. Онъ доказывалъ, что завѣщаніе было вымашено насильно и обѣщался представить свидѣтелей своему обвиненію. Ни просьбы, ни увѣщанія графа и помѣщика, вступившагося за моего отчима, ничто не могло поколебать доносчика въ его намѣреніи. Ему представляли, что медицинское слѣдствіе надъ тѣломъ покойнаго капельмейстера было сдѣлано правильно, что доносчикъ идетъ противъ очевидности, можетъ-быть, по личной злобѣ и по досадѣ, не успѣвъ овладѣть драгоцѣннымъ инструментомъ, который для него покупали. Музыкантъ стоялъ на своемъ, божился, что онъ правъ, доказывалъ, что апоплексическій ударъ произошелъ не отъ пьянства, а отъ отравы, и требовалъ слѣдствія въ другой разъ. Съ перваго взгляда доказательства его показались серьезными. Разумѣется, дѣлу дали ходъ. Ефимова взяли, отослали въ городскую тюрьму. Началось дѣло, которое заинтересовало всю губернію. Оно пошло очень быстро и кончилось тѣмъ, что музыкантъ былъ уличенъ въ ложномъ доносѣ. Его приговорили къ справедливому наказанію, но онъ до конца стоялъ на своемъ и увѣрялъ, что онъ правъ. Наконецъ, онъ сознался, что не имѣетъ никакихъ доказательствъ, что доказательства, имъ представленныя, выдуманы имъ самимъ, но что, выдумывая все это, онъ дѣйствовалъ по предположенію, по догадкѣ, потому что до сей поры, когда уже было произведено другое слѣдствіе, когда уже формально была доказана невинность Ефимова, онъ все еще остается въ полномъ убѣжденіи, что причиною смерти несчастнаго капельмейстера былъ Ефимовъ, хотя, можетъ-быть, онъ уморилъ его не отравой, а другимъ какимъ-нибудь образомъ. Но надъ нимъ не успѣли исполнить приговора: онъ внезапно заболѣлъ воспаленіемъ въ мозгу, сошелъ съ ума и умеръ въ тюремномъ лазаретѣ.

Въ продолженіе всего этого дѣла, помѣщикъ велъ себя самымъ благороднымъ образомъ. Онъ старался о моемъ отчимѣ такъ, какъ будто тотъ былъ его родной сынъ. Нѣсколько разъ онъ пріѣзжалъ къ нему въ тюрьму утѣшать его, дарилъ ему денегъ, привозилъ къ нему лучшихъ сигаръ, узнавъ, что Ефимовъ любилъ курить, и когда отчимъ оправдался, задалъ праздникъ всему оркестру. Помѣщикъ смотрѣлъ на дѣло Ефимова, какъ на

дѣло, касающееся всего оркестра, потому что хорошимъ поведеніемъ своихъ музыкантовъ онъ дорожилъ, если не болѣе, то, по крайней мѣрѣ, наравнѣ съ ихъ дарованіями. Прошелъ цѣлый годъ, какъ вдругъ по губерніи разнесся слухъ, что въ губернскій городъ пріѣхалъ какой-то извѣстный скрипачъ, французъ, и намѣренъ дать нѣсколько концертовъ. Помѣщикъ тотчасъ же началъ стараться какимъ-нибудь образомъ залучить его къ себѣ въ гости. Дѣло шло на ладъ: французъ обѣщался пріѣхать. Уже все было готово къ его отъѣзду, позванъ былъ почти цѣлый уѣздъ, но вдругъ все приняло другой оборотъ.

Въ одно утро докладываютъ, что Ефимовъ исчезъ неизвѣстно куда. Начались поиски, но и слѣдъ простылъ. Оркестръ былъ въ чрезвычайномъ положеніи: недоставало кларнета, какъ вдругъ, дня три спустя послѣ исчезновенія Ефимова, помѣщикъ получаетъ отъ француза письмо, въ которомъ тотъ надменно отказывался отъ приглашенія, прибавляя, конечно, обиняками, что впредь будетъ чрезвычайно остороженъ въ сношеніяхъ съ тѣми господами, которые держатъ собственный оркестръ музыкантовъ, что неэстетично видѣть истинный талантъ подъ управленіемъ человѣка, который не знаетъ ему цѣны, и что, наконецъ, примѣръ Ефимова, истиннаго артиста и лучшаго скрипача, котораго онъ только встрѣчалъ въ Россіи, служитъ достаточнымъ доказательствомъ справедливости словъ его.

Прочтя это письмо, помѣщикъ былъ въ глубокомъ изумленіи. Онъ былъ огорченъ до глубины души. Какъ? Ефимовъ, тотъ самый Ефимовъ, о которомъ онъ такъ заботился, которому онъ такъ благодѣтельствовалъ, этотъ Ефимовъ такъ безпощадно, безсовѣстно оклеветалъ его въ глазахъ европейскаго артиста, такого человѣка, мнѣніемъ котораго онъ высоко дорожилъ! И, наконецъ, письмо было необъяснимо въ другомъ отношеніи: увѣдомляли, что Ефимовъ артистъ съ истиннымъ талантомъ, что онъ скрипачъ, но что не умѣли угадать его таланта и принуждали его заниматься другимъ инструментомъ. Все это такъ поразило помѣщика, что онъ немедленно собрался ѣхать въ городъ для свиданія съ французомъ, какъ вдругъ получилъ записку отъ графа, въ которой тотъ приглашалъ его немедленно къ себѣ и увѣдомлялъ, что ему извѣстно все дѣло, что заѣзжій виртуозъ теперь у него, вмѣстѣ съ

Ефимовымъ, что онъ, будучи изумленъ дерзостью и клеветою послѣдняго, приказалъ задержать его, и что, наконецъ, присутствіе помѣщика необходимо и потому еще, что обвиненіе Ефимова касается даже самого графа; дѣло это очень важно, и нужно его разъяснить, какъ можно скорѣе.

Помѣщикъ, немедленно отправившись къ графу, тотчасъ же познакомился съ французомъ и объяснилъ всю исторію моего отчима, прибавивъ, что онъ не подозрѣвалъ въ Ефимовѣ такого огромнаго таланта, что Ефимовъ былъ у него, напротивъ, очень плохимъ кларнетистомъ, и что онъ только въ первый разъ слышитъ, будто оставившій его музыкантъ—скрипачъ. Онъ прибавилъ еще, что Ефимовъ человѣкъ вольный, пользовался полною свободою и всегда, во всякое время, могъ бы оставить его, если-бъ дѣйствительно былъ притѣсненъ. Французъ былъ въ удивленіи. Позвали Ефимова, и его едва можно было узнать: онъ велъ себя заносчиво, отвѣчалъ съ насмѣшкою и настаивалъ въ справедливости того, что успѣлъ наговорить французу. Все это до крайности раздражило графа, который прямо сказалъ моему отчиму, что онъ негодяй, клеветникъ и достоинъ самаго постыднаго наказанія.

— Не безпокойтесь, ваше сіятельство, я уже довольно съ вами знакомъ и знаю васъ хорошо, отвѣчалъ мой отчимъ, — по вашей милости, я едва ушелъ отъ уголовнаго наказанія. Знаю, по чьему наущенью Алексѣй Никифорычъ, вашъ бывшій музыкантъ, донесъ на меня.

Графъ былъ внѣ себя отъ гнѣва, услышавъ такое ужасное обвиненіе. Онъ едва могъ совладѣть съ собою; но случившійся въ залѣ чиновникъ, который заѣхалъ къ графу по дѣлу, объявилъ, что онъ не можетъ оставить всего этого безъ послѣдствій, что обидная грубость Ефимова заключаетъ въ себѣ злое, несправедливое обвиненіе, клевету, и онъ покорнѣйше проситъ позволить арестовать его сейчасъ же, въ графскомъ домѣ. Французъ изъявилъ полное негодованіе и сказалъ, что не понимаетъ такой черной неблагодарности. Тогда мой отчимъ отвѣтилъ съ запальчивостью, что лучше наказаніе, судъ, и—хоть опять уголовное слѣдствіе, чѣмъ то житье, которое онъ испыталъ до сихъ поръ, состоя въ помѣщичьемъ оркестрѣ и не имѣя средствъ оставить его раньше, за своею крайнею бѣдностью, и съ этими словами вышелъ изъ залы вмѣстѣ съ арестовавшими его. Его заперли въ отдаленную ком-

нату дома и пригрозили, что завтра же отправятъ его въ городъ.

Около полуночи отворилась дверь въ комнату арестанта. Вошелъ помѣщикъ. Онъ былъ въ халатѣ, въ туфляхъ и держалъ въ рукахъ зажженный фонарь. Казалось, онъ не могъ заснуть, и мучительная забота заставила его въ такой часъ оставить постель. Ефимовъ не спалъ и съ изумленіемъ взглянулъ на вошедшаго. Тотъ поставилъ фонарь и въ глубокомъ волненіи сѣлъ противъ него на стулъ.

— Егоръ, сказалъ онъ ему, — за что ты такъ обидѣлъ меня?

Ефимовъ не отвѣчалъ. Помѣщикъ повторилъ свой вопросъ, и какое-то глубокое чувство, какая-то странная тоска звучали въ словахъ его.

— А Богъ знаетъ, за что я такъ обидѣлъ васъ, сударь! отвѣтилъ, наконецъ, мой отчимъ, махнувъ рукою.—знать, бѣсъ попуталъ меня! И самъ не знаю, кто меня на все это наталкиваетъ! Ну, не житье мнѣ у васъ, не житье... Самъ дьяволъ привязался ко мнѣ!

— Егоръ! началъ снова помѣщикъ,—воротись ко мнѣ; я все позабуду, все тебѣ прощу. Слушай: ты будешь первымъ изъ моихъ музыкантовъ, я положу тебѣ не въ примѣръ другимъ жалованье...

— Нѣтъ, сударь, нѣтъ, и не говорите: не жилецъ я у васъ! Я вамъ говорю, что дьяволъ ко мнѣ навязался. Я у васъ домъ зажгу, коли останусь; на меня находитъ, и такая тоска подчасъ, что лучше бы мнѣ на свѣтъ не родиться! Теперь я и за себя отвѣчать не могу: ужъ вы, сударь, оставьте меня. Это все съ тѣхъ поръ, какъ тотъ дьяволъ побратался со мною...

— Кто? спросилъ помѣщикъ.

— А вотъ, что издохъ, какъ собака, отъ которой свѣтъ отступился, итальянецъ.

— Это онъ тебя, Егорушка, играть выучилъ?

— Да! Многому онъ меня научилъ на мою погибель. Лучше-бъ мнѣ никогда его не видать.

— Развѣ и онъ былъ мастеръ на скрипкѣ, Егорушка?

— Нѣтъ, онъ самъ мало зналъ, а училъ хорошо. Я самъ выучился, онъ только показывалъ,—и легче, чтобъ у меня рука отсохла, чѣмъ эта наука. Я теперь самъ не знаю, чего хочу. Вотъ, спросите, сударь: „Егорка! Чего ты хочешь? Все могу тебѣ дать“,—а я, сударь, вѣдь ни слова вамъ въ отвѣтъ не скажу, затѣмъ, что самъ не

знаю, чего хочу. Нѣтъ, ужъ вы лучше, сударь, оставьте меня, въ другой разъ говорю. Ужъ я что-нибудь такое надъ собой сдѣлаю, чтобъ меня куда-нибудь подальше спровадили, да и дѣло съ концомъ!

— Егоръ! сказалъ помѣщикъ послѣ минутнаго молчанія,—я тебя такъ не оставлю. Коли не хочешь служить у меня, ступай; ты же человѣкъ вольный, держать тебя я не могу; но я теперь такъ не уйду отъ тебя. Сыграй мнѣ что-нибудь, Егоръ, на твоей скрипкѣ, сыграй! Ради Бога, сыграй! Я тебѣ не приказываю, пойми ты меня, я тебя не принуждаю; я тебя прошу слезно: сыграй мнѣ, Егорушка, ради Бога, то, что ты французу игралъ! Отведи душу! Ты упрямъ, и я упрямъ; знать, у меня тоже свой норовъ, Егорушка! Я тебя чувствую, почувствуй и ты, какъ я. Живъ не могу быть, покамѣстъ ты мнѣ не сыграешь того, по своей доброй волѣ и охотѣ, что французу игралъ.

— Ну, быть такъ! сказалъ Ефимовъ.—Далъ я, сударь, зарокъ никогда передъ вами не играть, именно передъ вами, а теперь сердце мое разрѣшилось. Сыграю я вамъ, но только въ первый и послѣдній разъ, и больше, сударь, вамъ никогда и нигдѣ меня не услышать, хоть бы тысячу рублей мнѣ посулили.

Тутъ онъ взялъ скрипку и началъ играть свои варіаціи на русскія пѣсни.—Б. говорилъ, что эти варіаціи—его первая и лучшая пьеса на скрипкѣ, и что больше онъ никогда ничего не игралъ такъ хорошо и съ такимъ вдохновеніемъ. Помѣщикъ, который и безъ того не могъ равнодушно слушать музыку, плакалъ навзрыдъ. Когда игра кончилась, онъ всталъ со стула, вынулъ триста рублей, подалъ ихъ моему отчиму и сказалъ:

— Теперь ступай, Егоръ. Я тебя выпущу отсюда и самъ все улажу съ графомъ; но слушай: больше уже ты со мной не встрѣчайся. Передъ тобой дорога широкая, и коль столкнемся на ней, такъ и мнѣ и тебѣ будетъ обидно. Ну, прощай!.. Подожди! Еще одинъ мой совѣтъ тебѣ на дорогу, только одинъ: не пей и учись, все учись; не зазнавайся! Говорю тебѣ, какъ бы отецъ твой родной сказалъ тебѣ. Смотри же, еще разъ повторяю: учись и чарки не знай, а хлебнешь разъ съ горя (а горя-то много будетъ!)—пиши пропало, все къ бѣсу пойдетъ, и, можетъ, самъ гдѣ-нибудь, во рву, какъ твой итальянецъ, издохнешь. Ну, теперь прощай!.. Постой, поцѣлуй меня.

Они повѣнчались, и вслѣдъ затѣмъ мой отчимъ вышелъ на свободу.

Едва онъ очутился на свободѣ, какъ тотчасъ же началъ тѣмъ, что прокутилъ въ ближайшемъ уѣздномъ городѣ свои триста рублей, побратавшись въ то же время съ самой черной, грязной компаніей какихъ-то гулякъ, и кончилъ тѣмъ, что, оставшись одинъ въ нищетѣ и безъ всякой помощи, вынужденъ былъ вступить въ какой-то жалкій оркестръ бродячаго провинціальнаго театра, въ качествѣ первой и, можетъ-быть, единственной скрипки. Все это не совсѣмъ согласовалось съ его первоначальными намѣреніями, которыя состояли въ томъ, чтобъ какъ можно скорѣе идти въ Петербургъ учиться, достать себѣ хорошее мѣсто и вполнѣ образовать изъ себя артиста. Но житье въ маленькомъ оркестрѣ не сладилось. Мой отчимъ скоро поссорился съ антрепренеромъ странствующаго театра и оставилъ его. Тогда онъ совершенно упалъ духомъ и даже рѣшился на отчаянную мѣру, глубоко уязвившую его гордость. Онъ написалъ письмо къ извѣстному намъ помѣщику, изобразилъ ему свое положеніе и просилъ денегъ. Письмо было написано довольно независимо, но отвѣта на него не послѣдовало. Тогда онъ написалъ другое, въ которомъ, въ самыхъ унизительныхъ выраженіяхъ называя помѣщика своимъ благодѣтелемъ и величая его титуломъ настоящаго цѣнителя искусствъ, просилъ его опять о вспоможеніи. Наконецъ, отвѣтъ пришелъ. Помѣщикъ прислалъ сто рублей и нѣсколько строкъ, писанныхъ рукою его камердинера, въ которыхъ объявлялъ, чтобъ впредь избавить его отъ всякихъ просьбъ. Получивъ эти деньги, отчимъ тотчасъ же хотѣлъ отправиться въ Петербургъ, но, по расплатѣ долговъ, денегъ оказалось такъ мало, что о путешествіи нельзя было и думать. Онъ снова остался въ провинціи, опять поступилъ въ какой-то провинціальный оркестръ, потомъ опять не ужился въ немъ и, переходя, такимъ образомъ, съ одного мѣста на другое, съ вѣчной идеей попасть въ Петербургъ какъ-нибудь въ скоромъ времени, пробылъ въ провинціи цѣлыхъ шесть лѣтъ. Наконецъ, какой-то ужасъ напалъ на него. Съ отчаяніемъ замѣтилъ онъ, сколько потерялъ его талантъ, безпрерывно стѣсняемый безпорядочною, нищенскою жизнію, и въ одно утро онъ бросилъ своего антрепренера, взялъ свою скрипку и пришелъ въ Петербургъ, почти прося милостыню. Онъ посе-

лился гдѣ-то на чердакѣ, и тутъ-то въ первый разъ сошелся съ Б., который только что пріѣхалъ изъ Германіи и тоже замышлялъ составить себѣ карьеру. Они скоро подружились, и Б. съ глубокимъ чувствомъ вспоминаетъ даже и теперь объ этомъ знакомствѣ. Оба были молоды, оба съ одинаковыми надеждами, и оба съ одною и тою же цѣлью. Но Б. еще былъ въ первой молодости; онъ перенесъ еще мало нищеты и горя; сверхъ того, онъ былъ прежде всего нѣмецъ и стремился къ своей цѣли упрямо, систематически, съ совершеннымъ сознаніемъ силъ своихъ и почти разсчитавъ заранѣе, что̀ изъ него выйдетъ,—тогда какъ товарищу его было уже тридцать лѣтъ, тогда какъ уже онъ усталъ, утомился, потерялъ всякое терпѣніе и выбился изъ первыхъ, здоровыхъ силъ своихъ, принужденный цѣлыя семь лѣтъ изъ-за куска хлѣба бродяжничать по провинціальнымъ театрамъ и по оркестрамъ помѣщиковъ. Его поддерживала только одна вѣчная, неподвижная идея выбиться, наконецъ, изъ скверная положенія, скопить денегъ и попасть въ Петербургъ. Но эта идея была темная, неясная; это былъ какой-то неотразимый внутренній призывъ, который, наконецъ, съ годами потерялъ свою первую ясность въ глазахъ самого Ефимова, и когда онъ явился въ Петербургъ, то уже дѣйствовалъ почти безсознательно, по какой-то вѣчной старинной привычкѣ вѣчнаго желанія и обдумыванія этого путешествія, и почти уже самъ не зная, что придется ему дѣлать въ столицѣ. Энтузіазмъ его былъ какой-то судорожный, желчный, порывчатый, какъ будто онъ самъ хотѣлъ обмануть себя этимъ энтузіазмомъ и увѣриться черезъ него, что еще не изсякли въ немъ первая сила, первый жаръ, первое вдохновеніе. Этотъ безпрерывный восторгъ поразилъ холоднаго, методическаго Б.; онъ былъ ослѣпленъ и привѣтствовалъ моего отчима, какъ будущаго великаго музыкальнаго генія. Иначе онъ не могъ и представить себѣ будущую судьбу своего товарища. Но вскорѣ Б. открылъ глаза и разгадалъ его совершенно. Онъ ясно увидѣлъ, что вся эта порывчатость, горячка и нетерпѣніе—не что иное, какъ безсознательное отчаяніе при воспоминаніи о пропавшемъ талантѣ; что даже, наконецъ, и самый талантъ, можетъ-быть, и въ самомъ-то началѣ былъ вовсе не такъ великъ, что много было ослѣпленія, напрасной самоувѣренности, первоначальнаго самоудовлетворенія и безпрерывной фантазіи, безпрерывной мечты о собственномъ

генія. „Но, разсказывалъ Б.,—я не могъ не удивляться странной натурѣ моего товарища. Передо мной совершалась вѣчно отчаянная, лихорадочная борьба сумасшедшаго напряженной воли и внутренняго безсилія. Несчастный цѣлыя семь лѣтъ до того удовлетворялся одними мечтами о будущей славѣ своей, что даже не замѣтилъ, какъ потерялъ самое первоначальное въ нашемъ искусствѣ, какъ утратилъ даже самый первоначальный механизмъ дѣла. А между тѣмъ, въ его безпорядочномъ воображеніи поминутно создавались самые колоссальные планы для будущаго. Мало того, что онъ хотѣлъ быть первокласснымъ геніемъ, однимъ изъ первыхъ скрипачей въ мірѣ; мало того, что уже почиталъ себя такимъ геніемъ,—онъ, сверхъ того, думалъ еще сдѣлаться композиторомъ, не зная ничего о контрапунктѣ. Но всего болѣе изумляло меня, прибавлялъ Б.,—то, что въ этомъ человѣкѣ, при его полномъ безсиліи, при самыхъ ничтожныхъ познаніяхъ въ техникѣ искусства—было такое глубокое, такое ясное и, можно сказать, инстинктивное пониманіе искусства. Онъ до того сильно чувствовалъ его и понималъ про себя, что не диво, если заблудился въ собственномъ сознаніи о самомъ себѣ, и принялъ себя, вмѣсто глубокаго, инстинктивнаго критика искусства, за жреца самого искусства, за генія. Порой ему удавалось на своемъ грубомъ, простомъ языкѣ, чуждомъ всякой науки, говорить мнѣ такія глубокія истины, что я становился втупикъ и не могъ понять, какимъ образомъ онъ угадалъ это все, никогда ничего не читавъ, никогда ничему не учившись, и я много обязанъ ему, прибавлялъ Б.,—ему и его совѣтамъ въ собственномъ усовершенствованіи. Что же касается до меня, продолжалъ Б.,—то я былъ спокоенъ насчетъ себя самого. Я тоже страстно любилъ свое искусство, хотя зналъ при самомъ началѣ моего пути, что большаго мнѣ не надо, что я буду, въ собственномъ смыслѣ, чернорабочій въ искусствѣ: но зато я горжусь тѣмъ, что не зарылъ, какъ лѣнивый рабъ, того, что мнѣ дано было отъ природы, а, напротивъ, возрастилъ сторицею, и если хвалятъ мою отчетливость въ игрѣ, удивляются выработанности механизма, то всѣмъ этимъ я обязанъ безпрерывному, неусыпному труду, ясному сознанію силъ своихъ, добровольному самоуничтоженію и вѣчной вражды къ заносчивости, къ ранней самоудовлетворенія и къ лѣни, какъ естественному слѣдствію этого самоудовлетворенія".

Б., въ свою очередь, попробовалъ подѣлиться совѣтами со своимъ товарищемъ, которому такъ подчинился въ самомъ началѣ, но только напрасно сердилъ его. Между ними послѣдовало охлажденіе. Вскорѣ Б. замѣтилъ, что товарищемъ его все чаще и чаще начинаетъ овладѣвать апатія, тоска и скука, что порывы энтузіазма его становятся рѣже и рѣже, и что за всѣмъ этимъ послѣдовало какое-то мрачное, дикое уныніе. Наконецъ, Ефимовъ началъ оставлять свою скрипку и не притрогивался иногда къ ней по цѣлымъ недѣлямъ. До совершеннаго паденія было недалеко, и вскорѣ несчастный впалъ во всѣ пороки. Отъ чего предостерегалъ его помѣщикъ, то и случилось: онъ предался неумѣренному пьянству. Б. съ ужасомъ смотрѣлъ на него; совѣты его не подѣйствовали, да и кромѣ того, онъ боялся выговорить слово. Мало-по-малу, Ефимовъ дошелъ до самаго крайняго цинизма: онъ нисколько не совѣстился жить на счетъ Б., и даже поступалъ такъ, какъ будто имѣлъ на то полное право. Между тѣмъ, средства къ жизни истощались; Б. кое-какъ перебивался уроками или нанимался играть на вечеринкахъ у купцовъ, у нѣмцевъ, у бѣдныхъ чиновниковъ, которые, хотя понемногу, но что-нибудь платили. Ефимовъ какъ будто не хотѣлъ и замѣтить нужды своего товарища: онъ обращался съ нимъ сурово, и по цѣлымъ недѣлямъ не удостоивалъ его ни однимъ словомъ. Однажды Б. замѣтилъ ему самымъ кроткимъ образомъ, что не худо бы ему было не слишкомъ пренебрегать своей скрипкой, чтобъ не отучить отъ себя совсѣмъ инструмента; тогда Ефимовъ совсѣмъ разсердился и объявилъ, что онъ нарочно не дотронется никогда до своей скрипки, какъ будто воображая, что кто-нибудь будетъ упрашивать его о томъ на колѣняхъ. Другой разъ Б. понадобился товарищъ, чтобъ играть на одной вечеринкѣ, и онъ пригласилъ Ефимова. Это приглашеніе привело Ефимова въ ярость. Онъ съ запальчивостью объявилъ, что онъ не уличный скрипачъ, и не будетъ такъ подлъ, какъ Б., чтобъ унижать благородное искусство, играя передъ подлыми ремесленниками, которые ничего не поймутъ въ его игрѣ и талантѣ. Б. не отвѣтилъ на это ни слова, но Ефимовъ, надувавшись объ этомъ приглашеніи въ отсутствіе своего товарища, который умѣлъ играть, вообразилъ, что все это было только намекомъ на то, что онъ живетъ на счетъ Б., и желаніе дать знать, чтобъ онъ тоже попробовалъ

зарабатывать деньги. Когда Б. вернулся, Ефимовъ вдругъ сталъ укорять его за подлость его поступка, и объявилъ, что не останется болѣе съ нимъ ни минуты. Онъ, дѣйствительно, исчезъ куда-то на два дня, но на третій явился опять, какъ ни въ чемъ не бывало, и снова началъ продолжать свою прежнюю жизнь.

Только прежняя свычка и дружба, да еще сострадание, которое чувствовалъ Б. къ погибшему человѣку, удерживали его отъ намѣренія кончить такое безобразное житье и разстаться навсегда со своимъ товарищемъ. Наконецъ, они разстались. Б. улыбнулось счастье: онъ пріобрѣлъ нѣкое сильное покровительство, и ему удалось дать блестящій концертъ. Въ это время онъ уже былъ превосходный артистъ, и скоро его быстро-возраставшая извѣстность доставила ему мѣсто въ оркестрѣ опернаго театра, гдѣ онъ такъ скоро составилъ себѣ вполнѣ заслуженный успѣхъ. Разставаясь, онъ далъ Ефимову денегъ и со слезами умолялъ его возвратиться на истинный путь.—Б. и теперь не можетъ вспомнить о немъ безъ особеннаго чувства. Знакомство съ Ефимовымъ было однимъ изъ самыхъ глубокихъ впечатлѣній его молодости. Вмѣстѣ они начали свое поприще, такъ горячо привязались другъ къ другу, и даже самая странность, самые грубые, рѣзкіе недостатки Ефимова привязывали къ нему Б. еще сильнѣе.—Б. понималъ его: онъ видѣлъ его насквозь и предузнавалъ, чѣмъ все это кончится. При разставаніи они обнялись и оба заплакали. Тогда Ефимовъ, сквозь слезы и рыданія, проговорилъ, что онъ погибшій, несчастнѣйшій человѣкъ, что онъ давно это зналъ, но что теперь только усмотрѣлъ ясно свою гибель.

— У меня нѣтъ таланта! заключилъ онъ, поблѣднѣвъ какъ мертвый.

Б. былъ сильно тронутъ.

— Послушай, Егоръ Петровичъ, говорилъ онъ ему, — что ты надъ собою дѣлаешь? Ты вѣдь только губишь себя своимъ отчаяніемъ: у тебя нѣтъ ни терпѣнія, ни мужества. Теперь ты говоришь въ припадкѣ унынія, что у тебя нѣтъ таланта. Неправда! У тебя есть талантъ, я тебя въ томъ увѣряю. У тебя онъ есть. Я вижу это ужъ по одному тому, какъ ты чувствуешь и понимаешь искусство. Это я докажу тебѣ и всею твоею жизнію. Ты же разсказывалъ мнѣ о своемъ прежнемъ житьѣ. И тогда тебя посѣтило безсознательно то же отчаяніе. Тогда твоя

первый учитель, этотъ странный человѣкъ, о которомъ ты мнѣ такъ много разсказывалъ, впервые пробудилъ въ тебѣ любовь къ искусству и угадалъ твой талантъ. Ты такъ же сильно и тяжело почувствовалъ это тогда, какъ и теперь чувствуешь. Но ты не зналъ самъ, что̀ съ тобою дѣлается. Тебѣ не жилось въ домѣ помѣщика, и ты самъ не зналъ, чего тебѣ хотѣлось. Учитель твой умеръ слишкомъ рано. Онъ оставилъ тебя только съ одними неясными стремленіями и, главное, не объяснилъ тебѣ тебя же самого. Ты чувствовалъ, что тебѣ нужна другая дорога, болѣе широкая, что тебѣ суждены другія цѣли, но ты не понималъ, какъ это сдѣлается, и въ тоскѣ своей возненавидѣлъ все, что тебя окружало тогда. Твои шесть лѣтъ бѣдности и нищеты не погибли даромъ; ты учился, ты думалъ, ты сознавалъ себя и свои силы, ты понимаешь теперь искусство и свое назначеніе. Другъ мой, нужно терпѣніе и мужество. Тебя ждетъ жребій завиднѣе моего: ты во сто разъ болѣе художникъ, чѣмъ я; но дай Богъ тебѣ хоть десятую долю моего терпѣнія. Учись и не пей, какъ говорилъ тебѣ твой добрый помѣщикъ, а, главное,— начинай сызнова, съ азбуки. Что̀ тебя мучитъ? Бѣдность, нищета? Но бѣдность и нищета образуютъ художника. Онѣ неразлучны съ началомъ. Ты еще никому не нуженъ теперь, никто тебя и знать не хочетъ; такъ свѣтъ идетъ. Подожди, не то еще будетъ, когда узнаютъ, что въ тебѣ есть дарованіе. Зависть, мелочная подлость, а пуще всего глупость налягутъ на тебя сильнѣе нищеты. Таланту нужно сочувствіе, ему нужно, чтобъ его понимали; а ты увидишь, какія лица обступятъ тебя, когда ты хоть немного достигнешь цѣли. Они будутъ ставить ни во что̀ и съ презрѣніемъ смотрѣть на то, что̀ въ тебѣ выработалось тяжкимъ трудомъ, лишеніями, голодомъ, безсонными ночами. Они не ободрятъ, не утѣшатъ тебя, твои будущіе товарищи; они не укажутъ тебѣ на то, что̀ въ тебѣ хорошо и истинно, но съ злою радостью будутъ поднимать каждую ошибку твою, будутъ указывать тебѣ именно на то, что у тебя дурно, на то, въ чемъ ты ошибаешься, и подъ наружнымъ видомъ хладнокровія и презрѣнія къ тебѣ, будутъ какъ праздникъ праздновать каждую твою ошибку (будто кто-нибудь былъ безъ ошибокъ). Ты же заносчивъ, ты часто некстати гордъ и можешь оскорбить самолюбивую ничтожность, и тогда бѣда,—ты будешь одинъ, а ихъ много; они тебя истерзаютъ булав-

ками. Даже я начинаю это испытывать. Оботрись же теперь! Ты еще совсѣмъ не такъ бѣденъ, ты можешь жить, не пренебрегай черной работой, руби дрова, какъ я рубилъ ихъ на вечеринкахъ у бѣдныхъ ремесленниковъ. Но ты нетерпѣливъ, ты боленъ своимъ нетерпѣніемъ, у тебя мало простоты, ты слишкомъ хитришь, слишкомъ много думаешь, много даешь работы своей головѣ; ты дерзокъ на словахъ, и трусишь, когда придется взять въ руки смычокъ. Ты самолюбивъ и въ тебѣ мало смѣлости. Смѣлѣй же, подожди, поучись, и если не надѣешься на силы свои, такъ иди на авось: въ тебѣ есть жаръ, есть чувство. Авось дойдешь до цѣли, а если нѣтъ, все-таки иди на авось: не потеряешь ни въ какомъ случаѣ, потому что выигрышъ слишкомъ великъ. Тутъ, братъ, наше *авось*—дѣло великое!

Ефимовъ слушалъ своего бывшаго товарища съ глубокимъ чувствомъ. Но по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, блѣдность сходила со щекъ его; онѣ оживились румянцемъ; глаза его сверкали непривычнымъ огнемъ смѣлости и надежды. Скоро эта благородная смѣлость перешла въ самоувѣренность, потомъ въ обычную дерзость и, наконецъ, когда Б. оканчивалъ свое увѣщаніе, Ефимовъ уже слушалъ его разсѣянно и съ нетерпѣніемъ. Однакожъ, онъ горячо сжалъ ему руку, поблагодарилъ его и, скорый въ своихъ переходахъ отъ глубокаго самоуничтоженія и уныніи до крайней надменности и дерзости, объявилъ самонадѣянно, чтобъ другъ его не безпокоился объ его участи, что онъ знаетъ, какъ устроить свою судьбу, что скоро и онъ надѣется достать себѣ покровительство, дастъ концертъ и тогда разомъ завоюетъ себѣ и славу, и деньги.—Б. пожалъ плечами, но не противорѣчилъ своему бывшему товарищу, и они разстались, хотя, разумѣется, не надолго. Ефимовъ тотчасъ же прожилъ данныя ему деньги и пришелъ за ними въ другой разъ, потомъ въ четвертый, потомъ въ десятый, наконецъ, Б. потерялъ терпѣніе и не сказывался дома. Съ тѣхъ поръ онъ потерялъ его совсѣмъ изъ виду.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Одинъ разъ Б., возвращаясь съ репетиціи домой, наткнулся въ одномъ переулкѣ, у входа въ грязный трактиръ, на человѣка дурно одѣтаго, хмельного, который назвалъ его по имени. Это былъ Ефимовъ. Онъ очень измѣнился, пожелтѣлъ, отекъ въ лицѣ; видно было, что безпутная жизнь положила на него

свое клеймо неизгладимымъ образомъ.—Б. обрадовался чрезвычайно, и, не успѣвъ перемолвить съ нимъ двухъ словъ, пошелъ за нимъ въ трактиръ, куда тотъ потащилъ его. Тамъ, въ отдаленной, маленькой, закопченой комнатѣ, онъ разглядѣлъ поближе своего товарища. Тотъ былъ почти въ лохмотьяхъ, въ худыхъ сапогахъ: растрепанная манишка его была вся залита виномъ. Волосы на головѣ его начали сѣдѣть и вылѣзать.

— Что съ тобою? Гдѣ ты теперь? спрашивалъ Б.

Ефимовъ сконфузился, даже сробѣлъ сначала, отвѣчалъ безсвязно и отрывисто, такъ что Б. подумалъ, что онъ видитъ предъ собою помѣшаннаго. Наконецъ, Ефимовъ признался, что не можетъ ничего говорить, если не дадутъ выпить водки, и что въ трактирѣ ему уже давно не вѣрятъ. Говоря это, онъ краснѣлъ, хотя и постарался ободрить себя какимъ-то бойкимъ жестомъ; но вышло что-то нахальное, выдѣланное, назойливое, такъ что все было очень жалко и возбудило состраданіе въ добромъ Б., который увидѣлъ, что опасеніе его сбылось вполнѣ. Однакожъ, онъ приказалъ подать водки. Ефимовъ измѣнился въ лицѣ отъ благодарности и до того потерялся, что со слезами на глазахъ готовъ былъ цѣловать руки своего благодѣтеля. За обѣдомъ, Б. узналъ съ величайшимъ удивленіемъ, что несчастный женатъ. Но еще болѣе изумился онъ, когда тутъ же узналъ, что жена составила все его несчастіе и горе, и что женитьба убила вполнѣ весь талантъ его.

— Какъ такъ? спросилъ Б.

— Я, братъ, уже два года, какъ не беру въ руки скрипку, отвѣчалъ Ефимовъ.—Баба, кухарка, необразованная, грубая женщина. Чтобъ ее!.. Только деремся, больше ничего не дѣлаемъ.

— Да зачѣмъ же ты женился, коли такъ?

— Есть было нечего. Я познакомился съ ней: у ней было рублей съ тысячу: я и женился, очертя голову. Она же влюбилась въ меня. Сама ко мнѣ повисла на шею. Кто ее наталкивалъ! Деньги прожиты, пропиты, братецъ, и—какой тутъ талантъ! Все пропало!

Б. увидѣлъ, что Ефимовъ какъ будто спѣшилъ въ чемъ-то передъ нимъ оправдаться.

— Все бросилъ, все бросилъ, прибавилъ онъ. Тутъ онъ ему объявилъ, что въ послѣднее время почти достигъ совершенства на скрипкѣ, что, пожалуй, хотя Б.

и изъ первыхъ скрипачей въ городѣ, а ему и въ подметки не станетъ, если онъ захочетъ того.

— Такъ за чѣмъ же дѣло стало? сказалъ удивленный Б.,—ты бы искалъ себѣ мѣста?

— Не стоитъ! сказалъ Ефимовъ, махнувъ рукою.—Кто изъ васъ тамъ хоть что-нибудь понимаетъ! Что вы знаете? Шишъ, ничего, вотъ что вы знаете! Плясовую какую-нибудь въ балетцѣ какомъ прогудѣть—ваше дѣло. Скрипачей-то вы хорошихъ и не видали, и не слыхали. Чего васъ трогать: оставайтесь себѣ, какъ хотите!

Тутъ Ефимовъ снова махнулъ рукой и покачнулся на стулѣ, потому что порядочно охмелѣлъ. Затѣмъ онъ сталъ звать къ себѣ Б.; но тотъ отказался, взялъ его адресъ и увѣрилъ, что завтра же зайдетъ къ нему. Ефимовъ, который теперь уже былъ сытъ, насмѣшливо поглядывалъ на своего бывшаго товарища и всячески старался чѣмъ-нибудь уколоть его. Когда они уходили, онъ схватилъ богатую шубу Б. и подалъ ее, какъ низшій высшему. Проходя мимо первой комнаты, онъ остановился и отрекомендовалъ Б. трактирщикамъ и публикѣ, какъ первую и единственную скрипку въ цѣлой столицѣ. Однимъ словомъ, онъ былъ чрезвычайно грязенъ въ эту минуту.

Б., однакожъ, отыскалъ его на другое утро, на чердакѣ, гдѣ всѣ мы жили тогда въ крайней бѣдности, въ одной комнатѣ. Мнѣ было тогда четыре года, и уже два года тому, какъ матушка моя вышла за Ефимова. Это была несчастная женщина. Прежде она была гувернантка, была прекрасно образована, хороша собой, и, по бѣдности, вышла замужъ за старика-чиновника, моего отца. Она жила съ нимъ только годъ. Когда же отецъ мой умеръ скоропостижно, и скудное наслѣдство было раздѣлено между его наслѣдниками, матушка осталась одна со мною, съ ничтожною суммою денегъ, которая досталась на ея долю. Идти въ гувернантки опять, съ малолѣтнимъ ребенкомъ на рукахъ, было трудно. Въ это время, какимъ-то случайнымъ образомъ, она встрѣтилась съ Ефимовымъ, и дѣйствительно влюбилась въ него. Она была энтузіастка, мечтательница, видѣла въ Ефимовѣ какого-то генія, повѣрила его заносчивымъ словамъ о блестящей будущности; воображенію ея льстила славная участь быть опорой, руководительницей геніальнаго человѣка, и она вышла за него замужъ. Въ первый же мѣсяцъ исчезли всѣ ея мечты и надежды, и передъ ней осталась жалкая

дѣйствительность. Ефимовъ, который дѣйствительно женился, можетъ-быть, изъ-за того, что у матушки моей была какая-нибудь тысяча рублей денегъ, какъ только онѣ были прожиты, сложилъ руки и, какъ будто радуясь предлогу, немедленно объявилъ всѣмъ и каждому, что женитьба сгубила его талантъ, что ему нельзя было работать въ душной комнатѣ, глазъ-на-глазъ съ голоднымъ семействомъ, что тутъ не пойдутъ на умъ пѣсни да музыка, и что, наконецъ, видно, ему на роду написано было такое несчастіе. Кажется, онъ и самъ потомъ увѣрился въ справедливости своихъ жалобъ и, казалось, обрадовался новой отговоркѣ. Казалось, этотъ несчастный, погибшій талантъ самъ искалъ внѣшняго случая, на который бы можно было свалить всѣ неудачи, всѣ бѣдствія. Увѣриться же въ ужасной мысли, что онъ уже давно и навсегда погибъ для искусства, онъ не могъ. Онъ судорожно боролся, какъ съ болѣзненнымъ кошмаромъ, съ этимъ ужаснымъ убѣжденіемъ и, наконецъ, когда дѣйствительность одолѣвала его, когда минутами открывались его глаза, онъ чувствовалъ, что готовъ былъ сойти съ ума отъ ужаса. Онъ не могъ такъ легко разувѣриться въ томъ, что такъ долго составляло всю жизнь его, и до послѣдней минуты своей думалъ, что минута еще не ушла. Въ часы сомнѣнія, онъ предавался пьянству, которое, своимъ безобразнымъ чадомъ, прогоняло тоску его. Наконецъ, онъ, можетъ-быть, самъ не зналъ, какъ необходима была ему жена въ это время. Это была живая отговорка и, дѣйствительно, мой отчимъ чуть не помѣшался на той идеѣ, что когда онъ схоронитъ жену, *которая погубила его*, все пойдетъ своимъ чередомъ. Бѣдная матушка не понимала его. Какъ настоящая мечтательница, она не вынесла и перваго шага въ враждебной дѣйствительности: она сдѣлалась вспыльчива, желчна, брюзглива, помнутно ссорилась съ мужемъ, который находилъ какое-то наслажденіе мучить ее, и безпрестанно гнала его за работу. Но ослѣпленіе, неподвижная идея моего отчима, его сумасбродство сдѣлали его почти безчеловѣчнымъ и безчувственнымъ. Онъ только смѣялся, и поклялся не брать въ руки скрипки до самой смерти жены, что и объявилъ ей съ жестокой откровенностью. Матушка, которая до самой смерти своей страстно любила его, несмотря ни на что, не могла выносить такой жизни. Она сдѣлалась вѣчно-больною, вѣчно-страждущею, жила въ безпрерыв-

ныхъ терзаніяхъ и, кромѣ всего этого горя, на нее упала вся забота о пропитаніи семейства. Она начала готовить кушанье, и сначала открыла у себя столъ для приходящихъ. Но мужъ таскалъ у нея потихоньку всѣ деньги, и она принуждена была часто отсылать, вмѣсто обѣда, пустую посуду тѣмъ, для которыхъ работала. Когда Б. посѣтилъ насъ, она занималась мытьемъ бѣлья и перекрашиваніемъ стараго платья. Такимъ образомъ, мы всѣ кое-какъ перебивались на нашемъ чердакѣ.

Нищета нашего семейства поразила Б.—Послушай, взоръ ты все говоришь, сказалъ онъ отчиму,—гдѣ тутъ убитыми талантъ? Она же тебя кормитъ, а ты что тутъ дѣлаешь?

— А ничего! отвѣчалъ отчимъ.

Но Б. еще не зналъ всѣхъ бѣдствій матушки. Мужъ часто заводилъ къ себѣ въ домъ цѣлыя ватаги разныхъ сорванцовъ и буяновъ, и тогда чего не было!

Б. долго убѣждалъ своего прежняго товарища: наконецъ, объявилъ ему, что если онъ не захочетъ исправиться, то ни въ чемъ ему не поможетъ; сказалъ безъ околичностей, что денегъ ему не дастъ, потому что онъ ихъ пропьетъ, и попросилъ, наконецъ, сыграть ему что-нибудь на скрипкѣ, чтобъ посмотрѣть, что можно будетъ для него сдѣлать. Когда же отчимъ пошелъ за скрипкой, Б. потихоньку сталъ давать денегъ моей матери, но та не брала. Въ первый разъ ей приходилось принимать подаяніе! Тогда Б. отдалъ ихъ мнѣ, и бѣдная женщина залилась слезами. Отчимъ принесъ скрипку, но сначала попросилъ водки, сказавъ, что безъ этого не можетъ играть. Послали за водкой. Онъ выпилъ и расходился.—Я сыграю тебѣ что-нибудь изъ моего собственнаго, по дружбѣ, сказалъ онъ Б., и вытащилъ толстую, запыленную тетрадь изъ-подъ комода.

— Все это я самъ написалъ, сказалъ онъ, указывая на тетрадь.—Вотъ, ты увидишь! Это, братъ, не ваши балетцы!

Б. молча просмотрѣлъ нѣсколько страницъ; потомъ развернулъ ноты, которыя были при немъ, и попросилъ отчима, оставивъ въ сторонѣ собственное сочиненіе, разыграть что-нибудь изъ того, что онъ самъ принесъ.

Отчимъ немного обидѣлся, однакожъ, боясь потерять новое покровительство, исполнилъ приказаніе Б.—Тутъ Б. увидѣлъ, что прежній товарищъ его дѣйствительно

много занимался и пріобрѣлъ во время ихъ разлуки, хотя хвалился, что уже съ самой женитьбы не беретъ въ руки инструмента. Надобно было видѣть радость моей бѣдной матери. Она глядѣла на мужа и снова гордилась имъ. Искренно обрадовавшись, добрый В. рѣшился пристроить отчима. Онъ уже тогда имѣлъ большія связи и немедленно сталъ просить и рекомендовать своего бѣднаго товарища, взявъ съ него предварительно слово, что онъ будетъ вести себя хорошо. А покамѣстъ онъ одѣлъ его получше, на свой счетъ, и повелъ къ нѣкоторымъ извѣстнымъ лицамъ, отъ которыхъ зависѣло то мѣсто, которое онъ хотѣлъ достать для него. Дѣло въ томъ, что Ефимовъ чванился только на словахъ, но, кажется, съ величайшею радостью принялъ предложеніе своего стараго друга.—В. разсказывалъ, что ему становилось стыдно за всю лесть и за все униженное поклоненіе, которыми отчимъ старался его задобрить, боясь какъ-нибудь потерять его благорасположеніе. Онъ понималъ, что его ставятъ на хорошую дорогу, и даже пересталъ пить. Наконецъ, ему пріискали мѣсто въ оркестрѣ театра. Онъ выдержалъ испытаніе хорошо, потому что въ одинъ мѣсяцъ прилежанія и труда воротилъ все, что потерялъ въ полтора года бездѣйствія, обѣщалъ и впредь заниматься и быть исправнымъ и точнымъ въ своихъ новыхъ обязанностяхъ. Но положеніе нашего семейства совсѣмъ не улучшилось. Отчимъ не давалъ матушкѣ ни копейки изъ жалованья, все проживалъ самъ, пропивалъ и проѣдалъ съ новыми пріятелями, которыхъ тотчасъ же завелъ цѣлый кружокъ. Онъ водился преимущественно съ театральными служителями, хористами, фигурантами, однимъ словомъ, съ такимъ народомъ, между которымъ могъ первенствовать, и избѣгалъ людей истинно талантливыхъ. Онъ успѣлъ имъ внушить къ себѣ какое-то особенное уваженіе, тотчасъ же натолковалъ имъ, что онъ непризнанный человѣкъ, что онъ съ великимъ талантомъ, что его сгубила жена, и что, наконецъ, ихъ капельмейстеръ ничего не смыслитъ въ музыкѣ. Онъ смѣялся надъ всѣми артистами оркестра, надъ выборомъ пьесъ, которыя ставятъ на сцену, и, наконецъ, надъ самими авторами игравшихся оперъ. Наконецъ, онъ началъ толковать какую-то новую теорію музыки, словомъ, надоѣлъ всему оркестру, перессорился съ товарищами, съ капельмейстеромъ, грубилъ начальству, пріобрѣлъ репутацію самаго безпокойнаго,

самаго взрачнаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самаго ничтожнаго человѣка, и довелъ до того, что сталъ для всѣхъ невыносимымъ.

И дѣйствительно, было чрезвычайно странно видѣть, что такой незначительный человѣкъ, такой дурной, безполезный исполнитель и нерадивый музыкантъ, въ то же время съ такими огромными претензіями, съ такою хвастливостью, чванствомъ, съ такимъ рѣзкимъ тономъ.

Кончилось тѣмъ, что отчимъ поссорился съ Б., выдумалъ самую скверную сплетню, самую гадкую клевету, и пустилъ ее въ ходъ за очевидную истину. Его выжили изъ оркестра послѣ полугодовой безпорядочной службы, за нерадивость въ исполненіи обязанности и нетрезвое поведеніе. Но онъ не покинулъ такъ скоро своего мѣста. Скоро его увидѣли въ прежнихъ лохмотьяхъ, потому что порядочное платье все было снова продано и заложено. Онъ сталъ приходить къ прежнимъ сослуживцамъ, рады или не рады были они такому гостю, разносилъ сплетни, болталъ вздоръ, плакался на свое житье-бытье, и звалъ всѣхъ къ себѣ, глядѣть злодѣйку жену его. Конечно, нашлись слушатели, нашлись такіе люди, которые находили удовольствіе, напоивъ выгоннаго товарища, заставлять его болтать всякій вздоръ. Къ тому же, онъ говорилъ всегда остро и умно и пересыпалъ свою рѣчь ѣдкою желчью и разными циническими выходками, которыя нравились извѣстнаго рода слушателямъ. Его принимали за какого-то сумасбродпаго шута, котораго иногда пріятно заставить болтать отъ бездѣлья. Любили дразнить его, говоря при немъ о какомъ-нибудь новомъ заѣзжемъ скрипачѣ. Слыша это, Ефимовъ мѣнялся въ лицѣ, робѣлъ, разузнавалъ, кто пріѣхалъ, и кто такой новый талантъ, и тотчасъ же начиналъ ревновать къ его славѣ. Кажется, только съ этихъ поръ началось его настоящее систематическое помѣшательство,—его неподвижная идея о томъ, что онъ первѣйшій скрипачъ, по крайней мѣрѣ, въ Петербургѣ, но что онъ гонимъ судьбою, обиженъ, по разнымъ интригамъ не понятъ и находится въ неизвѣстности. Послѣднее даже льстило ему, потому что есть такіе характеры, которые очень любятъ считать себя обиженными и угнетенными, жаловаться на это всухъ, или утѣшать себя втихомолку, поклоняясь своему непризнанному величію. Всѣхъ петербургскихъ скрипачей онъ зналъ наперечетъ и, по своимъ понятіямъ, ни въ ком

изъ нихъ не находилъ себѣ соперника. Знатоки и дилетанты, которые знали несчастнаго сумасброда, любили заговорить при немъ о какомъ-нибудь извѣстномъ, талантливомъ скрипачѣ, чтобъ застлить его говорить въ свою очередь. Они любили его злость, его ѣдкія замѣчанія, любили дѣльныя и умныя вещи, которыя онъ говорилъ, критикуя игру своихъ мнимыхъ соперниковъ. Часто не понимали его, но зато были увѣрены, что никто въ свѣтѣ не умѣетъ такъ ловко и въ такой бойкой карикатурѣ изобразить современныя музыкальныя знаменитости. Даже эти самые артисты, надъ которыми онъ такъ насмѣхался, немного боялись его, потому что знали его ѣдкость, сознавались въ дѣльности нападокъ его и въ справедливости его сужденія въ томъ случаѣ, когда нужно было хулить. Его какъ-то привыкли видѣть въ коридорахъ театра и за кулисами. Служители пропускали его безпрепятственно, какъ необходимое лицо, и онъ сдѣлался какимъ-то домашнимъ Ѳерситомъ. Такое житье продолжалось года два или три; но, наконецъ, онъ наскучилъ всѣмъ даже и въ этой послѣдней роли. Послѣдовало формальное изгнаніе и, въ послѣдніе два года своей жизни, отчимъ какъ будто въ воду канулъ, и его уже нигдѣ не видали. Впрочемъ, Б. встрѣтилъ его два раза, но въ такомъ жалкомъ видѣ, что состраданіе еще разъ взяло въ немъ верхъ надъ отвращеніемъ. Онъ позвалъ его, но отчимъ обидѣлся, сдѣлалъ видъ, будто ничего не слыхалъ, нахлобучилъ на глаза свою старую исковерканную шляпу, и прошелъ мимо. Наконецъ, въ какой-то большой праздникъ, Б. доложили поутру, что пришелъ его поздравить прежній товарищъ его, Ефимовъ. Б. вышелъ къ нему. Ефимовъ стоялъ хмельной, началъ кланяться чрезвычайно низко, чуть не въ ноги, что-то шевелилъ губами и упорно не хотѣлъ идти въ комнаты. Смыслъ его поступка былъ тотъ, что гдѣ, дескать, намъ, безталаннымъ людямъ, водиться съ такою знатью, какъ вы; что для насъ, маленькихъ людей, довольно и лакейскаго мѣста, чтобъ съ праздникомъ поздравить: поклонимся и уйдемъ отсюда. Однимъ словомъ, все было сально, глупо и отвратительно гадко. Съ этихъ поръ Б. очень долго не видалъ его, ровно до самой катастрофы, которою разрѣшилась вся эта печальная, болѣзненная и чадная жизнь. Она разрѣшилась страшнымъ образомъ. Эта катастрофа тѣсно связана не только съ первыми впечатлѣ-

ніями моего дѣтства, но даже и со всею моею жизнью. Взять какимъ образомъ случилось она... Но прежде я должна объяснить, что такое было мое дѣтство и что такое былъ для меня этотъ человѣкъ, который такъ мучительно отразился въ первыхъ моихъ впечатлѣніяхъ и который былъ причиною смерти моей обѣихъ матушекъ.

II.

Я начала себя помнить очень поздно, только съ девятаго года. Не знаю, какимъ образомъ все, что было со мною до этого года возраста, не оставило во мнѣ никакого яснаго впечатлѣнія, о которомъ бы я могла теперь вспомнить. Но съ половины девятаго года я помню все отчетливо, день за днемъ, непрерывно, какъ будто все, что ни было потомъ, случилось не далѣе какъ вчера. Правда, я могу какъ будто во снѣ припомнить что-то и раньше: всегда затепленную лампаду въ темномъ углу, у старинаго образа; потомъ, какъ меня однажды сшибли на улицѣ лошадь, отчего, какъ мнѣ послѣ разсказывали, я пролежала больная три мѣсяца; еще, какъ во время этой болѣзни, ночью проснулась я подлѣ матушки, съ которою лежала вмѣстѣ, какъ я вдругъ испугалась моихъ больныхъ сновидѣній, ночной тишины и скребшихся въ углу мышей, и дрожала отъ страха всю ночь, забившись подъ одѣяло, но не смѣя будить матушку, изъ чего я заключаю, что я ее боялась больше всякаго страха. Но съ той минуты, когда я вдругъ начала сознавать себя, и развилась быстро, неожиданно, и много совершенно иныхъ впечатлѣній стали для меня какъ-то страшно доступны. Все проснулось передо мной, все чрезвычайно скоро становилось понятнымъ. Время, съ котораго я начинаю себя хорошо помнить, оставило во мнѣ рѣзкое и грустное впечатлѣніе; это впечатлѣніе повторялось потомъ каждый день и росло съ каждымъ днемъ; оно набросило темный и страшный колоритъ на все время житья моего у родителей, а вмѣстѣ съ тѣмъ — и на все мое дѣтство.

Теперь мнѣ кажется, что я очнулась вдругъ, какъ будто отъ глубокаго сна (хотя тогда это, разумѣется, не было для меня такъ поразительно). Я очутилась въ большой комнатѣ съ низкимъ потолкомъ, душной и нечистой. Стѣны были окрашены грязновато-сѣрою краскою; въ углу стояла огромная русская печь; окна выходили на улицу, или,

лучше сказать, на кровлю противоположнаго дома, и были низенькія, широкія, словно щели. Подоконники приходились такъ высоко отъ полу, что я помню, какъ мнѣ нужно было подставлять стулъ, скамейку и потомъ уже кое-какъ добираться до окна, на которомъ я любила сидѣть, когда никого не было дома. Изъ нашей квартиры было видно полгорода; мы жили подъ самой кровлей, въ шести-этажномъ, огромнѣйшемъ домѣ. Вся наша мебель состояла изъ какого-то остатка клеенчатаго дивана, всего въ пыли и въ мочалахъ, простого бѣлаго стола, двухъ стульевъ, матушкиной постели, шкафика съ чѣмъ-то въ углу, комода, который всегда стоялъ покачнувшись на-бокъ, и разодранныхъ бумажныхъ ширмъ.

Помню, что были сумерки; все было въ безпорядкѣ и разбросано: щетки, какія-то тряпки, наша деревянная посуда, разбитая бутылка и не знаю, что-то такое еще. Помню, что матушка была чрезвычайно взволнована и отчего-то плакала. Отчимъ сидѣлъ въ углу, въ своемъ всегдашнемъ изодранномъ сюртукѣ. Онъ отвѣчалъ ей что-то съ усмѣшкой, что̀ разсердило ее еще болѣе, и тогда опять полетѣли на полъ щетки и посуда. Я заплакала, закричала и бросилась къ нимъ обоимъ. Я была въ ужасномъ испугѣ и крѣпко обняла батюшку, чтобъ заслонить его собою. Богъ знаетъ, отчего показалось мнѣ, что матушка на него напрасно сердится, что онъ не виноватъ; мнѣ хотѣлось просить за него прощенія, вынесть за него какое угодно наказаніе. Я ужасно боялась матушки и предполагала, что и всѣ такъ же боятся ее. Матушка сначала изумилась, потомъ схватила меня за руку и оттащила за ширмы. Я ушибла о кровать руку довольно больно; но испугъ былъ сильнѣе боли, и я даже не поморщилась. Помню еще, что матушка начала что-то горько и горячо говорить отцу, указывая на меня (я буду и впередъ въ этомъ разсказѣ называть его отцомъ, потому что уже гораздо послѣ узнала, что онъ мнѣ не родной). Вся эта сцена продолжалась часа два, и я, дрожа отъ ожиданія, старалась всѣми силами угадать, чѣмъ все это кончится. Наконецъ, ссора утихла, и матушка куда-то ушла. Тутъ батюшка позвалъ меня, поцѣловалъ, погладилъ по головѣ, посадилъ на колѣни, и я крѣпко, сладко прижалась къ груди его. Это была, можетъ-быть, первая ласка родительская, можетъ-быть, оттого-то и я начала все такъ отчетливо помнить съ того времени. Я замѣтила тоже, что за-

служила милость отца за то, что за него заступилась, и тутъ, кажется, въ первый разъ, меня поразила идея, что онъ много терпитъ и выноситъ горя отъ матушки. Съ тѣхъ поръ, эта идея осталась при мнѣ навсегда и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе волнувала меня.

Съ этой минуты началась во мнѣ какая-то безграничная любовь къ отцу, но чудная любовь, какъ будто вовсе не дѣтская. Я бы сказала, что это было скорѣе какое-то сострадательное, *матерское* чувство, если-бъ такое опредѣленіе любви моей не было немного смѣшно для дитяти. Отецъ казался мнѣ всегда до того жалкимъ, до того терпящимъ гоненія, до того задавленнымъ, до того страдальцемъ, что для меня было страшнымъ, неестественнымъ дѣломъ не любить его безъ памяти, не утѣшать его, не ласкаться къ нему, не стараться о немъ всѣми силами. Но до сихъ поръ не понимаю, почему именно могло войти мнѣ въ голову, что отецъ мой такой страдалецъ, такой несчастный человѣкъ въ мірѣ! Кто мнѣ внушилъ это? Какимъ образомъ я, ребенокъ, могла хоть что-нибудь понять въ его личныхъ неудачахъ? А я ихъ понимала, хотя перетолковавъ, передѣлавъ все въ моемъ воображеніи по-своему; но до сихъ поръ не могу представить себѣ, какимъ образомъ составилось во мнѣ такое впечатлѣніе. Можетъ-быть, матушка была слишкомъ строга ко мнѣ, и я привязалась къ отцу, какъ къ существу, которое, по моему мнѣнію, страдаетъ вмѣстѣ со мною, заодно.

Я уже разсказала первое пробужденіе мое отъ младенческаго сна, первое движеніе мое въ жизни. Сердце мое было уязвлено съ перваго мгновенія, и съ непостижимою, утомляющею быстротой началось мое развитіе. Я уже не могла довольствоваться одними внѣшними впечатлѣніями. Я начала думать, разсуждать, наблюдать: но это наблюденіе произошло такъ неестественно рано, что воображеніе мое не могло не передѣлывать всего по-своему, и я вокругъ очутилась въ какомъ-то особенномъ мірѣ. Все вокругъ меня стало походить на ту волшебную сказку, которую часто разсказывалъ мнѣ отецъ и которую я не могла не принять, въ то время, за чистую истину. Родились странныя понятія. Я очень хорошо узнала,—но не знаю, какъ это сдѣлалось,—что живу въ странномъ семействѣ и что родители мои какъ-то вовсе не похожи на тѣхъ людей, которыхъ мнѣ случалось встрѣчать въ это время. Отчего, думала я,—отчего я вижу другихъ людей,

какъ-то и съ виду не похожихъ на моихъ родителей? Отчего я замѣчала смѣхъ на другихъ лицахъ и отчего меня тутъ же поражало то, что въ нашемъ углу никогда не смѣются, никогда не радуются? Какая сила, какая причина заставила меня, девятилѣтняго ребенка, такъ прилежно осматриваться и вслушиваться въ каждое слово тѣхъ людей, которыхъ мнѣ случалось встрѣчать или на нашей лѣстницѣ, или на улицѣ, когда я по вечеру, прикрывъ свои лохмотья старой матушкиной кацавейкой, шла въ лавочку съ мѣдными деньгами купить на нѣсколько грошей сахару, чаю или хлѣба. Я поняла, и ужъ не помню какъ, что въ нашемъ углу—какое-то вѣчное, нестерпимое горе. Я ломала голову, стараясь угадать, почему это такъ, и не знаю, кто мнѣ помогъ разгадать все это по-своему; я обвинила матушку, признала ее за злодѣйку моего отца, и опять говорю: не понимаю, какъ такое чудовищное понятіе могло составиться въ моемъ воображеніи. И насколько я привязалась къ отцу, настолько возненавидѣла мою бѣдную мать. До сихъ поръ воспоминаніе обо всемъ этомъ глубоко и горько терзаетъ меня. Но вотъ другой случай, который еще болѣе, чѣмъ первый, способствовалъ моему странному сближенію съ отцомъ. Разъ, въ десятомъ часу вечера, матушка послала меня въ лавочку за дрождями, а батюшки не было дома. Возвращаясь, я упала на улицѣ и пролила всю чашку. Первая моя мысль была о томъ, какъ разсердится матушка. Между тѣмъ, я чувствовала ужасную боль въ лѣвой рукѣ и не могла встать. Кругомъ меня остановились прохожіе; какая-то старушка начала меня поднимать, а какой-то мальчикъ, пробѣжавшій мимо, ударилъ меня ключомъ въ голову. Наконецъ, меня поставили на ноги, я подобрала черепки разбитой чашки и пошла, шатаясь, едва передвигая ноги. Вдругъ я увидѣла батюшку. Онъ стоялъ въ толпѣ, передъ богатымъ домомъ, который былъ противъ нашего. Этотъ домъ принадлежалъ какимъ-то знатнымъ людямъ и былъ великолѣпно освѣщенъ; у крыльца съѣхалось множество каретъ, и звуки музыки долетали изъ оконъ на улицу. Я схватила батюшку за полу сюртука, показала ему разбитую чашку и, заплакавъ, начала говорить, что боюсь идти къ матушкѣ. Я какъ-то была увѣрена, что онъ заступится за меня. Но почему я была увѣрена, кто подсказалъ мнѣ, кто научилъ меня, что онъ меня любитъ болѣе, чѣмъ матушка? Отчего къ нему я подошла безъ

страха? Онъ взялъ меня за руку, началъ утѣшать, потомъ сказалъ, что хочетъ мнѣ что-то показать, и приподнялъ меня на рукахъ. Я ничего не могла видѣть, потому что онъ схватилъ меня за ушибленную руку и мнѣ стало ужасно больно; но я не закричала, боясь огорчить его. Онъ все спрашивалъ, вижу-ли я что-нибудь? Я всѣми силами старалась отвѣчать въ угоду ему и отвѣчала, что вижу красные занавѣсы. Когда же онъ хотѣлъ перенести меня на другую сторону улицы, ближе къ дому, то, не знаю отчего, вдругъ начала я плакать, обнимать его и проситься скорѣе наверхъ, къ матушкѣ. Я помню, что мнѣ тяжелѣе были тогда ласки батюшки, и я не могла вынести того, что одинъ изъ тѣхъ, кого я такъ хотѣла любить,—ласкаетъ и любитъ меня, и что къ другой я не смѣла и боялась идти. Но матушка почти совсѣмъ не сердилась, и отослала меня спать. Я помню, что боль въ рукѣ, усиливаясь все болѣе и болѣе, нагнала на меня лихорадку. Однакожъ, я была какъ-то особенно счастлива тѣмъ, что все такъ благополучно кончилось, и всю эту ночь мнѣ снился сосѣдній домъ, съ красными занавѣсами.

И вотъ, когда я проснулась на другой день, первою мыслію, первою заботою моею былъ домъ съ красными занавѣсами. Только что матушка вышла со двора, я вскарабкалась на окошко и начала смотрѣть на него. Уже давно этотъ домъ поразилъ мое дѣтское любопытство. Особенно я любила смотрѣть на него ввечеру, когда на улицѣ зажигались огни и когда начинали блестѣть какимъ-то кровавымъ, особеннымъ блескомъ красныя какъ пурпуръ гардины за цѣльными стеклами ярко освѣщеннаго дома. Къ крыльцу почти всегда подъѣзжали богатые экипажи, на прекрасныхъ, гордыхъ лошадяхъ, и все завлекало мое любопытство: и крикъ, и суматоха у подъѣзда, и разноцвѣтные фонари каретъ, и разряженныя женщины, которыя пріѣзжали въ нихъ. Все это въ моемъ дѣтскомъ воображеніи принимало видъ чего-то царственно-пышнаго и сказочно-волшебнаго. Теперь же, послѣ встрѣчи съ отцомъ у богатаго дома, домъ сдѣлался для меня вдвое чудеснѣе и любопытнѣе. Теперь въ моемъ пораженномъ воображеніи начали рождаться какія-то чудныя понятія и предположенія. И я не удивляюсь, что среди такихъ странныхъ людей, какъ отецъ и мать,—я сама сдѣлалась такимъ страннымъ, фантастическимъ ребенкомъ. Меня какъ-то особенно поражалъ контрастъ ихъ характеровъ. Меня по-

ражало, напримѣръ, то, что матушка вѣчно заботилась и хлопотала о нашемъ бѣдномъ хозяйствѣ, вѣчно попрекала отца, что она одна за всѣхъ труженица, и я невольно задавала себѣ вопросъ: почему же батюшка совсѣмъ не помогаетъ ей, почему же онъ какъ будто чужой живетъ въ нашемъ домѣ? Нѣсколько матушкиныхъ словъ дало мнѣ объ этомъ понятіе, и я съ какимъ-то удивленіемъ узнала, что батюшка артистъ (это слово я удержала въ памяти), что батюшка человѣкъ съ талантомъ; въ моемъ воображеніи тотчасъ же сложилось понятіе, что артистъ—какой-то особенный человѣкъ, не похожій на другихъ людей. Можетъ-быть, самое поведеніе отца навело меня на эту мысль; можетъ-быть, я слышала что-нибудь, что теперь вышло изъ моей памяти; но какъ-то странно понятенъ былъ для меня смыслъ словъ отца, когда онъ сказалъ ихъ одинъ разъ при мнѣ съ какимъ-то особеннымъ чувствомъ. Эти слова были, что „придетъ время, когда и онъ не будетъ въ нищетѣ, когда онъ самъ будетъ баринъ и богатый человѣкъ, и что, наконецъ, онъ воскреснетъ снова, когда умретъ матушка“. Помню, я сначала испугалась этихъ словъ до крайности. Я не могла оставаться въ комнатѣ, выбѣжала въ наши холодныя сѣни, и тамъ, облокотясь на окно и закрывъ руками лицо, зарыдала. Но потомъ, когда я поминутно раздумывала объ этомъ, когда я свыклась съ этимъ ужаснымъ желаніемъ отца,—фантазія вдругъ пришла мнѣ на помощь. Да я и сама не могла долго мучиться неизвѣстностью и должна была непремѣнно остановиться на какомъ-нибудь предположеніи. И вотъ,—не знаю, какъ началось это все сначала,—но подъ конецъ я остановилась на томъ, что когда умретъ матушка, батюшка оставитъ эту скучную квартиру и уйдетъ куда-то, вмѣстѣ со мною. Но куда?—я до самаго послѣдняго времени не могла себѣ ясно представить. Помню только, что все, чѣмъ могла я украсить то мѣсто, куда мы пойдемъ съ нимъ (а я непремѣнно рѣшила, что мы пойдемъ вмѣстѣ), все, что только могло создаться блестящаго, пышнаго и великолѣпнаго въ моей фантазіи,—все было приведено въ дѣйствіе въ этихъ мечтаніяхъ. Мнѣ казалось, что мы тотчасъ же станемъ богаты; я не буду ходить на посылкахъ въ лавочку, что было очень тяжело для меня, потому что меня всегда обижали дѣти сосѣдняго дома, когда я выходила изъ дому, и этого я ужасно боялась, особенно, когда несла молоко или масло, зная, что если

пролью, то съ меня строго взыщется; потомъ я порѣшила мечтая, что батюшка тотчасъ сойдетъ собѣ хорошее платье, что мы поселимся въ блестящемъ домѣ, и вотъ теперь— этотъ богатый домъ съ красными занавѣсями и встрѣча возлѣ него съ батюшкою, который хотѣлъ мнѣ что-то показать въ немъ,— пришли на помощь моему воображенію. И тотчасъ же сложилось въ моихъ догадкахъ, что мы переселимся именно въ этотъ домъ и будемъ въ немъ жить въ какомъ-то вѣчномъ праздникѣ и вѣчномъ блаженствѣ. Съ этихъ поръ, по вечерамъ, я съ напряженнымъ любопытствомъ смотрѣла изъ окна на этотъ волшебный для меня домъ, припоминала съѣздъ, припоминала гостей такихъ нарядныхъ, какихъ я никогда еще не видала; мнѣ чудились эти звуки сладкой музыки, вылетавшіе изъ оконъ, я всматривалась въ тѣни людей, мелькавшія на занавѣсахъ оконъ, и все старалась угадать, что такое тамъ дѣлается,— и все казалось мнѣ, что тамъ рай и всегдашній праздникъ. Я возненавидѣла наше бѣдное жилище, лохмотья, въ которыхъ сама ходила, и когда, однажды, матушка закричала на меня и приказала сойти съ окна, на которое я забралась по обыкновенію, то мнѣ тотчасъ же пришло на умъ, что она хочетъ, чтобъ я не смотрѣла именно на этотъ домъ, чтобъ я не думала о немъ, что ей непріятно наше счастіе, что она хочетъ помѣшать ему въ этотъ разъ... Цѣлый вечеръ я внимательно и подозрительно смотрѣла на матушку.

И какъ могла родиться во мнѣ такая ожесточенность къ такому вѣчно страдающему существу, какъ матушка? Только теперь понимаю я ея страдальческую жизнь и безъ боли въ сердцѣ не могу вспоминать объ этой мученицѣ. Даже и тогда, въ темную эпоху моего чувственнаго дѣтства, въ эпоху такого неестественнаго развитія моей нервной жизни, часто сжималось мое сердце отъ боли и жалости,— и тревога, смущеніе и сомнѣніе западали къ мою душу. Уже и тогда совѣсть возставала во мнѣ, и часто, съ мученіемъ и страданіемъ, я чувствовала несправедливость свою къ матушкѣ. Но мы какъ-то чуждались другъ друга, и не помню, чтобъ я хоть разъ приласкалась къ ней. Теперь часто самыя ничтожныя воспоминанія лезутъ и потрясаютъ мою душу. Разъ, помню (конечно, что я разскажу теперь,—ничтожно, мелочно, грубо, но именно такія воспоминанія какъ-то особенно терзаютъ меня и мучительнѣе всего напечатлѣлись въ моей памяти),—разъ,

въ одинъ вечеръ, когда отца не было дома, матушка стала посылать меня въ лавочку купить ей чаю и сахару. Но она все раздумывала и все не рѣшалась, и вслухъ считала мѣдныя деньги,—жалкую сумму, которою могла располагать. Она считала, я думаю, съ полчаса, и все не могла окончить расчетовъ. Къ тому же, въ иныя минуты, вѣроятно, отъ горя, она впадала въ какое-то безмыслiе. Какъ теперь помню, она все что-то приговаривала, считая тихо, размѣренно, какъ будто роняя слова ненарочно; губы и щеки ея были блѣдны, руки всегда дрожали, и она всегда качала головою, когда разсуждала наединѣ.— „Нѣтъ, не нужно“, сказала она, поглядѣвъ на меня,—„я лучше спать лягу. А? Хочешь ты спать, Нѐточка?“ Я молчала; тутъ она приподняла мою голову и посмотрѣла на меня такъ тихо, такъ ласково, лицо ея прояснѣло и озарилось такою материнскою улыбкой, что все сердце запыло во мнѣ и крѣпко забилось. Къ тому же, она меня назвала Нѐточкой, что̀ значило, что въ эту минуту она особенно любитъ меня. Это названiе она изобрѣла сама, любовно передѣлавъ мое имя, Анна, въ уменьшительное Нѐточка, и когда она называла меня такъ, то значило, что ей хотѣлось приласкать меня. Я была тронута; мнѣ хотѣлось обнять ее, прижаться къ ней и заплакать съ нею вмѣстѣ. Она, бѣдная, долго гладила меня потомъ по головѣ,—можетъ-быть, уже машинально и позабывъ, что ласкаетъ меня, и все приговаривала: „дитя мое, Аннета, Нѐточка!“ Слезы рвались изъ глазъ моихъ, но я крѣпилась и удерживалась. Я какъ-то упорствовала, не выказывая передъ ней моего чувства, хотя сама мучилась. Да, это не могло быть естественнымъ ожесточенiемъ во мнѣ. Она не могла такъ возбудить меня противъ себя единственно только строгостью своею со мною. Нѣтъ! Меня испортила фантастическая, исключительная любовь моя къ отцу. Иногда я просыпалась по ночамъ, въ углу, на своей коротенькой подстилкѣ, подъ холоднымъ одѣяломъ, и мнѣ всегда становилось чего-то страшно. Впросонкахъ я вспоминала о томъ, какъ еще недавно, когда я была поменьше, спала вмѣстѣ съ матушкой и меньше боялась проснуться ночью; стоило только прижаться къ ней, зажмурить глаза и крѣпче обнять ее,—и тотчасъ, бывало, заснешь. Я все еще чувствовала, что какъ-то не могла не любить ее потихоньку. Я замѣтила потомъ, что и многiя дѣти часто бываютъ уродливо безчувственны, и если

полюбятъ кого, то любятъ исключительно. Такъ было и со мною.

Иногда въ нашемъ углу наступала мертвая тишина на цѣлыя недѣли. Отецъ и мать уставали ссориться, и я жила между ними попрежнему, все молча, все думая, все тоскуя и все что-то добиваясь въ мечтахъ моихъ. Приглядываясь къ нимъ обоимъ, я поняла вполнѣ ихъ взаимныя отношенія другъ къ другу: я поняла эту глухую, вѣчную вражду ихъ, поняла все это горе и весь этотъ чадъ безпорядочной жизни, которая утвердилась въ нашемъ углу,—конечно, поняла безъ причинъ и слѣдствій, поняла настолько, насколько понять могла. Бывало, съ длинные зимніе вечера, забившись куда-нибудь въ уголъ, я по цѣлымъ часамъ жадно слѣдила за ними, всматривалась въ лицо отца и все старалась догадаться, о чемъ онъ думаетъ, что такъ занимаетъ его. Потомъ меня поражала и пугала матушка. Она все ходила, не уставая, взадъ и впередъ по комнатѣ, по цѣлымъ часамъ, часто даже и ночью, во время безсонницы, которою мучилась, ходила что-то шепча про себя, какъ будто была одна въ комнатѣ, то разводя руками, то скрестивъ ихъ у себя на груди, то ломая ихъ въ какой-то страшной, нестерпимой тоскѣ. Иногда слезы струились у ней по лицу, слезы, которыхъ она часто и сама, можетъ-быть, не понимала, потому что по временамъ впадала въ забытье. У ней была какая-то очень трудная болѣзнь, которою она совершенно пренебрегала.

Я помню, что мнѣ все тягостнѣе и тягостнѣе становилось мое одиночество и молчаніе, котораго я не смѣла прервать. Уже цѣлый годъ жила я сознательною жизнью, все думая, мечтая и мучаясь потихоньку невѣдомыми, неясными стремленіями, которыя зарождались внутри. Я дичала, какъ будто въ лѣсу. Наконецъ, батюшка первый замѣтилъ меня, подозвалъ къ себѣ и спросилъ, зачѣмъ я такъ пристально гляжу на него. Не помню, что я ему отвѣчала: помню, что онъ объ чемъ-то задумался и, наконецъ, сказалъ, поглядывая на меня, что завтра же принесетъ азбуку и начнетъ учить меня читать. Я съ нетерпѣніемъ ожидала этой азбуки и промечтала всю ночь, неясно понимая, что такое эта азбука. Наконецъ, на другой день, отецъ дѣйствительно началъ учить меня. Поняв съ двухъ словъ, чего отъ меня требовали, я выучила скоро и быстро, ибо знала, что этимъ угожу ему. Это было

самое счастливое время моей тогдашней жизни. Когда онъ хвалилъ меня за понятливость, гладилъ по головѣ и цѣловалъ, я тотчасъ же начинала плакать отъ восторга. Мало-по-малу, отецъ полюбилъ меня: я уже осмѣливалась заговаривать съ нимъ, и часто мы говорили съ нимъ цѣлые часы не уставая, хотя я иногда не понимала ни слова изъ того, что онъ мнѣ говорилъ. Но я какъ-то боялась его, боялась, чтобъ онъ не подумалъ, что мнѣ съ нимъ скучно, и потому всѣми силами старалась показать ему, что все понимаю. Сидѣть со мною по вечерамъ обратилось у него, наконецъ, въ привычку. Какъ только начинало смеркаться и онъ возвращался домой, я тотчасъ же подходила къ нему съ азбукой. Онъ сажалъ меня противъ себя на скамейку и послѣ урока начиналъ читать какую-то книжку. Я ничего не понимала, но хохотала безъ умолку, думая доставить ему этимъ большое удовольствіе. Дѣйствительно, я занимала его, и ему было весело смотрѣть на мой смѣхъ. Въ это же время, онъ однажды, послѣ урока, началъ мнѣ разсказывать сказку. Это была первая сказка, которую мнѣ пришлось слышать. Я сидѣла какъ зачарованная, горѣла въ нетерпѣніи, слѣдя за разсказомъ, переносилась въ какой-то край, слушая его, и къ концу разсказа была въ полномъ восторгѣ. Не то чтобъ такъ дѣйствовала на меня сказка,—нѣтъ, но я все брала за истину, тутъ же давала волю своей богатой фантазіи и тотчасъ же смѣшивала съ вымысломъ дѣйствительность. Тотчасъ являлся въ воображеніи моемъ и домъ съ красными занавѣсами; тутъ же, неизвѣстно какимъ образомъ, являлся, какъ дѣйствующее лицо, и отецъ, который самъ же мнѣ разсказывалъ эту сказку, и матушка, мѣшавшая намъ обоимъ идти неизвѣстно куда,—наконецъ, или, лучше сказать, прежде всего, я, съ своими чудными мечтами, съ своей фантастической головой, полной дикими, невозможными призраками: все это до того перемѣшивалось въ умѣ моемъ, что вскорѣ составило самый безобразный хаосъ, и я нѣкоторое время потеряла всякій тактъ, всякое чувство настоящаго, дѣйствительнаго, и жила Богъ знаетъ гдѣ. Въ это время я умирала отъ нетерпѣнія заговорить съ отцомъ о томъ, что ожидаетъ насъ впереди, чего такого онъ самъ ожидаетъ и куда поведетъ меня вмѣстѣ съ собою, когда мы оставимъ, наконецъ, нашъ чердакъ. Я была увѣрена, съ своей стороны, что все это какъ-то скоро совершится, но какъ и въ какомъ видѣ все это будетъ,—не

знала и только мучила себя, ломая надъ этимъ голову. Порой—и случалось это особенно по вечерамъ—мнѣ казалось, что батюшка вотъ-вотъ тотчасъ мигнетъ мнѣ украдкой, вызоветъ меня въ сѣни; я, мимоходомъ, потихоньку отъ матушки, захвачу свою азбуку и еще нашу картину, какую-то дрянную литографію, которая съ незапамятныхъ временъ висѣла безъ рамки на стѣнѣ и которую я рѣшила непремѣнно взять съ собою, и мы куда-нибудь убѣжимъ потихоньку, такъ что ужъ никогда болѣе не воротимся домой къ матушкѣ. Однажды, когда матушки не было дома, я выбрала минуту, когда отецъ былъ особенно веселъ, — а это случалось съ нимъ, когда онъ чуть-чуть выпьетъ вина,—подошла къ нему и заговорила о чемъ-то, въ намѣреніи тотчасъ свернуть разговоръ на мою завѣтную тему. Наконецъ, я добилась, что онъ засмѣялся, и я, крѣпко обнявъ его, съ трепещущимъ сердцемъ, совсѣмъ испугавшись, какъ будто приготовлялась говорить о чемъ-то таинственномъ и страшномъ, начала, безсвязно и путаясь на каждомъ шагу, разспрашивать его: куда мы пойдемъ, скоро-ли, что̀ возьмемъ съ собою, какъ будемъ жить, и, наконецъ, пойдемъ-ли мы въ домъ съ красными занавѣсами?

— Домъ? Красные занавѣсы? Что такое? О чемъ ты бредишь, глупая?

Тогда я, испугавшись больше прежняго, начала ему объяснять, что когда умретъ матушка, то мы уже не будемъ больше жить на чердакѣ, что онъ куда-то поведетъ меня, что мы оба будемъ богаты и счастливы, и увѣряла его, наконецъ, что онъ самъ мнѣ обѣщалъ все это. Увѣряя его, я была совершенно увѣрена, что дѣйствительно отецъ мой говорилъ объ этомъ прежде, по крайней мѣрѣ, мнѣ это такъ казалось.

— Мать? Умерла? Когда умретъ мать? повторялъ онъ, смотря на меня въ изумленіи, нахмуря свои густыя съ просѣдью брови и немного измѣнившись въ лицѣ. — Что ты это говоришь, бѣдная, глупая...

Тутъ онъ началъ бранить меня и долго говорилъ мнѣ, что я глупый ребенокъ, что я ничего не понимаю... и не помню что̀ еще, но только онъ былъ очень огорченъ.

Я не поняла ни слова изъ его упрековъ, не поняла, какъ больно было ему, что я вслушалась въ его слова, сказанныя матушкѣ въ гнѣвѣ и глубокой тоскѣ, заучила ихъ и уже много думала о нихъ про себя. Какъ онъ

ни былъ тогда, какъ ни было сильно его собственное сумасбродство, но все это, естественно, должно было поразить его. Однакожъ, хоть я совсѣмъ не понимала, за что̀ онъ сердитъ, мнѣ стало ужасно горько и грустно; я заплакала; мнѣ показалось, что все, насъ ожидавшее, было такъ важно, что я, глупый ребенокъ, не смѣла ни говорить, ни думать объ этомъ. Кромѣ того, хоть я и не поняла его съ перваго слова, однако, почувствовала, хотя и темнымъ образомъ, что я обидѣла матушку. На меня напалъ страхъ и ужасъ, и сомнѣнія закрались въ душу. Тогда онъ, видя, что я плачу и мучаюсь, началъ утѣшать меня, отеръ мнѣ рукавомъ слезы и велѣлъ мнѣ не плакать. Однако, мы оба просидѣли нѣсколько времени молча; онъ нахмурился и, казалось, о чемъ-то раздумывалъ; потомъ снова началъ мнѣ говорить; но какъ я ни напрягала вниманіе,—все, что̀ онъ ни говорилъ, казалось мнѣ чрезвычайно неяснымъ. По нѣкоторымъ словамъ этого разговора, которыя я до сихъ поръ упомнила, заключаю, что онъ объяснялъ мнѣ, кто онъ такой, какой онъ великій артистъ, какъ его никто не понимаетъ, и что онъ человѣкъ съ большимъ талантомъ. Помню еще, что, спросивъ, поняла-ли я, и, разумѣется, получивъ отвѣтъ удовлетворительный, онъ заставилъ меня повторить: съ талантомъ-ли онъ? Я отвѣчала: „съ талантомъ“, на что̀ онъ слегка усмѣхнулся, потому что, можетъ-быть, къ концу ему самому стало смѣшно, что онъ заговорилъ о такомъ серьезномъ для него предметѣ со мною. Разговоръ нашъ прервалъ своимъ приходомъ Карлъ Ѳедорычъ, и я засмѣялась и развеселилась совсѣмъ, когда батюшка, указавъ на него, сказалъ мнѣ:

— А вотъ такъ у Карла Ѳедорыча нѣтъ ни на копейку таланта.

Этотъ Карлъ Ѳедоровичъ былъ презанимательное лицо. Я такъ мало видѣла людей въ ту пору моей жизни, что никакъ не могла позабыть его. Какъ теперь представляю его себѣ: онъ былъ нѣмецъ, по фамиліи Мейеръ, родомъ изъ Германіи, и пріѣхалъ въ Россію съ чрезвычайнымъ желаніемъ поступить въ петербургскую балетную труппу. Но танцоръ онъ былъ очень плохой, такъ что его даже не могли принять въ фигуранты и употребляли въ театрѣ для выходовъ. Онъ игралъ разныя безмолвныя роли въ свитѣ Фортинбраса, или былъ одинъ изъ тѣхъ рыцарей Веропы, которые всѣ разомъ, въ числѣ двадцати че-

ловѣкъ, поднимаютъ кверху картонные кинжалы и кричатъ: „умремъ за короля!“ Но ужъ вѣрно не было ни одного актера на свѣтѣ, такъ страстно преданнаго своимъ ролямъ, какъ этотъ Карлъ Ѳедорычъ. Самымъ же страшнымъ несчастіемъ и горемъ всей его жизни было то, что онъ не попалъ въ балетъ. Балетное искусство онъ ставилъ выше всякаго искусства на свѣтѣ, и въ своемъ родѣ былъ столько же привязанъ къ нему, какъ батюшка къ скрипкѣ. Они сошлись съ батюшкой, когда еще служили въ театрѣ, и съ тѣхъ поръ отставной фигурантъ не оставлялъ его. Оба видѣлись очень часто, и оба оплакивали свой пагубный жребій и то, что они не узнаны людьми. Нѣмецъ былъ самый чувствительный, самый нѣжный человѣкъ въ мірѣ и питалъ къ моему отчиму самую пламенную, безкорыстную дружбу; но батюшка, кажется, не имѣлъ къ нему никакой особенной привязанности, и только терпѣлъ его въ числѣ знакомыхъ, за неимѣніемъ кого другого. Сверхъ того, батюшка никакъ не могъ понять въ своей исключительности, что балетное искусство— тоже искусство, чѣмъ обижалъ бѣднаго нѣмца до слезъ. Зная его слабую струнку, онъ всегда задѣвалъ ее и смѣялся надъ несчастнымъ Карломъ Ѳедоровичемъ, когда тотъ горячился и выходилъ изъ себя, доказывая противное. Многое я слышала потомъ объ этомъ Карлѣ Ѳедоровичѣ отъ Б., который называлъ его нюренбергскимъ щелкупомъ. Б. разсказалъ очень многое о дружбѣ его съ отцомъ; между прочимъ, они не разъ сходились вмѣстѣ, и, выпивъ немного, начинали вмѣстѣ плакать о своей судьбѣ, о томъ, что они не узнаны. Я помню эти сходки, помню тоже, что и я, смотря на обоихъ чудаковъ, тоже, бывало, расхныкаюсь, сама не зная о чемъ. Это случалось всегда, когда матушки не бывало дома: нѣмецъ ужасно боялся ее и всегда, бывало, постоитъ напередъ въ сѣняхъ, дождется, покамѣстъ кто-нибудь выйдетъ, а если узнаетъ, что матушка дома, тотчасъ же побѣжитъ внизъ по лѣстницѣ. Онъ всегда приносилъ съ собой какіе-то нѣмецкіе стихи, воспламенялся, читая ихъ вслухъ намъ обоимъ, и потомъ декламировалъ ихъ, переводя ломанымъ языкомъ по-русски, для нашего уразумѣнія. Это очень веселило батюшку, а я, бывало, хохотала до слезъ. Но разъ они оба достали какое-то русское сочиненіе, которое чрезвычайно воспламенило ихъ обоихъ, такъ что потомъ они уже почти всегда, сходясь вмѣстѣ, читали его. Помню,

что это была драма въ стихахъ какого-то знаменитаго русскаго сочинителя. Я такъ хорошо затвердила первыя строки этой книги, что потомъ уже черезъ нѣсколько лѣтъ, когда она случайно попалась мнѣ въ руки, узнала ее безъ труда. Въ этой драмѣ толковалось о несчастіяхъ одного великаго художника, какого-то Дженаро или Джакобо, который на одной страницѣ кричалъ: „я не признанъ!“, а на другой: „я признанъ!“, или: „я безталантенъ!“, и потомъ, черезъ нѣсколько строкъ: „я съ талантомъ“. Все оканчивалось очень плачевно. Эта драма была, конечно, чрезвычайно пошлое сочиненіе; но, вотъ чудо, — она самымъ наивнымъ и трагическимъ образомъ дѣйствовала на обоихъ читателей, которые находили въ главномъ героѣ много сходства съ собою. Помню, что Карлъ Ѳедоровичъ иногда до того воспламенялся, что вскакивалъ съ мѣста, отбѣгалъ въ противуположный уголъ комнаты и просилъ батюшку и меня, которую называлъ „мадмуазель“, неотступно, убѣдительно, со слезами на глазахъ, тутъ же, на мѣстѣ, разсудить его съ судьбой и съ публикой. Тутъ онъ немедленно принимался танцовать и, выдѣлывая разныя па, кричалъ намъ, чтобъ мы ему немедленно сказали, что онъ такое — артистъ или пѣтъ, и что можно-ли сказать противное, то-есть, что онъ безъ таланта? Батюшка тотчасъ же развеселялся, мигалъ мнѣ исподтишка, какъ будто предупреждая, что вотъ онъ сейчасъ презабавно посмѣется надъ нѣмцемъ. Мнѣ становилось ужасно смѣшно, но батюшка грозилъ рукою, и я крѣпилась, задыхаясь отъ смѣха. Я даже и теперь, при одномъ воспоминаніи, не могу не смѣяться. Какъ теперь вижу этого бѣднаго Карла Ѳедоровича. Онъ былъ премаленькаго роста, чрезвычайно тонепькій, уже сѣдой, съ горбатымъ краснымъ носомъ, запачканнымъ табакомъ, и съ преуродливыми кривыми ногами; но, несмотря на то, онъ какъ будто хвалился устройствомъ ихъ и носилъ панталоны въ обтяжку. Когда онъ останавливался, съ послѣднимъ прыжкомъ, въ позицію, простирая къ намъ руки и улыбаясь намъ, какъ улыбаются на сценѣ танцовщики по окончаніи па, батюшка нѣсколько мгновеній хранилъ молчаніе, какъ бы не рѣшаясь произнести сужденіе, и нарочно оставлялъ непризнаннаго танцовщика въ позиціи, такъ что тотъ колыхался изъ стороны въ сторону на одной ногѣ, всѣми силами стараясь сохранить равновѣсіе. Наконецъ, батюшка съ пресерьезною миною взглядывалъ на меня, какъ бы

приглашая быть безпристрастною свидѣтельницей сужденія, а вмѣстѣ съ тѣмъ устремлялись на меня и робкіе, молящіе взгляды танцовщика.

— Нѣтъ, Карлъ Ѳедорычъ, никакъ не потрафишь! говорилъ, наконецъ, батюшка, притворяясь, что ему самому непріятно высказывать горькую истину. Тогда изъ груди Карла Ѳедоровича вырывалось настоящее стенаніе; но вмигъ онъ ободрялся, ускоренными жестами вновь просилъ вниманія, увѣрялъ, что танцовалъ не по той системѣ, и умолялъ насъ разсудить еще разъ. Потомъ онъ снова отбѣгалъ въ другой уголъ и иногда прыгалъ такъ усердно, что головой касался потолка и больно ушибался, но, какъ спартанецъ, геройски выдерживалъ боль, снова останавливался въ позитурѣ, снова съ улыбкою простиралъ къ намъ дрожащія руки и снова просилъ рѣшенія судьбы своей. Но батюшка былъ неумолимъ и попрежнему угрюмо отвѣчалъ:

— Нѣтъ, Карлъ Ѳедорычъ, видно — судьба твоя: никакъ не потрафишь!

Тутъ ужъ я болѣе не выдерживала и покатывалась со смѣху, а за мною батюшка. Карлъ Ѳедорычъ замѣчалъ, наконецъ, насмѣшку, краснѣлъ отъ негодованія и, со слезами на глазахъ, съ глубокимъ, хотя и комическимъ, чувствомъ, по которое заставляло меня потомъ мучиться за него, несчастнаго, говорилъ батюшкѣ:

— Ты виролёмный друкъ!

Потомъ онъ схватывалъ шляпу и убѣгалъ отъ насъ, клянясь всѣмъ на свѣтѣ не приходить никогда. Но ссоры эти были непродолжительны; черезъ нѣсколько дней онъ снова являлся у насъ, снова начиналось чтеніе знаменитой драмы, снова проливались слезы, и потомъ снова наивный Карлъ Ѳедоровичъ просилъ насъ разсудить его съ людьми и съ судьбою, только умолялъ на этотъ разъ уже судить серьезно, какъ слѣдуетъ истиннымъ друзьямъ, а не смѣяться надъ нимъ.

Разъ матушка послала меня въ лавочку, за какой-то покупкой, и я возвращалась, бережно неся мелкую серебряную монету, которую мнѣ сдали. Входя на лѣстницу, я повстрѣчалась съ отцомъ, который выходилъ со двора. Я засмѣялась ему, потому что не могла удержать своего чувства, когда его видѣла, и онъ, нагибаясь поцѣловать меня, замѣтилъ въ моей рукѣ серебряную монету... Я позабыла сказать, что я такъ пріучилась къ вы-

раженію лица его, что тотчасъ же, съ перваго взгляда, узнавала почти всякое его желаніе. Когда онъ былъ грустенъ, я разрывалась отъ тоски. Всего же чаще и сильнѣе скучалъ онъ, когда у него совершенно не было денегъ и когда онъ не могъ, поэтому, выпить ни капли вина, къ которому сдѣлалъ привычку. Но въ эту минуту, когда я съ нимъ повстрѣчалась на лѣстницѣ, мнѣ показалось, что въ немъ происходитъ что-то особенное. Помутившіеся глаза его блуждали; съ перваго раза онъ не замѣтилъ меня; но когда онъ увидѣлъ въ моихъ рукахъ блеснувшую монету, то вдругъ покраснѣлъ, потомъ поблѣднѣлъ, протянулъ было руку, чтобъ взять у меня деньги, и тотчасъ же отдернулъ ее назадъ. Очевидно, въ немъ происходила борьба. Наконецъ, онъ какъ будто осилилъ себя, приказалъ мнѣ идти наверхъ, сошелъ нѣсколько ступеней внизъ, но вдругъ остановился и торопливо крикнулъ меня.

Онъ былъ очень смущенъ.

— Послушай, Нѣточка, сказалъ онъ, — дай мнѣ эти деньги, я тебѣ ихъ назадъ принесу. А? Ты вѣдь дашь ихъ папѣ? Ты вѣдь добренькая, Нѣточка?

Я какъ будто предчувствовала это. Но въ первое мгновеніе мысль о томъ, какъ разсердится матушка, робость, и болѣе всего инстинктивный стыдъ за себя и за отца, удерживали меня отдать деньги. Онъ мигомъ замѣтилъ это и поспѣшно сказалъ:

— Ну, не нужно, не нужно!..

— Нѣтъ, нѣтъ, папа, возьми; я скажу, что потеряла, что у меня отняли сосѣдскія дѣти.

— Ну, хорошо, хорошо; вѣдь зналъ, что ты умная дѣвочка, сказалъ онъ, улыбаясь дрожащими губами и не скрывая болѣе своего восторга, когда почувствовалъ деньги въ рукахъ. — Ты добрая дѣвочка, ты ангельчикъ мой! Вотъ, дай тебѣ я ручку поцѣлую!

Тутъ онъ схватилъ мою руку и хотѣлъ поцѣловать, но я быстро отдернула ее. Какая-то жалость овладѣла мною и стыдъ все больше начиналъ меня мучить. Я побѣжала наверхъ въ какомъ-то испугѣ, бросивъ отца и не простившись съ нимъ. Когда я вошла въ комнату, щеки мои разгорѣлись и сердце билось отъ какого-то томительнаго и мнѣ невѣдомаго доселѣ ощущенія. Однако, я смѣло сказала матушкѣ, что уронила деньги въ снѣгъ и не могла ихъ сыскать. Я ожидала, но

крайней мѣрѣ, побой, но этого не случилось. Матушка дѣйствительно была сначала внѣ себя отъ огорченія, потому что мы были ужасно бѣдны. Она закричала на меня, но тотчасъ же какъ будто одумалась и перестала бранить меня, замѣтивъ только, что я неловкая, неразвитая дѣвочка, и что я, видно, мало люблю ее, когда такъ худо смотрю за ея добромъ. Это замѣчаніе огорчило меня болѣе, нежели когда бы я вынесла побои. Но матушка уже знала меня. Она уже замѣтила мою чувствительность, доходившую часто до болѣзненной раздражительности, и горькими упреками въ нелюбви думала сильнѣе поразить меня и заставить быть осторожнѣе на будущее время.

Въ сумерки, когда должно было воротиться батюшкѣ, я, по обыкновенію, дожидалась его въ сѣняхъ. Въ этотъ разъ я была въ большомъ смущеніи. Чувства мои были возмущены чѣмъ-то болѣзненно-терзавшимъ совѣсть мою. Наконецъ, отецъ воротился, и я очень обрадовалась его приходу, какъ будто думала, что отъ этого мнѣ станетъ легче. Онъ былъ уже на-веселѣ, но, увидѣвъ меня, тотчасъ же принялъ таинственный, смущенный видъ, и, отведя меня въ уголъ, робко взглядывая на нашу дверь, вынулъ изъ кармана купленный имъ пряникъ и началъ шопотомъ наказывать мнѣ, чтобъ я болѣе никогда не смѣла брать денегъ и таить ихъ отъ матушки, что это дурно и стыдно и очень нехорошо; теперь это сдѣлалось потому, что деньги очень понадобились намъ, но онъ отдастъ, и я могу сказать потомъ, что нашла деньги, а у мамы брать стыдно, и чтобъ я впередъ отнюдь и не думала, а онъ мнѣ за это, если я впередъ буду слушаться, еще пряниковъ купитъ; наконецъ, онъ даже прибавилъ, чтобъ я пожалѣла маму, что мама такая больная, бѣдная, что она одна на насъ всѣхъ работаетъ. Я слушала въ страхѣ, дрожа всѣмъ тѣломъ, и слезы тѣснились изъ глазъ моихъ. Я была такъ поражена, что не могла слова сказать, не могла двинуться съ мѣста. Наконецъ, онъ вошелъ въ комнату, приказалъ мнѣ не плакать и не разсказывать ничего объ этомъ матушкѣ. Я замѣтила, что онъ и самъ былъ ужасно смущенъ. Весь вечеръ я была въ какомъ-то ужасѣ, и первый разъ не смѣла глядѣть и не подходила къ нему. Онъ тоже видимо избѣгалъ моихъ взглядовъ. Матушка ходила взадъ и впередъ по комнатѣ и говорила что-то про себя, какъ бы въ забытьи, по своему обыкновенію. Въ этотъ день ей было хуже и съ ней сдѣ-

лался какой-то припадокъ. Наконецъ, отъ внутренняго страданія у меня началась лихорадка. Когда настала ночь, я не могла заснуть. Болѣзненныя сновидѣнія мучили меня. Наконецъ, я не могла вынести и начала горько плакать. Рыданія мои разбудили матушку; она окликнула меня и спросила, что̀ со мною. Я не отвѣчала, но еще горьче заплакала. Тогда она засвѣтила свѣчку, подошла ко мнѣ и начала меня успокаивать, думая, что я испугалась чего-нибудь во снѣ.—„Эхъ, ты, глупенькая дѣвушка! сказала она,—до сихъ поръ еще плачешь, когда тебѣ что-нибудь приснится. Ну, полно же!“ И тутъ она поцѣловала меня, сказавъ, чтобъ я шла спать къ ней. Но я не хотѣла, я не смѣла обнять ее и идти къ ней. Я терзалась въ невообразимыхъ мученіяхъ. Мнѣ хотѣлось ей все разсказать. Я уже было начала, но мысль о батюшкѣ и объ его запретѣ остановила меня. „Экая ты бѣдненькая, Нёточка! сказала матушка, укладывая меня на постель и укутывая своимъ старымъ салопомъ, ибо замѣтила, что я вся дрожу въ лихорадочномъ ознобѣ. — ты вѣрно будешь такая же больная, какъ я!“ Тутъ она такъ грустно посмотрѣла на меня, что я не могла вынести ея взгляда, зажмурилась и отворотилась. Не помню, какъ я заснула, но еще впросонкахъ долго слышала, какъ бѣдная матушка уговаривала меня на грядущій сонъ. Никогда я еще не выносила болѣе тяжкой муки. Сердце у меня стѣснялось до боли. На другой день, поутру, мнѣ стало легче. Я заговорила съ батюшкой, не поминая о вчерашнемъ, ибо догадывалась заранѣе, что это будетъ ему очень пріятно. Онъ тотчасъ же развеселился, потому что и самъ все хмурился, когда глядѣлъ на меня. Теперь же какая-то радость, какое-то почти дѣтское довольство овладѣло имъ при моемъ веселомъ видѣ. Скоро матушка пошла со двора, и онъ уже болѣе не удерживался. Онъ началъ меня цѣловать такъ, что я была въ какомъ-то истерическомъ восторгѣ, смѣялась и плакала вмѣстѣ. Наконецъ, онъ сказалъ, что хочетъ показать мнѣ что-то очень хорошее и что̀ я буду очень рада видѣть, за то, что я такая умненькая и добренькая дѣвочка. Тутъ онъ разстегнулъ жилетку и вынулъ ключъ, который у него висѣлъ на шеѣ, на черномъ шнуркѣ. Потомъ, таинственно взглядывая на меня, какъ будто желая прочитать въ глазахъ моихъ все удовольствіе, которое я, по его мнѣнію, должна была ощущать, отворилъ сундукъ и бережно вынулъ изъ него стран-

ной формы черный ящикъ, котораго я до сихъ поръ никогда у него не видала. Онъ взялъ этотъ ящикъ съ какою-то робостью и весь измѣнился; смѣхъ исчезъ съ лица его, которое вдругъ приняло какое-то торжественное выраженіе. Наконецъ, онъ отворилъ таинственный ящикъ ключикомъ и вынулъ изъ него какую-то вещь, которой я до тѣхъ поръ никогда не видывала, — вещь, на взглядъ очень странной формы. Онъ бережно и съ благоговѣніемъ взялъ ее въ руки и сказалъ, что это его скрипка, его инструментъ. Тутъ онъ началъ мнѣ что-то много говорить тихимъ, торжественнымъ голосомъ; но я не понимала его, и только удержала въ памяти уже извѣстное мнѣ выраженіе, — что онъ артистъ, что онъ съ талантомъ, что потомъ онъ когда-нибудь будетъ играть на скрипкѣ, и что, наконецъ, мы всѣ будемъ богаты и добьемся какого-то большого счастія. Слезы навернулись на глазахъ его и потекли по щекамъ. Я была очень растрогана. Наконецъ, онъ поцѣловалъ скрипку и далъ ее поцѣловать мнѣ. Видя, что мнѣ хочется осмотрѣть ее ближе, онъ повелъ меня къ матушкиной постели и далъ мнѣ скрипку въ руки; но я видѣла, какъ онъ весь дрожалъ отъ страха, чтобъ я какъ-нибудь не разбила ея. Я взяла скрипку въ руки и дотронулась до струнъ, которыя издали слабый звукъ.

— Это музыка! сказала я, поглядѣвъ на батюшку.

— Да, да, музыка, повторилъ онъ, радостно потирая руки, — ты умное дитя, ты доброе дитя!

Но, несмотря на похвалы и восторгъ его, я видѣла, что онъ боялся за свою скрипку, и меня тоже взялъ страхъ,— я поскорѣй отдала ее. Скрипка съ тѣми же предосторожностями была уложена въ ящикъ, ящикъ былъ запертъ и положенъ въ сундукъ; батюшка-же, погладивъ меня снова по головѣ, обѣщалъ мнѣ всякій разъ показывать скрипку, когда я буду, какъ и теперь, умна, добра и послушна. Такимъ образомъ, скрипка разогнала наше общее горе. Только вечеромъ батюшка, уходя со двора, шепнулъ мнѣ, чтобъ я помнила, что онъ мнѣ вчера говорилъ.

Такимъ образомъ я росла въ нашемъ углу, и мало-помалу любовь моя,—нѣтъ, лучше я скажу страсть, потому что не знаю такого сильнаго слова, которое бы могло передавать вполнѣ мое неудержимое, мучительное для меня самой чувство къ отцу,—дошла даже до какой-то болѣзненной раздражительности. У меня было только одно наслажденіе—думать и мечтать о немъ: только одна

воля—дѣлать все, что̀ могло доставить ему хоть малѣйшее удовольствіе. Сколько разъ, бывало, я дожидалась его прихода на лѣстницѣ, часто дрожа и посинѣвъ отъ холода, только для того, чтобъ хоть однимъ мгновеніемъ раньше узнать объ его прибытіи и поскорѣе взглянуть на него. Я была какъ безумная отъ радости, когда онъ, бывало, хоть немножко приласкаетъ меня. А между тѣмъ, часто мнѣ было до боли мучительно, что я такъ упорно холодна съ бѣдной матушкой; были минуты, когда я надрывалась отъ тоски и жалости, глядя на нее. Въ ихъ вѣчной враждѣ я не могла быть равнодушной, и должна была выбирать между ними, должна была взять чью-нибудь сторону, и взяла сторону этого полусумасшедшаго человѣка, единственно оттого, что онъ былъ такъ жалокъ, униженъ въ глазахъ моихъ, и въ самомъ началѣ такъ непостижимо поразилъ мою фантазію. Но, кто разсудитъ?— Можетъ-быть, я привязалась къ нему именно оттого, что онъ былъ очень страненъ, даже съ виду, и не такъ серьезенъ и угрюмъ, какъ матушка, что онъ былъ почти сумасшедшій, что часто въ немъ проявлялось какое-то фиглярство, какія-то дѣтскія замашки, и что, наконецъ, я меньше боялась его, и даже меньше уважала его, чѣмъ матушку. Онъ какъ-то былъ мнѣ болѣе рòвня. Мало-помалу, я чувствовала, что даже верхъ на моей сторонѣ, что я понемногу подчиняла его себѣ, что я уже была необходима ему. Я внутренно гордилась этимъ, внутренно торжествовала и, понимая свою необходимость для него, даже иногда съ нимъ кокетничала. Дѣйствительно, эта чудная привязанность моя походила нѣсколько на романъ... Но этому роману суждено было продолжаться не долго: я вскорѣ лишилась отца и матери. Ихъ жизнь разрѣшилась страшной катастрофой, которая тяжело и мучительно запечатлѣлась въ моемъ воспоминаніи. Вотъ какъ это случилось.

III.

Въ это время весь Петербургъ былъ взволнованъ чрезвычайною новостью. Разнесся слухъ о пріѣздѣ знаменитаго С—ца. Все, что̀ было музыкальнаго въ Петербургѣ, зашевелилось. Пѣвцы, артисты, поэты, художники, меломаны, и даже тѣ, которые никогда не были меломанами и съ скромною гордостью увѣряли, что ни одной ноты не смыслятъ въ музыкѣ, бросились съ жаднымъ увлеченіемъ

за билетами. Зала не могла вмѣстить и десятой доли энтузіастовъ, имѣвшихъ возможность дать двадцать пять рублей за входъ; но европейское имя С—ца, его увѣнчанная лаврами старость, неувядаемая свѣжесть таланта, слухи, что въ послѣднее время онъ уже рѣдко бралъ въ руки смычокъ въ угоду публикѣ, увѣреніе, что онъ уже въ послѣдній разъ объѣзжаетъ Европу и потомъ совсѣмъ перестанетъ играть, произвели свой эффектъ. Однимъ словомъ, впечатлѣніе было полное и глубокое.

Я уже говорила, что пріѣздъ каждаго новаго скрипача, каждой хоть сколько-нибудь прославленной знаменитости производилъ на моего отчима самое непріятное дѣйствіе. Онъ всегда изъ первыхъ спѣшилъ услышать пріѣзжаго артиста, чтобъ поскорѣе узнать всю степень его искусства. Часто онъ бывалъ даже болѣнъ отъ похвалъ, которыя раздавались кругомъ его новоприбывшему, и только тогда успокаивался, когда могъ отыскать недостатки въ игрѣ новаго скрипача и съ ѣлкостью распространять свое мнѣніе всюду, гдѣ могъ. Бѣдный, помѣшанный человѣкъ считалъ во всемъ мірѣ только одинъ талантъ, только одного артиста, и этотъ артистъ былъ, конечно, онъ самъ. Но молва о пріѣздѣ С—ца, генія музыкальнаго, произвела на него какое-то потрясающее дѣйствіе. Нужно замѣтить, что въ послѣднія десять лѣтъ Петербургъ не слыхалъ ни одного знаменитаго дарованія, хотя бы даже и неравносильнаго съ С—цомъ; слѣдственно, отецъ мой и не имѣлъ понятія объ игрѣ первоклассныхъ артистовъ въ Европѣ.

Мнѣ разсказывали, что при первыхъ слухахъ о пріѣздѣ С—ца, отца моего тотчасъ же увидѣли снова за кулисами театра. Говорили, что онъ явился чрезвычайно взволнованный и съ безпокойствомъ освѣдомлялся о С—цѣ и предстоящемъ концертѣ. Его долго уже не видали за кулисами, и появленіе его произвело даже эффектъ. Кто-то захотѣлъ поддразнить его и съ вызывающимъ видомъ сказалъ: „теперь вы, батюшка, Егоръ Петровичъ, услышите не балетную музыку, а такую, отъ которой вамъ ужъ вѣрно житья не будетъ на свѣтѣ!“ Говорятъ, что онъ побѣдовѣлъ, услышавъ эту насмѣшку, однако, отвѣчалъ, истерически улыбаясь: „посмотримъ: славны бубны за горами; вѣдь С—цъ только развѣ въ Парижѣ былъ, такъ это французы про него накричали, а ужъ извѣстно, что такое французы!“ и т. д. Кругомъ раздался хохотъ:

бѣднякъ обидѣлся, но, сдержавъ себя, прибавилъ, что, впрочемъ, онъ не говоритъ ничего, а что вотъ увидимъ, посмотримъ, что до послѣзавтра не долго, и что скоро всѣ чудеса разрѣшатся.

Б. разсказываетъ, что въ тотъ же вечеръ, передъ сумерками, онъ встрѣтился съ княземъ Х—мъ, извѣстнымъ дилетантомъ, человѣкомъ глубоко понимавшимъ и любившимъ искусство. Они шли вмѣстѣ, толкуя о новоприбывшемъ артистѣ, какъ вдругъ, на поворотѣ одной улицы, Б. увидѣлъ моего отца, который стоялъ передъ окномъ магазина и пристально всматривался въ афишку, на которой крупными литерами объявлено было о концертѣ С—ца и которая лежала на окнѣ магазина.

— Видите-ли вы этого человѣка? сказалъ Б., указывая на моего отца.

— Кто такой? спросилъ князь.

— Вы о немъ уже слышали. Это тотъ самый Ефимовъ, о которомъ я съ вами не разъ говорилъ и которому вы даже оказали когда-то покровительство.

— Ахъ, это любопытно! сказалъ князь.—Вы о немъ много наговорили. Сказываютъ, онъ очень занимателенъ. Я бы желалъ его слышать.

— Это не стоитъ, отвѣчалъ Б.,—да и тяжело. Я не знаю, какъ вамъ, а мнѣ онъ всегда надрываетъ сердце. Его жизнь—страшная, безобразная трагедія. Я его глубоко чувствую, и, какъ ни грязенъ онъ, но во мнѣ все-таки не заглохла къ нему симпатія. Вы говорите, князь, что онъ долженъ быть любопытенъ. Это правда, но онъ производитъ слишкомъ тяжелое впечатлѣніе. Во-первыхъ, онъ сумасшедшій: во-вторыхъ, на этомъ сумасшедшемъ три преступленія, потому что, кромѣ себя, онъ загубилъ еще два существованія: своей жены и дочери. Я его знаю: онъ умеръ бы на мѣстѣ, если-бъ увѣрился въ своемъ преступленіи. Но весь ужасъ въ томъ, что вотъ уже восемь лѣтъ, какъ онъ *почти* въ немъ, и восемь лѣтъ борется со своею совѣстью, чтобъ сознаться въ томъ не почти, а вполнѣ.

— Вы говорили, онъ бѣденъ? сказалъ князь.

— Да; но бѣдность теперь для него почти счастіе, потому что она его отговорка. Онъ можетъ теперь увѣрять всѣхъ, что ему мѣшаетъ только бѣдность, и что, будь онъ богатъ, у него было бы время, не было бы заботы и тотчасъ увидѣли бы, какой онъ артистъ. Онъ

женился въ страшной надеждѣ, что тысяча рублей, которые были у его жены, помогутъ ему стать на ноги. Онъ поступилъ какъ фантазеръ, какъ поэтъ, да такъ онъ и всегда поступалъ въ жизни. Знаете-ли, что онъ говоритъ цѣлыя восемь лѣтъ безъ умолку? Онъ утверждаетъ, что виновница его бѣдствій—жена, что она мѣшаетъ ему. Онъ сложилъ руки и не хочетъ работать. А отнимите у него эту жену— и онъ будетъ самое несчастное существо въ мірѣ. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ онъ не бралъ въ руки скрипки,—знаете-ли почему? Потому что каждый разъ, какъ онъ беретъ въ руки смычокъ, онъ самъ внутренно принужденъ убѣдиться, что онъ ничто, нуль, а не артистъ. Теперь же, когда смычокъ лежитъ въ сторонѣ, у него есть хотя отдаленная надежда, что это неправда. Онъ мечтатель; онъ думаетъ, что вдругъ, какимъ-то чудомъ, за одинъ разъ, станетъ знаменитѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ. Его девизъ: aut Cesar, aut nihil, какъ будто Цезаремъ можно сдѣлаться такъ, вдругъ, въ одинъ мигъ. Его жажда слава. А если такое чувство сдѣлается главнымъ и единственнымъ двигателемъ артиста, то этотъ артистъ ужъ не артистъ, потому что онъ уже потерялъ главный художественный инстинктъ, то-есть любовь къ искусству, единственно потому, что оно искусство, а не что другое, не слава. Но С—цъ, напротивъ: когда онъ беретъ смычокъ, для него не существуетъ ничего въ мірѣ, кромѣ его музыки. Послѣ смычка, первое дѣло у него деньги, а ужъ третья, кажется, слава. Но онъ о ней мало заботился... Знаете-ли, что теперь занимаетъ этого несчастнаго? прибавилъ Б., указывая на Ефимова.—Его занимаетъ самая глупая, самая ничтожнѣйшая, самая жалкая и самая смѣшная забота въ мірѣ, то-есть: выше-ли онъ С—па, или С—цъ выше его,—больше ничего, потому что онъ все-таки увѣренъ, что онъ первый музыкантъ во всемъ мірѣ. Увѣрьте, что онъ не артистъ, и, я вамъ говорю, что онъ умретъ на мѣстѣ, какъ пораженный громомъ, потому что страшно разставаться съ неподвижной идеей, которой отдалъ на жертву всю жизнь и которой основаніе все-таки глубоко и серьезно, ибо призваніе его, вначалѣ, было истинное.

— А любопытно, что будетъ съ нимъ, когда онъ услышитъ С—па, замѣтилъ князь.

— Да, сказалъ Б. задумчиво.—Но, нѣтъ: онъ очнется тотчасъ же; его сумасшествіе сильнѣе истины, и онъ тутъ же выдумаетъ какую-нибудь отговорку.

— Вы думаете? замѣтилъ князь.

Въ это время они поровнялись съ отцомъ. Онъ было хотѣлъ пройти незамѣченнымъ, но Б. остановилъ его и заговорилъ съ нимъ. Б. спросилъ, будетъ-ли онъ у С—ца. Отецъ отвѣчалъ равнодушно, что не знаетъ, что у него есть одно дѣло поважнѣе концертовъ и всѣхъ заѣзжихъ виртуозовъ, но, впрочемъ, посмотритъ, увидитъ, и если выдастся свободный часочекъ—отчего же нѣтъ? когда-нибудь сходитъ. Тутъ онъ быстро и безпокойно посмотрѣлъ на Б. и на князя и недовѣрчиво улыбнулся, потомъ схватился за шляпу, кивнулъ головой и прошелъ мимо, отговорившись, что некогда.

Но я уже за день знала о заботѣ отца. Я не знала, что̀ именно его мучитъ, но видѣла, что онъ былъ въ страшномъ безпокойствѣ; даже матушка это замѣтила. Она была въ это время какъ-то очень больна и едва передвигала ноги. Отецъ поминутно то входилъ домой, то выходилъ изъ дома. Утромъ пришли къ нему трое или четверо гостей, старыхъ его товарищей, чему я очень изумилась, потому что, кромѣ Карла Ѳедорыча, посторонніхъ людей у насъ почти никогда не видала, и съ нами всѣ раззнакомились съ тѣхъ поръ, какъ батюшка совсѣмъ оставилъ театръ. Наконецъ, прибѣжалъ, запыхавшись, Карлъ Ѳедорычъ и принесъ афишку. Я внимательно прислушивалась и приглядывалась, и все это меня безпокоило такъ, какъ будто я одна была виновата во всей этой тревогѣ и въ безпокойствѣ, которое читала на лицѣ батюшки. Мнѣ очень хотѣлось понять то, о чемъ они говорятъ, и я въ первый разъ услышала имя С—ца. Потомъ я поняла, что нужно, по крайней мѣрѣ, пятнадцать рублей, чтобъ увидѣть этого С—ца. Помню тоже, что батюшка какъ-то не удержался и, махнувъ рукою, сказалъ, что знаетъ онъ эти чуда заморскія, таланты неслыханные, знаетъ и С—ца, что это все жиды за русскими деньгами лѣзутъ, потому что русскіе спроста всякому вздору вѣрятъ, а ужъ и подавно тому, о чемъ французъ прокричалъ. Я уже понимала, что̀ значитъ слово: *пять таланта*. Гости стали смѣяться и вскорѣ ушли всѣ, оставя батюшку совершенно не въ духѣ. Я поняла, что онъ за что-то сердитъ на этого С—ца и, чтобъ подслужиться къ нему и разсѣять тоску его, подошла къ столу, взяла афишку, начала разбирать ее и вслухъ прочла имя С—ца. Потомъ, засмѣявшись и по-

смотрѣвъ на батюшку, который задумчиво сидѣлъ на стулѣ, сказала: „это вѣрно такой же, какъ и Кораѣ Ѳедорычъ: онъ вѣрно тоже никакъ не потрафитъ". Батюшка вздрогнулъ, какъ будто испугавшись, вырвалъ изъ рукъ моихъ афишку, закричалъ и затопалъ ногами, схватилъ шляпу и вышелъ было изъ комнаты, но тотчасъ же воротился, вызвалъ меня въ сѣни, поцѣловалъ и съ какимъ-то безпокойствомъ, съ какимъ-то затаеннымъ страхомъ началъ мнѣ говорить, что я умное, что я доброе дитя, что я вѣрно не захочу огорчить его, что онъ желаетъ отъ меня какой-то большой услуги, но чего именно—онъ не сказалъ. Къ тому же, мнѣ было тяжело его слушать: я видѣла, что слова его и ласки были неискренни, и все это какъ-то потрясло меня. Я мучительно начала за него безпокоиться.

На другой день, за обѣдомъ—это было уже наканунѣ концерта — батюшка былъ совсѣмъ какъ убитый. Онъ ужасно перемѣнился и безпрерывно взглядывалъ на матушку. Наконецъ, я изумилась, когда онъ даже заговорилъ о чемъ-то съ матушкой,—я изумилась, потому что онъ съ ней почти никогда не говорилъ. Послѣ обѣда онъ сталъ что-то особенно за мной ухаживать; поминутно, подъ разными предлогами, вызывалъ меня въ сѣни и, оглядываясь кругомъ, какъ будто боясь, чтобъ его не застали, все гладилъ онъ меня по головѣ, все цѣловалъ меня, все говорилъ мнѣ, что я доброе дитя, что я послушное дитя, вѣрно я люблю своего папу, и что вѣрно сдѣлаю то, о чемъ онъ меня попроситъ. Все это довело меня до невыносимой тоски. Наконецъ, когда онъ въ десятый разъ вызвалъ меня на лѣстницу, дѣло объяснилось. Съ тоскливымъ, измученнымъ видомъ, безпокойно оглядываясь по сторонамъ, онъ спросилъ меня: знаю-ли я, гдѣ лежатъ у матушки тѣ двадцать пять рублей, которые она вчера поутру принесла? Я обмерла отъ испуга, услышавъ такой вопросъ. Но въ эту минуту кто-то кашлянулъ на лѣстницѣ, и батюшка, испугавшись, бросилъ меня и побѣжалъ со двора. Онъ воротился уже къ вечеру, смущенный, грустный, озабоченный, сѣлъ молчаливо на стулъ и началъ съ какою-то радостью на меня поглядывать. На меня напалъ какой-то страхъ, и я намѣренно избѣгала его взглядовъ. Наконецъ, матушка, которая весь день пролежала въ постели, подозвала меня, дала мнѣ мѣдныхъ денегъ и послала въ лавочку купить ей чаю и

сахару. Чай пили у насъ очень рѣдко: матушка дозволяла себѣ эту, по нашимъ средствамъ, прихоть только тогда, когда чувствовала себя нездоровой и въ лихорадкѣ. Я взяла деньги и, вышедъ въ сѣни, тотчасъ же пустилась бѣжать, какъ будто боясь, чтобъ меня не догнали. Но то, что я предчувствовала, случилось: батюшка догналъ меня уже на улицѣ и воротилъ назадъ на лѣстницу.

— Нѣточка! началъ онъ дрожащимъ голосомъ. — Голубчикъ мой! Послушай: дай-ка мнѣ эти деньги, а я завтра же...

— Папочка! Папочка! закричала я, бросаясь на колѣни и умоляя его.—Папочка! Не могу! Нельзя! Мамѣ нужно чай кушать... Нельзя у мамы брать, никакъ нельзя! Я другой разъ унесу...

— Такъ ты не хочешь? Ты не хочешь? шепталъ онъ мнѣ въ какомъ-то изступленіи,—такъ ты, стало-быть, не хочешь любить меня? Ну, хорошо же! Теперь я тебя брошу. Оставайся съ мамой, а я отъ васъ уйду и тебя съ собой не возьму. Слышишь-ли ты, злая дѣвчонка? Слышишь-ли ты?

— Папочка! закричала я въ полномъ ужасѣ, — возьми деньги, на! Что мнѣ дѣлать теперь? говорила я, ломая руки и ухватившись за-полы его сюртука,—мамочка плакать будетъ, мамочка опять бранить меня будетъ!

Онъ, кажется, не ожидалъ такого сопротивленія, но деньги взялъ; наконецъ, не будучи въ силахъ вынести мои жалобы и рыданія, оставилъ меня на лѣстницѣ и сбѣжалъ внизъ. Я пошла наверхъ, но силы оставили меня у дверей нашей квартиры; я не смѣла войти, не могла войти; все, насколько было во мнѣ сердца, было возмущено и потрясено. Я закрыла лицо руками и бросилась на окно, какъ тогда, когда въ первый разъ услышала отъ отца его желаніе смерти матушки. Я была въ какомъ-то забытьи, въ оцѣпенѣніи и вздрагивала, прислушиваясь къ малѣйшему шороху на лѣстницѣ. Наконецъ, я услышала, что кто-то поспѣшно всходилъ наверхъ. Это былъ онъ; я отличила его походку.

— Ты здѣсь? сказалъ онъ шопотомъ.

Я бросилась къ нему.

— На! закричалъ онъ, всовывая мнѣ въ руки деньги,— на! Возьми ихъ назадъ! Я тебѣ теперь не отецъ, слышишь-ли ты? Я не хочу быть теперь твоимъ папой! Ты любишь маму больше меня! Такъ и ступай къ мамѣ! А я

тебя знать не хочу! Сказавъ это, онъ оттолкнулъ меня опять побѣжалъ по лѣстницѣ. Я, плача, бросилась догонять его.

— Папочка! Добренькій папочка! Я буду слушаться! кричала я,—я тебя люблю больше мамы! Возьми деньги назадъ, возьми!

Но онъ уже не слыхалъ меня: онъ исчезъ. Весь этотъ вечеръ я была какъ убитая и дрожала въ лихорадочномъ ознобѣ. Помню, что матушка что-то мнѣ говорила, подзывала меня къ себѣ; я была какъ безъ памяти, ничего не слыхала и не видала. Наконецъ, все разрѣшилось припадкомъ: я начала плакать, кричать; матушка испугалась и не знала, что̀ дѣлать. Она взяла меня къ себѣ на постель, и я не помнила, какъ заснула, обхвативъ ея шею, вздрагивая и пугаясь чего-то каждую минуту. Такъ прошла нѣлая ночь. На утро я проснулась очень поздно, когда матушки уже не было дома. Она въ то время всегда уходила за своими дѣлами. У батюшки кто-то былъ посторонній, и они оба о чемъ-то громко разговаривали. Я насилу дождалась, пока ушелъ гость, и когда мы остались одни, бросилась къ отцу, и, рыдая, стала просить, чтобъ онъ простилъ меня за вчерашнее.

— А будешь-ли ты умнымъ дитятей, какъ прежде? сурово спросилъ онъ меня.

— Буду, папочка, буду! отвѣчала я. — Я скажу тебѣ, гдѣ у мамы деньги лежатъ. Онѣ у ней въ этомъ ящикѣ, въ шкатулкѣ, вчера лежали.

— Лежали? Гдѣ?! закричалъ онъ, встрепенувшись, и всталъ со стула.—Гдѣ онѣ лежали?

— Онѣ заперты, папаша! говорила я.—Подожди: вечеромъ, когда мама пошлетъ мѣнять, потому что мѣдныя деньги, я видѣла, всѣ вышли.

— Мнѣ нужно пятнадцать рублей, Нѣточка! Слышишь-ли? Только пятнадцать рублей! Достань мнѣ сегодня; я тебѣ завтра же все принесу. А я тебѣ сейчасъ пойду леденцовъ куплю, орѣховъ куплю... куклу тоже тебѣ куплю... и завтра тоже... и каждый день гостинцевъ буду приносить, если будешь умная дѣвочка!

— Не нужно, папа, не нужно! Я не хочу гостинцевъ: я не буду ихъ ѣсть; я тебѣ ихъ назадъ отдамъ! закричала я, разрываясь отъ слезъ, потому что все сердце изныло у меня въ одно мгновеніе. Я почувствовала въ эту минуту, что ему не жалко меня и что онъ не любитъ

меня, потому что не видитъ, какъ я его люблю, и думаетъ, что я за гостинцы готова служить ему. Въ эту минуту я, ребенокъ, понимала его насквозь и уже чувствовала, что меня навсегда уязвило это сознаніе, что я уже не могла любить его, что я потеряла моего прежняго папочку. Онъ же былъ въ какомъ-то восторгѣ отъ моихъ обѣщаній; онъ видѣлъ, что я готова была рѣшиться на все для него, что я все для него сдѣлаю, и, Богъ видитъ, какъ много было это „все“ для меня тогда. Я понимала, что̀ значили эти деньги для бѣдной матушки: знала, что она могла заболѣть отъ огорченія, потерявъ ихъ, и во мнѣ мучительно кричало раскаяніе. Но онъ ничего не видалъ; онъ меня считалъ трехлѣтнимъ ребенкомъ, тогда какъ я все понимала. Восторгъ его не зналъ предѣловъ; онъ цѣловалъ меня, уговаривалъ, чтобъ я не плакала, сулилъ мнѣ, что сегодня же мы уйдемъ куда-то отъ матушки,—вѣроятно, льстя моей всегдашней фантазіи, и, наконецъ, вынулъ изъ кармана афишу, началъ увѣрять меня, что этотъ человѣкъ, къ которому онъ идетъ сегодня, ему врагъ, смертельный врагъ его, но что врагамъ его не удастся. Онъ рѣшительно самъ походилъ на ребенка, заговоривъ со мною о врагахъ своихъ. Замѣтивъ же, что я не улыбаюсь, какъ бывало, когда онъ говорилъ со мной, и слушаю его молча, взялъ шляпу и вышелъ изъ комнаты, потому что куда-то спѣшилъ; но, уходя, еще разъ поцѣловалъ меня и кивнулъ мнѣ головою съ усмѣшкою, словно неувѣренный во мнѣ и какъ будто стараясь, чтобъ я не раздумала.

Я уже сказала, что онъ былъ какъ помѣшанный: но еще и наканунѣ это было видно. Деньги ему нужны были для билета въ концертъ, который для него долженъ былъ рѣшить все. Онъ какъ будто заранѣе предчувствовалъ, что этотъ концертъ долженъ былъ разрѣшить всю судьбу его, но онъ такъ потерялся, что наканунѣ хотѣлъ отнять у меня мѣдныя деньги, какъ будто могъ за нихъ достать себѣ билетъ. Странности его еще сильнѣе обнаруживались за обѣдомъ. Онъ рѣшительно не могъ усидѣть на мѣстѣ и не притронулся ни къ какому кушанью, поминутно вставалъ съ мѣста и опять садился, словно одумавшись: то хватался за шляпу, какъ будто собираясь куда-то идти, то вдругъ дѣлался какъ-то странно-разсѣяннымъ, все что-то шепталъ про себя, потомъ вдругъ взглядывалъ на меня, мигалъ мнѣ глазами, дѣлалъ мнѣ какіе-то знаки,

какъ будто въ нетерпѣніи поскорѣй побиться объ закладъ и какъ будто серьезно, что я до сихъ поръ не видѣла ихъ матушки. Даже матушка замѣтила всѣ эти странности и глядѣла на него съ изумленіемъ. Я же была точно приговоренная къ смерти. Кончился обѣдъ; я забилась въ уголъ и, дрожа какъ въ лихорадкѣ, считала каждую минуту до того времени, когда матушка обыкновенно посылала меня за покупками. Въ жизнь свою я не проводила болѣе мучительныхъ часовъ; они навѣки останутся въ моемъ воспоминаніи. Чего я не перечувствовала въ моемъ воспоминаніи. Есть минуты, въ которыя переживаешь сознаніемъ гораздо болѣе, чѣмъ въ цѣлые годы. Я чувствовала, что дѣлаю дурной поступокъ; онъ же самъ помогъ моимъ добрымъ инстинктамъ, когда въ первый разъ малодушно натолкнулъ меня на зло, и, испугавшись его, объявилъ мнѣ, что я поступила очень дурно. Неужели же онъ не могъ понять, какъ трудно обмануть натуру, жадную къ сознанію впечатлѣній и уже прочувствовавшую, осмыслившую много злого и добраго? Я вѣдь понимала, что ужасная крайность, которая заставила его рѣшиться другой разъ натолкнуть меня на порокъ и пожертвовать такимъ образомъ моимъ бѣднымъ беззащитнымъ дѣтствомъ, рискнуть еще разъ поколебать мою неустоявшую совѣсть. И теперь, забившись въ уголъ, я раздумывала про себя: зачѣмъ же онъ обѣщалъ награду за то, что уже я рѣшилась сдѣлать своей собственной волей? Новыя ощущенія, новыя стремленія, доселѣ невѣдомыя, новые вопросы толпою возставали во мнѣ, и я мучилась этими вопросами. Потомъ я вдругъ начинала думать о матушкѣ; я представляла себѣ горесть ея при потерѣ послѣдняго трудового. Наконецъ, матушка положила работу, которую дѣлала черезъ силу, и подозвала меня. Я задрожала и подошла къ ней. Она вынула изъ комода деньги и, давая мнѣ, сказала: „стунай, Неточка; только, ради Бога, чтобъ тебя не обсчитали, какъ намедни, да не потеряй какъ-нибудь". Я съ умоляющимъ видомъ взглянула на отца, но онъ кивалъ головою, одобрительно улыбался мнѣ и потиралъ руки отъ нетерпѣнія. Часы пробили шесть, а концертъ назначенъ былъ въ семь часовъ. Онъ тоже многое вынесъ въ этомъ ожиданіи.

Я остановилась на лѣстницѣ, поджидая его. Онъ былъ такъ взволнованъ и нетерпѣливъ, что, безъ всякой предосторожности, тотчасъ же выбѣжалъ вслѣдъ за мной. Я от-

дала ему деньги: на лѣстницѣ было темно, и я не могла видѣть лица его; но я чувствовала, что онъ весь дрожалъ, принимая деньги. Я стояла, какъ будто остолбенѣвъ и не двигаясь съ мѣста; наконецъ, очнулась, когда онъ сталъ посылать меня наверхъ, выпести ему его шляпу. Онъ не хотѣлъ и входить.

— Папа! Развѣ... ты не пойдешь вмѣстѣ со мною? спросила я прерывающимся голосомъ, думая о послѣдней надеждѣ моей,—его заступничествѣ.

— Нѣтъ... ты уже пойди одна... а? Подожди, подожди! закричалъ онъ, спохватившись, — подожди, вотъ я тебѣ гостинца сейчасъ принесу; а ты только сходи сперва, да принеси сюда мою шляпу.

Какъ будто ледяная рука сжала вдругъ мое сердце. Я вскрикнула, оттолкнула его и бросилась наверхъ. Когда я вошла въ комнату—на мнѣ лица не было, и если-бъ теперь я захотѣла сказать, что у меня отняли деньги, то матушка повѣрила бы мнѣ. Но я ничего не могла говорить въ эту минуту. Въ припадкѣ судорожнаго отчаянія бросилась я поперекъ матушкиной постели и закрыла лицо руками. Черезъ минуту дверь робко скрипнула и вошелъ батюшка. Онъ пришелъ за своей шляпой.

— Гдѣ деньги?! закричала вдругъ матушка, разомъ догадавшись, что произошло что-нибудь необыкновенное.— Гдѣ деньги? Говори! Говори! Тутъ она схватила меня съ постели и поставила среди комнаты.

Я молчала, опустя глаза въ землю; я едва понимала, что̀ со мною дѣлается и что́ со мною дѣлаютъ.

— Гдѣ деньги?! закричала она опять, бросая меня и вдругъ повернувшись къ батюшкѣ, который хватался за шляпу.—Гдѣ деньги? повторила она.—А! Она тебѣ отдала ихъ? Безбожникъ! Губитель мой! Злодѣй мой! Такъ ты ее тоже губишь! Ребенка! Ее, ее?! Нѣтъ же! Ты такъ не уйдешь!

И въ одинъ мигъ она бросилась къ дверямъ, заперла ихъ изнутри и взяла ключъ къ себѣ.

— Говори! Признавайся! начала она мнѣ голосомъ, едва слышнымъ отъ волненія,—признавайся во всемъ! Говори же, говори! Или... я не знаю, что̀ я съ тобой сдѣлаю.

Она схватила мои руки и ломала ихъ, допрашивая меня. Она была въ изступленіи. Въ это мгновеніе я поклялась молчать и не сказать ни слова про батюшку, но робко подняла на него въ послѣдній разъ глаза... Одинъ

его взглядъ, одно его слово, что-нибудь такое, чего я ожидала и о чемъ молила про себя, и я была бы счастлива, несмотря ни на какія мученія, ни на какую пытку... Но, Боже мой! Безчувственнымъ, угрожающимъ жестомъ онъ приказывалъ мнѣ молчать, будто я могла бояться чьей-нибудь другой угрозы въ эту минуту. Мнѣ сдавило горло, захватило духъ, подкосило ноги, и я упала безъ чувствъ на полъ... Со мной повторился вчерашній нервный припадокъ.

Я очнулась, когда вдругъ раздался стукъ въ дверь нашей квартиры. Матушка отперла, и увидѣла человѣка въ ливреѣ, который, войдя въ комнату и съ удивленіемъ озираясь кругомъ на всѣхъ насъ, спросилъ музыканта Ефимова. Отчимъ назвался. Тогда лакей подалъ записку и увѣдомилъ, что онъ отъ Б., который въ эту минуту находился у князя. Въ пакетѣ лежалъ пригласительный билетъ къ С—цу.

Появленіе лакея въ богатой ливреѣ, назвавшаго имя князя, своего господина, который посылалъ нарочно къ бѣдному музыканту Ефимову,—все это произвело на мигъ сильное впечатлѣніе на матушку. Я сказала въ самомъ началѣ объ ея характерѣ, что бѣдная женщина все еще любила отца. И теперь, несмотря на цѣлыя восемь лѣтъ безпрерывной тоски и страданій, ея сердце все еще не измѣнилось: она все еще могла любить его! Богъ знаетъ, можетъ-быть, она вдругъ увидѣла теперь перемѣну въ судьбѣ его. На нее даже и тѣнь какой-нибудь надежды имѣла вліяніе. Почему знать, — можетъ-быть, она тоже была нѣсколько заражена непоколебимою самоувѣренностью своего сумасброднаго мужа! Да и невозможно, чтобъ эта самоувѣренность на нее, слабую женщину, не имѣла хоть какого-нибудь вліянія, и на вниманіи князя она вмигъ могла построить для него тысячу плановъ. Въ одинъ мигъ она готова была опять обратиться къ нему, она могла простить ему за всю жизнь свою, даже взвѣсивъ его послѣднее преступленіе—пожертвованіе ея единственнымъ дитятей, и въ порывѣ заживо-вспыхнувшаго энтузіазма, въ порывѣ новой надежды низвесть это преступленіе до простого проступка, до малодушія, вынужденнаго нищенствомъ, грязною жизнію, отчаяннымъ положеніемъ. Въ ней все было увлеченіе, и въ этотъ мигъ у ней уже были снова готовы прощеніе и состраданіе безъ конца, для своего погибшаго мужа.

Отецъ засуетился; его тоже поразила внимательность князя и Б. Онъ прямо обратился къ матушкѣ, что-то шепнулъ ей, и она вышла изъ комнаты. Она воротилась чрезъ двѣ минуты, принеся размѣненныя деньги, и батюшка тотчасъ же далъ рубль серебромъ посланному, который ушелъ съ вѣжливымъ поклономъ. Между тѣмъ, матушка, выходившая на минуту, принесла утюгъ, достала лучшую мужнину манишку и начала ее гладить. Она сама повязала ему на шею бѣлый батистовый галстукъ, сохранявшійся на всякій случай, съ незапамятныхъ поръ, въ его гардеробѣ, вмѣстѣ съ чернымъ, хотя уже и очень поношеннымъ фракомъ, который былъ сшитъ еще при поступленіи его въ должность при театрѣ. Кончивъ туалетъ, отецъ взялъ шляпу, но, выходя, попросилъ стаканъ воды; онъ былъ блѣденъ и въ изнеможеніи присѣлъ на стулъ. Воду подала уже я; можетъ-быть, непріязненное чувство снова прокралось въ сердце матушки и охладило ея первое увлеченіе.

Батюшка вышелъ; мы остались однѣ. Я забилась въ уголъ, и долго, молча, смотрѣла на матушку. Я никогда не видала ея въ такомъ волненіи: губы ея дрожали, блѣдныя щеки вдругъ разгорѣлись, и она, по временамъ, вздрагивала всѣми членами. Наконецъ, тоска ея начала изливаться въ жалобахъ, въ глухихъ рыданіяхъ и сѣтованіяхъ.

— Это я, это все я виновата, несчастная! говорила она сама съ собою. — Что-жъ съ нею будетъ? Что-жъ съ нею будетъ, когда я умру? продолжала она, остановясь посреди комнаты, словно пораженная молніею отъ одной этой мысли.—Нѣточка! Дитя мое! Бѣдная ты моя! Несчастная! сказала она, взявъ меня за руки и судорожно обнимая меня.—На кого ты останешься, когда и при жизни-то я не могу воспитать тебя, ходить и глядѣть за тобою? Охъ, ты не понимаешь меня! Понимаешь-ли? Запомнишь-ли, что я теперь говорила, Нѣточка? Будешь-ли помнить впередъ?

— Буду, буду, маменька! говорила я, складывая руки и умоляя ее.

Она долго, крѣпко держала меня въ объятіяхъ, какъ будто трепеща одной мысли, что разлучится со мною. Сердце мое разрывалось.

— Мамочка! Мама! сказала я, всхлипывая,—за что ты... За что ты не любишь папу? И рыданія не дали мнѣ досказать.

Стенаніе вырвалось изъ груди ея. Потомъ, въ новомъ, ужасной тоскѣ, она стала ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Бѣдная, бѣдная моя! А я и не замѣтила, какъ она выросла; она знаетъ, все знаетъ! Боже мой! Какое впечатлѣніе, какой примѣръ! И она опять ломала руки въ отчаяніи.

Потомъ она подходила ко мнѣ и съ безумною любовью цѣловала меня, цѣловала мои руки, обливала ихъ слезами, умоляла о прощеніи... Я никогда не видывала такихъ страданій... Наконецъ, она какъ будто измучилась и впала въ забытье. Такъ прошелъ цѣлый часъ. Потомъ она встала, утомленная и усталая, и сказала мнѣ, чтобъ я легла спать. Я ушла въ свой уголъ, завернулась въ одѣяло, но заснуть не могла. Меня мучила она, мучилъ и батюшка. Я съ нетерпѣніемъ ждала его возвращенія. Какой-то ужасъ овладѣлъ мною при мысли о немъ. Черезъ полчаса матушка взяла свѣчку и подошла ко мнѣ, посмотрѣть, заснула-ли я. Чтобъ успокоить ее, я зажмурила глаза и притворилась, что сплю. Оглядѣвъ меня, она тихонько подошла къ шкапу, отворила его и налила себѣ стаканъ вина. Она выпила его и легла спать, оставивъ зажженную свѣчку на столѣ и дверь отпертою, какъ всегда дѣлалось на случай поздняго прихода батюшки.

Я лежала какъ будто въ забытьи, но сонъ не смыкалъ глазъ моихъ. Едва я заводила ихъ, какъ тотчасъ же просыпалась и вздрагивала отъ какихъ-то ужасныхъ видѣній. Тоска моя возрастала все болѣе и болѣе. Мнѣ хотѣлось кричать, но крикъ замиралъ въ груди моей. Наконецъ, уже поздно ночью, я услышала, какъ отворилась наша дверь. Не помню, сколько прошло времени, но когда я вдругъ совсѣмъ открыла глаза, я увидѣла батюшку. Мнѣ показалось, что онъ былъ страшно блѣденъ. Онъ сидѣлъ на стулѣ возлѣ самой двери и какъ будто о чемъ-то задумался. Въ комнатѣ была мертвая тишина. Оплывшая сальная свѣчка грустно освѣщала наше жилище.

Я долго смотрѣла, но батюшка все еще не двигался съ мѣста; онъ сидѣлъ неподвижно, все въ томъ же положеніи, опустивъ голову и судорожно опершись руками о колѣни. Я нѣсколько разъ пыталась окликнуть его, но не могла. Оцѣпенѣніе мое продолжалось. Наконецъ, онъ вдругъ очнулся, поднялъ голову и всталъ со стула. Онъ

стоялъ нѣсколько минутъ посреди комнаты, какъ будто рѣшаясь на что-нибудь; потомъ вдругъ подошелъ къ постели матушки, прислушался и, увѣрившись, что она спитъ, отправился къ сундуку, въ которомъ лежала его скрипка.

Онъ отперъ сундукъ, вынулъ черный футляръ и поставилъ на столъ; потомъ снова оглядѣлся кругомъ; взглядъ его былъ мутный и бѣглый,—такой, какого я у него никогда еще не замѣчала.

Онъ было взялся за скрипку, но, тотчасъ же оставивъ ее, воротился и заперъ двери. Потомъ, замѣтивъ отворенный шкафъ, тихонько подошелъ къ нему, увидѣлъ стаканъ и вино, налилъ и выпилъ. Тутъ онъ въ третій разъ взялся за скрипку, но въ третій разъ оставилъ ее и подошелъ къ постели матушки. Цѣпенѣя отъ страха, я ждала, что̀ будетъ.

Онъ что-то очень долго прислушивался, потомъ вдругъ откинулъ одѣяло съ лица и началъ ощупывать его рукою. Я вздрогнула. Онъ нагнулся еще разъ и почти приложилъ къ ней голову, но когда онъ приподнялся въ послѣдній разъ, то какъ будто улыбка мелькнула на его страшно поблѣднѣвшемъ лицѣ. Онъ тихо и бережно накрылъ одѣяломъ спящую, закрылъ ей голову, ноги... и я начала дрожать отъ невѣдомаго страха: мнѣ стало страшно за матушку, мнѣ страшно стало за ея глубокій сонъ, и съ безпокойствомъ вглядывалась я въ эту неподвижную линію, которая угловато обрисовала на одѣялѣ члены ея тѣла... Какъ молнія, пробѣжала страшная мысль въ умѣ моемъ!

Кончивъ всѣ приготовленія, онъ снова подошелъ къ шкафу и выпилъ остатки вина. Онъ весь дрожалъ, подходя къ столу. Его узнать нельзя было,—такъ онъ былъ блѣденъ. Тутъ онъ опять взялъ скрипку. Я видѣла эту скрипку и знала, что̀ она такое, но теперь ожидала чего-то ужаснаго, страшнаго, чудеснаго... и вздрогнула отъ первыхъ ея звуковъ. Батюшка началъ играть. Но звуки шли какъ-то прерывисто; онъ поминутно останавливался, какъ будто припоминалъ что-то; наконецъ, съ растерзаннымъ, мучительнымъ видомъ положилъ свой смычокъ и какъ-то странно поглядѣлъ на постель. Тамъ его что-то все безпокоило. Онъ опять пошелъ къ постели... Я не пропускала ни одного движенія его и, замирая отъ ужаснаго чувства, слѣдила за нимъ.

Вдругъ онъ поспѣшно началъ чего-то искать подъ ру-

ками,—и опять та же страшная мысль, какъ молнія, обожгла меня. Мнѣ пришло въ голову: отчего же такъ крѣпко спитъ матушка? Отчего же она не проснулась, когда онъ рукою ощупывалъ ея лицо? Наконецъ, я увидѣла, что онъ стаскивалъ все, что могъ найти изъ нашего платья, взялъ салопъ матушкинъ, свой старый сюртукъ, халатъ, даже мое платье, которое я скинула, такъ что закрылъ матушку совершенно и спряталъ подъ набросанной грудой; она лежала все неподвижно, не шевелясь ни однимъ членомъ.

Она спала глубокимъ сномъ!

Онъ какъ будто вздохнулъ свободнѣе, когда кончилъ свою работу. Въ этотъ разъ уже ничто не мѣшало ему, но все еще что-то его безпокоило. Онъ переставилъ свѣчу и сталъ лицомъ къ дверямъ, чтобъ даже и не поглядѣть на постель. Наконецъ, онъ взялъ скрипку и съ какимъ-то отчаяннымъ жестомъ ударилъ смычкомъ... Музыка началась.

Но это была не музыка... Я помню все отчетливо, до послѣдняго мгновенія: помню все, что̀ поразило тогда мое вниманіе. Нѣтъ, это была не такая музыка, которую мнѣ потомъ удавалось слышать! Это были не звуки скрипки, а какъ будто чей-то ужасный голосъ загремѣлъ въ первый разъ въ нашемъ темномъ жилищѣ. Или неправильны, болѣзненны были мои впечатлѣнія, или чувства мои были потрясены всѣмъ, чему я была свидѣтельницей, подготовлены были на впечатлѣнія страшныя, неисходимо мучительныя, — но я твердо увѣрена, что слышала стоны, крикъ человѣческій, плачъ; цѣлое отчаяніе выливалось въ этихъ звукахъ и, наконецъ, когда загремѣлъ ужасный финальный аккордъ, въ которомъ было все, что̀ есть ужаснаго въ плачѣ, мучительнаго въ мукахъ и тоскливаго въ безнадежной тоскѣ,—все это какъ будто соединилось разомъ... Я не могла выдержать,—я задрожала, слезы брызнули изъ глазъ моихъ и, съ страшнымъ, отчаяннымъ крикомъ бросившись къ батюшкѣ, я обхватила его руками. Онъ вскрикнулъ и опустилъ свою скрипку.

Съ минуту стоялъ онъ, какъ потерянный. Наконецъ, глаза его запрыгали и забѣгали по сторонамъ: онъ какъ будто искалъ чего-то, вдругъ схватилъ скрипку, взмахнулъ ею надо мною... еще минута, и онъ, можетъ-быть, убилъ бы меня на мѣстѣ.

— Папочка! закричала я ему.—Папочка!

Онъ задрожалъ какъ листъ, когда услышалъ мой голосъ, и отступилъ на два шага.

— Ахъ! Такъ еще ты осталась! Такъ еще не все кончилось! Такъ еще ты осталась со мной! закричалъ онъ, поднявъ меня за плечи на воздухъ.

— Папочка! закричала я снова, — не пугай меня ради Бога! Мнѣ страшно! Ай!

Мой плачъ поразилъ его. Онъ тихо опустилъ меня на полъ и съ минуту безмолвно смотрѣлъ на меня, какъ будто узнавая и припоминая что-то. Наконецъ, вдругъ, какъ будто что-нибудь перевернуло его, какъ будто его поразила какая-то ужасная мысль, — изъ помутившихся глазъ его брызнули слезы; онъ нагнулся ко мнѣ и началъ пристально смотрѣть мнѣ въ лицо.

— Папочка! говорила я ему, терзаясь отъ страха,—не смотри такъ, папочка! Уйдемъ отсюда! Уйдемъ скорѣе! Уйдемъ, убѣжимъ!

— Да, убѣжимъ, убѣжимъ! Пора! пойдемъ, Нѐточка! Скорѣе, скорѣе! И онъ засуетился, какъ будто только теперь догадался, что̀ ему дѣлать. Торопливо озирался онъ кругомъ и, увидя на полу матушкинъ платокъ, поднялъ его и положилъ въ карманъ, потомъ увидѣлъ чепчикъ, — и его тоже поднялъ и спряталъ на себѣ, какъ будто снаряжаясь въ дальнюю дорогу и захватывая все, что̀ было ему нужно.

Я мигомъ надѣла свое платье и, тоже торопясь, начала захватывать все, что̀ мнѣ казалось нужнымъ для дороги.

— Все-ли, все-ли? спрашивалъ отецъ. — Все-ли готово? Скорѣй! Скорѣй!

Я наскоро навязала узелъ, накинула на голову платокъ, и уже мы оба стали было выходить, когда мнѣ вдругъ пришло въ голову, что надо взять и картинку, которая висѣла на стѣнѣ. Батюшка тотчасъ же согласился съ этимъ. Теперь онъ былъ тихъ, говорилъ шопотомъ и только торопилъ меня поскорѣе идти. Картина висѣла очень высоко, мы вдвоемъ принесли стулъ, потомъ приладили на него скамейку и, взгромоздившись на нее, наконецъ, послѣ долгихъ трудовъ, сняли. Тогда все было готово къ нашему путешествію. Онъ взялъ меня за руку, и мы было уже пошли, но вдругъ батюшка остановилъ меня. Онъ долго теръ себѣ лобъ, какъ будто вспоминая что-то, что̀ еще не было сдѣлано. Наконецъ, онъ какъ будто нашелъ что̀ ему было надо, отыскалъ ключи, которые лежали у матушки подъ подушкой, и торопливо

началъ искать чего-то въ комодѣ. Наконецъ, онъ воротился ко мнѣ и принесъ нѣсколько денегъ, отысканныхъ въ ящикѣ.

— Вотъ, на, возьми это, береги, прошепталъ онъ мнѣ,— не теряй же, помни, помни!

Онъ мнѣ положилъ сначала деньги въ руку, потомъ взялъ ихъ опять и сунулъ мнѣ за пазуху. Помню, что я вздрогнула, когда къ моему тѣлу прикоснулось это серебро, и я какъ будто только теперь поняла, что̀ такое деньги. Теперь мы опять были готовы, но онъ вдругъ опять остановилъ меня.

— Нѐточка! сказалъ онъ мнѣ, какъ будто размышляя съ усиліемъ,—дѣточка моя, я позабылъ... Что такое?.. Что̀ это надо?.. Я не помню... Да, да, нашелъ, вспомнилъ!.. Поди сюда, Нѐточка!

Онъ подвелъ меня къ углу, гдѣ былъ образъ, и сказалъ, чтобъ я стала на колѣни.

— Молись, дитя мое, помолись! Тебѣ лучше будетъ!.. Да, право, будетъ лучше, шепталъ онъ мнѣ, указывая на образъ и какъ-то странно смотря на меня. — Помолись, помолись! говорилъ онъ какимъ-то просящимъ, умоляющимъ голосомъ.

Я бросилась на колѣни, сложила руки и, полная ужаса, отчаянія, которое уже совсѣмъ овладѣло мною, упала на полъ и пролежала нѣсколько минутъ, какъ бездыханная. Я напрягала всѣ свои мысли, всѣ свои чувства въ молитвѣ, но страхъ преодолѣвалъ меня. Я приподнялась, измученная тоскою. Я уже не хотѣла идти съ нимъ, боялась его; мнѣ хотѣлось остаться. Наконецъ, то, что̀ томило и мучило меня, вырвалось изъ груди моей.

— Папа, сказала я, обливаясь слезами, — а мама?.. — Что̀ съ мамой? Гдѣ она? Гдѣ моя мама?

Я не могла продолжать, и залилась слезами.

Онъ тоже со слезами смотрѣлъ на меня. Наконецъ, онъ взялъ меня за руку, подвелъ къ постели, разметалъ набросанную груду платья и открылъ одѣяло. Боже мой! Она лежала мертвая, уже похолодѣвшая и посинѣвшая. Я, какъ безчувственная, бросилась на нее и обняла ея трупъ. Отецъ поставилъ меня на колѣни.

— Поклонись ей, дитя! сказалъ онъ,—простись съ нею...

Я поклонилась. Отецъ поклонился вмѣстѣ со мною... Онъ былъ ужасно блѣденъ; губы его двигались и что-то шептали.

— *Это не я*, Нѣточка, *не я*, говорилъ онъ мнѣ, указывая дрожащею рукою на трупъ.—Слышишь, *не я*: *не я виноватъ въ этомъ*. Помни, Нѣточка!

— Папа, пойдемъ, прошептала я въ страхѣ.—Пора!

— Да, теперь пора, давно пора! сказалъ онъ, схвативъ меня крѣпко за руку и торопясь выйти изъ комнаты. — Ну, теперь въ путь! Слава Богу, слава Богу, теперь все кончено!

Мы сошли съ лѣстницы; полусонный дворникъ отворилъ намъ ворота, подозрительно поглядывая на насъ, и батюшка, словно боясь его вопроса, выбѣжалъ изъ воротъ первый, такъ что я едва догнала его. Мы прошли нашу улицу и вышли на набережную канала. За ночь на камняхъ мостовой выпалъ снѣгъ, и шелъ теперь мелкими хлопьями. Было холодно; я дрогла до костей и бѣжала за батюшкой, судорожно уцѣпившись за полы его фрака. Скрипка была у него подъ мышкой, и онъ поминутно останавливался, чтобъ придержать подъ мышкой футляръ.

Мы шли съ четверть часа; наконецъ, онъ повернулъ по скату тротуара на самую канаву и сѣлъ на послѣдней тумбѣ. Въ двухъ шагахъ отъ насъ была прорубь. Кругомъ не было ни души. Боже! Какъ теперь помню я то страшное ощущеніе, которое вдругъ овладѣло мною! Наконецъ, совершилось все, о чемъ я мечтала уже цѣлый годъ. Мы ушли изъ нашего бѣднаго жилища... Но того-ли я ожидала, о томъ-ли я мечтала, то-ли создалось въ моей дѣтской фантазіи, когда я загадывала о счастіи того, котораго я такъ не-дѣтски любила? Всего болѣе мучила меня въ это мгновеніе матушка. Зачѣмъ мы ее оставили, думала я, — одну? Покинули ея тѣло, какъ ненужную вещь? И помню, что это болѣе всего меня терзало и мучило.

— Папочка, начала я, не въ силахъ будучи выдержать мучительной заботы своей, — папочка!

— Что такое? сказалъ онъ сурово.

— Зачѣмъ мы, папочка, оставили тамъ маму? Зачѣмъ мы бросили ее? спросила я, заплакавъ. — Папочка! Воротимся домой! Позовемъ къ ней кого-нибудь.

— Да, да! закричалъ онъ вдругъ, встрепенувшись и приподымаясь съ тумбы, какъ будто что-то новое пришло ему въ голову, разрѣшавшее всѣ сомнѣнія его.— Да, Нѣточка, такъ нельзя: нужно пойти къ мамѣ; ей тамъ холодно! Поди къ ней, Нѣточка, поди; тамъ не темно, тамъ есть свѣчка; не бойся, позови къ ней кого-нибудь, и по-

томъ приходи ко мнѣ; поди одна, а я тебя здѣсь подожду... Я вѣдь никуда не уйду...

Я тотчасъ же пошла, но едва только взошла на тротуаръ, какъ вдругъ будто что-то кольнуло меня въ сердце... Я обернулась и увидѣла, что онъ уже сбѣжалъ съ другой стороны и бѣжитъ отъ меня, оставивъ меня одну, покидая меня въ эту минуту! Я закричала сколько во мнѣ было силы и въ страшномъ испугѣ бросилась догонять его. Я задыхалась; онъ бѣжалъ все скорѣе и скорѣе... я его уже теряла изъ виду. На дорогѣ мнѣ попалась его шляпа, которую онъ потерялъ въ бѣгствѣ; я подняла ее и пустилась снова бѣжать. Духъ во мнѣ замиралъ и ноги подкашивались. Я чувствовала, какъ что-то безобразное совершалось со мною: мнѣ все казалось, что это сонъ, и порой во мнѣ рождалось такое ощущеніе, какъ и во снѣ, когда мнѣ снилось, что я бѣгу отъ когонибудь, но что ноги мои подкашиваются, погоня настигаетъ меня и я падаю безъ чувствъ. Мучительное ощущеніе разрывало меня: мнѣ было жалко его, сердце мое ныло и болѣло, когда я представляла, какъ онъ бѣжитъ, безъ шинели, безъ шляпы, отъ меня, отъ своего любимаго дитяти... Мнѣ хотѣлось догнать его только для того, чтобъ еще разъ крѣпко поцѣловать, сказать ему, чтобъ онъ меня не боялся, увѣрить, успокоить, что я не побѣгу за нимъ, коли онъ не захочетъ того, а ворочусь одна къ матушкѣ. Я разглядѣла, наконецъ, что онъ поворотилъ въ какую-то улицу. Добѣжавъ до нея и тоже повернувъ за нимъ, я еще различала его впереди себя... Тутъ силы меня оставили: я начала плакать, кричать. Помню, что на побѣгѣ я столкнулась съ двумя прохожими, которые остановились посреди тротуара и съ изумленіемъ смотрѣли на насъ обоихъ.

— Папочка! Папочка! закричала я въ послѣдній разъ, но вдругъ поскользнулась на тротуарѣ и упала у воротъ дома. Я почувствовала, какъ все лицо мое облилось кровью. Мгновеніе спустя я лишилась чувствъ. . . . .

Очнулась я на теплой мягкой постели и увидѣла возлѣ себя привѣтливыя, ласковыя лица, которыя съ радостію встрѣтили мое пробужденіе. Я разглядѣла старушку, съ очками на носу, высокаго господина, который смотрѣлъ на меня съ глубокимъ состраданіемъ; потомъ прекрасную молодую даму, и, наконецъ, сѣдого старика, который держалъ меня за руку и смотрѣлъ на часы. Я пробудилась

для новой жизни. Одинъ изъ тѣхъ, которыхъ я встрѣтила во время бѣгства, былъ князь Х—ій, и я упала у воротъ его дома. Когда, послѣ долгихъ изысканій, узнали, кто я такова, князь, который послалъ моему отцу билетъ въ концертъ С—ца, пораженный странностью случая, рѣшился принять меня въ свой домъ и воспитать со своими дѣтьми. Стали отыскивать, что̀ сдѣлалось съ батюшкой, и узнали, что онъ былъ задержанъ кѣмъ-то уже внѣ города, въ припадкѣ изступленнаго помѣшательства. Его свезли въ больницу, гдѣ онъ и умеръ черезъ два дня.

Онъ умеръ, потому что такая смерть его была необходимостью, естественнымъ слѣдствіемъ всей его жизни. Онъ долженъ былъ такъ умереть, когда все, поддерживавшее его въ жизни, разомъ рухнуло, разсѣялось какъ призракъ, какъ безплотная, пустая мечта. Онъ умеръ, когда исчезла послѣдняя надежда его, когда въ одно мгновеніе разрѣшилось передъ нимъ самимъ и вошло въ ясное сознаніе все, чѣмъ обманывалъ онъ себя и поддерживалъ всю свою жизнь. Истина ослѣпила его своимъ нестерпимымъ блескомъ, и что̀ было ложь, стало ложью и для него самого. Въ послѣдній часъ свой, онъ услышалъ чуднаго генія, который разсказалъ ему его же самого и осудилъ его навсегда. Съ послѣднимъ звукомъ, слетѣвшимъ со струнъ скрипки геніальнаго С—ца, передъ нимъ разрѣшилась вся тайна искусства, и геній, вѣчно юный, могучій и истинный, раздавилъ его своею истинностью. Казалось, все, что̀ только въ таинственныхъ, неосязаемыхъ мученіяхъ тяготило его во всю жизнь, все, что̀ до сихъ поръ только грезилось ему и мучило его только въ сповидѣніяхъ неощутительно, неуловимо, что̀ хотя сказывалось ему по временамъ, но отъ чего онъ съ ужасомъ бѣжалъ, заслонясь ложью всей своей жизни, все, что̀ предчувствовалъ онъ, но чего боялся доселѣ,—все это вдругъ разомъ засіяло передъ нимъ, открылось глазамъ его, которые упрямо не хотѣли признать до сихъ поръ свѣтъ за свѣтъ, тьму за тьму. Но истина была невыносима для глазъ его, прозрѣвшихъ въ первый разъ во все то, что̀ было, что̀ есть, и въ то, что̀ ожидаетъ его; она ослѣпила и сожгла его разумъ. Она ударила въ него вдругъ неизбѣжно, какъ молнія. Совершилось вдругъ то, что онъ ожидалъ всю жизнь съ замираніемъ и трепетомъ. Казалось, всю жизнь сѣкира висѣла надъ его голо-

вой, всю жизнь онъ ждалъ каждое мгновеніе въ невыразимыхъ мученіяхъ, что она ударитъ въ него, и — наконецъ, сѣкира ударила! Ударъ былъ смертеленъ. Онъ хотѣлъ бѣжать отъ суда надъ собою, но бѣжать было некуда, послѣдняя надежда исчезла, послѣдняя отговорка пропала. Та, которой жизнь тяготѣла надъ нимъ столько лѣтъ, которая не давала ему жить, та, со смертію которой, по своему ослѣпленному вѣрованію, онъ долженъ былъ вдругъ, разомъ воскреснуть, — умерла. Наконецъ, онъ былъ одинъ, его не стѣсняло ничто: онъ былъ, наконецъ, свободенъ! Въ послѣдній разъ, въ судорожномъ отчаяніи, хотѣлъ онъ судить себя самъ, осудить неумолимо и строго, какъ безпристрастный, безкорыстный судья: но ослабѣвшій смычокъ его могъ только слабо повторить послѣднюю музыкальную фразу генія... Въ это мгновеніе безуміе, сторожившее его уже десять лѣтъ, неизбѣжно поразило его.

IV.

Я выздоравливала медленно; но когда уже совсѣмъ встала съ постели, умъ мой все еще былъ въ какомъ-то оцѣпенѣніи, и долгое время я не могла понять, что̀ именно случилось со мною. Были мгновенія, когда мнѣ казалось, что я вижу сонъ, и, помню, мнѣ хотѣлось, чтобы все случившееся и впрямь обратилось въ сонъ! Засыпая на ночь, я надѣялась, что вдругъ какъ-нибудь проснусь опять въ нашей бѣдной комнатѣ и увижу отца и мать... Но, наконецъ, передо мною прояснѣло мое положеніе, и я мало-по-малу поняла, что осталась одна совершенно и живу у чужихъ людей. Тогда въ первый разъ почувствовала я, что я сирота.

Я начала жадно присматриваться ко всему новому, такъ внезапно меня окружившему. Сначала мнѣ все казалось страннымъ и чуднымъ, все меня смущало: и новыя лица, и новые обычаи, и комнаты стараго княжескаго дома—какъ теперь вижу, большія, высокія, богатыя, но такія угрюмыя, мрачныя, что, помню, я серьезно боялась пуститься черезъ какую-нибудь длинную-длинную залу, въ которой, мнѣ казалось, совсѣмъ пропаду. Болѣзнь моя еще не прошла, и впечатлѣнія мои были мрачныя, тягостныя, совершенно подъ ладъ этого торжественно-угрюмаго жилища. Къ тому же, какая-то, еще неясная мнѣ самой, тоска все болѣе и болѣе нарастала въ моемъ

маленькомъ сердцѣ. Съ недоумѣніемъ останавливалась я передъ какой-нибудь картиной, зеркаломъ, каминомъ затѣйливой работы или статуей, которая какъ будто нарочно спряталась въ глубокую нишу, чтобъ оттуда лучше посмотрѣть за мной и какъ-нибудь испугать меня, останавливалась и потомъ вдругъ забывала, зачѣмъ я остановилась, чего хочу, о чемъ начала думать, и только когда очнусь, бывало, страхъ и смятеніе нападали на меня, и крѣпко билось мое сердце.

Изъ тѣхъ, кто изрѣдка приходили навѣстить меня, когда я еще лежала больная, кромѣ старичка-доктора, всего болѣе поразило меня лицо одного мужчины, уже довольно пожилого, такого серьезнато, но такого добраго, смотрѣвшаго на меня съ такимъ глубокимъ состраданіемъ! Его лицо я полюбила болѣе всѣхъ другихъ. Мнѣ очень хотѣлось заговорить съ нимъ, но я боялась: онъ былъ съ виду всегда очень унылъ, говорилъ отрывисто, мало, и никогда улыбка не являлась на губахъ его. Это былъ самъ князь Х—ій, нашедшій меня и призрѣвшій въ своемъ домѣ. Когда я стала выздоравливать, посѣщенія его становились рѣже и рѣже. Наконецъ, въ послѣдній разъ, онъ принесъ мнѣ конфектовъ, какую-то дѣтскую книжку съ картинками, поцѣловалъ меня, перекрестилъ и просилъ, чтобъ я была веселѣе. Утѣшая меня, онъ прибавилъ, что скоро у меня будетъ подруга, такая же дѣвочка, какъ и я, его дочь Катя, которая теперь въ Москвѣ. Потомъ, поговоривъ что-то съ пожилой француженкой, нянькой дѣтей его, и съ ухаживавшей за мной дѣвушкой, онъ указалъ имъ на меня, вышелъ, и съ тѣхъ поръ я ровно три недѣли не видала его. Князь жилъ въ своемъ домѣ чрезвычайно уединенно. Бо́льшую половину дома занимала княгиня; она тоже не видалась съ княземъ иногда по цѣлымъ недѣлямъ. Впослѣдствіи я замѣтила, что даже всѣ домашніе мало говорили объ немъ, какъ будто его и не было въ домѣ. Всѣ его уважали, и даже видно было, любили его, а между тѣмъ смотрѣли на него, какъ на какого-то чуднаго и страннаго человѣка. Казалось, и онъ самъ понималъ, что онъ очень странень, какъ-то не похожъ на другихъ, и потому старался какъ можно рѣже казаться всѣмъ на глаза... Въ свое время мнѣ придется очень много и гораздо подробнѣе говорить о немъ.

Въ одно утро меня одѣли въ чистое, тонкое бѣлье,

надѣли на меня черное шерстяное платье, съ бѣлыми нарезами, на которое я посмотрѣла съ какимъ-то унылымъ недоумѣніемъ, причесали мнѣ голову и повели съ верхнихъ комнатъ внизъ, въ комнаты княгини. Я остановилась какъ вкопанная, когда меня привели къ ней: никогда я еще не видала кругомъ себя такого богатства и великолѣпія. Но это впечатлѣніе было мгновенное, и я побѣдѣла, когда услышала голосъ княгини, которая велѣла подвести меня ближе. Я и одѣвясь думала, что готовлюсь на какое-то мученіе, хотя Богъ знаетъ отчего вселилась въ меня подобная мысль. Вообще я вступила въ новую жизнь съ какою-то странною недовѣрчивостью ко всему меня окружавшему. Но княгиня была со мной очень привѣтлива и поцѣловала меня. Я взглянула на нее посмѣлѣе. Это была та самая прекрасная дама, которую я видѣла, когда очнулась послѣ своего безпамятства. Но я вся дрожала, когда цѣловала ея руку, и никакъ не могла собраться съ силами отвѣтить что-нибудь на ея вопросы. Она приказала мнѣ сѣсть возлѣ себя на низенькомъ табуретѣ. Кажется, это мѣсто уже предназначено было для меня заранѣе. Видно было, что княгиня и не желала болѣе, какъ привязаться ко мнѣ всею душою, обласкать меня и вполнѣ замѣнить мнѣ мать. Но я никакъ не могла понять, что попала въ случай, и ничего не выиграла въ ея мнѣніи. Мнѣ дали прекрасную книжку съ картинками и приказали разсматривать. Сама княгиня писала къ кому-то письмо, изрѣдка оставляла перо и опять со мной заговаривала; но я сбивалась, путалась и ничего не сказала путнаго. Однимъ словомъ, хотя моя исторія была очень необыкновенная, и въ ней большую часть играла судьба, разные, положимъ, даже таинственные пути, и вообще было много интереснаго, необъяснимаго, даже чего-то фантастическаго, но я сама выходила, какъ будто на зло всей этой мелодраматической обстановкѣ, самымъ обыкновеннымъ ребенкомъ, запуганнымъ, какъ будто забитымъ, и даже глупенькимъ. Особенно послѣднее княгинѣ вовсе не нравилось, и я, кажется, довольно скоро ей совсѣмъ надоѣла, въ чемъ виню одну себя, разумѣется. Часу въ третьемъ начались визиты, и княгиня стала ко мнѣ вдругъ внимательнѣе и ласковѣе. На разспросы пріѣзжавшихъ обо мнѣ, она отвѣчала, что это чрезвычайно интересная исторія, и потомъ начинала разсказывать по-французски. Во время ея разсказовъ на

меня глядѣли, качали головами, восклицали. Одинъ молодой человѣкъ навелъ на меня лорнетъ, одинъ пахучій сѣдой старичокъ хотѣлъ было поцѣловать меня, а я блѣднѣла, краснѣла и сидѣла потупивъ глаза, боясь шевельнуться, дрожа всѣми членами. Сердце ныло и болѣло во мнѣ. Я уносилась въ прошедшее, на нашъ чердакъ, вспомнила отца, наши длинные, молчаливые вечера, матушку, и когда вспомнила о матушкѣ—въ глазахъ моихъ накипали слезы, мнѣ сдавливало горло, и я такъ хотѣла убѣжать, исчезнуть, остаться одной... Потомъ, когда кончились визиты, лицо княгини стало примѣтно суровѣе. Она уже смотрѣла на меня угрюмѣе, говорила отрывистѣе, и въ особенности меня пугали ея пронзительные, черные глаза, иногда цѣлую четверть часа устремленные на меня, и крѣпко сжатыя тонкія губы. Вечеромъ меня отвели наверхъ. Я заснула въ лихорадкѣ, просыпалась ночью, тоскуя и плача отъ болѣзненныхъ сновидѣній, а на утро началась та-же исторія, и меня опять повели къ княгинѣ. Наконецъ, ей какъ будто самой наскучило разсказывать своимъ гостямъ мои приключенія, а гостямъ соболѣзновать обо мнѣ. Къ тому же я была такой обыкновенный ребенокъ, „безъ всякой наивности“, какъ, помню, выразилась сама княгиня, говоря глазъ-на-глазъ съ одной пожилой дамой, которая спросила: „неужели ей не скучно со мной?“,—и вотъ, въ одинъ вечеръ, меня увели совсѣмъ, съ тѣмъ, чтобъ не приводить ужъ болѣе. Такимъ образомъ кончилось мое фаворитство; впрочемъ, мнѣ позволено было ходить вездѣ и всюду, сколько мнѣ было угодно. Я же не могла сидѣть на одномъ мѣстѣ отъ глубокой, болѣзненной тоски своей, и рада-рада была, когда уйду, наконецъ, отъ всѣхъ внизъ, въ большія комнаты. Помню, что мнѣ очень хотѣлось разговориться съ домашними; но я такъ боялась разсердить ихъ, что предпочитала оставаться одной. Моимъ любимымъ препровожденіемъ времени было забиться куда-нибудь въ уголъ, гдѣ непримѣтнѣе, стать за какую-нибудь мебель, и тамъ тотчасъ же начать припоминать и соображать обо всемъ, что случилось со мною. Но чудное дѣло? Я какъ будто забыла окончаніе того, что со мною случилось у родителей, и всю эту ужасную исторію. Передо мной мелькали однѣ картины, выставлялись факты. Я, правда, все помнила—и ночь, и скрипку, и батюшку, помнила, какъ доставала ему деньги; но осмыслить, выяснить всѣ эти происшествія какъ-то не

могла... Только тяжеле мнѣ становилось на сердцѣ, и когда я доходила воспоминаніемъ до той минуты, когда молилась возлѣ мертвой матушки, то морозъ вдругъ пробѣгалъ по моимъ членамъ; я дрожала, слегка вскрикивала, и потомъ такъ тяжело становилось дышать, такъ ныла вся грудь моя, такъ колотилось сердце, что въ испугѣ выбѣгала я изъ угла. Впрочемъ, я неправду сказала, говоря, что меня оставляли одну: за мной неусыпно и усердно присматривали, и съ точностью исполняли приказанія князя, который велѣлъ дать мнѣ полную свободу, не стѣснять ничѣмъ, но ни на минуту не терять меня изъ виду. Я замѣчала, что по временамъ кто-нибудь изъ домашнихъ и изъ прислуги заглядывалъ въ ту комнату, въ которой я находилась, и опять уходилъ, не сказавъ мнѣ ни слова. Меня очень удивляла и отчасти безпокоила такая внимательность. Я не могла понять, для чего это дѣлается. Мнѣ все казалось, что меня для чего-то берегутъ и что-нибудь хотятъ потомъ со мной сдѣлать. Помню, я все старалась зайти куда-нибудь подальше, чтобъ въ случаѣ нужды знать куда спрятаться.

Разъ я забрела на парадную лѣстницу. Она была вся изъ мрамора, широкая, устланная коврами, установленная цвѣтами и прекрасными вазами. На каждой площадкѣ безмолвно сидѣло по два высокихъ человѣка, чрезвычайно пестро одѣтыхъ, въ перчаткахъ и въ самыхъ бѣлыхъ галстукахъ. Я посмотрѣла на нихъ въ недоумѣніи и никакъ не могла взять въ толкъ, зачѣмъ они тутъ сидятъ, молчатъ и только смотрятъ другъ на друга, а ничего не дѣлаютъ.

Эти уединенныя прогулки нравились мнѣ болѣе и болѣе. Къ тому же была другая причина, по которой я убѣгала сверху. Наверху жила старая тетка князя, почти безвыходно и безвыѣздно. Эта старушка рѣзко отразилась въ моемъ воспоминаніи. Она была чуть-ли не важнѣйшимъ лицомъ въ домѣ. Въ сношеніяхъ съ нею всѣ наблюдали какой-то торжественный этикетъ, и даже сама княгиня, которая смотрѣла такъ гордо и самовластно, ровно два раза въ недѣлю, по положеннымъ днямъ, должна была всходить наверхъ и дѣлать личный визитъ своей теткѣ. Она обыкновенно приходила утромъ; начинался сухой разговоръ, зачастую прерываемый торжественнымъ молчаніемъ, въ продолженіе котораго старушка или шептала молитвы, или перебирала четки. Визитъ кончался не прежде, какъ

того хотѣла сама тетушка, которая вставала съ мѣста, цѣловала княгиню въ губы и тѣмъ давала знать, что свиданіе кончалось. Прежде княгиня должна была каждый день посѣщать свою родственницу; но впослѣдствіи, по желанію старушки, послѣдовало облегченіе, и княгиня только обязана была въ остальные пять дней недѣли каждое утро присылать узнать о ея здоровьѣ. Вообще, житье престарѣлой княжны было почти келейное. Она была дѣвушка, и когда ей минуло тридцать пять лѣтъ, заключилась въ монастырь, гдѣ и выжила лѣтъ семнадцать, но не постриглась; потомъ оставила монастырь и пріѣхала въ Москву, чтобъ жить съ сестрою, вдовой графиней Л., здоровье которой становилось съ каждымъ годомъ хуже, и примириться со второй сестрой, тоже княжною Х—ю, съ которою слишкомъ двадцать лѣтъ была въ ссорѣ. Но старушки, говорятъ, ни одного дня не провели въ согласіи, тысячу разъ хотѣли разъѣхаться и не могли этого сдѣлать, потому что, наконецъ, замѣтили, какъ каждая изъ нихъ необходима двумъ остальнымъ, для предохраненія отъ скуки и отъ припадковъ старости. Но, несмотря на непривлекательность ихъ житья-бытья и самую торжественную скуку, господствовавшую въ ихъ московскомъ теремѣ, весь городъ поставлялъ долгомъ не прерывать своихъ визитовъ тремъ затворницамъ. На нихъ смотрѣли какъ на хранительницъ всѣхъ аристократическихъ завѣтовъ и преданій, какъ на живую лѣтопись коренного боярства. Графиня оставила послѣ себя много прекрасныхъ воспоминаній и была превосходная женщина. Заѣзжіе изъ Петербурга дѣлали къ нимъ свои первые визиты. Кто принимался въ ихъ домѣ, того принимали вездѣ. Но графиня умерла, и сестры разъѣхались: старшая, княжна Х—я, осталась въ Москвѣ, наслѣдовать свою часть послѣ графини, умершей бездѣтною, а младшая, монастырка, переселилась къ племяннику, князю Х—му, въ Петербургъ. Зато двое дѣтей князя: княжна Катя и Александръ, остались гостить въ Москвѣ у бабушки, для развлеченія и утѣшенія ея въ одиночествѣ. Княгиня, страстно любившая своихъ дѣтей, не смѣла слова пикнуть, разставаясь на все время положеннаго траура. Я забыла сказать, что трауръ еще продолжался во всемъ домѣ князя, когда я поселилась въ немъ; но срокъ истекалъ въ короткомъ времени.

Старушка-княжна одѣвалась вся въ черное, всегда въ платье изъ простой шерстяной матеріи, и носила накрах-

маленные, собранные въ мелкія складки бѣлые воротнички, которые придавали ей видъ богадѣленки. Она не покидала четокъ, торжественно выѣзжала къ обѣднѣ, постилась по всѣмъ днямъ, принимала визиты разныхъ духовныхъ лицъ и степенныхъ людей, читала священныя книги и вообще вела жизнь самую монашескую. Тишина наверху была страшная; невозможно было скрипнуть дверью: старушка была чутка какъ пятнадцатилѣтняя дѣвушка и тотчасъ же посылала изслѣдовать причину стука или даже простого скрипа. Всѣ говорили шопотомъ, всѣ ходили на цыпочкахъ, и бѣдная француженка, тоже старушка, принуждена была, наконецъ, отказаться отъ любимой своей обуви,—башмаковъ съ каблуками. Каблуки были изгнаны. Двѣ недѣли спустя послѣ моего появленія, старушка-княжна прислала обо мнѣ спросить: кто я такая, что я, какъ попала въ домъ, и проч. Ее немедленно и почтительно удовлетворили. Тогда присланъ былъ второй нарочный, къ француженкѣ, съ запросомъ, отчего княжна до сихъ поръ не видала меня? Тотчасъ же поднялась суматоха: мнѣ начали чесать голову, умывать лицо, руки, которыя безъ того были очень чисты, учили меня подходить, кланяться, глядѣть веселѣе и привѣтливѣе, говорить, — однимъ словомъ, меня всю затормошили. Потомъ отправилась посланница уже съ нашей стороны, съ предложеніемъ: не пожелаютъ-ли видѣть сиротку? Послѣдовалъ отвѣтъ отрицательный, но назначенъ былъ срокъ на завтра послѣ обѣдни. Я не спала всю ночь, и разсказывали потомъ, что я всю ночь бредила, подходила къ княжнѣ и въ чемъ-то просила у нея прощенія. Наконецъ, послѣдовало мое представленіе. Я увидѣла маленькую, худощавую старушку, сидѣвшую въ огромныхъ креслахъ. Она закивала мнѣ головою и надѣла очки, чтобъ разглядѣть меня ближе. Помню, что я ей совсѣмъ не понравилась. Замѣчено было, что я совсѣмъ дикая, не умѣю ни присѣсть, ни поцѣловать руки. Начались разспросы, и я едва отвѣчала: но когда дошло дѣло до отца и матушки, я заплакала. Старушкѣ было очень непріятно, что я расчувствовалась: впрочемъ, она начала утѣшать меня и велѣла возложить мои надежды на Бога; потомъ спросила, когда я была послѣдній разъ въ церкви, и такъ какъ я едва поняла ея вопросъ, потому что моимъ воспитаніемъ очень неглижировали, то княжна пришла въ ужасъ. Послали за княгиней. Послѣдовалъ совѣтъ, и положено было отвезти меня въ церковь въ пер-

вое же воскресенье. До тѣхъ поръ княжна обѣщала молиться за меня, но приказала меня вывесть, потому что я, по ея словамъ, оставила въ ней очень тягостное впечатлѣніе. Ничего мудренаго, такъ и должно было быть. Но ужъ видно было, что я совсѣмъ не понравилась; въ тотъ же день прислали сказать, что я слишкомъ рѣзвлюсь, и что меня слышно на весь домъ, тогда какъ я сидѣла весь день не шелохнувшись: ясно, что старушкѣ такъ показалось. Однако, и на завтра послѣдовало то же замѣчаніе. Случись же, что я въ это время уронила чашку и разбила ее. Француженка и всѣ дѣвушки пришли въ отчаяніе, и меня въ ту же минуту переселили въ самую отдаленную комнату, куда всѣ послѣдовали за мной, въ припадкѣ глубокаго ужаса.

Но я ужъ не знаю, чѣмъ кончилось потомъ это дѣло. Вотъ почему я рада была уходить внизъ и бродить одна по большимъ комнатамъ, зная, что ужъ тамъ никого не обезпокою.

Помню, я разъ сидѣла въ одной залѣ внизу. Я закрыла руками лицо, наклонила голову, и такъ просидѣла не помню сколько часовъ. Я все думала, думала; мой несозрѣвшій умъ не въ силахъ былъ разрѣшить всей тоски моей, и все тяжелѣе, тошнѣй становилось у меня въ душѣ. Вдругъ надо мной раздался чей-то тихій голосъ:

— Что̀ съ тобой, моя бѣдная?

Я подняла голову: это былъ князь; его лицо выражало глубокое участіе и состраданіе; но я поглядѣла на него съ такимъ убитымъ, съ такимъ несчастнымъ видомъ, что слеза набѣжала въ большихъ голубыхъ глазахъ его.

— Бѣдная сиротка! проговорилъ онъ, погладивъ меня по головѣ.

— Нѣтъ, пѣтъ, не сиротка! Нѣтъ! проговорила я, и стонъ вырвался изъ груди моей, и все поднялось и взволновалось во мнѣ. Я встала съ мѣста, схватила его руку и, цѣлуя ее, обливая слезами, повторяла умоляющимъ голосомъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, не сиротка! Нѣтъ!

— Дитя мое, — что̀ съ тобой, моя милая, бѣдная Нѣточка? Что̀ съ тобой?

— Гдѣ моя мама? Гдѣ моя мама? закричала я, громко рыдая, не въ силахъ болѣе скрывать тоску свою и въ безсиліи упавъ передъ нимъ на колѣни.—Гдѣ моя мама? Голубчикъ мой, скажи, гдѣ моя мама?

— Прости меня, дитя мое!.. Ахъ, бѣдная моя, я напомнилъ ей... Что я надѣлалъ! Поди, пойдемъ со мной, Нѣточка, пойдемъ со мной.

Онъ схватилъ меня за руку и быстро повелъ за собою. Онъ былъ потрясенъ до глубины души. Наконецъ, мы пришли въ одну комнату, которой еще я не видала.

Это была образная. Были сумерки. Лампады ярко сверкали своими огнями на золотыхъ ризахъ и драгоцѣнныхъ каменьяхъ образовъ. Изъ-подъ блестящихъ окладовъ тускло выглядывали лики святыхъ. Все здѣсь такъ не походило на другія комнаты, такъ было таинственно и угрюмо, что я была поражена, и какой-то испугъ овладѣлъ моимъ сердцемъ. Къ тому же я была такъ болѣзненно настроена! Князь торопливо поставилъ меня на колѣни передъ образомъ Божіей Матери и самъ сталъ возлѣ меня...

— Молись, дитя, помолись; будемъ оба молиться! сказалъ онъ тихимъ, порывистымъ голосомъ.

Но молиться я не могла; я была поражена, даже испугана; я вспомнила слова отца, въ ту послѣднюю ночь, у тѣла моей матери, и со мной сдѣлался первый припадокъ. Я слегла въ постель больная, и въ этотъ вторичный періодъ моей болѣзни едва не умерла; вотъ какъ былъ этотъ случай.

Въ одно утро, чье-то знакомое имя раздавалось въ ушахъ моихъ. Я услышала имя С—ца. Кто-то изъ домашнихъ произнесъ его возлѣ моей постели. Я вздрогнула; воспоминанія нахлынули ко мнѣ, и, припоминая, мечтая и мучаясь, я пролежала ужъ не помню сколько часовъ въ настоящемъ бреду. Проснулась я уже очень поздно; кругомъ меня было темно; ночникъ погасъ, и дѣвушки, которая сидѣла въ моей комнатѣ, не было. Вдругъ я услышала звуки отдаленной музыки. Порой звуки затихали совершенно, порой раздавались слышнѣе и слышнѣе, какъ будто приближались. Не помню, какое чувство овладѣло мною, какое намѣреніе вдругъ родилось въ моей больной головѣ. Я встала съ постели и не знаю, гдѣ сыскала я силъ, наскоро одѣлась въ мой трауръ и пошла ощупью изъ комнаты. Ни въ другой, ни въ третьей комнатѣ я не встрѣтила ни души. Наконецъ, я пробралась въ коридоръ. Звуки становились все слышнѣе и слышнѣе. На серединѣ коридора была лѣстница внизъ; этимъ путемъ я всегда сходила въ большія комнаты. Лѣстница была ярко освѣщена; внизу ходили; я притаилась въ углу, чтобъ меня не ви-

дали, и только что стало возможно, спустилась внизъ, во второй коридоръ. Музыка гремѣла изъ смежной залы; тамъ было шумно, говорливо, какъ будто собрались тысячи людей. Одна изъ дверей въ залу, прямо изъ коридора, была завѣшена огромными двойными портьерами изъ пунцоваго бархата. Я подняла первую изъ нихъ и стала между обоими занавѣсами. Сердце мое билось такъ, что я едва могла стоять на ногахъ. Но черезъ нѣсколько минутъ, осиливъ свое волненіе, я осмѣлилась, наконецъ, отвернуть немного съ края второй занавѣсъ... Боже мой! Эта огромная, мрачная зала, въ которую я такъ боялась входить, сверкала теперь тысячью огней. Какъ будто море свѣта хлынуло на меня, и глаза мои, привыкшіе къ темнотѣ, были въ первое мгновеніе ослѣплены до боли. Ароматическій воздухъ, какъ горячій вѣтеръ, пахнулъ мнѣ въ лицо. Бездна людей ходили взадъ и впередъ; казалось, всѣ съ радостными, веселыми лицами. Женщины были въ такихъ богатыхъ, въ такихъ свѣтлыхъ платьяхъ: всюду я встрѣчала сверкающій отъ удовольствія взглядъ. Я стояла какъ зачарованная. Мнѣ казалось, что я все это видѣла когда-то, гдѣ-то во снѣ... Мнѣ припомнились сумерки, я припомнила нашъ чердакъ, высокое окошко, улицу глубоко внизу, съ сверкающими фонарями, окна противоположнаго дома съ красными гардинами, кареты, столпившіяся у подъѣзда, топотъ и храпъ гордыхъ коней, крики, шумъ, тѣни въ окнахъ и слабую, отдаленную музыку... Такъ вотъ, вотъ гдѣ былъ этотъ рай! пронеслось въ моей головѣ: вотъ куда я хотѣла идти съ бѣднымъ отцомъ... Стало быть, это была не мечта... Да, я видѣла все такъ и прежде въ моихъ мечтахъ, въ сновидѣніяхъ! Разгоряченная болѣзнію, фантазія вспыхнула въ моей головѣ, и слезы какого-то необъяснимаго восторга хлынули изъ глазъ моихъ. Я искала глазами отца: „онъ долженъ быть здѣсь, онъ здѣсь“, думала я, и сердце мое билось отъ ожиданія... духъ во мнѣ занимался... Но музыка умолкла, раздался гулъ, и по всей залѣ пронесся какой-то шопотъ. Я жадно всматривалась въ мелькавшія передо мной лица, старалась узнать кого-то. Вдругъ какое-то необыкновенное волненіе обнаружилось въ залѣ. Я увидѣла на возвышеніи высокаго, худощаваго старика. Его блѣдное лицо улыбалось, онъ угловато сгибался и кланялся на всѣ стороны, въ рукахъ его была скрипка. Наступило глубокое молчаніе, какъ будто всѣ эти люди затаили духъ. Всѣ

лица были устремлены на старика, всѣ ожидало. Онъ взялъ скрипку и дотронулся смычкомъ до струнъ. Началась музыка, и я чувствовала, какъ что-то вдругъ сдавило мнѣ сердце. Въ неистощимой тоскѣ, затаивъ дыханіе, я вслушивалась въ эти звуки; что-то знакомое раздавалось въ ушахъ моихъ, какъ будто и я гдѣ-то слышала это; какое-то предчувствіе чего-то ужаснаго, страшнаго, что разрѣшалось и въ моемъ сердцѣ. Наконецъ, скрипка зазвенѣла сильнѣе; быстрѣе и пронзительнѣе раздавались звуки. Вотъ послышался какъ будто чей-то отчаянный вопль, жалобный плачъ, какъ будто чья-то мольба вотще раздалась во всей этой толпѣ и замолкла, замолкла въ отчаяніи. Все знакомѣе и знакомѣе сказывалось что-то моему сердцу. Но сердце отказывалось вѣрить. Я стиснула зубы, чтобъ не застонать отъ боли, я уцѣпилась за занавѣсы, чтобъ не упасть... Порой я закрывала глаза и вдругъ открывала ихъ, ожидая, что это сонъ, что я проснусь въ какую-то страшную, мнѣ знакомую минуту, и мнѣ снилась та послѣдняя ночь, я слышала тѣ же звуки. Открывъ глаза, я хотѣла увѣриться, жадно смотрѣла въ толпу,—нѣтъ, это были другіе люди, другія лица... Мнѣ показалось, что всѣ, какъ и я, ожидали чего-то, всѣ, какъ и я, мучились глубокой тоской; казалось, что они всѣ хотѣли крикнуть этимъ страшнымъ стопамъ и воплямъ, чтобъ они замолчали, не терзали ихъ душъ, но вопли и стоны лились все тоскливѣе, и жалобнѣе, продолжительнѣе. Вдругъ раздался послѣдній, страшный, долгій крикъ, и все во мнѣ потряслось... Сомнѣнья нѣтъ! Это тотъ самый, тотъ крикъ! Я узнала его, я уже слышала его, онъ такъ же, какъ и тогда, въ ту ночь, пронзилъ мнѣ душу. „Отецъ! Отецъ!“ пронеслось какъ молнія въ головѣ моей: „онъ здѣсь, это онъ, онъ зоветъ меня, это его скрипка!“ Какъ будто стонъ вырвался изъ всей этой толпы, и страшныя рукоплесканія потрясли залу. Отчаянный, пронзительный плачъ вырвался изъ груди моей. Я не вытерпѣла болѣе, откинула занавѣсъ и бросилась въ залу.

— Папа, папа! это ты! Гдѣ ты? закричала я, почти не помня себя.

Не знаю, какъ добѣжала я до высокаго старика: мнѣ давали дорогу, разступались передо мной. Я бросилась къ нему съ мучительнымъ крикомъ; я думала, что обнимаю отца... Вдругъ увидѣла, что меня схватываютъ чьи-то длинныя, костлявыя руки и подымаютъ на воздухъ.

Чьи-то черные глаза устремились на меня и, казалось, хотѣли сжечь меня своимъ огнемъ. Я смотрѣла на старика: „нѣтъ! Это былъ не отецъ; это его убійца!“ мелькнуло въ умѣ моемъ. Какое-то изступленіе овладѣло мной и вдругъ мнѣ показалось, что надо мной раздался хохотъ, что этотъ хохотъ отдался въ залѣ дружнымъ, всеобщимъ крикомъ; я лишилась чувствъ.

V.

Это былъ второй и послѣдній періодъ моей болѣзни.

Вновь открывъ глаза, я увидѣла склонившееся надо мною лицо ребенка, дѣвочки однихъ лѣтъ со мною, и первымъ движеніемъ моимъ было протянуть къ ней руки. Съ перваго взгляда на нее,—какимъ-то счастьемъ, будто сладкимъ предчувствіемъ наполнилась вся душа моя. Представьте себѣ идеально-прелестное личико, поражающую, сверкающую красоту, одну изъ такихъ, передъ которыми вдругъ останавливаешься, какъ пронзенный въ сладостномъ смущеніи, вздрогнувъ отъ восторга, и который благодаренъ за то, что она есть, за то, что на нее упалъ вашъ взглядъ, за то, что она прошла возлѣ васъ. Это была дочь князя, Катя, которая только что воротилась изъ Москвы. Она улыбнулась моему движенію, и слабые нервы мои заныли отъ сладостнаго восторга.

Княжна позвала отца, который былъ въ двухъ шагахъ и говорилъ съ докторомъ.

— Ну, слава Богу! Слава Богу! сказалъ князь, взявъ меня за руку, и лицо его засіяло неподдѣльнымъ чувствомъ.—Радъ, радъ, очень радъ, продолжалъ онъ скороговоркой, по всегдашней привычкѣ.—А вотъ, Катя, моя дѣвочка: познакомьтесь,—вотъ тебѣ и подруга. Выздоравливай скорѣе, Нѣточка. Злая этакая, какъ она меня напугала!..

Выздоровленіе мое пошло очень скоро. Черезъ нѣсколько дней я уже ходила. Каждое утро Катя подходила къ моей постели, всегда съ улыбкой, со смѣхомъ, который не сходилъ съ ея губъ. Ея появленія ждала я какъ счастья; мнѣ такъ хотѣлось поцѣловать ее! Но шаловливая дѣвочка приходила едва на нѣсколько минутъ, посидѣть смирно она не могла. Вѣчно двигаться, бѣгать, скакать, шумѣть и гремѣть на весь домъ—было въ ней непремѣнной потребностью. И потому она же съ перваго раза объявила мнѣ, что ей ужасно скучно сидѣть у меня и что

потому она будетъ приходить очень рѣдко, да и то затѣмъ, что ей жалко меня,—такъ ужъ нечего дѣлать, нельзя не придти; а что вотъ когда я выздоровлю, такъ у насъ пойдетъ лучше. И каждое утро первымъ словомъ ея было:

— Ну, выздоровѣла?

И такъ какъ я все еще была худа и блѣдна, и улыбка какъ-то боязливо проглядывала на моемъ грустномъ лицѣ, то княжна тотчасъ же хмурила брови, качала головой и въ досадѣ топала ножкой.

— А вѣдь я-жъ тебѣ сказала вчера, чтобъ ты была лучше! Что? Тебѣ вѣрно ѣсть не даютъ?

— Да мало, отвѣчала я робко, потому что уже робѣла передъ ней. Мнѣ изъ всѣхъ силъ хотѣлось ей какъ можно понравиться, а потому я боялась за каждое свое слово, за каждое движеніе. Появленіе ея всегда болѣе и болѣе приводило меня въ восторгъ. Я не спускала съ нея глазъ, и когда она уйдетъ, бывало, я все еще смотрю, какъ зачарованная, въ ту сторону, гдѣ она стояла. Она мнѣ стала сниться во снѣ. А на-яву, когда ея не было, я сочиняла цѣлые разговоры съ ней, была ея другомъ, шалила, проказила, плакала вмѣстѣ съ ней, когда насъ журили за что-нибудь, однимъ словомъ, мечтала объ ней какъ влюбленная. Мнѣ ужасно хотѣлось выздоровѣть и поскорѣй пополнѣть, какъ она мнѣ совѣтовала.

Когда, бывало, Катя вбѣжитъ ко мнѣ утромъ и съ перваго слова крикнетъ: „Не выздоровѣла? Опять такая же худая!" то я трусила, какъ виноватая. Но ничего не могло быть серьезнѣе удивленія Кати, что я не могу поправиться въ однѣ сутки, такъ что она, наконецъ, начинала и въ самомъ дѣлѣ сердиться.

— Ну, такъ, хочешь, я тебѣ сегодня пирогъ принесу? сказала она мнѣ однажды.—Кушай, отъ этого скоро растолстѣешь.

— Принеси, отвѣчала я въ восторгѣ, что увижу ее еще разъ.

Освѣдомившись о моемъ здоровьѣ, княжна садилась обыкновенно противъ меня на стулъ и начинала разсматривать меня своими черными глазами. И сначала, какъ знакомилась со мной, она поминутно такъ осматривала меня съ головы до ногъ съ самымъ наивнымъ удивленіемъ. Но нашъ разговоръ не клеился. Я робѣла передъ Катей и передъ ея крутыми выходками, тогда какъ умирала отъ желанія говорить съ ней.

— Что-жъ ты молчишь? начала Катя послѣ нѣкотораго молчанія.

— Что дѣлаетъ папа? спросила я, обрадовавшись, что есть фраза, съ которой можно начинать разговоръ каждый разъ.

— Ничего. Папѣ хорошо. Я сегодня выпила двѣ чашки чаю, а не одну. А ты сколько?

— Одну.

Опять молчаніе.

— Сегодня Фальстафъ меня хотѣлъ укусить.

— Это собака?

— Да, собака. Ты развѣ не видала?

— Нѣтъ, видѣла.

И такъ какъ я не знала, что отвѣчать, то княжна опять смотрѣла на меня съ удивленіемъ.

— Что? Тебѣ весело, когда я съ тобою говорю?

— Да, очень весело; приходи чаще.

— Мнѣ такъ и сказали, что тебѣ будетъ весело, когда я буду къ тебѣ приходить, да ты вставай скорѣе; ужъ я тебѣ сегодня принесу пирогъ... Да что ты все молчишь?

— Такъ.

— Ты все думаешь, вѣрно?

— Да, много думаю.

— А мнѣ говорятъ, что я много говорю и мало думаю. Развѣ говорить худо?

— Нѣтъ. Я рада, когда ты говоришь.

— Гм! спрошу у мадамъ Леотаръ, она все знаетъ. А о чемъ ты думаешь?

— Я о тебѣ думаю, отвѣчала я, помолчавъ.

— Это тебѣ весело?

— Да.

— Стало быть, ты меня любишь?

— Да.

— А я тебя еще не люблю. Ты такая худая! Вотъ я тебѣ пирогъ принесу! Ну, прощай!

И княжна, поцѣловавъ меня почти на лету, исчезла изъ комнаты.

Но послѣ обѣда дѣйствительно явился пирогъ. Она вбѣжала, какъ изступленная, хохоча отъ радости, что принесла-таки мнѣ кушанье, которое мнѣ запрещали.

— Ѣшь больше, ѣшь хорошенько, это мой пирогъ, я сама не ѣла. Ну, прощай! И только я ее и видѣла.

Другой разъ она вдругъ влетѣла ко мнѣ, тоже не въ

урочный часъ, послѣ обѣда: черные локоны ея были словно вихремъ разметаны, щечки горѣли какъ пуншуръ, глаза сверкали; значитъ, что она уже бѣгала и прыгала часъ или два.

— Ты умѣешь въ воланы играть? закричала она, запыхавшись, скороговоркой, торопясь куда-то.

— Нѣтъ, отвѣчала я, ужасно жалѣя, что не могу сказать: да!

— Экая! Ну, выздоровѣешь, выучу. Я только затѣмъ. Я теперь играю съ мадамъ Леотаръ. Прощай; меня ждутъ.

Наконецъ, я совсѣмъ встала съ постели, хотя все еще была слаба и безсильна. Первая идея моя была ужъ не разлучаться болѣе съ Катей. Что-то неудержимо влекло меня къ ней. Я едва могла на нее насмотрѣться, и это удивило Катю. Влеченіе къ ней было такъ сильно, я шла впередъ въ новомъ чувствѣ моемъ такъ горячо, что она не могла этого не замѣтить, и сначала ей показалось это неслыханной странностью. Помню, что разъ, во время какой-то игры, я не выдержала, бросилась ей на шею и начала ее цѣловать. Она высвободилась изъ моихъ объятій, схватила меня за руки и, нахмуривъ брови, какъ будто я чѣмъ ее обидѣла, спросила меня:

— Что ты? Зачѣмъ ты меня цѣлуешь?

Я смутилась, какъ виноватая, вздрогнула отъ ея быстраго вопроса и не отвѣчала ни слова; княжна вскинула плечиками, въ знакъ неразрѣшеннаго недоумѣнья (жестъ, обратившійся у ней въ привычку), пресерьезно сжала свои пухленькія губки, бросила игру и усѣлась въ уголъ на диванѣ, откуда разсматривала меня очень долго, и о чемъ-то про себя раздумывала, какъ будто разрѣшая новый вопросъ, внезапно возникшій въ умѣ ея. Это тоже была ея привычка во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ. Въ свою очередь, я очень долго не могла привыкнуть къ этимъ рѣзкимъ и крутымъ проявленіямъ ея характера.

Сначала я обвиняла себя и подумала, что во мнѣ дѣйствительно очень много страннаго. Но хотя это было и вѣрно, а все-таки я мучилась недоумѣніемъ: отчего я не могу съ перваго раза подружиться съ Катей и понравиться ей разъ навсегда. Неудачи мои оскорбляли меня до боли, и я готова была плакать отъ каждаго скораго слова Кати, отъ каждаго недовѣрчиваго взгляда ея. Но горе мое усиливалось не по днямъ, а по часамъ, потому что съ Катей всякое дѣло шло очень быстро. Че-

резъ нѣсколько дней я замѣтила, что она совсѣмъ не взлюбила меня и даже начинала чувствовать ко мнѣ отвращеніе. Все въ этой дѣвочкѣ дѣлалось скоро, рѣзко,— иной-бы сказалъ грубо, если-бъ въ этихъ быстрыхъ какъ молнія движеніяхъ характера прямого, наивнооткровеннаго, не было истинной, благородной граціи. Началось тѣмъ, что она почувствовала ко мнѣ сначала сомнѣніе, а потомъ даже презрѣніе; кажется, сначала за то, что я рѣшительно не умѣла играть ни въ какую игру. Княжна любила рѣзвиться, бѣгать, была сильна, жива, ловка; я— совершенно напротивъ. Я была слаба еще отъ болѣзни, тиха, задумчива; игра не веселила меня; однимъ словомъ, во мнѣ рѣшительно недоставало способностей понравиться Катѣ. Кромѣ того, я не могла вынести, когда мною чѣмъ-нибудь недовольны: тотчасъ-же становилась грустна, упадала духомъ, такъ что ужъ и силъ недоставало загладить свою ошибку и передѣлать въ свою пользу невыгодное обо мнѣ впечатлѣніе,—однимъ словомъ, погибала вполнѣ. Этого Катя никакъ не могла понять. Сначала она даже пугалась меня, разсматривала меня съ удивленіемъ, по своему обыкновенію, послѣ того, какъ, бывало, цѣлый часъ бьется со мной, показывая какъ играютъ въ воланы, и не добьется толку. А такъ какъ я тотчасъ-же становилась грустна, такъ что слезы готовы были хлынуть изъ глазъ моихъ, то она, подумавъ надо мной раза три и не добившись толку ни отъ меня, ни отъ размышленій своихъ, бросала меня, наконецъ, совершенно и начинала играть одна, ужъ болѣе не приглашая меня, даже не говоря со мной въ цѣлые дни ни слова. Это меня такъ поражало, что я едва выносила ея пренебреженіе. Новое одиночество стало для меня чуть-ли не тяжеле прежняго, и я опять начала грустить, задумываться, и опять черныя мысли облегли мое сердце.

Мадамъ Леотаръ, надзиравшая за нами, замѣтила, наконецъ, эту перемѣну въ нашихъ сношеніяхъ. И такъ какъ прежде всего я бросилась ей на глаза, и мое вынужденное одиночество поразило ее, то она и обратилась прямо къ княжнѣ, журя ее за то, что она не умѣетъ обходиться со мною. Княжна нахмурила бровки, вскинула плечиками и объявила, что ей со мной нечего дѣлать, что я не умѣю играть, что я о чемъ-то все думаю и что лучше она подождетъ брата Сашу, который пріѣдетъ изъ Москвы, и тогда имъ обоимъ будетъ гораздо веселѣе.

Но мадамъ Леотаръ не удовольствовалась такимъ отвѣтомъ и замѣтила ей, что она меня оставляетъ одну, тогда какъ я еще больна, что я не могу быть такой же веселой и рѣзвой, какъ Катя, что это, впрочемъ, и лучше, потому что Катя слишкомъ рѣзва, что она то-то сдѣлала, это-то сдѣлала, что третьяго дня ее чуть бульдогъ не заѣлъ,—однимъ словомъ, мадамъ Леотаръ побранила ее не жалѣя; кончила-же тѣмъ, что послала ее ко мнѣ, съ приказаніемъ помириться немедленно.

Катя слушала мадамъ Леотаръ съ большимъ вниманіемъ, какъ будто дѣйствительно поняла что-то новое и справедливое въ резонахъ ея. Бросивъ обручь, который она гоняла по залѣ, она подошла ко мнѣ и, серьезно посмотрѣвъ на меня, спросила съ удивленіемъ:

— Вы развѣ хотите играть?

— Нѣтъ, отвѣчала я, испугавшись за себя и за Катю, когда ее бранила мадамъ Леотаръ.

— Чего-жъ вы хотите?

— Я посижу; мнѣ тяжело бѣгать; а только вы не сердитесь на меня, Катя, потому что я васъ очень люблю.

— Ну, такъ я буду играть одна, тихо и съ разстановкой отвѣчала Катя, какъ-бы съ удивленіемъ замѣчая, что, выходитъ, она не виновата.—Ну, прощайте, я на васъ не буду сердиться.

— Прощайте, отвѣчала я, привставъ и подавая ей руку.

— Можетъ быть, вы хотите поцѣловаться? спросила она, немного подумавъ, вѣроятно, припомнивъ нашу недавнюю сцену и желая сдѣлать мнѣ какъ можно болѣе пріятнаго, чтобъ поскорѣе и согласно кончить со мною.

— Какъ вы хотите, отвѣчала я съ робкой надеждой.

Она подошла ко мнѣ и пресерьезно, не улыбнувшись, поцѣловала меня. Такимъ образомъ, кончивъ все, что отъ нея требовали, даже сдѣлавъ больше, чѣмъ было нужно, чтобъ доставить полное удовольствіе бѣдной дѣвочкѣ, къ которой ее посылали, она побѣжала отъ меня довольная и веселая, и скоро по всѣмъ комнатамъ снова раздавался ея смѣхъ и крикъ, до тѣхъ поръ, пока утомленная, едва переводя духъ, бросилась она на диванъ отдыхать и собираться съ свѣжими силами. Во весь вечеръ посматривала она на меня подозрительно: вѣроятно, я казалась ей очень чудной и странной. Видно было, что ей хотѣлось

о чемъ-то заговорить со мной, разъяснить себѣ какое-то недоумѣніе, возникшее насчетъ меня; но въ этотъ разъ, я не знаю почему, она удержалась. Обыкновенно по утрамъ начинались уроки Кати. Мадамъ Леотаръ учила ее французскому языку. Все ученье состояло въ повтореніи грамматики и въ чтеніи Лафонтена. Ее не учили слишкомъ многому, потому что едва добились отъ нея согласія просидѣть въ день за книгою два часа времени. На этотъ уговоръ она, наконецъ, согласилась по просьбѣ отца, по приказанію матери, и исполняла его очень совѣстливо, потому что сама дала слово. У ней были рѣдкія способности; она понимала быстро и скоро. Но и тутъ въ ней были маленькія странности: если она не понимала чего, то тотчасъ-же начинала думать объ этомъ сама и терпѣть не могла идти за объясненіями,—она какъ-то стыдилась этого. Разсказывали, что она по цѣлымъ днямъ иногда билась надъ какимъ-нибудь вопросомъ, который не могла рѣшить, сердилась, что не могла одолѣть его сама, безъ чужой помощи; и только въ послѣднихъ случаяхъ, уже совсѣмъ выбившись изъ силъ, приходила къ мадамъ Леотаръ съ просьбою помочь ей разрѣшить вопросъ, который ей не давался. То же было въ каждомъ ея поступкѣ. Она ужъ много думала, хотя это вовсе не казалось такъ съ перваго взгляда. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она была не по лѣтамъ наивна: иной разъ ей случалось спросить какую-нибудь совершенную глупость; другой разъ въ ея отвѣтахъ являлись самая дальновидная тонкость и хитрость.

Такъ какъ я тоже могла, наконецъ, чѣмъ-нибудь заниматься, то мадамъ Леотаръ, проэкзаменовавъ меня въ моихъ познаніяхъ и найдя, что я читаю очень хорошо, пишу очень худо, признала за немедленную и крайнюю необходимость учить меня по-французски.

Я не возражала, и мы въ одно утро засѣли, вмѣстѣ съ Катей, за учебный столъ. Случись-же, что въ этотъ разъ Катя, какъ нарочно, была чрезвычайно тупа и до крайности разсѣяна, такъ что мадамъ Леотаръ не узнавала ея. Я-же почти въ одинъ сеансъ знала уже всю французскую азбуку, какъ можно желая угодить мадамъ Леотаръ своимъ прилежаніемъ. Къ концу урока мадамъ Леотаръ совсѣмъ разсердилась на Катю.

— Смотрите на нее, сказала она, указывая на меня,— больной ребенокъ, учится въ первый разъ и вдесятеро больше васъ сдѣлала. Вамъ это не стыдно?

— Она знаетъ больше меня? спросила въ изумленіи Катя, — да она еще азбуку учитъ!

— Вы во сколько времени азбуку выучили?

— Въ три урока.

— А она въ одинъ. Стало быть, она втрое скорѣе васъ понимаетъ и мигомъ васъ перегонитъ. Такъ-ли?

Катя подумала немного и вдругъ покраснѣла какъ пламя, увѣряясь, что замѣчаніе мадамъ Леотаръ справедливо. Покраснѣть, сгорѣть отъ стыда—было ея первымъ движеніемъ почти при каждой неудачѣ, въ досадѣ-ли, отъ гордости-ли, когда ее уличали за шалости, одинмъ словомъ, почти во всѣхъ случаяхъ. Въ этотъ разъ почти слезы выступили на глазахъ ея, но она смолчала и только такъ посмотрѣла на меня, какъ будто желая сжечь меня взглядомъ. Я тотчасъ догадалась въ чемъ дѣло. Княжка была горда и самолюбива до крайности. Когда мы пошли отъ мадамъ Леотаръ, я было заговорила, чтобъ разсѣять поскорѣй ея досаду и показать, что я вовсе не виновата въ словахъ француженки, но Катя промолчала, какъ будто не слыхала меня.

Черезъ часъ она вошла въ ту комнату, гдѣ я сидѣла за книгой, все раздумывая о Катѣ, пораженная и испуганная тѣмъ, что она опять не хочетъ со мной говорить. Она посмотрѣла на меня исподлобья, усѣлась, по обыкновенію, на диванѣ и полчаса не спускала съ меня глазъ. Наконецъ, я не выдержала и взглянула на нее вопросительно.

Вы умѣете танцовать? спросила Катя.

— Нѣтъ, не умѣю.

— А я умѣю.

Молчаніе.

— А на фортепьяно играете?

— Тоже нѣтъ.

— А я играю. Этому очень трудно выучиться.

Я смолчала.

— Мадамъ Леотаръ говоритъ, что вы умнѣе меня.

— Мадамъ Леотаръ на васъ разсердилась, отвѣчала я.

— А развѣ папа будетъ тоже сердиться?

— Не знаю, отвѣчала я.

Опять молчаніе; княжна въ нетерпѣніи била по полу своей маленькой ножкой.

— Такъ вы надо мной будете смѣяться, оттого что лучше меня понимаете? спросила она, наконецъ, не выдержавъ болѣе своей досады.

— Охъ, нѣтъ, нѣтъ! закричала я и вскочила съ мѣста, чтобъ броситься къ ней и обнять ее.

— И вамъ не стыдно такъ думать и спрашивать объ этомъ, княжна? раздался вдругъ голосъ мадамъ Леотаръ, которая уже пять минутъ наблюдала за нами и слышала нашъ разговоръ.—Стыдитесь! Вы стали завидовать бѣдному ребенку и хвалиться передъ ней, что умѣете танцовать и играть на фортепьяно. Стыдно; я все разскажу князю.

Щеки княжны загорѣлись какъ заревo.

— Это дурное чувство. Вы ее обидѣли своими вопросами. Родители ея были бѣдные люди и не могли ей нанять учителей; она сама училась, потому что у ней хорошее, доброе сердце. Вы бы должны были любить ее, а вы хотите съ ней ссориться. Стыдитесь, стыдитесь! Вѣдь она—сиротка. У ней нѣтъ никого. Еще бы вы похвалились передъ ней, что вы княжна, а она нѣтъ. Я васъ оставляю одну. Подумайте о томъ, что я вамъ говорила, исправьтесь.

Княжна думала ровно два дня. Два дня не было слышно ея смѣха и крика. Проснувшись ночью, я подслушала, что она даже во снѣ продолжаетъ разсуждать съ мадамъ Леотаръ. Она даже похудѣла немного въ эти два дня, и румянецъ не такъ живо игралъ на ея свѣтленькомъ личикѣ. Наконецъ, на третій день мы обѣ сошлись внизу, въ большихъ комнатахъ. Княжна шла отъ матери, но, увидѣвъ меня, остановилась и сѣла недалеко, напротивъ. Я со страхомъ ожидала, что будетъ, дрожала всѣми членами.

— Нѣточка, за что меня бранили за васъ? спросила она, наконецъ.

— Это не за меня, Катенька, отвѣчала я, спѣша оправдаться.

— А мадамъ Леотаръ говоритъ, что я васъ обидѣла.

— Нѣтъ, Катенька, нѣтъ, вы меня не обидѣли.

Княжна вскинула плечиками въ знакъ недоумѣнія.

— Отчего-жъ вы все плачете? спросила она, послѣ нѣкотораго молчанія.

— Я не буду плакать, если вы хотите, отвѣчала я сквозь слезы.

Она опять пожала плечами.

— Вы и прежде все плакали?

Я не отвѣчала.

— Зачѣмъ вы у насъ живете? спросила у меня княжна, помолчавъ.

Я посмотрѣла на нее въ изумленіи, и какъ будто что-то кольнуло мнѣ въ сердце.

— Оттого, что я сиротка, отвѣтила я, наконецъ собравшись съ духомъ.

— У васъ были папа и мама?

— Были.

— Что они, васъ не любили?

— Нѣтъ... любили, отвѣтила я черезъ силу.

— Они были бѣдные?

— Да.

— Очень бѣдные?

— Да.

— Они васъ ничему не учили?

— Читать учили.

— У васъ были игрушки?

— Нѣтъ.

— Пирожное было?

— Нѣтъ.

— У васъ было сколько комнатъ?

— Одна.

— Одна комната?

— Одна.

— А слуги были?

— Нѣтъ, не было слугъ.

— А кто-жъ вамъ служилъ?

— Я сама покупать ходила.

Вопросы княжны все больше и больше растравляли мнѣ сердце. И воспоминанія, и мое одиночество, и удивленіе княжны,—все это поражало, обижало мое сердце, которое обливалось кровью. Я вся дрожала отъ волненія и задыхалась отъ слезъ.

— Вы, стало-быть, рады, что у насъ живете?

Я молчала.

— У васъ было платье хорошее?

— Нѣтъ.

— Дурное?

— Да.

— Я видѣла ваше платье, мнѣ его показывали.

— Зачѣмъ же вы меня спрашиваете? сказала я, вся задрожавъ отъ какого-то новаго, невѣдомаго для меня ощущенія и подымаясь съ мѣста. — Зачѣмъ же вы меня

спрашиваете? продолжала я, покраснѣвъ отъ негодованія. — Зачѣмъ вы надо мной смѣетесь?

Княжна вспыхнула и тоже встала съ мѣста, но мигомъ преодолѣла свое волненіе.

— Нѣтъ... я не смѣюсь, отвѣчала она. — Я только хотѣла знать, правда-ли, что папа и мама у васъ были бѣдны?

— Зачѣмъ вы спрашиваете меня про папу и маму? сказала я, заплакавъ отъ душевной боли.—Зачѣмъ вы такъ про нихъ спрашиваете? Что они вамъ сдѣлали, Катя?

Катя стояла въ смущеніи и не знала, что отвѣчать. Въ эту минуту вошелъ князь.

— Что съ тобой, Нѣточка? спросилъ онъ, взглянувъ на меня и увидѣвъ мои слезы. — Что съ тобой? продолжалъ онъ, взглянувъ на Катю, которая была красна, какъ огонь,—о чемъ вы говорили? За что вы поссорились? Нѣточка, за что вы поссорились?

Но я не могла отвѣчать. Я схватила руку князя и со слезами поцѣловала ее.

— Катя, не лги. Что здѣсь было?

Катя лгать не умѣла.

— Я сказала, что видѣла какое у нея было дурное платье, когда она еще жила съ папой и мамой.

— Кто тебѣ показывалъ? Кто смѣлъ показать?

— Я сама видѣла, отвѣчала Катя рѣшительно.

— Ну, хорошо! Ты не скажешь на другихъ, я тебя знаю. Что-жъ дальше?

— А она заплакала и сказала: зачѣмъ я смѣюсь надъ папой и надъ мамой.

— Стало-быть, ты смѣялась надъ ними?

Хоть Катя и не смѣялась, но, знать, въ ней было такое намѣреніе, когда я съ перваго раза такъ поняла. Она не отвѣчала ни слова: значитъ, тоже соглашалась въ проступкѣ.

— Сейчасъ же подойди къ ней и проси у нея прощенія, сказалъ князь, указывая на меня.

Княжна стояла блѣдная, какъ платокъ, и не двигаясь съ мѣста.

— Ну, сказалъ князь.

— Я не хочу, проговорила, наконецъ, Катя вполголоса и съ самымъ рѣшительнымъ видомъ.

— Катя!

— Нѣтъ, не хочу, не хочу! закричала она вдругъ, засверкавъ глазками и затопавъ ногами. — Не хочу, папа,

прощенія просить. Я не люблю ее. Я не буду съ нею вмѣстѣ жить... Я не виновата, что она нѣмый и ничего плачетъ. Не хочу, не хочу!

— Пойдемъ со мной, сказалъ князь, схватилъ ее за руку и повелъ къ себѣ въ кабинетъ. — Неточка, ступай наверхъ.

Я хотѣла броситься къ князю, хотѣла просить за Катю, но князь строго повторилъ свое приказаніе, и я пошла наверхъ, похолодѣвъ отъ испуга, какъ мертвая. Пришла въ нашу комнату, и упала на диванъ и закрыла руками голову. Я считала минуты, ждала Катю съ нетерпѣніемъ, хотѣла броситься къ ногамъ ея. Наконецъ, она воротилась, не сказавъ мнѣ ни слова, прошла мимо меня и сѣла въ уголъ. Глаза ея были красны, щеки опухли отъ слезъ. Вся рѣшимость моя исчезла. Я смотрѣла на нее въ страхѣ и отъ страха не могла двинуться съ мѣста.

Я всѣми силами обвиняла себя, всѣми силами старалась доказать себѣ, что я во всемъ виновата. Тысячу разъ хотѣла я подойти къ Катѣ и тысячу разъ останавливалась, не зная, какъ она меня приметъ. Такъ прошелъ день, другой. Къ вечеру другого дня Катя сдѣлалась веселѣй и погнала было свой обручъ по комнатамъ, но скоро бросила свою забаву и сѣла одна въ уголъ. Передъ тѣмъ какъ ложиться спать, она вдругъ оборотилась было ко мнѣ, даже сдѣлала ко мнѣ два шага, и губки ея раскрылись сказать мнѣ что-то такое, но она остановилась, воротилась и легла въ постель. За тѣмъ днемъ прошелъ еще день, и удивленная мадамъ Леотаръ начала, наконецъ, допрашивать Катю: что съ ней сдѣлалось? Нездольна-ли она, что вдругъ затихла? Катя отвѣчала что-то, взялась было за волянъ, но только что отворотилась мадамъ Леотаръ, покраснѣла и заплакала. Она выбѣжала изъ комнаты, чтобъ я не видала ея. И, наконецъ, все разрѣшилось: ровно черезъ три дня послѣ нашей ссоры, она вдругъ послѣ обѣда вошла въ мою комнату и робко приблизилась ко мнѣ.

— Папа приказалъ, чтобъ я у васъ прощенья просила, проговорила она,—вы меня простите?

Я быстро схватила Катю за обѣ руки и, задыхаясь отъ волненія, сказала:

— Да! Да!

— Папа приказалъ поцѣловаться съ вами. — вы меня поцѣлуете?

Въ отвѣтъ я начала цѣловать ея руки, обливая ихъ слезами. Взглянувъ на Катю, я увидала въ ней какое-то необыкновенное движеніе. Губки ея слегка потрогивались, подбородокъ вздрагивалъ, глазки повлажнѣли, но она мигомъ преодолѣла свое волненіе, и улыбка на мигъ проглянула на губахъ ея.

— Пойду, скажу папѣ, что я васъ поцѣловала и просила прощенія, сказала она потихоньку, какъ бы размышляя сама съ собою.—Я уже его три дня не видала; онъ не велѣлъ и входить къ себѣ безъ того, прибавила она, помолчавъ.

И, проговоривъ это, она робко и задумчиво сошла внизъ, какъ будто еще не увѣрилась: каковъ будетъ пріемъ отца.

Но черезъ часъ наверху раздался крикъ, шумъ, смѣхъ, лай Фальстафа, что-то опрокинулось и разбилось, нѣсколько книгъ полетѣло на полъ, обручъ загудѣлъ и запрыгалъ по всѣмъ комнатамъ,—однимъ словомъ, я узнала, что Катя помирилась съ отцомъ, и сердце мое задрожало отъ радости.

Но ко мнѣ она не подходила и видимо избѣгала разговоровъ со мною. Взамѣнъ того, я имѣла честь въ высшей степени возбудить ея любопытство. Садилась она напротивъ меня, чтобъ удобнѣе меня разсмотрѣть, все чаще и чаще. Наблюденія ея надо мной дѣлались наивнѣе, однимъ словомъ, избалованная, самовластная дѣвочка, которую всѣ баловали и лелѣяли въ домѣ, какъ сокровище, не могла понять, какимъ образомъ я уже нѣсколько разъ встрѣчалась на ея пути, когда она вовсе не хотѣла встрѣчать меня. Но это было прекрасное, доброе маленькое сердце, которое всегда умѣло сыскать себѣ добрую дорогу уже однимъ инстинктомъ. Всего болѣе вліянія имѣлъ на нее отецъ, котораго она обожала. Мать безумно любила ее, но была съ нею ужасно строга, и у ней переняла Катя упрямство, гордость и твердость характера, но переносила на себѣ всѣ прихоти матери, доходившія даже до нравственной тиранніи. Княгиня какъ-то странно понимала, что̀ такое воспитаніе, и воспитаніе Кати было страннымъ контрастомъ безпутнаго баловства и неумолимой строгости. Что̀ вчера позволялось, то, вдругъ, безъ всякой причины, запрещалось сегодня, и чувство справедливости оскорблялось въ ребенкѣ... Но впереди еще эта исторія. Замѣчу только, что ребенокъ уже умѣлъ опредѣлить свои отношенія къ матери и отцу. Съ послѣднимъ она была

какъ есть, вся наружу, безъ утайки, открыта. Съ матерью совершенно напротивъ,—замкнута, недовѣрчива и безпрекословно послушна. Но послушаніе ея было не по искренности и убѣжденію, а по необходимой системѣ. Я объясню впослѣдствіи. Впрочемъ, къ особенной чести моей Кати скажу, что она поняла, наконецъ, свою мать и когда подчинилась ей, то уже вполнѣ осмысливъ всю безграничность любви ея, доходившей иногда до болѣзненнаго изступленія,—и княжна великодушно ввела въ свой расчетъ послѣднее обстоятельство. Увы! этотъ расчетъ мало помогъ потомъ ея горячей головкѣ!

Но я почти не понимала, что со мной дѣлается. Все во мнѣ волновалось отъ какого-то новаго, необъяснимаго ощущенія, и я не преувеличу, если скажу, что страдала, терзалась отъ этого новаго чувства. Короче — и пусть простятъ мнѣ мое слово—я была влюблена въ мою Катю. Да, это была любовь, настоящая любовь, любовь со слезами и радостями, любовь страстная. Что влекло меня къ ней? Отчего родилась такая любовь? Она началась съ перваго взгляда на нее, когда всѣ чувства мои были сладко поражены видомъ прелестнаго, какъ ангелъ, ребенка. Все въ ней было прекрасно; ни одинъ изъ пороковъ ея не родился вмѣстѣ съ нею,—всѣ были прививы и всѣ находились въ состояніи борьбы. Всюду видно было прекрасное начало, принявшее на время ложную форму; но все въ ней, начиная съ этой борьбы, сіяло отрадною надеждой, все предвѣщало отрадное будущее. Всѣ любовались ею, всѣ любили ее, не я одна. Когда, бывало, насъ выводили часа въ три гулять, всѣ прохожіе останавливались какъ пораженные, едва только взглядывали на нее, и нерѣдко крикъ изумленія раздавался вслѣдъ счастливому ребенку. Она родилась на счастіе, она должна была родиться для счастія,—вотъ было первое впечатлѣніе при встрѣчѣ съ нею. Можетъ быть, во мнѣ первый разъ поражено было эстетическое чувство, чувство изящнаго, первый разъ сказалось оно, пробужденное красотой, и—вотъ вся причина зарожденія любви моей.

Главнымъ порокомъ княжны, или, лучше сказать, главнымъ началомъ ея характера, которое неудержимо старалось воплотиться въ свою натуральную форму и, естественно, находилось въ состояніи увлеченности, въ состояніи борьбы, — была гордость. Эта гордость доходила до наивныхъ мелочей и впадала въ смѣшное, до того, что,

напримѣръ, противорѣчіе, каково бы оно ни было, не обижало, не сердило ея, но только удивляло. Она не могла постигнуть, какъ можетъ быть что-нибудь иначе, нежели какъ бы она захотѣла. Но чувство справедливости всегда брало верхъ въ ея сердцѣ. Если убѣждалась она, что она несправедлива, то тотчасъ же подчинялась приговору, безропотно и непоколебимо. И если до сихъ поръ въ отношеніяхъ со мною измѣняла она себѣ, то я объясняю все это непостижимой антипатіей ко мнѣ, помутившей на время стройность и гармонію всего ея существа; такъ и должно было быть: она слишкомъ страстно шла въ своихъ увлеченіяхъ, и всегда только примѣръ, опытъ выводилъ ее на истинный путь. Результаты всѣхъ ея начинаній были прекрасны и истинны, но покупались безпрерывными уклоненіями и заблужденіями.

Катя очень скоро удовлетворила свои наблюденія надо мною и, наконецъ, рѣшилась оставить меня въ покоѣ. Она сдѣлала такъ, какъ будто меня и не было въ домѣ; мнѣ—ни слова лишняго, даже почти необходимаго; я устранена отъ игръ и устранена не насильно, но такъ ловко, какъ будто бы я сама на то согласилась. Уроки шли своимъ чередомъ, и если меня ставили ей въ примѣръ за понятливость и тихость характера, то я уже не имѣла чести оскорблять ея самолюбія, которое было чрезвычайно щекотливо, до того, что его могъ оскорбить даже бульдогъ нашъ, сэръ Джонъ Фальстафъ. Фальстафъ былъ хладнокровенъ и флегматикъ, но золъ какъ тигръ, когда его раздражали, золъ даже до отрицанія власти хозяина. Еще черта: онъ рѣшительно никого не любилъ; но самымъ сильнымъ, натуральнымъ врагомъ его была, безспорно, старушка-княжна... Но эта исторія еще впереди. Самолюбивая Катя всѣми средствами старалась побѣдить нелюбезность Фальстафа: ей было непріятно, что есть хоть одно животное въ домѣ, единственное, которое не признаетъ ея авторитета, ея силы, не склоняется передъ нею, не любитъ ея. И вотъ княжна порѣшила атаковать Фальстафа сама. Ей хотѣлось надъ всѣми повелѣвать и властвовать; какъ же могъ Фальстафъ избѣжать своей участи? Но непреклонный бульдогъ не сдавался.

Разъ, послѣ обѣда, когда мы обѣ сидѣли внизу, въ большой залѣ, бульдогъ расположился среди комнаты и лѣниво наслаждался своимъ послѣобѣденнымъ кейфомъ. Въ эту самую минуту княжнѣ вздумалось завоевать его

ъ свою власть. И хотъ она бросила свою игру, и на цыпочкахъ, лаская и приголубливая Фальстафа самыми нѣжными именами, привѣтливо маня его рукой, начала осторожно приближаться къ нему. Но Фальстафъ еще издали оскалилъ свои страшные зубы; княжна остановилась. Все намѣреніе ея состояло въ томъ, чтобъ, подойдя къ Фальстафу, погладить его, чего онъ рѣшительно не позволялъ никому, кромѣ княгини, у которой былъ фаворитомъ, и заставить его идти за собой: подвигъ трудный, сопряженный съ серьезной опасностью, потому что Фальстафъ никакъ не затруднился бы отгрызть у ней руку, или растерзать ее, если бъ нашелъ это нужнымъ. Онъ былъ силенъ какъ медвѣдь, и я съ безпокойствомъ, со страхомъ слѣдила издали за продѣлками Кати. Но ее не легко было переубѣдить съ перваго раза, и даже зубы Фальстафа, которые онъ предусмотрительно показывалъ, были рѣшительно недостаточнымъ къ тому средствомъ. Убѣдясь, что подойти нельзя съ перваго раза, княжна въ недоумѣніи обошла кругомъ своего непріятеля. Фальстафъ не двинулся съ мѣста. Катя сдѣлала второй кругъ, значительно уменьшивъ его поперечникъ, потомъ третій, но когда дошла до того мѣста, которое казалось Фальстафу завѣтной чертой, онъ снова оскалилъ зубы. Княжна топнула ножкой, отошла въ досадѣ и раздумьи и усѣлась на диванъ.

Минутъ черезъ десять она выдумала новое обольщеніе, тотчасъ же вышла и воротилась съ запасомъ крендедей, пирожковъ,—однимъ словомъ, перемѣнила оружіе. Но Фальстафъ былъ хладнокровенъ, потому, вѣроятно, что былъ слишкомъ сытъ. Онъ даже и не взглянулъ на кусокъ крендедя, который ему бросили; когда же княжна снова очутилась у завѣтной черты, которую Фальстафъ считалъ своей границей, послѣдовала оппозиція, въ этотъ разъ позначительнѣе первой. Фальстафъ поднялъ голову, оскалилъ зубы, слегка заворчалъ и сдѣлалъ легкое движеніе, какъ будто собирался рвануться съ мѣста. Княжна покраснѣла отъ гнѣва, бросила пирожки, и снова усѣлась на мѣсто.

Она сидѣла вся въ рѣшительномъ волненіи. Ея ножка била коверъ, щечки краснѣли какъ зарево, и въ глазахъ даже выступили слезы досады. Случись же, что она взглянула на меня, — вся кровь бросилась ей въ голову. Она рѣшительно вскочила съ мѣста, и самою твердою поступью пошла прямо къ страшной собакѣ.

Можетъ быть, въ этотъ разъ изумленіе подѣйствовало на Фальстафа слишкомъ сильно. Онъ пустилъ врага за черту и только уже въ двухъ шагахъ привѣтствовалъ безразсудную Катю самымъ зловѣщимъ рычаніемъ. Катя остановилась было на минуту, но только на минуту, и рѣшительно ступила впередъ. Я обомлѣла отъ испуга. Княжна была воодушевлена, какъ я еще никогда ее не видала; глаза ея блистали побѣдой, торжествомъ. Съ нея можно было рисовать чудную картинку. Она смѣло вынесла грозный взглядъ взбѣшеннаго бульдога и не дрогнула передъ его страшною пастью; онъ привсталъ. Изъ мохнатой груди его раздалось ужасное рыканіе; еще минута, и онъ бы растерзалъ ее. Но княжна гордо положила на него свою маленькую ручку, и три раза съ торжествомъ погладила его по спинѣ. Мгновеніе бульдогъ былъ въ нерѣшимости. Это мгновеніе было самое ужасное; но вдругъ онъ тяжело поднялся съ мѣста, потянулся и, вѣроятно, взявъ въ соображеніе, что съ дѣтьми не стоило связываться, преспокойно вышелъ изъ комнаты. Княжна съ торжествомъ стала на завоеванномъ мѣстѣ и бросила на меня неизъяснимый взглядъ, взглядъ пресыщенный, упоенный побѣдою. Но я была блѣдна, какъ платокъ; она замѣтила и улыбнулась. Однако, смертная блѣдность уже покрывала и ея щеки. Она едва могла дойти до дивана, и упала на него чуть не въ обморокѣ.

Но влеченіе мое къ ней уже не знало предѣловъ. Съ этого дня, какъ я вытерпѣла за нее столько страха, я уже не могла владѣть собою. Я изнывала въ тоскѣ, тысячу разъ готова была броситься къ ней на шею, но страхъ приковывалъ меня, безъ движенія, на мѣстѣ. Помню, я старалась убѣгать ея, чтобъ она не видала моего волненія, но когда она нечаянно входила въ ту компату, въ которую я спрячусь, я вздрагивала, и сердце начинало стучать, такъ что голова кружилась. Мнѣ кажется, моя проказница это замѣтила и дня два была сама въ какомъ-то смущеніи. Но скоро она привыкла и къ этому порядку вещей. Такъ прошелъ цѣлый мѣсяцъ, который я весь пострадала втихомолку. Чувства мои обладаютъ какою-то необъяснимою растяжимостью, если можно такъ выразиться; моя натура терпѣлива до послѣдней степени, такъ что взрывъ, внезапное проявленіе чувствъ бываетъ только ужъ въ крайности. Нужно знать, что во все это время мы сказали съ Катей не болѣе пяти словъ; но я мало-по-

малу замѣтила, но нѣкоторымъ неуловимымъ признакамъ, что все это происходило въ ней не отъ забвенія, не отъ равнодушія ко мнѣ, а отъ какого-то намѣреннаго уклоненія, какъ будто она дала себѣ слово держать меня въ извѣстныхъ предѣлахъ. Но я уже не спала по ночамъ, а днемъ не могла скрыть своего смущенія даже отъ мадамъ Леотаръ. Любовь моя къ Катѣ доходила даже до страстей. Одинъ разъ я украдкою взяла у ней платокъ, въ другой разъ ленточку, которую она вплетала въ волосы, и по цѣлымъ ночамъ цѣловала ихъ, обливаясь слезами. Сначала меня мучило до обиды равнодушіе Кати: но теперь все во мнѣ помутилось, и я сама не могла дать себѣ отчета въ своихъ ощущеніяхъ. Такимъ образомъ, новыя впечатлѣнія мало-по-малу вытѣсняли старыя, и воспоминанія о моемъ грустномъ прошедшемъ потеряли свою болѣзненную силу и смѣшались во мнѣ новой жизнію.

Помню, я иногда просыпалась ночью, вставала съ постели и на цыпочкахъ подходила къ княжнѣ. Я заглядывалась по цѣлымъ часамъ на спящую Катю, при слабомъ свѣтѣ ночной нашей лампы; иногда садилась къ ней на кровать, нагибалась къ лицу ея, и на меня вѣяло ея горячимъ дыханіемъ. Тихонько, дрожа отъ страха, цѣловала я ея ручки, плечики, волосы, ножку, если ножка выглядывала изъ-подъ одѣяла. Мало-по-малу я замѣтила,—такъ какъ я уже не спускала съ нея глазъ цѣлый мѣсяцъ,—что Катя становится со дня на день задумчивѣе: характеръ ея сталъ терять свою ровность: иногда цѣлый день не слышишь ея шума, другой разъ подымается такая гамъ, какого еще никогда не было. Она стала раздражительна, взыскательна, капризна и сердилась очень часто, и даже со мной доходила до маленькихъ жестокостей: то вдругъ не захочетъ обѣдать возлѣ меня, близко сидѣть отъ меня, какъ будто чувствуетъ ко мнѣ отвращеніе; то вдругъ уходитъ къ матери и сидитъ тамъ по цѣлымъ днямъ, можетъ-быть, зная, что я изсыхаю безъ нея съ тоски; то вдругъ начнетъ смотрѣть на меня по цѣлымъ часамъ, такъ что я не знаю куда дѣваться отъ убійственнаго смущенія, краснѣю, блѣднѣю, а между тѣмъ не смѣю выйти изъ комнаты. Два раза уже Катя жаловалась на лихорадку, тогда какъ прежде не помнили за ней никакой болѣзни. Наконецъ, вдругъ въ одно утро послѣдовало особое распоряженіе: по непремѣнному желанію княжны, она переселилась внизъ, къ маменькѣ, которая чуть не умерла отъ

страха, когда Катя пожаловалась на лихорадку. Нужно сказать, что княгиня была очень недовольна мною, и всю перемѣну въ Катѣ, которую и она замѣчала, приписывала мнѣ и вліянію моего угрюмаго характера, какъ она выражалась, на характеръ своей дочери. Она уже давно разлучила-бы насъ, но откладывала до времени, зная, что придется выдержать серьезный споръ съ княземъ, который хотя и уступалъ ей во всемъ, но иногда становился неуступчивъ и упрямъ до непоколебимости. Она же понимала князя вполнѣ.

Я была поражена переселеніемъ княжны, и цѣлую недѣлю провела въ самомъ болѣзненномъ напряженіи духа. Я мучилась тоскою, ломая голову надъ причинами отвращенія Кати ко мнѣ. Грусть разрывала мою душу, и чувство справедливости и негодованія начало возставать въ моемъ оскорбленномъ сердцѣ. Какая-то гордость вдругъ родилась во мнѣ, и когда мы сходились съ Катей въ тотъ часъ, когда насъ уводили гулять, я смотрѣла на нее такъ независимо, такъ серьезно, такъ непохоже на прежнее, что это даже поразило ее. Конечно, такія перемѣны происходили во мнѣ только порывами и потомъ сердце опять начинало болѣть сильнѣе и сильнѣе, и я становилась еще слабѣе, еще малодушнѣе, чѣмъ прежде. Наконецъ, въ одно утро, къ величайшему моему недоумѣнію и радостному смущенію, княжна воротилась наверхъ. Сначала она съ безумнымъ смѣхомъ бросилась на шею къ мадамъ Леотаръ и объявила, что опять къ намъ переѣзжаетъ, потомъ кивнула и мнѣ головой, выпросила позволеніе ничему не учиться въ это утро и все утро прорѣзвилась и пробѣгала. Я никогда не видала ее живѣе и радостнѣе. Но къ вечеру она сдѣлалась тиха, задумчива, и снова какая-то грусть отѣнила ея прелестное личико. Когда княгиня пришла вечеромъ посмотрѣть на нее, я видѣла, что Катя дѣлаетъ неестественныя усилія казаться веселою. Но, вслѣдъ за уходомъ матери, оставшись одна, она вдругъ ударилась въ слезы. Я была поражена. Княжна замѣтила мое вниманіе и вышла. Однимъ словомъ, въ ней приготовлялся какой-то неожиданный кризисъ. Княгиня совѣтовалась съ докторами, каждый день призывала къ себѣ мадамъ Леотаръ для самыхъ мелкихъ разспросовъ о Катѣ; велѣно было наблюдать за каждымъ движеніемъ ея. Одна только я предчувствовала истину, и сильно забилось мое сердце надеждою.

Словомъ, маленькій романъ разрѣшался и приходилъ къ концу. На третій день послѣ возвращенія Кати къ намъ наверхъ, я замѣтила, что она все утро глядитъ на меня такими чудными глазками, такими долгими взглядами... Нѣсколько разъ я встрѣчала эти взгляды, и каждый разъ мы обѣ краснѣли и потуплялись, какъ будто стыдились другъ друга. Наконецъ, княжна засмѣялась и пошла отъ меня прочь. Ударило три часа, и насъ стали одѣвать для прогулки. Вдругъ Катя подошла ко мнѣ.

— У васъ башмакъ развязался, сказала она мнѣ,—давайте я завяжу.

Я было нагнулась сама, покраснѣвъ, какъ вишня, отъ того, что, наконецъ-то, Катя заговорила со мной.

— Давай! сказала она мнѣ петербургскимъ и засмѣявшись. Тутъ она нагнулась, взяла насильно мою ногу, поставила къ себѣ на колѣно и завязала. Я задыхалась: я не знала что дѣлать отъ какого-то сладостнаго испуга. Кончивъ завязывать башмакъ, она встала и оглядѣла меня съ ногъ до головы.

— Вотъ и горло открыто, сказала она, дотронувшись пальчикомъ до обнаженнаго тѣла на моей шеѣ.—Да ужъ давай, я сама завяжу.

Я не противорѣчила. Она развязала мой шейный платочекъ и повязала по-своему.

— А то можно кашель нажить, сказала она, прелукаво улыбнувшись и сверкнувъ на меня своими черными, влажными глазками.

Я была внѣ себя: я не знала, что со мной дѣлается и что сдѣлалось съ Катей. Но, слава Богу, скоро кончилась наша прогулка, а то я бы не выдержала и бросилась бы цѣловать ее на улицѣ. Входя на лѣстницу, мнѣ удалось, однакожъ, поцѣловать ее украдкой въ плечо. Она замѣтила, вздрогнула, но не сказала ни слова. Вечеромъ ее нарядили и повели внизъ. У княгини были гости. Но въ этотъ вечеръ въ домѣ произошла страшная суматоха.

Съ Катей сдѣлался нервный припадокъ. Княгиня была внѣ себя отъ испуга. Пріѣхалъ докторъ и не зналъ, что сказать. Разумѣется, все свалили на дѣтскія болѣзни, на возрастъ Кати, но я подумала иное. На утро Катя явилась къ намъ такая же, какъ всегда, румяная, веселая, съ неистощимымъ здоровьемъ, но съ такими причудами и капризами, какихъ съ ней никогда не бывало.

Во-первыхъ, она все утро не слушалась мадамъ Леотаръ. Потомъ вдругъ ей захотѣлось идти къ старушкѣ-княжнѣ. Противъ обыкновенія, старушка, которая терпѣть не могла свою племянницу, была съ нею въ постоянной ссорѣ и не хотѣла видѣть ее,—на этотъ разъ, какъ-то разрѣшила принять ее. Сначала все шло хорошо, и первый часъ они жили согласно. Плутовка Катя вздумала просить прощенія за всѣ свои проступки, за рѣзвость, за крикъ, за то, что княжнѣ она не давала покою. Княжна торжественно и со слезами простила ее. Но шалуньѣ вздумалось зайти далеко. Ей пришло на умъ разсказать такія шалости, которыя были еще только въ однихъ замыслахъ и проектахъ. Катя прикинулась смиренницей, постницей и вполнѣ раскаивающейся; однимъ словомъ, хапжа была въ восторгѣ и много льстила ея самолюбію предстоявшая побѣда надъ Катей,—сокровищемъ, идоломъ всего дома, которая умѣла заставить даже свою мать исполнять свои прихоти.

И вотъ проказница призналась, во-первыхъ, что у нея было намѣреніе приклеить къ платью княжны визитную карточку; потомъ засадить Фальстафа къ ней подъ кровать; потомъ сломать ея очки, унесть всѣ ея книги, и принесть вмѣсто нихъ отъ мамы французскихъ романовъ; потомъ достать хлопушекъ и разбросать по полу; потомъ спрятать ей въ карманъ колоду картъ, и т. д., и т. д. Однимъ словомъ, шли шалости одна хуже другой. Старуха выходила изъ себя, блѣднѣла, краснѣла отъ злости; наконецъ, Катя не выдержала, захохотала и убѣжала отъ тетки. Старуха немедленно послала за княгиней. Началось цѣлое дѣло, и княгиня два часа, со слезами на глазахъ, умоляла свою родственницу простить Катю и позволить ее не наказывать, взявъ въ соображеніе, что она больна. Княжна слушать не хотѣла сначала; она объявила, что завтра же выѣдетъ изъ дому, и смягчилась тогда только, когда княгиня дала слово, что отложитъ наказаніе до выздоровленія дочери, а потомъ удовлетворитъ справедливому негодованію престарѣлой княжны. Однакожъ Катя выдержала строгій выговоръ. Ее увели внизъ, къ княгинѣ.

Но проказница вырвалась-таки послѣ обѣда. Пробираясь внизъ, сама я встрѣтила ее уже на лѣстницѣ. Она пріотворила дверь и звала Фальстафа. Я мигомъ догадалась, что она замышляетъ страшное мщеніе. Дѣло было вотъ въ чемъ:

Не было врага у старушки-княжны непримиримѣе Фальстафа. Онъ не ласкался ни къ кому, не любилъ никого, но былъ спѣсивъ, гордъ и амбиціозенъ до крайности. Онъ не любилъ никого, но видимо требовалъ отъ всѣхъ должнаго уваженія. Всѣ и питали его къ нему, примѣшивая къ уваженію надлежащій страхъ. По вдругъ, съ пріѣздомъ старушки-княжны, все перемѣнилось: Фальстафа страшно обидѣли, — именно: ему былъ формально запрещенъ входъ наверхъ.

Сначала Фальстафъ былъ внѣ себя отъ оскорбленія и кѣлую нетѣлю скребъ лапами дверь, которою оканчивалась лѣстница, ведущая сверху въ нижнюю комнату; но скоро онъ догадался о причинѣ изгнанія, и въ первое же воскресенье, когда старушка-княжна выходила въ церковь, Фальстафъ съ визгомъ и лаемъ бросился на бѣлую. Насилу спасли ее отъ лютаго мщенья оскорбленнаго пса, ибо онъ выгнанъ былъ по приказанію княжны, которая объявила, что не можетъ видѣть его. Съ тѣхъ поръ входъ наверхъ запрещенъ былъ Фальстафу самымъ строжайшимъ образомъ, и когда княжна сходила внизъ, то его угоняли въ самую отдаленную комнату. Строжайшая отвѣтственность лежала на слугахъ. Но мстительное животное нашлотаки средство раза три ворваться наверхъ. Лишь только онъ врывался на лѣстницу, какъ мигомъ бѣжалъ черезъ всю анфиладу комнатъ до самой опочивальни старушки. Ничто не могло удержать его. По счастію, дверь къ старушкѣ была всегда заперта, и Фальстафъ ограничивался тѣмъ, что завывалъ передъ нею ужасно до тѣхъ поръ, пока не прибѣгали люди и не сгоняли его внизъ. Княжна же, во все время визита неукротимаго бульдога, кричала какъ будто бы ее ужъ съѣли, и серьезно, каждый разъ дѣлалась больна отъ страха. Нѣсколько разъ она предлагала свой ultimatum княгинѣ, и даже доходила до того, что разъ, забывшись, сказала, что или она, или Фальстафъ выйдутъ изъ дома; но княгиня не согласилась на разлуку съ Фальстафомъ.

Княгиня мало кого любила, но Фальстафа, послѣ дѣтей, болѣе всѣхъ на свѣтѣ, и вотъ почему. Однажды, лѣтъ шесть назадъ, князь воротился съ прогулки, приведя за собою щенка грязнаго, больного, самой жалкой наружности, но который, — однакожъ, былъ бульдогъ самой чистой крови. Князь какъ-то спасъ его отъ смерти. Но такъ какъ новый жилецъ велъ себя примѣрно не-

учтиво и грубо, то, по настоянію княгини, былъ удаленъ на задній дворъ и посаженъ на веревку. Князь не прекословилъ. Два года спустя, когда весь домъ жилъ на дачѣ, маленькій Саша, младшій братъ Кати, упалъ въ Неву. Княгиня вскрикнула, и первымъ движеніемъ ея было кинуться въ воду за сыномъ. Ее насилу спасли отъ вѣрной смерти. Между тѣмъ ребенка уносило быстро теченіемъ, и только одежда его всплывала наверхъ. Наскоро стали отвязывать лодку, но спасеніе было бы чудомъ. Вдругъ огромный исполинскій бульдогъ бросается въ воду наперерѣзъ утопающему мальчику, схватываетъ его въ зубы и побѣдоносно выплываетъ съ нимъ на берегъ. Княгиня бросилась цѣловать грязную, мокрую собаку. Но Фальстафъ, который еще носилъ тогда прозаическое и въ высшей степени плебейское наименованіе Фриксы, терпѣть не могъ ничьихъ ласкъ и отвѣчалъ на объятія и поцѣлуи княгини тѣмъ, что прокусилъ ей плечо во сколько хватило зубовъ. Княгиня всю жизнь страдала отъ этой раны, но благодарность ея была безпредѣльна. Фальстафъ былъ взятъ во внутреннія покои, вычищенъ, вымытъ, и получилъ серебряный ошейникъ высокой отдѣлки. Онъ поселился въ кабинетѣ княгини, на великолѣпной медвѣжьей шкурѣ, и скоро княгиня дошла до того, что могла его гладить, не опасаясь немедленнаго и скораго наказанія. Узнавъ, что любимца ея зовутъ Фриксой, она пришла въ ужасъ, и немедленно стали пріискивать новое имя, по возможности древнее. Но имена Гекторъ, Церберъ и проч. были уже слишкомъ опошлены; требовалось названіе, вполнѣ приличное фавориту дома. Наконецъ, князь, взявъ въ соображеніе феноменальную прожорливость Фриксы, предложилъ назвать бульдога Фальстафомъ. Кличка была принята съ восторгомъ и осталась навсегда за бульдогомъ. Фальстафъ повелъ себя хорошо; какъ чистый англичанинъ, былъ молчаливъ, угрюмъ и ни на кого не бросался первый, только требовалъ, чтобъ почтительно обходили его мѣсто на медвѣжьей шкурѣ и вообще оказывали должное уваженіе. Иногда на него находилъ какъ будто родименъ, какъ будто сплинъ одолѣвалъ его, и въ эти минуты Фальстафъ съ горестію припоминалъ, что врагъ его, непримиримый его врагъ, посягнувшій на его права, былъ еще не наказанъ. Тогда онъ потихоньку пробирался къ лѣстницѣ, ведущей наверхъ, и найдя, по обыкновенію, дверь всегда запертою, ложился гдѣ-нибудь

неподалеку, прятался въ уголъ и коварно поджидалъ, когда кто-нибудь оплошаетъ и оставитъ дверь наверхъ отпертою. Иногда мстительное животное выжидало по три дня. Но отданы были строгія приказанія, наблюдать за дверью, и вотъ уже два мѣсяца Фальстафъ не являлся наверхъ.

Фальстафъ, Фальстафъ! звала княжна, отворивъ дверь и привѣтливо заманивая Фальстафа къ намъ на лѣстницу.

Въ это время Фальстафъ, почуявъ, что дверь отворяютъ, уже приготовился скакнуть за свой Рубиконъ. Но призывъ княжны показался ему такъ невозможнымъ, что онъ нѣкоторое время рѣшительно отказывался вѣрить ушамъ своимъ. Онъ былъ лукавъ какъ кошка и, чтобъ не показать вида, что замѣтилъ оплошность отворявшаго дверь, подошелъ къ окну, положилъ на подоконникъ свои могучія лапы и началъ разсматривать противоположное зданіе.—словомъ, велъ себя какъ совершенно посторонній человѣкъ, который шелъ прогуливаться и остановился на минуту полюбоваться прекрасной архитектурой сосѣдняго зданія. Между тѣмъ, въ сладостномъ ожиданіи билось и нѣжилось его сердце. Каково же было его изумленіе, радость, изступленіе радости, когда дверь отворили передъ нимъ всю настежь, и, мало того, еще звали, приглашали, умоляли его вступить наверхъ и немедленно удовлетворить свое справедливое мщеніе! Онъ, взвизгнувъ отъ радости, оскалилъ зубы, и страшный, побѣдоносный, бросился наверхъ какъ стрѣла.

Напоръ его былъ такъ силенъ, что встрѣтившійся на его дорогѣ стулъ, задѣтый имъ на лету, отскочилъ на сажень и перевернулся на мѣстѣ. Фальстафъ летѣлъ какъ ядро, вырвавшееся изъ пушки. Мадамъ Леотаръ вскрикнула отъ ужаса. Но Фальстафъ уже домчался до завѣтной двери, ударился въ нее обѣими лапами, однакожъ, не отворилъ ее, и завылъ, какъ погибшій. Въ отвѣтъ ему раздался страшный крикъ престарѣлой дѣвы. Но уже со всѣхъ сторонъ бѣжали цѣлые легіоны враговъ, цѣлый домъ переселился наверхъ, и Фальстафъ, свирѣпый Фальстафъ, съ намордникомъ, ловко наброшеннымъ на его пасть, спутанный по всѣмъ четыремъ ногамъ, безславно воротился съ поля битвы, влекомый внизъ на арканѣ.

Посланъ былъ посолъ за княгиней.

Въ этотъ разъ княгиня не расположена была прощать и миловать; но кого наказывать? Она догадалась съ пер-

ваго раза, мигомъ; ея глаза упали на Катю... Такъ и есть: Катя стоитъ блѣдная, дрожа отъ страха. Она только теперь догадалась, бѣдненькая, о послѣдствіяхъ своей шалости. Подозрѣніе могло упасть на слугъ, на невинныхъ, и Катя уже готова была сказать всю правду.

— Ты виновата? строго спросила княгиня.

Я видѣла смертельную блѣдность Кати и, ступивъ впередъ, твердымъ голосомъ произнесла:

— Я пустила Фальстафа... печально, прибавила я, потому что вся моя храбрость исчезла передъ грознымъ взглядомъ княгини.

— Мадамъ Леотаръ, накажите примѣрно! сказала княгиня и вышла изъ комнаты.

Я взглянула на Катю: она стояла какъ ошеломленная: руки ея повисли по бокамъ; поблѣднѣвшее личико глядѣло въ землю.

Единственное наказаніе, употреблявшееся для дѣтей князя, было заключеніе въ пустую комнату. Просидѣть въ пустой комнатѣ часа два,—ничего. Но когда ребенка сажали насильно, противъ его воли, и объявляли, что онъ лишенъ свободы, то наказаніе было довольно значительно. Обыкновенно сажали Катю, или брата ея, на два часа. Меня посадили на четыре, взявъ въ соображеніе всю чудовищность моего преступленія. Изнывая отъ радости, вступила я въ свою темницу. Я думала о княжнѣ. Я знала, что побѣдила. Но, вмѣсто четырехъ часовъ, я просидѣла до четырехъ утра. Вотъ какъ это случилось.

Черезъ два часа послѣ моего заключенія, мадамъ Леотаръ узнала, что пріѣхала ея дочь изъ Москвы, вдругъ заболѣла и желаетъ ее видѣть. Мадамъ Леотаръ уѣхала, позабывъ обо мнѣ. Дѣвушка, ходившая за нами, вѣроятно, предположила, что я уже выпущена. Катя была отозвана внизъ и принуждена была просидѣть у матери до одиннадцати часовъ вечера. Воротясь, она чрезвычайно изумилась, что меня нѣтъ на постели. Дѣвушка раздѣла ее, уложила, но княжна имѣла свои причины не спрашивать обо мнѣ. Она легла, поджидая меня, зная навѣрно, что я арестована на четыре часа, и полагая, что меня приведетъ наша няня. Но Настя забыла про меня совершенно, тѣмъ болѣе, что я раздѣвалась всегда сама. Такимъ образомъ, я осталась почевать подъ арестомъ.

Въ четыре часа ночи услышала я, что стучатъ и ломятся въ мою комнату. Я спала, улегшись кое-какъ на

полу, проснулась и закричала отъ страха, но тотчасъ же отличила голосъ Кати, который раздавался громче всѣхъ, потомъ голосъ мадамъ Леотаръ, потомъ испуганной Насти, потомъ ключницы. Наконецъ, отворили дверь, и мадамъ Леотаръ обняла меня со слезами на глазахъ, прося простить ее за то, что она обо мнѣ позабыла. Я бросилась къ ней на шею, вся въ слезахъ. Я продрогла отъ холода, и всѣ кости болѣли у меня отъ лежанья на голомъ полу. Я искала глазами Катю, но она побѣжала къ нашу спальню, прыгнула въ постель, и когда я вошла, она уже спала или притворялась спящею. Поджидая меня съ вечера, она невзначай заснула и проспала до четырехъ часовъ утра. Когда же проснулась, подняла шумъ, цѣлый содомъ, разбудила воротившуюся мадамъ Леотаръ, няню, всѣхъ дѣвушекъ и освободила меня.

На утро всѣ въ домѣ узнали о моемъ приключеніи; даже княгиня сказала, что со мной поступили слишкомъ строго. Что же касается до князя, то въ этотъ день я его видѣла, въ первый разъ въ жизни, разсерженнымъ. Онъ вошелъ наверхъ въ десять часовъ утра, въ сильномъ волненіи.

— Помилуйте, началъ онъ къ мадамъ Леотаръ, — что вы дѣлаете? Какъ вы поступили съ бѣднымъ ребенкомъ? Это варварство, чистое варварство! скиѳство! Больной, слабый ребенокъ, такая мечтательная, пугливая дѣвочка, фантазерка, и посадить ее въ темную комнату, на цѣлую ночь! Но это значитъ губить ее! Развѣ вы не знаете ея исторіи? Это варварство, это безчеловѣчно, я вамъ говорю, сударыня! И какъ можно такое наказаніе? Кто изобрѣлъ, кто могъ изобрѣсть такое наказаніе?

Бѣдная мадамъ Леотаръ, со слезами на глазахъ, въ смущеніи начала объяснять ему все дѣло, сказала, что она забыла обо мнѣ, что къ ней пріѣхала дочь, но что наказаніе само по себѣ хорошее, если продолжается недолго, и что даже Жанъ-Жакъ Руссо говоритъ нѣчто подобное.

— Жанъ-Жакъ Руссо, сударыня! Но Жанъ-Жакъ не могъ говорить этого. Жанъ-Жакъ не авторитетъ. Жанъ-Жакъ Руссо не смѣлъ говорить о воспитаніи, не имѣлъ права на то. Жанъ-Жакъ Руссо отказался отъ собственныхъ дѣтей, сударыня! Жанъ-Жакъ дурной человѣкъ, сударыня!

— Жанъ-Жакъ Руссо! Жанъ-Жакъ дурной человѣкъ! Князь! Князь! Что вы говорите?

И мадамъ Леотаръ вся вспыхнула.

Мадамъ Леотаръ была чудесная женщина и прежде всего не любила обижаться; но затронуть кого-нибудь изъ любимцевъ ея, потревожить классическую тѣнь Корнеля, Расина, оскорбить Вольтера, назвать Жанъ-Жака Руссо дурнымъ человѣкомъ, назвать его варваромъ,—Боже мой! Слезы выступили изъ глазъ мадамъ Леотаръ; старушка дрожала отъ волненія.

— Вы забываетесь, князь! проговорила она, наконецъ, внѣ себя отъ волненія.

Князь тотчасъ же спохватился и попросилъ прощенія, потомъ подошелъ ко мнѣ, поцѣловалъ меня съ глубокимъ чувствомъ, перекрестилъ и вышелъ изъ комнаты.

— Pauvre prince! сказала мадамъ Леотаръ, расчувствовавшись въ свою очередь. Потомъ мы сѣли за классный столъ.

Но княжна училась очень разсѣянно. Передъ тѣмъ, какъ идти къ обѣду, она подошла ко мнѣ, вся разгорѣвшись, со смѣхомъ на губахъ, остановилась противъ меня, схватила меня за плечи и сказала торопливо, какъ будто чего-то стыдясь:

— Что? Насидѣлась вчера за меня? Послѣ обѣда пойдемъ играть въ залу.

Кто-то прошелъ мимо насъ, и княжна мигомъ отвернулась отъ меня.

Послѣ обѣда, въ сумерки, мы обѣ сошли внизъ въ большую залу, схватившись за руки. Княжна была въ глубокомъ волненіи и тяжело переводила духъ. Я была радостна и счастлива, какъ никогда не бывала.

— Хочешь въ мячъ играть? сказала она мнѣ,—становись здѣсь!

Она поставила меня въ одномъ углу залы, но сама, вмѣсто того, чтобъ отойти и бросить мнѣ мячъ, остановилась въ трехъ шагахъ отъ меня, взглянула на меня, покраснѣла и упала на диванъ, закрывъ лицо обѣими руками. Я сдѣлала движеніе къ ней; она думала, что я хочу уйти.

— Не ходи, Нéточка, побудь со мной, сказала она,—это сейчасъ пройдетъ.

Но мигомъ она вскочила съ мѣста и, вся раскраснѣвшись, вся въ слезахъ, бросилась мнѣ на шею. Щеки ея были влажны, губки вспухли какъ вишенки, локоны разсыпались въ безпорядкѣ. Она цѣловала меня, какъ безум-

ная, цѣловала мнѣ лицо, глаза, губы, шею, руки; она рыдала какъ въ истерикѣ; я крѣпко прижалась къ ней, и мы сладко, радостно обнялись, какъ друзья, какъ любовники, которые свидѣлись послѣ долгой разлуки. Сердце Кати билось такъ сильно, что я слышала каждый ударъ.

Но въ сосѣдней комнатѣ раздался голосъ. Звали Катю къ княгинѣ.

— Ахъ, Неточка! Ну! До вечера, до ночи! Ступай теперь наверхъ, жди меня.

Она поцѣловала меня послѣдній разъ тихо, неслышно крѣпко и бросилась отъ меня на зовъ Насти. Я прибѣжала наверхъ, какъ воскресшая, бросилась на диванъ, спрятала въ подушки голову и зарылала отъ восторга. Сердце колотилось, какъ будто грудь хотѣло пробить. Не помню, какъ дожила я до ночи. Наконецъ, пробило одиннадцать, и я легла спать. Княжна воротилась только въ двѣнадцать часовъ; она издали улыбнулась мнѣ, но не сказала ни слова. Настя стала ее раздѣвать и какъ будто нарочно медлила.

— Скорѣе, скорѣе, Настя! бормотала Катя.

— Что это вы, княжна, вѣрно бѣжали по лѣстницѣ, что у васъ сердце колотится?.. спросила Настя.

— Ахъ, Боже мой, Настя! Какая скучная! Скорѣе, скорѣе! И княжна въ досадѣ ударила ножкой объ полъ.

— Ухъ, какое сердечко! сказала Настя, поцѣловавъ ножку княжны, которую разувала.

Наконецъ, все было кончено, княжна легла, и Настя вышла изъ комнаты. Вмигъ Катя вскочила съ постели и бросилась ко мнѣ. Я вскрикнула, встрѣчая ее.

— Пойдемъ ко мнѣ, ложись ко мнѣ! заговорила она, поднявъ меня съ постели. Мгновенье спустя, я была въ ея постели, мы обнялись и жадно прижались другъ къ другу. Княжна зацѣловала меня въ пухъ.

— А вѣдь я помню, какъ ты меня ночью цѣловала! сказала она, покраснѣвъ какъ макъ.

Я рыдала.

— Неточка! прошептала Катя сквозь слезы, — ангелъ ты мой, я вѣдь тебя такъ давно, такъ давно ужъ люблю! Знаешь, съ которыхъ поръ?

— Когда?

— Какъ папа приказалъ у тебя прощенія просить, тогда какъ ты за своего папу заступилась, Неточка... Си-ро-

точка ты моя! протянула она, снова осыпая меня поцѣлуями. Она плакала и смѣялась вмѣстѣ.

— Ахъ, Катя!

— Ну, что? Ну, что?

— Зачѣмъ мы такъ долго... такъ долго... и я не договорила. Мы обнялись и минуты три не говорили ни слова.

— Послушай, ты что думала про меня? спросила княжна.

— Ахъ, какъ много думала, Катя! Все думала, и день и ночь думала.

— И ночью про меня говорила, я слышала.

— Неужели?

— Плакала сколько разъ.

— Видишь! Что-жъ ты все была такая гордая?

— Я вѣдь была глупа, Нѣточка. Это на меня такъ придетъ, и кончено. Я все зла была на тебя.

— За что?

— За то, что сама дурная была. Прежде за то, что ты лучше меня; потомъ за то, что тебя папа больше любитъ! А папа добрый человѣкъ, Нѣточка! Да?

— Ахъ, да! отвѣчала я со слезами, вспомнивъ про князя.

— Хорошій человѣкъ, серьезно сказала Катя,—да что мнѣ съ нимъ дѣлать? Онъ все такой... Ну, а потомъ стала у тебя прощенья просить и чуть не заплакала, и за это опять разсердилась.

— А я-то видѣла, а я-то видѣла, что ты плакать хотѣла.

— Ну, молчи ты, дурочка, плакса такая сама! крикнула на меня Катя, зажавъ мнѣ ротъ рукою.—Слушай, мнѣ очень хотѣлось любить тебя, а потомъ вдругъ ненавидѣть захочется, и такъ ненавижу, такъ ненавижу!..

— За что же?

— Да ужъ я сердита на тебя была. Не знаю за что! А потомъ я и увидѣла, что ты безъ меня жить не можешь, и думаю: вотъ ужъ замучу я ее, скверную!

— Ахъ, Катя!

— Душка моя! сказала Катя, цѣлуя мнѣ руку,—ну, а потомъ я съ тобой говорить не хотѣла, никакъ не хотѣла. А помнишь, Фальстафку я гладила?

— Ахъ, ты, безстрашная!

— Какъ я тру...си...ла-то, протянула княжна.—Ты знаешь-ли, почему къ нему пошла?

— Почему?

— Да ты смотрѣла. Когда увидѣла, что ты смотришь...

Ахъ! Будь, что будетъ, да и пошла. Испугалась я тебя я? Боялась ты за меня?

— Ужасть!

— Я видѣла. А ужъ я-то какъ рада была, что Фальстафка ушелъ! Господи, какъ я трусила потомъ, какъ онъ ушелъ, чу...до...вище этакое!

И княжна захохотала нервическимъ смѣхомъ: потомъ вдругъ приподняла свою горячую голову и начала пристально глядѣть на меня. Слезинки, какъ жемчужинки, дрожали на ея длинныхъ рѣсницахъ.

— Ну, что въ тебѣ есть, что я тебя такъ полюбила? Ишь, блѣдненькая, волосы бѣлокурые, сама глупенькая, плакса такая, глаза голубые, си...ро...точка ты моя!

И Катя пагнулась опять безъ счету цѣловать меня. Нѣсколько капель ея слезъ упали на мои щеки. Она была глубоко растрогана.

— Вѣдь какъ любила-то тебя, а все думаю—нѣтъ, да нѣтъ! Не скажу ей! И вѣдь какъ упрямилась! Чего я боялась, чего я стыдилась тебя! Вѣдь смотри, какъ намъ теперь хорошо!

— Катя! Больно мнѣ какъ! сказала я, вся въ наступленіи отъ радости.—Душа ломитъ!

— Да, Неточка! Слушай дальше... Да, слушай, кто тебя Неточкой прозвалъ?

— Мама!

— Ты мнѣ про маму разскажешь?

— Все, все! отвѣчала я съ восторгомъ.

— А куда ты два платка мои дѣла съ кружевами? А ленту зачѣмъ унесла? Ахъ ты, безстыдница! Я вѣдь это знаю.

Я засмѣялась и покраснѣла до слезъ.

— Нѣтъ, думаю: помучаю ее, подождетъ. А иной разъ думаю: да я ее вовсе не люблю, я ее терпѣть не могу. А ты все такая кроткая, такая овечка ты моя! А вѣдь какъ я боялась, что ты думаешь про меня, что я глупа! Ты умна, Неточка, вѣдь ты очень умна? А!

— Ну, что ты, Катя! отвѣчала я, чуть не обидѣвшись.

— Нѣтъ, ты умна, сказала Катя рѣшительно и серьезно,—это я знаю. Только я разъ утромъ встала и такъ тебя полюбила, что ужасъ! Ты мнѣ во всю ночь снилась. Думаю, я къ мамѣ буду проситься, и тамъ буду жить. Не хочу я ее любить, не хочу! А на слѣдующую ночь засыпаю и думаю: кабы она пришла, какъ и въ прошлую ночь,

а ты и пришла! Ахъ, какъ я притворялась, что сплю... Ахъ, какія мы безстыдницы, Нѣточка!

— Да за что-жъ ты меня все любить не хотѣла?

— Такъ... Да что я говорю! Вѣдь я тебя все любила! Все любила! Ужъ потомъ и терпѣть не могла; думаю, зацѣлую я ее когда-нибудь или исщиплю всю до смерти. Вотъ тебѣ, глупенькая ты этакая!

И княжна ущипнула меня.

— А помнишь, я тебѣ башмакъ подвязывала?

— Помню.

— Помню; хорошо тебѣ было? Смотрю я на тебя: экая милочка, думаю, дай я ей башмакъ подвяжу, что̀ она будетъ думать! Да такъ мнѣ самой хорошо стало. И вѣдь, право, хотѣла поцѣловаться съ тобою... Да и не поцѣловала. А потомъ такъ смѣшно стало, такъ смѣшно! И всю дорогу, какъ гуляли вмѣстѣ, такъ вотъ вдругъ и хочу захохотать. На тебя смотрѣть не могу, такъ смѣшно. А вѣдь какъ я рада была, что ты за меня въ темницу пошла.

Пустая комната называлась „темницей“.

— А ты струсила?

— Ужасъ какъ струсила.

— Да не тому еще рада, что ты на себя сказала, а рада тому была, что ты за меня посидишь! Думаю: плачетъ она теперь, а я-то ее какъ люблю! Завтра буду ее такъ цѣловать, такъ цѣловать! И вѣдь не жалко, ей-Богу, не жалко было тебя, хоть я и поплакала.

— А я-то вотъ и не плакала, нарочно рада была!

— Не плакала? Ахъ, ты злая! закричала княжна, всасываясь въ меня своими губками.

— Катя, Катя! Боже мой, какая ты хорошенькая!

— Не правда-ли? Ну, теперь, что̀ хочешь со мной, то и дѣлай! Тирань меня, щипли меня! Пожалуйста, ущипни меня! Голубчикъ мой, ущипни!

— Шалунья!

— Ну, еще что?

— Дурочка...

— А еще?

— А еще поцѣлуй меня.

И мы поцѣловались, плакали, хохотали, у насъ губы распухли отъ поцѣлуевъ.

— Нѣточка! Во-первыхъ, ты всегда будешь ко мнѣ спать приходить. Ты цѣловаться любишь? И цѣловаться

будемъ. Потомъ я не хочу, чтобъ ты была такая скучная. Отчего тебѣ скучно было? Ты мнѣ разскажешь, а?

— Все разскажу; но мнѣ теперь не скучно, а весело!

— Нѣтъ, ужъ будутъ у тебя румяныя щеки, какъ у меня! Ахъ, кабы завтра поскорѣе пришло! Тебѣ хочется спать, Нѣточка?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ давай говорить.

И часа два мы еще проболтали. Богъ знаетъ, чего мы не переговорили. Во-первыхъ, княжна сообщила мнѣ всѣ свои планы для будущаго и настоящее положеніе вещей. И вотъ я узнала, что папу она любитъ больше всѣхъ, почти больше меня. Потомъ мы порѣшили объ, что мадамъ Леотаръ прекрасная женщина, и что она вовсе не строгая. Далѣе, мы тутъ же выдумали, что мы будемъ дѣлать завтра, послѣзавтра, и вообще разсчитали жизнь чуть-ли не на двадцать лѣтъ. Катя выдумала, что мы будемъ такъ жить: она мнѣ будетъ одинъ день приказывать, а я все исполнять, а другой день наоборотъ—я приказывать, а она безпрекословно слушаться; а потомъ мы объ будемъ поровну другъ другу приказывать; а тамъ кто-нибудь нарочно не послушается, такъ мы сначала поссоримся, такъ, для виду, а потомъ какъ-нибудь поскорѣе помиримся. Однимъ словомъ, насъ ожидало безконечное счастіе. Наконецъ, мы утомились болтать, у меня закрывались глаза. Катя смѣялась надо мной, что я соня, и сама заснула прежде меня. На утро мы проснулись разомъ, поцѣловались наскоро, потому что къ намъ входили, и я успѣла добѣжать до своей кровати.

Весь день мы не знали, что дѣлать другъ съ другомъ отъ радости. Мы все прятались и бѣгали отъ всѣхъ, болѣе всего опасаясь чужого глаза. Наконецъ, я начала ей свою исторію. Катя потрясена была до слезъ моимъ разсказомъ.

— Злая, злая ты этакая! Для чего ты мнѣ раньше всего не сказала? Я бы тебя такъ любила, такъ любила! И больно тебя мальчики били на улицѣ?

— Больно. Я такъ боялась ихъ!

— Ухъ, злые! Знаешь, Нѣточка, я сама видѣла, какъ одинъ мальчикъ другого на улицѣ билъ. Завтра я тихонько возьму Фальстафкину плетку и ужъ если одинъ встрѣтится такой, я его такъ прибью, такъ прибью!

Глазки ея сверкали отъ негодованія.

Мы пугались, когда кто-нибудь входилъ. Мы боялись, чтобъ насъ не застали, когда мы цѣлуемся. А цѣловались мы въ этотъ день, по крайней мѣрѣ, сто разъ. Такъ прошелъ этотъ день и слѣдующій. Я боялась умереть отъ восторга, задыхалась отъ счастья. Но счастье наше продолжалось не долго.

Мадамъ Леотаръ должна была доносить о каждомъ движеніи княжны. Она наблюдала за нами цѣлые три дня, и въ эти три дня у ней накопилось много чего разсказать. Наконецъ, она пошла къ княгинѣ и объявила ей все, что подмѣтила,—что мы обѣ въ какомъ-то изступленіи, уже цѣлыхъ три дня не разлучаемся другъ съ другомъ, поминутно цѣлуемся, плачемъ, хохочемъ какъ безумныя,—какъ безумныя, безъ умолку болтаемъ, тогда какъ этого прежде не было, что она не знаетъ, чему приписать это все, но ей кажется, что княжна въ какомъ-нибудь болѣзненномъ кризисѣ, и, наконецъ, ей кажется, что намъ лучше видѣться порѣже.

— Я давно это думала, отвѣчала княгиня.—Ужъ я знала, что эта странная сиротка надѣлаетъ намъ хлопотъ. Что мнѣ разсказали про нее, про прежнюю жизнь ея,—ужасъ, настоящій ужасъ! Она имѣетъ очевидное вліяніе на Катю. Вы говорите, Катя очень любитъ ее?

— Безъ памяти.

Княгиня покраснѣла отъ досады. Она уже ревновала ко мнѣ свою дочь.

— Это ненатурально, сказала она.—Прежде онѣ были такъ чужды другъ другу, и, признаюсь, я этому радовалась. Какъ бы ни была мала эта сиротка, но я ни за что не ручаюсь. Вы меня понимаете? Она уже съ молокомъ всосала свое воспитаніе, свои привычки и, можетъ-быть, правила. И не понимаю, что находитъ въ ней князь? Я тысячу разъ предлагала отдать ее въ пансіонъ.

Мадамъ Леотаръ вздумала было за меня заступиться, но княгиня уже рѣшила нашу разлуку. Тотчасъ послали за Катей и ужъ внизу объявили ей, что она со мной не увидится до слѣдующаго воскресенья, то-есть ровно недѣлю.

Я узнала про все поздно вечеромъ, и была поражена ужасомъ; я думала о Катѣ, и мнѣ казалось, что она не перенесетъ нашей разлуки. Я приходила въ изступленіе отъ тоски, отъ горя, и въ ночь заболѣла; на утро пришелъ ко мнѣ князь и шепнулъ, чтобъ я надѣялась.

Князь употребилъ всѣ свои усилія, но все было тщетно, княгиня не измѣнила намѣренія. Мало-по-малу я стала приходить въ отчаяніе, у меня духъ захватывало отъ горя.

На третій день, утромъ, Настя принесла мнѣ записку отъ Кати. Катя писала карандашомъ, страшными каракулями, слѣдующее:

„Я тебя очень люблю. Сижу съ maman и все думаю, какъ къ тебѣ убѣжать. Но я убѣгу—я сказала, я потому не плачу. Напиши мнѣ, какъ ты меня любишь. А я тебя обнимала всю ночь во снѣ, ужасно страдала, Нѣточка. Посылаю тебѣ конфектъ. Прощай".

Я отвѣчала въ этомъ же родѣ. Весь день проплакала я надъ запиской Кати. Мадамъ Леотаръ замучила меня своими ласками. Вечеромъ я узнала, она пошла къ князю и сказала, что я непремѣнно буду больна въ третій разъ, если не увижусь съ Катей, и что она раскаивается, что сказала княгинѣ. Я разспрашивала Настю, что съ Катей? Она отвѣчала мнѣ, что Катя не плачетъ, но ужасно блѣдна.

На утро Настя шепнула мнѣ:

— Ступайте въ кабинетъ къ его сіятельству. Спуститесь по лѣстницѣ, которая справа.

Все во мнѣ оживилось предчувствіемъ. Задыхаясь отъ ожиданія, я сбѣжала внизъ и отворила дверь въ кабинетъ. Ея не было. Вдругъ Катя обхватила меня сзади и горячо поцѣловала. Смѣхъ, слезы... Мигомъ Катя вырвалась изъ моихъ объятій, вскарабкалась на отца, вскочила на его плечи, какъ бѣлка, но, не удержавшись, прыгнула съ нихъ на диванъ. За нею упалъ и князь. Княжна плакала отъ восторга.

— Папа, какой ты хорошій человѣкъ, папа!

— Шалунья вы! Что съ вами сдѣлалось? Что за дружба? Что за любовь?

— Молчи, папа, ты нашихъ дѣлъ не знаешь.

И мы снова бросились въ объятія другъ къ другу.

Я начала разсматривать ее ближе. Она похудѣла въ три дня. Румянецъ слинялъ съ ея личика и блѣдность прокралась на его мѣсто. Я заплакала съ горя.

Наконецъ, постучалось Настя. Знакъ, что съѣхались Кати и спрашиваютъ. Катя поблѣднѣла какъ смерть.

— Полно, дѣти. Мы каждый день будемъ сходиться. Прощайте, я да благословитъ васъ Господь! сказалъ князь.

Онъ былъ растроганъ, на насъ глядя: но разсчетъ очень худо. Вечеромъ къ Москвы пришло извѣстіе, что

маленькій Саша внезапно заболѣлъ и при послѣднемъ издыханіи. Княгиня положила отправиться завтра же. Это случилось такъ скоро, что я ничего и не знала до самаго прощанія съ княжной. На прощаньи настоялъ самъ князь, и княгиня едва согласилась. Княжна была какъ убитая. Я сбѣжала внизъ, не помня себя, и бросилась къ ней на шею. Дорожная карета ужъ ждала у подъѣзда. Катя вскрикнула, глядя на меня, и упала безъ чувствъ. Я бросилась цѣловать ее. Княгиня стала приводить ее въ память. Наконецъ, она очнулась и обняла меня снова.

— Прощай, Нѣточка! сказала она мнѣ вдругъ, засмѣявшись съ неизъяснимымъ движеніемъ въ лицѣ.—Ты не смотри на меня; это такъ; я не больна, я пріѣду черезъ мѣсяцъ опять. Тогда мы не разойдемся.

— Довольно, сказала княгиня спокойно,—ѣдемъ!

Но княжна воротилась еще разъ. Она судорожно сжала меня въ объятіяхъ.

— Жизнь моя! успѣла она прошептать, обнимая меня.— До свиданья!

Мы поцѣловались въ послѣдній разъ, и княжна исчезла — надолго, очень надолго. Прошло восемь лѣтъ до нашего свиданья!

. . . . . .

Я нарочно разсказала такъ подробно этотъ эпизодъ моего дѣтства, перваго появленія Кати въ моей жизни. Но наши исторіи нераздѣльны. Ея романъ—мой романъ. Какъ будто суждено мнѣ было встрѣтить ее; какъ будто суждено ей было найти меня. Да и я не могла отказать себѣ въ удовольствіи перенестись еще разъ воспоминаніемъ въ мое дѣтство... Теперь разсказъ мой пойдетъ быстрѣе. Жизнь моя вдругъ впала въ какое-то затишье, и я какъ будто очнулась вновь, когда мнѣ ужъ минуло шестнадцать лѣтъ...

Но нѣсколько словъ о томъ, что сталось со мною по отъѣздѣ княжескаго семейства въ Москву.

Мы остались съ мадамъ Леотаръ.

Черезъ двѣ недѣли пріѣхалъ нарочный и объявилъ, что поѣздка въ Петербургъ отлагается на неопредѣленное время. Такъ какъ мадамъ Леотаръ, по семейнымъ обстоятельствамъ, не могла ѣхать въ Москву, то должность ея въ домѣ князя кончилась; но она осталась въ томъ же семействѣ и перешла къ старшей дочери княгини, Александрѣ Михайловнѣ.

Я еще ничего не сказала про Александру Михайловну, да и видѣла я ее всего одинъ разъ. Она была дочь княгини еще отъ перваго мужа. Происхожденіе и ремесло княгини было какое-то темное; первый мужъ ея былъ откупщикъ. Когда княгиня вышла замужъ вторично, то рѣшительно не знала, что ей дѣлать со старшею дочерью. На блестящую партію она надѣяться не могла. Приданое же давали за нею умѣренное: какопекъ, четыре года назадъ, сумѣли выдать ее за человѣка богатаго и въ значительныхъ чинахъ. Александра Михайловна поступила въ другое общество и увидѣла кругомъ себя другой свѣтъ. Княгиня посѣщала ее въ годъ по два раза: князь, отчимъ ея, посѣщалъ ее каждую недѣлю, вмѣстѣ съ Катей. Но въ послѣднее время княгиня не любила пускать Катю къ сестрѣ, и князь возилъ ее потихоньку. Катя обожала сестру. Но онѣ составляли нѣчто контрастъ характеровъ. Александра Михайловна была женщина лѣтъ двадцати двухъ, тихая, нѣжная, любящая: словно, какая-то затаенная грусть, какая-то скрытая сердечная боль сурово отгѣняли прекрасныя черты ея. Серьезность и суровость какъ-то не шли къ ея ангельски-яснымъ чертамъ, словно трауръ къ ребенку. Нельзя было взглянуть на нее, не почувствовавъ къ ней глубокой симпатіи. Она была блѣдна, и, говорили, склонна къ чахоткѣ, когда я ее въ первый разъ видѣла. Жила она очень уединенно и не любила ни съѣздовъ у себя, ни выѣздовъ въ люди,—словно монастырка. Дѣтей у нея не было. Помню, она пріѣхала къ мадамъ Леотаръ, подошла ко мнѣ и съ глубокимъ чувствомъ поцѣловала меня. Съ ней былъ одинъ худощавый, довольно пожилой мужчина. Онъ пристально, на меня глядя. Это былъ скрипачъ В. Александра Михайловна обняла меня и спросила, хочу-ли я жить у нея и быть ея дочерью. Посмотрѣвъ ей въ лицо, я узнала сестру моей Кати и обняла ее съ глухою болью въ сердцѣ, отъ которой заныла вся грудь моя... какъ будто кто-то еще разъ произнесъ надо мною: „сиротка!“ Тогда Александра Михайловна показала мнѣ письмо отъ князя. Въ немъ было нѣсколько строкъ ко мнѣ, и я прочла ихъ съ глухими рыданіями. Князь благословлялъ меня на долгую жизнь и на счастье, и просилъ любить другую дочь его. Катя приписала мнѣ тоже нѣсколько строкъ. Она писала, что не разлучается теперь съ матерью.

И вотъ, вечеромъ я вошла въ другую семью, въ другой

домъ, къ новымъ людямъ, въ другой разъ оторвавъ сердце отъ всего, что̀ мнѣ стало такъ мило, что̀ было уже для меня родное. Я пріѣхала вся измученная, истерзанная отъ душевной тоски... Теперь начинается новая исторія.

VI.

Новая жизнь моя пошла такъ безмятежно и тихо, какъ будто я поселилась среди затворниковъ... Я прожила у моихъ воспитателей слишкомъ восемь лѣтъ, и не помню, чтобъ во все это время, кромѣ какихъ-нибудь нѣсколькихъ разъ, въ домѣ былъ званый вечеръ, обѣдъ или какъ бы нибудь собрались родные, друзья и знакомые. Исключая двухъ-трехъ лицъ, которые ѣзжали изрѣдка, музыканта Б., который былъ другомъ дома, да тѣхъ, которые бывали у мужа Александры Михайловны, почти всегда по дѣламъ, въ нашъ домъ болѣе никто не являлся. Мужъ Александры Михайловны постоянно былъ занятъ дѣлами и службою, и только изрѣдка могъ выгадывать хоть сколько-нибудь свободнаго времени, которое и дѣлилось поровну между семействомъ и свѣтскою жизнью. Значительныя связи, которыми пренебрегать было невозможно, заставляли его довольно часто напоминать о себѣ въ обществѣ. Почти всюду носилась молва объ его неограниченномъ честолюбіи; но такъ какъ онъ пользовался репутаціей человѣка дѣлового, серьезнаго, такъ какъ онъ занималъ весьма видное мѣсто, а счастье и удача какъ будто сами ловили его на дорогѣ, то общественное мнѣніе далеко не отнимало у него своей симпатіи. Даже было и болѣе. Къ нему всѣ постоянно чувствовали какое-то особенное участіе, въ которомъ, обратно, совершенно отказывали женѣ его. Александра Михайловна жила въ полномъ одиночествѣ; но она какъ будто и рада была тому. Ея тихій характеръ какъ будто созданъ былъ для затворничества.

Она привязана была ко мнѣ всей душой, полюбила меня какъ родное дитя свое, и я, еще съ неостывшими слезами отъ разлуки съ Катей, еще съ болѣвшимъ сердцемъ, жадно бросилась въ материнскія объятія моей благодѣтельницы. Съ тѣхъ поръ горячая моя любовь къ ней не прерывалась. Она была мнѣ мать, сестра, другъ, замѣнила мнѣ все на свѣтѣ и взлелѣяла мою юность. Къ тому же я скоро замѣтила инстинктомъ, предчувствіемъ, что судьба ея вовсе не такъ красна, какъ о томъ можно было

судить съ перваго взгляда по ея тихой, казавшейся спокойною, жизни, по видимой свободѣ, по безмятежно-ясной улыбкѣ, которая такъ часто свѣтлѣла на лицѣ ея, и потому каждый день моего развитія объяснялъ мнѣ что-нибудь новое въ судьбѣ моей благодѣтельницы, что-то такое, что мучительно и медленно угадывалось сердцемъ моимъ, и вмѣстѣ съ грустнымъ сознаніемъ все болѣе и болѣе росла и крѣпла моя къ ней привязанность.

Характеръ ея былъ робокъ, слабъ. Смотря на ясныя, спокойныя черты лица ея, нельзя было предположить, съ перваго раза, чтобъ какая-нибудь тревога могла смутить ея праведное сердце. Помыслить нельзя было, чтобъ она могла не любить хоть кого-нибудь; состраданіе всегда брало въ ея душѣ верхъ даже надъ самимъ отвращеніемъ,—а между тѣмъ она привязана была къ немногимъ друзьямъ и жила въ полномъ уединеніи... Она была страстна и впечатлительна по натурѣ своей, но въ то же время какъ будто сама боялась своихъ впечатлѣній, какъ будто каждую минуту стерегла свое сердце, не давая ему забыться, хотя бы въ мечтаніи. Иногда вдругъ, среди самой свѣтлой минуты, я замѣчала слезы въ глазахъ ея: словно внезапное, тягостное воспоминаніе чего-то мучительно-терзавшаго ея совѣсть вспыхивало въ ея душѣ; какъ будто что-то стерегло ея счастье и враждебно смущало его. И чѣмъ, казалось, счастливѣе была она, чѣмъ покойнѣе, яснѣе была минута ея жизни, тѣмъ ближе была тоска, тѣмъ вѣроятнѣе была внезапная грусть, слезы: какъ будто на нее находилъ припадокъ. Я не запомню ни одного спокойнаго мѣсяца въ цѣлыя восемь лѣтъ. Мужъ, повидимому, очень любилъ ее; она обожала его. Но съ перваго взгляда, казалось, какъ будто что-то было недосказано между ними. Какая-то тайна была въ судьбѣ ея: по крайней мѣрѣ, я начала подозрѣвать съ первой минуты...

Мужъ Александры Михайловны съ перваго раза произвелъ на меня угрюмое впечатлѣніе. Это впечатлѣніе зародилось въ дѣтствѣ и уже никогда не изглаживалось. Съ виду это былъ человѣкъ высокій, худой и какъ будто съ намѣреніемъ скрывавшій свой взглядъ подъ большими зелеными очками. Онъ былъ несообщителенъ, сухъ и даже глазъ-на-глазъ съ женой какъ будто не находилъ темы для разговора. Онъ видимо тяготился людьми. На меня онъ не обращалъ никакого вниманія, а между тѣмъ я, каждый разъ, когда, бывало, вечеромъ всѣ трое сой-

демся въ гостиной Александры Михайловны, пить чай, была сама не своя во время его присутствія. Украдкой взглядывала я на Александру Михайловну и съ тоскою замѣчала, что и она вся какъ будто обдумываетъ каждое свое движеніе, блѣднѣетъ, если замѣчаетъ, что мужъ становится особенно суровъ и угрюмъ, или внезапно вся покраснѣетъ, какъ будто услышавъ или угадавъ какой-нибудь намекъ въ какомъ-нибудь словѣ мужа. Я чувствовала, что ей тяжело быть съ нимъ вмѣстѣ, а между тѣмъ она, повидимому, жить не могла безъ него ни минуты. Меня поражало ея необыкновенное вниманіе къ нему, къ каждому его слову, къ каждому движенію; какъ будто бы ей хотѣлось всѣми силами въ чемъ-то угодить ему, какъ будто она чувствовала, что ей не удавалось исполнить своего желанія. Она какъ будто вымаливала у него одобренія: малѣйшая улыбка на его лицѣ, полслова ласковаго — и она была счастлива; точно какъ будто это были первыя минуты еще робкой, еще безнадежной любви. Она за мужемъ ухаживала какъ за труднымъ больнымъ. Когда же онъ уходилъ къ себѣ въ кабинетъ, пожавъ руку Александры Михайловны, на которую, какъ мнѣ казалось, смотрѣлъ всегда съ какимъ-то тягостнымъ для нея состраданіемъ, она вся перемѣнялась. Движенія, разговоръ ея тотчасъ же становились веселѣе, свободнѣе. Но какое-то смущеніе еще надолго оставалось въ ней послѣ каждаго свиданія съ мужемъ. Она тотчасъ же начинала припоминать каждое слово, имъ сказанное, какъ будто взвѣшивая всѣ слова его. Нерѣдко обращалась она ко мнѣ съ вопросомъ: такъ-ли она слышала и такъ-ли именно выразился Петръ Александровичъ? — какъ будто ища какого-то другого смысла въ томъ, что онъ говорилъ, и только, можетъ-быть, цѣлый часъ спустя, совершенно ободрялась, какъ будто убѣдившись, что онъ совершенно доволенъ ею и что она напрасно тревожится. Тогда она вдругъ становилась добра, весела, радостна, цѣловала меня, смѣялась со мною или подходила къ фортепьяно и импровизировала на нихъ часа два. Но нерѣдко радость ея вдругъ прерывалась: она начинала плакать, и когда я смотрѣла на нее, вся въ тревогѣ, въ смущеніи, въ испугѣ, она тотчасъ увѣряла меня шопотомъ, какъ будто боясь, чтобъ насъ не услышали, что слезы ея такъ, ничего, что ей весело, и чтобъ я о ней не мучилась. Случалось, что въ отсутствіи мужа она вдругъ начинала тревожиться,

разспрашивать о немъ, безпокоиться, посылала узнать, что онъ дѣлаетъ, разузнавала отъ своей дѣвушки, зачѣмъ приказано подавать лошадей и куда онъ хочетъ ѣхать, не боленъ-ли онъ, веселъ или скученъ, что говорилъ и т. п. О дѣлахъ и занятіяхъ его она какъ будто не смѣла съ нимъ сама заговаривать. Когда онъ совѣтовалъ ей что-нибудь или просилъ о чемъ, она выслушивала его такъ покорно, такъ робѣла за себя, какъ будто была его раба. Она очень любила, чтобъ онъ похвалилъ что-нибудь у ней, какую-нибудь вещь, книгу, какое-нибудь ея рукодѣлье. Она какъ будто тщеславилась этимъ и тотчасъ (!) делалась счастлива. Но радостямъ ея не было конца, когда онъ, невзначай (что было очень рѣдко), вздумаетъ приласкать малютокъ-дѣтей, которыхъ было двое. Лицо ея преображалось, сіяло счастіемъ, и въ эти минуты ей случалось даже *слишкомъ* увлечься радостью передъ мужемъ. Она, напримѣръ, даже до того простирала смѣлость, что вдругъ сама, безъ его вызова, предлагала ему, конечно, съ робостью и трепещущимъ голосомъ, чтобъ онъ или выслушалъ новую музыку, которую она получила, или сказалъ свое мнѣніе о какой-нибудь книгѣ, или даже позволилъ ей прочесть себѣ страницу-другую какого-нибудь автора, который въ тотъ день произвелъ на нее особенное впечатлѣніе. Иногда мужъ благосклонно исполнялъ всѣ желанія ея и даже снисходительно ей улыбался, какъ улыбаются баловнику-дитяти, которому не хотятъ отказать въ иной странной прихоти, боясь преждевременно и враждебно смутить его наивность. Но, не знаю почему, меня до глубины души возмущали эта улыбка, это высокомѣрное снисхожденіе, это неравенство между ними: я молчала, удерживалась и только прилежно слѣдила за ними съ ребяческимъ любопытствомъ, но съ преждевременно суровой думой. Въ другой разъ я замѣчала, что онъ вдругъ какъ будто невольно спохватится, какъ будто опомнится: какъ будто онъ внезапно, черезъ силу и противъ воли, вспомнитъ о чемъ-то тяжеломъ, ужасномъ, неизбѣжномъ; мигомъ снисходительная улыбка исчезаетъ съ лица его, и глаза его вдругъ устремляются на оторопѣвшую жену съ такимъ состраданіемъ, отъ котораго я вздрагивала, которое, какъ теперь сознаю, если-бъ было ко мнѣ, то я бы измучилась. Въ ту же минуту радость исчезала съ лица Александры Михайловны. Музыка или чтеніе прерывались. Она блѣднѣла, но крѣпилась и молчала. Наступала не-

пріятная минута, тоскливая минута, которая иногда долго длилась. Наконецъ, мужъ прерывалъ ее. Онъ подымался съ мѣста, какъ будто черезъ силу подавляя въ себѣ досаду и волненіе, и, пройдя нѣсколько разъ по комнатѣ въ угрюмомъ молчаніи, жалъ руку женѣ, глубоко вздыхалъ и, въ очевидномъ смущеніи, сказавъ нѣсколько отрывистыхъ словъ, въ которыхъ какъ бы проглядывало желаніе утѣшить жену, выходилъ изъ комнаты, а Александра Михайловна ударялась въ слезы или впадала въ страшную, долгую грусть. Часто онъ благословлялъ и крестилъ ее, какъ ребенка, прощаясь съ ней съ вечера, и она принимала его благословеніе со слезами благодарности и съ благоговѣніемъ. Но не могу забыть нѣсколькихъ вечеровъ въ нашемъ домѣ (въ цѣлыя восемь лѣтъ, двухъ-трехъ, не болѣе), когда Александра Михайловна какъ будто вдругъ вся перемѣнялась. Какой-то гнѣвъ, какое-то негодованіе отражались на обыкновенно тихомъ лицѣ ея, вмѣсто всегдашняго самоуничиженія и благоговѣнія къ мужу. Иногда цѣлый часъ приготовлялась гроза; мужъ становился молчаливѣе, суровѣе и угрюмѣе обыкновеннаго. Наконецъ, больное сердце бѣдной женщины какъ будто не выносило. Она начинала прерывающимся отъ волненія голосомъ разговоръ, сначала отрывистый, безсвязный, полный какихъ-то намековъ и горькихъ недомолвокъ; потомъ, какъ будто не вынося тоски своей, вдругъ разрѣшалась слезами, рыданіями, а затѣмъ слѣдовалъ взрывъ негодованія, укоровъ, жалобъ, отчаянія, словно она впадала въ болѣзненный кризисъ. И тогда нужно было видѣть, съ какимъ терпѣніемъ выносилъ это мужъ, съ какимъ участіемъ склонялъ ее успокоиться, цѣловалъ ея руки и даже, наконецъ, начиналъ плакать вмѣстѣ съ нею: тогда вдругъ она какъ будто опомнится, какъ будто совѣсть крикнетъ на нее и уличитъ въ преступленіи. Слезы мужа потрясали ее, и она, ломая руки, въ отчаяніи, съ судорожными рыданіями, у ногъ его вымаливала о прощеніи, которое тотчасъ же получала. Но еще надолго продолжались мученія ея совѣсти, слезы и моленія простить ее, и еще робче, еще трепетнѣе становилась она передъ нимъ на цѣлые мѣсяцы. Я ничего не могла понять въ этихъ укорахъ и упрекахъ: меня же и высылали въ это время изъ комнаты, и всегда очень неловко. Но скрыться совершенно отъ меня не могли. Я наблюдала, замѣчала, угадывала, и съ самаго начала вселилось въ меня темное

подозрѣніе, что какая-то тайна лежитъ на всемъ этомъ, что эти внезапные взрывы уязвленнаго сердца не простой, нервный кризисъ; что не даромъ же всегда хмуренъ мужъ, что не даромъ это какъ будто двусмысленное состраданіе его къ бѣдной, больной женѣ, что не даромъ всегдашняя робость и трепетъ ея передъ нимъ и эта смиренная, странная любовь, которую она даже не смѣла проявить передъ мужемъ, что не даромъ это уединеніе, эта монастырская жизнь, эта краска и эта внезапная смертная блѣдность на лицѣ ея въ присутствіи мужа.

Но такъ какъ подобныя сцены съ мужемъ были очень рѣдки; такъ какъ жизнь наша была очень однообразна, и я уже слишкомъ близко къ ней присмотрѣлась; такъ какъ, наконецъ, я развивалась и росла очень быстро и много ужъ начало пробуждаться во мнѣ новаго, хотя безсознательнаго, отвлекавшаго меня отъ моихъ наблюденій, то я и привыкла, наконецъ, къ этой жизни, къ этимъ обычаямъ и характерамъ, которые меня окружали. Я, конечно, не могла не задуматься подчасъ, глядя на Александру Михайловну, но думы мои покамѣстъ не разрѣшались ничѣмъ. Я же крѣпко любила ее, уважала ея тоску и потому боялась смущать ея подымчивое сердце своимъ любопытствомъ. Она понимала меня, и сколько разъ готова была благодарить меня за мою къ ней привязанность! То, замѣтивъ заботу мою, улыбалась нерѣдко сквозь слезы и сама шутила надъ частыми слезами своими; то вдругъ начнетъ разсказывать мнѣ, что она очень довольна, очень счастлива, что къ ней всѣ такъ добры, что всѣ тѣ, которыхъ она знала, до сихъ поръ такъ любили ее, что ее очень мучаетъ то, что Петръ Александровичъ вѣчно тоскуетъ о ней, о ея душевномъ спокойствіи, тогда какъ она, напротивъ, такъ счастлива, такъ счастлива!.. И тутъ она обнимала меня съ такимъ глубокимъ чувствомъ, такою любовью свѣтилось лицо ея, что сердце мое, если можно сказать, какъ-то болѣло сочувствіемъ къ ней.

Черты лица ея никогда не изгладятся изъ моей памяти. Онѣ были правильны, а худоба и блѣдность, казалось, еще болѣе возвышали строгую прелесть ея красоты. Густѣйшіе черные волосы, зачесанные гладко къ низу, оросали суровую, рѣзкую тѣнь на окраины щекъ; но казалось, тѣмъ любовнѣе поражалъ васъ контрастъ ея нѣжнаго взгляда, большихъ дѣтски-ясныхъ голубыхъ глазъ.

на которомъ отражалось порчасъ такъ много наивнаго, несмѣлаго, какъ бы незащищеннаго, какъ будто боявшагося за каждое ощущеніе, за каждый порывъ сердца—и за мгновенную радость, и за частую тихую грусть. Но въ иную счастливую, нетревожную минуту, въ этомъ взглядѣ, проницавшемъ въ сердце, было столько яснаго, свѣтлаго какъ день, столько праведно-спокойнаго; эти глаза, голубые какъ небо, сіяли такою любовью, смотрѣли такъ сладко, въ нихъ отражалось всегда такое глубокое чувство симпатіи ко всему, что было благородно, ко всему, что просило любви, молило о состраданіи,—что вся душа покорялась ей, невольно стремилась къ ней, и, казалось, отъ нея же принимала и эту ясность, и это спокойствіе духа, и примиреніе, и любовь. Такъ въ иной разъ засмотришься на голубое небо и чувствуешь, что готовъ пробыть цѣлые часы въ сладостномъ созерцаніи, и что свободнѣе и спокойнѣе становится въ эти минуты душа, точно въ ней, какъ будто въ тихой пеленѣ воды, отразился величайшій куполъ небесный. Когда же — и это такъ часто случалось—одушевленіе нагоняло краску на ея лицо, и грудь ея колыхалась отъ волненія — тогда глаза ея блестѣли какъ молнія, какъ будто метали искры, какъ будто вся ея душа, цѣломудренно сохранившая чистый пламень прекраснаго, теперь ее воодушевившаго, переселялась въ нихъ. Въ эти минуты она была какъ вдохновенная. И въ такихъ внезапныхъ порывахъ увлеченія, въ такихъ переходахъ отъ тихаго, робкаго настроенія духа къ просвѣтленному, высокому одушевленію, къ чистому, строгому энтузіазму, вмѣстѣ съ тѣмъ было столько наивнаго, дѣтскискораго, столько младенческаго вѣрованія, что художникъ, кажется, полжизни бы отдалъ, чтобъ подмѣтить такую минуту свѣтлаго восторга и перенесть это вдохновенное лицо на полотно.

Съ первыхъ дней моихъ въ этомъ домѣ я увидѣла, что она даже обрадовалась мнѣ въ своемъ уединеніи. Тогда еще у ней было только одно дитя, и только годъ какъ она была матерью. Но я вполнѣ была ея дочерью, и различій между мной и своими она дѣлать не могла. Съ какимъ жаромъ она принялась за мое воспитаніе! Она такъ заторопилась вначалѣ, что мадамъ Леотаръ невольно улыбалась, на нее глядя. Въ самомъ дѣлѣ, мы было взялись вдругъ за все, такъ что и не поняли было другъ друга. Напримѣръ, она взялась учить меня сама и вдругъ очень

многому, но такъ многому, что выходило съ ея стороны больше горячки, больше жара, болѣе любовнаго нетерѣнія, чѣмъ истинной пользы для меня. Сначала она была огорчена своимъ неумѣньемъ; но, разсмѣявшись, мы принялись сызнова, хотя Александра Михайловна, несмотря на первую неудачу, смѣло объявила себя противъ системы мадамъ Леотаръ. Онѣ спорили смѣясь, но потомъ воспитательница моя наотрѣзъ объявила себя противъ всякой системы, утверждая, что мы съ нею ощупью найдемъ настоящую дорогу, что нечего мнѣ набивать голову сухими познаніями, и что весь успѣхъ зависитъ отъ уразумѣнія моихъ инстинктовъ и отъ умѣнія возбудить во мнѣ добрую волю,—и она была права, потому что вполнѣ одерживала побѣду. Во-первыхъ, съ самаго начала совершенно исчезли роли ученицы и наставницы. Мы учились какъ двѣ подруги, и иногда дѣлалось такъ, что какъ будто я учила Александру Михайловну, не замѣчая хитрости. Такъ между нами часто рождались споры, и я изъ всѣхъ силъ горячилась, чтобъ доказать дѣло, какъ я его понимаю, и незамѣтно Александра Михайловна выводила меня на настоящій путь. Но кончалось тѣмъ, что когда мы доберемся до истины, я тотчасъ догадывалась, изобличала уловку Александры Михайловны и, взвѣсивъ всѣ ея старанія со мной, нерѣдко цѣлые часы, пожертвованные такимъ образомъ для моей пользы, я бросалась къ ней на шею и крѣпко обнимала ее послѣ каждаго урока. Моя чувствительность изумляла и трогала ее даже до недоумѣнія. Она съ любопытствомъ начинала разспрашивать о моемъ прошедшемъ, желая услышать его отъ меня, и каждый разъ послѣ моихъ разсказовъ становилась со мной нѣжнѣе и серьезнѣе,—серьезнѣе, потому что я, съ моимъ несчастнымъ дѣтствомъ, внушала ей, вмѣстѣ съ состраданіемъ, какъ будто какое-то уваженіе. Послѣ моихъ признаній, мы пускались обыкновенно въ долгіе разговоры, которыми она мнѣ же объясняла мое прошлое, такъ что я дѣйствительно какъ будто вновь переживала его и многому вновь научилась. Мадамъ Леотаръ часто находила эти разговоры слишкомъ серьезными и, видя мои невольныя слезы, считала ихъ совсѣмъ не у мѣста. Я же думала совершенно напротивъ, потому что послѣ этихъ *уроковъ* мнѣ становилось такъ легко и сладко, какъ будто и не было въ моей судьбѣ ничего несчастнаго. Сверхъ того, я была слишкомъ благодарна Александрѣ Михайловнѣ

за то, что съ каждымъ днемъ она все болѣе и болѣе заставляла такъ любить себя. Мадамъ Лестаръ и невдомекъ было, что такимъ образомъ, мало-по-малу, уравнивалось и приходило въ стройную гармонію все, что прежде поднималось изъ души неправильно, преждевременно-бурно, и до чего доходило мое дѣтское сердце, все изъязвленное, съ мучительной болью, такъ что несправедливо ожесточалось оно и плакалось на эту боль, не понимая, откуда удары.

День начинался тѣмъ, что мы обѣ сходились въ дѣтской, у ея ребенка, будили его, одѣвали, убирали, кормили его, забавляли, учили его говорить. Наконецъ, мы оставляли ребенка и садились за дѣло. Учились мы многому, но Богъ знаетъ, какая это была наука. Тутъ было все, и вмѣстѣ съ тѣмъ ничего опредѣленнаго. Мы читали, разсказывали другъ другу свои впечатлѣнія, бросали книгу для музыки, и цѣлые часы летѣли незамѣтно. По вечерамъ часто приходилъ В., другъ Александры Михайловны, приходила мадамъ Леотаръ; нерѣдко начинался разговоръ самый жаркій, горячій, объ искусствѣ, о жизни (которую мы въ нашемъ кружкѣ знали только по наслышкѣ), о дѣйствительности, объ идеалахъ, о прошедшемъ и будущемъ, и мы засиживались за полночь. Я слушала изъ всѣхъ силъ, воспламенялась вмѣстѣ съ другими, смѣялась, или была растрогана, и тутъ-то узнала я въ подробности все то, что̀ касалось до моего отца и до моего перваго дѣтства. Между тѣмъ я росла; мнѣ нанимали учителей, отъ которыхъ, безъ Александры Михайловны, я-бы ничему не научилась. Съ учителемъ географіи я бы только ссорилась, отыскивая на картѣ города и рѣки. Съ Александрой Михайловной мы пускались въ такія путешествія, переживали столько восторженныхъ, столько фантастическихъ часовъ, и такъ сильно было обоюдное рвеніе, что книгъ, прочитанныхъ ею, наконецъ, рѣшительно недостало: мы принуждены были приняться за новыя книги. Скоро я могла сама показывать моему учителю географіи, хотя все-таки, нужно отдать ему справедливость, онъ до конца сохранилъ передо мной превосходство въ полномъ и совершенно опредѣлительномъ познаніи градусовъ, подъ которыми лежалъ какой-нибудь городокъ, и тысячъ, сотенъ и даже тѣхъ десятковъ жителей, которые въ немъ заключались. Учителю исторіи платились деньги тоже чрез-

вычайно исправно: но, по уходѣ его, мы съ Александрой Михайловной исторію учили по-своему: брались за книги и зачитывались иногда до глубины ночи, или, лучше сказать, читала Александра Михайловна, потому что она же и держала цензуру. Никогда я не испытывала болѣе восторга, какъ послѣ этого чтенія. Мы одушевлялись обѣ, какъ будто сами были героями. Конечно, между строчками читалось больше, чѣмъ въ строчкахъ: Александра же Михайловна, кромѣ того, прекрасно разсказывала, такъ, какъ будто при ней случилось все, о чемъ мы читали. Но пусть будетъ, пожалуй, смѣшно, что мы такъ воспламенялись и просиживали за полночь, я—ребенокъ, она—уязвленное сердце, такъ тяжело переносившее жизнь! Я знала, что она какъ будто отдыхала подлѣ меня. Припоминаю, что подчасъ я страшно задумывалась, на нее глядя, я угадывала и прежде, чѣмъ я начала жить, я уже угадала многое въ жизни.

Наконецъ, мнѣ минуло тринадцать лѣтъ. Между тѣмъ здоровье Александры Михайловны становилось все хуже и хуже. Она дѣлалась раздражительнѣе, припадки ея безвыходной грусти ожесточеннѣе, визиты мужа начались чаще, и просиживалъ онъ съ нею, разумѣется какъ и прежде, почти молча, суровый и хмурый, все больше и больше времени. Ея судьба стала сильнѣе занимать меня. Я выходила изъ дѣтства, во мнѣ ужъ сформировалось много новыхъ впечатлѣній, наблюденій, увлеченій, догадокъ; ясно, что загадка, бывшая въ этомъ семействѣ, все болѣе и болѣе стала мучить меня. Были минуты, въ которыя мнѣ казалось, что я что-то понимаю въ этой загадкѣ. Въ другое время я впадала въ равнодушіе, въ апатію, даже въ досаду, и забывала свое любопытство, не находя ни на одинъ вопросъ разрѣшенія. Порой — и это случалось все чаще и чаще—я испытывала странную потребность оставаться одной и думать, все думать: моя настоящая минута похожа была на то время, когда еще я жила у родителей, и когда вначалѣ, прежде чѣмъ сошлась съ отцомъ, цѣлый годъ думала, соображала, приглядывалась изъ своего угла на свѣтъ Божій, такъ что, наконецъ, совсѣмъ очнулась среди фантастическихъ призраковъ, мною же созданныхъ. Разница была въ томъ, что теперь было больше нетерпѣнія, больше тоски, болѣе новыхъ, безсознательныхъ порывовъ, болѣе жажды къ движенію, къ подымчивости, такъ что сосредоточиться на од-

помъ, какъ было прежде, я не могла. Съ своей стороны Александра Михайловна какъ будто сама стала болѣе удаляться меня. Въ этомъ возрастѣ я уже почти не могла ей быть подругой. Я была не ребенокъ, я слишкомъ о многомъ спрашивала и подчасъ смотрѣла на нее такъ, что она должна была потуплять глаза предо мною. Были странныя минуты. Я не могла видѣть ея слезъ, и часто слезы накипали въ моихъ глазахъ, глядя на нее. Я бросалась къ ней на шею и горячо обнимала ее. Что она могла отвѣчать мнѣ? Я чувствовала, что была ей въ тягость. Но въ другое время—и это было тяжелое, грустное время—она сама, какъ будто въ какомъ-то отчаяніи, судорожно обнимала меня, какъ будто искала моего участія, какъ будто не могла выносить своего одиночества, какъ будто я ужъ понимала ее, какъ будто мы страдали съ ней вмѣстѣ. Но между нами все-таки оставалась тайна, это было очевидно, и я ужъ сама начала удаляться отъ нея въ эти минуты. Мнѣ тяжело было съ ней. Кромѣ того, насъ ужъ мало что соединяло, одна музыка. Но музыку стали ей запрещать доктора. Книги? Но здѣсь было всего труднѣе. Она рѣшительно не знала, какъ читать со мною. Мы, конечно, остановились бы на первой страницѣ: каждое слово могло быть намекомъ, каждая незначащая фраза—загадкой. Отъ разговора вдвоемъ, горячаго, задушевнаго, мы обѣ бѣжали.

И вотъ, въ это время судьба внезапно и неожиданно повернула мою жизнь чрезвычайно страннымъ образомъ. Мое вниманіе, мои чувства, сердце, голова,—все, разомъ, съ напряженною силою, доходившею даже до энтузіазма, обратилось вдругъ къ другой, совсѣмъ неожиданной дѣятельности, и я сама, не замѣтивъ того, вся перенеслась въ новый міръ; мнѣ некогда было обернуться, осмотрѣться, одуматься; я могла погибнуть, даже чувствовала это; но соблазнъ былъ сильнѣе страха, и я пошла наудачу, закрывши глаза. И надолго отвлеклась я отъ той дѣйствительности, которая такъ начинала тяготить меня, и въ которой я такъ жадно и безполезно искала выхода. Вотъ что такое это было и вотъ какъ оно случилось.

Изъ столовой было три выхода: одинъ въ большія комнаты, другой въ мою и въ дѣтскія, а третій велъ въ библіотеку. Изъ библіотеки былъ еще другой ходъ, отдѣлявшійся отъ моей комнаты только однимъ рабочимъ кабинетомъ, въ которомъ обыкновенно помѣщался помощ-

никъ Петра Александровича въ дѣлахъ, его переписчикъ, его сподручникъ, бывшій въ одно и то же время его секретаремъ и факторомъ. Ключъ отъ шкафовъ и библіотеки хранился у него. Однажды, послѣ обѣда, когда его не было дома, я нашла этотъ ключъ на полу. Меня взяло любопытство и, вооружась своей находкой, я вошла въ библіотеку. Это была довольно большая комната, очень свѣтлая, установленная кругомъ восемью большими шкафами, полными книгъ. Книгъ было очень много, и изъ нихъ большая часть досталась Петру Александровичу какъ-то по наслѣдству. Другая часть книгъ собрана была Александрой Михайловной, которая покупала ихъ безпрестанно. До сихъ поръ мнѣ давали читать съ большою осмотрительностью, такъ что я безъ труда догадалась, что мнѣ многое запрещаютъ, и что многое для меня тайна. Вотъ почему я съ неудержимымъ любопытствомъ, въ припадкѣ страха и радости и какого-то особеннаго, безотчетнаго чувства, отворила первый шкафъ и вынула первую книгу. Въ этомъ шкафѣ были романы. Я взяла одинъ изъ нихъ, затворила шкафъ и унесла къ себѣ книгу съ такимъ страннымъ ощущеніемъ, съ такимъ біеніемъ и замираніемъ сердца, какъ будто я предчувствовала, что въ моей жизни совершается большой переворотъ. Войдя къ себѣ въ комнату, я заперлась и раскрыла романъ. Но читать я не могла; у меня была другая забота: мнѣ сначала нужно было уладить прочно и окончательно свое обладаніе библіотекой такъ, чтобъ никто того не зналъ, и чтобъ возможность имѣть всякую книгу во всякое время осталась при мнѣ. И потому я отложила свое наслажденіе до болѣе удобной минуты, книгу отнесла назадъ, а ключъ утаила у себя. Я утаила его, и— это былъ первый дурной поступокъ въ моей жизни. Я ждала послѣдствій: они уладились чрезвычайно благопріятно: секретарь и помощникъ Петра Александровича, проискавъ ключа цѣлый вечеръ и часть ночи со свѣчою на полу, рѣшился на утро призвать слесаря, который изъ связки принесенныхъ имъ ключей прибралъ новый. Тѣмъ дѣло и кончилось, а о пропажѣ ключа никто болѣе ничего не слыхалъ; я-же повела дѣло такъ осторожно и хитро, что пошла въ библіотеку только чрезъ недѣлю, совершенно увѣрившись въ полной безопасности насчетъ всѣхъ подозрѣній. Сначала я выбирала время, когда секретаря не было дома; потомъ-же стала заходить изъ

столовой, потому что письмоводитель Петра Александровича имѣлъ у себя только ключъ въ карманѣ, а въ дальнѣйшія сношенія съ книгами никогда не вступалъ, и потому даже не входилъ въ комнату, въ которой онѣ находились.

Я начала читать съ жадностью, и скоро чтеніе увлекло меня совершенно. Всѣ новыя потребности мои, всѣ недавнія стремленія, всѣ еще неясные порывы моего отроческаго возраста, такъ безпокойно и мятежно возставшіе было въ душѣ моей, петерпѣливо вызванные моимъ слишкомъ раннимъ развитіемъ,—все это вдругъ уклонилось въ другой, неожиданно-представшій исходъ надолго, какъ будто вполнѣ удовлетворившись новою пищею, какъ будто найдя себѣ правильный путь. Скоро сердце и голова моя были такъ очарованы, скоро фантазія моя развилась такъ широко, что я какъ будто забыла весь міръ, который доселѣ окружалъ меня. Казалось, сама судьба остановила меня на порогѣ въ новую жизнь, въ которую я такъ порывалась, о которой гадала день и ночь, и прежде чѣмъ пустить меня въ невѣдомый путь, взвела меня на высоту, показавъ мнѣ будущее въ волшебной панорамѣ, въ заманчивой, блестящей перспективѣ. Мнѣ суждено было пережить всю эту будущность, вычитавъ ее сначала изъ книгъ, пережить въ мечтахъ, въ надеждахъ, въ страстныхъ порывахъ, въ сладостномъ волненіи юнаго духа. Я начала чтеніе безъ разбора, съ первой попавшейся мнѣ подъ руку книги, но судьба хранила меня: то, что я узнала и выжила до сихъ поръ, было такъ благородно, такъ строго, что теперь меня не могла уже соблазнить какая-нибудь лукавая, нечистая страница. Меня хранилъ мой дѣтскій инстинктъ, мой ранній возрастъ и все мое прошедшее. Теперь же сознаніе какъ будто вдругъ освѣтило для меня всю прошлую жизнь мою. Дѣйствительно, почти каждая страница, прочитанная мною, была мнѣ ужъ какъ будто знакома, какъ будто уже давно прожита; какъ будто всѣ эти страсти, вся эта жизнь, представшая передо мною въ такихъ неожиданныхъ формахъ, въ такихъ волшебныхъ картинахъ, уже была мною испытана. И какъ не завлечься было мнѣ до забвенія настоящаго, почти до отчужденія отъ дѣйствительности, когда передо мной, въ каждой книгѣ, прочитанной мною, воплощались законы той же судьбы, тотъ же духъ приключеній, который царилъ надъ жизнію человѣка, но истекалъ изъ ка-

кого-то главнаго закона жизни человѣческой, который былъ условіемъ спасенія, охраненія и счастія. Этотъ-то законъ, подозрѣваемый мною, я и старалась угадать всѣми силами, всѣми своими инстинктами, возбужденными во мнѣ почти какимъ-то чувствомъ самосохраненія. Меня какъ будто предувѣдомляли впередъ, какъ будто предостерегалъ кто-нибудь. Какъ будто что-то пророческое тѣснилось мнѣ въ душу и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе крѣпла надежда въ душѣ моей, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ все сильнѣе и сильнѣе были мои порывы въ эту будущность, въ эту жизнь, которая ежедневно поражала меня въ прочитанномъ мною со всей силой, свойственной искусству, со всѣми обольщеніями поэзіи. Но, какъ я уже сказала, фантазія моя слишкомъ владычествовала надъ моимъ нетерпѣніемъ, и я, по правдѣ, была смѣла лишь въ мечтахъ, а на дѣлѣ инстинктивно робѣла передъ будущимъ. И потому, будто предварительно согласясь съ собой, я безсознательно положила довольствоваться покуда міромъ фантазіи, міромъ мечтательности, въ которомъ уже я одна была владычицей, въ которомъ были только одни обольщенія, одни радости, и самое несчастье, если и было допускаемо, то играло роль насущную, роль переходную, роль необходимую для сладкихъ контрастовъ и для внезапнаго поворота судьбы къ счастливой развязкѣ моихъ головныхъ, восторженныхъ романовъ. Такъ понимаю я теперь тогдашнее мое настроеніе.

И такая жизнь, жизнь фантазіи, жизнь рѣзкаго отчужденія отъ всего меня окружавшаго, могла продолжаться цѣлые три года!

Эта жизнь была моя тайна, и послѣ цѣлыхъ трехъ лѣтъ я еще не знала, бояться-ли мнѣ ея внезапнаго оглашенія, или нѣтъ. То, что я пережила въ эти три года, было слишкомъ мнѣ родное, близкое. Во всѣхъ этихъ фантазіяхъ слишкомъ сильно отразилась я сама, до того, что, наконецъ, могла смутиться и испугаться чужого взгляда, чей бы онъ ни былъ, который бы неосторожно заглянулъ въ мою душу. Къ тому же мы всѣ, весь домъ нашъ жили такъ уединенно, такъ внѣ общества, въ такой монастырской тиши, что невольно въ каждомъ изъ насъ должна была развиться сосредоточенность въ себѣ самомъ, какая-то потребность самозаключенія. То же и со мною случилось. Въ эти три года кругомъ меня ничего не преобразилось, все осталось попрежнему. Попрежнему царило

между нами унылое однообразіе, которое, — какъ теперь думаю, если-бъ я не была увлечена своей тайной, скрытной дѣятельностью, — истерзало бы мою душу и бросило бы меня въ неизвѣстный, мятежный исходъ изъ этого вялаго, тоскливаго круга, въ исходъ, можетъ быть, гибельный. Мадамъ Леотаръ постарѣла и почти совсѣмъ заключилась въ своей комнатѣ; дѣти были еще слишкомъ малы: Б. былъ слишкомъ однообразенъ, а мужъ Александры Михайловны — такой же суровый, такой же недоступный, такой же заключенный въ себя, какъ и прежде. Между нимъ и женой попрежнему была та же таинственность отношеній, которая мнѣ начала представляться все болѣе и болѣе въ грозномъ, суровомъ видѣ, я все болѣе и болѣе пугалась за Александру Михайловну. Жизнь ея, безотрадная, безцвѣтная, видимо гасла въ глазахъ моихъ. Здоровье ея становилось почти съ каждымъ днемъ хуже и хуже. Какъ будто какое-то отчаяніе вступило, наконецъ, въ ея душу: она видимо была подъ гнетомъ чего-то невѣдомаго, неопредѣленнаго, въ чемъ и сама она не могла дать отчета, чего-то ужаснаго и вмѣстѣ съ тѣмъ ей самой непонятнаго, но которое она приняла какъ неизбѣжный крестъ своей осужденной жизни. Сердце ея ожесточалось, наконецъ, въ этой глухой мукѣ; даже умъ ея принялъ другое направленіе, темное, грустное. Особенно поразило меня одно наблюденіе: мнѣ казалось, что чѣмъ болѣе я входила въ лѣта, тѣмъ болѣе она какъ бы удалялась отъ меня, такъ что скрытность ея со мной обращалась даже въ какую-то нетерпѣливую досаду. Казалось, она даже не любила меня въ иныя минуты; какъ будто я ей мѣшала. Я сказала, что стала нарочно удаляться ея и, удалившись разъ, какъ будто заразилась таинственностью ея же характера. Вотъ почему все, что я прожила въ эти три года, все, что сформировалось въ душѣ моей, въ мечтахъ, въ познаніяхъ, въ надеждахъ и въ страстныхъ восторгахъ—все это упрямо осталось при мнѣ. Разъ затаившись другъ отъ друга, мы уже потомъ никогда не сошлись, хотя, кажется мнѣ, я любила ее съ каждымъ днемъ еще болѣе прежняго. Безъ слезъ не могу вспомнить теперь о томъ, до какой степени она была привязана ко мнѣ, до какой степени она обязалась въ своемъ сердцѣ расточать на меня все сокровище любви, которое въ немъ заключалось, и исполнить обѣтъ свой до конца—быть мнѣ матерью. Правда,

собственное горе иногда надолго отвлекало ее отъ меня, она какъ будто забывала обо мнѣ, тѣмъ болѣе, что и я старалась не напоминать ей о себѣ, такъ что мои шестнадцать лѣтъ подошли, какъ будто никто того не замѣтилъ. Но въ минуты сознанія и болѣе яснаго взгляда кругомъ, Александра Михайловна какъ бы вдругъ начинала обо мнѣ тревожиться, она съ нетерпѣніемъ вызывала меня къ себѣ изъ моей комнаты, изъ-за моихъ уроковъ и занятій, закидывала меня вопросами, какъ будто испытывая, разузнавая меня, не разлучалась со мной по цѣлымъ днямъ, угадывала всѣ побужденія мои, всѣ желанія, очевидно, заботясь о моемъ возрастѣ, о моей настоящей минутѣ, о будущности, и съ неистощимою любовью, съ какимъ-то благоговѣніемъ готовила мнѣ свою помощь. Но она уже очень отвыкла отъ меня, и потому поступала иногда слишкомъ наивно, такъ что все это было мнѣ слишкомъ понятно и замѣтно. Напримѣръ, и это случилось, когда уже мнѣ былъ шестнадцатый годъ, она, перерывъ мои книги, разспросивъ о томъ, что я читаю, и найдя, что я не вышла еще изъ дѣтскихъ сочиненій для двѣнадцатилѣтняго возраста, какъ будто вдругъ испугалась. Я догадалась въ чемъ дѣло, и слѣдила за нею внимательно. Цѣлыя двѣ недѣли она какъ будто приготовляла меня, испытывала меня, разузнавала степень моего развитія и степень моихъ потребностей. Наконецъ, она рѣшилась начать, и на столѣ нашемъ явился „Ивангое" Вальтеръ-Скотта, котораго я уже давно прочитала, и по крайней мѣрѣ раза три. Сначала она, съ робкимъ ожиданіемъ, слѣдила за моими впечатлѣніями, какъ будто взвѣшивала ихъ, словно боялась за нихъ; наконецъ, эта натянутость между нами, которая была мнѣ слишкомъ примѣтна, исчезла; мы воспламенились обѣ, и я такъ рада, такъ рада была, что могла уже передъ ней не скрываться! Когда мы кончили романъ, она была отъ меня въ восторгѣ. Каждое замѣчаніе мое, во время нашего чтенія, было вѣрно, каждое впечатлѣніе правильно. Въ глазахъ ея я уже развилась слишкомъ далеко. Пораженная этимъ, въ восторгѣ отъ меня, она радостно принялась было опять слѣдить за моимъ воспитаніемъ,—она ужъ болѣе не хотѣла разлучаться со мной; но это было не въ ея волѣ. Судьба скоро опять разлучила насъ и помѣшала нашему сближенію. Для этого достаточно было перваго припадка болѣзни, припадка ея всегдашняго горя, а за-

тѣмъ опять отчужденія, тайны, недовѣрчивости и, можетъ быть, даже ожесточенія.

Но и въ такое время иногда минута была внѣ нашей власти. Чтеніе, нѣсколько симпатичныхъ словъ, перемолвленныхъ между нами, музыка—и мы забывались, высказывались, высказывались иногда черезъ мѣру, и послѣ того намъ становилось тяжело другъ передъ другомъ. Одумавшись, мы смотрѣли другъ на друга, какъ испуганныя, съ подозрительнымъ любопытствомъ и съ недовѣрчивостью. У каждой изъ насъ былъ свой предѣлъ, до котораго могло идти наше сближеніе; за него мы переступить не смѣли, хотя бы и хотѣли.

Однажды вечеромъ, передъ сумерками, я разсѣянно читала книгу въ кабинетѣ Александры Михайловны. Она сидѣла за фортепіано, импровизируя на тему одного любимѣйшаго ею мотива итальянской музыки. Когда она перешла, наконецъ, въ чистую мелодію аріи, я, увлекшись музыкою, которая проникла мнѣ въ сердце, начала робко, вполголоса, напѣвать этотъ мотивъ про себя. Скоро увлекшись совсѣмъ, я встала съ мѣста и подошла къ фортепіано; Александра Михайловна, какъ бы угадавъ меня, перешла въ аккомпаниментъ и съ любовью слѣдила за каждой нотой моего голоса. Казалось, она была поражена богатствомъ его. До сихъ поръ я никогда при ней не пѣла, да и сама едва знала, есть-ли у меня какія-нибудь средства. Теперь мы вдругъ одушевились обѣ. Я все болѣе и болѣе возвышала голосъ; во мнѣ возбуждалась энергія, страсть, разжигаемая еще болѣе радостнымъ изумленіемъ Александры Михайловны, которое я угадывала въ каждомъ тактѣ ея аккомпанимента. Наконецъ, пѣніе кончилось такъ удачно, съ такимъ одушевленіемъ, съ такою силою, что она въ восторгѣ схватила мои руки и радостно взглянула на меня.

— Аннета! Да у тебя чудный голосъ, сказала она.— Боже мой! Какъ же это я не замѣтила!

— Я сама только сейчасъ замѣтила, отвѣчала я внѣ себя отъ радости.

— Да благословитъ же тебя Богъ, мое милое, безцѣнное дитя! Благодари Его за этотъ даръ. Кто знаетъ... Ахъ, Боже мой, Боже мой!

Она была такъ растрогана неожиданностью, въ такомъ наступленіи отъ радости, что не знала, что мнѣ сказать, какъ приголубить меня. Это была одна изъ тѣхъ минутъ

откровенія, взаимной симпатіи, сближенія, которыхъ уже давно не было съ нами. Черезъ часъ какъ будто праздникъ пересталъ къ домѣ. Немедленно послали за Б. Въ ожиданіи его, мы наудачу раскрыли другую музыку, которая мнѣ была знакомѣе, и начали новую арію. Въ этотъ разъ я дрожала отъ робости. Мнѣ не хотѣлось неудачей разрушить первое впечатлѣніе. Но скоро мой же голосъ ободрилъ и поддержалъ меня. Я сама все болѣе и болѣе изумлялась его силѣ, и въ этотъ вторичный опытъ разсѣяно было всякое сомнѣніе. Въ припадкѣ своей нетерпѣливой радости, Александра Михайловна послала за дѣтьми, даже за нянею дѣтей своихъ, и, наконецъ, увлекшись совсѣмъ, пошла къ мужу и вызвала его изъ кабинета, о чемъ въ другое время едва бы помыслить осмѣлилась. Петръ Александровичъ выслушалъ новость благосклонно, похвалилъ меня, и самъ первый объявилъ, что нужно меня учить. Александра Михайловна, счастливая отъ благодарности, какъ будто Богъ знаетъ что для нея было сдѣлано, бросилась цѣловать его руки. Наконецъ, явился Б. Старикъ былъ обрадованъ. Онъ меня очень любилъ, вспоминалъ о моемъ отцѣ, о прошедшемъ, и когда я спѣла передъ ними два-три раза, онъ съ серьезнымъ, съ озабоченнымъ видомъ, даже съ какою-то таинственностью, объявилъ, что средства есть несомнѣнныя, можетъ быть, даже и таланъ, и что не учить меня невозможно. Потомъ тутъ же, какъ бы одумавшись, они оба положили съ Александрой Михайловной, что опасно слишкомъ захваливать меня въ самомъ началѣ, и я замѣтила, какъ тутъ же они перемигнулись и сговорились украдкой, такъ что весь ихъ заговоръ противъ меня вышелъ очень наивенъ и неловокъ. Я смѣялась про себя цѣлый вечеръ, видя, какъ потомъ, послѣ новаго пѣнія, они старались удерживаться, и даже нарочно замѣчать вслухъ мои недостатки. Но они крѣпились недолго, и первый же измѣнилъ себѣ Б., сказа расчувствовавшись отъ радости. Я никогда не подозрѣвала, чтобъ онъ такъ любилъ меня. Во весь вечеръ шелъ самый дружескій, самый теплый разговоръ.—Б. разсказалъ нѣсколько біографій извѣстныхъ пѣвцовъ и артистовъ, и разсказывалъ съ восторгомъ художника, съ благоговѣніемъ, растроганный. Затѣмъ, коснувшись отца моего, разговоръ перешелъ на меня, на мое дѣтство, на князя, на все семейство князя, о которомъ я такъ мало слышала съ самой разлуки. Но Але-

ксандра Михайловна и сама не много знала о немъ. Всего болѣе зналъ Б., потому что не разъ ѣздилъ въ Москву. Но здѣсь разговоръ принялъ какое-то таинственное, загадочное для меня направленіе, и два-три обстоятельства, въ особенности касавшіяся князя, были для меня непонятны. Александра Михайловна заговорила о Катѣ, но Б. ничего не могъ сказать о ней особеннаго, и тоже какъ будто съ намѣреніемъ желалъ умолчать о ней. Это поразило меня. Я не только не позабыла Кати, не только не замолкла во мнѣ моя прежняя любовь къ ней, но даже напротивъ, я и не подумала ни разу, что въ Катѣ могла быть какая-нибудь перемѣна. Отъ вниманія моего ускользнули доселѣ и разлука, и эти долгіе годы, прожитые розно, въ которые мы не подали другъ другу никакой вѣсти о себѣ, и разность воспитанія, и разность характеровъ нашихъ. Наконецъ, Катя мысленно никогда не покидала меня: она какъ будто все еще жила со мною: особенно во всѣхъ моихъ мечтахъ, во всѣхъ моихъ романахъ и фантастическихъ приключеніяхъ, мы всегда шли вмѣстѣ съ ней рука въ руку. Вообразивъ себя героинней каждаго прочитаннаго мною романа, я тотчасъ же помѣщала возлѣ себя свою подругу-княжну и раздвоивала романъ на двѣ части, изъ которыхъ одна, конечно, была создана мною, хотя я обкрадывала безпощадно моихъ любимыхъ авторовъ. Наконецъ, въ нашемъ семейномъ совѣтѣ положено было пригласить мнѣ учителя пѣнія.— Б. рекомендовалъ извѣстнѣйшаго и наилучшаго. На другой же день къ намъ пріѣхалъ итальянецъ Д., выслушалъ меня, повторилъ мнѣніе Б., своего пріятеля, но тутъ же объявилъ, что мнѣ будетъ гораздо болѣе пользы ходить учиться къ нему, вмѣстѣ съ другими его учениками, что тутъ помогутъ развитію моего голоса и соревнованіе, и переимчивость, и богатство всѣхъ средствъ, которыя будутъ у меня подъ руками. Александра Михайловна согласилась, и съ этихъ поръ я ровно по три раза въ недѣлю отправлялась по утрамъ, въ восемь часовъ, въ сопровожденіи служанки, въ консерваторію.

Теперь я разскажу одно странное приключеніе, имѣвшее на меня слишкомъ сильное вліяніе и рѣзкимъ переломомъ начавшее во мнѣ новый возрастъ. Мнѣ минуло тогда шестнадцать лѣтъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ душѣ моей вдругъ настала какая-то непонятная апатія; какое-то нестерпимое, тоскливое затишье, непонятное мнѣ самой, по-

сѣтило меня. Всѣ мои грёзы, всѣ мои порывы вдругъ умолкли, даже самая мечтательность исчезла какъ бы отъ безсилія. Холодное равнодушіе замѣнило мѣсто прежняго, неопытнаго душевнаго жара. Даже дарованіе мое, принятое всѣми, кого я любила съ такимъ восторгомъ, лишилось моей симпатіи, и я безчувственно пренебрегала имъ. Ничто не развлекало меня, до того, что даже къ Александрѣ Михайловнѣ я чувствовала какое-то холодное равнодушіе, въ которомъ сама себя обвиняла, потому что не могла не сознаться въ томъ. Моя апатія прерывалась безотчетною грустью, внезапными слезами. Я искала успокоенія. Въ эту странную минуту, странный случай потрясъ до основанія всю мою душу и обратилъ это затишье въ настоящую бурю. Сердце мое было уязвлено. Вотъ какъ это случилось.

VII.

Я вошла въ библіотеку (это будетъ навсегда памятная для меня минута) и взяла романъ Вальтеръ-Скотта „Сен-Ронанскія воды“, единственный, который еще не прочитала. Помню, что язвительная, безпредметная тоска терзала меня какъ будто какимъ-то предчувствіемъ. Мнѣ хотѣлось плакать. Въ комнатѣ было ярко, свѣтло отъ послѣднихъ, косыхъ лучей заходящаго солнца, которые густо лились въ высокія окна, на сверкающій паркетъ пола: было тихо; кругомъ, въ сосѣднихъ комнатахъ, тоже не было ни души. Петра Александровича не было дома, а Александра Михайловна была больна и лежала въ постели. Я, дѣйствительно, плакала и, раскрывъ вторую часть, безпредметно перелистывала ее, стараясь отыскать какой-нибудь смыслъ въ отрывочныхъ фразахъ, мелькавшихъ у меня передъ глазами. Я какъ будто гадала, какъ гадаютъ, раскрывая книгу на-удачу. Бываютъ такія минуты, когда всѣ умственныя и душевныя силы, болѣзненно напрягаясь, какъ бы вдругъ вспыхнутъ яркимъ пламенемъ сознанія, и въ это мгновеніе что-то пророческое снится потрясенной душѣ, какъ бы томящейся предчувствіемъ будущаго, предвкушающей его. И такъ хочется жить, такъ просится жить весь вашъ составъ, и, воспламеняясь самой горячей, самой слѣпой надеждой, сердце какъ будто вызываетъ будущее, со всей его тайной, со всей неизвѣстностью, хотя бы съ бурями, съ грозами, но только бы съ жизнію. Моя минута именно была такова.

Припоминаю, что я именно закрыла книгу, чтобъ потомъ раскрыть на-удачу и, загадавъ о моемъ будущемъ, прочесть выпавшую мнѣ страницу. Но, раскрывъ ее, я увидѣла исписанный листъ почтовой бумаги, сложенный вчетверо и такъ приплюснутый, такъ слежавшійся, какъ будто уже онъ нѣсколько лѣтъ былъ заложенъ въ книгу и забытъ въ ней. Съ крайнимъ любопытствомъ начала я осматривать свою находку. Это было письмо, безъ адреса, съ подписью двухъ начальныхъ буквъ С. О. Мое вниманіе удвоилось, я развернула чуть не слипшуюся бумагу, которая, отъ долгаго лежанія между страницами, оставила на нихъ во весь размѣръ свой свѣтлое мѣсто. Складки письма были истерты, выношены: видно было, что когда-то его часто перечитывали, берегли какъ драгоцѣнность. Чернила посинѣли, выцвѣли,—ужъ слишкомъ давно какъ оно написано! Нѣсколько словъ бросилось мнѣ случайно въ глаза, и сердце мое забилось отъ ожиданія. Я въ смущеніи вертѣла письмо въ рукахъ, какъ бы нарочно отдаляя отъ себя минуту чтенія. Случайно я поднесла его къ свѣту: да! капли слезъ засохли на этихъ строчкахъ; пятна оставались на бумагѣ; кое-гдѣ цѣлыя буквы были смыты слезами. Чьи это слезы? Наконецъ, замирая отъ ожиданія, я прочла половину первой страницы, и крикъ изумленія вырвался изъ груди моей. Я заперла шкафъ, поставила книгу на мѣсто и, спрятавъ письмо подъ косынку, побѣжала къ себѣ, заперлась и начала перечитывать опять сначала. Но сердце мое такъ колотилось, что слова и буквы мелькали и прыгали передъ глазами моими. Долгое время я ничего не понимала. Въ письмѣ было открытіе, начало тайны; оно поразило меня какъ молнія, потому что я узнала, къ кому оно было писано. Я знала, что я почти преступленіе сдѣлаю, прочитавъ это письмо; но минута была сильнѣе меня! Письмо было къ Александрѣ Михайловнѣ.

Вотъ это письмо; я привожу его здѣсь. Смутно поняла я, что въ немъ было, и потомъ долго не оставляли меня разгадка и тяжелая дума. Съ этой минуты какъ будто переломилась моя жизнь. Сердце мое было потрясено и возмущено надолго, почти навсегда, потому что много вызвало это письмо за собою. Я вѣрно загадала о будущемъ.

Это письмо было прощальное, послѣднее, страшное; когда я прочла его, то почувствовала такое болѣзненное

сжатіе сердца, какъ будто я сама все потеряла, какъ будто все навсегда отнялось отъ меня, даже мечты и надежды, какъ будто ничего болѣе не оставалось при мнѣ, кромѣ ненужной болѣе жизни. Кто же онъ, писавшій это письмо? Какова была потомъ его жизнь? Въ письмѣ было такъ много намековъ, такъ много данныхъ, что нельзя было ошибиться, такъ много и загадокъ, что нельзя было не потеряться въ предположеніяхъ. Но я почти не ошиблась; къ тому же, и слогъ письма, подсказывающій многое, подсказывалъ весь характеръ этой связи, отъ которой разорвались два сердца. Мысли, чувства писавшаго были наружу. Онѣ были слишкомъ особенны и, какъ я уже сказала, слишкомъ много подсказывали догадокъ. Но вотъ это письмо; выписываю его отъ слова до слова:

„Ты не забудешь меня, ты сказала—я вѣрю, и вотъ отнынѣ вся жизнь моя въ этихъ словахъ твоихъ. Намъ нужно разстаться, пробилъ нашъ часъ! Я давно это зналъ, моя тихая, моя грустная красавица, но только теперь понялъ. Во все *наше* время, во все время, какъ ты любила меня, у меня болѣло и ныло сердце за любовь нашу, и—повѣришь-ли?—теперь мнѣ легче! Я давно зналъ, что этому будетъ такой конецъ, и такъ было прежде насъ суждено! Это судьба! Выслушай меня, Александра: мы были *неровня;* я всегда, *всегда* это чувствовалъ! Я былъ недостоинъ тебя, и я, одинъ я, долженъ былъ нести наказаніе за прожитое счастье мое! Скажи, что я былъ передъ тобою, до той поры, какъ ты узнала меня? Боже! вотъ уже два года прошло, и я до сихъ поръ какъ будто безъ памяти; я до сихъ поръ не могу понять, что *ты меня* полюбила! Я не понимаю, какъ дошло у насъ до того, съ чего началось. Помнишь-ли, что я былъ въ сравненіи съ тобою? Достоинъ-ли я былъ тебя, чѣмъ я взялъ, чѣмъ я особенно былъ отличенъ! До тебя я былъ грубъ и простъ, видъ мой былъ унылъ и угрюмъ. Жизни другой я не желалъ, не помышлялъ о ней, не звалъ ее и призывать не хотѣлъ. Все во мнѣ было какъ-то придавлено, и я не зналъ ничего на свѣтѣ важнѣе моей обыденной, срочной работы. Одна забота была у меня—завтрашній день: да и къ тому я былъ равнодушенъ. Прежде, ужъ давно это было, мнѣ снилось что-то такое, и я мечталъ какъ глупецъ. Но съ тѣхъ поръ ушло много-много времени, и я сталъ жить одиноко, сурово, спокойно, даже и не чувствуя холода, который леденилъ мое сердце. И оно заснуло. Я вѣдь зналъ и рѣ-

шилъ, что для меня никогда не взойдетъ другого солнца, и вѣрилъ тому, и не роптalъ ни на что, потому что зналъ, что такъ *должно было быть*. Когда ты проходила мимо меня, вѣдь я не понималъ, что мнѣ можно смѣть поднять на тебя глаза. Я былъ какъ рабъ передъ тобою. Мое сердце не дрожало возлѣ тебя, не ныло, не вѣщало мнѣ про тебя: оно было покойно. Моя душа не узнавала твоей, хотя и свѣтло ей было возлѣ своей прекрасной сестры. Я это знаю; я глухо чувствовалъ это. Это я могъ чувствовать, затѣмъ, что и на послѣднюю былинку проливается свѣтъ Божіей денницы и пригрѣваетъ и нѣжитъ ее такъ же, какъ и роскошный цвѣтокъ, возлѣ котораго смиренно прозябаетъ она. Когда же я узналъ все, помнишь, послѣ того вечера, послѣ тѣхъ словъ, которыя потрясли до основанія душу мою.—я былъ ослѣпленъ, пораженъ, все во мнѣ помутилось, и—знаешь-ли?—я такъ былъ пораженъ, такъ не повѣрилъ себѣ, что не понялъ тебя! Про это я тебѣ никогда не говорилъ. Ты ничего не знала: не таковъ я былъ прежде, какимъ ты застала меня. Если бъ я могъ, если бъ я смѣлъ говорить, я бы давно во всемъ признался тебѣ. Но я молчалъ, а теперь все скажу, затѣмъ, чтобъ ты знала, кого теперь оставляешь, съ какимъ человѣкомъ разстаешься! Знаешь-ли, какъ я сначала понялъ тебя? Страсть, какъ огонь, охватила меня, какъ ядъ пролилась въ мою кровь; она смутила всѣ мои мысли и чувства, я былъ опьяненъ, я былъ какъ въ чаду и отвѣчалъ на чистую *сострадательную* любовь твою не какъ равный ровнѣ, не какъ достойный чистой любви твоей, а безъ сознанія, безъ сердца. Я не узналъ тебя. Я отвѣчалъ тебѣ какъ той, которая въ глазахъ моихъ *забылась до меня*, а не какъ той, которая хотѣла возвысить меня до себя. Знаешь-ли, въ чемъ я подозрѣвалъ тебя, что значило это: *забылась до меня?* Но нѣтъ, я не оскорблю тебя своимъ признаніемъ: одно скажу тебѣ: ты горько во мнѣ ошиблась! Никогда, никогда я не могъ до тебя возвыситься. Я могъ только недоступно созерцать тебя въ безпредѣльной любви своей. Страсть моя, возвышенная тобою, была не любовь,—любви я боялся; я не смѣлъ тебя полюбить; въ любви—взаимность, равенство, а ихъ я былъ недостоинъ... Я и не знаю, что было со мною! О! какъ мнѣ разсказать тебѣ это, какъ быть понятнымъ... Я не вѣрилъ сначала... О! помнишь-ли, когда утихло первое волненіе мое, когда прояснился мой взоръ, когда осталось

одно чистѣйшее, непорочное чувство, — тогда первымъ движеніемъ моимъ было удивленіе, смущеніе, страхъ, и — помнишь — какъ я вдругъ, рыдая, бросился къ ногамъ твоимъ? Помнишь-ли, какъ ты, смущенная, испуганная, со слезами спрашивала: что со мною? Я молчалъ, я не могъ отвѣчать тебѣ: но душа моя разрывалась на части: мое счастье давило меня какъ невыносимое бремя, и рыданія мои говорили во мнѣ: „за что мнѣ это? Чѣмъ я заслужилъ это? Чѣмъ я заслужилъ блаженство? Сестра моя, сестра моя!“ О! сколько разъ — ты не знала того — сколько разъ, украдкой, я цѣловалъ твое платье, украдкой, потому что я зналъ, что недостоинъ тебя, — и духъ во мнѣ занимался тогда, и сердце мое билось медленно и крѣпко, словно хотѣло остановиться и замереть навсегда. Когда я бралъ твою руку, я весь блѣднѣлъ и дрожалъ: ты смущала меня чистотою души твоей. О, я не умѣю высказать тебѣ всего, что́ накопилось въ душѣ моей, и что̀ такъ хочетъ высказаться? Знаешь-ли, что мнѣ тяжела, мучительна была поэтому твоя сострадательная, всегдашняя нѣжность ко мною. Когда ты поцѣловала меня (это случилось одинъ разъ, и я никогда того не забуду), — туманъ сталъ въ глазахъ моихъ, и весь духъ мой изныль во мгновеніе. Зачѣмъ я не умеръ въ эту минуту у ногъ твоихъ? Вотъ, я пишу тебѣ *ты* въ первый разъ, хотя ты давно мнѣ такъ приказала. Поймешь-ли ты, что̀ я хочу сказать? Я хочу тебѣ сказать *все*, и скажу это: да, ты много любишь меня, ты любила, какъ сестра любитъ брата: ты любила меня какъ свое созданіе, потому что воскресила мое сердце, разбудила мой умъ отъ усыпленія и влила мнѣ въ грудь сладкую надежду; я же не могъ, не смѣлъ: я никогда доселѣ не называлъ тебя сестрою моею, затѣмъ, что не могъ быть братомъ твоимъ, затѣмъ, что мы были неровня, затѣмъ, что ты во мнѣ обманулась!

„Но ты видишь, я все пишу о себѣ, даже теперь, въ эту минуту страшнаго бѣдствія, я только о себѣ думаю, хотя и знаю, что ты мучаешься за меня. О, не мучься за меня, другъ мой милый! Знаешь-ли, какъ я униженъ теперь въ собственныхъ глазахъ своихъ! Все это открылось, столько шуму пошло! Тебя за меня отвергнутъ, въ тебя бросятъ презрѣньемъ, насмѣшкой, потому что я такъ низко стою въ ихъ глазахъ! О, какъ я виновенъ, что былъ недостоинъ тебя! Хотя бы я имѣлъ важность, личную спѣсь въ ихъ мнѣніи, внушалъ больше уваженія на ихъ

глаза, они бы простили тебя! Но я низокъ, я ничтоженъ, я смѣшонъ, а ниже смѣшного ничего быть не можетъ. Вѣдь *кто* кричитъ? Вѣдь вотъ оттого, что *эти* уже стали кричать, я и упалъ духомъ; я всегда былъ слабъ. Знаешь-ли, въ какомъ я теперь положеніи: я самъ смѣюсь надъ собой и, мнѣ кажется, они правду говорятъ, потому что я даже и себѣ смѣшонъ и ненавистенъ. Я это чувствую; я ненавижу даже лицо, фигуру свою, всѣ привычки, всѣ неблагородныя ухватки свои; я ихъ всегда ненавидѣлъ! О, прости мнѣ мое грубое отчаяніе! Ты сама пріучила меня говорить тебѣ все. Я погубилъ тебя, я навлекъ на тебя злобу и смѣхъ, потому что я былъ тебя недостоинъ.

„И вотъ эта-то мысль меня мучаетъ; она стучитъ у меня въ головѣ безпрерывно, и терзаетъ и язвитъ мое сердце. И все кажется мнѣ, что ты любила не того человѣка, котораго думала во мнѣ найти, что ты обманулась во мнѣ. Вотъ что мнѣ больно, вотъ что теперь меня мучаетъ, и замучаетъ до смерти, или я съ ума сойду!

„Прощай же, прощай! Теперь, когда все открылось, когда раздались ихъ крики, ихъ пересуды (я слышалъ ихъ!), когда я умалился, унизился въ собственныхъ глазахъ своихъ, устыдясь за себя, устыдясь даже за тебя, за твой выборъ, когда я проклялъ себя, теперь мнѣ нужно бѣжать, исчезнуть для твоего покоя. Такъ требуютъ, и ты никогда, никогда меня не увидишь! Такъ нужно, такъ суждено! Мнѣ слишкомъ много было дано; судьба ошиблась; теперь она поправляетъ ошибку и все отнимаетъ назадъ. Мы сошлись, узнали другъ друга, и вотъ расходимся до другого свиданія! Гдѣ оно будетъ, когда оно будетъ? О, скажи мнѣ, родная моя, гдѣ мы встрѣтимся, гдѣ найти мнѣ тебя, какъ узнать мнѣ тебя, узнаешь-ли ты меня тогда? Вся душа моя полна тобою. О, за что же, за что это намъ? Зачѣмъ разстаемся мы? Научи—вѣдь я не понимаю, не пойму этого, никакъ не пойму—научи, какъ разорвать жизнь пополамъ, какъ вырвать сердце изъ груди и быть безъ него! О, какъ я вспомню, что болѣе никогда тебя не увижу, никогда, никогда!...

„Боже, какой они подняли крикъ! какъ мнѣ страшно теперь за тебя! Я только что встрѣтилъ твоего мужа: мы оба недостойны его, хотя оба безгрѣшны предъ нимъ. Ему все извѣстно; онъ насъ видитъ; онъ понимаетъ все, и прежде все ему было ясно какъ день. Онъ геройски сталъ за тебя; онъ спасетъ тебя; онъ защититъ тебя отъ

этихъ пересудовъ и криковъ; онъ любитъ и уважаетъ тебя безпредѣльно; онъ твой спаситель, тогда какъ я бѣгу!.. Я бросился къ нему, я хотѣлъ цѣловать его руку!.. Онъ сказалъ мнѣ, чтобъ я ѣхалъ немедленно. Рѣшено! Говорятъ, что онъ поссорился изъ-за тебя съ ними со всѣми: тамъ всѣ противъ тебя! Его упрекаютъ въ потворствѣ и слабости. Боже мой! Что тамъ еще говорятъ о тебѣ! Они не знаютъ, они *не могутъ, не въ силахъ понять!* Прости, прости имъ, бѣдная моя, какъ я имъ прощаю; а они взяли у меня больше, чѣмъ у тебя!

„Я не помню себя, я не знаю, что пишу тебѣ. О чемъ я говорилъ тебѣ вчера при прощаньи? Я вѣдь все позабылъ. Я былъ внѣ себя, ты плакала... Прости мнѣ эти слезы! Я такъ слабъ, такъ малодушенъ!

„Мнѣ еще что-то хотѣлось сказать тебѣ... Охъ! Еще бы только разъ облить твои руки слезами, какъ теперь я обливаю слезами письмо мое! Еще бы разъ быть у ногъ твоихъ! Если бъ *они* только знали, какъ прекрасно было твое чувство! Но они слѣпы: ихъ сердца горды и надменны; они не видятъ и во вѣкъ не увидятъ того. Имъ *нечѣмъ* увидѣть! Они не повѣрятъ, что ты невинна, даже передъ ихъ судомъ, хотя бы все на землѣ имъ въ томъ поклялось. Имъ-ли это понять! Какъ же камень поднимутъ они на тебя? Чья первая рука поднимете его? О, они не смутятся, они поднимутъ тысячи камней! Они осмѣлятся поцѣнять ихъ, затѣмъ, что знаютъ, какъ это сдѣлать. Они поднимутъ всѣ разомъ и скажутъ, что они сами безгрѣшны, и грѣхъ возьмутъ на себя! О, если бъ знали они, что дѣлаютъ! Если бъ только можно было разсказать имъ все, безъ утайки, чтобъ видѣли, слышали, поняли и увѣрились! Но нѣтъ, они не такъ злы... Я теперь въ отчаяніи, я, можетъ-быть, клевещу на нихъ! Я, можетъ-быть, пугаю тебя своимъ страхомъ! Не бойся, не бойся ихъ, родная моя! Тебя поймутъ; наконецъ, тебя уже понялъ одинъ: надѣйся.—это мужъ твой!

„Прощай, прощай! *Я не благодарю тебя!* Прощай навсегда.

„*С. О.*“

Смущеніе мое было такъ велико, что я долгое время не могла понять, что со мной сдѣлалось. Я была потрясена и испугана. Дѣйствительность поразила меня врасплохъ, среди легкой жизни мечтаній, въ которыхъ я провела ужъ три года. Я со страхомъ чувствовала, что въ

рукахъ моихъ большая тайна, и что эта тайна ужъ связываетъ все существованіе мое... Какъ? Я еще и сама не знала того. Я чувствовала, что только съ этой минуты для меня начинается новая будущность. Теперь я невольно стала слишкомъ близкой участницей въ жизни и въ отношеніяхъ тѣхъ людей, которые доселѣ заключали весь міръ меня окружавшій, и я боялась за себя. Чѣмъ войду я въ ихъ жизнь, я, непрошенная, я, чужая имъ? Что принесу я имъ? Чѣмъ разрѣшатся эти путы, которыя такъ внезапно приковали меня къ чужой тайнѣ? Почемъ знать? Можетъ-быть, новая роль моя будетъ мучительна и для меня, и для нихъ. Я же не могла молчать, не принять этой роли и безвыходно заключить то, что узнала, въ сердцѣ моемъ. Но какъ и что будетъ со мною? Что сдѣлаю я? И что такое, наконецъ, я узнала? Тысячи вопросовъ, еще смутныхъ, еще неясныхъ, вставали предо мною и уже нестерпимо тѣснили мнѣ сердце. Я была какъ потерянная.

Потомъ, помню, приходили другія минуты, съ новыми, странными, доселѣ неиспытанными мною впечатлѣніями. Я чувствовала, какъ будто что-то разрѣшилось въ груди моей, что прежняя тоска вдругъ разомъ отпала отъ сердца и что-то новое начало наполнять его, что-то такое, о чемъ я не знала еще—горевать-ли о немъ, или радоваться ему. Настоящее мгновеніе мое похоже было на то, когда человѣкъ покидаетъ навсегда свой домъ, жизнь доселѣ покойную, безмятежную, для далекаго невѣдомаго пути и въ послѣдній разъ оглядывается кругомъ себя, мысленно прощаясь со своимъ прошедшимъ, а между тѣмъ горько сердцу отъ тоскливаго предчувствія всего неизвѣстнаго будущаго, можетъ-быть, суроваго, враждебнаго, которое ждетъ его на новой дорогѣ. Наконецъ, судорожныя рыданія вырвались изъ груди моей и болѣзненнымъ припадкомъ разрѣшили мое сердце. Мнѣ нужно было видѣть, слышать кого-нибудь, обнять крѣпче-крѣпче. Я ужъ не могла, не хотѣла теперь оставаться одна; я бросилась къ Александрѣ Михайловнѣ и провела съ ней весь вечеръ. Мы были одни. Я просила ее не играть и отказалась пѣть, несмотря на просьбы ея. Все мнѣ стало вдругъ тяжело, и ни на чемъ я не могла остановиться. Кажется, мы съ ней плакали. Помню только, что я ее совсѣмъ перепугала. Она уговаривала меня успокоиться, не тревожиться. Она со страхомъ слѣдила за мной, увѣряя меня,

что я больна, и что я не берегу себя. Наконецъ, я ушла отъ нея, вся измученная, истерзанная; и была словно въ бреду, и легла въ постель въ лихорадкѣ.

Прошло нѣсколько дней, пока я могла придти въ себя и яснѣе осмыслить свое положеніе. Въ это время мы обѣ, я и Александра Михайловна, жили въ полномъ уединеніи. Петра Александровича не было въ Петербургѣ. Онъ поѣхалъ за какими-то дѣлами въ Москву и пробылъ тамъ три недѣли. Несмотря на короткій срокъ разлуки, Александра Михайловна впала въ ужасную тоску. Порой она становилась покойнѣе, но затворялась одна, такъ что и я была ей въ тягость. Къ тому же, я сама искала уединенія. Голова моя работала въ какомъ-то болѣзненномъ напряженіи: я была какъ въ чаду. Порой на меня находили часы долгой, мучительно-безотвязной думы; мнѣ снилось тогда, что кто-то словно смѣется надо мной потихоньку, какъ будто что-то такое поселилось во мнѣ, что смущаетъ и отравляетъ каждую мысль мою. И не могла отвязаться отъ мучительныхъ образовъ, являвшихся передо мной поминутно и не дававшихъ мнѣ покоя. Мнѣ представлялось долгое, безвыходное страданіе, мученичество, жертва, приносимая покорно, безропотно и напрасно. Мнѣ казалось, что тотъ, кому принесена эта жертва, презираетъ ее и смѣется надъ ней. Мнѣ казалось, что я видѣла преступника, который прощаетъ грѣхи праведнику, и мое сердце разрывалось на части! Въ то же время мнѣ хотѣлось всѣми силами отвязаться отъ моего подозрѣнія; я проклинала его, я ненавидѣла себя за то, что всѣ мои убѣжденія были не убѣжденія, а только предчувствія, за то, что я не могла оправдать своихъ впечатлѣній сама предъ собою.

Потомъ перебирала я въ умѣ эти фразы, эти послѣдніе крики страшнаго прощанія. И представляла себѣ этого человѣка—*неровню*: я старалась угадать весь мучительный смыслъ этого слова: „неровня". Мучительно поражало меня это отчаянное прощанье: „я смѣшонъ, и самъ стыжусь за твой выборъ". Что это было? Какіе это люди? О чемъ они тоскуютъ, о чемъ мучаются, что потеряли они? Преодолѣвъ себя, я напряженно перечитывала опять это письмо, въ которомъ было столько терзающаго душу отчаянія, но смыслъ котораго былъ такъ страненъ, такъ неразрѣшимъ для меня. Но письмо выпало изъ рукъ моихъ, и мятежное волненіе все болѣе и болѣе охватывало мое

сердце... Наконецъ, все это должно же было чѣмъ-нибудь разрѣшиться, а я не видала выхода, или боялась его!

Я была почти совсѣмъ больна, когда въ одинъ день на нашемъ дворѣ загремѣлъ экипажъ Петра Александровича, воротившагося изъ Москвы. Александра Михайловна съ радостнымъ крикомъ бросилась навстрѣчу мужа, но я остановилась на мѣстѣ, какъ прикованная. Помню, что я сама была поражена до испуга внезапнымъ волненіемъ своимъ. Я не выдержала и бросилась къ себѣ въ комнату. Я не понимала, чего я такъ вдругъ испугалась, но боялась за этотъ испугъ. Черезъ четверть часа меня позвали и передали мнѣ письмо отъ князя. Въ гостиной я встрѣтила какого-то незнакомаго, который пріѣхалъ съ Петромъ Александровичемъ изъ Москвы и, по нѣкоторымъ словамъ, удержаннымъ мною, я узнала, что онъ располагается у насъ на долгое житье. Это былъ уполномоченный князя, пріѣхавшій въ Петербургъ хлопотать по какимъ-то важнымъ дѣламъ княжескаго семейства, уже давно находившимся въ завѣдываніи Петра Александровича. Онъ подалъ мнѣ письмо отъ князя и прибавилъ, что княжна тоже хотѣла писать ко мнѣ, до послѣдней минуты увѣряла, что письмо будетъ непремѣнно написано, но отпустила его съ пустыми руками и съ просьбою передать мнѣ, что писать ей ко мнѣ рѣшительно нечего, что въ письмѣ ничего не напишешь, что она испортила пѣлыхъ пять листовъ и потомъ изорвала все въ клочки, что, наконецъ, нужно вновь подружиться, чтобъ писать другъ къ другу. Затѣмъ она поручила увѣрить меня въ скоромъ свиданіи съ нею. Незнакомый господинъ отвѣчалъ на нетерпѣливый вопросъ мой, что вѣсть о скоромъ свиданіи дѣйствительно справедлива, и что все семейство очень скоро собирается прибыть въ Петербургъ. При этомъ извѣстіи я не знала, какъ быть отъ радости, поскорѣе ушла въ свою комнату, заперлась въ ней и, обливаясь слезами, раскрыла письмо князя. Князь обѣщалъ мнѣ скорое свиданіе съ нимъ и съ Катей, и съ глубокимъ чувствомъ поздравлялъ меня съ моимъ талантомъ; наконецъ, онъ благословлялъ меня на мое будущее и обѣщался устроить его. Я плакала, читая это письмо: но къ сладкимъ слезамъ моимъ примѣшивалась такая невыносимая грусть, что, помню, я за себя пугалась; я сама не знала, что со мной дѣлается.

Прошло нѣсколько дней. Въ комнатѣ, которая была рядомъ съ моей, гдѣ прежде помѣщался письмоводитель

Петра Александровича, работалъ теперь каждое утро, и часто по вечерамъ за полночь, новый пріѣзжій. Часто они запирались въ кабинетѣ Петра Александровича и работали вмѣстѣ. Однажды послѣ обѣда, Александра Михайловна попросила меня сходить въ кабинетъ мужа и спросить его, будетъ-ли онъ съ нами пить чай. Не найдя никого въ кабинетѣ и полагая, что Петръ Александровичъ скоро войдетъ, я остановилась ждать. На стѣнѣ висѣлъ его портретъ. Помню, что я вдругъ вздрогнула, увидавъ этотъ портретъ, и съ непонятнымъ мнѣ самой волненіемъ начала пристально его разсматривать. Онъ висѣлъ довольно высоко; къ тому же было довольно темно, и я, чтобъ удобнѣе разсматривать, придвинула стулъ и стала на него. Мнѣ хотѣлось что-то сыскать, какъ будто я надѣялась найти разрѣшеніе сомнѣній моихъ, и, помню, прежде всего меня поразили глаза портрета. Меня поразило тутъ же, что я почти никогда не видала глазъ этого человѣка: онъ всегда пряталъ ихъ подъ очки.

Я еще въ дѣтствѣ не любила его взгляда, по непонятному, страннаго предубѣжденію, но какъ будто это предубѣжденіе теперь оправдалось. Воображеніе мое было настроено. Мнѣ вдругъ показалось, что глаза портрета съ смущеніемъ отворачиваются отъ моего пронзительнаго, испытующаго взгляда, что они силятся избѣгнуть его, что ложь и обманъ въ этихъ глазахъ; мнѣ показалось, что я угадала, и, не понимаю, какая тайная радость откликнулась во мнѣ на мою догадку. Легкій крикъ вырвался изъ груди моей. Въ это время я услышала сзади меня шорохъ. Я оглянулась: передо мной стоялъ Петръ Александровичъ и внимательно смотрѣлъ на меня. Мнѣ показалось, что онъ вдругъ покраснѣлъ. Я вспыхнула и соскочила со стула.

— Что вы тутъ дѣлаете? спросилъ онъ строгимъ голосомъ.—Зачѣмъ вы здѣсь?

Я не знала что отвѣчать. Немного оправившись, я передала ему кое-какъ приглашеніе Александры Михайловны. Не помню, что онъ отвѣчалъ мнѣ, не помню, какъ я вышла изъ кабинета: но придя къ Александрѣ Михайловнѣ, я совершенно забыла отвѣтъ, котораго она ожидала, и наугадъ сказала, что будетъ.

— Но что съ тобой, Нѣточка? спросила она,—ты вся раскраснѣлась; посмотри на себя. Что съ тобой?

— Я не знаю... я скоро шла... отвѣчала я.

— Тебѣ что же сказалъ Петръ Александровичъ? перебила она съ смущеніемъ.

Я не отвѣчала. Въ это время послышались шаги Петра Александровича, и я тотчасъ же вышла изъ комнаты. Я ждала цѣлые два часа въ большой тоскѣ. Наконецъ, пришли звать меня къ Александрѣ Михайловнѣ. Александра Михайловна была молчалива и озабочена. Когда я вошла, она быстро и пытливо посмотрѣла на меня, но тотчасъ же опустила глаза. Мнѣ показалось, что какое-то смущеніе отразилось на лицѣ ея. Скоро я замѣтила, что она была въ дурномъ расположеніи духа, говорила мало, на меня не глядѣла совсѣмъ, и въ отвѣтъ на заботливые вопросы Б., жаловалась на головную боль. Петръ Александровичъ былъ разговорчивѣе всегдашняго, но говорилъ только съ Б.

Александра Михайловна разсѣянно подошла къ фортепьяно.

— Спойте намъ что-нибудь, сказалъ Б., обращаясь ко мнѣ.

— Да, Аннета, спой твою новую арію, подхватила Александра Михайловна, какъ будто обрадовавшись предлогу.

Я взглянула на нее; она смотрѣла на меня въ безпокойномъ ожиданіи.

Но я не умѣла преодолѣть себя. Вмѣсто того, чтобъ подойти къ фортепьяно и пропѣть хоть какъ-нибудь, я смутилась, запуталась, не знала, какъ отговориться; наконецъ, досада одолѣла меня, и я отказалась наотрѣзъ.

— Отчего же ты не хочешь пѣть? сказала Александра Михайловна, значительно взглянувъ на меня и въ то же время мимолетомъ на мужа.

Эти два взгляда вывели меня изъ терпѣнія. Я встала изъ-за стола въ крайнемъ замѣшательствѣ, но уже не скрывая его и дрожа отъ какого-то нетерпѣливаго и досаднаго ощущенія, повторила съ горячностью, что не хочу, не могу, нездорова. Говоря это, я глядѣла всѣмъ въ глаза, но Богъ знаетъ, какъ бы желала быть въ своей комнатѣ въ ту минуту и затаиться отъ всѣхъ.

Б. былъ удивленъ, Александра Михайловна была въ примѣтной тоскѣ и не говорила ни слова. Но Петръ Александровичъ вдругъ всталъ со стула и сказалъ, что онъ забылъ одно дѣло, и, повидимому въ досадѣ, что упустилъ нужное время, поспѣшно вышелъ изъ комнаты, предувѣдомивъ, что, можетъ-быть, зайдетъ позже, а, впрочемъ, на всякій случай, пожалъ руку Б., въ знакъ прощанія.

— Что съ вами, наконецъ, такое? спросилъ Б., — не лицу вы въ самомъ дѣлѣ больны.

— Да, я нездорова, очень нездорова, отвѣчала я съ нетерпѣніемъ.

— Дѣйствительно, ты блѣдна, а давеча была такая красная, замѣтила Александра Михайловна, и вдругъ остановилась.

— Полноте! сказала я, прямо подходя къ ней и пристально посмотрѣвъ ей въ глаза. Бѣдная не выдержала моего взгляда, опустила глаза, какъ виноватая, и легкая краска облила ея блѣдныя щеки. Я взяла ея руку и поцѣловала ее. Александра Михайловна посмотрѣла на меня съ притворною, наивною радостію. — Простите меня, что я была такой злой, такой дурной ребенокъ сегодня, сказала я ей съ чувствомъ;—но, право, я больна. Не сердитесь же и отпустите меня...

— Мы всѣ дѣти, сказала она съ робкой улыбкой,—да и я ребенокъ, хуже, гораздо хуже тебя, прибавила она мнѣ на ухо.—Прощай, будь здорова. Только, ради Бога, не сердись на меня.

— За что? спросила я, такъ поразило меня такое наивное признаніе.

— За что? повторила она въ ужасномъ смущеніи, даже какъ будто испугавшись за себя. — За что? Ну, видишь, какая я, Нѣточка. Что это я тебѣ сказала? Прощай! Ты умнѣе меня... А я хуже, чѣмъ ребенокъ.

— Ну, довольно, отвѣчала я, вся растроганная, не зная, что ей сказать. Поцѣловавъ ее еще разъ, я поспѣшно вышла изъ комнаты.

Мнѣ было ужасно досадно и грустно. Къ тому же я злилась на себя, чувствуя, что я неосторожна и не умѣю вести себя. Мнѣ было чего-то стыдно до слезъ, и я заснула въ глубокой тоскѣ. Когда же я проснулась на утро, первою мыслью моею было, что весь вчерашній вечеръ—чистый призракъ, миражъ, что мы только мистифировали другъ друга, заторопились, дали видъ цѣлаго приключенія пустякамъ, и что все произошло отъ неопытности, отъ непривычки нашей принимать внѣшнія впечатлѣнія. Я чувствовала, что всему виновато это письмо, что оно меня слишкомъ безпокоитъ, что воображеніе мое разстроено, и рѣшила, что лучше я впередъ не буду ни о чемъ думать. Разрѣшивъ такъ необыкновенно легко всю тоску свою, и въ полномъ убѣжденіи, что я такъ же легко и исполню, что порѣшила, я стала спокойнѣе и отправи-

лась на урокъ пѣнія, совсѣмъ развеселившись. Утренній воздухъ окончательно освѣжилъ мою голову. Я очень любила свои утреннія путешествія къ моему учителю. Такъ весело было проходить городъ, который къ девятому часу уже совсѣмъ оживлялся и заботливо начиналъ обыденную жизнь. Мы обыкновенно проходили по самымъ живучимъ, по самымъ кропотливымъ улицамъ, и мнѣ такъ нравилась такая обстановка начала моей артистической жизни, контрастъ между этой повседневной мелочью, маленькой, но живой заботой и искусствомъ, которое ожидало меня въ двухъ шагахъ отъ этой жизни, въ третьемъ этажѣ огромнаго дома, набитаго сверху до низу жильцами, которымъ, какъ мнѣ казалось, ровно нѣтъ никакого дѣла ни до какого искусства. Я между этими дѣловыми, сердитыми прохожими, съ тетрадью нотъ подъ мышкой; старуха Наталья, провожавшая меня и каждый разъ задававшая мнѣ, себѣ невѣдомо, разрѣшить задачу: о чемъ она всего болѣе думаетъ?—наконецъ, мой учитель, полу-итальянецъ, полу-французъ, чудакъ, минутами настоящій энтузіастъ, гораздо чаще педантъ и всего больше скряга, — все это развлекало меня, заставляло меня смѣяться или задумываться. Къ тому же я хоть и робко, но со страстной надеждой любила свое искусство, строила воздушные замки, выкраивала себѣ самое чудесное будущее, и нерѣдко, возвращаясь, была будто въ огнѣ отъ своихъ фантазій. Однимъ словомъ, въ эти часы я была почти счастлива.

Именно такая минута посѣтила меня и въ этотъ разъ, когда я, въ десять часовъ, воротилась съ урока домой. Я забыла про все и, помню, такъ радостно размечталась о чемъ-то. Но вдругъ, всходя на лѣстницу, я вздрогнула, какъ будто меня обожгли. Надо мной раздался голосъ Петра Александровича, который въ эту минуту сходилъ съ лѣстницы. Непріятное чувство, овладѣвшее мной, было такъ велико, воспоминаніе о вчерашнемъ такъ враждебно поразило меня, что я никакъ не могла скрыть своей тоски. Я слегка поклонилась ему, но, вѣроятно, лицо мое было такъ выразительно въ эту минуту, что онъ остановился передо мной въ удивленіи. Замѣтивъ движеніе его, я покраснѣла и быстро пошла наверхъ. Онъ пробормоталъ что-то мнѣ вслѣдъ и пошелъ своею дорогою.

Я готова была плакать съ досады, и не могла понять, что̀ это такое дѣлалось. Все утро я была сама не своя, и не знала, на что̀ рѣшиться, чтобъ кончить и раздѣ-

латься со всѣмъ поскорѣе. Тысячу разъ я давала себѣ слово быть благоразумнѣе, и тысячу разъ страхъ за себя овладѣвалъ мною. Я чувствовала, что ненавидѣла мужа Александры Михайловны, и въ то же время былъ въ отчаяніи за себя. Въ этотъ разъ, отъ безпрерывнаго волненія, я сдѣлалась нездоровой и уже никакъ не могла совладать съ собою. Мнѣ стало досадно на всѣхъ; я все утро просидѣла у себя, и даже не пошла къ Александрѣ Михайловнѣ. Она пришла сама. Взглянувъ на меня, она чуть не вскрикнула. Я была такъ блѣдна, что, посмотрѣвъ въ зеркало, сама себя испугалась. Александра Михайловна сидѣла со мною цѣлый часъ, ухаживая за мной, какъ за ребенкомъ.

Но мнѣ стало такъ грустно отъ ея вниманія, такъ тяжело отъ ея ласкъ, такъ мучительно было смотрѣть на нее, что я попросила, наконецъ, оставить меня одну. Она ушла въ большомъ безпокойствѣ за меня. Наконецъ, тоска моя разрѣшилась слезами и припадкомъ. Къ вечеру мнѣ сдѣлалось легче...

Легче, потому что я рѣшилась идти къ ней. Я рѣшилась броситься передъ ней на колѣни, отдать ей письмо, которое она потеряла, и признаться ей во всемъ: признаться во всѣхъ мученіяхъ, перенесенныхъ мною, во всѣхъ сомнѣніяхъ своихъ, обнять ее со всею безконечною любовью, которая пылала во мнѣ къ ней, къ моей страдалицѣ, сказать ей, что я дитя ея, другъ ея, что мое сердце передъ ней открыто, чтобъ она взглянула на него и увидѣла, сколько въ немъ самаго пламеннаго, самаго непоколебимаго чувства къ ней. Боже мой! Я знала, я чувствовала, что я послѣдняя, передъ которой она могла открыть свое сердце, но тѣмъ вѣрнѣе, казалось мнѣ, было спасеніе, тѣмъ могущественнѣе было бы слово мое... Хотя темно, неясно, но я понимала тоску ея, и сердце мое кипѣло негодованіемъ при мысли, что она можетъ краснѣть передо мною, передъ моимъ судомъ... Бѣдная, бѣдная моя, ты-ли та грѣшница? Вотъ что скажу я ей, заплакавъ у ногъ ея. Чувство справедливости возмутилось во мнѣ, я была въ исступленіи. Не знаю, что бы я сдѣлала, но уже потомъ только я опомнилась, когда неожиданный случай спасъ меня и ее отъ погибели, остановивъ меня почти на первомъ шагу. Ужасъ нашелъ на меня. Ея-ли замученному сердцу воскреснуть для надежды? Я бы однимъ ударомъ убила ее!

Вотъ что случилось: я уже была за двѣ комнаты до ея

кабинета, какъ изъ боковыхъ дверей вышелъ Петръ Александровичъ, и, не замѣтивъ меня, пошелъ передо мною. Онъ тоже шелъ къ ней. Я остановилась, какъ вкопанная; онъ былъ послѣдній человѣкъ, котораго я бы должна была встрѣтить въ такую минуту. Я было хотѣла уйти, но любопытство внезапно приковало меня къ мѣсту.

Онъ на минуту остановился передъ зеркаломъ, поправилъ волосы и, къ величайшему изумленію, я вдругъ услышала, что онъ напѣваетъ какую-то пѣсню. Мигомъ одно темное, далекое воспоминаніе дѣтства моего воскресло въ моей памяти. Чтобъ понятно было то странное ощущеніе, которое я почувствовала въ эту минуту, я разскажу это воспоминаніе. Еще въ первый годъ моего въ этомъ домѣ пребыванія, меня глубоко поразилъ одинъ случай, только теперь озарившій мое сознаніе, потому что только теперь, только въ эту минуту осмыслила я начало своей необъяснимой антипатіи къ этому человѣку! Я упоминала уже, что еще въ то время мнѣ всегда было при немъ тяжело. Я уже говорила, какое тоскливое впечатлѣніе производилъ на меня его нахмуренный, озабоченный видъ, выраженіе лица нерѣдко грустное и убитое; какъ тяжело мнѣ было послѣ тѣхъ часовъ, которые проводили мы вмѣстѣ за чайнымъ столикомъ Александры Михайловны, и, наконецъ, какая мучительная тоска надрывала сердце мое, когда мнѣ приходилось быть, раза два или три, чуть не свидѣтельницей тѣхъ угрюмыхъ, темныхъ сценъ, о которыхъ я уже упоминала въ началѣ. Случилось, что тогда я встрѣтилась съ нимъ такъ же, какъ и теперь, въ этой же комнатѣ, и въ этотъ же часъ, когда онъ, такъ же, какъ и я, шелъ къ Александрѣ Михайловнѣ. Я чувствовала чисто-дѣтскую робость, встрѣчаясь съ нимъ одна, и потому притаилась въ углу какъ виноватая, моля судьбу, чтобъ онъ меня не замѣтилъ. Точно такъ же, какъ теперь, онъ остановился передъ зеркаломъ, и я вздрогнула отъ какого-то неопредѣленнаго, недѣтскаго чувства. Мнѣ показалось, что онъ какъ будто передѣлываетъ свое лицо. По крайней мѣрѣ, я видѣла ясно улыбку на лицѣ его передъ тѣмъ, какъ онъ подходилъ къ зеркалу; я видѣла смѣхъ, чего прежде никогда отъ него не видала, потому что (помню, это всего болѣе поразило меня) онъ никогда не смѣялся передъ Александрой Михайловной. Вдругъ, едва только онъ успѣлъ взглянуть въ зеркало, лицо его совсѣмъ измѣнилось.

Улыбка исчезла какъ по приказу, и вмѣсто ея какое-то горькое чувство, какъ будто невольно, черезъ силу пробивавшееся изъ сердца, чувство, котораго не въ человѣческихъ силахъ было скрыть, несмотря ни на какое великодушное усиліе, искривило его губы, какая-то судорожная боль нагнала морщины на лобъ его и сдавила ему брови. Взглядъ мрачно спрятался подъ очки,—словомъ, онъ въ одинъ мигъ, какъ будто по командѣ, сталъ совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Помню, что я, ребенокъ, задрожала отъ страха, отъ боязни понять то, что я видѣла, и съ тѣхъ поръ тяжелое, непріятное впечатлѣніе безвыходно заключилось въ сердцѣ моемъ. Посмотрѣвшись съ минуту въ зеркало, онъ понурилъ голову, сгорбился, какъ обыкновенно являлся передъ Александрой Михайловной, и на цыпочкахъ пошелъ въ ея кабинетъ. Вотъ это-то воспоминаніе поразило меня.

И тогда, какъ и теперь, онъ думалъ, что онъ одинъ, и остановился передъ этимъ же зеркаломъ. Какъ и тогда, я съ враждебнымъ, непріятнымъ чувствомъ очутилась съ нимъ вмѣстѣ. Но когда я услышала это пѣнье (пѣнье отъ него, отъ котораго такъ невозможно было ожидать чего-нибудь подобнаго), которое поразило меня такой неожиданностью, что я осталась на мѣстѣ какъ прикованная, когда въ ту же минуту сходство напомнило мнѣ почти такое же мгновеніе моего дѣтства,—тогда, не могу передать, какое язвительное впечатлѣніе кольнуло мнѣ сердце. Всѣ нервы мои вздрогнули, и въ отвѣтъ на эту несчастную пѣсню я разразилась такимъ смѣхомъ, что бѣдный пѣвецъ вскрикнулъ, отскочилъ два шага отъ зеркала, и, блѣдный какъ смерть, какъ безславно пойманный съ поличнымъ, глядѣлъ на меня въ изступленіи отъ ужаса, отъ удивленія и бѣшенства. Его взглядъ болѣзненно подѣйствовалъ на меня. Я отвѣчала ему нервнымъ, истерическимъ смѣхомъ прямо въ глаза, прошла смѣясь мимо него, и вошла, не переставая хохотать, къ Александрѣ Михайловнѣ. Я знала, что онъ стоитъ за портьерами, что, можетъ-быть, онъ колеблется, не зная, войти или нѣтъ, что бѣшенство и трусость приковали его къ мѣсту,—и съ какимъ-то раздраженнымъ, вызывающимъ нетерпѣніемъ я ожидала, на что онъ рѣшится: я готова была побиться объ закладъ, что онъ не войдетъ, и я выиграла. Онъ вошелъ только черезъ полчаса. Александра Михайловна долгое время смотрѣла на меня въ край-

немъ изумленіи. Но тщетно допрашивала она, что со мною? Я не могла отвѣчать, я задыхалась. Наконецъ, она поняла, что я въ первомъ припадкѣ, и съ безпокойствомъ смотрѣла за мною. Отдохнувъ, я взяла ея руки и начала цѣловать ихъ. Только теперь я одумалась и только теперь пришло мнѣ въ голову, что я бы убила ее, если-бъ не встрѣча съ ея мужемъ. Я смотрѣла на нее, какъ на воскресшую.

Вошелъ Петръ Александровичъ.

Я взглянула на него мелькомъ; онъ смотрѣлъ такъ, какъ будто между нами ничего не случилось, то есть былъ суровъ и угрюмъ по-всегдашнему. Но по блѣдному лицу и слегка вздрагивавшимъ краямъ губъ его, я догадалась, что онъ едва скрываетъ свое волненіе. Онъ поздоровался съ Александрой Михайловной холодно, и молча сѣлъ на мѣсто. Рука его дрожала, когда онъ бралъ чашку чая. Я ожидала взрыва, и на меня напалъ какой-то безотчетный страхъ. Я уже хотѣла было уйти, но не рѣшалась оставить Александру Михайловну, которая измѣнилась въ лицѣ, глядя на мужа. Она тоже предчувствовала что-то недоброе. Наконецъ, то, чего я ожидала съ такимъ страхомъ, случилось.

Среди глубокаго молчанія я подняла глаза и встрѣтила очки Петра Александровича, направленныя прямо на меня. Это было такъ неожиданно, что я вздрогнула, чуть не вскрикнула, и потупилась. Александра Михайловна замѣтила мое движеніе.

— Что съ вами? Отчего вы покраснѣли? раздался рѣзкій и грубый голосъ Петра Александровича.

Я молчала; сердце мое колотилось такъ, что я не могла вымолвить слова.

— Отчего она покраснѣла? Отчего она все краснѣетъ? спросилъ онъ, обращаясь къ Александрѣ Михайловнѣ, нагло указывая ей на меня.

Негодованіе захватывало мнѣ духъ. Я бросила умоляющій взглядъ на Александру Михайловну. Она поняла меня. Блѣдныя щеки ея вспыхнули.

— Аннета, сказала она мнѣ твердымъ голосомъ, котораго я никакъ не ожидала отъ нея, — поди къ себѣ, я черезъ минуту къ тебѣ приду: мы проведемъ вечеръ вмѣстѣ...

— Я васъ спрашиваю, слышали-ли меня, или нѣтъ? прервалъ Петръ Александровичъ, еще болѣе возвышая голосъ и какъ будто не слыхавъ, что сказала жена. — Отчего вы краснѣете, когда встрѣчаетесь со мной? Отвѣчайте!

— Оттого, что вы заставляете ее краснѣть, и меня также, отвѣчала Александра Михайловна прерывающимся отъ волненія голосомъ.

Я съ удивленіемъ взглянула на Александру Михайловну. Шаткость ея возраженія съ перваго раза была мнѣ совсѣмъ непонятна.

— *Я* заставляю васъ краснѣть, *я?* отвѣчалъ ей Петръ Александровичъ, казалось, тоже внѣ себя отъ изумленія, и сильно ударяя на слово *я*.—За *меня вы* краснѣли? Да развѣ *я* могу *васъ* заставить краснѣть за *меня? Вамъ*, а не *мнѣ* краснѣть, какъ вы думаете?

Эта фраза была такъ понятна для меня, сказана съ такой ожесточенной, язвительной насмѣшкой, что я вскрикнула отъ ужаса и бросилась къ Александрѣ Михайловнѣ. Изумленіе, боль, укоръ и ужасъ изображались на смертельно-поблѣднѣвшемъ лицѣ ея. Я взглянула на Петра Александровича, сложивъ съ умоляющимъ видомъ руки. Казалось, онъ самъ спохватился; но бѣшенство, вырвавшее у него эту фразу, еще не прошло. Однакожъ, замѣтивъ безмолвную мольбу мою, онъ смутился. Мой жестъ говорилъ ясно, что я про многое знаю изъ того, что между ними до сихъ поръ было тайной, и что я хорошо поняла слова его.

— Аннета, идите къ себѣ, повторила Александра Михайловна, слабымъ, но твердымъ голосомъ, вставъ со стула,— мнѣ очень нужно говорить съ Петромъ Александровичемъ...

Она была, повидимому, спокойна; но за это спокойствіе я боялась больше, чѣмъ за всякое волненіе. Я какъ будто не слыхала словъ ея и оставалась на мѣстѣ, какъ вкопанная. Всѣ силы мои напрягла я, чтобы прочесть на ея лицѣ, что происходило въ это мгновеніе въ душѣ ея. Мнѣ показалось, что она не поняла ни моего жеста, ни моего восклицанія.

— Вотъ что вы надѣлали, сударыня! проговорилъ Петръ Александровичъ, взявъ меня за руки и указавъ на жену.

Боже мой! Я никогда не видала такого отчаянія, которое прочла теперь на этомъ убитомъ, помертвѣвшемъ лицѣ. Онъ взялъ меня за руку и вывелъ изъ комнаты. Я взглянула на нихъ въ послѣдній разъ. Александра Михайловна стояла, облокотясь на каминъ и крѣпко сжавъ обѣими руками голову. Все положеніе ея тѣла изображало нестерпимую муку. Я схватила руку Петра Александровича и горячо сжала ее.

— Ради Бога! Ради Бога! проговорила я прерывающимся голосомъ.—Пощадите!

— Не бойтесь, не бойтесь! сказалъ онъ, какъ-то странно смотря на меня;—это ничего, это припадокъ. Ступайте же, ступайте.

Войдя въ свою комнату, я бросилась на диванъ и закрыла руками лицо. Цѣлые три часа пробыла я въ такомъ положеніи, и въ это мгновеніе прожила цѣлый адъ. Наконецъ, я не выдержала и послала спросить, можно-ли мнѣ придти къ Александрѣ Михайловнѣ. Съ отвѣтомъ пришла мадамъ Леотаръ. Петръ Александровичъ прислалъ сказать, что припадокъ прошелъ, опасности нѣтъ, но что Александрѣ Михайловнѣ нуженъ покой. Я не ложилась спать до трехъ часовъ утра и все думала, ходя взадъ и впередъ по комнатѣ. Положеніе мое было загадочнѣе, чѣмъ когда-нибудь, но я чувствовала себя какъ-то покойнѣе,— можетъ быть, потому, что чувствовала себя всѣхъ виновнѣе. Я легла спать, съ нетерпѣніемъ ожидая завтрашняго утра.

Но на другой день я, къ горестному изумленію, замѣтила какую-то необъяснимую холодность въ Александрѣ Михайловнѣ. Сначала мнѣ показалось, что этому чистому, благородному сердцу тяжело быть со мною послѣ вчерашней сцены съ мужемъ, которой я поневолѣ была свидѣтельницей. Я знала, что это дитя способно покраснѣть передо мною и просить у меня же прощенія за то, что несчастная сцена, можетъ быть, оскорбила вчера мое сердце. Но вскорѣ я замѣтила въ ней какую-то другую заботу и досаду, проявлявшуюся чрезвычайно неловко: то она отвѣтитъ сухо и холодно, то слышится въ словахъ ея какой-то особенный смыслъ; то, наконецъ, она вдругъ сдѣлается со мной очень нѣжна, какъ будто раскаиваясь въ этой суровости, которой не могло быть въ ея сердцѣ, и ласковыя, тихія слова ея какъ будто звучали какимъ-то укоромъ. Наконецъ, я прямо спросила ее, что̀ съ ней, и нѣтъ-ли у ней чего мнѣ сказать? На быстрый вопросъ мой она немного смутилась, но тотчасъ же, поднявъ на меня свои большіе, тихіе глаза и смотря на меня съ нѣжной улыбкой, сказала:

— Ничего, Нѣточка; только знаешь-ли что: когда ты меня такъ быстро спросила, я немного смутилась. Это оттого, что ты спросила такъ скоро... увѣряю тебя. Но слушай,—отвѣчай мнѣ правду, дитя мое: есть что-нибудь у тебя на сердцѣ такое, отъ чего бы ты такъ же смутилась, если-бъ тебя о томъ спросили такъ же быстро и неожиданно?

— Нѣтъ, отвѣчала я, посмотрѣвъ на нее ясными глазами.

— Ну, вотъ и хорошо! Если-бъ ты знала, другъ мой, какъ я тебѣ благодарна за этотъ прекрасный отвѣтъ. Не то, чтобъ я тебя могла подозрѣвать въ чемъ-нибудь дурномъ,—никогда! Я не прошу себѣ и мысли объ этомъ. Но слушай: взяла я тебя дитятей, а теперь тебѣ семнадцать лѣтъ. Ты видѣла сама: я больная, я сама какъ ребенокъ, за мной еще нужно ухаживать. Я не могла замѣнить тебѣ вполнѣ родную мать, несмотря на то, что любви къ тебѣ слишкомъ достало бы на то въ моемъ сердцѣ. Если-жъ теперь меня такъ мучаетъ забота, то, разумѣется, не ты виновата, а я. Прости-жъ мнѣ и за вопросъ, и за то, что я, можетъ быть, невольно не исполнила всѣхъ моихъ обѣщаній, которыя дала тебѣ и батюшкѣ, когда взяла тебя изъ его дома. Меня это очень безпокоитъ и часто безпокоило, другъ мой.

Я обняла ее и заплакала.

— О, благодарю, благодарю васъ за все! сказала я, обливая ея руки слезами.—Не говорите мнѣ такъ, не разрывайте моего сердца. Вы были мнѣ больше чѣмъ мать; да благословитъ васъ Богъ за все, что́ вы сдѣлали оба, вы и князь, мнѣ, бѣдной, оставленной! Бѣдная моя, родная моя!

— Полно, Нѣточка, полно! Обними меня лучше; такъ, крѣпче, крѣпче! Знаешь что̀? Богъ знаетъ отчего, мнѣ кажется, что ты въ послѣдній разъ меня обнимаешь.

— Нѣтъ, нѣтъ, говорила я, разрыдавшись какъ ребенокъ,—нѣтъ, этого не будетъ! Вы будете счастливы!.. Еще впереди много дней. Вѣрьте, мы будемъ счастливы.

— Спасибо тебѣ, спасибо, что ты такъ любишь меня Теперь около меня мало людей; меня всѣ оставили!

— Кто же оставили? Кто они?

— Прежде были и другіе кругомъ меня; ты не знаешь, Нѣточка. Они меня всѣ оставили, всѣ ушли, точно призраки были. А я ихъ такъ ждала, всю жизнь ждала; Богъ съ ними! Смотри, Нѣточка: видишь, какая глубокая осень; скоро пойдетъ снѣгъ: съ первымъ снѣгомъ я и умру,— да; но я и не тужу. Прощайте!

Лицо ея было блѣдно и худо; на каждой щекѣ горѣло зловѣщее, кровавое пятно; губы ея дрожали и запеклись отъ внутренняго жара.

Она подошла къ фортепьяно и взяла нѣсколько аккордовъ; въ это мгновеніе съ трескомъ лопнула струна и заныла въ длинномъ, дребезжащемъ звукѣ...

— Слышишь, Нѣточка, слышишь? сказала она вдругъ

какимъ-то вдохновеннымъ голосомъ, указывая на фортепьяно.—Эту струну слишкомъ, слишкомъ натянули: она не вынесла и умерла. Слышишь, какъ жалобно умираетъ звукъ!

Она говорила съ трудомъ. Глухая, душевная боль отразилась на лицѣ ея, глаза ея наполнились слезами.

— Ну, полно объ этомъ, Нѣточка, другъ мой; довольно; приведи дѣтей.

Я привела ихъ. Она какъ будто отдохнула, на нихъ глядя, и черезъ часъ отпустила ихъ.

— Когда я умру, ты не оставишь ихъ, Аннета? Да? сказала она мнѣ шопотомъ, какъ будто боясь, чтобъ насъ кто-нибудь не подслушалъ.

— Полноте, вы убьете меня! могла только я проговорить ей въ отвѣтъ.

— Я вѣдь шутила, сказала она, помолчавъ и улыбнувшись. — А ты и повѣрила? Я вѣдь иногда Богъ знаетъ что говорю. Я теперь какъ дитя; мнѣ нужно все прощать.

Тутъ она робко посмотрѣла на меня, какъ будто боясь что-то выговорить. Я ожидала.

— Смотри, не пугай его, проговорила она, наконецъ, потупивъ глаза, съ легкой краской въ лицѣ, и такъ тихо, что я едва разслышала.

— Кого? спросила я съ удивленіемъ.

— Мужа. Ты, пожалуй, разскажешь ему все потихоньку.

— Зачѣмъ же, зачѣмъ? повторяла я, все болѣе и болѣе въ удивленіи.

— Ну, можетъ-быть, и не разскажешь, какъ знать! отвѣчала она, стараясь какъ можно хитрѣе взглянуть на меня, хотя все та же простодушная улыбка блестѣла на губахъ ея, и краска все болѣе и болѣе вступала ей въ лицо. — Полно объ этомъ; я вѣдь все шучу.

Сердце мое сжималось все больнѣе и больнѣе.

— Только послушай, ты ихъ будешь любить, когда я умру, — да? прибавила она серьезно и опять какъ будто съ таинственнымъ видомъ, — такъ, какъ бы родныхъ дѣтей своихъ любила,—да? Припомни: я тебя всегда за родную считала и отъ своихъ не розняла.

— Да, да, отвѣчала я, не зная, что́ говорю, и задыхаясь отъ слезъ и смущенія.

Горячій поцѣлуй зажегся на рукѣ моей, прежде чѣмъ я успѣла отнять ее. Изумленіе сковало мнѣ языкъ.

„Что́ съ ней? Что́ она думаетъ? Что́ вчера у нихъ было такое?“ пронеслось въ моей головѣ.

Черезъ минуту она стала жаловаться на усталость.

— Я уже давно больна, только не хотѣла пугать васъ обоихъ, сказала она. — Вѣдь вы меня оба любите,—да?.. До свиданія, Нѣточка; оставь меня, а только вечеромъ приди ко мнѣ непремѣнно. Придешь?

Я дала слово; но рада была уйти. Я не могла болѣе вынести.

Бѣдная, бѣдная! Какое подозрѣніе провожаетъ тебя въ могилу? восклицала я, рыдая: какое новое горе язвитъ и точитъ твое сердце, и о которомъ ты едва смѣешь вымолвить слово? Боже мой! Это долгое страданіе, которое я уже узнала теперь все наизусть, эта жизнь безъ просвѣта, эта любовь робкая, ничего не требующая, и даже теперь, теперь, почти на смертномъ одрѣ своемъ, когда сердце рвется пополамъ отъ боли, она, какъ преступная, боится малѣйшаго ропота, жалобы,—и вообразивъ, выдумавъ новое горе, она уже покорилась ему, помирилась съ нимъ!..

Вечеромъ, въ сумерки, я, воспользовавшись отсутствіемъ Оврова (пріѣзжаго изъ Москвы), прошла въ библіотеку, отперла шкафъ и начала рыться въ книгахъ, чтобъ выбрать какую-нибудь для чтенія вслухъ Александрѣ Михайловнѣ. Мнѣ хотѣлось отвлечь ее отъ черныхъ мыслей и выбрать что-нибудь веселое, легкое... Я разбирала долго и разсѣянно. Сумерки сгущались; а вмѣстѣ съ ними росла и тоска моя. Въ рукахъ моихъ очутилась опять эта книга, развернутая на той же страницѣ, на которой и теперь я увидѣла слѣды письма, съ тѣхъ поръ несходившаго съ груди моей,— тайны, съ которой какъ будто переломилось и вновь началось мое существованіе, и повѣяло на меня такъ много холоднаго, неизвѣстнаго, таинственнаго, непривѣтливаго, уже и теперь издали такъ сурово грозившаго мнѣ... Что съ нами будетъ, думала я: уголъ, въ которомъ мнѣ было такъ тепло, такъ привольно,—пустѣетъ. Чистый, свѣтлый духъ, охранявшій юность мою, оставляетъ меня. Что впереди? Я стояла въ какомъ-то забытьи надъ своимъ прошедшимъ, такъ теперь милымъ сердцу, какъ будто силясь прозрѣть впередъ, въ неизвѣстное, грозившее мнѣ... Я припоминаю эту минуту, какъ будто теперь вновь переживаю ее: такъ сильно врѣзалась она въ моей памяти.

Я держала въ рукахъ письмо и развернутую книгу; лицо мое было омочено слезами. Вдругъ я вздрогнула отъ испуга: надо мной раздался знакомый мнѣ голосъ. Въ то же время я почувствовала, что письмо вырвали изъ

рукъ моихъ. Я вскрикнула и оглянулась: передо мной стоялъ Петръ Александровичъ. Онъ схватилъ меня за руку и крѣпко удерживалъ на мѣстѣ; правой рукой подносилъ онъ къ свѣту письмо и силился разобрать первыя строки... Я закричала; я скорѣе готова была умереть, чѣмъ оставить это письмо въ рукахъ его. По торжествующей улыбкѣ я видѣла, что ему удалось разобрать первыя строки. Я теряла голову...

Мгновеніе спустя, я бросилась къ нему, почти не помня себя, и вырвала письмо изъ рукъ его. Все это случилось такъ скоро, что я еще сама не понимала, какимъ образомъ письмо очутилось у меня опять. Но, замѣтивъ, что онъ снова хочетъ вырвать его изъ рукъ моихъ, я поспѣшно спрятала письмо на груди и отступила на три шага.

Мы съ полминуты смотрѣли другъ на друга молча. Я еще содрогалась отъ испуга; онъ—блѣдный, съ дрожащими, посинѣлыми отъ гнѣва губами, первый прервалъ молчаніе.

— Довольно! сказалъ онъ слабымъ отъ волненія голосомъ, — вы вѣрно не хотите, чтобъ я употребилъ силу; отдайте же мнѣ письмо добровольно.

Только теперь я одумалась, и оскорбленіе, стыдъ, негодованіе противъ грубаго насилія захватили мнѣ духъ. Горячія слезы потекли по разгорѣвшимся щекамъ моимъ. Я вся дрожала отъ волненія и нѣкоторое время была не въ силахъ вымолвить слово.

— Вы слышали? сказалъ онъ, подойдя ко мнѣ на два шага.

— Оставьте меня, оставьте! закричала я, отодвигаясь отъ него, — вы поступили низко, неблагородно. Вы забылись!.. Пропустите меня!..

— Какъ? Что это значитъ? И вы еще смѣете принимать такой тонъ... послѣ того, что вы... Отдайте, говорю вамъ!

Онъ еще разъ шагнулъ ко мнѣ, но, взглянувъ на меня, увидѣлъ въ глазахъ моихъ столько рѣшимости, что остановился, какъ будто въ раздумьи.

— Хорошо! сказалъ онъ, наконецъ, сухо, какъ будто остановившись на одномъ рѣшеніи, но все еще черезъ силу подавляя себя. — Это своимъ чередомъ, а сперва...

Тутъ онъ осмотрѣлся кругомъ.

— Вы... кто васъ пустилъ въ библіотеку? Почему этотъ шкафъ отворенъ? Гдѣ взяли ключъ?

— Я не буду вамъ отвѣчать, сказала я, — я не могу съ вами говорить. Пустите меня, пустите!

Я пошла къ дверямъ.

— Позвольте, сказалъ онъ, остановивъ меня за руку,— вы такъ не уйдете!

Я молча вырвала у него свою руку и снова сдѣлала движеніе къ дверямъ.

— Хорошо же. Но я не могу вамъ позволить, въ самомъ дѣлѣ, получать письма отъ вашихъ любовниковъ, въ моемъ домѣ...

Я вскрикнула отъ испуга и взглянула на него какъ потерянная...

— И потому...

— Остановитесь! закричала я.—Какъ вы можете? Какъ вы могли мнѣ сказать?.. Боже мой! Боже мой!..

— Что? Что! Вы еще угрожаете мнѣ?

Но я смотрѣла на него блѣдная, убитая отчаяніемъ. Сцена между нами дошла до послѣдней степени ожесточенія, котораго я не могла понять. Я молила его взглядомъ не продолжать далѣе. Я готова была простить за оскорбленіе, съ тѣмъ, чтобъ онъ остановился. Онъ смотрѣлъ на меня пристально и видимо колебался.

— Не доводите меня до крайности, прошептала я въ ужасѣ.

— Нѣтъ-съ, это нужно кончить! сказалъ онъ, наконецъ, какъ будто одумавшись. — Признаюсь вамъ, я было колебался отъ этого взгляда, прибавилъ онъ со странной улыбкой. — Но, къ несчастію, дѣло само за себя говоритъ. Я успѣлъ прочитать начало письма. Это письмо любовное! Вы меня не разувѣрите! Нѣтъ, выкиньте это изъ головы! И если я усомнился на минуту, то это доказываетъ только, что ко всѣмъ вашимъ прекраснымъ качествамъ я долженъ присоединить способность отлично лгать, а потому повторяю...

Но мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, его лицо все болѣе и болѣе искажалось отъ злобы. Онъ блѣднѣлъ; губы его кривились и дрожали, такъ что онъ, наконецъ, съ трудомъ произнесъ послѣднія слова. Становилось темно. Я стояла безъ защиты, одна, передъ человѣкомъ, который въ состояніи оскорблять женщину. Наконецъ, всѣ видимости были противъ меня; я терзалась отъ стыда, терялась, не могла понять злобы этого человѣка. Не отвѣчая ему, внѣ себя отъ ужаса, я бросилась вонъ изъ комнаты, и очнулась ужъ стоя при входѣ въ кабинетъ Александры Михайловны. Въ это мгновеніе послышались и его шаги; я уже хотѣла войти въ комнату, какъ вдругъ остановилась, какъ бы пораженная громомъ.

— Что̀ съ нею будетъ? мелькнуло въ моей головѣ.— Это письмо!.. Нѣтъ, лучше все на свѣтѣ, чѣмъ этотъ послѣдній ударъ въ ея сердце,—и я бросилась назадъ. Но ужъ было поздно: онъ стоялъ подлѣ меня.

— Куда хотите, пойдемте,—только не здѣсь, не здѣсь! шепнула я, схвативъ его руку. — Пощадите ее! Я приду опять въ библіотеку, или... куда хотите! Вы убьете ее!

— Это вы убьете ее! отвѣчалъ онъ, отстраняя меня.

Всѣ надежды мои исчезли. Я чувствовала, что ему именно хотѣлось перенесть всю сцену къ Александрѣ Михайловнѣ.

— Ради Бога! говорила я, удерживая его всѣми силами. Но въ это мгновеніе подпялась портьера, и Александра Михайловна очутилась передъ нами. Она смотрѣла на насъ въ удивленіи. Лицо ея было блѣднѣе всегдашняго. Она съ трудомъ держалась на ногахъ. Видно было, что ей большихъ усилій стоило дойти до насъ, когда она заслышала наши голоса.

— Кто здѣсь? О чемъ вы здѣсь говорили? спросила она, смотря на насъ въ крайнемъ изумленіи.

Нѣсколько мгновеній длилось молчаніе, и она поблѣднѣла какъ полотно. Я бросилась къ ней, крѣпко обняла ее и увлекла назадъ въ кабинетъ. Петръ Александровичъ вошелъ вслѣдъ за мною. Я спрятала лицо свое на груди ея, и все крѣпче, крѣпче обнимала ее, замирая отъ ожиданія.

— Что̀ съ тобою, что̀ съ вами? спросила въ другой разъ Александра Михайловна.

— Спросите ее. Вы еще вчера такъ ее защищали, сказалъ Петръ Александровичъ, тяжело опускаясь въ кресла.

Я все крѣпче и крѣпче сжимала ее въ своихъ объятіяхъ.

— Но, Боже мой, что-жъ это такое? проговорила Александра Михайловна въ страшномъ испугѣ. — Вы такъ раздражены, она испугана, въ слезахъ. Аннета, говори мнѣ все, что̀ было между вами.

— Нѣтъ, позвольте мнѣ сперва, сказалъ Петръ Александровичъ, подходя къ намъ, взявъ меня за руку и оттащивъ отъ Александры Михайловны. — Стойте тутъ, сказалъ онъ, указавъ на средину комнаты.—Я васъ хочу судить передъ той, которая замѣнила вамъ мать. А вы успокойтесь, сядьте, прибавилъ онъ, усаживая Александру Михайловну на кресло.—Мнѣ горько, что я не могъ васъ избавить отъ этого непріятнаго объясненія; но оно необходимо.

— Боже мой! Что-жъ это будетъ? проговорила Александра Михайловна, въ глубокой тоскѣ перенося свой

взглядъ попеременно на меня и на мужа. Я ломала руки, предчувствуя роковую минуту. Отъ него я ужъ не ожидала пощады.

— Однимъ словомъ, продолжалъ Петръ Александровичъ.—я хотѣлъ, чтобъ вы разсудили вмѣстѣ со мною. Вы всегда (и не понимаю отчего, это одна изъ вашихъ фантазій), вы всегда — еще вчера, напримѣръ, думали, говорили... но не знаю какъ сказать, я краснѣю отъ предположеній... Однимъ словомъ, вы защищали ее, вы нападали на меня, вы уличали меня въ *неумѣстной* строгости; вы намекали еще на какое-то *другое чувство*, будто бы вынудившее меня на эту *неумѣстную* строгость; вы... но я не понимаю, отчего я не могу подавить своего смущенія, эту краску въ лицѣ при мысли о вашихъ предположеніяхъ: отчего я не могу сказать о нихъ гласно, открыто, при ней... Однимъ словомъ, вы...

— О, вы этого не сдѣлаете! Нѣтъ, вы не скажете этого! вскрикнула Александра Михайловна, вся въ волненіи, сгорѣвъ отъ стыда.—Нѣтъ, вы пощадите ее. Это я, я все выдумала! Во мнѣ нѣтъ теперь никакихъ подозрѣній. Простите меня за нихъ, простите. Я больна, мнѣ нужно простить, но только не говорите ей, нѣтъ... Аннета, сказала она, подходя ко мнѣ, Аннета, уйди отсюда, скорѣе, скорѣе! Онъ шутилъ; это я всему виновата; это неумѣстная шутка...

— Однимъ словомъ, вы ревновали меня къ ней, сказалъ Петръ Александровичъ, безъ жалости бросивъ эти слова въ отвѣтъ ея тоскливому ожиданію.

Она вскрикнула, поблѣднѣла и опершись на кресло едва удерживаясь на ногахъ.

— Богъ вамъ проститъ! проговорила она, наконецъ, слабымъ голосомъ.—Прости меня за него, Нѣточка, прости; я была всему виновата. Я была больна, я...

— Но это тиранство, безстыдство, низость! закричала я въ изступленіи, понявъ, наконецъ, все, понявъ, зачѣмъ ему хотѣлось осудить меня въ глазахъ жены. — Это достойно презрѣнія; вы...

— Аннета! закричала Александра Михайловна, въ ужасѣ схвативъ меня за руки.

— Комедія! Комедія и больше ничего! проговорилъ Петръ Александровичъ, полетѣвшая къ намъ въ первообразномъ волненіи.— Комедія, говорю я вамъ, продолжалъ онъ, пристально и съ зловѣщей улыбкой смотря на жену.— и обманутая во всей этой комедіи одна — вы. Повѣрьте.

что мы, произнесъ онъ, задыхаясь и указывая на меня,— не боимся такихъ объясненій; повѣрьте, что мы ужъ не такъ цѣломудренны, чтобъ оскорбляться, краснѣть и затыкать уши, когда намъ заговорятъ о подобныхъ дѣлахъ. Извините, я выражаюсь просто, прямо, грубо, можетъ быть, но — такъ должно. Увѣрены-ли вы, сударыня, въ порядочномъ поведеніи этой... дѣвицы?

— Боже! Что̀ съ вами? Вы забылись! проговорила Александра Михайловна, остолбенѣвъ, помертвѣвъ отъ испуга.

— Пожалуйста, безъ громкихъ словъ! презрительно перебилъ Петръ Александровичъ.—Я не люблю этого. Здѣсь дѣло простое, прямое, пошлое до послѣдней пошлости. Я васъ спрашиваю о ея поведеніи: знаете-ли вы...

Но я не дала ему договорить и, схвативъ его за руки, съ силою оттащила въ сторону. Еще минута—и все могло быть потеряно.

— Не говорите о письмѣ! сказала я быстро шопотомъ,—вы убьете ее на мѣстѣ. Упрекъ мнѣ будетъ упрекомъ ей въ то же время. Она не можетъ судить меня, потому что я все знаю... понимаете, я *все* знаю!

Онъ пристально, съ дикимъ любопытствомъ посмотрѣлъ на меня,—и смѣшался; кровь выступила ему на лицо.

— *Я все* знаю, *все*! повторяла я.

Онъ еще колебался. На губахъ его шевелился вопросъ. Я предупредила:

— Вотъ что̀ было, сказала я вслухъ, наскоро, обращаясь къ Александрѣ Михайловнѣ, которая глядѣла на насъ въ робкомъ, тоскливомъ изумленіи.—Я виновата во всемъ. Ужъ четыре года тому, какъ я васъ обманывала. Я унесла ключъ отъ библіотеки и ужъ четыре года потихоньку читаю книги. Петръ Александровичъ засталъ меня надъ такой книгой, которая... не могла, не должна была быть въ рукахъ моихъ. Испугавшись за меня, онъ преувеличилъ опасность въ глазахъ вашихъ!.. Но я не оправдываюсь (поспѣшила я, замѣтивъ насмѣшливую улыбку на губахъ его):—я во всемъ виновата. Соблазнъ былъ сильнѣе меня, и, согрѣшивъ разъ, я ужъ стыдилась признаться въ своемъ проступкѣ... Вотъ все, почти все, что̀ было между нами.

— О-го, какъ бойко! прошепталъ подлѣ меня Петръ Александровичъ.

Александра Михайловна выслушала меня съ глубокимъ вниманіемъ; но въ лицѣ ея видимо отражалась недовѣрчивость. Она поперемѣнно взглядывала то на меня, то

па мужа. Наступило молчаніе. Я едва переводила духъ. Она опустила голову на грудь и закрыла рукою глаза, соображая что-то и очевидно взвѣшивая каждое слово, которое я произнесла. Наконецъ, она подняла голову и пристально посмотрѣла на меня.

— Нѣточка, дитя мое, я знаю, ты не умѣешь лгать, проговорила она.—Это все, что случилось, рѣшительно все?

— Все, отвѣчала я.

— Все-ли? спросила она, обращаясь къ мужу.

— Да, все, отвѣчалъ онъ съ усиліемъ,—все!

Я отдохнула.

— Ты даешь мнѣ слово, Нѣточка?

— Да, отвѣчала я не заикаясь.

Но я не утерпѣла и взглянула на Петра Александровича. Онъ смѣялся, выслушавъ, какъ я дала слово. Я вспыхнула, и мое смущеніе не укрылось отъ бѣдной Александры Михайловны. Подавляющая, мучительная тоска отразилась на лицѣ ея.

— Довольно, сказала она грустно. — Я вамъ вѣрю. Я не могу вамъ не вѣрить.

— Я думаю, что такого признанія достаточно, проговорилъ Петръ Александровичъ.—Вы слышали? Что прикажете думать?

Александра Михайловна не отвѣчала. Сцена становилась все тягостнѣе и тягостнѣе.

— Я завтра же пересмотрю всѣ книги, продолжалъ Петръ Александровичъ.—Я не знаю, что тамъ еще было: но...

— А какую книгу читала она? спросила Александра Михайловна.

— Книгу? Отвѣчайте вы, сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ.—Вы умѣете лучше меня *объяснять дѣло*, прибавилъ онъ съ затаенной насмѣшкой.

Я смутилась и не могла выговорить ни слова. Александра Михайловна покраснѣла и опустила глаза. Наступила долгая пауза. Петръ Александровичъ въ досадѣ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Я не знаю, что между вами было, начала, наконецъ, Александра Михайловна, робко выговаривая каждое слово,—но, если *это только* было, продолжала она, силясь дать особенный смыслъ словамъ своимъ, уже смутившаяся отъ неподвижнаго взгляда своего мужа, хотя она и старалась не глядѣть на него,—если *только это* было, то я не знаю, изъ-за чего намъ всѣмъ горевать и такъ

отчаиваться. Виноватѣе всѣхъ я, я одна, и это меня очень мучаетъ. Я пренебрегла ея воспитаніемъ, я и должна отвѣчать за все. Она должна простить мнѣ, и я ее осудить не могу и не смѣю. Но, опять, изъ-за чего-жъ намъ отчаиваться? Опасность прошла. Взгляните на нее, сказала она, одушевляясь все болѣе и болѣе и бросая пытливый взглядъ на своего мужа,—взгляните на нее: неужели ея неосторожный поступокъ оставилъ хоть какія-нибудь послѣдствія? Неужели я не знаю ея, дитяти моего, моей дочери милой? Неужели я не знаю, что ея сердце чисто и благородно, что въ этой хорошенькой головкѣ, продолжала она, лаская меня и привлекая къ себѣ,—умъ ясенъ и свѣтелъ, а совѣсть боится обмана... Полноте, мои милые! Перестанемъ! Вѣрно другое что-нибудь затаилось въ нашей тоскѣ; можетъ быть, на насъ только мимолетомъ легла враждебная тѣнь. Но мы разгонимъ ее любовью, добрымъ согласіемъ и разсѣемъ недоумѣніе наше. Можетъ быть, много недоговорено между нами, и я винюсь первая. Я первая таилась отъ васъ, у меня у первой родились Богъ знаетъ какія подозрѣнія, въ которыхъ виновата больная голова моя... Но... но, если ужъ мы отчасти и высказались, то вы должны оба простить меня, потому... потому, наконецъ, что нѣтъ большого грѣха въ томъ, что я подозрѣвала...

Сказавъ это, она робко и краснѣя взглянула на мужа и съ тоскою ожидала словъ его. Но мѣрѣ того, какъ онъ ее слушалъ, насмѣшливая улыбка показывалась на его губахъ. Онъ пересталъ ходить и остановился прямо передъ нею, закинувъ назадъ руки. Онъ, казалось, разсматривалъ ея смущеніе, наблюдалъ его, любовался имъ; чувствуя надъ собой его пристальный взглядъ, она смѣшалась. Онъ переждалъ мгновеніе, какъ будто ожидая чего-нибудь далѣе. Смущеніе ея удвоилось. Наконецъ, онъ прервалъ тягостную сцену тихимъ, долгимъ, язвительнымъ смѣхомъ:

— Мнѣ жаль васъ, бѣдная женщина! сказалъ онъ, наконецъ, горько и серьезно, переставъ смѣяться. — Вы взяли на себя роль, которая вамъ не по силамъ. Чего вамъ хотѣлось? Вамъ хотѣлось поднять меня на отвѣтъ, поджечь меня новыми подозрѣніями, или, лучше сказать, старымъ подозрѣніемъ, которое вы плохо скрыли въ словахъ вашихъ? Смыслъ вашихъ словъ, что сердиться на все нечего, что она хороша и послѣ чтенія безнравственныхъ книгъ, мораль которыхъ — говорю отъ себя—ка-

жется, уже принесла кой-какіе успѣхи; что вы, наконецъ, за нее отвѣчаете сами; такъ-ли? Ну-съ, объяснивъ это, вы намекаете на что-то другое; вамъ кажется, что подозрительность и гоненія мои выходятъ изъ какого-то другого чувства. Вы даже намекали мнѣ вчера—пожалуйста, не останавливайте меня, я люблю говорить прямо—вы даже намекали вчера, что у нѣкоторыхъ людей (помню, что, по вашему замѣчанію, эти люди всего чаще бываютъ степенные, суровые, прямые, умные, сильные, и Богъ знаетъ какихъ вы еще не давали опредѣленій въ припадкѣ великодушія!), что у нѣкоторыхъ людей, повторяю, любовь (и Богъ знаетъ почему вы это выдумали!) и проявляться не можетъ иначе, какъ сурово, горячо, круто, часто подозрѣніями, гоненіями. Я ужъ не помню хорошо, такъ-ли именно вы говорили вчера... Пожалуйста, не останавливайте меня; я знаю хорошо вашу воспитанницу: ей все можно слышать, все, повторяю вамъ въ сотый разъ,—все. Вы обмануты. Но не знаю, отчего вамъ угодно такъ настаивать на томъ, что я-то именно и есть такой человѣкъ! Богъ знаетъ зачѣмъ вамъ хочется нарядить меня въ этотъ шутовской кафтанъ. Не въ лѣтахъ моихъ любовь къ этой дѣвицѣ; да, наконецъ, повѣрьте мнѣ, сударыня, я *знаю свои обязанности*, и какъ бы великодушно вы ни извинили меня, я буду говорить прежнее, что *преступленіе всегда останется преступленіемъ, что грѣхъ всегда будетъ грѣхомъ, постыднымъ, гнуснымъ, неблагороднымъ, на какую бы степень величія вы ни вознесли порочное чувство!* Но, довольно! Довольно! И чтобъ я не слыхалъ болѣе объ этихъ гадостяхъ!

Александра Михайловна плакала.

— Ну, пусть я несу это, пусть это мнѣ! проговорила она, наконецъ, рыдая и обнимая меня.—Пусть постыдны были мои подозрѣнія, пусть вы насмѣялись такъ сурово надъ ними! Но ты, моя бѣдная, за что ты осуждена слушать такія оскорбленія? И я не могу защитить тебя! Я безгласна! Боже мой! Я не могу молчать, сударь! Я не вынесу... Ваше поведеніе безумно!..

— Полноте, полноте! шептала я, стараясь утишить ея волненіе, боясь, чтобъ жестокіе укоры не вывели его изъ терпѣнія. Я все еще трепетала отъ страха за нее.

— Но, слѣпая женщина! закричалъ онъ.—Но вы не знаете, вы не видите...

Онъ остановился на минуту.

— Прочь отъ нея! сказалъ онъ, обращаясь ко мнѣ и вырывая мою руку изъ рукъ Александры Михайловны.— Я вамъ не позволю прикасаться къ женѣ моей; вы марaете ее; вы оскорбляете ее своимъ присутствіемъ! Но... но, что же заставляетъ меня молчать, когда нужно, когда необходимо говорить? закричалъ онъ, топнувъ ногою.—И я скажу, я все скажу. Я не знаю, что̀ вы тамъ *знаете*, сударыня, и чѣмъ вы хотѣли пригрозить мнѣ, да и знать не хочу. Слушайте! продолжалъ онъ, обращаясь къ Александрѣ Михайловнѣ.—Слушайте же...

— Молчите! закричала я, бросаясь впередъ.—Молчите, ни слова!

— Слушайте...

— Молчите во имя...

— Во имя чего, сударыня? перебилъ онъ, быстро и пронзительно взглянувъ мнѣ въ глаза. — Во имя чего? Знайте-же, я вырвалъ изъ рукъ ея письмо отъ любовника! Вотъ что̀ дѣлается въ нашемъ домѣ! Вотъ что̀ дѣлается подлѣ васъ! Вотъ чего вы не видали, не замѣтили!

Я едва устояла на мѣстѣ. Александра Михайловна поблѣднѣла какъ смерть.

— Этого быть не можетъ, прошептала она едва слышнымъ голосомъ.

— Я видѣлъ это письмо, сударыня; оно было въ рукахъ моихъ; я прочелъ первыя строки, и не ошибся: письмо было отъ любовника. Она вырвала его у меня изъ рукъ. Оно теперь у нея,—это ясно, это такъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; а если вы еще сомнѣваетесь, то взгляните на нее и попробуйте потомъ надѣяться хоть на тѣнь сомнѣнія.

— Нѣточка! закричала Александра Михайловна, бросаясь ко мнѣ.—Но нѣтъ, не говори, не говори! Я не знаю, что̀ это было, какъ это было... Боже мой, Боже мой!

И она зарыдала, закрывъ лицо руками.

— Но нѣтъ! Этого быть не можетъ! закричала она опять. — Вы ошиблись. Это... это я знаю, что̀ значитъ! проговорила она, пристально смотря на мужа.—Вы... я... не могла, ты меня не обманешь, ты меня не можешь обманывать! Разскажи мнѣ все, все безъ утайки: онъ ошибся? Да, не правда-ли, онъ ошибся? Онъ видѣлъ другое, онъ ослѣпленъ? Да, не правда-ли? Не правда-ли? Послушай: отчего же мнѣ не сказать всего, Аннета, дитя мое, родное дитя мое?

— Отвѣчайте, отвѣчайте скорѣе! послышался надо мною голосъ Петра Александровича.—Отвѣчайте: видѣлъ, или нѣтъ я письмо въ рукахъ вашихъ?

— Да! отвѣчала я, задыхаясь отъ волненія.

— Это письмо отъ вашего любовника?

— Да! отвѣчала я.

— Съ которымъ вы и теперь имѣете связь?

— Да, да, да! говорила я, уже не помня себя, отвѣчая утвердительно на всѣ вопросы, чтобы добиться конца нашей мукѣ.

— Вы слышали ее. Ну, что вы теперь скажете? Повѣрьте, доброе, слишкомъ довѣрчивое сердце, прибавилъ онъ, взявъ руку жены,—повѣрьте мнѣ и разувѣрьтесь во всемъ, что породило больное воображеніе ваше. Вы видите теперь, кто такая эта... дѣвица. Я хотѣлъ только поставить невозможность рядомъ съ подозрѣніями вашими. Я давно все это замѣтилъ, и радъ, что, наконецъ, изобличилъ ее передъ вами. Мнѣ было тяжело видѣть ее подлѣ васъ, въ вашихъ объятіяхъ, за однимъ столомъ вмѣстѣ съ нами, въ домѣ моемъ, наконецъ. Меня возмущала слѣпота ваша. Вотъ почему, и только потому, я обращалъ на нее вниманіе, слѣдилъ за нею; это-то вниманіе бросилось вамъ въ глаза, и взявъ Богъ знаетъ какое подозрѣніе за исходную точку, вы Богъ знаетъ что заплели по этой канвѣ. Но теперь положеніе разрѣшено, кончено всякое сомнѣніе, и завтра же, сударыня, завтра же вы не будете въ домѣ моемъ! кончилъ онъ, обращаясь ко мнѣ.

— Остановитесь! сказала Александра Михайловна, приподымаясь со стула. — Я не вѣрю всей этой сценѣ. Не смотрите на меня такъ страшно, не смѣйтесь надо мною. Я васъ же и призову на судъ моего мнѣнія. Аннета, дитя мое, подойди ко мнѣ, дай твою руку, такъ. Мы всѣ грѣшны! сказала она дрожащимъ отъ слезъ голосомъ и со смиреніемъ взглянула на мужа.—И кто изъ насъ можетъ отвергнуть хоть чью-либо руку? Дай же мнѣ свою руку, Аннета, милое дитя мое: я не достойнѣе, не лучше тебя: ты не можешь оскорблять меня своимъ присутствіемъ, потому что я тоже, *тоже грѣшница.*

— Сударыня! закричалъ Петръ Александровичъ въ изумленіи.—Сударыня! Удержитесь! Не забывайте!..

— Я ничего не забываю. Не прерывайте же меня и дайте мнѣ досказать. Вы видѣли въ ея рукахъ письмо,

вы даже читали это; вы говорите, и она... призналась, что это письмо отъ того, кого она любитъ. Но развѣ это доказываетъ, что она преступна? Развѣ это позволяетъ вамъ такъ обходиться съ нею, такъ обижать ее въ глазахъ жены вашей? Да, сударь, въ глазахъ жены вашей? Развѣ вы разсудили это дѣло? Развѣ вы знаете, какъ это было?

— Но мнѣ остается бѣжать, прощенія просить у нея. Этого-ли вы хотѣли? закричалъ Петръ Александровичъ.— Я потерялъ терпѣніе, васъ слушая! Вы вспомните, о чемъ вы говорите! Знаете-ли вы, о чемъ вы говорите? Знаете-ли вы, что и *кого* вы защищаете? Но вѣдь я все насквозь вижу...

— И самаго перваго дѣла не видите, потому что гнѣвъ и гордость мѣшаютъ вамъ видѣть. Вы не видите того, что я защищаю и о чемъ хочу говорить. Я не порокъ защищаю. Но разсудили-ли вы,—а вы ясно увидите, коли разсудите—разсудили-ли вы, что, можетъ быть,—она какъ ребенокъ невинна! Да, я не защищаю порока! Я спѣшу оговориться, если это вамъ будетъ очень пріятно. Да; если-бъ она была супруга, мать, и забыла свои обязанности, о, тогда бы я согласилась съ вами... Видите, я оговорилась. Замѣтьте-же это и не корите меня! Но если она получила это письмо, не вѣдая зла? Если она увлеклась неопытнымъ чувствомъ, и некому было удержать ее? Если я первая виноватѣе всѣхъ, потому что не услѣдила за сердцемъ ея? Если это письмо первое? Если вы оскорбили вашими грубыми подозрѣніями ея дѣвственное, благоуханное чувство? Если вы загрязнили ея воображеніе своими циническими толками объ этомъ письмѣ? Если вы не видали этого цѣломудреннаго, дѣвственнаго стыда, который сіяетъ на лицѣ ея, чистый, какъ невинность, который я вижу теперь, который я видѣла, когда она, потерянная, измученная, не зная, что говорить и разрываясь отъ тоски, отвѣчала признаніемъ на всѣ ваши безчеловѣчные вопросы? Да, да! Это безчеловѣчно; это жестоко; я не узнаю васъ; я вамъ не прощу этого никогда, никогда!

— Да пощадите, пощадите меня! закричала я, сжимая ее въ объятіяхъ.—Пощадите, вѣрьте, не отталкивайте меня...

Я упала передъ нею на колѣни.

— Если, наконецъ, продолжала она задыхающимся голосомъ,—если-бъ, наконецъ, не было меня подлѣ нея, и если-бъ вы запугали ее словами своими, и если-бъ бѣдная сама увѣрилась, что она виновата, если-бъ вы смутили ея совѣсть, душу и разбили покой ея сердца... Боже мой!

Вы хотѣли выгнать ее изъ дома! Но знаете-ли, съ кѣмъ это дѣлаютъ? Вы знаете, что если ее выгоните, то выгоните насъ вмѣстѣ, насъ обѣихъ, — и меня тоже. Вы слышали меня, сударь?

Глаза ея сверкали; грудь волновалась; болѣзненное напряженіе ея дошло до послѣдняго кризиса...

— Такъ довольно же я слушалъ, сударыня! закричалъ, наконецъ, Петръ Александровичъ,—довольно этого! Я знаю, что есть страсти платоническія — и на мою пагубу знаю это, сударыня, слышите? На мою пагубу. Но не ужиться мнѣ, сударыня, съ озолоченнымъ порокомъ! Я не понимаю его. Прочь мишуру! И если вы чувствуете себя виноватою, если знаете за собой что-нибудь (не мнѣ напоминать вамъ, сударыня), если вамъ нравится, наконецъ, мысль оставить мой домъ... то мнѣ остается только сказать, напомнить вамъ, что напрасно вы позабыли исполнить ваше намѣреніе, когда была настоящая пора, настоящее время, лѣтъ назадъ тому... если вы позабыли, то я вамъ напомню...

Я взглянула на Александру Михайловну. Она судорожно опиралась на меня, изнемогая отъ душевной скорби, полузакрывъ глаза, въ нестоющимой мукѣ. Еще минута, и она готова была упасть.

— О, ради Бога, хоть въ этотъ разъ, пощадите ее! Не выговаривайте послѣдняго слова, закричала я, бросаясь на колѣни передъ Петромъ Александровичемъ и забывъ, что измѣняла себѣ; но было поздно. Слабый крикъ раздался въ отвѣтъ словамъ моимъ, и бѣдная упала безъ чувствъ на полъ.

— Кончено! Вы убили ее! сказала я.—Зовите людей, спасайте ее! Я васъ жду, у васъ въ кабинетѣ. Мнѣ нужно съ вами говорить: я вамъ все разскажу...

— Но что? Но что?

— Послѣ!

Обморокъ и припадки продолжались два часа. Весь домъ былъ въ страхѣ. Докторъ сомнительно качалъ головою. Черезъ два часа я вошла въ кабинетъ Петра Александровича. Онъ только что воротился отъ жены и ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ, кусая ногти въ кровь, блѣдный, разстроенный. Я никогда не видала его въ такомъ видѣ.

— Что же вамъ угодно сказать мнѣ? проговорилъ онъ суровымъ, грубымъ голосомъ.—Вы что-то хотѣли сказать?

— Вотъ письмо, которое вы перехватили у меня. Вы его узнаете?

— Да.

— Возьмите его.

Онъ взялъ письмо и поднесъ къ свѣту. Я внимательно слѣдила за нимъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ быстро обернулъ на четвертую страницу и прочелъ подпись. Я видѣла, какъ кровь бросилась ему въ голову.

— Что это? спросилъ онъ у меня, остолбенѣвъ отъ изумленія.

— Три года тому, какъ я нашла это письмо въ одной книгѣ. Я догадалась, что оно было забыто, прочла его и— узнала все. Съ тѣхъ поръ оно оставалось при мнѣ, потому что мнѣ некому было отдать его. Ей я отдать его не могла. Вамъ? Но вы не могли не знать содержанія этого письма, а въ немъ вся эта грустная повѣсть... Для чего ваше притворство,—не знаю. Это, покамѣстъ, темно для меня. Я еще не могу ясно вникнуть въ вашу темную душу. Вы хотѣли удержать надъ ней первенство и удержали. Но для чего? Для того, чтобъ восторжествовать надъ призракомъ, надъ разстроеннымъ воображеніемъ больной, для того, чтобъ доказать ей, что она заблуждалась, и что вы *безгрѣшнье* ея! И вы достигли цѣли, потому что это подозрѣніе ея,—неподвижная идея угасающаго ума, можетъ быть, послѣдняя жалоба разбитаго сердца на несправедливость приговора людского, съ которымъ вы были заодно. „Что-жъ за бѣда, что вы меня полюбили?“ Вотъ что она говорила, вотъ что хотѣлось ей доказать вамъ. Ваше тщеславіе, вашъ ревнивый эгоизмъ были безжалостны. Прощайте! Объясненій не нужно! Но смотрите, я васъ знаю всего, вижу насквозь, не забывайте же этого!

Я вошла въ свою комнату, едва помня, что со мной сдѣлалось. У дверей меня остановилъ Овровъ, помощникъ по дѣламъ Петра Александровича.

— Мнѣ бы хотѣлось поговорить съ вами, сказалъ онъ съ учтивымъ поклономъ.

Я смотрѣла на него, едва понимая то, что онъ мнѣ сказалъ.

— Послѣ, извините меня, я нездорова, отвѣчала я, наконецъ, проходя мимо него.

— Итакъ, завтра, сказалъ онъ, откланиваясь, съ какою-то двусмысленною улыбкой.

Но, можетъ быть, это мнѣ такъ показалось. Все это— какъ будто мелькнуло у меня передъ глазами.

МАЛЕНЬКІЙ ГЕРОЙ.*)

ИЗЪ НЕИЗВѢСТНЫХЪ МЕМУАРОВЪ.

Было мнѣ тогда безъ малаго одиннадцать лѣтъ. Въ іюлѣ отпустили меня гостить въ подмосковную деревню, къ моему родственнику, Т—ву, къ которому въ то время съѣхалось человѣкъ пятьдесятъ, а, можетъ-быть, и больше, гостей... не помню, не сосчиталъ. Было шумно и весело. Казалось, это былъ праздникъ, который съ тѣмъ и начался, чтобъ никогда не кончиться. Казалось, нашъ хозяинъ далъ себѣ слово какъ можно скорѣе промотать все свое огромное состояніе, и ему удалось-таки недавно оправдать эту догадку, то-есть промотать все до тла, до чиста, до послѣдней щепки. Поминутно наѣзжали новые гости; Москва же была въ двухъ шагахъ, на виду, такъ что уѣзжавшіе только уступали мѣсто другимъ, а праздникъ шелъ своимъ чередомъ. Увеселенія смѣнялись одни другими, и затѣямъ конца не предвидѣлось. То верховая ѣзда по окрестностямъ, цѣлыми партіями, то прогулки въ боръ или по рѣкѣ: пикники, обѣды въ полѣ; ужины на большой террасѣ дома, обставленной тремя рядами драгоцѣнныхъ цвѣтовъ, заливавшихъ ароматами свѣжій ночной воздухъ, при блестящемъ освѣщеніи, отъ котораго наши дамы, и безъ того почти всѣ до одной хорошенькія, казались еще прелестнѣе съ ихъ одушевленными отъ дневныхъ впечатлѣній лицами, съ ихъ сверкающими глазками, съ ихъ перекрестною рѣзвою рѣчью, переливавшеюся звонкимъ, какъ колокольчикъ, смѣхомъ: танцы, музыка, пѣніе; если хмурилось небо, сочинялись живыя картины, шарады, пословицы; устраивался домашній театръ. Явились краснобаи, разсказчики, бонмотисты.

Нѣсколько лицъ рѣзко обрисовалось на первомъ планѣ. Разумѣется, злословіе, сплетни шли своимъ чередомъ,

*) Написанъ въ 1849 г.; въ первый разъ напечатанъ въ „Отечественныхъ Запискахъ", августъ 1857 г.

такъ какъ безъ нихъ и свѣтъ не стоитъ, и милліоны особъ перемерли бы отъ тоски, какъ мухи. Но такъ какъ мнѣ было одиннадцать лѣтъ, то я и не замѣчалъ тогда этихъ особъ, отвлеченный совсѣмъ другимъ, а если и замѣтилъ что, такъ не все. Послѣ уже кое-что пришлось вспомнить. Только одна блестящая сторона картины могла броситься въ мои дѣтскіе глаза, и это всеобщее одушевленіе, блескъ, шумъ,—все это доселѣ невиданное и неслыханное мною, такъ поразило меня, что я въ первые дни совсѣмъ растерялся и маленькая голова моя закружилась.

Но я все говорю про свои одиннадцать лѣтъ и, конечно, я былъ ребенокъ, не болѣе какъ ребенокъ. Многія изъ этихъ прекрасныхъ женщинъ, лаская меня, еще не думали справляться съ моими годами. Но,— странное дѣло! Какое-то непонятное мнѣ самому ощущеніе уже овладѣло мною; что-то шелестило уже по моему сердцу, до сихъ поръ незнакомое и невѣдомое ему, но отъ чего оно, подчасъ, горѣло и билось, будто испуганное, и часто неожиданнымъ румянцемъ обливалось лицо мое. Порой мнѣ какъ-то стыдно, и даже обидно было за разныя дѣтскія мои привилегіи. Другой разъ какъ будто удивленіе одолѣвало меня, и я уходилъ куда-нибудь, гдѣ бы не могли меня видѣть, какъ будто для того, чтобъ перевести духъ и что-то припомнить, что-то такое, что̀ до сихъ поръ, казалось мнѣ, я очень хорошо помнилъ и про что теперь вдругъ позабылъ, но безъ чего, однакожъ, мнѣ покуда нельзя показаться и никакъ нельзя быть.

То, наконецъ, казалось мнѣ, что я что-то затаилъ отъ всѣхъ, но ни за что и никому не сказывалъ объ этомъ, затѣмъ, что стыдно мнѣ, маленькому человѣку, до слезъ. Скоро среди вихря, меня окружавшаго, почувствовалъ я какое-то одиночество. Тутъ были и другія дѣти, но всѣ— или гораздо моложе, или гораздо старше меня; да, впрочемъ, не до нихъ было мнѣ. Конечно, ничего-бъ и не случилось со мною, если-бъ я не былъ въ исключительномъ положеніи. На глаза всѣхъ этихъ прекрасныхъ дамъ я все еще былъ то же маленькое, неопредѣленное существо, которое онѣ подчасъ любили ласкать и съ которымъ имъ можно было играть, какъ съ маленькой куклой. Особенно одна изъ нихъ, очаровательная блондинка, съ пышными, густѣйшими волосами, какихъ я никогда потомъ не видѣлъ и вѣрно никогда не увижу, казалось, поклялась не давать мнѣ покоя. Меня смущалъ, а ее веселилъ смѣхъ,

раздававшійся кругомъ насъ, который она поминутно вызывала своими рѣзкими, взбалмошными выходками со мною, что, видно, доставляло ей огромное наслажденіе. Въ пансіонахъ, между подругами, ее навѣрное прозвали бы школьницей. Она была чудно хороша, и что-то было въ ея красотѣ, что такъ и металось въ глаза съ перваго взгляда. И, ужъ конечно, она непохожа была на тѣхъ маленькихъ, стыдливенькихъ блондиночекъ, бѣленькихъ, какъ пушокъ, и нѣжныхъ, какъ бѣлыя мышки или пасторскія дочки. Ростомъ она была невысока и немного полна, но съ нѣжными, тонкими линіями лица, очаровательно нарисованными. Что-то какъ молнія сверкающее было въ этомъ лицѣ, да и вся она — какъ огонь, живая, быстрая, легкая. Изъ ея большихъ открытыхъ глазъ будто искры сыпались: они сверкали какъ алмазы, и никогда я не промѣняю такихъ голубыхъ, искрометныхъ глазъ ни на какіе черные, будь они чернѣе самаго чернаго андалузскаго взгляда, да и блондинка моя, право, стоила той знаменитой брюнетки, которую воспѣлъ одинъ извѣстный и прекрасный поэтъ, и который еще въ такихъ превосходныхъ стихахъ поклялся всей Кастиліей, что готовъ переломать себѣ кости, если позволятъ ему только кончикомъ пальца прикоснуться къ мантильѣ его красавицы. Прибавь къ тому, что *моя* красавица была самая веселая изъ всѣхъ красавицъ въ мірѣ, самая взбалмошная хохотунья, рѣзвая, какъ ребенокъ, несмотря на то, что лѣтъ пять какъ была уже замужемъ. Смѣхъ ея не сходилъ съ ея губъ, свѣжихъ, какъ свѣжая утренняя роза, только что успѣвшая раскрыть, съ первымъ лучомъ солнца, свою алую, ароматную почку, на которой еще не обсохли холодныя, крупныя капли росы.

Помню, что на второй день моего пріѣзда былъ устроенъ домашній театръ. Зала была, какъ говорится, набита биткомъ: не было ни одного мѣста свободнаго; а такъ какъ мнѣ привелось почему-то опоздать, то я и принужденъ былъ наслаждаться спектаклемъ стоя. Но веселая игра все болѣе и болѣе тянула меня впередъ, и я незамѣтно пробрался до самыхъ первыхъ рядовъ, гдѣ и сталъ, наконецъ, облокотясь на спинку креселъ, въ которыхъ сидѣла одна дама. Это была моя блондинка; но мы еще знакомы не были. И вотъ, какъ-то невзначай, засмотрѣлся я на ея чудно-округленныя, соблазнительныя плечи, полныя, бѣлыя, какъ молочный кипень, хотя мнѣ рѣшительно все равно было смотрѣть: на чудесныя женскія плечи,

или на чепецъ съ огненными лентами, скрывавшій сѣдины одной почтенной дамы въ первомъ ряду. Возлѣ блондинки сидѣла перезрѣлая дѣва, одна изъ тѣхъ, которыя, какъ случалось мнѣ потомъ замѣчать, вѣчно ютятся гдѣ-нибудь, какъ можно поближе къ молоденькимъ и хорошенькимъ женщинамъ, выбирая такихъ, которыя не любятъ гонять отъ себя молодежь. Но не въ томъ дѣло; только эта дѣва подмѣтила мои наблюденія, нагнулась къ сосѣдкѣ и, хихикая, пошептала ей что-то на ухо. Сосѣдка вдругъ обернулась и, помню, что огневые глаза ея такъ сверкнули на меня въ полусумракѣ, что я, не приготовленный къ встрѣчѣ, вздрогнулъ какъ будто обжогшись. Красавица улыбнулась.

— Нравится вамъ, что̀ играютъ? спросила она, лукаво и насмѣшливо посмотрѣвъ мнѣ въ глаза.

— Да, отвѣчалъ я, все еще смотря на нее въ какомъ-то удивленіи, которое ей, въ свою очередь, видимо нравилось.

— А зачѣмъ же вы стоите? Такъ—устанете; развѣ вамъ мѣста нѣтъ?

— То-то и есть, что нѣтъ, отвѣчалъ я, на этотъ разъ болѣе занятый заботой, чѣмъ искрометными глазами красавицы, и пресерьезно обрадовавшись, что нашлось, наконецъ, доброе сердце, которому можно открыть свое горе.—Я ужъ искалъ, да всѣ стулья заняты, прибавилъ я, какъ будто жалуясь ей на то, что всѣ стулья заняты.

— Ступай сюда, живо заговорила она, скорая на всѣ рѣшенія такъ же, какъ и на всякую сумасбродную идею, какая бы ни мелькнула въ взбалмошной ея головѣ,—ступай сюда, ко мнѣ, и садись мнѣ на колѣни.

— На колѣни?.. повторилъ я, озадаченный.

Я уже сказалъ, что мои привилегіи серьезно начали меня обижать и совѣстить. Эта, будто на смѣхъ, не въ примѣръ другимъ далеко заходила. Къ тому же я, и безъ того всегда робкій и стыдливый мальчикъ, теперь какъ-то особенно началъ робѣть передъ женщинами, и потому ужасно сконфузился.

— Ну да, на колѣни! Отчего же ты не хочешь сѣсть ко мнѣ на колѣни? настаивала она, начиная смѣяться все сильнѣе и сильнѣе, такъ что, наконецъ, просто припялась хохотать, Богъ знаетъ чему, можетъ-быть, своей же выдумкѣ, или обрадовавшись, что я такъ сконфузился. Но ей того-то и нужно было.

Я покраснѣлъ и, въ смущеніи, осматривался кругомъ, пріискивая—куда бы уйти; но она уже предупредила меня,

какъ-то успѣвъ поймать мою руку, именно для того, чтобъ я не ушелъ, и, притянувъ ее къ себѣ, вдругъ, совсѣмъ неожиданно, къ величайшему моему удивленію, пребольно сжала ее въ своихъ шаловливыхъ, горячихъ пальчикахъ и начала ломать мои пальцы, но такъ больно, что я напрягалъ всѣ усилія, чтобъ не закричать, и при этомъ дѣлалъ пресмѣшныя гримасы. Кромѣ того, я былъ въ ужаснѣйшемъ удивленіи, недоумѣніи, ужасѣ даже, узнавъ, что есть такія смѣшныя и злыя дамы, которыя говорятъ съ мальчиками про такіе пустяки, да еще больно такъ щиплются. Богъ знаетъ за что и при всѣхъ. Вѣроятно, мое несчастное лицо отражало всѣ мои недоумѣнія, потому что шалунья хохотала мнѣ въ глаза, какъ безумная, а между тѣмъ все сильнѣе и сильнѣе щипала и ломала мои бѣдные пальцы. Она была внѣ себя отъ восторга, что удалось-таки нашкольничать, сконфузить бѣднаго мальчика и замистифировать его въ прахъ. Положеніе мое было отчаянное. Во-первыхъ, я горѣлъ отъ стыда, потому что почти всѣ кругомъ насъ оборотились къ намъ, одни въ недоумѣніи, другіе со смѣхомъ, сразу поняв, что красавица что-нибудь напроказила. Кромѣ того, мнѣ страхъ какъ хотѣлось кричать, потому что она ломала мои пальцы съ какимъ-то ожесточеніемъ, именно за то, что я не кричу; а я, какъ спартанецъ, рѣшился выдерживать боль, боясь надѣлать крикомъ суматоху, послѣ которой, ужъ не знаю, что бы сталось со мною. Въ припадкѣ совершеннаго отчаянія, началъ я, наконецъ, борьбу и принялся изъ всѣхъ силъ тянуть къ себѣ свою собственную руку, но тиранка моя была гораздо меня сильнѣе. Наконецъ, я не выдержалъ, вскрикнулъ, — того только и ждала! Мигомъ она бросила меня и отвернулась, какъ ни въ чемъ не бывало, какъ будто и не она напроказила, а кто другой, ну точь-въ-точь какой-нибудь школьникъ, который, чуть отвернулся учитель, уже успѣлъ напроказить гдѣ-нибудь по сосѣдству, щипнуть какого-нибудь крошечнаго слабосильнаго мальчика, дать ему щелчка, пинка, подтолкнуть ему локоть и мигомъ опять повернуться, поправиться, уткнувшись въ книгу, начать долбить свой урокъ и, такимъ образомъ, оставить разгнѣваннаго господина учителя, бросившагося, подобно ястребу, на шумъ, — съ предлиннымъ и неожиданнымъ носомъ.

Но, къ моему счастью, общее вниманіе увлечено было въ эту минуту мастерской игрой нашего хозяина, который

исполнялъ въ игравшейся пьескѣ какой-то скрибовской комедіи главную роль. Всѣ зааплодировали; я, подъ шумокъ, скользнулъ изъ ряда и забѣжалъ на самый конецъ залы, въ противоположный уголъ, откуда, притаясь за колонной, съ ужасомъ смотрѣлъ туда, гдѣ сидѣла коварная красавица. Она все еще хохотала, закрывъ платкомъ свои губки. И долго еще она оборачивалась назадъ, выглядывая меня по всѣмъ угламъ,—вѣроятно, очень жалѣя, что такъ скоро кончилась наша сумасбродная схватка, и придумывая, какъ бы еще что-нибудь напроказить.

Этимъ началось наше знакомство, и съ этого вечера она уже не отставала отъ меня ни на шагъ. Она преслѣдовала меня безъ мѣры и совѣсти, сдѣлалась гонительницей, тиранкой моей. Весь комизмъ ея продѣлокъ со мной заключался въ томъ, что она сказалась влюбленною въ меня по-уши и рѣзала меня при всѣхъ. Разумѣется, мнѣ, прямому дикарю, все это до слезъ было тяжело и досадно, такъ что я уже нѣсколько разъ былъ въ такомъ серьезномъ и критическомъ положеніи, что готовъ былъ подраться съ моей коварной обожательницей. Мое наивное смущеніе, моя отчаянная тоска, какъ будто окрыляли ее преслѣдовать меня до конца. Она не знала жалости, а я не зналъ—куда отъ нея дѣваться. Смѣхъ, раздававшійся кругомъ насъ, и который она умѣла такъ вызвать, только поджигалъ ее на новыя шалости. Но стали, наконецъ, находить ея шутки немного слишкомъ далекими. Да и вправду, какъ пришлось теперь вспомнить, она уже черезчуръ позволяла себѣ съ такимъ ребенкомъ, какъ я.

Но ужъ такой былъ характеръ; была она, по всей формѣ, баловница. Я слышалъ потомъ, что избаловалъ ее всего болѣе ея же собственный мужъ, очень толстенькій, очень невысокій и очень красный человѣкъ, очень богатый и очень дѣловой, по крайней мѣрѣ, съ виду: вертлявый, хлопотливый, онъ двухъ часовъ не могъ прожить на одномъ мѣстѣ. Каждый день ѣздилъ онъ отъ насъ въ Москву, иногда по два раза, и все, какъ самъ увѣрялъ, по дѣламъ. Веселѣе и добродушнѣе этой комической и, между тѣмъ, всегда порядочной физіономіи трудно было сыскать. Онъ мало того, что любилъ жену до слабости, до жалости,—онъ просто покланялся ей, какъ идолу.

Онъ не стѣснялъ ее ни въ чемъ. Друзей и подругъ у ней было множество. Во-первыхъ, мало кто ее не любилъ, а, во-вторыхъ, — вѣтреница и сама была не слишкомъ

разборчива въ выборѣ друзей своихъ, хотя въ основѣ ея характера было гораздо болѣе серьезнаго, чѣмъ сколько можно предположить, судя по тому, что̀ я теперь разсказалъ. Но изъ всѣхъ подругъ своихъ, она всѣхъ больше любила и отличала одну молодую даму, свою дальнюю родственницу, которая теперь тоже была въ нашемъ обществѣ. Между ними была какая-то нѣжная, утонченная связь, одна изъ тѣхъ связей, которыя зарождаются иногда при встрѣчѣ двухъ характеровъ, часто совершенно противоположныхъ другъ другу, но изъ которыхъ одинъ и строже, и глубже, и чище другого, тогда какъ другой, съ высокимъ смиреніемъ и съ благороднымъ чувствомъ самооцѣнки, любовно подчиняется ему, почувствовавъ все превосходство его надъ собою, и, какъ счастье, заключаетъ въ сердцѣ своемъ его дружбу. Тогда-то начинается эта нѣжная и благородная утонченность въ отношеніяхъ такихъ характеровъ, любовь и снисхожденіе до конца съ одной стороны, любовь и уваженіе съ другой,—уваженіе, доходящее до какого-то страха, до боязни за себя въ глазахъ того, кѣмъ та́къ высоко дорожишь, и до ревниваго, жаднаго желанія съ каждымъ шагомъ въ жизни все ближе и ближе подходить къ его сердцу. Обѣ подруги были однихъ лѣтъ, но между ними была неизмѣримая разница во всемъ, начиная съ красоты. M-me M* была тоже очень хороша собой, но въ красотѣ ея было что-то особенное, рѣзко отдѣлявшее ее отъ толпы хорошенькихъ женщинъ; было что-то въ лицѣ ея, что̀ тотчасъ же неотразимо влекло къ себѣ всѣ симпатіи, или, лучше сказать, что̀ пробуждало благородную, возвышенную симпатію въ томъ, кто встрѣчалъ ее. Есть такія счастливыя лица. Возлѣ нея всякому становилось какъ-то лучше, какъ-то свободнѣе, какъ-то теплѣе, и, однакожъ, ея грустные, большіе глаза, полные огня и силы, смотрѣли робко и безпокойно, будто подъ ежеминутнымъ страхомъ чего-то враждебнаго и грознаго, и эта странная робость такимъ уныніемъ покрывала подчасъ ея тихія, кроткія черты, напоминавшія свѣтлыя лица итальянскихъ мадоннъ, что, смотря на нее, самому становилось скоро такъ же грустно, какъ за собственную, какъ за родную печаль. Это блѣдное, похудѣвшее лицо, въ которомъ, сквозь безукоризненную красоту чистыхъ, правильныхъ линій и унылую суровость глухой, затаенной тоски, еще такъ часто просвѣчивалъ первоначальный дѣтски-ясный обликъ, — образъ

еще недавнихъ довѣрчивыхъ лѣтъ и, можетъ-быть, наивнаго счастья; эта тихая, но несмѣлая, колебавшаяся улыбка, — все это поражало такимъ безотчетнымъ участіемъ къ этой женщинѣ, что въ сердцѣ каждаго невольно зарождалась сладкая, горячая забота, которая громко говорила за нее еще издали, и еще вчужѣ роднила съ нею. Но красавица казалась какъ-то молчаливою, скрытною, хотя, конечно, не было существа болѣе внимательнаго и любящаго, когда кому-нибудь надобилось сочувствіе. Есть женщины, которыя точно сестры милосердія въ жизни. Передъ ними можно ничего не скрывать, по крайней мѣрѣ, ничего, что̀ есть больного и уязвленнаго въ душѣ. Кто страждетъ, тотъ смѣло и съ надеждой иди къ нимъ и не бойся быть въ тягость, затѣмъ, что рѣдкій изъ насъ знаетъ, насколько можетъ быть безконечно-терпѣливой любви, состраданія и всепрощенія въ иномъ женскомъ сердцѣ. Цѣлыя сокровища симпатіи, утѣшенія, надежды хранятся въ этихъ чистыхъ сердцахъ, такъ часто тоже уязвленныхъ,—потому что сердце, которое много любитъ, много груститъ,—но гдѣ рана бережно закрыта отъ любопытнаго взгляда, затѣмъ, что глубокое горе всего чаще молчитъ и таится. Ихъ же не испугаетъ ни глубина раны, ни гной ея, ни смрадъ ея: кто къ нимъ подходитъ, тотъ ужъ ихъ достоинъ; да онѣ, впрочемъ, какъ будто и родятся на подвигъ... M-me M* была высока ростомъ, гибка и стройна, но нѣсколько тонка. Всѣ движенія ея были какъ-то неровны, то медленны, плавны и даже какъ-то важны, то дѣтски скоры, а вмѣстѣ съ тѣмъ и какое-то робкое смиреніе проглядывало въ ея жестѣ, что-то какъ будто трепещущее и незащищенное, но никого не просившее и не молившее о защитѣ.

Я уже сказалъ, что непохвальныя притязанія коварной блондинки стыдили меня, рѣзали меня, язвили меня до крови. Но этому была еще причина тайная, странная, глупая, которуя я таилъ, за которую дрожалъ, какъ кащей, и даже при одной мысли о ней, одинъ на одинъ съ опрокинутой моей головою, гдѣ-нибудь въ таинственномъ, темномъ углу, куда не досягалъ инквизиторскій, насмѣшливый взглядъ никакой голубоокой плутовки, при одной мысли объ этомъ предметѣ я чуть не задыхался отъ смущенія, стыда и боязни,—словомъ, я былъ влюбленъ, то-есть, положимъ, что я сказалъ вздоръ: этого быть не могло; но отчего же изъ всѣхъ лицъ, меня окружавшихъ,

только одно лицо уловлялось моимъ вниманіемъ? Отчего только за нею я любилъ слѣдить взглядомъ, хотя мнѣ рѣшительно не до того было тогда, чтобъ выглядывать дамъ и знакомиться съ ними? Случалось это всего чаще по вечерамъ, когда непастье запирало всѣхъ въ комнаты и когда я, одиноко притаясь гдѣ-нибудь въ углу залы, безпредметно глазѣлъ по сторонамъ, рѣшительно не находя никакого другого занятія, потому что со мной, исключая моихъ гонительницъ, рѣдко кто говорилъ, и было мнѣ въ такіе вечера нестерпимо скучно. Тогда всматривался я въ окружавшія меня лица, вслушивался въ разговоръ, въ которомъ часто не понималъ ни слова, и вотъ въ это-то время тихіе взгляды, кроткая улыбка и прекрасное лицо m-me M* (потому что это была она), Богъ знаетъ почему уловлялись моимъ зачарованнымъ вниманіемъ, и ужъ не изглаживалось это странное, неопредѣленное, но непостижимо-сладкое впечатлѣніе мое. Часто по цѣлымъ часамъ я какъ будто ужъ и не могъ отъ нея оторваться; я заучилъ каждый жестъ, каждое движеніе ея, вслушался въ каждую вибрацію густого, серебристаго, но нѣсколько заглушеннаго голоса, — и, странное дѣло! Изъ всѣхъ наблюденій своихъ вынесъ, вмѣстѣ съ робкимъ и сладкимъ впечатлѣніемъ, какое-то непостижимое любопытство. Похоже было на то, какъ будто я допытывался какой-нибудь тайны.

Всего мучительнѣе для меня были насмѣшки въ присутствіи m-me M*. Эти насмѣшки и комическія гоненія, по моимъ понятіямъ, даже унижали меня. И когда, случалось, раздавался общій смѣхъ на мой счетъ, въ которомъ даже m-me M* иногда невольно принимала участіе, тогда я, въ отчаяніи, внѣ себя отъ горя, вырывался отъ своихъ тирановъ и убѣгалъ наверхъ, гдѣ и дичалъ остальную часть дня, не смѣя показать своего лица въ залѣ. Впрочемъ, я и самъ еще не понималъ ни своего стыда, ни волненія; весь процессъ переживался во мнѣ безсознательно. Съ m-me M* я почти не сказалъ еще и двухъ словъ, да и, конечно, не рѣшился бы на это. Но вотъ, однажды вечеромъ, послѣ несноснѣйшаго для меня дня, отсталъ я отъ другихъ на прогулкѣ, ужасно усталъ и пробирался домой черезъ садъ. На одной скамьѣ, въ уединенной аллеѣ, увидѣлъ я m-me M*. Она сидѣла одна-одинехонька, какъ будто нарочно выбравъ такое уединенное мѣсто, склонивъ голову на грудь и машинально

перебирая въ рукахъ платокъ. Она была въ такой задумчивости, что и не слышала, какъ я съ ней поровнялся.

Замѣтивъ меня, она быстро поднялась со скамьи, отвернулась и, я увидѣлъ, на-скоро отерла глаза платкомъ. Она плакала. Осушивъ глаза, она улыбнулась мнѣ и пошла вмѣстѣ со мной домой. Ужъ не помню, о чемъ мы съ ней говорили; но она поминутно отсылала меня, подъ разными предлогами: то просила сорвать ей цвѣтокъ, то посмотрѣть, кто ѣдетъ верхомъ по сосѣдней аллеѣ. И когда я отходилъ отъ нея, она тотчасъ же опять подносила платокъ къ глазамъ своимъ и утирала непослушныя слезы, которыя никакъ не хотѣли покинуть ее, все вновь и вновь накипали въ сердцѣ и все лились изъ ея бѣдныхъ глазъ. Я понималъ, что, видно, я ей очень въ тягость, когда она такъ часто меня отсылаетъ, да и сама она уже видѣла, что я все замѣтилъ, но только не могла удержаться, и это меня еще болѣе за нее надрывало. Я злился на себя въ эту минуту почти до отчаянія, проклиналъ себя за неловкость и ненаходчивость, и все-таки не зналъ, какъ ловче отстать отъ нея, не выказавъ, что замѣтилъ ея горе, по шелъ рядомъ съ нею, въ грустномъ изумленіи, даже въ испугѣ, совсѣмъ растерявшись и рѣшительно не находя ни одного слова для поддержки оскудѣвшаго нашего разговора.

Эта встрѣча такъ поразила меня, что я весь вечеръ съ жаднымъ любопытствомъ слѣдилъ потихоньку за m-me M* и не спускалъ съ нея глазъ. Но случилось такъ, что она два раза застала меня врасплохъ, среди моихъ наблюденій, и во второй разъ, замѣтивъ меня, улыбнулась. Это была ея единственная улыбка за весь вечеръ. Грусть еще не сходила съ лица ея, которое было теперь очень блѣдно. Все время она тихо разговаривала съ одной пожилой дамой, злой и сварливой старухой, которой никто не любилъ за шпіонство и сплетни, но которой всѣ боялись, а потому и принуждены были всячески угождать ей, волей-неволей...

Часовъ въ десять пріѣхалъ мужъ m-me M*. До сихъ поръ я наблюдалъ за ней очень пристально, не отрывая глазъ отъ ея грустнаго лица; теперь же, при неожиданномъ входѣ мужа, я видѣлъ, какъ она вся вздрогнула, а лицо ея, и безъ того уже блѣдное, сдѣлалось вдругъ бѣлѣе платка. Это было такъ примѣтно, что и другіе замѣтили: я разслышалъ въ сторонѣ отрывочный разговоръ, изъ котораго кое-какъ догадался, что бѣдной m-me M*

не совѣмъ хорошо. Говорили, что мужъ ея ревнивъ, какъ арапъ, не изъ любви, а изъ самолюбія. Прежде всего это былъ европеецъ, человѣкъ современный, съ образчиками новыхъ идей и тщеславящійся своими плечами. Съ виду это былъ черноволосый, высокій и особенно плотный господинъ, съ европейскими бакенбардами, съ самодовольнымъ, румянымъ лицомъ, съ бѣлыми какъ сахаръ зубами и съ безукоризненно джентльменской осанкой. Называли его *умнымъ человѣкомъ*. Такъ въ иныхъ кружкахъ называютъ одну особую породу растолстѣвшаго на чужой счетъ человѣчества, которая ровно ничего не дѣлаетъ, которая ровно ничего не хочетъ дѣлать и у которой, отъ вѣчной лѣности и ничегонедѣланія, вмѣсто сердца кусокъ жира. Отъ нихъ же поминутно слышишь, что имъ нечего дѣлать вслѣдствіе какихъ-то очень запутанныхъ, враждебныхъ обстоятельствъ, которыя „утомляютъ ихъ геній“ и что на нихъ, поэтому, „грустно смотрѣть“. Это ужъ у нихъ такая пышная фраза, ихъ mot d'ordre, ихъ пароль и лозунгъ, фраза, которую мои сытые толстяки растачиваютъ вездѣ поминутно, что уже давно начинаетъ надоѣдать, какъ отъявленное тартюфство и пустое слово. Впрочемъ, нѣкоторые изъ этихъ забавниковъ, никакъ не могущихъ найти что имъ дѣлать, — чего, впрочемъ, никогда и не искали они, — именно на то мѣтятъ, чтобъ всѣ думали, что у нихъ вмѣсто сердца не жиръ, а, напротивъ, говоря вообще, что-то *очень глубокое*, но что именно — объ этомъ не сказалъ бы самый первѣйшій хирургъ, конечно, изъ учтивости. Эти господа тѣмъ и пробиваются на свѣтѣ, что устремляютъ всѣ свои инстинкты на грубое зубоскальство, самое близорукое осужденіе и безмѣрную гордость. Такъ какъ имъ нечего больше дѣлать, какъ подмѣчать и затверживать чужія ошибки и слабости, и такъ какъ въ нихъ добраго чувства ровнешенько настолько, сколько дано его въ удѣлъ устрицѣ, то имъ и не трудно, при такихъ предохранительныхъ средствахъ, прожить съ людьми довольно осмотрительно. Этимъ они чрезмѣрно тщеславятся. Они, напримѣръ, почти увѣрены, что у нихъ чуть-ли не весь міръ на оброкѣ; что онъ у нихъ, какъ устрица, которую они берутъ про запасъ; что всѣ, кромѣ ихъ, дураки; что всякъ похожъ на апельсинъ или на губку, которую они, нѣтъ-нѣтъ, да и выжмутъ, пока сокъ надобится; что они всему хозяева и что весь этотъ похвальный порядокъ вещей происходитъ именно оттого,

что они такіе умные и характерные люди. Въ своей безмѣрной гордости, они не допускаютъ въ себѣ недостатковъ. Они похожи на ту породу житейскихъ плутовъ, прирожденныхъ Тартюфовъ и Фальстафовъ, которые до того заплутовались, что, наконецъ, и сами увѣрились, что такъ и должно тому быть, то-есть, чтобъ жить имъ да плутовать; до того часто увѣряли всѣхъ, что они честные люди, что, наконецъ, и сами увѣрились, будто они дѣйствительно честные люди, и что ихъ плутовство-то и есть честное дѣло. Для совмѣстнаго внутренняго суда, для благородной самооцѣнки ихъ никогда не хватитъ; для иныхъ вещей они слишкомъ толсты. На первомъ планѣ у нихъ всегда и во всемъ ихъ собственная золотая особа, ихъ Молохъ и Ваалъ, ихъ великолѣпное *я*. Вся природа, весь міръ для нихъ не болѣе, какъ одно великолѣпное зеркало, которое и создано для того, чтобъ мой божокъ безпрерывно въ него на себя любовался и изъ-за себя никого и ничего не видѣлъ; послѣ этого и не мудрено, что все на свѣтѣ видитъ онъ въ такомъ безобразномъ видѣ. На все у него припасена готовая фраза и — что, однакожъ, верхъ ловкости съ ихъ стороны—самая модная фраза. Даже они-то и способствуютъ этой модѣ, голословно распространяя по всѣмъ перекресткамъ ту мысль, которой почуютъ успѣхъ. Именно у нихъ есть чутье, чтобъ пронюхать такую модную фразу и раньше другихъ усвоить ее себѣ, такъ, что какъ будто она отъ нихъ и пошла. Особенно же запасаются они своими фразами на изъявленіе своей глубочайшей симпатіи къ человѣчеству, на опредѣленіе, что такое самая правильная и оправданная разсудкомъ филантропія и, наконецъ, чтобъ безостановочно карать романтизмъ, то-есть зачастую все прекрасное и истинное, каждый атомъ котораго дороже всей ихъ слизняковой породы. Но грубо не узнаютъ они истины въ уклоненной, переходной и неготовой формѣ, и отталкиваютъ все, что еще не поспѣло, не устоялось и бродитъ. Упитанный человѣкъ всю жизнь прожилъ навеселѣ, на всемъ готовомъ, самъ ничего не сдѣлалъ и не знаетъ, какъ трудно всякое дѣло дѣлается, а потому бѣда какой-нибудь шероховатостью задѣть его жирныя чувства: за это онъ никогда не проститъ, всегда припомнитъ и отомститъ съ наслажденіемъ. Итогъ всему выйдетъ, что мой герой есть, не болѣе—не менѣе, какъ исполинскій, до-нельзя раздутый мѣшокъ, полный

сентенцій, модныхъ фразъ и ярлыковъ всѣхъ родовъ и сортовъ.

Но, впрочемъ, m-r M* имѣлъ и особенность, былъ человѣкъ примѣчательный; это былъ острякъ, говорунъ и разсказчикъ, и въ гостиныхъ кругомъ него всегда собирался кружокъ. Въ тотъ вечеръ особенно ему удалось произвесть впечатлѣніе. Онъ овладѣлъ разговоромъ; онъ былъ въ ударѣ, веселъ, чему-то радъ и заставилъ-таки всѣхъ глядѣть на себя. Но m-me M* все время была какъ больная; лицо ея было такое грустное, что мнѣ поминутно казалось, что вотъ-вотъ сейчасъ задрожатъ на ея длинныхъ рѣсницахъ давешнія слезы. Все это, какъ я сказалъ, поразило и удивило меня чрезвычайно. Я ушелъ съ чувствомъ какого-то страннаго любопытства, и всю ночь снился мнѣ m-r M*, тогда какъ до тѣхъ поръ я рѣдко видывалъ безобразные сны.

На другой день, рано поутру, позвали меня на репетицію живыхъ картинъ, въ которыхъ и у меня была роль. Живыя картины, театръ и потомъ балъ, все въ одинъ вечеръ, назначались не далѣе какъ дней черезъ пять, по случаю домашняго праздника, — дня рожденія младшей дочери нашего хозяина. На праздникъ этотъ, почти импровизированный, приглашены были изъ Москвы и изъ окрестныхъ дачъ еще человѣкъ сто гостей, такъ что много было и возни, и хлопотъ, и суматохи. Репетиціи, или, лучше сказать, смотръ костюмовъ, назначены были не во-время, поутру, потому что нашъ режиссеръ, извѣстный художникъ P*, пріятель и гость нашего хозяина, по дружбѣ къ нему согласившійся взять на себя сочиненіе и постановку картинъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нашу выучку, спѣшилъ теперь въ городъ для закупокъ по бутафорской части и для окончательныхъ заготовленій къ празднику, такъ что времени терять было некогда. Я участвовалъ въ одной картинѣ, вдвоемъ съ m-me M*. Картина выражала сцену изъ средневѣковой жизни и называлась: „Госпожа замка и ея пажъ“.

Я почувствовалъ непзъяснимое смущеніе, сошедшись съ m-me M* на репетиціи. Мнѣ такъ и казалось, что она тотчасъ же вычитаетъ изъ глазъ моихъ всѣ думы, сомнѣнія, догадки, зародившіяся со вчерашняго дня въ головѣ моей. Къ тому же мнѣ все казалось, что я какъ будто бы виноватъ предъ нею, заставъ вчера ея слезы и помѣшавъ ея горю, такъ что она поневолѣ должна будетъ коситься

на меня, какъ на непріятнаго свидѣтеля и непрошеннаго участника ея тайны. Но, слава Богу, дѣло обошлось безъ большихъ хлопотъ; меня просто не замѣтили. Ей, кажется, было вовсе не до меня и не до репетиціи: она была разсѣяна, грустна и мрачно задумчива: видно было, что ее мучила какая-то большая забота. Покончивъ съ моею ролью, я побѣжалъ переодѣться и черезъ десять минутъ вышелъ на террасу въ садъ. Почти въ то же время изъ другихъ дверей вышла и m-me M*, и, какъ разъ намъ напротивъ, появился самодовольный супругъ ея, который возвращался изъ сада. только что проводивъ туда цѣлую группу дамъ, и тамъ успѣвъ сдать ихъ, съ рукъ на руки, какому-то досужему cavalier servant. Встрѣча мужа и жены очевидно была неожиданна. M-me M*, неизвѣстно почему-то, вдругъ смутилась и легкая досада промелькнула въ ея нетерпѣливомъ движеніи. Супругъ, безпечно насвистывавшій арію и во всю дорогу глубокомысленно охорашивавшій свои бакенбарды, теперь, при встрѣчѣ съ женою, нахмурился и оглядѣлъ ее, какъ припоминаю теперь, рѣшительно инквизиторскимъ взглядомъ.

— Вы въ садъ? спросилъ онъ, замѣтивъ омбрельку и книгу въ рукахъ жены.

— Нѣтъ, въ рощу, отвѣчала она, слегка покраснѣвъ.

— Одне?

— Съ нимъ... проговорила m-me M*, указавъ на меня.— Я гуляю поутру одна, прибавила она какимъ-то неровнымъ, неопредѣленнымъ голосомъ, точно такимъ, когда лгутъ первый разъ въ жизни.

— Гм... А я только что проводилъ туда цѣлую компанію. Тамъ всѣ собираются у цвѣточной бесѣдки, провожать Н—го. Онъ ѣдетъ, вы знаете... У него какая-то бѣда случилась тамъ, въ Одессѣ... Ваша кузина (онъ говорилъ о блондинкѣ) и смѣется, и чуть не плачетъ, все разомъ, не разберешь ее. Она мнѣ, впрочемъ, сказала, что вы за что-то сердиты на Н—го и потому не пошли его провожать. Конечно, вздоръ?

— Она смѣется, отвѣчала m-me M*, сходя со ступенекъ террасы.

— Такъ это вашъ каждодневный cavalier servant? прибавилъ m-r M*, скрививъ ротъ и наведя на меня свой лорнетъ.

— Пажъ! закричалъ я, разсердившись за лорнетъ и насмѣшку и, захохотавъ ему прямо въ лицо, разомъ перепрыгнулъ три ступеньки террасы...

— Счастливый путь! пробормоталъ m-r M* и пошелъ своею дорогой.

Конечно, я тотчасъ же подошелъ къ m-me M*, какъ только она указала на меня мужу, и глядѣлъ такъ, какъ будто она меня уже цѣлый часъ назадъ пригласила и какъ будто я уже цѣлый мѣсяцъ хотѣлъ съ ней гулять по утрамъ. Но я никакъ не могъ разобрать: зачѣмъ она такъ смутилась, сконфузилась и что такое было у ней на умѣ, когда она рѣшилась прибѣгнуть къ своей маленькой лжи? Зачѣмъ она просто не сказала, что идетъ одна? Теперь я не зналъ, какъ и глядѣть на нее: но, пораженный удивленіемъ, я, однакожъ, пренаивно началъ помаленьку заглядывать ей въ лицо; но такъ же, какъ и часъ назадъ, на репетиціи, она не примѣчала ни подглядываній, ни нѣмыхъ вопросовъ моихъ. Все та же мучительная забота, но еще явственнѣе, еще глубже, чѣмъ тогда, отражалась въ ея лицѣ, въ ея волненіи, въ походкѣ. Она спѣшила куда-то, все болѣе и болѣе ускоряя шагъ, и съ безпокойствомъ заглядывала въ каждую аллею, въ каждую просѣку рощи, оборачиваясь къ сторонѣ сада. И я тоже ожидалъ чего-то. Вдругъ за нами раздался лошадиный топотъ. Это была цѣлая кавалькада наѣздницъ и всадниковъ, провожавшихъ того H—го, который такъ внезапно покидалъ наше общество.

Между дамами была моя блондинка, про которую говорилъ m-r M*, разсказывая о слезахъ ея. Но, по своему обыкновенію, она хохотала какъ ребенокъ, и рѣзко скакала на прекрасномъ гнѣдомъ конѣ. Поровнявшись съ нами, H—й снялъ шляпу, но не остановился и не сказалъ съ m-me M* ни слова. Скоро вся ватага исчезла изъ глазъ. Я взглянулъ на m-me M* и чуть не вскрикнулъ отъ изумленія: она стояла блѣдная, какъ платокъ, и крупныя слезы пробивались изъ глазъ ея. Случайно наши взгляды встрѣтились: m-me M* вдругъ покраснѣла, на мигъ отвернулась, и безпокойство и досада ясно замелькали на лицѣ ея. Я былъ лишній, хуже чѣмъ вчера,— это яснѣе дня, но куда мнѣ дѣваться?

Вдругъ m-me M*, какъ будто догадавшись, развернула книгу, которая была у нея въ рукахъ, и, закраснѣвшись, очевидно стараясь не смотрѣть на меня, сказала, какъ будто сейчасъ только спохватилась:

— Ахъ! Это вторая часть, я ошиблась: пожалуйста, принеси мнѣ первую.

Какъ не понять! Моя роль кончилась и нельзя было прогнать меня по болѣе прямой дорогѣ.

Я убѣжалъ съ ея книгой, и не возвращался. Первая часть преспокойно пролежала на столѣ это утро...

Но я былъ самъ не свой; у меня билось сердце, какъ будто въ безпрерывномъ испугѣ. Всѣми силами старался я какъ-нибудь не встрѣчать m-me M*. Зато я съ какимъ-то дикимъ любопытствомъ глядѣлъ на самодовольную особу m-r M*, какъ будто въ немъ теперь непремѣнно должно было быть что-то особенное. Рѣшительно не понимаю, что̀ было въ этомъ комическомъ любопытствѣ моемъ; помню только, что я былъ въ какомъ-то странномъ удивленіи отъ всего, что̀ привелось мнѣ увидѣть въ это утро. Но мой день только что начинался и для меня онъ былъ обиленъ происшествіями.

Обѣдали на этотъ разъ очень рано. Къ вечеру назначена была общая увеселительная поѣздка въ сосѣднее село, на случившійся тамъ деревенскій праздникъ, и потому нужно было время, чтобъ приготовиться. Я ужъ за три дня мечталъ объ этой поѣздкѣ, ожидая бездну веселья. Пить кофе почти всѣ собрались на террасѣ. Я осторожно пробрался за другими и спрятался за тройнымъ рядомъ креселъ. Меня влекло любопытство, и между тѣмъ я ни за что не хотѣлъ показаться на глаза m-me M*. Но случаю угодно было помѣстить меня недалеко отъ моей гонительницы-блондинки. На этотъ разъ съ ней приключилось чудо, невозможное дѣло: она вдвое похорошѣла. Ужъ не знаю, какъ и отчего это дѣлается, но съ женщинами такія чудеса бываютъ даже нерѣдко. Межъ нами въ эту минуту былъ новый гость, высокій, блѣднолицый молодой человѣкъ, записной поклонникъ нашей блондинки, только что пріѣхавшій къ намъ изъ Москвы, какъ будто нарочно за тѣмъ, чтобъ замѣнить собой отбывшаго Н—го, про котораго шла молва, что онъ отчаянно влюбленъ въ нашу красавицу. Что-жъ касается пріѣзжаго, то онъ ужъ издавна былъ съ нею въ такихъ же точно отношеніяхъ, какъ Бенедиктъ къ Беатриче въ Шекспировскомъ: „Много шума изъ пустяковъ“. Короче, наша красавица въ этотъ день была въ чрезвычайномъ успѣхѣ. Ея шутки и болтовня были такъ граціозны, такъ довѣрчиво-наивны, такъ простительно-неосторожны; она съ такою граціозною самонадѣянностью была увѣрена во всеобщемъ восторгѣ, что дѣйствительно все время была въ какомъ-то особенномъ

поклоненіи. Вокругъ нея не разрывался тѣсный кружокъ удивленныхъ, залюбовавшихся на нее слушателей, и никогда еще не была она такъ обольстительна. Всякое слово ея было въ соблазнъ и въ диковинку, ловилось, передавалось въ круговую, и ни одна шутка ея, ни одна выходка не пропала даромъ. Отъ нея, кажется, и не ожидалъ никто столько вкуса, блеска, ума. Всѣ лучшія качества ея повседневно были погребены въ самомъ своевольномъ сумасбродствѣ, въ самомъ упрямомъ школьничествѣ, доходившемъ чуть-ли не до шутовства; ихъ рѣдко кто замѣчалъ; а если замѣчалъ, такъ не вѣрилъ имъ, такъ что теперь необыкновенный успѣхъ ея встрѣченъ былъ всеобщимъ страстнымъ шопотомъ изумленія.

Впрочемъ, этому успѣху содѣйствовало одно особенное, довольно щекотливое обстоятельство, по крайней мѣрѣ, судя по той роли, которую игралъ въ то же время мужъ m-me M*. Проказница рѣшилась, — и, нужно прибавить: почти ко всеобщему удовольствію, или, по крайней мѣрѣ, къ удовольствію всей молодежи,—ожесточенно атаковать его, вслѣдствіе многихъ причинъ, вѣроятно, очень важныхъ на ея глаза. Она завела съ нимъ цѣлую перестрѣлку остротъ, насмѣшекъ, сарказмовъ самыхъ неотразимыхъ и скользкихъ, самыхъ коварныхъ, замкнутыхъ и гладкихъ со всѣхъ сторонъ, такихъ, которые бьютъ прямо въ цѣль, но къ которымъ ни съ одной стороны нельзя придѣпиться для отпора и которые только истощаютъ въ безплодныхъ усиліяхъ жертву, доводя ее до бѣшенства и до самаго комическаго отчаянія.

Навѣрно не знаю, но, кажется, вся эта выходка была преднамѣренная, а не импровизированная. Еще за обѣдомъ начался этотъ отчаянный поединокъ. Я говорю „отчаянный", потому что m-r M* не скоро положилъ оружіе. Ему нужно было собрать все присутствіе духа, все остроуміе, всю свою рѣдкую находчивость, чтобъ не быть разбитымъ въ прахъ, на-голову и не покрыться рѣшительнымъ безславіемъ. Дѣло шло при непрерывномъ и неудержимомъ смѣхѣ всѣхъ свидѣтелей и участниковъ боя. По крайней мѣрѣ, сегодня непохоже было для него на вчера. Примѣтно было, что m-me M* нѣсколько разъ порывалась остановить своего неосторожнаго друга, которому, въ свою очередь, непремѣнно хотѣлось нарядить ревниваго мужа въ самый шутовской и смѣшной костюмъ, и, должно полагать, въ костюмъ „Синей Бороды", судя по всѣмъ вѣроятностямъ, судя по тому, что у меня осталось въ памяти и, наконецъ, по той роли,

которую мнѣ самому привелось играть въ этой ошибкѣ.

Это случилось вдругъ, самымъ смѣшнымъ образомъ, совсѣмъ неожиданно и, какъ нарочно, въ эту минуту я стоялъ на виду, не подозрѣвая зла и даже забывъ о недавнихъ моихъ предосторожностяхъ. Вдругъ я былъ выдвинутъ на первый планъ, какъ заклятый врагъ и естественный соперникъ m-r M*, какъ отчаянно, до послѣдней степени влюбленный въ жену его, въ чемъ тиранка моя тутъ же поклялась, дала слово, сказала, что у ней есть доказательства и что не далѣе, какъ, напримѣръ, сегодня въ лѣсу она видѣла...

Но она не успѣла договорить, я прервалъ ее въ самую отчаянную для меня минуту. Эта минута была такъ безбожно разсчитана, такъ измѣнически подготовлена къ самому концу, къ шутовской развязкѣ, и такъ уморительно смѣшно обстановлена, что цѣлый взрывъ ничѣмъ неудержимаго, всеобщаго смѣха отсалютовалъ эту послѣднюю выходку. И хотя тогда же я догадался, что не на мою долю выпадала самая досадная роль,—однакожъ былъ до того смущенъ, раздраженъ и испуганъ, что, полный слезъ, тоски и отчаянія, задыхаясь отъ стыда, прорвался чрезъ два ряда креселъ, ступилъ впередъ и, обращаясь къ моей тиранкѣ, закричалъ прерывающимся отъ слезъ и негодованія голосомъ:

— И не стыдно вамъ... вслухъ... при всѣхъ дамахъ... говорить такую худую... неправду!?.. Вамъ, точно маленькой... при всѣхъ мужчинахъ... Что они скажутъ?.. вы— такая большая... замужняя!..

Но я не докончилъ,—раздался оглушительный аплодисментъ. Моя выходка произвела настоящій furore. Мой наивный жестъ, мои слезы, а главное то, что я какъ будто выступилъ защищать m-r M*, все это произвело такой адскій смѣхъ, что даже и теперь, при одномъ воспоминаніи, мнѣ самому становится ужасно смѣшно... Я оторопѣлъ, почти обезумѣлъ отъ ужаса и, сгорѣвъ, какъ порохъ, закрывъ лицо руками, бросился вонъ, выбилъ въ дверяхъ подносъ изъ рукъ входившаго лакея и полетѣлъ наверхъ, въ свою комнату. Я вырвалъ изъ дверей ключъ, торчавшій наружу, и заперся изнутри. Сдѣлалъ я хорошо, потому что за мною была погоня. Не прошло минуты, какъ мои двери осадила цѣлая ватага самыхъ хорошенькихъ изъ всѣхъ нашихъ дамъ. Я слышалъ ихъ звонкій смѣхъ, частый говоръ, ихъ заливавшіеся голоса; онѣ щебетали всѣ разомъ, какъ ласточки. Всѣ онѣ, всѣ до одной, просили, умоляли меня

отворить хоть на одну минуту: клялись, что не будетъ мнѣ ни малѣйшаго зла, а только зацѣлуютъ онѣ меня всего въ прахъ. Но... что-жъ могло быть ужаснѣе еще этой новой угрозы? Я только горѣлъ отъ стыда за моею дверью, спрятавъ въ подушки лицо, и не отперъ, даже не отозвался. Онѣ еще долго стучались и молили меня, но я былъ безчувственъ и глухъ, какъ одиннадцатилѣтній.

Ну, что-жъ теперь дѣлать? все открыто, все обнаружилось, все, что я такъ ревниво сберегалъ и таилъ!.. На меня падетъ вѣчный стыдъ и позоръ! По правдѣ, я и самъ не умѣлъ назвать того, за что такъ страшился и что хотѣлъ бы я скрыть; но вѣдь, однакожъ, я страшился чего-то, за обнаруженіе этого *чего-то* я трепеталъ до сихъ поръ, какъ листочекъ. Одного только я не зналъ до этой минуты, что̀ оно такое: годится оно или не годится, славно или позорно, похвально или не похвально? Теперь же, въ мученіяхъ и насильной тоскѣ, узналъ, что оно *смѣшно* и *стыдно!* Инстинктомъ чувствовалъ я въ то же время, что такой приговоръ и ложенъ, и безчеловѣченъ, и грубъ; но я былъ разбитъ, уничтоженъ; процессъ сознанія какъ бы остановился и запутался во мнѣ; я не могъ не противостать этому приговору, ни даже обсудить его хорошенько: я былъ отуманенъ; слышалъ только, что мое сердце безчеловѣчно, безстыдно уязвлено, и заливался безсильными слезами. Я былъ раздраженъ; во мнѣ кипѣли негодованіе и ненависть, которой доселѣ не зналъ никогда, потому что только въ первый разъ въ жизни испыталъ серьезное горе, оскорбленіе, обиду; и все это было дѣйствительно такъ, безъ всякихъ преувеличеній. Во мнѣ, въ ребенкѣ, было грубо затронуто первое, неопытное еще, необразовавшееся чувство, былъ такъ рано обнаженъ и поруганъ первый благоуханный дѣвственный стыдъ и осмѣяно первое и, можетъ-быть, очень серьезное эстетическое впечатлѣніе. Конечно, насмѣшники мои многаго не знали и не предчувствовали въ моихъ мученіяхъ. Наполовину входило сюда одно сокровенное обстоятельство, котораго самъ я и не успѣлъ, и какъ-то пугался до сихъ поръ разбирать. Въ тоскѣ и въ отчаяніи продолжалъ я лежать на своей постели, укрывъ въ подушки лицо: и жаръ, и дрожь обливали меня попеременно. Меня мучили два вопроса: что̀ такое видѣла и что̀ именно могла увидать негодная блондинка сегодня въ рощѣ между мною и m-me M*? И, наконецъ, второй вопросъ: какъ, какими глазами, какимъ средствомъ

могу я взглянуть теперь въ лицо m-me M* и не погибнуть въ ту же минуту, на томъ же мѣстѣ, отъ стыда и отчаянія.

Необыкновенный шумъ на дворѣ вызвалъ, наконецъ, меня изъ полубезпамятства, въ которомъ я находился. Я всталъ и подошелъ къ окну. Весь дворъ былъ загроможденъ экипажами, верховыми лошадьми и суетившимися слугами. Казалось, всѣ уѣзжали; нѣсколько всадниковъ уже сидѣли на коняхъ; другіе гости размѣщались по экипажамъ... Тутъ вспомнилъ я о предстоящей поѣздкѣ, и вотъ, мало-по-малу, безпокойство начало проникать въ мое сердце; я пристально началъ выглядывать на дворѣ своего клепера; но клепера не было, стало-быть, обо мнѣ позабыли. Я не выдержалъ и опрометью побѣжалъ внизъ, ужъ не думая ни о непріятныхъ встрѣчахъ, ни о недавнемъ позорѣ своемъ...

Грозная новость ожидала меня. Для меня на этотъ разъ не было ни верховой лошади, ни мѣста въ экипажѣ: все было разобрано, занято, и я принужденъ уступить другимъ.

Пораженный новымъ горемъ, остановился я на крыльцѣ и печально смотрѣлъ на длинный рядъ каретъ, кабріолетовъ, колясокъ, въ которыхъ не было для меня и самаго маленькаго уголка, и на нарядныхъ наѣздницъ, подъ которыми гарцовали нетерпѣливые кони.

Одинъ изъ всадниковъ почему-то замѣшкался. Ждали только его, чтобъ отправиться. У подъѣзда стоялъ конь его, грызя удила, роя копытами землю, поминутно вздрагивая и дыбясь отъ испуга. Два конюха осторожно держали его подъ уздцы и всѣ опасливо стояли отъ него въ почтительномъ отдаленіи.

Въ самомъ дѣлѣ, случилось предосадное обстоятельство, по которому мнѣ нельзя было ѣхать. Кромѣ того, что наѣхали новые гости и разобрали всѣ мѣста и всѣхъ лошадей, заболѣли двѣ верховыя лошади, изъ которыхъ одна была мой клеперъ. Но не мнѣ одному пришлось пострадать отъ этого обстоятельства: открылось, что для новаго нашего гостя, того блѣднолицаго молодого человѣка, о которомъ я уже говорилъ, тоже нѣтъ верхового коня. Чтобъ отвратить непріятность, хозяинъ нашъ принужденъ былъ прибѣгнуть къ крайности: рекомендовать своего бѣшенаго, невыѣзженнаго жеребца, прибавивъ, для очистки совѣсти, что на немъ никакъ нельзя ѣздить и что его давно уже положили продать за дикость характера, если, впрочемъ, найдется на него покупщикъ. Но предупреж-

денный гость объявилъ, что ѣздитъ порядочно, да и во всякомъ случаѣ готовъ сѣсть на что угодно, только бы ѣхать. Хозяинъ тогда промолчалъ, но теперь, показалось мнѣ, что какая-то двусмысленная и лукавая улыбка бродила на губахъ его. Въ ожиданіи паѣзднпка, похвалившагося своимъ искусствомъ, онъ самъ еще не садился на свою лошадь, съ нетерпѣніемъ потиралъ руки и поминутно взглядывалъ на дверь. Даже что-то подобное сообщилось и двумъ конюхамъ, удерживавшимъ жеребца и чуть не задыхавшимся отъ гордости, видя себя предъ всей публикой при такомъ конѣ, который, нѣтъ-нѣтъ, да и убьетъ человѣка ни за-что, ни про-что. Что-то похожее на лукавую усмѣшку ихъ барина отсвѣчивалось и въ ихъ глазахъ, выпученныхъ отъ ожиданія и тоже устремленныхъ на дверь, изъ которой долженъ былъ появиться пріѣзжій смѣльчакъ. Наконецъ, и самъ конь держалъ себя такъ, какъ будто тоже сговорился съ хозяиномъ и вожатыми: онъ велъ себя гордо и заносчиво, словно чувствуя, что его наблюдаютъ нѣсколько десятковъ любопытныхъ глазъ и словно гордясь предъ всѣми зазорной своей репутаціей, точь-въ-точь, какъ иной неисправимый повѣса гордится своими висѣльными продѣлками. Казалось, онъ вызывалъ смѣльчака, который бы рѣшился посягнуть на его независимость.

Этотъ смѣльчакъ, наконецъ, показался. Совѣстясь, что заставилъ ждать себя, и торопливо натягивая перчатки, онъ шелъ впередъ не глядя, спустился по ступенькамъ крыльца и поднялъ глаза только тогда, когда протянулъ было руку, чтобъ схватить за холку заждавшагося коня, но вдругъ былъ озадаченъ бѣшенымъ вскокомъ его на дыбы и предупредительнымъ крикомъ всей испуганной публики. Молодой человѣкъ отступилъ и съ недоумѣніемъ посмотрѣлъ на дикую лошадь, которая вся дрожала, какъ листъ, хрипѣла отъ злости и дико поводила налившимися кровью глазами, поминутно осѣдая на заднія ноги и приподымая переднія, словно собираясь рвануться на воздухъ и унесть вмѣстѣ съ собою обоихъ вожатыхъ своихъ. Съ минуту онъ стоялъ совсѣмъ озадаченный; потомъ, слегка покраснѣвъ отъ маленькаго замѣшательства, поднялъ глаза, обвелъ ихъ кругомъ и поглядѣлъ на перепугавшихся дамъ.

— Конь очень хорошій! проговорилъ онъ какъ бы про себя,—и, судя по-моему, на немъ должно быть очень

пріятно ѣздить; но... но, знаете что? Вѣдь я-то не поѣду, заключилъ онъ, обращаясь къ нашему хозяину съ своей широкой, простодушной улыбкой, которая такъ шла къ доброму и умному лицу его.

— И все-таки я васъ считаю превосходнымъ ѣздокомъ,— клянусь вамъ, отвѣчалъ обрадованный владѣтель недоступнаго копя, горячо и даже съ благодарностью пожимая руку своего гостя,—именно за то, что вы съ перваго раза догадались, съ какимъ звѣремъ имѣете дѣло, прибавилъ онъ съ достоинствомъ.—Повѣрите-ли мнѣ, я, двадцать три года прослужившій въ гусарахъ, уже три раза имѣлъ наслажденіе лежать на землѣ по его милости, то-есть ровно столько разъ, сколько садился на этого... дармоѣда.— Танкредъ, другъ мой, здѣсь не по тебѣ народъ; видно твой сѣдокъ какой-нибудь Илья Муромецъ, и сидитъ теперь сиднемъ въ селѣ Карачаровѣ, да ждетъ, чтобъ у тебя выпали зубы. Ну, уведите его! Полно ему людей пугать! Напрасно только выводили, заключилъ онъ, самодовольно потирая руки.

Нужно замѣтить, что Танкредъ не приносилъ ему ни малѣйшей пользы, только даромъ хлѣбъ ѣлъ: кромѣ того, старый гусаръ погубилъ на немъ всю свою бывалую ремонтерскую славу, заплативъ баснословную цѣну за негоднаго дармоѣда, который выѣзжалъ развѣ только на своей красотѣ... Все-таки теперь былъ онъ въ восторгѣ, что его Танкредъ не уронилъ своего достоинства, спѣшилъ еще одного наѣздника и тѣмъ стяжалъ себѣ новые, безтолковые лавры.

— Какъ, вы не ѣдете? закричала блондинка, которой непремѣнно нужно было, чтобы ея cavalier servant на этотъ разъ былъ при ней,—неужели вы трусите?

— Ей-Богу же такъ! отвѣчалъ молодой человѣкъ.

— И вы говорите серьезно?

— Послушайте, неужели-жъ вамъ хочется, чтобъ я сломалъ себѣ шею.

— Такъ садитесь же скорѣй на мою лошадь: не бойтесь, она presmirnaя. Мы не задержимъ; вмигъ пересѣдлаютъ! Я попробую взять вашу; не можетъ быть, чтобъ Танкредъ всегда былъ такой неучтивый.

Сказано—сдѣлано! Шалунья выпрыгнула изъ сѣдла и договорила послѣднюю фразу, уже остановясь передъ нами.

— Плохо-жъ вы знаете Танкреда, коли думаете, что онъ позволитъ осѣдлать себя вашимъ негоднымъ сѣдломъ! Да и васъ я не пущу сломать себѣ шею; это, право, было

бы жалко! проговорилъ нашъ хозяинъ, аффектируя, въ эту минуту внутренняго довольства, по своей всегдашней привычкѣ, и безъ того уже аффектированную и изученную рѣзкость и даже грубость своей рѣчи, что, по его мнѣнію, рекомендовало добряка, стараго служаку и особенно должно было нравиться дамамъ. Это была одна изъ его фантазій, его любимый, всѣмъ намъ знакомый конекъ.

— Ну-тка ты, плакса, не хочешь-ли попробовать? Тебѣ же такъ хотѣлось ѣхать, сказала храбрая наѣздница, замѣтивъ меня и, поддразнивая, кивнула на Танкреда,— собственно для того, чтобъ не уходить ни съ чѣмъ, коли ужъ даромъ пришлось встать съ коня, и не оставить меня безъ колючаго словца, коли ужъ я самъ оплошалъ, на глаза подвернулся.

— Ты вѣрно не таковъ, какъ... ну, да что говорить, извѣстный герой и постыдишься струсить; особенно, когда на васъ будутъ смотрѣть, прекрасный пажъ, прибавила она, бѣгло взглянувъ на m-lle M*, экипажъ которой былъ всѣхъ ближе отъ крыльца.

Ненависть и чувство мщенія заливали мое сердце, когда прекрасная амазонка подошла къ намъ, въ намѣреніи сѣсть на Танкреда... Но не могу разсказать, что ощутилъ я при этомъ неожиданномъ вызовѣ школьницы. Я какъ будто свѣта не взвидѣлъ, когда поймалъ ея взглядъ на m-lle M*. Вмигъ въ головѣ у меня загорѣлась идея... да, впрочемъ, это былъ только мигъ, менѣе чѣмъ мигъ, какъ вспышка пороха, или ужъ переполнилась мѣра и я вдругъ теперь возмутился всѣмъ воскресшимъ духомъ моимъ, да такъ, что мнѣ вдругъ захотѣлось срѣзать наповалъ всѣхъ враговъ моихъ и отмстить имъ за все и при всѣхъ, показавъ теперь, каковъ я человѣкъ; или, наконецъ, какимъ-нибудь дивомъ научилъ меня кто-нибудь въ это мгновеніе средней исторіи, въ которой я до сихъ поръ еще не зналъ ни аза, и въ закружившейся головѣ моей замелькали турниры, палладины, герои, прекрасныя дамы, звуки шпагъ, крики и плески толпы, и между всѣми этими криками одинъ робкій крикъ одного испуганнаго сердца, который нѣжитъ гордую душу слаще побѣды и славы,— ужъ не знаю, случился-ли тогда весь этотъ вздоръ въ головѣ моей, или, толковѣе, предчувствіе этого, еще грядущаго и неизбѣжнаго вздора, но только я услышалъ, что бьетъ мой часъ. Сердце мое вспрыгнуло, дрогнуло и самъ

ужъ не помню, какъ въ одинъ прыжокъ соскочилъ я съ крыльца и очутился подлѣ Танкреда.

— А вы думаете, что я испугаюсь? вскрикнулъ я дерзко и гордо, не взвидѣвъ свѣта отъ своей горячки, задыхаясь отъ волненія и закраснѣвшись такъ, что слезы обожгли мнѣ щеки.—А вотъ, увидите! И, схватившись за холку Танкреда, я сталъ ногой въ стремя, прежде чѣмъ успѣли сдѣлать малѣйшее движеніе, чтобъ удержать меня; но въ этотъ мигъ Танкредъ взвился на дыбы, взметнулъ головой, однимъ могучимъ скачкомъ вырвался изъ рукъ остолбенѣвшихъ конюховъ и полетѣлъ, какъ вихрь, только всѣ ахнули, да вскрикнули.

Ужъ Богъ знаетъ, какъ удалось мнѣ занесть другую ногу на всемъ лету; не постигаю также, какимъ образомъ случилось, что я не потерялъ поводовъ. Танкредъ вынесъ меня за рѣшетчатыя ворота, круто повернулъ направо и пустился мимо рѣшетки, зря, не разбирая дороги. Только въ это мгновеніе разслышалъ я за собою крикъ пятидесяти голосовъ, и этотъ крикъ отдался въ моемъ замирающемъ сердцѣ такимъ чувствомъ довольства и гордости, что я никогда не забуду этой сумасшедшей минуты моей дѣтской жизни. Вся кровь мнѣ хлынула въ голову, оглушила меня и залила, задавила мой страхъ. Я себя не помнилъ. Дѣйствительно, какъ пришлось теперь вспомнить, во всемъ этомъ было какъ будто и впрямь что-то рыцарское.

Впрочемъ, все мое рыцарство началось и кончилось менѣе чѣмъ въ мигъ, не то рыцарю было бы худо. Да и тутъ я не знаю, какъ спасся. Ѣздить-то верхомъ я умѣлъ: меня учили. Но мой клеперъ походилъ скорѣе на овцу, чѣмъ на верхового коня. Разумѣется, я бы слетѣлъ съ Танкреда, если-бъ ему было только время сбросить меня, но, проскакавъ шаговъ пятьдесятъ, онъ вдругъ испугался огромнаго камня, который лежалъ у дороги, и шарахнулся назадъ. Онъ повернулся на лету, но такъ круто, какъ говорится, очертя голову, что мнѣ и теперь задача: какимъ образомъ я не выпрыгнулъ изъ сѣдла, какъ мячикъ, саженей на три, и не разбился вдребезги, а Танкредъ отъ такого крутого поворота не сплечилъ себѣ ногъ. Онъ бросился назадъ къ воротамъ, яростно мотая головой, прядая изъ стороны въ сторону, будто охмелѣвшій отъ бѣшенства, взметывая ноги какъ попало на воздухъ и съ каждымъ прыжкомъ стрясая меня со спины, точно какъ будто на него вспрыгнулъ тигръ и впился въ его мясо

зубами и когтями. Еще мгновеніе—и я бы слетѣлъ: я уже падалъ; но уже нѣсколько всадниковъ летѣло спасать меня. Двое изъ нихъ перехватили дорогу въ полѣ; двое другихъ подскакали такъ близко, что чуть не раздавили мнѣ ногъ, стиснувъ съ обѣихъ сторонъ Танкреда боками своихъ лошадей, и оба уже держали его за поводья. Черезъ нѣсколько секундъ мы были у крыльца.

Меня сняли съ коня, блѣднаго, чуть дышавшаго. Я весь дрожалъ, какъ былинка подъ вѣтромъ, такъ же, какъ и Танкредъ, который стоялъ, упираясь всѣмъ тѣломъ назадъ, неподвижно, какъ будто врывшись копытами въ землю, тяжело выпуская пламенное дыханіе изъ красныхъ, дымящихся ноздрей, весь дрожа, какъ листъ, мелкой дрожью и словно остолбенѣвъ отъ оскорбленія и злости за ненаказанную дерзость ребенка. Кругомъ меня раздавались крики смятенія, удивленія, испуга.

Въ эту минуту блуждающій взглядъ мой встрѣтился со взглядомъ m-me M*, встревоженной, поблѣднѣвшей и—я не могу забыть этого мгновенія—вмигъ все лицо мое облилось румянцемъ, зардѣлось, загорѣлось, какъ огонь; я ужъ не знаю, что со мной сдѣлалось, но, смущенный и испуганный собственнымъ своимъ ощущеніемъ, я робко опустилъ глаза въ землю. Но мой взглядъ былъ замѣченъ, пойманъ, украденъ у меня. Всѣ глаза обратились къ m-me M* и, застигнутая всеобщимъ вниманіемъ врасплохъ, она вдругъ сама, какъ дитя, закраснѣлась отъ какого-то противовольнаго и наивнаго чувства и черезъ силу, хотя весьма неудачно, старалась подавить свою краску смѣхомъ...

Все это, если взглянуть со стороны, конечно, было очень смѣшно, но въ это мгновеніе одна пренаивная и неожиданная выходка спасла меня отъ всеобщаго смѣха, придавъ особый колоритъ всему приключенію. Виновница всей суматохи, та, которая до сихъ поръ была непримиримымъ врагомъ моимъ, прекрасная тиранка моя, вдругъ бросилась ко мнѣ обнимать и цѣловать меня. Она смотрѣла, не вѣря глазамъ своимъ, когда я осмѣлился принять ея вызовъ и поднять перчатку, которую она бросила мнѣ, взглянувъ на m-me M*. Она чуть не умерла за меня отъ страха и укоровъ совѣсти, когда я леталъ на Танкредѣ; теперь же, когда все было кончено, и особенно, когда она поймала, вмѣстѣ съ другими, мой взглядъ, брошенный на m-me M*, мое смущеніе, мою внезапную краску, когда, наконецъ, удалось ей придать этому мгновенію, по рома-

ническому настроенію своей легкодумной головки, какую-то новую, потаенную, недосказанную мысль,—теперь, послѣ всего этого, она пришла въ такой восторгъ отъ моего „рыцарства“, что бросилась ко мнѣ и прижала меня къ груди своей, растроганная, гордая за меня, радостная. Черезъ минуту она подняла на всѣхъ толпившихся около насъ обоихъ самое наивное, самое строгое личико, на которомъ дрожали и свѣтились двѣ маленькія, хрустальныя слезинки, и серьезнымъ, важнымъ голоскомъ, какого отъ нея никогда не слыхали, сказала, указавъ на меня: „Mais c'est très sérieux, messieurs, ne riez pas!“ не замѣчая того, что всѣ стоятъ передъ нею, какъ завороженные, залюбовавшись на ея свѣтлый восторгъ. Все это неожиданное, быстрое движеніе ея, это серьезное личико, эта простодушная наивность, эти неподозрѣваемыя до сихъ поръ сердечныя слезы, накипѣвшія въ ея вѣчно-смѣющихся глазкахъ, были въ ней такимъ неожиданнымъ дивомъ, что всѣ стояли передъ нею какъ будто наэлектризированные ея взглядомъ, скорымъ, огневымъ словомъ и жестомъ. Казалось, никто не могъ свести съ нея глазъ, боясь опустить эту рѣдкую минуту въ ея вдохновенномъ лицѣ. Даже самъ хозяинъ нашъ покраснѣлъ, какъ тюльпанъ, и увѣряютъ, будто бы слышали, какъ онъ потомъ признавался, что, „къ стыду своему“, чуть-ли не цѣлую минуту былъ влюбленъ въ свою прекрасную гостью. Ну, ужъ разумѣется, что послѣ всего этого я былъ рыцарь, герой.

— Делоржъ! Тогенбургъ! раздавалось кругомъ.

Послышались рукоплесканія.

— Ай да грядущее поколѣніе! прибавилъ хозяинъ.

— Но онъ поѣдетъ, онъ непремѣнно поѣдетъ съ нами! закричала красавица,—мы найдемъ и должны найти ему мѣсто. Онъ сядетъ рядомъ со мною, ко мнѣ на колѣни... иль нѣтъ, нѣтъ! Я ошиблась!.. поправилась она, захохотавъ и будучи не въ силахъ удержать своего смѣха при воспоминаніи о нашемъ первомъ знакомствѣ. Но, хохоча, она нѣжно гладила мою руку, всѣми силами старалась меня заласкать, чтобъ я не обидѣлся.

— Непремѣнно! Непремѣнно! подхватили нѣсколько голосовъ,—онъ долженъ ѣхать, онъ завоевалъ себѣ мѣсто.

И мигомъ разрѣшилось дѣло. Та самая старая дѣва, которая познакомила меня съ блондинкой, тотчасъ же была засыпана просьбами всей молодежи остаться дома и уступить мнѣ свое мѣсто, на что и принуждена была

согласиться, къ своей величайшей досадѣ, улыбаясь и втихомолку шипя отъ злости. Ея протектриса, около которой витала она, мой бывшій врагъ и недавній другъ, кричала ей, уже галопируя на своемъ рѣзвомъ конѣ и хохоча, какъ ребенокъ, что завидуетъ ей и сама бы рада была съ ней остаться, потому что сейчасъ будетъ дождь и насъ всѣхъ перемочитъ.

И она точно напророчила дождь. Черезъ часъ поднялся цѣлый ливень и прогулка наша пропала. Пришлось пережидать нѣсколько часовъ сряду въ деревенскихъ избахъ и возвращаться домой уже въ десятомъ часу, въ сырое, послѣ-дождевое время. У меня началась маленькая лихорадка. Въ ту самую минуту, какъ надо было садиться и ѣхать, m-lle M* подошла ко мнѣ и удивилась, что я въ одной курточкѣ и съ открытой шеей. Я отвѣчалъ, что не успѣлъ захватить съ собою плаща. Она взяла булавку и, зашпиливъ повыше сборчатый воротничокъ моей рубашки, сняла съ своей шеи газовый, пунцовый платочекъ и обвязала мнѣ шею, чтобъ я не простудилъ горло. Она такъ торопилась, что я даже не успѣлъ поблагодарить ее.

Но когда пріѣхали домой, я отыскалъ ее въ маленькой гостиной, вмѣстѣ съ блондинкой и съ блѣднолицымъ молодымъ человѣкомъ, который стяжалъ сегодня славу наѣзднika тѣмъ, что побоялся сѣсть на Тапкреда. Я подошелъ благодарить и отдать платокъ. Но теперь, послѣ всѣхъ моихъ приключеній, мнѣ было какъ будто чего-то совѣстно; мнѣ скорѣе хотѣлось уйти наверхъ, и тамъ, на досугѣ, что-то обдумать и разсудить. Я былъ переполненъ впечатлѣніями. Отдавая платокъ, я, какъ водится, покраснѣлъ до ушей.

— Бьюсь объ закладъ, что ему хотѣлось удержать платокъ у себя, сказалъ молодой человѣкъ, засмѣявшись,—по глазамъ видно, что ему жаль разстаться съ вашимъ платкомъ.

— Именно, именно такъ! подхватила блондинка.—Экой! Ахъ!.. проговорила она съ примѣтной досадой и покачавъ головой, но остановилась во-время передъ серьезнымъ взглядомъ m-lle M*, которой не хотѣлось заводить далеко шутки.

Я поскорѣе отошелъ.

— Ну, какой же ты! заговорила школьница, нагнавъ меня въ другой комнатѣ и дружески взявъ за обѣ руки,—да ты бы просто не отдавалъ косынки, если тебѣ такъ хотѣлось имѣть ее. Сказалъ, что гдѣ-нибудь положилъ, и дѣло съ концомъ. Какой же ты! Этого не умѣлъ сдѣлать! Экой смѣшной!

И тутъ она слегка ударила меня пальцемъ по подбородку, засмѣявшись тому, что я покраснѣлъ, какъ макъ.

— Вѣдь я твой другъ теперь, — такъ-ли? Кончена-ли наша вражда, а? Да, или нѣтъ?

Я засмѣялся и, молча, пожалъ ея пальчики.

— Ну, то-то же!.. Отчего ты такъ теперь блѣденъ и дрожишь? У тебя ознобъ?

— Да, я нездоровъ.

— Ахъ, бѣдняжка! Это у него отъ сильныхъ впечатлѣній! Знаешь что? Иди-ка лучше спать, не дожидаясь ужина, и за ночь пройдетъ. Пойдемъ.

Она отвела меня наверхъ и, казалось, уходамъ за мною не будетъ конца. Оставивъ меня раздѣваться, она сбѣжала внизъ, достала мнѣ чаю и принесла его сама, когда уже я улегся. Она принесла мнѣ тоже теплое одѣяло. Меня очень поразили и растрогали всѣ эти уходы и заботы обо мнѣ, или ужъ я былъ такъ настроенъ цѣлымъ днемъ, поѣздкой, лихорадкой; но, прощаясь съ нею, я крѣпко и горячо ее обнялъ, какъ самаго нѣжнаго, какъ самаго близкаго друга, и ужъ тутъ всѣ впечатлѣнія разомъ прихлынули къ моему ослабѣвшему сердцу; я чуть не плакалъ, прижавшись къ груди ея. Она замѣтила мою впечатлительность и, кажется, моя шалунья сама была немного тронута.

— Ты предобрый мальчикъ, прошептала она, смотря на меня тихими глазками,—пожалуйста-же, не сердись на меня, а? Не будешь?

Словомъ, мы стали самыми нѣжными, самыми вѣрными друзьями.

Было довольно рано, когда я проснулся, но солнце заливало уже яркимъ свѣтомъ всю комнату. Я вскочилъ съ постели, совершенно здоровый и бодрый, какъ будто и не бывало вчерашней лихорадки, вмѣсто которой теперь ощущалъ я въ себѣ неизъяснимую радость. Я вспомнилъ вчерашнее и почувствовалъ, что отдалъ бы цѣлое счастье, если-бъ могъ въ эту минуту обняться, какъ вчера, съ моимъ новымъ другомъ, съ бѣлокурой нашей красавицей; но еще было очень рано и всѣ спали. Наскоро одѣвшись, сошелъ я въ садъ, а оттуда въ рощу. Я пробирался туда, гдѣ гуще зелень, гдѣ смолистѣе запахъ деревьевъ и куда веселѣе заглядывалъ солнечный лучъ, радуясь, что удалось тамъ и сямъ пронизать мглистую густоту листьевъ. Было прекрасное утро.

Незамѣтно пробираясь все далѣе и далѣе, я вышелъ, наконецъ, на другой край рощи, къ Москвѣ-рѣкѣ. Она текла шаговъ двѣсти впереди, подъ горою. На противоположномъ берегу косили сѣно. Я засмотрѣлся, какъ цѣлые ряды острыхъ косъ, съ каждымъ взмахомъ косца, дружно обливались свѣтомъ, и потомъ вдругъ опять исчезали, какъ огненныя змѣйки, словно куда прятались; какъ срѣзанная съ корня трава, густыми жирными грудками отлетала въ стороны и укладывалась въ прямыя, длинныя борозды. Ужъ не помню, сколько времени провелъ я въ созерцаніи, какъ вдругъ очнулся, разслышавъ въ рощѣ, шагахъ отъ меня въ двадцати, въ просѣкѣ, которая пролегала отъ большой дороги къ господскому дому, храпъ и нетерпѣливый топотъ коня, рывшаго копытомъ землю. Не знаю, заслышалъ-ли я этого коня тотчасъ же, какъ подъѣхалъ и остановился всадникъ, или ужъ долго мнѣ слышался шумъ, но только напрасно щекоталъ мнѣ ухо, безсильный оторвать меня отъ моихъ мечтаній. Съ любопытствомъ вошелъ я въ рощу и, пройдя нѣсколько шаговъ, услышалъ голоса, говорившіе скоро, но тихо. Я подошелъ еще ближе, бережно раздвинулъ послѣднія вѣтви послѣднихъ кустовъ, окаймлявшихъ просѣку, и тотчасъ же отпрянулъ назадъ въ изумленіи: въ глазахъ моихъ мелькнуло бѣлое знакомое платье и тихій женскій голосъ отдался въ моемъ сердцѣ, какъ музыка. Это была m-lle M*. Она стояла возлѣ всадника, который торопливо говорилъ ей съ лошади и, къ моему удивленію, я узналъ въ немъ Н—го, того молодого человѣка, который уѣхалъ отъ насъ еще вчера поутру и о которомъ такъ хлопоталъ m-r M*. Но тогда говорили, что онъ уѣзжаетъ куда-то очень далеко, на югъ Россіи, а потому я очень удивился, увидѣвъ его опять у насъ такъ рано и одного съ m-lle M*.

Она была одушевлена и взволнована, какъ никогда еще я не видалъ ее, и на щекахъ ея свѣтились слезы. Молодой человѣкъ держалъ ее за руку, которую цѣловалъ, нагибаясь съ сѣдла. Я засталъ уже минуту прощанья. Кажется, они торопились. Наконецъ, онъ вынулъ изъ кармана запечатанный пакетъ, отдалъ его m-lle M*, обнялъ ее одною рукою, какъ и прежде, не сходя съ лошади, и поцѣловалъ крѣпко и долго. Мгновеніе спустя, онъ ударилъ копя и промчался мимо меня, какъ стрѣла. M-lle M* нѣсколько секундъ провожала его глазами, потомъ задумчиво и уныло направилась къ дому. Но, сдѣлавъ нѣсколько

шаговъ по просѣкѣ, вдругъ какъ будто очнулась, торопливо раздвинула кусты и пошла черезъ рощу.

Я пошелъ вслѣдъ за нею, смятенный и удивленный всѣмъ тѣмъ, что̀ увидѣлъ. Сердце мое билось крѣпко, какъ отъ испуга. Я былъ какъ оцѣпенѣлый, какъ отуманенный; мысли мои были разбиты и разсѣяны; но помню, что было мнѣ отчего-то ужасно грустно. Изрѣдка мелькало передо мною сквозь зелень ея бѣлое платье. Машинально слѣдовалъ я за нею, не упуская ея изъ вида, но трепеща, чтобъ она меня не замѣтила. Наконецъ, она вышла на дорожку, которая вела въ садъ. Переждавъ съ полминуты, вышелъ и я; но каково же было мое изумленіе, когда вдругъ замѣтилъ я на красномъ пескѣ дорожки запечатанный пакетъ, который узналъ съ перваго взгляда, — тотъ самый, который, десять минутъ назадъ, былъ врученъ m-me M*.

Я поднялъ его: со всѣхъ сторонъ бѣлая бумага, никакой подписи: на взглядъ — небольшой, но тугой и тяжелый, какъ будто въ немъ было листа три и болѣе почтовой бумаги.

Что̀ значитъ этотъ пакетъ. Безъ сомнѣнія, имъ объяснилась бы вся эта тайна. Можетъ-быть, въ немъ досказано было то, чего не надѣялся высказать Н—ой за короткостью торопливаго свиданія. Онъ даже не сходилъ съ лошади... Торопился-ли онъ, или, можетъ-быть, боялся измѣнить себѣ въ часъ прощанія,—Богъ знаетъ...

Я остановился, не выходя на дорожку, бросилъ на нее пакетъ на самое видное мѣсто и не спускалъ съ него глазъ, полагая, что m-me M*, замѣтивъ потерю, воротится, будетъ искать. Но, прождавъ минуты четыре, я не выдержалъ, поднялъ опять свою находку, положилъ въ карманъ и пустился догонять m-me M*. Я настигъ ее уже въ саду, въ большой аллеѣ; она шла прямо домой, скорой и торопливой походкой, но задумавшись и потупивъ глаза въ землю. Я не зналъ, что̀ дѣлать. Подойти, отдать? Это значило сказать, что я знаю все, видѣлъ все. Я измѣнилъ бы себѣ съ перваго слова. И какъ я буду смотрѣть на нее? Какъ она будетъ смотрѣть на меня? Я все ожидалъ, что она опомнится, хватится потеряннаго, воротится по слѣдамъ своимъ. Тогда бы я могъ, незамѣченный, бросить пакетъ на дорогу и она бы нашла его. Но нѣтъ! Мы уже подходили къ дому; ее уже замѣтили...

Въ это утро, какъ нарочно, почти всѣ поднялись очень рано, потому что еще вчера, вслѣдствіе неудавшейся

поѣздки, затѣмъ новую, о которой я и не зналъ. Всѣ готовились къ отъѣзду и завтракали на террасѣ. Я переждалъ минутъ десять, чтобъ не видѣли меня съ m-me M*, и, обойдя садъ, вышелъ къ дому съ другой стороны, гораздо послѣ нея. Она ходила взадъ и впередъ по террасѣ, блѣдная и встревоженная, скрестивъ на груди руки и, по всему было видно, крѣпясь и усиливаясь подавить въ себѣ мучительную, отчаянную тоску, которая такъ и вычитывалась въ ея глазахъ, въ ея ходьбѣ, во всякомъ движеніи. Иногда сходила она со ступенекъ и проходила нѣсколько шаговъ между клумбами по направленію къ саду: глаза ея истерическо, жадно, даже неосторожно искали чего-то на пескѣ дорожекъ и на полу террасы. Не было сомнѣнія: она хватилась потери и, кажется, думаетъ, что обронила пакетъ гдѣ-нибудь здѣсь, около дома,—да, это такъ, и она въ этомъ увѣрена!

Кто-то, а затѣмъ и другіе, замѣтили, что она блѣдна и встревожена. Посыпались вопросы о здоровьѣ, досадныя сѣтованія; она должна была отшучиваться, смѣяться, казаться веселою. Изрѣдка взглядывала она на мужа, который стоялъ въ концѣ террасы, разговаривая съ двумя дамами, и та же дрожь, то же смущеніе, какъ и тогда, въ первый вечеръ пріѣзда его, охватывали бѣдную. Засунувъ руку въ карманъ и крѣпко держа въ ней пакетъ, я стоялъ поодаль отъ всѣхъ, моля судьбу, чтобъ m-me M* меня замѣтила. Мнѣ хотѣлось ободрить и успокоить ее, хоть бы только взглядомъ: сказать ей что-нибудь мелькомъ, украдкой. Но когда она случайно взглянула на меня, я вздрогнулъ и потупилъ глаза.

Я видѣлъ ея мученія и не ошибся. Я до сихъ поръ не знаю тайны, ничего не знаю, кромѣ того, что самъ видѣлъ и что сейчасъ разсказалъ. Эта связь, можетъ-быть, не такова, какъ о ней предположить можно съ перваго взгляда. Можетъ-быть, этотъ поцѣлуй былъ прощальный, можетъ-быть, онъ былъ послѣдней, слабой наградой за жертву, которая была принесена ея спокойствію и чести. И—ой уѣзжалъ: онъ оставлялъ ее, можетъ быть, навсегда. Наконецъ, даже письмо это, которое я держалъ въ рукахъ, — кто знаетъ, что оно заключало? Какъ судить и кому осуждать? А между тѣмъ, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія, внезапное обнаруженіе тайны было бы ужасомъ, громовымъ ударомъ въ ея жизни. Я еще помню лицо ея въ ту минуту: нельзя было больше страдать. Чувствовать, знать,

быть увѣренной, ждать какъ казни, что черезъ четверть часа, черезъ минуту могло быть обнаружено все, пакетъ кѣмъ-нибудь найденъ, поднятъ; онъ безъ надписи, его могутъ вскрыть, а тогда... что̀ тогда? Какая казнь ужаснѣе той, которая ее ожидаетъ? Она ходила между будущихъ судей своихъ. Черезъ минуту ихъ улыбавшіяся, льстивыя лица будутъ грозны и неумолимы. Она прочтетъ насмѣшку, злость и ледяное презрѣніе на этихъ лицахъ, а потомъ настанетъ вѣчная, безразсвѣтная ночь въ ея жизни... Да, я тогда не понималъ всего этого такъ, какъ теперь объ этомъ думаю. Могъ я только подозрѣвать и предчувствовать, да болѣть сердцемъ за ея опасность, которую даже не совсѣмъ сознавалъ. Но что̀ бы ни заключалось въ ея тайнѣ,—тѣми скорбными минутами, которыхъ я былъ свидѣтелемъ и которыхъ никогда не забуду, было искуплено многое, если только нужно было что-нибудь искупить.

Но вотъ раздался веселый призывъ къ отъѣзду; всѣ радостно засуетились; со всѣхъ сторонъ раздался рѣзвый говоръ и смѣхъ. Черезъ двѣ минуты терраса опустѣла. М-ме М* отказалась отъ поѣздки, сознавшись, наконецъ, что она нездорова. Но, слава Богу, всѣ отправились, всѣ торопились, и докучать сѣтованіями, разспросами и совѣтами было некогда. Немногіе оставались дома. Мужъ сказалъ ей нѣсколько словъ; она отвѣчала, что сегодня же будетъ здорова, чтобъ онъ не безпокоился, что ложиться ей не для чего, что она пойдетъ въ садъ, одна... со мною... Тутъ она взглянула на меня. Ничего не могло быть счастливѣе! Я покраснѣлъ отъ радости; черезъ минуту мы были въ дорогѣ.

Она пошла по тѣмъ самымъ аллеямъ, дорожкамъ и тропинкамъ, по которымъ недавно возвращалась изъ рощи, инстинктивно припоминая свой прежній путь, неподвижно смотря передъ собою, не отрывая глазъ отъ земли, ища на ней, не отвѣчая мнѣ, можетъ-быть, забывъ, что я иду вмѣстѣ съ нею.

Но когда мы дошли почти до того мѣста, гдѣ я поднялъ письмо и гдѣ кончалась дорожка, м-ме М* вдругъ остановилась, и слабымъ, замиравшимъ отъ тоски голосомъ сказала, что ей хуже, что она пойдетъ домой. Но, дойдя до рѣшётки сада, она остановилась опять, подумала съ минуту; улыбка отчаянія показалась на губахъ ея и, вся обезсиленная, измученная, рѣшившись на все, покорившись всему, она, молча, воротилась на первый

путь, въ этотъ разъ позабылъ даже предупредить меня...

Я разрывался отъ тоски и не зналъ, что дѣлать.

Мы пошли, или, лучше сказать, я привелъ ее къ тому мѣсту, съ котораго услышалъ, часъ назадъ, топотъ коня и ихъ разговоръ. Тутъ, вблизи густого вяза, была скамья, изсѣченная въ огромномъ цѣльномъ камнѣ, вокругъ котораго обвивался плющъ и росли полевой жасминъ и шиповникъ. (Вся эта рощица была усѣяна мостиками, бесѣдками, гротами и тому подобными сюрпризами). М-ше М* сѣла на скамейку, безсознательно взглянувъ на дивный пейзажъ, разстилавшійся передъ нами. Черезъ минуту она развернула книгу и неподвижно приковалась къ ней, не перелистывая страницъ, не читая, почти не сознавая, что дѣлаетъ. Было уже половина десятаго. Солнце взошло высоко и пышно плыло надъ нами по синему, глубокому небу, казалось, расплавляясь въ собственномъ огнѣ своемъ. Косари ушли уже далеко; ихъ едва было видно съ нашего берега. За ними неотвязчиво ползли безконечныя борозды скошенной травы и изрѣдка чуть шевелившійся вѣтерокъ вѣялъ на насъ ея благовонной испариной. Кругомъ стоялъ неумолкаемый концертъ тѣхъ, которые „не жнутъ и не сѣютъ“, а своевольны, какъ воздухъ, разсѣкаемый ихъ рѣзвыми крыльями. Казалось, что въ это мгновеніе каждый цвѣтокъ, послѣдняя былинка, курясь жертвеннымъ ароматомъ, говорили Создавшему ее: „Отецъ! Я блаженна и счастлива!..“

Я взглянулъ на бѣдную женщину, которая одна была какъ мертвецъ среди всей этой радостной жизни: на рѣсницахъ ея неподвижно остановились двѣ крупныя слезы, вытравленныя острою болью изъ сердца. Въ моей власти было оживить и осчастливить это бѣдное, замиравшее сердце и я только не зналъ, какъ приступить къ тому, какъ сдѣлать первый шагъ. Я мучился. Сто разъ порывался я подойти къ ней, и каждый разъ, какъ огонь, горѣло лицо мое.

Вдругъ одна свѣтлая мысль озарила меня. Средство было найдено; я воскресъ.

— Хотите, я вамъ букетъ нарву! сказалъ я такимъ радостнымъ голосомъ, что м-ше М* вдругъ подняла голову и пристально посмотрѣла на меня.

— Принеси, проговорила она, наконецъ, слабымъ голосомъ, чуть-чуть улыбнувшись и тотчасъ же опять опустивъ глаза въ книгу.

— А то и здѣсь, пожалуй, скосятъ траву и не будетъ цвѣтовъ! закричалъ я, весело пускаясь въ походъ.

Скоро я набралъ мой букетъ, простой, бѣдный. Его бы стыдно было внести въ комнату; но какъ весело билось мое сердце, когда я собиралъ и вязалъ его! Шиповнику и полевого жасмина взялъ я еще на мѣстѣ. Я зналъ, что недалеко есть нива съ дозрѣвшею рожью. Туда я сбѣгалъ за васильками. Я перемѣшалъ ихъ съ длинными колосьями ржи, выбравъ самые золотые и тучные. Тутъ же, недалеко, попалось мнѣ цѣлое гнѣздо незабудокъ, и букетъ мой уже начиналъ наполняться. Далѣе, въ полѣ, нашлись синіе колокольчики и полевая гвоздика, а за водяными, желтыми лиліями сбѣгалъ я на самое прибрежье рѣки. Наконецъ, уже возвращаясь на мѣсто и зайдя на мигъ въ рощу, чтобъ промыслить нѣсколько ярко-зеленыхъ, лапчатыхъ листьевъ клена и обернуть ими букетъ, я случайно набрелъ на цѣлое семейство анютиныхъ глазокъ, вблизи которыхъ, на мое счастье, ароматный фіалковый запахъ обличалъ въ сочной, густой травѣ притаившійся цвѣтокъ, еще весь обсыпанный блестящими каплями росы. Букетъ былъ готовъ. Я перевязалъ его длинной, тонкой травой, которую свилъ въ бечеву, и во внутрь, осторожно, вложилъ письмо, прикрывъ его цвѣтами, но такъ, что его очень можно было замѣтить, если хоть маленькимъ вниманіемъ подарятъ мой букетъ.

Я понесъ его къ m-me M*.

Дорогой показалось мнѣ, что письмо лежитъ слишкомъ на виду: я побольше прикрылъ его. Подойдя еще ближе, я вдвинулъ его еще плотнѣе въ цвѣты и, наконецъ, уже почти дойдя до мѣста, вдругъ сунулъ его такъ глубоко во внутрь букета, что уже ничего не было примѣтно снаружи. На щекахъ моихъ горѣло цѣлое пламя. Мнѣ хотѣлось закрыть руками лицо и тотчасъ бѣжать, но она взглянула на мои цвѣты такъ, какъ будто совсѣмъ позабыла, что я ходилъ набирать ихъ. Машинально, почти не глядя, протянула она руку и взяла мой подарокъ, но тотчасъ же положила его на скамью, какъ будто я затѣмъ и передавалъ ей его, и снова опустила глаза въ книгу, точно была въ забытьи. Я готовъ былъ плакать отъ неудачи. „Но только-бъ мой букетъ былъ возлѣ нея“, думалъ я, „только-бъ она о немъ не забыла!“ Я легъ неподалеку на траву, положилъ подъ голову правую руку и закрылъ глаза, будто меня

одолѣвалъ сонъ. Но я не спускалъ съ нея глазъ и ждалъ.

Прошло минутъ десять; мнѣ показалось, что она все больше и больше блѣднѣла... Вдругъ благословенный случай пришелъ мнѣ на помощь.

Это была большая, золотая пчела, которую принесъ добрый вѣтерокъ, мнѣ на счастье. Она пожужжала сперва надъ моей головою и потомъ подлетѣла къ m-me M*. Та отмахнулась было рукою одинъ и другой разъ, но пчела, будто нарочно, становилась все неотвязчивѣе. Наконецъ, m-me M* схватила мой букетъ и махнула имъ передъ собою. Въ этой мигъ пакетъ вырвался изъ-подъ цвѣтовъ и упалъ прямо въ раскрытую книгу. Я вздрогнулъ. Нѣкоторое время m-me M* смотрѣла, нѣмая отъ изумленія, то на пакетъ, то на цвѣты, которые держала въ рукахъ, и, казалось, не вѣрила глазамъ своимъ. Вдругъ она покраснѣла, вспыхнула и взглянула на меня. Но я уже перехватилъ ея взглядъ и крѣпко закрылъ глаза, притворяясь спящимъ; ни за что въ мірѣ я бы не взглянулъ теперь ей прямо въ лицо. Сердце мое замирало и билось, словно пташка, попавшая въ лапки кудряваго, деревенскаго мальчугана. Не помню, сколько времени пролежалъ я, закрывъ глаза: минуты двѣ — три. Наконецъ, я осмѣлился ихъ открыть. M-me M* жадно читала письмо и, по разгорѣвшимся ея щекамъ, по сверкавшему, слезящемуся взгляду, по свѣтлому лицу, въ которомъ каждая черточка трепетала отъ радостнаго ощущенія, я догадался, что счастье было въ этомъ письмѣ и что разсѣяна, какъ дымъ, вся тоска ея. Мучительно-сладкое чувство присосалось къ моему сердцу, тяжело было мнѣ притворяться...

Никогда не забуду я этой минуты!

Вдругъ, еще далеко отъ насъ, послышались голоса:

— M-me M*! Natalie! Natalie!

M-me M* не отвѣчала, но быстро поднялась со скамьи, подошла ко мнѣ и наклонилась надо мною. Я чувствовалъ, что она смотритъ мнѣ прямо въ лицо. Рѣсницы мои задрожали, но я удержался и не открылъ глазъ. Я старался дышать ровнѣе и спокойнѣе, но сердце задушало меня своими смятенными ударами. Горячее дыханіе ея палило мои щеки; она близко-близко нагнулась къ лицу моему, словно испытывая его. Наконецъ, поцѣлуй и слезы упали на мою руку, на ту, которая лежала у меня на груди. И два раза она поцѣловала ее.

— Natalie! Natalie! Гдѣ ты? послышалось снова, уже очень близко отъ насъ.

— Сейчасъ! проговорила m-me M* своимъ густымъ, серебристымъ голосомъ, но заглушеннымъ и дрожавшимъ отъ слезъ, и такъ тихо, что только я одинъ могъ слышать ея „сейчасъ!“

Но въ этотъ мигъ сердце, наконецъ, измѣнило мнѣ, и, казалось, выслало всю свою кровь мнѣ въ лицо. Въ тотъ же мигъ, скорый, горячій поцѣлуй обжегъ губы. Я слабо вскрикнулъ, открылъ глаза, но тотчасъ же на нихъ упалъ вчерашній газовый платочекъ ея, — какъ будто она хотѣла закрыть меня имъ отъ солнца. Мгновеніе спустя, ея уже не было. Я разслышалъ только шелестъ торопливо-удалявшихся шаговъ. Я былъ одинъ...

Я сорвалъ съ себя ея косынку и цѣловалъ ее, не помня себя отъ восторга; нѣсколько минутъ я былъ какъ безумный!.. Едва переводя духъ, облокотясь на траву, глядѣлъ я, безсознательно и неподвижно, передъ собою, на окрестные холмы, пестрѣвшіе нивами, на рѣку, извилисто обтекавшую ихъ, и далеко, какъ только могъ слѣдить глазъ, вьющуюся между новыми холмами и селами, мелькавшими, какъ точки, по всей, залитой свѣтомъ, дали,— на синіе, чуть виднѣвшіеся лѣса, какъ будто курившіеся на краю раскаленнаго неба, и какое-то сладкое затишье, будто навѣянное торжественною тишиною картины, мало-по-малу смирило мое возмущенное сердце. Мнѣ стало легче и я вздохнулъ свободнѣе... Но вся душа моя какъ-то глухо и сладко томилась, будто прозрѣніемъ чего-то, будто какимъ-то предчувствіемъ. Что-то робко и радостно отгадывалось испуганнымъ сердцемъ моимъ, слегка трепетавшимъ отъ ожиданія... И вдругъ грудь моя заколебалась, заныла словно отъ чего-то пронзившаго ее, и слезы, сладкія слезы брызнули изъ глазъ моихъ. Я закрылъ руками лицо и, весь трепеща, какъ былинка, невозбранно отдался первому сознанію и откровенію сердца, первому, еще неясному, прозрѣнію природы моей. Первое дѣтство мое кончилось съ этимъ мгновеніемъ . . . . . .

. . . . . .

Когда, черезъ два часа, я воротился домой, то не нашелъ уже m-me M*. Она уѣхала съ мужемъ въ Москву, по какому-то внезапному случаю. Я уже никогда болѣе не встрѣчался съ нею.

НА ЕВРОПЕЙСКІЯ СОБЫТІЯ

въ 1854 году

СТИХОТВОРЕНІЕ.*)

Съ чего взялась всесвѣтная бѣда?
Кто виноватъ, кто первый начинаетъ?
Народъ вы умный, всякій это знаетъ,
Да славушка пошла объ васъ худа!
Ужъ лучше бы въ покоѣ дома жить.
Да справиться съ домашними дѣлами!
Вѣдь, кажется, намъ нечего дѣлить,
И мѣста много всѣмъ подъ небесами.
Къ тому-жъ и то, коль все ужъ поминать:
Смѣшно Французомъ Русскаго пугать!

Знакома Русь со всякою бѣдой!
Случалось съ ней, что̀ не бывало съ вами,
Давилъ ее татаринъ подъ пятой,
А очутился опъ же подъ ногами.
Но далеко она съ тѣхъ поръ ушла!
Не въ мѣрку ей стать вровень даже съ вами,

*) Стихотвореніе это написано Ѳ. М. Достоевскимъ въ ноябрѣ 1854 г. Напечатано въ первый разъ въ журналѣ „Гражданинъ" за 1888 г. № 1.

Заморскій ростъ она переросла,
Тянуться-ль вамъ въ одно съ богатырями!
Попробуйте на насъ теперь взглянуть,
Коль не боитесь голову свихнуть!

Страдала Русь въ бояхъ междоусобныхъ,
По каплѣ кровью чуть не изошла,
Томясь въ борьбѣ своихъ единокровныхъ;
Но живуча Святая Русь была!
Умнѣе вы,—зато вамъ книги въ руки!
Правѣе вы,—то знаетъ ваша честь!
Но знайте же, что и въ послѣдней мукѣ
Намъ будетъ чѣмъ страданье перенесть!
Прошедшее стоитъ отвѣтомъ вамъ,
И вашъ союзъ давно не страшенъ намъ.

Спасемся мы въ годину навожденій,
Спасутъ насъ крестъ, святыня, вѣра, тронъ!
У насъ въ душѣ сложился сей законъ,
Какъ знаменье побѣдъ и избавленій!
Мы вѣры нашей спрòста не теряли
(Какъ былъ какой-то западный народъ);
Мы вѣрою изъ мертвыхъ воскресали,
И вѣрою живетъ Славянскій родъ.
Мы вѣруемъ, что Богъ надъ нами можетъ;
Что Русь жива и умереть не можетъ!

Писали вы, что началъ ссору Русскій,
Что какъ-то мы ведемъ себя не такъ,
Что честью мы не дорожимъ французской,
Что стыдно вамъ за вашъ союзный флагъ,
Что жаль вамъ очень Порты златорогой,
Что хочется завоеваній намъ,
Что то, да се... Отвѣтъ вамъ дали строгой,
Какъ школьникамъ, крикливымъ шалунамъ.
Не нравится,—на то пеняйте сами,
Не шапку же ломать намъ передъ вами!

Не вамъ судьбы Россіи разбирать!
Не ясны вамъ ея предназначенья?

Востокъ—ея! Къ ней руки простирать
Не устаютъ мильоны поколѣній.
И властвуя надъ Азіей глубокой,
Она всему младую жизнь даетъ,
И возрожденье древняго Востока
(Такъ Богъ велѣлъ!) Россіей настаетъ.
То вновѣ Русь, то подданство Царя,
Грядущаго роскошная заря!

Не опіумъ, растлившій поколѣнья,
(Что варварствомъ зовемъ мы безъ прикрасъ)
Народы ваши двинетъ къ возрожденью
И вознесетъ униженныхъ до васъ:
То Альбіонъ съ насиліемъ безумнымъ,—
(Миссіонеръ Христовыхъ кроткихъ братствъ!)
Разлилъ недугъ въ народѣ полоумномъ,
Въ мерзительномъ алканіи богатствъ!
Иль не для васъ всходилъ на крестъ Господь,
И далъ на смерть Свою святую плоть?

Смотрите всѣ,—Онъ распятъ и понынѣ,
И вновь течетъ Его святая кровь!
Но гдѣ же жидъ, Христа распявшій нынѣ,
Продавшій вновь Предвѣчную Любовь?
Вновь язвенъ Онъ, вновь принялъ скорбь и муки,
Вновь плачутъ очи тяжкою слезой,
Вновь распростерты Божескія руки
И тмится небо страшною грозой!
То муки братій намъ единовѣрныхъ,
И стонъ церквей въ гоненьяхъ безпримѣрныхъ!

Онъ тѣломъ Божьимъ ихъ велѣлъ назвать,
Онъ самъ—Глава всей вѣры православной!
Съ невѣрными на Церковь воевать—
То подвигъ темный, грѣшный и безславный!
Христіанинъ за турка на Христа!
Христіанинъ—защитникъ Магомета!
Позоръ на васъ, отступники Креста,
Гасители Божественнаго Свѣта!
Но съ нами Богъ! Ура! Нашъ подвигъ святъ,
И за Христа кто жизнь отдать не радъ!

Мечъ Гедеоновъ въ помощь угнетеннымъ,
И во Израиль сильный Судія!
То Царь, Тобой, Всевышній, сохраненный,
Помазанникъ десницы Твоея!
Гдѣ два иль три для Господа готовы,
Господь межъ нихъ, какъ Самъ намъ обѣщалъ.
Насъ милліоны ждутъ Царева слова,
И, наконецъ, Твой часъ, Господь, насталъ!
Звучитъ труба, шумитъ орелъ двуглавый,
И на Царьградъ несется величаво!

ДЯДЮШКИНЪ СОНЪ. *)

ИЗЪ МОРДАСОВСКИХЪ ЛѢТОПИСЕЙ.

ГЛАВА I.

Марья Александровна Москалева. — конечно, первая дама въ Мордасовѣ, и въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Она держитъ себя такъ, какъ будто ни въ комъ не нуждается, а, напротивъ, всѣ въ ней нуждаются. Правда, ее почти никто не любитъ и даже очень многіе искренно ненавидятъ; но за то ее всѣ боятся, а этого ей и надобно. Такая потребность есть уже признакъ высокой политики. Отчего, напримѣръ, Марья Александровна, которая ужасно любитъ сплетни и не заснетъ всю ночь, если наканунѣ не узнала чего-нибудь новенькаго,—отчего она, при всемъ этомъ, умѣетъ себя держать такъ, что, глядя на нее, въ голову не придетъ, чтобъ эта саповитая дама была первая сплетница въ мірѣ или, по крайней мѣрѣ, въ Мордасовѣ? Напротивъ, кажется, сплетни должны исчезнуть въ ея присутствіи; сплетники—краснѣть и дрожать какъ школьники передъ господиномъ учителемъ, и разговоръ долженъ пойти не иначе, какъ о самыхъ высокихъ матеріяхъ. Она знаетъ, напримѣръ, про кой-кого изъ мордасовцевъ такія капитальныя и скандалезныя вещи, что разскажи она ихъ, при удобномъ случаѣ, и докажи ихъ такъ, какъ она ихъ умѣетъ доказывать, то въ Мордасовѣ будетъ лиссабонское землетрясеніе. А между тѣмъ, она очень молчалива на эти секреты, и разскажетъ ихъ развѣ ужъ въ крайнемъ случаѣ, и то не иначе, какъ самымъ короткимъ пріятельницамъ. Она только пугнетъ, намекнетъ, что знаетъ, и лучше любитъ держать чело-

*) Въ первый разъ напечатанъ въ „Русскомъ Словѣ" 1859 г., томъ 2-й.

вѣка или даму въ безпрерывномъ страхѣ, чѣмъ поразить окончательно. Это умъ, это тактика! Марья Александровна всегда отличалась между нами своимъ безукоризненнымъ comme il faut, съ котораго всѣ берутъ образецъ. Насчетъ comme il faut она не имѣетъ соперницъ въ Мордасовѣ. Она, напримѣръ, умѣетъ убить, растерзать, уничтожить какимъ-нибудь однимъ словомъ соперницу, чему мы свидѣтели; а между тѣмъ, покажетъ видъ, что и не замѣтила, какъ выговорила это слово. А извѣстно, что такая черта есть уже принадлежность самаго высшаго общества. Вообще, во всѣхъ такихъ фокусахъ, она перещеголяетъ самого Пинетти. Связи у ней огромныя. Многіе изъ посѣщавшихъ Мордасовъ уѣзжали въ восторгѣ отъ ея пріема и даже вели съ ней потомъ переписку. Ей даже кто-то написалъ стихи, и Марья Александровна съ гордостью ихъ всѣмъ показывала. Одинъ заѣзжій литераторъ посвятилъ ей свою повѣсть, которую и читалъ у ней на вечерѣ, что произвело чрезвычайно пріятный эффектъ. Одинъ нѣмецкій ученый, нарочно пріѣзжавшій изъ Карлсруэ изслѣдовать особенный родъ червячка съ рожками, который водится въ нашей губерніи, и написавшій объ этомъ червячкѣ четыре тома in-quarto, такъ былъ обвороженъ пріемомъ и любезностью Марьи Александровны, что до сихъ поръ ведетъ съ ней почтительную и нравственную переписку изъ самаго Карлсруэ. Марью Александровну сравнивали даже, въ нѣкоторомъ отношеніи, съ Наполеономъ. Разумѣется, это дѣлали въ шутку ея враги, болѣе для карикатуры, чѣмъ для истины. Но, признавая вполнѣ всю странность такого сравненія, я осмѣлюсь, однакоже, сдѣлать одинъ невинный вопросъ: отчего, скажите, у Наполеона закружилась, наконецъ, голова, когда онъ забрался уже слишкомъ высоко? Защитники стараго дома приписывали это тому, что Наполеонъ не только не былъ изъ королевскаго дома, но даже былъ и не gentilhomme хорошей породы; а потому, естественно, испугался, наконецъ, своей собственной высоты и вспомнилъ свое настоящее мѣсто. Несмотря на очевидное остроуміе этой догадки, напоминающее самыя блестящія времена древняго французскаго двора, я осмѣлюсь прибавить въ свою очередь: отчего у Марьи Александровны никогда и ни въ какомъ случаѣ не закружится голова, и она всегда останется первой дамой въ Мордасовѣ? Бывали, напримѣръ, такіе случаи, когда всѣ говорили: „Ну, какъ-то теперь

поступить Марья Александровна въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ?" Но наступали эти затруднительныя обстоятельства, проходили, и—ничего! Все оставалось благополучно, попрежнему, и даже почти лучше прежняго. Всѣ, напримѣръ, помнятъ, какъ супругъ ея, Аѳанасій Матвѣичъ, лишился своего мѣста, за неспособностью и слабоумiемъ, возбудивъ гнѣвъ пріѣхавшаго ревизора. Всѣ думали, что Марья Александровна падетъ духомъ, унизится, будетъ просить, умолять, отнимъ словомъ, опуститъ свои крылышки. Ничуть не бывало: Марья Александровна поняла, что уже ничего больше не выпросишь, и обдѣлала свои дѣла такъ, что нисколько не лишилась своего вліянія на общество, и домъ ея все еще продолжаетъ считаться первымъ домомъ въ Мордасовѣ. Прокурорша, Анна Николаевна Антипова, заклятый врагъ Марьи Александровны, хотя и другъ по наружности, уже трубила побѣду. Но когда увидѣли, что Марью Александровну трудно сконфузить, то догадались, что она гораздо глубже пустила корни, чѣмъ думали прежде.

Кстати, такъ какъ ужъ о немъ упомянули, скажемъ нѣсколько словъ и объ Аѳанасiи Матвѣичѣ, супругѣ Марьи Александровны. Во-первыхъ, это весьма представительный человѣкъ по наружности, и даже очень порядочныхъ правилъ, но въ критическихъ случаяхъ онъ какъ-то теряется и смотритъ, какъ баранъ, которыя увидалъ новыя ворота. Онъ необыкновенно сановитъ, особенно на именинныхъ обѣдахъ, въ своемъ бѣломъ галстукѣ. Но вся эта сановитость и представительность — единственно до той минуты, когда онъ заговоритъ. Тутъ ужъ, извините, хоть уши заткнуть. Онъ рѣшительно не достоинъ принадлежать Марьѣ Александровнѣ; это всеобщее мнѣнiе. Онъ и на мѣстѣ сидѣлъ единственно только черезъ геніальность своей супруги. По моему крайнему разумѣнiю, ему бы давно пора въ огородъ, пугать воробьевъ. Тамъ, и единственно только тамъ, онъ бы могъ принести настоящую, несомнѣнную пользу своимъ соотечественникамъ. И потому Марья Александровна претеспокойно поступила, сославъ Аѳанасiя Матвѣича въ подгородную деревню, въ трехъ верстахъ отъ Мордасова, гдѣ у него сто двадцать душъ, — мимоходомъ сказать, все состоянiе, всѣ средства, съ которыми она такъ достойно поддерживаетъ благородство своего дома. Всѣ поняли, что она держала Аѳанасiя Матвѣича при себѣ единственно за то, что онъ

служилъ и получалъ жалованье и... другіе доходы. Когда же онъ пересталъ получать жалованье и доходы, то его тотчасъ же и удалили, за негодностью и совершенною безполезностью. И всѣ похвалили Марью Александровну за ясность сужденія и рѣшимость характера. Въ деревнѣ Аѳанасій Матвѣичъ живетъ припѣваючи. Я заѣзжалъ къ нему и провелъ у него цѣлый часъ довольно пріятно. Онъ примѣряетъ бѣлые галстуки, собственноручно чиститъ сапоги, не изъ нужды, а единственно изъ любви къ искусству, потому что любитъ, чтобъ сапоги у него блестѣли; три раза въ день пьетъ чай, чрезвычайно любитъ ходить въ баню и — доволенъ. Помните-ли, какая гнусная исторія заварилась у насъ, года полтора назадъ, по поводу Зинаиды Аѳанасьевны, единственной дочери Марьи Александровны и Аѳанасія Матвѣича? Зинаида, безспорно, красавица, превосходно воспитана, но ей двадцать три года, а она до сихъ поръ не замужемъ. Между причинами, которыми объясняютъ, почему до сихъ поръ Зина не замужемъ, — одною изъ главныхъ считаютъ эти темные слухи о какихъ-то странныхъ ея связяхъ, полтора года назадъ, съ уѣзднымъ учителишкой, — слухи, не умолкнувшіе и понынѣ. До сихъ поръ говорятъ о какой-то любовной запискѣ, написанной Зиной, и которая будто бы ходила по рукамъ въ Мордасовѣ; но скажите: кто видѣлъ эту записку? Если она ходила по рукамъ, то куда-жъ она дѣлась? Всѣ о ней слышали, но никто ея не видалъ. Я, по крайней мѣрѣ, никого не встрѣтилъ, кто бы своими глазами видѣлъ эту записку. Если вы намекнете объ этомъ Марьѣ Александровнѣ, она васъ просто не пойметъ. Теперь предположите, что дѣйствительно что-нибудь было и Зина написала записочку (я даже думаю, что это было непремѣнно такъ): какова же ловкость со стороны Марьи Александровны! Каково замято, затушено неловкое, скандалезное дѣло! Ни слѣда ни намека! Марья Александровна и вниманія не обращаетъ теперь на всю эту низкую клевету; а между тѣмъ, можетъ-быть, Богъ знаетъ какъ работала, чтобъ спасти неприкосновенно честь своей единственной дочери. А что Зина не замужемъ, такъ это понятно: какіе здѣсь женихи? Зинѣ только развѣ быть за владѣтельнымъ принцемъ. Видали-ль вы гдѣ такую красавицу изъ красавицъ? Правда, она горда, слишкомъ горда. Говорятъ, что сватается Мозгляковъ, но врядъ-ли быть свадьбѣ. Что же такое Мозгля-

ковъ? Правда, молодъ, не дуренъ собою, франтъ, полтораста незаложенныхъ душъ, петербургскій. Но, вѣдь, вопервыхъ, въ головѣ не всѣ дома. Вертопрахъ, болтунъ, съ какими-то новѣйшими идеями! Да и что такое полтораста душъ, особенно при новѣйшихъ идеяхъ! Не бывать этой свадьбѣ!

Все, что прочелъ теперь благосклонный читатель, было написано мною мѣсяцевъ пять тому назадъ, единственно изъ умиленія. Признаюсь заранѣе, я нѣсколько пристрастенъ къ Марьѣ Александровнѣ. Мнѣ хотѣлось написать что-нибудь въ родѣ похвальнаго слова этой великолѣпной дамѣ и изобразить все это въ формѣ игриваго письма къ пріятелю, по примѣру писемъ, печатавшихся когда-то въ старое, золотое, но, слава Богу, невозвратное время, въ *Сѣверной Пчелѣ* и въ прочихъ повременныхъ изданіяхъ. Но такъ какъ у меня нѣтъ никакого пріятеля, и, кромѣ того, есть нѣкоторая врожденная литературная робость, то сочиненіе мое и осталось у меня въ столѣ, въ видѣ литературной пробы пера и въ память мирнаго развлеченія въ часы досуга и удовольствія. Прошло пять мѣсяцевъ, — и вдругъ въ Мордасовѣ случилось удивительное происшествіе: рано утромъ въ городъ въѣхалъ князь К. и остановился въ домѣ Марьи Александровны. Послѣдствія этого пріѣзда были неисчислимы. Князь провелъ въ Мордасовѣ только три дня, но эти три дня оставили по себѣ роковыя и неизгладимыя воспоминанія. Скажу болѣе: князь произвелъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, переворотъ въ нашемъ городѣ. Разсказъ объ этомъ переворотѣ, конечно, составляетъ одну изъ многознаменательнѣйшихъ страницъ въ мордасовскихъ лѣтописяхъ. Эту-то страницу я и рѣшился, наконецъ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, обработать литературнымъ образомъ и представить на судъ многоуважаемой публики. Повѣсть моя заключаетъ въ себѣ полную и замѣчательную исторію возвышенія, славы и торжественнаго паденія Марьи Александровны и всего ея дома въ Мордасовѣ: тема достойная и соблазнительная для писателя. Разумѣется, прежде всего нужно объяснить: что удивительнаго въ томъ, что въ городъ въѣхалъ князь К. и остановился у Марьи Александровны,—а для этого, конечно, нужно сказать нѣсколько словъ и о самомъ князѣ К. Такъ я и сдѣлаю. Къ тому же біографія этого лица совершенно необходима и для всего дальнѣйшаго хода нашего разсказа. Итакъ, приступаю.

ГЛАВА II.

Начну съ того, что князь К. былъ еще не Богъ знаетъ какой старикъ, а между тѣмъ, смотря на него, невольно приходила мысль, что онъ сію минуту развалится: до того онъ обветшалъ или, лучше сказать, износился. Въ Мордасовѣ объ этомъ князѣ всегда разсказывались чрезвычайно странныя вещи, самаго фантастическаго содержанія. Говорили даже, что старичокъ помѣшался. Всѣмъ казалось особенно страннымъ, что помѣщикъ четырехъ тысячъ душъ, человѣкъ съ извѣстнымъ родствомъ, который бы могъ имѣть, если-бъ захотѣлъ, значительное вліяніе въ губерніи, живетъ въ своемъ великолѣпномъ имѣніи уединенно, совершеннымъ затворникомъ. Многіе знавали князя назадъ тому лѣтъ шесть или семь, во время его пребыванія въ Мордасовѣ, и увѣряли, что онъ тогда терпѣть не могъ уединенія и отнюдь не былъ похожъ на затворника.

Вотъ, однакоже, все, что я могъ узнать о немъ достовѣрнаго:

Когда-то, въ свои молодые годы, что, впрочемъ, было очень давно, князь блестящимъ образомъ вступилъ въ жизнь, жировалъ, волочился, нѣсколько разъ проживался за границей, пѣлъ романсы, каламбурилъ и никогда не отличался блестящими умственными способностями. Разумѣется, онъ разстроилъ все свое состояніе и, въ старости, увидѣлъ себя вдругъ почти безъ копейки. Кто-то посовѣтовалъ ему отправиться въ его деревню, которую уже начали продавать съ публичнаго торга. Онъ отправился и пріѣхалъ въ Мордасовъ, гдѣ и прожилъ ровно шесть мѣсяцевъ. Губернская жизнь ему чрезвычайно понравилась и, въ эти шесть мѣсяцевъ, онъ ухлопалъ все, что у него оставалось, до послѣднихъ поскребковъ, продолжая жировать и заводя разныя интимности съ губернскими барынями. Человѣкъ онъ былъ къ тому же добрѣйшій, разумѣется, не безъ нѣкоторыхъ особенныхъ княжескихъ замашекъ, которыя, впрочемъ, въ Мордасовѣ считались принадлежностію самаго высшаго общества, а потому, вмѣсто досады, производили даже эффектъ. Особенно дамы были въ постоянномъ восторгѣ отъ своего милаго гостя. Сохранилось много любопытныхъ воспоминаній. Разсказывали, между прочимъ, что князь проводилъ больше половины дня за

своимъ туалетомъ и, казалось, былъ весь составленъ изъ какихъ-то кусочковъ. Никто не зналъ, когда и гдѣ онъ успѣлъ такъ разсыпаться. Онъ носилъ парикъ, усы, бакенбарды и даже эспаньолку, — все, до послѣдняго волоска, накладное и великолѣпнаго чернаго цвѣта: бѣлился и румянился ежедневно. Увѣряли, что онъ какъ-то расправлялъ пружинками морщины на своемъ лицѣ и что эти пружины были, какимъ-то особеннымъ образомъ, скрыты въ его волосахъ. Увѣряли еще, что онъ носитъ корсетъ, потому что лишился гдѣ-то ребра, неловко выскочивъ изъ окошка, во время одного своего любовнаго похожденія, въ Италіи. Онъ хромалъ на лѣвую ногу; утверждали, что эта нога поддѣльная, а что настоящую сломали ему, при какомъ-то другомъ похожденіи, въ Парижѣ, зато приставили новую, какую-то особенную, пробочную. Впрочемъ, мало-ли чего не разскажутъ? Но вѣрно было, однакоже, то, что правый глазъ его былъ стеклянный, хотя и очень искусно поддѣланный. Зубы тоже были изъ композиціи. Цѣлые дни онъ умывался разными патентованными водами, душился и помадился. Помнятъ, однакоже, что князь тогда уже начиналъ примѣтно дряхлѣть и становился невыносимо болтливъ. Казалось, что карьера его оканчивалась. Всѣ знали, что у него уже не было ни копейки. И вдругъ въ это время, совершенно неожиданно, одна изъ ближайшихъ его родственницъ, чрезвычайно ветхая старуха, проживавшая постоянно въ Парижѣ, и отъ которой онъ никакимъ образомъ не могъ ожидать наслѣдства, — умерла, похоронивъ, ровно за мѣсяцъ до своей смерти, своего законнаго наслѣдника. Князь, совершенно неожиданно, сдѣлался ея законнымъ наслѣдникомъ. Четыре тысячи душъ великолѣпнѣйшаго имѣнія, ровно въ шестидесяти верстахъ отъ Мордасова, достались ему одному безраздѣльно. Онъ немедленно собрался, для окончанія своихъ дѣлъ, въ Петербургъ. Провожая своего гостя, наши дамы дали ему великолѣпный обѣдъ по подпискѣ. Помнятъ, что князь былъ очаровательно веселъ на этомъ послѣднемъ обѣдѣ, каламбурилъ, смѣшилъ, разсказывалъ самые необыкновенные анекдоты, обѣщался какъ можно скорѣе пріѣхать въ Духаново (свое новоприобрѣтенное имѣніе) и давалъ слово, что по возвращеніи у него будутъ безпрерывные праздники, пикники, балы, фейерверки. Цѣлый годъ послѣ его отъѣзда дамы толковали объ этихъ обѣщанныхъ праздникахъ, ожидая своего ми-

лаго старичка съ ужаснымъ нетерпѣніемъ. Въ ожиданіи же, составлялись даже поѣздки въ Духаново, гдѣ былъ старинный барскій домъ и садъ, съ выстриженными изъ акацій львами, съ насыпными курганами, съ прудами, по которымъ ходили лодки съ деревянными турками, игравшими на свирѣляхъ, съ бесѣдками, съ павильонами, съ монплезирами и другими затѣями.

Наконецъ, князь воротился, но, къ всеобщему удивленію и разочарованію, даже и не заѣхалъ въ Мордасовъ, а поселился въ своемъ Духановѣ совершеннымъ затворникомъ. Распространились странные слухи, и вообще, съ этой эпохи исторія князя становится туманною и фантастическою. Во-первыхъ, разсказывали, что въ Петербургѣ ему не совсѣмъ удалось, что нѣкоторые изъ его родственниковъ, будущіе наслѣдники, хотѣли, по слабоумію князя, выхлопотать надъ нимъ какую-то опеку, вѣроятно, изъ боязни, что онъ опять все промотаетъ. Мало того: иные прибавляли, что его хотѣли даже посадить въ сумасшедшій домъ, но что какой-то изъ его родственниковъ, одинъ важный баринъ, будто бы за него заступился, доказавъ ясно всѣмъ прочимъ, что бѣдный князь, вполовину умершій и поддѣльный, вѣроятно, скоро и весь умретъ, и тогда имѣніе дестанется имъ и безъ сумасшедшаго дома. Повторяю опять: мало-ли чего не наскажутъ, особенно у насъ въ Мордасовѣ? Все это, какъ разсказывали, ужасно испугало князя, до того, что онъ совершенно измѣнился характеромъ и обратился въ затворника. Нѣкоторые изъ мордасовцевъ изъ любопытства поѣхали къ нему съ поздравленіями, но — или не были приняты, или приняты чрезвычайно страннымъ образомъ. Князь даже не узналъ своихъ прежнихъ знакомыхъ. Утверждали, что онъ и не хотѣлъ узнавать. Посѣтилъ его и губернаторъ.

Онъ воротился съ извѣстіемъ, что, по его мнѣнію, князь дѣйствительно немного помѣшанъ, и всегда потомъ дѣлалъ кислую мину, при воспоминаніи о своей поѣздкѣ въ Духаново. Дамы громко негодовали. Узнали, наконецъ, одну капитальную вещь, именно: что княземъ овладѣла какая-то неизвѣстная Степанида Матвѣевна, Богъ знаетъ какая женщина, пріѣхавшая съ нимъ изъ Петербурга, пожилая и толстая, которая ходитъ въ ситцевыхъ платьяхъ и съ ключами въ рукахъ; что князь слушается ее во всемъ, какъ ребенокъ, и не смѣетъ ступить шагу безъ ея позволенія; что она даже моетъ его своими руками, ба-

луетъ его, поситъ и тѣшитъ, какъ ребенка, что, наконецъ, она-то и отдаляетъ отъ него всѣхъ посѣтителей и, въ особенности, родственниковъ, которые начали было понемногу заѣзжать въ Духаново, для развѣдокъ. Въ Мордасовѣ много разсуждали объ этой непонятной связи, особенно дамы. Ко всему этому прибавляли, что Степанида Матвѣевна управляетъ всѣмъ имѣніемъ князя, безгранично и самовластно; отрѣшаетъ управителей, приказчиковъ, прислугу, собираетъ доходы; но что управляетъ она хорошо, такъ что крестьяне благословляютъ судьбу свою. Что же касается до самого князя, то узнали, что дни его проходятъ почти сплошь за туалетомъ, въ примѣриваніи париковъ и фраковъ; что остальное время онъ проводитъ со Степанидой Матвѣевной, играетъ съ ней въ свои козыри, гадаетъ на картахъ, изрѣдка выѣзжая погулять верхомъ на смирной англійской кобылѣ, при чемъ Степанида Матвѣевна непремѣнно сопровождаетъ его въ крытыхъ дрожкахъ, на всякій случай, — потому что князь ѣздитъ верхомъ болѣе изъ кокетства, а самъ чуть держится на сѣдлѣ. Видѣли его иногда и пѣшкомъ, въ пальто и въ соломенной, широкополой шляпѣ, съ розовымъ дамскимъ платочкомъ на шеѣ, съ стеклышкомъ въ глазу и съ соломенной корзинкой на лѣвой рукѣ, для собиранія грибковъ, полевыхъ цвѣтовъ, васильковъ; Степанида же Матвѣевна всегда при этомъ сопровождаетъ его, а сзади идутъ два саженные лакея и ѣдетъ, на всякій случай, коляска. Когда же встрѣчается съ нимъ мужикъ, и, остановясь въ сторонѣ, снимаетъ шапку, низко кланяется и приговариваетъ: „Здравствуй, батюшка князь, ваше сіятельство, наше красное солнышко!“—то князь немедленно наводитъ на него свой лорнетъ, привѣтливо киваетъ головой и ласково говоритъ ему: „Bonjour, mon ami, bonjour!“, и много подобныхъ слуховъ ходило въ Мордасовѣ; князя никакъ не могли забыть: онъ жилъ въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ! Каково же было всеобщее изумленіе, когда, въ одно прекрасное утро, разнесся слухъ, что князь, затворникъ, чудакъ, своею собственною особою пожаловалъ въ Мордасовъ и остановился у Марьи Александровны! Все переполошилось и взволновалось. Всѣ ждали объясненій, всѣ спрашивали другъ у друга: что это значитъ? Иные собирались уже ѣхать къ Марьѣ Александровнѣ. Всѣмъ пріѣздъ князя казался диковинкой. Дамы пересылались записками, собирались съ визитами, посылали своихъ гор-

ничныхъ и мужей на развѣдки. Особенно страннымъ казалось, отчего именно князь остановился у Марьи Александровны, а не у кого другого? Всѣхъ болѣе досадовала Анна Николаевна Антипова, потому что князь приходился ей какъ-то очень дальней родней. Но, чтобъ разрѣшить всѣ эти вопросы, нужно непремѣнно зайти къ самой Марьѣ Александровнѣ, къ которой милости просимъ пожаловать и благосклоннаго читателя. Теперь, правда, еще только десять часовъ утра, но я увѣренъ, что она не откажется принять своихъ короткихъ знакомыхъ. Часъ, по крайней мѣрѣ, приметъ она непремѣнно.

ГЛАВА III.

Десять часовъ утра. Мы въ домѣ Марьи Александровны, на большой улицѣ, въ той самой комнатѣ, которую хозяйка, въ торжественныхъ случаяхъ, называетъ своимъ салономъ. У Марьи Александровны есть тоже и будуаръ. Въ этомъ салонѣ порядочно выкрашены полы и недурны выписные обои. Въ мебели, довольно неуклюжей, преобладаетъ красный цвѣтъ. Есть каминъ, надъ каминомъ зеркало, передъ зеркаломъ бронзовые часы съ какимъ-то амуромъ, весьма дурного вкуса. Между окнами, въ простѣнкахъ, два зеркала, съ которыхъ успѣли уже снять чехлы. Передъ зеркалами, на столикахъ, опять часы. У задней стѣны — превосходный рояль, выписанный для Зины; Зина — музыкантша. Около затопленнаго камина разставлены кресла, по возможности, въ живописномъ безпорядкѣ; между ними маленькій столикъ. На другомъ концѣ комнаты другой столъ, накрытый скатертью ослѣпительной бѣлизны; на немъ кипитъ серебряный самоваръ и собранъ хорошенькій чайный приборъ. Самоваромъ и чаемъ завѣдуетъ одна дама, проживающая у Марьи Александровны въ качествѣ дальней родственницы, Настасья Петровна Зяблова. Два слова объ этой дамѣ. Она вдова, ей за тридцать лѣтъ, брюнетка, съ свѣжимъ цвѣтомъ лица и съ живыми темно-карими глазами. Вообще недурна собою. Она веселаго характера и большая хохотунья, довольно хитра, разумѣется, сплетница и умѣетъ обдѣлывать свои дѣлишки. У ней двое дѣтей, гдѣ-то учатся. Ей бы очень хотѣлось выйти еще разъ замужъ. Держитъ она себя довольно независимо. Мужъ ея былъ военный офицеръ. — Сама Марья Александровна сидитъ у камина, въ пре-

восходнѣйшемъ расположеніи духа и въ свѣтло-зеленомъ платьѣ, которое къ ней идетъ. Она ужасно обрадована пріѣздомъ князя, который въ эту минуту снялъ наверху, за своимъ туалетомъ. Она такъ рада, что даже не старается скрывать свою радость. Передъ ней, стоя, рисуется молодой человѣкъ и что-то съ отушевленіемъ разсказываетъ. По глазамъ его видно, что ему хочется угодить своимъ слушательницамъ. Ему двадцать пять лѣтъ. Манеры его были бы недурны, но онъ часто приходитъ въ восторгъ и, кромѣ того, съ большой претензіей на юморъ и остроту. Одѣтъ отлично, бѣлокуръ, недуренъ собою. Но мы уже говорили о немъ: это господинъ Мозгляковъ, подающій большія надежды. Марья Александровна находитъ про себя, что у него немного пусто въ головѣ, но принимаетъ его прекрасно. Онъ искатель руки ея дочери, Зины, въ которую, по его словамъ, влюбленъ до безумія. Онъ поминутно обращается къ Зинѣ, стараясь сорвать съ ея губъ улыбку своимъ остроуміемъ и веселостью. Но та съ нимъ видимо холодна и небрежна. Въ эту минуту она стоитъ въ сторонѣ, у рояля, и перебираетъ пальчиками календарь. Это одна изъ тѣхъ женщинъ, которыя производятъ всеобщее восторженное изумленіе, когда являются въ обществѣ. Она хороша до невозможности: росту высокаго, брюнетка, съ чудными, почти совершенно черными глазами, стройная, съ могучею, дивною грудью. Ея плечи и руки—античныя, ножка соблазнительная, поступь королевская. Она сегодня немного блѣдна: но зато ея пухленькія, алыя губки, удивительно обрисованныя, между которыми свѣтятся, какъ нанизанный жемчугъ, ровные маленькіе зубы, будутъ вамъ три дня сниться во снѣ, если хоть разъ на нихъ взглянете. Выраженіе ея серьезно и строго. М-сье Мозгляковъ какъ будто боится ея пристальнаго взгляда: по крайней мѣрѣ, его какъ-то коробитъ, когда онъ осмѣливается взглянуть на нее. Движенія ея свысока небрежны. Она одѣта въ простое, бѣлое, кисейное платье. Бѣлый цвѣтъ къ ней чрезвычайно идетъ: впрочемъ, къ ней все идетъ. На ея пальчикѣ кольцо, сплетенное изъ чьихъ-то волосъ, судя по цвѣту—не изъ маменькиныхъ. Мозгляковъ никогда не смѣлъ спросить ее: чьи это волосы? Въ это утро Зина какъ-то особенно молчалива и даже грустна, какъ будто чѣмъ-то озабочена. Зато Марья Александровна готова говорить безъ умолку, хоть изрѣдка тоже взглядываетъ на дочь какимъ-то осо-

беннымъ, подозрительнымъ взглядомъ, но, впрочемъ, дѣлаетъ это украдкой, какъ будто и она тоже боится ея.

— Я такъ рада, такъ рада, Павелъ Александровичъ, щебечетъ она, — что готова кричать объ этомъ всѣмъ и каждому изъ окошка. Не говорю ужъ о томъ миломъ сюрпризѣ, который вы сдѣлали намъ, мнѣ и Зинѣ, пріѣхавъ двумя недѣлями раньше обѣщаннаго; это ужъ само собой! Я ужасна рада тому, что вы привезли сюда этого милаго князя. Знаете-ли, какъ я люблю этого очаровательнаго старичка! Но нѣтъ, нѣтъ! Вы не поймете меня! Вы, молодежь, не поймете моего восторга, какъ бы я ни увѣряла васъ! Знаете-ли, чѣмъ онъ былъ для меня въ прежнее время, лѣтъ шесть тому назадъ, помнишь, Зина? Впрочемъ, я и забыла: ты тогда гостила у тетки... Вы не повѣрите, Павелъ Александровичъ; я была его руководительницей, сестрой, матерью! Онъ слушался меня, какъ ребенокъ! Было что-то наивное, нѣжное и облагороженное въ нашей связи; что-то даже какъ будто пастушеское... Я ужъ и не знаю, какъ и назвать! Вотъ почему онъ и помнитъ теперь только объ одномъ моемъ домѣ съ благодарностію, ce pauvre prince! Знаете-ли, Павелъ Александровичъ, что вы, можетъ-быть, спасли его тѣмъ, что завезли его ко мнѣ! Я съ сокрушеніемъ сердца думала о немъ эти шесть лѣтъ. Вы не повѣрите: онъ мнѣ снился даже во снѣ. Говорятъ, эта чудовищная женщина околдовала, погубила его. Но, наконецъ-то, вы его вырвали изъ этихъ клещей! Нѣтъ, надобно воспользоваться случаемъ и спасти его совершенно! Но разскажите мнѣ еще разъ, какъ удалось вамъ все это? Опишите мнѣ подробнѣйшимъ образомъ всю вашу встрѣчу. Давеча я, впопыхахъ, обратила только вниманіе на главное дѣло, тогда какъ всѣ эти мелочи и составляютъ, такъ сказать, настоящій сокъ! Я ужасно люблю мелочи, даже въ самыхъ важныхъ случаяхъ прежде обращаю вниманіе на мелочи... и... покамѣстъ онъ еще сидитъ за своимъ туалетомъ...

— Да все то же, что уже разсказывалъ, Марья Александровна! съ готовностью подхватываетъ Мозгляковъ, готовый разсказывать хоть въ десятый разъ, — это составляетъ для него наслажденіе.—Ѣхалъ я всю ночь, разумѣется, всю ночь не спалъ, — можете себѣ представить, какъ я спѣшилъ! прибавляетъ онъ, обращаясь къ Зинѣ,— однимъ словомъ, бранился, кричалъ, требовалъ лошадей, даже буянилъ изъ-за лошадей на станціяхъ: если-бъ на-

печатать, вышла бы цѣлая поэма въ новѣйшемъ вкусѣ! Впрочемъ, это въ сторону! Ровно въ шесть часовъ утра, пріѣзжаю на послѣднюю станцію, въ Игишево. Извозчикъ, не хочу и грѣться, кричу: лошадей! Испугалъ смотрительницу съ грудным ребенкомъ: теперь, кажется, у ней пропало молоко... Восходъ солнца очаровательный. Знаете, эта морозная пыль алѣетъ, серебрится! Не обращаю ни на что вниманія; однимъ словомъ, спѣшу напропалую! Лошадей взялъ съ бою; отнялъ у какого-то коллежскаго совѣтника и чуть не вызвалъ его на дуэль. Говорятъ мнѣ, что, четверть часа тому, съѣхалъ со станціи какой-то князь, ѣдетъ на своихъ, почевалъ. Я едва слушаю, сажусь, лечу, точно съ цѣпи сорвался. Есть что-то подобное у Фета, въ какой-то элегіи. Ровно въ девяти верстахъ отъ города, на самомъ поворотѣ въ Свѣтозерскую пустынь, вижу произошло удивительное событіе. Огромная дорожная карета лежитъ на боку, кучеръ и два лакея стоятъ передъ нею въ недоумѣніи, а изъ кареты, лежащей на боку, несутся раздирающіе душу крики и вопли. Думалъ проѣхать мимо: лежи себѣ на боку: не здѣшняго прихода! Но превозмогло человѣколюбіе, которое, какъ выражается Гейне, вездѣ суется со своимъ носомъ. Останавливаюсь. Я, мой Семенъ, ямщикъ — тоже русская душа, спѣшимъ на подмогу, и такимъ образомъ, вшестеромъ, подымаемъ, наконецъ, экипажъ, ставимъ его на ноги, которыхъ у него правда и нѣтъ, потому что онъ на полозьяхъ. Помогли еще мужики съ дровами, ѣхали въ городъ, получили отъ меня на водку. Думаю: вѣрно это тотъ самый князь! Смотрю: Боже мой! Онъ самый и есть, князь Гаврила! Вотъ встрѣча! Кричу ему: „князь! Дядюшка!“ Онъ, конечно, почти не узналъ меня съ перваго взгляда; впрочемъ, тотчасъ же почти узналъ... со второго взгляда. Признаюсь вамъ, однакоже, что едва-ли онъ и теперь понимаетъ — кто я таковъ, и, кажется, принимаетъ меня за кого-то другого, а не за родственника. Я видѣлъ его лѣтъ семь назадъ въ Петербургѣ; ну, разумѣется, я тогда былъ мальчишка. Я-то его запомнилъ; онъ меня поразилъ, — ну, а ему-то гдѣ-жъ меня помнить! Рекомендуюсь; онъ въ восхищеніи, обнимаетъ меня, а между тѣмъ самъ весь дрожитъ отъ испуга и плачетъ, ей-Богу, плачетъ, я видѣлъ это собственными глазами! То да сё,—уговорилъ его, наконецъ, пересѣсть въ мой возокъ и хоть на одинъ день заѣхать въ Мордасовъ, ободриться и отдохнуть. Онъ согла-

шается безпрекословно... Объявляетъ мнѣ, что ѣдетъ въ Свѣтозерскую пустынь, къ іеромонаху Мисаилу, котораго чтитъ и уважаетъ; что Степанида Матвѣевна,—а ужъ изъ насъ, родственниковъ, кто не слыхалъ про Степаниду Матвѣевну?—она меня прошлаго года, изъ Духанова, помеломъ прогнала; что эта Степанида Матвѣевна получила письмо такого содержанія, что у пей, въ Москвѣ, кто-то при послѣднемъ издыханіи: отецъ или дочь, не знаю кто именно, да и не интересуюсь знать; можетъ-быть, и отецъ и дочь вмѣстѣ; можетъ-быть, еще съ прибавкою какого-нибудь племянника, служащаго по питейной части... Однимъ словомъ, она до того была окопфужена, что дней на десять рѣшилась распроститься со своимъ княземъ и полетѣла въ столицу, украсить ее своимъ присутствіемъ. Князь сидѣлъ день, сидѣлъ другой, примѣрялъ парики, помадился, фабрился, загадалъ было на картахъ (можетъ-быть, даже и на бобахъ); но стало не въ мочь безъ Степаниды Матвѣевны! Приказалъ лошадей и покатилъ въ Свѣтозерскую пустынь. Кто-то изъ домашнихъ, боясь невидимой Степаниды Матвѣевны, осмѣлился было возразить; но князь настоялъ. Выѣхалъ вчера послѣ обѣда, ночевалъ въ Игишевѣ, со станціи съѣхалъ на зарѣ и, на самомъ поворотѣ къ іеромонаху Мисаилу, полетѣлъ съ каретой чуть не въ оврагъ. Я его спасаю, уговариваю заѣхать къ общему другу нашему, многоуважаемой Марьѣ Александровнѣ; онъ говоритъ про васъ, что вы очаровательнѣйшая дама изъ всѣхъ, которыхъ онъ когда-нибудь зналъ,—и вотъ мы здѣсь, а князь поправляетъ теперь наверху свой туалетъ, съ помощью своего камердинера, котораго не забылъ взять съ собою, и котораго никогда и ни въ какомъ случаѣ не забудетъ взять съ собою, потому что согласится скорѣе умереть, чѣмъ явиться къ дамамъ безъ нѣкоторыхъ приготовленій, или, лучше сказать — исправленій... Вотъ и вся исторія! Eine allerliebste Geschichte!

— Но какой онъ юмористъ, Зина! вскрикиваетъ Марья Александровна, выслушавъ,—какъ онъ это мило разсказываетъ!—Но послушайте, Поль,—одинъ вопросъ: объясните мнѣ хорошенько ваше родство съ княземъ! Вы называете его дядей?

— Ей-Богу не знаю, Марья Александровна, какъ и чѣмъ я родня ему: кажется, седьмая вода, можетъ-быть, даже и не на киселѣ, а на чемъ-нибудь другомъ. Я тутъ не виноватъ нисколько; а виновата во всемъ этомъ те-

тушка Аглая Михайловна. Впрочемъ, тетушкѣ Аглаѣ Михайловнѣ больше и дѣлать нечего, какъ пересчитывать по пальцамъ родню; она-то и протурила меня ѣхать къ нему, прошлаго лѣта, въ Духаново. Съѣздила бы сама! Просто-за-просто, я называю его дядюшкой; онъ откликается. Вотъ вамъ и все наше родство, на сегодняшній день, по крайней мѣрѣ...

— Но я все-таки повторяю, что только одинъ Богъ могъ васъ надоумить привезти его прямо ко мнѣ! Я трепещу, когда воображу себѣ, что бы съ нимъ было, бѣдняжкой, если-бъ онъ попалъ къ кому-нибудь другому, а не ко мнѣ? Да его бы здѣсь расхватали, разобрали по косточкамъ, съѣли! Бросились бы на него, какъ на рудникъ, какъ на розсыпь,—пожалуй, обокрали-бъ его! Вы не можете представить себѣ, какіе здѣсь жадные, низкіе и коварные людишки, Павелъ Александровичъ!..

— Ахъ, Боже мой, да къ кому-жъ его и привезти, какъ не къ вамъ:—какія вы, Марья Александровна! подхватываетъ Настасья Петровна, вдова, разливающая чай.— Вѣдь не къ Аннѣ же Николаевнѣ везти его, какъ вы думаете?

— Однакожъ, что онъ такъ долго не выходитъ? Это даже странно, говоритъ Марья Александровна, въ нетерпѣніи вставая съ мѣста.

— Дядюшка-то? Да, я думаю, онъ еще пять часовъ будетъ тамъ одѣваться! Къ тому же, такъ какъ у него совершенно нѣтъ памяти, то онъ, можетъ-быть, и забылъ, что пріѣхалъ къ вамъ въ гости. Вѣдь это удивительнѣйшій человѣкъ, Марья Александровна!

— Ахъ, полноте, пожалуйста, что вы!

— Вовсе не что вы, Марья Александровна, а сущая правда! Вѣдь это полукомпозиція, а не человѣкъ! Вы его видѣли шесть лѣтъ назадъ, а я часъ тому назадъ его видѣлъ. Вѣдь это полупокойникъ! Вѣдь это только воспоминаніе о человѣкѣ; вѣдь его забыли похоронить! Вѣдь у него глаза вставные, ноги пробочныя, онъ весь на пружинахъ, и говоритъ на пружинахъ!

— Боже мой, какой вы, однакоже, вѣтреникъ, какъ я васъ послушаю! восклицаетъ Марья Александровна, принимая строгій видъ.—И какъ не стыдно вамъ—молодому человѣку, родственнику, говорить такъ про этого почтеннаго старичка! Не говоря уже объ его безпримѣрной добротѣ,—и голосъ ея принимаетъ какое-то трогательное

выраженіе,—вспомните, что это остатокъ, такъ сказать, обломокъ нашей аристократіи. Другъ мой, mon ami! Я понимаю, что вы вѣтреничаете изъ какихъ-то тамъ вашихъ новыхъ идей, о которыхъ вы безпрерывно толкуете. Но, Боже мой! Я и сама—вашихъ новыхъ идей! Я понимаю, что основаніе вашего направленія благородно и честно. Я чувствую, что въ этихъ новыхъ идеяхъ есть даже что-то возвышенное; но все это не мѣшаетъ мнѣ видѣть и прямую, такъ сказать, практическую сторону дѣла. Я жила на свѣтѣ, я видѣла больше васъ и, наконецъ, я мать, а вы еще молоды. Онъ старичокъ, и потому на наши глаза смѣшонъ! Мало того, вы прошлый разъ говорили даже, что намѣрены отпустить вашихъ крестьянъ на волю, и что надобно же что-нибудь сдѣлать для вѣка, и все это оттого, что вы начитались тамъ какого-нибудь вашего Шекспира! Повѣрьте, Павелъ Александровичъ, вашъ Шекспиръ давнымъ-давно уже отжилъ свой вѣкъ и если-бъ воскресъ, то, со всѣмъ своимъ умомъ, не разобралъ бы въ нашей жизни ни строчки. Если есть что-нибудь рыцарское и величественное въ современномъ намъ обществѣ, такъ это именно въ высшемъ сословіи. Князь и въ кулькѣ князь, князь и въ лачугѣ будетъ какъ во дворцѣ! А вотъ мужъ Натальи Дмитріевны чуть-ли не дворецъ себѣ выстроилъ,—и все-таки онъ только мужъ Натальи Дмитріевны, и ничего больше! Да и сама Наталья Дмитріевна, хоть пятьдесятъ кринолиновъ на себя налѣпи,—все-таки останется прежней Натальей Дмитріевной, и нисколько не прибавитъ себѣ. Вы тоже, отчасти, представитель высшаго сословія, потому что отъ него происходите. Я тоже себя считаю не чужою ему,—а дурно то дитя, которое маретъ свое гнѣздо! Но, впрочемъ, вы сами дойдете до всего этого лучше меня, mon cher Paul, и забудете вашего Шекспира. Предрекаю вамъ. Я увѣрена, что вы даже и теперь не искренни, и такъ только, модничаете. Впрочемъ, я заболталась. Побудьте здѣсь, mon cher Paul, я сама схожу наверхъ и узнаю о князѣ. Можетъ-быть, ему надо чего-нибудь, а вѣдь съ моими людишками...

И Марья Александровна поспѣшно вышла изъ комнаты, вспоминая о своихъ людишкахъ.

— Марья Александровна, кажется, очень рады, что князь не достался этой франтихѣ, Аннѣ Николаевнѣ. А вѣдь увѣряла все, что родня ему. То-то разрывается, должно-быть, теперь отъ досады! замѣтила Настасья

Петровна; но замѣтивъ, что ей не отвѣчаютъ и взглянувъ на Зину и на Павла Александровича, г-жа Зяблова тотчасъ догадалась и вышла, какъ будто за дѣломъ, изъ комнаты. Она, впрочемъ, немедленно вознаградила себя, остановилась у дверей и стала подслушивать.

Павелъ Александровичъ тотчасъ же обратился къ Зинѣ. Онъ былъ въ ужасномъ волненіи; голосъ его дрожалъ.

— Зинаида Аѳанасьевна, вы не сердитесь на меня? проговорилъ онъ съ робкимъ и умоляющимъ видомъ.

— На васъ? За что же? сказала Зина, слегка покраснѣвъ и поднявъ на него чудные глаза.

— За мой ранній пріѣздъ, Зинаида Аѳанасьевна! Я не вытерпѣлъ, я не могъ дожидаться еще двѣ недѣли... Вы мнѣ снились даже во снѣ. Я прилетѣлъ узнать мою участь... Но вы хмуритесь, вы сердитесь! Неужели и теперь я не узнаю ничего рѣшительнаго?

Зинаида дѣйствительно нахмурилась.

— Я ожидала, что вы заговорите объ этомъ, отвѣчала она, снова опустивъ глаза, голосомъ твердымъ и строгимъ, но въ которомъ слышалась досада.—И такъ какъ это ожиданіе было для меня очень тяжело, то чѣмъ скорѣе оно разрѣшилось, тѣмъ лучше. Вы опять требуете, то-есть просите отвѣта. Извольте, я повторю вамъ его, потому что мой отвѣтъ все тотъ же, какъ и прежде: подождите! Повторяю вамъ,—я еще не рѣшилась и не могу вамъ дать обѣщаніе быть вашею женою. Этого не требуютъ насильно. Павелъ Александровичъ. Но чтобы успокоить васъ, прибавляю, что я еще не отказываю вамъ окончательно. Замѣтьте еще: обнадеживая васъ теперь на благопріятное рѣшеніе, я дѣлаю это единственно потому, что снисходительна къ вашему нетерпѣнію и безпокойству. Повторяю, что хочу остаться совершенно свободною въ своемъ рѣшеніи, и если я вамъ скажу, наконецъ, что я не согласна, то вы и не должны обвинять меня, что я васъ обнадеживала. И такъ, знайте это!

— И такъ, что же, что же это! вскричалъ Мозгляковъ жалобнымъ голосомъ.—Неужели это надежда! Могу-ли я извлечь хоть какую-нибудь надежду изъ вашихъ словъ, Зинаида Аѳанасьевна?

— Припомните все, что я вамъ сказала, и извлекайте все, что вамъ угодно. Ваша воля. Но я больше ничего не прибавлю. Я вамъ еще не отказываю, а говорю только: ждите. Но повторяю вамъ, я оставляю за собой полное

право отказать вамъ, если мнѣ вздумается. Замѣчу еще одно, Павелъ Александровичъ: если вы пріѣхали раньше положеннаго для отвѣта срока, чтобъ дѣйствовать окольными путями, надѣясь на постороннюю протекцію, напримѣръ, хоть на вліяніе маменьки, то вы очень ошиблись въ расчетѣ. Я тогда прямо откажу вамъ, слышите-ли это? А теперь — довольно и, пожалуйста, до извѣстнаго времени не поминайте мнѣ объ этомъ ни слова.

Вся эта рѣчь была произнесена сухо, твердо и безъ запинки, какъ будто заранѣе заученная. М-сье Поль почувствовалъ, что остался съ носомъ. Въ эту минуту воротилась Марья Александровна. За нею, почти тотчасъ же, госпожа Зяблова.

— Онъ, кажется, сейчасъ сойдетъ, Зина! Настасья Петровна, скорѣе заварите новаго чаю!—Марья Александровна была даже въ маленькомъ волненіи.

— Анна Николаевна уже прислала навѣдаться. Ея Анютка прибѣгала на кухню и разспрашивала. То-то злится теперь! возвѣстила Настасья Петровна, бросаясь къ самовару.

— А мнѣ какое дѣло! сказала Марья Александровна, отвѣчая черезъ плечо госпожѣ Зябловой.—Точно я интересуюсь знать, что̀ думаетъ ваша Анна Николаевна? Повѣрьте, не буду никого подсылать къ ней на кухню. И удивляюсь, рѣшительно удивляюсь, почему вы все считаете меня врагомъ этой бѣдной Анны Николаевны, да и не вы одна, а всѣ въ городѣ? Я на васъ пошлюсь, Павелъ Александровичъ! Вы знаете насъ обѣихъ, — ну изъ чего я буду врагомъ ея? За первенство? Но я равнодушна къ этому первенству. Пусть ее, пусть будетъ первая! Я первая готова поѣхать къ ней, поздравить ее съ ея первенствомъ. И, наконецъ,—все это несправедливо. Я заступлюсь за нее, я обязана за нее заступиться! На нее клевещутъ. За что̀ вы всѣ на нее нападаете? Она молода и любитъ наряды,—за это, что-ли? Но, по-моему, ужъ лучше наряды, чѣмъ что-нибудь другое, вотъ какъ Наталья Дмитріевна, которая — такое любитъ, что̀ и сказать нельзя. За то-ли, что Анна Николаевна ѣздитъ по гостямъ и не можетъ посидѣть дома? Но, Боже мой! Она не получила никакого образованія и ей, конечно, тяжело раскрыть, напримѣръ, книгу или заняться чѣмъ-нибудь двѣ минуты сряду. Она кокетничаетъ и дѣлаетъ изъ окна глазки всѣмъ, кто ни пройдетъ по улицѣ. Но зачѣмъ же

увѣряютъ ее, что она хорошенькая, когда у ней только бѣлое лицо и больше ничего? Она смѣшитъ въ танцахъ,—соглашаюсь! Но зачѣмъ же увѣряютъ ее, что она прекрасно полькируетъ? На ней невозможныя наколки и шляпки,—но чѣмъ же виновата она, что ей Богъ не далъ вкуса, а, напротивъ, далъ столько легковѣрія. Увѣрьте ее, что хорошо приколоть къ волосамъ конфетную бумажку, она и приколетъ. Она сплетница,—но это здѣшняя привычка: кто здѣсь не сплетничаетъ? Къ ней ѣздитъ Сушиловъ съ своими бакенбардами и утромъ, и вечеромъ, и чуть-ли не ночью. Ахъ, Боже мой! еще бы мужъ возилъ въ карты до пяти часовъ утра! Къ тому же здѣсь столько дурныхъ примѣровъ! Наконецъ, это еще, *можетъ-быть*, и клевета. Словомъ, я всегда, всегда заступлюсь за нее!.. Но, Боже мой! Богъ и князь! Это онъ, онъ! Я узнаю его изъ тысячи! Наконецъ-то я вижу, mon prince! вскричала Марья Александровна, и бросилась навстрѣчу вошедшему князю.

ГЛАВА IV.

Съ перваго, бѣглаго взгляда вы вовсе не сочтете этого князя за старика, и, только взглянувъ поближе и пристальнѣе, увидите, что это какой-то мертвецъ на пружинахъ. Всѣ средства искусства употреблены, чтобъ закостюмировать эту мумію въ юношу. Удивительные парикъ, бакенбарды, усы и эспаньолка, превосходнѣйшаго чернаго цвѣта, закрываютъ половину лица. Лицо набѣленное и нарумяненное необыкновенно искусно, и на немъ почти нѣтъ морщинъ. Куда онѣ дѣлись?—Неизвѣстно. Одѣтъ оно совершенно по модѣ, точно вырвался изъ модной картинки. На немъ какая-то визитка, или что-то подобное, ей-Богу не знаю, что именно, но только что-то чрезвычайно модное и современное, созданное для утреннихъ визитовъ. Перчатки, галстукъ, жилетъ, бѣлье и все прочее, — все это ослѣпительной свѣжести и изящнаго вкуса. Князь немного прихрамываетъ, но прихрамываетъ такъ ловко, какъ будто и это необходимо по модѣ. Въ глазу его стеклышко, въ томъ самомъ глазу, который и безъ того стеклянный. Князь пропитанъ духами. Разговаривая, онъ какъ-то особенно протягиваетъ иныя слова,—можетъ-быть, отъ старческой немощи, можетъ-быть оттого, что всѣ зубы вставные, можетъ-быть, и для пущей важности. Нѣкоторые слоги онъ произноситъ необыкновенно сладко, особенно

напирая на букву *э*. *Да* у него какъ-то выходитъ *ддэ*, но только еще немного послаще. Во всѣхъ манерахъ его что-то небрежное, заученное въ продолженіе всей франтовской его жизни. Но вообще, если и сохранилось что-нибудь отъ этой прежней, франтовской его жизни, то сохранилось уже какъ-то безсознательно, въ видѣ какого-то неяснаго воспоминанія, въ видѣ какой-то пережитой, отпѣтой старины, которую, увы! не воскресятъ никакіе косметики, корсеты, парфюмеры и парикмахеры. И потому лучше сдѣлаемъ, если заранѣе признаемся, что старичокъ, если и не выжилъ еще изъ ума, то давно уже выжилъ изъ памяти и поминутно сбивается, повторяется и даже совсѣмъ завирается. Нужно даже умѣнье, чтобъ съ нимъ говорить. Но Марья Александровна надѣется на себя и, при видѣ князя, приходитъ въ неизреченный восторгъ.

— Но вы ничего, ничего не перемѣнились! восклицаетъ она, хватая гостя за обѣ руки и усаживая его въ покойное кресло.—Садитесь, садитесь, князь! Шесть лѣтъ, цѣлыхъ шесть лѣтъ не видались, и ни одного письма, даже ни строчки во все это время! О, какъ вы виноваты передо мною, князь! Какъ я зла была на васъ, mon cher prince! Но,—чаю, чаю! Ахъ, Боже мой! Настасья Петровна, чаю!

— Благодарю, бла-го-дарю, вин-новатъ! шепелявитъ князь (мы забыли сказать, что онъ немного шепелявитъ, но и это дѣлаетъ какъ будто по модѣ). — Ви-но-ватъ! и представьте себѣ, еще прошлаго года не-пре-мѣнно хотѣлъ сюда ѣхать, прибавляетъ онъ, лорнируя комнату.— Да напугали: тутъ, говорятъ, хо-ле-ра была...

— Нѣтъ, князь, у насъ не было холеры, говоритъ Марья Александровна.

— Здѣсь былъ скотскій падежъ, дядюшка! вставляетъ Мозгляковъ, желая отличиться. Марья Александровна обмѣриваетъ его строгимъ взглядомъ.

— Ну, да, скотскій па-дежъ, или что-то въ этомъ родѣ... Я и остался. Ну, какъ вашъ мужъ, моя милая Анна Николаевна? Все по своей проку-рорской части?

— Н-нѣтъ, князь, говоритъ Марья Александровна, немного заикаясь.—Мой мужъ не про-ку-роръ...

— Бьюсь объ закладъ, что дядюшка сбился и принимаетъ васъ за Анну Николаевну Антипову! вскрикиваетъ догадливый Мозгляковъ, но тотчасъ спохватывается, замѣчая, что и безъ этихъ поясненій Марью Александровну какъ будто всю покоробило.

— Ну, да, да, Анну Николаевну, и... и... (я все забываю!) Ну, да, Антиповну, именно Анти-повну, подтверждаетъ князь.

— Н-нѣтъ, князь, вы очень ошиблись, говоритъ Марья Александровна съ горькой улыбкой. — Я вовсе не Анна Николаевна и, признаюсь, никакъ не ожидала, что вы меня не узнаете! Вы меня удивили, князь! Я вашъ бывшій другъ, Марья Александровна Москалева. Помните, князь, Марью Александровну?..

— Марью А-лекс-анд-ровну! Представьте себѣ! А я именно по-ла-галъ, что вы-то и есть (какъ ее)—ну, да! Анна Васильевна... C'est délicieux! Значитъ, я не туда заѣхалъ. А я думалъ, мой другъ, что ты именно везешь меня къ этой Аннѣ Матвѣевнѣ. C'est charmant! Впрочемъ, это со мной часто случается... Я часто не туда заѣзжаю! Я вообще доволенъ, всегда доволенъ, что бъ ни случилось. Такъ вы не Настасья Васильевна? Это интересно...

— Марья Александровна, князь, Марья Александровна! О, какъ вы виноваты передо мной! Забыть своего лучшаго, лучшаго друга!

— Ну, да, луч-шаго друга... pardon, pardon! шепелявитъ князь, заглядываясь на Зину.

— А это дочь моя, Зина. Вы еще не знакомы, князь. Ея не было въ то время, когда вы были здѣсь, помните, въ —мъ году?

— Это ваша дочь! Charmante, charmante! бормочетъ князь, съ жадностью лорнируя Зину.—Mais quelle beauté! шепчетъ онъ, видимо пораженный.

— Чаю, князь, говоритъ Марья Александровна, привлекая вниманіе князя на казачка, стоящаго передъ нимъ съ подносомъ въ рукахъ. Князь беретъ чашку и засматривается на мальчика, у котораго пухленькія и розовыя щечки.

— А-а-а, это вашъ мальчикъ? говоритъ онъ. — Какой хо-ро-шень-кій мальчикъ! И-и-и вѣрно хо-ро-шо... ведетъ себя?

— Но, князь, поспѣшно перебиваетъ Марья Александровна,—я слышала объ ужаснѣйшемъ происшествіи! Признаюсь, я была внѣ себя отъ испуга... Не ушиблись-ли вы! Смотрите! Этимъ пренебрегать невозможно.

— Вывалилъ! Вывалилъ! Кучеръ вывалилъ! восклицаетъ князь съ необыкновеннымъ одушевленіемъ. — Я уже думалъ, что наступаетъ свѣтопреставленіе или что-нибудь

въ этомъ родѣ, и такъ, признаюсь, испугался, что,—прости меня, угодникъ! — Небо съ овчинку показалось! Не ожидалъ, не ожидалъ! Совсѣмъ не о-жидалъ! И во всемъ этомъ мой кучеръ Ѳе-о-филъ виноватъ! Я ужъ на тебя во всемъ надѣюсь, мой другъ: распорядись и разыщи хорошенько. Я у-вѣ-ренъ, что онъ на жизнь мою по-ку-шался.

— Хорошо, хорошо, дядюшка! отвѣчаетъ Павелъ Александровичъ,—все разыщу! Только послушайте, дядюшка! Простите-ка его, для сегодняшняго дня, а? Какъ вы думаете?

— Ни-за-что не прощу! Я увѣренъ, что онъ на жизнь мою поку-шался! Онъ и еще Лаврентій, котораго я дома оставилъ. Вообразите: нахватался, знаете, какихъ-то новыхъ идей! Отрицаніе какое-то въ немъ явилось... Однимъ словомъ: коммунистъ, въ полномъ смыслѣ слова! Я ужъ и встрѣчаться съ нимъ боюсь!

— Ахъ, какую вы правду сказали, князь! восклицаетъ Марья Александровна. — Вы не повѣрите, какъ я сама страдаю отъ этихъ негодныхъ людишекъ! Вообразите: я теперь перемѣнила двухъ изъ моихъ людей и, признаюсь, они такъ глупы, что я просто бьюсь съ ними съ утра до вечера. Вы не повѣрите, какъ они глупы, князь!

— Ну, да, ну, да! Но, признаюсь вамъ, я даже люблю, когда лакей отчасти глупъ, замѣчаетъ князь, который, какъ и всѣ старички, радъ, когда болтовню его слушаютъ съ подобострастіемъ. — Къ лакею это какъ-то идетъ, — и даже составляетъ его досто-ин-ство, если онъ чистосердеченъ и глупъ. Разумѣется, въ иныхъ только слу-ча-яхъ. Са-но-ви-тости въ немъ оттого какъ-то больше, тор-жественность какая-то въ лицѣ у него является; однимъ словомъ, благовоспитанности больше, а я прежде всего требую отъ *человѣка* бла-го-вос-питанности. Вотъ, у меня Те-рен-тій есть. Вѣдь ты помнишь, мой другъ, Те-рен-тія? Я, какъ взглянулъ на него, такъ и предрекъ ему съ перваго раза: быть тебѣ въ швейцарахъ! Глупъ фе-но-менально! Смотритъ какъ баранъ на воду! Но какая са-нови-тость, какая тор-жественность! Кадыкъ такой свѣтло-розовый! Ну, а вѣдь это въ бѣломъ галстукѣ, и во всемъ парадѣ, составляетъ эффектъ. Я душевно его полюбилъ. Иной разъ смотрю на него и засматриваюсь: рѣшительно диссертацію сочиняетъ,—такой важный видъ! Однимъ словомъ, настоящій нѣмецкій философъ Кантъ, или, еще вѣрнѣе, откормленный жирный индюкъ. Совершенный comme il faut для служащаго человѣка!..

Марья Александровна хохочетъ съ самымъ восторженнымъ увлеченіемъ и даже хлопаетъ въ ладошки. Павелъ Александровичъ вторитъ ей отъ всего сердца: его чрезвычайно занимаетъ дядя. Захохотала и Настасья Петровна. Улыбнулась даже и Зина.

— Но сколько юмору, сколько веселости, сколько въ васъ остроумія, князь! восклицаетъ Марья Александровна.— Какая драгоцѣнная способность подмѣтить самую тонкую, самую смѣшную черту!.. И исчезнуть изъ общества, запереться на цѣлыхъ пять лѣтъ! Съ такимъ талантомъ! Но вы бы могли писать, князь! Вы бы могли повторить Фонвизина, Грибоѣдова, Гоголя!..

— Ну, да, ну, да! говоритъ вседовольный князь,—я могу пов-то-рить... и, знаете, я былъ необыкновенно остроуменъ въ прежнее время. Я даже для сцены во-де-виль написалъ. Тамъ было нѣсколько вос-хи-ти-тельныхъ куплетовъ! Впрочемъ, его никогда не играли...

— Ахъ, какъ бы это мило было прочесть! И, знаешь, Зина, вотъ теперь бы, кстати! У насъ же сбираются составить театръ,—для патріотическаго пожертвованія, князь, въ пользу раненыхъ... вотъ бы вашъ водевиль!

— Конечно! Я даже опять готовъ написать... впрочемъ, я его совершенно забылъ. Но, помню, тамъ было два—три каламбура такихъ, что... (и князь поцѣловалъ свою ручку). И вообще, когда я былъ за гра-ни-цей, я производилъ нас-то-ящій fu-rore. Лорда Байрона помню. Мы были на дружеской но-гѣ. Восхитительно танцовалъ краковякъ на вѣнскомъ конгрессѣ.

— Лордъ Байронъ, дядюшка! Помилуйте, дядюшка, что вы?

— Ну, да, лордъ Байронъ. Впрочемъ, можетъ-быть, это былъ и не лордъ Байронъ, а кто-нибудь другой. Именно не лордъ Байронъ, а одинъ полякъ! Я теперь совершенно припоминаю. И пре-ори-ги-нальный былъ этотъ по-лякъ: выдалъ себя за графа, а потомъ оказалось, что онъ былъ какой-то кухмистеръ. Но только вос-хи-ти-тельно танцовалъ краковякъ и, наконецъ, сломалъ себѣ ногу. Я еще тогда, на этотъ случай, стихи сочинилъ:

Нашъ по-лякъ
Танцовалъ краковякъ..

А тамъ.. а тамъ, вотъ ужъ дальше и не припомню...

—А какъ ногу сломалъ,
Танцовать пересталъ...

— Ну, ужъ вѣрно такъ, дядюшка! восклицаетъ Мозгляковъ, все болѣе и болѣе приходя въ вдохновенье.

— Кажется, что такъ, другъ мой, отвѣчаетъ дядюшка,— или что-нибудь по-добное. Впрочемъ, можетъ-быть, и не такъ, но только преудачные вышли стишки... Вообще, я теперь забылъ нѣкоторыя происшествія. Это у меня отъ занятій.

— Но скажите, князь, чѣмъ же вы все это время занимались въ вашемъ уединеніи? интересуется Марья Александровна.—Я такъ часто думала о васъ, mon cher prince, что, признаюсь, на этотъ разъ сгораю нетерпѣніемъ узнать объ этомъ подробнѣе...

— Чѣмъ занимался? Ну, вообще, знаете, много за-ня-тій. Когда—отдыхаешь; а иногда, знаете, хожу, воображаю разныя вещи...

— У васъ, должно-быть, чрезвычайно сильное воображеніе, дядюшка?

— Чрезвычайно сильное, мой милый. Я иногда такое воображу, что даже самъ себѣ потомъ у-див-ляюсь. Когда я былъ въ Кадуевѣ... A propos! Вѣдь ты, кажется, кадуевскимъ вице-губернаторомъ былъ?

— Я, дядюшка? помилуйте, что̀ вы! восклицаетъ Павелъ Александровичъ.

— Представь себѣ, мой другъ! А я тебя все принималъ за вице-губернатора, да и думаю: что-жъ это у него какъ будто бы вдругъ стало совсѣмъ другое ли-цо?.. У того, знаешь, было лицо такое о-са-ни-стое, умное. Не-о-бык-новенно умный былъ человѣкъ, и все стихи со-чи-нялъ, на разные случаи. Немного, этакъ сбоку, на бубноваго короля былъ похожъ...

— Нѣтъ, князь, перебиваетъ Марья Александровна,— кляпусь, вы погубите себя такой жизнью! Затвориться на пять лѣтъ въ уединеніе, никого не видать, ничего не слыхать! Но вы погибшій человѣкъ, князь! Кого хотите спросите изъ тѣхъ, кто вамъ предапъ, и вамъ всякій скажетъ, что вы—погибшій человѣкъ!

— Неужели? восклицаетъ князь.

— Увѣряю васъ; я говорю вамъ какъ другъ, какъ сестра ваша! Я говорю вамъ потому, что вы мнѣ дороги, потому что память о прошломъ для меня священна! Какая выгода была бы мнѣ лицемѣрить? Нѣтъ, вамъ нужно до основанія измѣнить вашу жизнь,—иначе вы заболѣете, вы истощите себя, вы умрете...

— Ахъ, Боже мой! Неужели такъ скоро умру! воскликаетъ испуганный князь,—и представьте себѣ, вы угадали: меня чрезвычайно мучитъ геморрой, особенно съ нѣкотораго времени... И когда у меня бываютъ припадки, то вообще у-ди-ви-тель-ные при этомъ симптомы (я вамъ подробнѣйшимъ образомъ ихъ опишу)... Во-первыхъ...

— Дядюшка, это вы въ другой разъ разскажете, подхватываетъ Павелъ Александровичъ,—а теперь... не пора-ли намъ ѣхать?

— Ну, да! Пожалуй, въ другой разъ. Это, можетъ-быть, и не такъ интересно слушать. Я теперь соображаю... Но все-таки это чрезвычайно любопытная болѣзнь. Есть разные эпизоды... Напомни мнѣ, мой другъ, я тебѣ уже вечеромъ разскажу одинъ случай въ под-роб-ности...

— Но послушайте, князь, вамъ бы попробовать лѣчиться за границей, перебиваетъ еще разъ Марья Александровна.

— За границей? Ну, да, ну, да! Я непремѣнно поѣду за границу. Я помню, когда я былъ за границей въ двадцатыхъ годахъ, тамъ было у-ди-ви-тельно весело. Я чуть-чуть не женился на одной виконтессѣ, француженкѣ. Я тогда былъ чрезвычайно влюбленъ и хотѣлъ посвятить ей всю свою жизнь. Но, впрочемъ, женился не я, а другой. И какой странный случай: отлучился всего на два часа, а другой и восторжествовалъ, одинъ нѣмецкій баронъ; онъ еще потомъ, нѣкоторое время, въ сумасшедшемъ домѣ сидѣлъ.

— Но, cher prince, я къ тому говорила, что вамъ надо серьезно подумать о своемъ здоровьѣ. За границей такіе медики... и, сверхъ того, чего стоитъ уже одна перемѣна жизни! Вамъ рѣшительно надо бросить, хоть на время, ваше Духаново.

— Неп-ре-мѣнно! Я уже давно рѣшился, и, знаете, намѣренъ лѣчиться гид-ро-па-тіей.

— Гидропатіей?

— Гидропатіей. Я уже лѣчился разъ гид-ро-па-тіей. Я былъ тогда на водахъ. Тамъ была одна московская барыня, я ужъ фамилію забылъ, но только чрезвычайно поэтическая женщина, лѣтъ семидесяти была. При ней еще находилась дочь, лѣтъ пятидесяти, вдова, съ бѣльмомъ на глазу. Та тоже чуть-чуть не стихами говорила. Потомъ еще съ ней несчастный случай вышелъ: свою дворовую дѣвку, осердясь, убила, и за то подъ судомъ была.

Вотъ и вздумали онѣ меня водой лѣчить. Я, признаюсь, ничѣмъ не былъ боленъ; ну, пристали ко мнѣ: „лѣчись, да лѣчись!“ Я, изъ деликатности, и началъ пить воду; думаю: и въ самомъ дѣлѣ легче сдѣ-лается. Пилъ-пилъ, пилъ-пилъ, выпилъ цѣлый водопадъ, и, знаете, эта гидропатія полезная вещь и ужасно много пользы мнѣ принесла, такъ что, если бъ я, наконецъ, не забо-лѣлъ, то, увѣряю васъ, что былъ бы совершенно здоровъ...

— Вотъ это совершенно справедливое заключеніе, дядюшка. Скажите, дядюшка, вы учились логикѣ?

— Боже мой! Какіе вы вопросы задаете! строго замѣчаетъ скандализированная Марья Александровна.

— Учился, другъ мой, но только очень давно. Я и философіи обучался въ Германіи, весь курсъ прошелъ, но только тогда же все совершенно забылъ. Но... признаюсь вамъ... вы меня такъ испугали этими болѣзнями, что я весь разстроенъ. Впрочемъ, я сейчасъ ворочусь...

— Но куда-жъ вы, князь? вскрикиваетъ удивленная Марья Александровна.

— Я сейчасъ, сейчасъ... Я только записать одну новую мысль... au revoir...

— Каковъ! вскрикиваетъ Павелъ Александровичъ и заливается хохотомъ.

Марья Александровна теряетъ терпѣнье.

— Не понимаю, рѣшительно не понимаю, чему вы смѣетесь! начинаетъ она съ горячностію.—Смѣяться надъ почтеннымъ старичкомъ, надъ родственникомъ, подымать на смѣхъ каждое его слово, пользуясь ангельской его добротою! Я краснѣла за васъ, Павелъ Александровичъ! Но, скажите же, чѣмъ онъ смѣшонъ по-вашему? Я ничего не нашла въ немъ смѣшного.

— Что онъ не узнаетъ людей, что онъ иногда заговаривается?

— Но это слѣдствіе ужасной жизни его, ужаснаго пятилѣтняго заключенія, подъ надзоромъ этой адской женщины. Его надо жалѣть, а не смѣяться надъ нимъ. Онъ даже меня не узналъ; вы были сами свидѣтелемъ. Это уже, такъ сказать, — вопіетъ! Его рѣшительно надо спасти! Я предлагаю ему ѣхать за границу, единственно въ надеждѣ, что онъ, можетъ быть, броситъ эту... торговку!

— Знаете-ли что? Его надо женить, Марья Александровна! восклицаетъ Павелъ Александровичъ.

— Опять! Но вы непоправимы послѣ этого, м-сье Мозгляковъ!

— Нѣтъ, Марья Александровна, нѣтъ! Въ этотъ разъ я говорю совершенно серьезно! Почему-жъ не женить? Это тоже идея! C'est une idée comme une autre! Чѣмъ можетъ это повредить ему, скажите, пожалуйста? Онъ, напротивъ, въ такомъ положеніи, что подобная мѣра можетъ только спасти его! По закону, онъ еще можетъ жениться. Во-первыхъ, онъ будетъ избавленъ отъ этой пройдохи (извините за выраженіе). Во-вторыхъ, и, главное — представьте себѣ, что онъ выберетъ дѣвушку или, еще лучше, вдову, малую, добрую, умную, нѣжную и, главное, бѣдную, которая будетъ ухаживать за нимъ, какъ дочь, и поймѣтъ, что онъ ее облагодѣтельствовалъ, назвавъ своею женою. А что же ему лучше, какъ не родное, какъ не искреннее и благородное существо, которое безпрерывно будетъ подлѣ него, вмѣсто этой... бабы. Разумѣется, она должна быть хорошенькая, потому что дилетантка до сихъ поръ еще любитъ хорошенькихъ. Вы замѣтили, какъ онъ заглядывался на Зинаиду Аѳанасьевну?

— Да гдѣ же вы найдете такую невѣсту? спрашиваетъ Настасья Петровна, прилежно слушавшая.

— Вотъ такъ сказали: да хоть бы вы, если только угодно! Позвольте спросить: чѣмъ вы не невѣста князю? Во-первыхъ — вы хорошенькая, во-вторыхъ — вдова, въ-третьихъ — благородная, въ-четвертыхъ—бѣдная (потому что вы дѣйствительно не богатая), въ-пятыхъ—вы очень благоразумная дама, слѣдственно будете любить его, держать его въ хлопочкахъ, прогоните ту барыню въ толчки, повезете его за границу, будете кормить его манной кашкой и конфетками, все это ровно до той минуты, когда онъ оставитъ сей бренный міръ, что будетъ ровно черезъ годъ, а, можетъ-быть, и черезъ два мѣсяца съ половиною. Тогда вы—княгиня, вдова, богачка и, въ награду за вашу рѣшимость, выходите замужъ за маркиза или за генералъ-интенданта! C'est joli, не правда-ли?

— Фу ты, Боже мой! Да я бы, мнѣ кажется, влюбилась въ него, голубчика, изъ одной благодарности, если-бъ онъ только сдѣлалъ мнѣ предложеніе! восклицаетъ госпожа Зяблова, и темные, выразительные глаза ея засверкали.— Только все это—вздоръ?

— Вздоръ? Хотите, это будетъ не вздоръ? Попросите-ка меня хорошенько и потомъ пеняйте мнѣ отрѣжьте, если

сегодня же не будете его невѣстою! Да нѣтъ ничего легче уговорить или сманить на что-нибудь дядюшку! Онъ все говоритъ: „Ну, да, ну, да!“—Сами слышали. Мы его женимъ такъ, что онъ и не услышитъ. Пожалуй, обманемъ и женимъ: да вѣдь для его же пользы, помилосердуйте!.. Хоть бы вы принарядились на всякій случай, Настасья Петровна!

Восторгъ м-сье Мозглякова переходитъ даже въ азартъ. У госпожи Зябловой, какъ ни разсудительна она, потекли, однакоже, слюнки.

— Да ужъ я и безъ васъ знаю, что сегодня совсѣмъ замарашка, отвѣчаетъ она. — Совсѣмъ опустилась, давно не мечтаю. Вотъ и выѣхала такая мадамъ Грибусье... А что, въ самомъ дѣлѣ, я кухаркой кажусь?

Все это время Марья Александровна сидѣла съ какой-то странной миною въ лицѣ. Я не ошибусь, если скажу, что она слушала странное предложеніе Павла Александровича съ какимъ-то испугомъ, какъ-то оторопѣвъ... Наконецъ, она опомнилась.

— Все это, положимъ, очень хорошо, но все это вздоръ и нелѣпость, а главное — совершенно некстати, рѣзко прерываетъ она Мозглякова.

— Но, почему же, добрѣйшая Марья Александровна, почему же это вздоръ и некстати?

— По многимъ причинамъ, а главное потому, что вы у меня въ домѣ, что князь — мой гость, и что я никому не позволю забыть уваженіе къ моему дому. Я принимаю ваши слова не иначе, какъ за шутку, Павелъ Александровичъ. Но, слава Богу! Вотъ и князь!

— Вотъ и я! кричитъ князь, входя въ комнату. — Удивительно, cher ami, сколько у меня сегодня разныхъ идей. А другой разъ, можетъ-быть, ты и не повѣришь тому, какъ будто ихъ совсѣмъ не бываетъ. Такъ и сижу себѣ цѣлый день.

— Это, дядюшка, вѣроятно, отъ сегодняшняго паденія. Это потрясло ваши нервы, и вотъ...

— Я и самъ, мой другъ, этому же приписываю и нахожу этотъ случай даже полезнымъ: такъ что я рѣшился простить моего Фео-фи-ла. Знаешь что? Мнѣ кажется, онъ не покушался на мою жизнь; ты думаешь? Притомъ же онъ и безъ того былъ недавно наказанъ, когда ему бороду сбрили.

— Бороду сбрили, дядюшка! Но у него борода съ нѣмецкое государство?

— Ну, да, съ нѣмецкое государство. Вообще, мой другъ, ты совершенно справедливъ въ своихъ за-клю-че-ніяхъ. Но это искусственная. И, представьте себѣ, какой случай: вдругъ присылаютъ мнѣ прейсъ-курантъ. Получены вновь изъ-за границы превосходнѣйшія кучерскія и господскія бо-ро-ды, равномѣрно бакенбарды, эспаньолки, усы и проч.. и все это лучшаго ка-че-ства, и по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ. Дай, думаю, выпишу бо-ро-ду, хоть поглядѣть,— что такое? Вотъ и выписалъ я бороду кучерскую, дѣйствительно—борода загляденье! Но оказывается, что у Софиила своя собственная чуть не въ два раза больше. Разумѣется, возникло недоумѣніе: сбрить-ли свою, или присланную назадъ отослать, а носить натуральную? Я думалъ-думалъ и рѣшилъ, что ужъ лучше носить искусственную.

— Вѣроятно, потому, что искусство выше натуры, дядюшка!

— Именно потому. И сколько ему страданій стоило, когда ему бороду брили! Какъ будто со всей своей карьерой съ бородой разставался... Но не пора-ли намъ ѣхать, мой милый?

— Я готовъ, дядюшка.

— Но я надѣюсь, князь, что вы только къ одному губернатору! въ волненіи восклицаетъ Марья Александровна.—Вы теперь *мой*, князь, и принадлежите моему семейству на цѣлый день. Я, конечно, ничего вамъ не буду говорить про здѣшнее общество. Можетъ-быть, вы пожелаете быть у Анны Николаевны, и я не въ правѣ разочаровывать; къ тому же я вполнѣ увѣрена, что время покажетъ свое. Но помните одно, что я ваша хозяйка, сестра, мамка, нянька на весь этотъ день и, признаюсь, я трепещу за васъ, князь! Вы не знаете, нѣтъ, вы не знаете вполнѣ этихъ людей, по крайней мѣрѣ, до времени!..

— Положитесь на меня, Марья Александровна. Все, какъ я вамъ обѣщалъ, такъ будетъ, говоритъ Мозгляковъ.

— Ужъ вы, вѣтреникъ! Положись на васъ! Я васъ жду къ обѣду, князь. Мы обѣдаемъ рано. И какъ я жалѣю, что на этотъ случай мужъ мой въ деревнѣ! Какъ бы радъ онъ былъ васъ увидѣть! Онъ такъ васъ уважаетъ, такъ душевно васъ любитъ!

— Вашъ мужъ? А у васъ есть и мужъ? спрашиваетъ князь.

— Ахъ, Боже мой! Какъ вы забывчивы, князь. Но вы

совершенно, совершенно забыли все прежнее! Мой мужъ, Аѳанасій Матвѣичъ, неужели вы его не помните? Онъ теперь въ деревнѣ, но вы тысячу разъ его видѣли прежде. Помните, князь: Аѳанасій Матвѣичъ?..

— Аѳанасій Матвѣичъ! Въ деревнѣ, представьте себѣ, mais c'est délicieux! Такъ у васъ есть и мужъ? Какой странный, однакоже, случай? Это точь-въ-точь какъ есть одинъ водевиль, мужъ въ дверь, а жена въ... позвольте, вотъ и забылъ! Только куда-то и жена тоже поѣхала, кажется, въ Тулу или въ Ярославль, однимъ словомъ, выходитъ какъ-то очень смѣшно.

— Мужъ въ дверь, а жена въ Тверь, дядюшка, подсказываетъ Мозгляковъ.

— Ну-ну! Да-да! Благодарю тебя, другъ мой, именно въ Тверь. Charmant, charmant! Такъ что оно и складно выходитъ. Ты всегда въ риѳму попадаешь, мой милый! То-то, я помню: въ Ярославль или въ Кострому, но только куда-то и жена тоже поѣхала! Charmant, charmant! Впрочемъ, я немного забылъ, о чемъ началъ говорить... Да! И такъ мы ѣдемъ, другъ мой. Au revoir, madame, adieu, ma charmante demoiselle, прибавилъ князь, обращаясь къ Зинѣ и цѣлуя кончики своихъ пальцевъ.

— Обѣдать, обѣдать, князь! Не забудьте возвратиться скорѣе! кричитъ вслѣдъ Марья Александровна.

ГЛАВА V.

— Вы бы, Настасья Петровна, взглянули на кухнѣ, говоритъ она, проводивъ князя. — У меня есть предчувствіе, что этотъ извергъ Никитка непремѣнно испортитъ обѣдъ! Я увѣрена, что онъ уже пьянъ...

Настасья Петровна повинуется. Уходя, она подозрительно смотритъ на Марью Александровну и замѣчаетъ въ ней какое-то необыкновенное волненіе. Вмѣсто того, чтобъ идти присмотрѣть за извергомъ Никиткой, Настасья Петровна проходитъ въ залъ, оттуда, коридоромъ, въ свою комнату, оттуда въ темную комнатку, въ родѣ чуланчика, гдѣ стоятъ сундуки, развѣшена кой-какая одежда и сохраняется въ узлахъ черное бѣлье всего дома. Она на цыпочкахъ подходитъ къ запертымъ дверямъ, скрадываетъ свое дыханіе, нагибается, смотритъ въ замочную скважину и подслушиваетъ. Эта дверь— одна изъ трехъ дверей той самой комнаты, гдѣ оста-

лись теперь Зина и ея маменька,—всегда наглухо заперта и заколочена.

Марья Александровна считаетъ Настасью Петровну плутоватой, но чрезвычайно легкомысленной женщиной. Конечно, ей приходила иногда мысль, что Настасья Петровна не поцеремонится и подслушать. Но въ настоящую минуту госпожа Москалева такъ занята и взволнована, что совершенно забыла о нѣкоторыхъ предосторожностяхъ. Она садится въ кресло и значительно взглядываетъ на Зину. Зина чувствуетъ на себѣ этотъ взглядъ и какая-то непріятная тоска начинаетъ щемить ея сердце.

— Зина!

Зина медленно оборачиваетъ къ ней свое блѣдное лицо и подымаетъ свои черные, задумчивые глаза.

— Зина, я намѣрена поговорить съ тобой о чрезвычайно важномъ дѣлѣ.

Зина оборачивается совершенно къ своей маменькѣ, складываетъ свои руки и стоитъ въ ожиданіи. Въ лицѣ ея досада и насмѣшка, что, впрочемъ, она старается скрыть.

— Я хочу тебя спросить, Зина, какъ показался тебѣ сегодня *этотъ* Мозгляковъ?

— Вы уже давно знаете, какъ я о немъ думаю, нехотя отвѣчаетъ Зина.

— Да, mon enfant; но, мнѣ кажется, онъ становится какъ-то ужъ слишкомъ навязчивымъ съ своими... исканіями.

— Онъ говоритъ, что влюбленъ въ меня, и навязчивость его извинительна.

— Странно, ты прежде не извиняла его такъ... охотно. Напротивъ, всегда на него нападала, когда я заговорю о немъ.

— Странно и то, что вы всегда защищали и непремѣнно хотѣли, чтобъ я вышла за него замужъ, а теперь первая на него нападаете.

— Почти. Я не запираюсь, Зина: я желала тебя видѣть за Мозгляковымъ. Мнѣ тяжело было видѣть твою безпрерывную тоску, твои страданія, которыя я въ состояніи понять (что бы ты ни думала обо мнѣ!) и которыя отравляютъ мой сонъ по ночамъ. Я увѣрилась, наконецъ, что одна только значительная перемѣна въ твоей жизни можетъ спасти тебя! И перемѣна эта должна быть—замужество. Мы не богаты и не можемъ ѣхать, напримѣръ, за границу. Здѣшніе селы удивляются, что тебѣ

двадцать три года и ты не замужемъ, и сочиняютъ объ этомъ исторіи. Но неужели-жъ я тебя выдамъ за здѣшняго совѣтника или за Ивана Ивановича, нашего стряпчаго? Есть-ли для тебя здѣсь мужья? Мозгляковъ, конечно, пустъ, но онъ все-таки лучше всѣхъ. Онъ порядочной фамиліи, у него есть родство, у него есть полтораста душъ; это все-таки лучше, чѣмъ жить крючками да взятками, да Богъ знаетъ какими приключеніями; потому я и бросила на него свои взгляды. Но, клянусь тебѣ, я никогда не имѣла настоящей къ нему симпатіи. Я увѣрена, что самъ Всевышній предупреждалъ меня. И если бы Богъ послалъ, хоть теперь, что-нибудь лучше,— о! Какъ хорошо тогда, что ты еще не дала ему слова! Ты вѣдь сегодня ничего не сказала ему навѣрно, Зина?

— Къ чему такъ кривляться, маменька, когда все дѣло въ двухъ словахъ? раздражительно проговорила Зина.

— Кривляться, Зина, кривляться! И ты могла сказать такое слово матери? Но, что я! Ты давно уже не вѣришь своей матери! Ты давно уже считаешь меня своимъ врагомъ, а не матерью.

— Э, полноте, маменька! Намъ-ли съ вами за слово спорить! Развѣ мы не понимаемъ другъ друга? Было, кажется, время понять?

— Но ты оскорбляешь меня, дитя мое! Ты не вѣришь, что я готова рѣшительно на все, на все, чтобъ устроить судьбу твою.

Зина взглянула на мать насмѣшливо и съ досадою.

— Ужъ не хотите-ли вы меня выдать за этого князя, чтобъ *устроить* судьбу мою? спросила она съ странной улыбкой.

— Я ни слова не говорила объ этомъ, но къ слову скажу, что если-бъ случилось тебѣ выйти за князя, то это было бы счастьемъ твоимъ, а не безуміемъ.

— А я нахожу, что это просто вздоръ! запальчиво воскликнула Зина.—Вздоръ! Вздоръ! Я нахожу еще, маменька, что у васъ слишкомъ много поэтическихъ вдохновеній, вы женщина-поэтъ, въ полномъ смыслѣ этого слова; васъ здѣсь и называютъ такъ. У васъ безпрерывно проекты. Невозможность и вздорность ихъ васъ не останавливаютъ. Я предчувствовала, когда еще князь здѣсь сидѣлъ, что у васъ это на умѣ. Когда дурачился Мозгляковъ и увѣрялъ, что надо женить этого старика, я прочла всѣ мысли ваши на вашемъ лицѣ. Я готова биться объ закладъ, что

вы объ этомъ думаете, и теперь съ этимъ же ко мнѣ подъѣзжаете. Но такъ какъ ваши безпрерывные проекты насчетъ меня начинаютъ мнѣ до смерти надоѣдать, начинаютъ мучить меня, то прошу васъ не говорить мнѣ объ этомъ ни слова, слышите-ли, маменька,—ни слова, и я бы желала, чтобъ вы это запомнили! она задыхалась отъ гнѣва.

— Ты дитя, Зина, раздраженное, больное дитя! отвѣчала Марья Александровна растроганнымъ, слезящимся голосомъ.—Ты говоришь со мной непочтительно и оскорбляешь меня. Ни одна мать не вынесла бы того, что я выношу отъ тебя ежедневно! Но ты раздражена, ты больна, ты страдаешь, а я мать и, прежде всего, христіанка. Я должна терпѣть и прощать. Но одно слово, Зина: если-бъ я и дѣйствительно мечтала объ этомъ союзѣ, — почему именно ты считаешь все это вздоромъ? По-моему, Молгляковъ никогда не говорилъ умнѣе давешняго, когда доказывалъ, что князю необходима женитьба—конечно, не на этой чумичкѣ Настасьѣ. Тутъ ужъ онъ заврался.

— Послушайте, маменька! Скажите прямо: вы это спрашиваете только такъ, изъ любопытства, или съ намѣреніемъ?

— Я спрашиваю только: почему это кажется тебѣ такимъ вздоромъ?

— Ахъ, досада! Вѣдь достанется же такая судьба! восклицаетъ Зина, топнувъ ногою отъ нетерпѣнія.—Вотъ почему, если это вамъ до сихъ поръ неизвѣстно: не говоря уже о всѣхъ другихъ нелѣпостяхъ,—воспользоваться тѣмъ, что старикашка выжилъ изъ ума, обмануть его, выйти за него, за калѣку, чтобъ вытащить у него его деньги, и потомъ каждый день, каждый часъ желать его смерти, по-моему, это не только вздоръ, но, сверхъ того, такъ низко, такъ низко, что я не поздравляю васъ съ такими мыслями, маменька!

Съ минуту продолжалось молчаніе.

— Зина! А помнишь-ли, что было два года назадъ? спросила вдругъ Марья Александровна.

Зина вздрогнула.

— Маменька! сказала она строгимъ голосомъ, — вы торжественно обѣщали мнѣ никогда не напоминать объ этомъ?

— А теперь торжественно прошу тебя, дитя мое, чтобъ ты позволила мнѣ одинъ только разъ нарушить это объ-

щаніе, которое я никогда до сихъ поръ не нарушала. Зина! Пришло время полнаго объясненія между нами. Эти два года молчанія были ужасны! Такъ не можетъ продолжаться!.. Я готова на колѣняхъ молить тебя, чтобъ ты мнѣ позволила говорить. Слышишь, Зина, родная мать умоляетъ тебя на колѣняхъ! Вмѣстѣ съ этимъ даю тебѣ торжественное слово мое—слово несчастной матери, обожающей свою дочь, что никогда, ни подъ какимъ видомъ, ни при какихъ обстоятельствахъ, даже если-бъ шло о спасеніи жизни моей, я уже не буду болѣе говорить объ этомъ. Это будетъ въ послѣдній разъ, но теперь — это необходимо!

Марья Александровна разсчитывала на полный эффектъ.

— Говорите, сказала Зина, замѣтно блѣднѣя.

— Благодарю тебя, Зина. Два года назадъ, къ покойному Митѣ, твоему маленькому брату, ходилъ учитель...

— Но зачѣмъ вы такъ торжественно начинаете, маменька! Къ чему все это краснорѣчіе, всѣ эти подробности, которыя совершенно не нужны, которыя тяжелы и которыя намъ обѣимъ слишкомъ извѣстны? съ какимъ-то злобнымъ отвращеніемъ прервала ее Зина.

— Къ тому, дитя мое, что я, твоя мать, принуждена теперь оправдываться передъ тобою! Къ тому, что я хочу представить тебѣ это же все дѣло совершенно съ другой точки зрѣнія, а не съ той ошибочной точки, съ которой ты привыкла смотрѣть на него. Къ тому, наконецъ, чтобъ ты лучше поняла заключеніе, которое я намѣрена изъ всего этого вывесть. Не думай, дитя мое, что я хочу играть твоимъ сердцемъ! Нѣтъ, Зина, ты найдешь во мнѣ настоящую мать, и, можетъ-быть, обливаясь слезами, у ногъ моихъ, ногъ *низкой женщины*, какъ ты сейчасъ назвала меня, сама будешь просить примиренія, которое ты такъ долго, такъ надменно до сихъ поръ отвергала. Вотъ почему я хочу высказать все, Зина, все съ самаго начала; иначе я молчу!

— Говорите, повторила Зина, отъ всего сердца проклиная потребность краснорѣчія своей маменьки.

— Я продолжаю, Зина: этотъ учитель уѣзднаго училища, почти еще мальчикъ, производитъ на тебя совершенно непонятное для меня впечатлѣніе. Я слишкомъ надѣялась на твое благоразуміе, на твою благородную гордость и, главное, на его ничтожество (потому что надо же все говорить), чтобы хоть что-нибудь подозрѣвать

между вами. И вдругъ ты приходишь ко мнѣ и рѣшительно объявляешь, что намѣрена выйти за него замужъ! Зина! Это былъ кинжалъ въ мое сердце! Я вскрикнула и лишилась чувствъ. Но... ты все это помнишь! Разумѣется я сочла за нужное употребить всю свою власть, которую ты называла тиранствомъ. Подумай: мальчикъ, сынъ дьячка, получающій двѣнадцать цѣлковыхъ въ мѣсяцъ жалованья, кропатель дрянныхъ стишонковъ, которые, изъ жалости, печатаютъ въ „Библіотекѣ для Чтенія“, и умѣющій только толковать объ этомъ проклятомъ Шекспирѣ,—этотъ мальчикъ—твой мужъ, мужъ Зинаиды Москалевой! Но это достойно Флоріана и его пастушковъ! Прости меня, Зина, но одно уже воспоминаніе выводитъ меня изъ себя! Я отказала ему; но никакая власть не можетъ остановить тебя. Твой отецъ, разумѣется, только хлопалъ глазами и даже не понялъ, что я начала ему объяснять. Ты продолжаешь съ этимъ мальчикомъ сношенія, даже свиданія, но что всего ужаснѣе, ты рѣшаешься съ нимъ переписываться. По городу начинаютъ уже распространяться слухи. Меня начинаютъ колоть намеками: уже обрадовались, уже затрубили во всѣ рога, и вдругъ всѣ мои предсказанія сбываются самымъ торжественнымъ образомъ. Вы за что-то ссоритесь; онъ оказывается самымъ недостойнымъ тебя... мальчишкой (я никакъ не могу назвать его человѣкомъ!) и грозитъ тебѣ распространить по городу твои письма. При этой угрозѣ, полная негодованія, ты выходишь изъ себя и даешь пощечину. Да, Зина, мнѣ извѣстно и это обстоятельство! Мнѣ все, все извѣстно! Несчастный, въ тотъ же день, показываетъ одно изъ твоихъ писемъ негодяю Заушину, и, черезъ часъ, это письмо уже находится у Натальи Дмитріевны, у смертельнаго врага моего. Въ тотъ же вечеръ этотъ сумасшедшій, въ раскаяніи, дѣлаетъ нелѣпую попытку чѣмъ-то отравить себя. Однимъ словомъ, скандалъ выходитъ ужаснѣйшій! Эта чумичка Настасья прибѣгаетъ ко мнѣ испуганная, съ страшнымъ извѣстіемъ: уже цѣлый часъ письмо въ рукахъ у Натальи Дмитріевны; черезъ два часа весь городъ будетъ знать о твоемъ позорѣ! Я пересилила себя, я не упала въ обморокъ,—но какими ударами ты поразила мое сердце, Зина. Эта безстыдная, этотъ извергъ, Настасья, требуетъ двѣсти рублей серебромъ и за это клянется достать обратно письмо. Я сама, въ легкихъ башмакахъ, по снѣгу, бѣгу къ жиду Бумштейну и закладываю мой фермуаръ—память

праведницы, моей матери! Черезъ два часа письмо въ моихъ рукахъ. Настасья украла его. Она взломала шкатулку и—честь твоя спасена,—доказательствъ нѣтъ! Но въ какой тревогѣ ты заставила меня прожить ужасный день! На другой же день я замѣтила, въ первый разъ въ жизни, нѣсколько сѣдыхъ волосъ на головѣ моей, Зина! Ты сама разсудила теперь о поступкѣ этого мальчика. Ты сама теперь соглашаешься и, можетъ-быть, съ горькою улыбкою, что было бы верхомъ неблагоразумія довѣрить ему судьбу свою. Но съ тѣхъ поръ ты терзаешься, ты мучаешься, дитя мое; ты не можешь забыть его, или, лучше сказать, не его,—онъ всегда былъ недостоинъ тебя,—а призракъ своего прошедшаго счастья. Этотъ несчастный теперь на смертномъ одрѣ; говорятъ, онъ въ чахоткѣ, а ты,—ангелъ доброты!—Ты не хочешь, при жизни его, выходить замужъ, чтобъ не растерзать его сердца, потому что онъ до сихъ поръ еще мучается ревностію, хотя я увѣрена, что онъ никогда не любилъ тебя настоящимъ, возвышеннымъ образомъ! Я знаю, что, услышавъ про исканія Мозглякова, онъ шпіонилъ, подсылалъ, выспрашивалъ. Ты щадишь его, дитя мое, я угадала тебя, и Богъ видитъ, какими горькими слезами обливала я подушку мою!..

— Да оставьте все это, маменька! прерываетъ Зина, въ невыразимой тоскѣ.—Очень понадобилась тутъ ваша подушка, прибавляетъ она съ колкостію. — Нельзя безъ декламацій, да вывертовъ!

— Ты не вѣришь мнѣ, Зина! Не смотри на меня враждебно, дитя мое! Я не осушала глазъ эти два года, но скрывала отъ тебя мои слезы, и, клянусь тебѣ, я во многомъ измѣнилась сама въ это время! Я давно поняла твои чувства, и, клюсь, только теперь узнала всю силу твоей тоски. Можно-ли обвинять меня, другъ мой, что я смотрѣла на эту привязанность, какъ на романтизмъ, навѣянный этимъ проклятымъ Шекспиромъ, который, какъ нарочно, суетъ свой носъ вездѣ, гдѣ его не спрашиваютъ. Какая мать осудитъ меня за мой тогдашній испугъ, за принятыя мѣры, за строгость суда моего? Но теперь, теперь, видя твои двухлѣтнія страданія, я понимаю и цѣню твои чувства. Повѣрь, что я поняла тебя, можетъ-быть, гораздо лучше, чѣмъ ты сама себя понимаешь. Я увѣрена, что ты любишь не его, этого неестественнаго мальчика, а золотыя мечты свои, свое потерянное счастье, свои воз-

вышенные идеалы. Я сама любила и, можетъ-быть, сильнѣе, чѣмъ ты. Я сама страдала: у меня тоже были свои возвышенные идеалы. И потому, кто можетъ обвинить меня теперь и, прежде всего, можешь-ли ты обвинить меня за то, что я нахожу союзъ съ княземъ самымъ спасительнымъ, самымъ необходимымъ для тебя дѣломъ въ теперешнемъ твоемъ положеніи?

Зина съ удивленіемъ слушала всю эту длинную декламацію, отлично зная, что маменька никогда не впадетъ въ такой тонъ безъ причины. Но послѣднее, неожиданное заключеніе совершенно изумило ее.

— Такъ неужели вы серьезно положили выдать меня за этого князя? вскричала она, съ изумленіемъ, чуть не съ испугомъ смотря на мать свою.—Стало-быть, это уже не одни мечты, не проекты, а твердое ваше намѣреніе? Стало-быть, я угадала? И... и... какимъ образомъ это замужество спасетъ меня и необходимо въ настоящемъ моемъ положеніи? И... и... какимъ образомъ все это вяжется съ тѣмъ, что вы теперь наговорили,—со всей этой исторіей?.. Я рѣшительно не понимаю васъ, маменька!

— А я удивляюсь, mon ange, какъ можно не понимать всего этого! восклицаетъ Марья Александровна, одушевляясь въ свою очередь.—Во-первыхъ—ужъ одно то, что ты переходишь въ другое общество, въ другой міръ! Ты оставляешь навсегда этотъ отвратительный городишко, полный для тебя ужасныхъ воспоминаній, гдѣ нѣтъ у тебя ни привѣта, ни друга, гдѣ оклеветали тебя, гдѣ всѣ эти сороки ненавидятъ тебя за твою красоту. Ты можешь даже ѣхать этой же весной за границу, въ Италію, въ Швейцарію, въ Испанію, Зина, въ Испанію, гдѣ Альгамбра, гдѣ Гвадалквивиръ, а не здѣшняя скверная рѣчонка, съ неприличнымъ названіемъ...

— Но позвольте, маменька, вы говорите такъ, какъ будто я уже замужемъ или, по крайней мѣрѣ, князь сдѣлалъ мнѣ предложеніе?

— Не безпокойся объ этомъ, мой ангелъ, я знаю, что я говорю. Но,—позволь мнѣ продолжать. Я уже сказала *первое*, теперь *второе*: я понимаю, дитя мое, съ какимъ отвращеніемъ ты отдала бы руку этому Мозглякову...

— Я и безъ вашихъ словъ знаю, что никогда не буду его женою! отвѣчала съ горячностью Зина, и глаза ея засверкали.

— И если-бъ ты знала, какъ я понимаю твое отвра-

щеніе, другъ мой! Ужасно поклясться передъ алтаремъ Божіимъ въ любви къ тому, кого не можешь любить! Ужасно принадлежать тому, кого даже не уважаешь! А онъ требуетъ твоей любви; опъ для того и женится, я это знаю по взглядамъ его на тебя, когда ты отвернешься. Каково-жъ притворяться! Я сама двадцать пять лѣтъ это испытываю. Твой отецъ погубилъ меня. Онъ, можно сказать, высосалъ всю мою молодость, и сколько разъ ты видѣла слезы мои!

— Папенька въ деревнѣ, не трогайте его, пожалуйста. отвѣчала Зина.

— Знаю, ты всегдашняя его заступница. Ахъ, Зина! У меня все сердце замирало, когда я, изъ расчета, желала твоего брака съ Мозгляковымъ. А съ княземъ тебѣ притворяться нечего. Само собою разумѣется, что ты не можешь его любить... любовью, да и онъ самъ *неспособенъ* потребовать такой любви...

— Боже мой, какой вздоръ! Но увѣряю васъ, что вы ошиблись въ самомъ началѣ, въ самомъ первомъ, главномъ! Знайте, что я не хочу собою жертвовать неизвѣстно для чего! Знайте, что я вовсе не хочу замужъ, ни за кого. и останусь въ дѣвкахъ! Вы два года ѣли меня за то, что я не выхожу замужъ. Ну, что-жъ? Придется съ этимъ вамъ примириться. Не хочу, да и только! Такъ и будетъ!

— Но, душечка, Зиночка, не горячись, ради Бога, не выслушавъ! И что у тебя за головка горячая, право. Позволь мнѣ посмотрѣть съ моей точки зрѣнія, и ты тотчасъ же со мной согласишься. Князь проживетъ годъ, много два, и, по-моему, лучше ужъ быть молодой вдовой, чѣмъ перезрѣлой дѣвой, не говоря ужъ о томъ, что ты, по смерти его,—княгиня, свободна, богата, независима! Другъ мой, ты, можетъ-быть, съ презрѣніемъ смотришь на всѣ эти расчеты,—расчеты на смерть его! Но—я мать, а какая мать осудитъ меня за мою дальновидность? Наконецъ, если ты, ангелъ доброты, жалѣешь до сихъ поръ этого мальчика, жалѣешь до такой степени, что не хочешь даже выйти замужъ при его жизни (какъ я догадываюсь), то подумай, что, выйдя за князя, ты заставишь его воскреснуть духомъ, обрадоваться! Если въ немъ есть хоть капля здраваго смысла, то онъ, конечно, пойметъ, что ревность къ князю неумѣстна, смѣшна; пойметъ, что ты вышла по расчету, по необходимости. Наконецъ, онъ пойметъ... то-есть я просто хочу сказать, что, по смерти

князя, ты можешь опять выйти замужъ, за кого хочешь...

— По-просту выходить: выйти замужъ за князя, обобрать его и разсчитывать потомъ на его смерть, чтобъ выйти потомъ за любовника. Хитро вы подводите ваши итоги! Вы хотите соблазнить меня, предлагая мнѣ... Я понимаю васъ, маменька, вполнѣ понимаю! Вы никакъ не можете воздержаться отъ выставки благородныхъ чувствъ, даже въ гадкомъ дѣлѣ. Сказали бы лучше прямо и просто: „Зина, это подлость, но она выгодна, и потому согласись на нее!" Это, по крайней мѣрѣ, было бы откровеннѣе.

— Но зачѣмъ же, дитя мое, смотрѣть непремѣнно съ этой точки зрѣнія,—съ точки зрѣнія обмана, коварства и корыстолюбія. Ты считаешь мои расчеты за низость, за обманъ? Но, ради всего святого, гдѣ же тутъ обманъ, какая тутъ низость? Взгляни на себя въ зеркало; ты такъ прекрасна, что за тебя можно отдать королевство! И вдругъ ты,—ты, красавица, жертвуешь старику свои лучшіе годы! Ты, какъ прекрасная звѣзда, освѣтишь закатъ его жизни; ты, какъ зеленый плющъ, обовьешься около его старости, ты, а не эта крапива, эта гнусная женщина, которая околдовала его и съ жадностію сосетъ его соки! Неужели-жъ его деньги, его княжество стоятъ дороже тебя? Гдѣ же тутъ обманъ и низость? Ты сама не знаешь что говоришь, Зина!

— Вѣрно стоятъ, коли надо выходить за калѣку! Обманъ—всегда обманъ, маменька, какія бы ни были цѣли.

— Напротивъ, другъ мой, напротивъ! На это можно взглянуть даже съ высокой, даже съ христіанской точки зрѣнія, дитя мое! Ты сама, однажды, въ какомъ-то изступленіи, сказала мнѣ, что хочешь быть сестрою милосердія. Твое сердце страдало, ожесточилось. Ты говорила (я знаю это), что оно уже не можетъ любить. Если ты не вѣришь въ любовь, то обрати свои чувства на другой, болѣе возвышенный предметъ, обрати искренно, какъ дитя, со всею вѣрою и святостію — и Богъ благословитъ тебя. Этотъ старикъ тоже страдалъ, онъ несчастенъ, его гонятъ: я уже нѣсколько лѣтъ его знаю и всегда питала къ нему непонятную симпатію, родъ любви, какъ будто что-то предчувствовала. Будь же его другомъ, будь его дочерью, будь, пожалуй, хоть игрушкой его,—если ужъ все говорить! — Но согрѣй его сердце, и ты сдѣлаешь это для Бога, для добродѣтели! Онъ смѣшонъ,—не смотри на это. Онъ получеловѣкъ, — пожалѣй его: ты христіанка! При-

нудь себя; такіе подвиги нудятся. На нашъ взглядъ тяжело перевязывать раны въ больницѣ; отвратительно дышать зараженнымъ лазаретнымъ воздухомъ. Но есть ангелы Божіи, исполняющіе это и благословляющіе Бога за свое назначеніе. Вотъ лѣкарство твоему оскорбленному сердцу, занятіе, подвигъ — и ты залѣчишь раны свои. Гдѣ же тутъ эгоизмъ, гдѣ тутъ подлость? Но ты мнѣ не вѣришь! Ты, можетъ-быть, думаешь, что я притворяюсь, говоря о долгѣ, о подвигахъ. Ты не можешь понять, какъ я, женщина свѣтская, суетная, могу имѣть сердце, чувства, правила? Что-жъ? Не вѣрь, оскорбляй свою мать, но согласись, что слова ея разумны, спасительны. Вообрази, пожалуй, что говорю не я, а другой; закрой глаза, обернись въ уголъ, представь, что тебѣ говоритъ какой-нибудь невидимый голосъ... Тебя, главное, смущаетъ, что все это будетъ за деньги, какъ будто это какая-нибудь продажа или купля? Такъ откажись, наконецъ, отъ денегъ, если деньги такъ для тебя ненавистны! Оставь себѣ необходимое и все раздай бѣднымъ. Помоги хоть, напримѣръ, ему, этому несчастному на смертномъ одрѣ.

— Онъ не приметъ никакой помощи, проговорила Зина тихо, какъ бы про себя.

— Онъ не приметъ, но мать его приметъ, отвѣчала торжествующая Марья Александровна,—она приметъ тихонько отъ него. Ты продала свои серьги, теткинъ подарокъ, и помогла ей, полгода назадъ; я это знаю. Я знаю, что старуха стираетъ бѣлье на людей, чтобъ кормить своего несчастнаго сына.

— Ему скоро не нужна будетъ помощь!

— Знаю и это, на что ты намекаешь, подхватила Марья Александровна, и вдохновеніе, настоящее вдохновеніе осѣнило ее,—знаю, про что ты говоришь. Говорятъ, онъ въ чахоткѣ и скоро умретъ. Но кто же это говоритъ? Я, на-дняхъ, нарочно спрашивала о немъ Калиста Станиславича: я интересовалась о немъ, потому что у меня есть сердце, Зина. Калистъ Станиславичъ отвѣчалъ мнѣ, что болѣзнь, конечно, опасна, но что онъ до сихъ поръ увѣренъ, что бѣдный не въ чахоткѣ, а такъ только, довольно сильное грудное разстройство. Спроси хоть сама. Онъ навѣрно говорилъ мнѣ, что при другихъ обстоятельствахъ, особенно при измѣненіи климата и впечатлѣній, больной могъ бы выздоровѣть. Онъ сказалъ мнѣ, что въ Испаніи,—и это я еще прежде слышала, даже читала,—

что въ Испаніи есть какой-то необыкновенный островъ, кажется, Малага, — однимъ словомъ, похоже на какое-то вино,— гдѣ не только грудные, но даже настоящіе чахоточные совѣмъ выздоравливали отъ одного климата, и что туда нарочно ѣздятъ лѣчиться, разумѣется, только одни вельможи, или даже, пожалуй, и купцы, но только очень богатые. Но ужъ одна эта волшебная Альгамбра, эти мирты, эти лимоны, эти испанцы на своихъ мулахъ! Одно это произведетъ уже необыкновенное впечатлѣніе на натуру поэтическую. Ты думаешь, что онъ не приметъ твоей помощи, твоихъ денегъ для этого путешествія? Такъ обмани его, если тебѣ жаль! Обманъ простителенъ для спасенія человѣческой жизни. Обнадежь его, обѣщай ему, наконецъ, любовь свою; скажи, что выйдешь за него замужъ, когда овдовѣешь. Все на свѣтѣ можно сказать благороднымъ образомъ. Твоя мать не будетъ учить тебя неблагородному, Зина; ты сдѣлаешь это для спасенія жизни его и потому—все позволительно! Ты воскресишь его надеждою; онъ самъ начнетъ обращать вниманіе на свое здоровье, лѣчиться, слушаться медиковъ. Онъ будетъ стараться воскреснуть для счастья. Если онъ выздоровѣетъ, то ты, хоть и не выйдешь за него,—все-таки онъ выздоровѣлъ, все-таки ты спасла, воскресила его! Наконецъ, можно и на него взглянуть съ состраданіемъ! Можетъ-быть, судьба научила и измѣнила его къ лучшему и, если только онъ будетъ достоинъ тебя, — пожалуй, и выйди за него, когда овдовѣешь. Ты будешь богата, независима. Ты можешь, вылѣчивъ его, доставить ему положеніе въ свѣтѣ, карьеру. Бракъ твой съ нимъ будетъ тогда извинительнѣе, чѣмъ теперь, когда онъ невозможенъ. Что ожидаетъ васъ обоихъ, если-бъ вы теперь рѣшились на такое безумство? Всеобщее презрѣніе, нищета, дранье за уши мальчишекъ, потому что это сопряжено съ его должностью, взаимное чтеніе Шекспира, вѣчное пребываніе въ Мордасовѣ и, наконецъ, его близкая, неминуемая смерть. Тогда какъ, воскресивъ его, — ты воскресишь его для полезной жизни, для добродѣтели; простивъ ему—ты заставишь его обожать себя. Онъ терзается своимъ гнуснымъ поступкомъ, а ты, открывъ ему новую жизнь, простивъ ему, дашь ему надежду и примиришь его съ самимъ собою. Онъ можетъ вступить въ службу, войти въ чины. Наконецъ, если даже онъ и не выздоровѣетъ, то умретъ счастливый, примиренный съ собою, на

рукахъ твоихъ,—потому что ты сама можешь быть при немъ въ эти минуты,—увѣренный въ любви твоей, прощенный тобою, подъ сѣнью миртъ, лимоновъ, подъ лазуревымъ, экзотическимъ небомъ! О, Зина! Все это въ рукахъ твоихъ! Всѣ выгоды на твоей сторонѣ — и все это чрезъ замужество съ княземъ.

Марья Александровна кончила. Наступило довольно долгое молчаніе. Зина была въ невыразимомъ волненіи.

Мы не беремся описывать чувства Зины; мы не можемъ ихъ угадать. Но, кажется, Марья Александровна нашла настоящую дорогу къ ея сердцу. Не зная, въ какомъ состояніи находится теперь сердце дочери, она перебрала всѣ случаи, въ которыхъ она могла находиться, и, наконецъ, догадалась, что попала на истинный путь. Она грубо дотрогивалась до самыхъ больныхъ мѣстъ сердца Зины, и, разумѣется, по привычкѣ, не могла обойтись безъ выставки благородныхъ чувствъ, которыя, конечно, не ослѣпили Зину. „Но что за нужда, она мнѣ не вѣритъ“, думала Марья Александровна,—„только бы ее заставить задуматься! Только бы ловчѣе намекнуть, о чемъ мнѣ прямо нельзя говорить!“ — Такъ она думала и достигла цѣли. Эффектъ былъ произведенъ. Зина жадно слушала. Щеки ея горѣли, грудь волновалась.

— Послушайте, маменька, сказала она, наконецъ, рѣшительно, хотя внезапно наступившая блѣдность въ лицѣ ея показывала ясно, чего стоила ей эта рѣшимость. — Послушайте, маменька...

Но въ это мгновеніе внезапный шумъ, раздавшійся изъ передней, и рѣзкій, крикливый голосъ, спрашивавшій Марью Александровну, заставили Зину вдругъ остановиться. Марья Александровна вскочила съ мѣста.

— Ахъ, Боже мой! вскричала она,—чортъ несетъ эту сороку, полковницу! Да вѣдь я-жъ ее почти выгнала двѣ недѣли назадъ! прибавила она, чуть не въ отчаяніи. — Но... но невозможно теперь не принять ее! Невозможно! Она, навѣрно, съ вѣстями, иначе не посмѣла бы и явиться. Это важно, Зина! Мнѣ надо знать... Ничѣмъ теперь не надо пренебрегать!—Но какъ я вамъ благодарна за вашъ визитъ! закричала она, бросаясь навстрѣчу вошедшей гостьѣ.—Какъ это вамъ вздумалось вспомнить обо мнѣ, безцѣнная Софья Петровна? Какой о-ча-ро-ва-тельный сюрпризъ.

Зина убѣжала изъ комнаты.

ГЛАВА VI.

Полковница Софья Петровна Карпухина только нравственно походила на сороку. Физически она скорѣе походила на воробья. Это была маленькая, пятидесятилѣтняя дама, съ остренькими глазками, въ веснушкахъ и въ желтыхъ пятнахъ по всему лицу. На маленькомъ, изсохшемъ тѣльцѣ ея, помѣщенномъ на тоненькихъ, крѣпкихъ воробьиныхъ ножкахъ, было шелковое темное платье, всегда шумѣвшее, потому что полковница двухъ секундъ не могла пробыть въ покоѣ. Это была злобная и мстительная сплетница. Она была помѣшана на томъ, что она полковница. Съ отставнымъ полковникомъ, своимъ мужемъ, она очень часто дралась и царапала ему лицо. Сверхъ того, выпивала по четыре рюмки водки утромъ и по стольку же вечеромъ, и до помѣшательства ненавидѣла Анну Николаевну Литинову, прогнавшую ее на прошлой недѣлѣ изъ своего дома, равно какъ и Наталью Дмитріевну Паскудину, тому способствовавшую.

— Я къ вамъ только на минутку, mon ange, защебетала она.—Я вѣдь напрасно и сѣла. Я заѣхала только разсказать, какія чудеса у насъ дѣлаются. Просто весь городъ съ ума сошелъ отъ этого князя! Наши пройдохи— vous comprenez! — его ловятъ, ищутъ, тащатъ его нарасхватъ, шампанскимъ поятъ, — вы не повѣрите! Не повѣрите! Да какъ это вы рѣшились его отпустить отъ себя? Знаете-ли, что онъ теперь у Натальи Дмитріевны?

— У Натальи Дмитріевны! вскричала Марья Александровна, привскакнувъ на мѣстѣ.—Да вѣдь онъ къ губернатору только поѣхалъ, а потомъ, можетъ-быть, къ Аннѣ Николаевнѣ, и то не надолго!

— Ну, да, не надолго: вотъ и ловите его теперь! Онъ губернатора дома не засталъ, потомъ къ Аннѣ Николаевнѣ поѣхалъ, далъ слово обѣдать у ней, а Наташка, которая теперь отъ нея не выходитъ, затащила его къ себѣ до обѣда завтракать. Вотъ вамъ и князь.

— А что-жъ... Мозгляковъ? Вѣдь онъ обѣщался...

— Дался вамъ этотъ Мозгляковъ! Хваленый-то вашъ... Да и онъ съ ними туда же! Посмотрите, если его въ картишки тамъ не засадятъ, опять проиграется, какъ прошлый годъ проигрался! Да и князя тоже засадятъ, облупятъ, какъ липку. А какія она вещи распускаетъ,

Наташка-то' Вслухъ кричитъ, что вы завлекаете князя, ну, тамъ... для извѣстныхъ цѣлей,—vous comprenez? Сама ему толкуетъ объ этомъ. Онъ, конечно, ничего не понимаетъ, сидитъ какъ мокрый котъ, да на всякое слово: „ну, да! ну, да!“ А сама-то, сама-то! Вывела свою Соньку—вообразите: пятнадцать лѣтъ, а все еще въ коротенькомъ платьѣ водитъ! Все это только до колѣнъ, какъ можете себѣ представить... Послали за этой сироткой Машкой, та тоже въ коротенькомъ платьѣ, только еще выше колѣнъ,—я въ лорнетъ смотрѣла... На голову имъ надѣли какія-то красныя шапочки съ перьями, — ужъ не знаю, что это изображаетъ! И подъ фортепьяно заставили обѣихъ пиголицъ передъ княземъ плясать казачка! Ну, вы знаете слабость этого князя? Онъ такъ и растаялъ: „формы“, говоритъ, „формы“! Въ лорнетку на нихъ смотритъ, а онѣ-то отличаются, двѣ сороки! Раскраснѣлись, ноги вывертываютъ, такой моплезиръ пошелъ, что люли, да и только! Тьфу! Это—тапецъ! Я сама танцовала съ шалью, при выпускѣ изъ благороднаго пансіона мадамъ Жарни,—такъ я благородный эффектъ произвела! Мнѣ сенаторы аплодировали! Тамъ княжескія и графскія дочери воспитывались! А вѣдь это просто канканъ! Я сгорѣла со стыда, сгорѣла, сгорѣла! Я просто не высидѣла!..

— Но... развѣ вы сами были у Натальи Дмитріевны? Вѣдь вы...

— Ну, да, она меня оскорбила на прошлой недѣлѣ. Я это прямо всѣмъ говорю. Mais, ma chère, мнѣ захотѣлось хоть въ щелочку посмотрѣть на этого князя, я и пріѣхала. А то гдѣ-жъ бы я его увидала? Поѣхала бы я къ ней, кабы не этотъ скверный князишка! Представьте себѣ: всѣмъ шоколадъ подаютъ, а мнѣ нѣтъ, и все время со мной хоть бы слово. Вѣдь это она нарочно... Кадушка этакая! Вотъ я-жъ ей теперь! Но прощайте, mon ange, я теперь спѣшу, спѣшу... Мнѣ надо непремѣнно застать Акулину Панфиловну и ей разсказать... Только вы теперь такъ и проститесь съ княземъ! Онъ ужъ у васъ больше не будетъ. Знаете—памяти-то у него нѣтъ, такъ Анна Николаевна непремѣнно къ себѣ его перетащитъ! Онѣ всѣ боятся, чтобъ вы не того... Понимаете? Насчетъ Зины...

— Quelle horreur!

— Ужъ это я вамъ говорю! Весь городъ объ этомъ кричитъ. Анна Николаевна непремѣнно хочетъ оставить

его обѣдать, а потомъ и совсѣмъ. Это она вамъ въ пику дѣлаетъ, mon ange. Я къ ней на дворъ въ щелочку заглянула. Такая тамъ суетня: обѣдъ готовятъ, ножами стучатъ... за шампанскимъ послали. Спѣшите, спѣшите и перехватите его на дорогѣ, когда онъ къ ней поѣдетъ. Вѣдь онъ къ вамъ первой обѣщался обѣдать! Онъ вашъ гость, а не ея! Чтобъ надъ вами смѣялась эта кройдоха, эта каверзница, эта сопля! Да она подошвы моей не стоитъ, хоть и прокурорша! Я сама полковница! Я въ благородномъ пансіонѣ мадамъ Жіарни воспитывалась... тьфу! Mais adieu, mon ange! У меня свои сани, а то бы я съ вами вмѣстѣ поѣхала...

Ходячая газета исчезла; Марья Александровна затрепетала отъ волненія, но совѣтъ полковницы былъ чрезвычайно ясенъ и практиченъ. Медлить было нечего, да и некогда. Но оставалось еще самое главное затрудненіе. Марья Александровна бросилась въ комнату Зины.

Зина ходила по комнатѣ взадъ и впередъ, сложивъ на-крестъ руки, понуривъ голову, блѣдная и разстроенная. Въ глазахъ ея стояли слезы; но рѣшимость сверкала во взглядѣ, который она устремила на мать. Она поспѣшно скрыла слезы и саркастическая улыбка появилась на губахъ ея.

— Маменька, сказала она, предупреждая Марью Александровну,—сейчасъ вы истратили со мною много вашего краснорѣчія, слишкомъ много. Но вы не ослѣпили меня. Я не дитя. Убѣждать себя, что дѣлаю подвигъ сестры милосердія, не имѣя къ нему ни малѣйшаго призванія, оправдывать свои низости, которыя дѣлаешь для одного эгоизма, благородными цѣлями, — все это такое іезуитство, которое не могло обмануть меня. Слышите: это не могло обмануть меня, и я хочу, чтобъ вы это непремѣнно знали!

— Но, mon ange!.. вскрикнула оробѣвшая Марья Александровна.

— Молчите, маменька! Имѣйте терпѣніе выслушать меня до конца. Несмотря на полное сознаніе того, что все это только одно іезуитство; несмотря на полное мое убѣжденіе въ совершенномъ неблагородствѣ такого поступка,—я принимаю ваше предложеніе вполнѣ, слышите: *вполнѣ*, и объявляю вамъ, что готова выйти за князя и даже готова помогать всѣмъ вашимъ усиліямъ, чтобъ заставить его на мнѣ жениться. Для чего это я дѣлаю?—

вамъ не надо знать. Довольно и того, что я рѣшилась. Я рѣшилась на все: я буду подавать ему сапоги, я буду его служанкой, я буду плясать для его удовольствія, чтобъ загладить передъ нимъ мою низость; я употреблю все на свѣтѣ, чтобъ онъ не раскаивался въ томъ, что женился на мнѣ! Но, взамѣнъ моего рѣшенія, я требую, чтобъ вы откровенно сказали мнѣ: какимъ образомъ вы все это устроите? Если вы начали такъ настойчиво говорить объ этомъ, то — я васъ знаю — вы не могли начать, не имѣя въ головѣ какого-нибудь опредѣленнаго плана. Будьте откровенны хоть разъ въ жизни; откровенность — непремѣнное условіе! Я не могу рѣшиться, не зная положительно, какъ вы все это сдѣлаете?

Марья Александровна была такъ озадачена неожиданнымъ заключеніемъ Зины, что нѣкоторое время стояла передъ ней, нѣмая и неподвижная отъ изумленія, и глядѣла на нее во всѣ глаза. Приготовившись воевать съ упорнымъ романтизмомъ своей дочери, суроваго благородства которой она постоянно боялась, она вдругъ слышитъ, что дочь совершенно согласна съ нею и готова на все, даже вопреки своимъ убѣжденіямъ! Слѣдственно, дѣло принимало необыкновенную прочность,—и радость засверкала въ глазахъ ея.

— Зиночка! воскликнула она въ увлеченіи, — Зиночка! Ты плоть и кровь моя!

Больше она ничего не могла выговорить и бросилась обнимать свою дочь.

— Ахъ, Боже мой! Я не прошу вашихъ объятій, маменька! вскричала Зина съ нетерпѣливымъ отвращеніемъ,— мнѣ не надо вашихъ восторговъ! Я требую отъ васъ отвѣта на мой вопросъ, и больше ничего.

— Но, Зина, вѣдь я люблю тебя! Я обожаю тебя, а ты меня отталкиваешь... вѣдь я для твоего же счастья стараюсь...

И непритворныя слезы заблистали въ глазахъ ея. Марья Александровна дѣйствительно любила Зину *по-своему*, а въ этотъ разъ, отъ удачи и отъ волненія, чрезвычайно расчувствовалась. Зина, несмотря на нѣкоторую ограниченность своего настоящаго взгляда на вещи, понимала, что мать ее любитъ и—тяготилась этой любовью. Ей даже было бы легче, если-бъ мать ее ненавидѣла...

— Ну, не сердитесь, маменька, я въ такомъ волненіи, сказала она, чтобъ успокоить ее.

— Не сержусь, не сержусь, мой ангельчикъ! защебетала Марья Александровна, мигомъ оживляясь, — вѣдь я и сама понимаю, что ты въ волненіи. Вотъ видишь, другъ мой, ты требуешь откровенности... Изволь, я буду откровенна, вполнѣ откровенна, увѣряю тебя! Только бы ты-то мнѣ вѣрила! И, во-первыхъ, скажу тебѣ, что вполнѣ опредѣленнаго плана, то-есть — во всѣхъ подробностяхъ, у меня еще нѣтъ. Зиночка, да и не можетъ быть; ты, какъ умная головка, поймешь — почему. Я даже предвижу нѣкоторыя затрудненія.. Вотъ и сейчасъ эта сорока натрещала мнѣ всякой всячины... (Ахъ, Боже мой! Спѣшить бы надо!). Видишь, я вполнѣ откровенна! Но, клянусь тебѣ, я достигну цѣли! прибавила она въ восторгѣ. — Увѣренность моя вовсе не поэзія, какъ ты давеча говорила, мой ангелъ; она основана на дѣлѣ. Она основана на совершенномъ слабоуміи князя,—а вѣдь это такая канва, по которой вышивай что угодно. Главное,—чтобъ не помѣшали! Да этимъ-ли дурамъ перехитрить меня! вскричала она, стукнувъ рукой по столу и сверкая глазами,— ужъ это мое дѣло! А для этого—всего нужнѣе какъ можно скорѣй начинать, даже, чтобъ сегодня и кончить все главное, если только возможно.

— Хорошо, маменька, только выслушайте еще одну... *откровенность*: знаете-ли, почему я такъ интересуюсь о вашемъ планѣ и не довѣряю ему? Потому что на себя не надѣюсь. Я сказала уже, что рѣшилась на эту низость; но если подробности вашего плана будутъ уже слишкомъ отвратительны, слишкомъ грязны, то объявляю вамъ, что я не выдержу и все брошу. Знаю, что это новая низость: рѣшиться на подлость и бояться грязи, въ которой она плаваетъ, но что дѣлать? Это непремѣнно такъ будетъ!..

— Но, Зиночка, какая же тутъ особенная подлость, mon ange? робко возразила было Марья Александровна.— Тутъ только одинъ выгодный бракъ, а вѣдь это всѣ дѣлаютъ! Только надобно съ этой точки взглянуть, и все очень благородно покажется...

— Ахъ, маменька, ради Бога не хитрите со мной! Вы видите, я на все, на все согласна! — ну, чего-жъ вамъ еще? Пожалуйста не бойтесь, если я называю вещи ихъ именами. Можетъ-быть, это теперь — единственное мое утѣшеніе.

И горькая улыбка показалась на губахъ ея.

— Ну, ну, хорошо, мой ангельчикъ, можно быть несогласными въ мысляхъ и все-таки взаимно уважать другъ друга. Только, если ты безпокоишься о подробностяхъ и боишься, что онѣ будутъ грязны, то предоставь всѣ эти хлопоты мнѣ; клянусь, что на тебя не брызнетъ ни капельки грязи. Я-ли захочу тебя компрометировать передъ всѣми? Положись только на меня, и все превосходно, преблагородно уладится, главное — преблагородно! Скандалу не будетъ никакого, а если и будетъ какой-нибудь маленькій, необходимый скандальчикъ, — такъ... какъ-нибудь!—Такъ вѣдь мы ужъ будемъ тогда далеко! Вѣдь ужъ здѣсь не останемся! Пусть ихъ кричатъ во все горло, наплевать на нихъ! Сами же будутъ завидовать. Да и стоитъ того, чтобъ о нихъ заботиться! Я даже удивляюсь тебѣ, Зиночка,—но ты не сердись на меня,—какъ это ты, съ твоей гордостью, ихъ боишься?

— Ахъ, маменька, я вовсе не ихъ боюсь! Вы совершенно меня не понимаете! отвѣчала раздражительно Зина.

— Ну, ну, душка, не сердись! Я только къ тому, что они сами каждый Божій день пакости строятъ, а тутъ ты всего-то какой-нибудь одинъ разочекъ въ жизни... да и что я, дура! Вовсе не пакость! Какая тутъ пакость? Напротивъ, это даже преблагородно. Я рѣшительно докажу тебѣ это, Зиночка. Во-первыхъ, повторяю, все оттого, съ какой точки зрѣнія смотрѣть...

— Да полноте, маменька, съ вашими доказательствами! съ гнѣвомъ вскрикнула Зина и нетерпѣливо топнула ногою.

— Ну, душка, не буду, не буду! Я опять завралась...

Наступило маленькое молчаніе. Марья Александровна смиренно ходила за Зиной и съ безпокойствомъ смотрѣла ей въ глаза, какъ маленькая, провинившаяся собачка смотритъ въ глаза своей барынѣ.

— Я даже не понимаю, какъ вы возьметесь за дѣло, съ отвращеніемъ продолжала Зина.—Я увѣрена, что вы наткнетесь на одинъ только стыдъ. Я презираю ихъ мнѣніе, но для васъ это будетъ позоромъ.

— О, если только это тебя безпокоитъ, мой ангелъ,— пожалуйста не безпокойся! Прошу тебя, умоляю тебя! Только бы мы согласились, а обо мнѣ не безпокойся. Охъ, если-бъ ты только знала, изъ какихъ я передрягъ суха выходила? Такія-ли дѣла мнѣ случалось обдѣлывать! Ну, да позволь хоть только попробовать! Во вся-

комъ случаѣ, прежде всего, нужно какъ можно скорѣе быть наединѣ съ княземъ. Это самое первое! А все остальное будетъ зависѣть отъ этого! Но ужъ я предчувствую и остальное. Они всѣ возстанутъ, но... это ничего! Я ихъ сама отдѣлаю! Пугаетъ меня еще Мозгляковъ....

— Мозгляковъ? съ презрѣніемъ проговорила Зина.

— Ну, да, Мозгляковъ: только ты не бойся, Зиночка! Клянусь тебѣ, я его до того доведу, что онъ же будетъ намъ помогать! Ты еще не знаешь меня, Зиночка! Ты еще не знаешь, какая я на дѣлѣ! Ахъ, Зиночка, душенька! Давеча, какъ я услышала объ этомъ князѣ, у меня ужъ и загорѣлась мысль въ головѣ! Меня какъ будто разомъ всю освѣтило. И кто-жъ, и кто-жъ могъ ожидать, что онъ къ намъ прѣдетъ? Да вѣдь въ тысячу лѣтъ не будетъ такой оказіи! Зиночка! Ангельчикъ! Не въ томъ безчестіе, что ты выйдешь за старика и кальку, а въ томъ, если выйдешь за такого, котораго терпѣть не можешь, а между тѣмъ *дѣйствительно* будешь женой его! А вѣдь князю ты не будешь настоящей женой. Это вѣдь и не бракъ! Это просто домашній контрактъ! Вѣдь ему-жъ, дураку, будетъ выгода,—ему же, дураку, даютъ такое неоцѣненное счастье! Ахъ, какая ты сегодня красавица, Зиночка! Раскрасавица, а не красавица! Да я бы, если-бъ была мужчиной, я бы тебѣ полцарства достала, если-бъ ты захотѣла! Ослы они всѣ! Ну, какъ не поцѣловать эту ручку?—И Марья Александровна горячо поцѣловала руку у дочери.—Вѣдь это мое тѣло, моя плоть, моя кровь! Да хоть насильно женить его, дурака! А какъ заживемъ-то мы съ тобой, Зиночка! Вѣдь ты не прогонишь свою мать, какъ въ счастье попадешь? Мы хоть и ссорились, мой ангельчикъ, а все-таки у тебя не было такого друга, какъ я; все-таки...

— Маменька! Если ужъ вы рѣшились, то, можетъ-быть, вамъ пора... что-нибудь и дѣлать. Вы здѣсь только время теряете! въ нетерпѣніи сказала Зина.

— Пора, пора, Зиночка, пора! Ахъ! Я заболталась! схватилась Марья Александровна.—Онѣ тамъ хотятъ совсѣмъ сманить князя. Сейчасъ же я сажусь и ѣду! Подъѣду, вызову Мозгликова, а тамъ... Да я его силой увезу, если надо! Прощай, Зиночка, прощай, голубчикъ, не тужи, не сомнѣвайся, не грусти, главное—не грусти! Все прекрасно, преблагородно обдѣлается! Главное, съ какой точки смотрѣть... ну, прощай, прощай!..

Марья Александровна перекрестила Зину, выскочила изъ комнаты, съ минутку повертѣлась у себя передъ зеркаломъ, а черезъ двѣ минуты катилась по мордасовскимъ улицамъ въ своей каретѣ на полозьяхъ, которая ежедневно запрягалась около этого часу, въ случаѣ выѣзда. Марья Александровна жила en grand.

„Нѣтъ, не вамъ перехитрить меня! думала она, сидя въ своей каретѣ.—Зина согласна, значитъ, половина дѣла сдѣлана, и тутъ—оборваться! Вздоръ! Ай-да Зина! Согласилась-таки, наконецъ! Значитъ, и на твою головку дѣйствуютъ иные расчетцы! Перспективу-то я выставила ей заманчивую! Тронула! Но, только ужасъ, какъ она хороша сегодня! Да я бы, съ ея красотой, полъ-Европы перевернула по-своему! Ну, да подождемъ... Шекспиръ-то слетитъ, когда княгиней сдѣлается, да кой съ чѣмъ познакомится. Что она знаетъ? Мордасовъ, да своего учителя!.. Гм... Только какая же она будетъ княгиня! Люблю я въ ней эту гордость, смѣлость, недоступная какая! Взглянетъ—королева взглянула. Ну, какъ, ну, какъ не понимать своей выгоды? Поняла-жъ, наконецъ! Пойметъ и остальное... Я вѣдь все-таки буду при ней! Согласится же, наконецъ, со мной во всѣхъ пунктахъ! А безъ меня не обойдется! Я сама буду княгиня, меня и въ Петербургѣ узнаютъ. Прощай, городишко! Умретъ этотъ князь, умретъ этотъ мальчишка, и тогда я ее за владѣтельнаго принца выдамъ! Одного боюсь: не слишкомъ-ли я ей довѣрилась? Не слишкомъ-ли откровенничала; не слишкомъ-ли я расчувствовалась? Пугаетъ она меня, охъ, пугаетъ!“

И Марья Александровна погрузилась въ свои размышленія. Нечего сказать, они были хлопотливы. Но вѣдь говорится же, что охота пуще неволи.

Оставшись одна, Зина долго ходила взадъ и впередъ по комнатѣ, сложивъ руки, задумавшись. О многомъ она передумала. Часто и почти безсознательно повторяла она: „пора, пора, давно пора!“ Что значило это отрывочное восклицаніе? Не разъ слезы блистали на ея длинныхъ, шелковистыхъ рѣсницахъ. Она не думала отирать ихъ, останавливать. Но напрасно безпокоилась ея маменька и старалась проникнуть въ мысли своей дочери: Зина совершенно рѣшилась и приготовилась ко всѣмъ послѣдствіямъ...

„Постой же! думала Настасья Петровна, выбираясь изъ своего чуланчика, по отъѣздѣ полковницы.—А я было и

бантикъ розовый хотѣла приколоть для этого князишки. И повѣрила же, дура, что онъ на мнѣ женится! Вотъ тебѣ и бантикъ! А, Марья Александровна! Я у васъ чумичка, я нищая, я взятки по двѣсти цѣлковыхъ беру. Еще бы съ тебя упустить, не взять, франтиха ты этакая! Я взяла благороднымъ образомъ; я взяла на сопряженные съ дѣломъ расходы... Можетъ, мнѣ самой пришлось бы взятку дать! Тебѣ какое дѣло, что я не побрезгала, своими руками замокъ взломала? Для тебя же работала, бѣлоручка ты этакая! Тебѣ бы только по канвѣ вышивать! Погоди-жъ, я тебѣ покажу канву. Я покажу вамъ обѣимъ, какова я чумичка! Узнаете Настасью Петровну и всю ея кротость!“

ГЛАВА VII.

Но Марью Александровну увлекалъ ея геній. Она замыслила великій и смѣлый проектъ. Выдать дочь за богача, за князя и за калѣку, выдать украдкой отъ всѣхъ, воспользовавшись слабоуміемъ и беззащитностью своего гостя, выдать воровскимъ образомъ, какъ сказали бы враги Марьи Александровны,—было не только смѣло, но даже и дерзко. Конечно, проектъ былъ выгоденъ, но, въ случаѣ неудачи, покрывалъ изобрѣтательницу необыкновеннымъ позоромъ. Марья Александровна это знала, но не отчаивалась. „Изъ такихъ-ли передрягъ я суха выходила!“ говорила она Зинѣ, и говорила справедливо. Не то какая-жъ бы она была героиня.

Безспорно, что все это походило нѣсколько на разбой на большой дорогѣ; но Марья Александровна и на это не слишкомъ-то обращала вниманіе. На этотъ счетъ у ней была одна удивительно вѣрная мысль: „обвѣнчаютъ, такъ ужъ не развѣнчаются“,—мысль простая, но соблазнявшая воображеніе такими необыкновенными выгодами, что Марью Александровну, отъ одного уже представленія этихъ выгодъ, бросало въ дрожь и кололо мурашками. Вообще, она была въ ужасномъ волненіи и сидѣла въ своей каретѣ, какъ на иголкахъ. Какъ женщина вдохновенная, одаренная несомнѣннымъ творчествомъ, она уже успѣла создать планъ своихъ дѣйствій. Но планъ этотъ былъ составленъ вчернѣ, вообще en grand, и еще какъ-то тускло просвѣчивалъ передъ нею. Предстояла бездна подробностей и разныхъ непредвидимыхъ случаевъ. Но Марья Александровна была увѣрена въ себѣ: она волновалась

не страхомъ неудачи,—нѣтъ! Ей хотѣлось только поскорѣе начать, поскорѣе въ бой. Нетерпѣніе, благородное нетерпѣніе сожигало ее при мысли о задержкахъ и остановкахъ. Но, сказавъ о задержкахъ, мы попросимъ позволенія нѣсколько пояснить нашу мысль. Главную бѣду предчувствовала и ожидала Марья Александровна отъ благородныхъ своихъ согражданъ, мордасовцевъ, и, преимущественно, отъ благороднаго общества мордасовскихъ дамъ. Она на опытѣ знала всю ихъ непримиримую къ себѣ ненависть. Она, напримѣръ, твердо знала, что въ городѣ въ настоящую минуту, можетъ-быть, уже знаютъ все изъ ея намѣреній, хотя объ нихъ еще никто никому не разсказывалъ. Она знала, по неоднократному печальному опыту, что не было случая, даже самаго секретнаго въ ея домѣ, который, случившись утромъ, не былъ бы уже извѣстенъ къ вечеру послѣдней торговкѣ на базарѣ, послѣднему сидѣльцу въ лавкѣ. Конечно, Марья Александровна еще только предчувствовала бѣду, но такія предчувствія никогда ее не обманывали. Не обманывалась она и теперь. Вотъ что случилось на самомъ дѣлѣ и чего еще не знала она положительно. Около полудня, то-есть ровно черезъ три часа по пріѣздѣ князя въ Мордасовъ, по городу распространились странные слухи. Гдѣ начались они—неизвѣстно, но разошлись они почти мгновенно. Всѣ вдругъ стали увѣрять другъ друга, что Марья Александровна уже просватала за князя свою Зину, свою безприданную, двадцатитрехлѣтнюю Зину; что Мозгляковъ въ отставкѣ и что все это уже рѣшено и подписано. Что было причиною такихъ слуховъ? Неужели всѣ до такой степени знали Марью Александровну, что разомъ попали въ самое сердце ея завѣтныхъ мыслей и идеаловъ? Ни несообразность такого слуха съ обыкновеннымъ порядкомъ вещей, потому что такія дѣла очень рѣдко могутъ обдѣлываться въ одинъ часъ, ни очевидная неосновательность такого извѣстія, потому что никто не могъ добиться откуда оно началось, — не могли разувѣрить мордасовцевъ. Слухъ разрастался и укоренялся съ необыкновеннымъ упорствомъ. Всего удивительнѣе, что онъ началъ распространяться именно въ то самое время, когда Марья Александровна приступила къ своему давешнему разговору съ Зиною объ этомъ же самомъ предметѣ. Таково-то чутье провинціаловъ! Инстинктъ провинціальныхъ вѣстовщиковъ доходитъ иногда до чудеснаго и, разумѣет-

ся, тому есть причины. Онъ основанъ на самомъ близкомъ, интересномъ и многолѣтнемъ изученіи другъ друга. Всякій провинціалъ живетъ какъ будто подъ стекляннымъ колпакомъ. Нѣтъ рѣшительно никакой возможности хоть что-нибудь скрыть отъ своихъ почтенныхъ согражданъ. Васъ знаютъ наизусть, знаютъ даже то, чего вы сами про себя не знаете. Провинціалъ уже по натурѣ своей, кажется, долженъ бы быть психологомъ и сердцевѣдомъ. Вотъ почему я иногда искренно удивлялся, весьма часто встрѣчая въ провинціи, вмѣсто психологовъ и сердцевѣдовъ, чрезвычайно много ословъ. Но это въ сторону; это мысль лишняя. Вѣсть была громовая. Бракъ съ княземъ казался всякому до того выгоднымъ, до того блистательнымъ, что даже странная сторона этого дѣла никому не бросалась въ глаза. Замѣтимъ еще одно обстоятельство: Зину ненавидѣли почти еще больше Марьи Александровны,—за что?—неизвѣстно. Можетъ быть, красота Зины была отчасти тому причиною. Можетъ быть, и то, что Марья Александровна все-таки была какъ-то своя всѣмъ мордасовцамъ, *своего поля ягода*. Исчезни она изъ города и — кто знаетъ?—объ ней бы, можетъ быть, пожалѣли. Она оживляла общество безпрерывными исторіями. Безъ нея было бы скучно. Напротивъ того, Зина держала себя такъ, какъ будто жила въ облакахъ, а не въ городѣ Мордасовѣ. Была она этимъ людямъ какъ-то не пара, не ровня и, можетъ быть, сама не замѣчая того, вела себя передъ ними невыносимо надменно! И вдругъ теперь эта же самая Зина, про которую даже ходили скандалезныя исторіи, это надменная, эта гордячка Зина становится милліонеркой, княгиней, войдетъ въ знать. Года черезъ два, когда овдовѣетъ, выйдетъ за какого-нибудь герцога, можетъ быть, даже за генерала: чего добраго — пожалуй, еще за губернатора (а мордасовскій губернаторъ, какъ нарочно, вдовецъ и чрезвычайно нѣженъ къ женскому полу). Тогда она будетъ первая дама въ губерніи, и разумѣется, одна эта мысль уже была невыносима и никогда никакая вѣсть не возбудила бы такого негодованія въ Мордасовѣ, какъ вѣсть о выходѣ Зины за князя. Мгновенно поднялись яростные крики со всѣхъ сторонъ. Кричали, что это грѣшно, даже подло; что старикъ не въ своемъ умѣ; что старика обманули, надули, облапошили, пользуясь его слабоуміемъ; что старика надо спасти отъ кровожадныхъ когтей; что это, наконецъ, разбой и без-

нравственность, что, наконецъ, чѣмъ же другія хуже Зины? И другія могли бы точно-также выйти за князя. Всѣ эти толки и возгласы Марья Александровна еще только предполагала, но для нея довольно было и этого. Она твердо знала, что всѣ, рѣшительно всѣ, готовы будутъ употребить все, что̀ возможно и что̀ даже невозможно, чтобъ воспрепятствовать ея намѣреніямъ. Вѣдь хотятъ же теперь конфисковать князя, такъ что приходится его возвращать чуть не съ бою. Наконецъ, хотя и удастся поймать и заманить князя обратно, нельзя же будетъ держать его вѣчно на привязи. Наконецъ, кто поручится, что сегодня, что черезъ два же часа, весь торжественный хоръ мордасовскихъ дамъ не будетъ въ ея салонѣ, да еще подъ такимъ предлогомъ, что невозможно будетъ и отказать? Откажи въ дверь, войдутъ въ окно: случай почти невозможный, но бывавшій въ Мордасовѣ. Однимъ словомъ, нельзя было терять ни на часъ, ни на каплю времени, а между тѣмъ дѣло было еще и не начато. Вдругъ геніальная мысль блеснула и мгновенно созрѣла въ головѣ Марьи Александровны. Объ этой новой идеѣ мы не забудемъ сказать въ своемъ мѣстѣ. Скажемъ только теперь, что, въ эту минуту, наша героиня летѣла по мордасовскимъ улицамъ, грозная и вдохновенная, рѣшившись даже на настоящій бой, если-бъ только представилась надобность, чтобъ овладѣть княземъ обратно. Она еще не знала, какъ это сдѣлается и гдѣ она встрѣтитъ его, но зато она знала навѣрно, что скорѣе Мордасовъ провалится сквозь землю, чѣмъ не исполнится хоть одна іота изъ теперешнихъ ея замысловъ.

Первый шагъ удался какъ нельзя лучше. Она успѣла перехватить князя на улицѣ и привезла къ себѣ обѣдать. Если спросятъ: какимъ образомъ, несмотря на всѣ козни враговъ, ей удалось-таки настоять на своемъ и оставить Анну Николаевну съ довольно большимъ носомъ? — то я обязанъ объявить, что считаю такой вопросъ даже обиднымъ для Марьи Александровны. Ей-ли не одержать побѣду надъ какой-нибудь Анной Николаевной Антиповой? Она просто арестовала князя, уже подъѣзжавшаго къ дому ея соперницы и, несмотря ни на что, а вмѣстѣ съ тѣмъ и на доводы самого Мозглякова, испугавшагося скандалу, пересадила старичка въ свою карету. Тѣмъ-то и отличалась Марья Александровна отъ своихъ соперницъ, что въ рѣшительныхъ случаяхъ не задумывалась даже передъ

скандаломъ, принимая за аксіому, что успѣхъ все оправдываетъ. Разумѣется, князь не оказалъ значительнаго сопротивленія и, по своему обыкновенію, очень скоро забылъ обо всемъ и остался очень доволенъ. За обѣдомъ онъ болталъ безъ умолку, былъ чрезвычайно веселъ, острилъ, каламбурилъ, разсказывалъ анекдоты, которые не доканчивалъ, или съ одного перескакивалъ на другой, самъ не замѣчая того. У Натальи Дмитріевны онъ выпилъ три бокала шампанскаго. За обѣдомъ онъ выпилъ еще и закружился окончательно. Тутъ ужъ подливала сама Марья Александровна. Обѣдъ былъ очень порядочный. Извергъ Никитка не подгадилъ. Хозяйка оживляла общество самой очаровательной любезностью. Но остальные присутствующіе, какъ нарочно, были необыкновенно скучны. Зина была какъ-то торжественно молчалива. Мозгляковъ былъ видимо не въ своей тарелкѣ и мало ѣлъ. Онъ объ чемъ-то думалъ и, такъ какъ это случалось съ нимъ довольно рѣдко, то Марья Александровна была въ большомъ безпокойствѣ. Настасья Петровна сидѣла угрюмая и даже, украдкой, дѣлала Мозлякову какіе-то странные знаки, которыхъ тотъ совершенно не примѣчалъ. Не будь очаровательно-любезной хозяйки, обѣдъ походилъ бы на похороны.

А между тѣмъ Марья Александровна была въ невыразимомъ волненіи. Одна уже Зина пугала ее ужасно своимъ грустнымъ видомъ и заплаканными глазами. А тутъ и еще затрудненіе: надо спѣшить, торопиться, а этотъ „проклятый Мозгляковъ“ сидитъ себѣ, какъ болванъ, которому мало заботы, и только мѣшаетъ! Вѣдь нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, начинать такое дѣло при немъ! Марья Александровна встала изъ-за стола въ страшномъ безпокойствѣ. Каково же было ея изумленіе, радостный испугъ, если можно такъ выразиться, когда Мозгляковъ, только что встали изъ-за стола, самъ подошелъ къ ней и вдругъ совсѣмъ неожиданно объявилъ, что ему, — разумѣется, къ его величайшему сожалѣнію,—необходимо сейчасъ же отправиться.

— Куда это? спросила съ необыкновеннымъ соболѣзнованіемъ Марья Александровна.

— Вотъ видите, Марья Александровна, началъ Мозгляковъ съ безпокойствомъ и даже нѣсколько путаясь,—со мной случилась престранная исторія. Я ужъ и не знаю какъ вамъ сказать... дайте мнѣ, ради Бога, совѣтъ!

— Что, что такое?

— Крестный отецъ мой, Бородуевъ. вы знаете,—тотъ купецъ... встрѣтился сегодня со мной. Старикъ рѣшительно сердится, упрекаетъ, говоритъ мнѣ, что я загордился. Вотъ уже третій разъ я въ Мордасовѣ, а къ нему и носу не показалъ.—„Пріѣзжай, говоритъ, сегодня на чай".—Теперь ровно четыре часа, а чай онъ пьетъ по-старинному, какъ проспется, въ пятомъ часу. Что мнѣ дѣлать? Оно, Марья Александровна, конечно,—но подумайте! Вѣдь онъ моего отца-покойника отъ петли избавилъ, когда тотъ казенныя деньги проигралъ. Онъ и крестилъ-то меня по этому случаю. Если состоится мой бракъ съ Зинаидой Аѳанасьевной, у меня все-таки только полтораста душъ. А вѣдь у него милліонъ, люди говорятъ, даже больше. Бездѣтенъ. Угодишь ему—сто тысячъ по духовной оставитъ. Семьдесятъ лѣтъ,—подумайте!

— Ахъ, Боже мой! Такъ что-жъ это вы! Что же вы медлите? вскричала Марья Александровна, едва скрывая свою радость.—Поѣзжайте, поѣзжайте! Этимъ нельзя шутить. То-то я смотрю за обѣдомъ—вы такой скучный! Поѣзжайте, mon ami, поѣзжайте! Да вамъ бы слѣдовало давеча утромъ съ визитомъ отправиться, показать, что вы дорожите, что вы цѣните его ласку! Ахъ, молодежь, молодежь!

— Да вѣдь вы же сами, Марья Александровна, въ изумленіи вскричалъ Мозгляковъ,—вы же сами нападали на меня за это знакомство! Вѣдь вы же говорили, что онъ мужикъ, борода, въ роднѣ съ кабаками, съ подвальными, да повѣренными?

— Ахъ, mon ami! Мало-ли мы что говоримъ необдуманнаго! Я тоже могу ошибиться, я—не святая. Я, впрочемъ, не помню, но я могла быть въ такомъ расположеніи духа... Наконецъ, вы тогда еще не сватались къ Зиночкѣ... Конечно, это эгоизмъ съ моей стороны, но теперь я поневолѣ должна смотрѣть съ другой точки зрѣнія, и—какая мать можетъ обвинить меня въ этомъ случаѣ? Поѣзжайте, ни минуты не медлите! Даже вечеръ у него посидите... да послушайте! Заговорите какъ-нибудь обо мнѣ. Скажите, что я его уважаю, люблю. почитаю, да этакъ половчѣе, получше! Ахъ, Боже мой! И у меня вѣдь это изъ головы вышло! Мнѣ бы надо самой догадаться васъ надоумить!

— Воскресили вы меня, Марья Александровна! вскри-

чалъ восхищенный Мозгляковъ.—Теперь, клянусь, буду во всемъ васъ слушаться! А то вѣдь я вамъ просто боялся сказать!.. Ну, прощайте, я и въ путь! Извините меня передъ Зинаидой Ѳанасьевной. Впрочемъ, непремѣнно сюда...

— Благословляю васъ, mon ami! Смотрите же, обо мнѣ-то поговорите съ нимъ! Онъ дѣйствительно премилый старичокъ. Я давно уже перемѣнила о немъ мои мысли... Я и всегда, впрочемъ, любила въ немъ все это старинное русское, неподдѣльное... Au revoir, mon ami, au revoir!

„Да какъ это хорошо, что его чортъ несетъ! Нѣтъ, это самъ Богъ помогаетъ!“ подумала она, задыхаясь отъ радости.

Павелъ Александровичъ вышелъ въ переднюю и надѣвалъ уже шубу, какъ вдругъ, откуда ни возьмись, Настасья Петровна. Она поджидала его.

— Куда вы? сказала она, удерживая его за руку.

— Къ Бородуеву, Настасья Петровна! Крестный отецъ мой; удостоился меня крестить... Богатый старикъ, оставитъ что-нибудь, надо польстить!..

Павелъ Александровичъ былъ въ превосходнѣйшемъ расположеніи духа.

— Къ Бородуеву! Ну, такъ и проститесь съ невѣстою, рѣзко сказала Настасья Петровна.

— Какъ такъ, „проститесь“?

— Да такъ! Вы думали, она ужъ и ваша! А вонъ ее за князя выдавать хотятъ. Сама слышала.

— За князя? Помилосердуйте, Настасья Петровна!

— Да чего, помилосердуйте! Вотъ, не угодно-ли самимъ посмотрѣть и послушать? Бросьте-ка шубу, подите-ка сюда!

Ошеломленный Павелъ Александровичъ бросилъ шубу и на цыпочкахъ отправился за Настасьей Петровной. Она привела его въ тотъ самый чуланчикъ, откуда утромъ подглядывала и подслушивала.

— Но помилуйте, Настасья Петровна, я рѣшительно ничего не понимаю!..

— А вотъ поймете, какъ нагнетесь и послушаете. Комедія вѣрно сейчасъ начнется.

— Какая комедія?

— Тс! Не говорите громко! Комедія въ томъ, что васъ просто надуваютъ. Давеча, какъ вы отправились съ княземъ, Марья Александровна цѣлый часъ уговаривала Зину

выйти замужъ за этого князя, говорила, что нѣтъ ничего легче его облапошить и заставить жениться, и такіе крючки выводила, что даже мнѣ тошно стало. Я все отсюда подслушала. Зина согласилась. Какъ онѣ васъ-то обѣ честили! Просто за дурака почитаютъ, а Зина прямо сказала, что ни за что не выйдетъ за васъ. Я-то дура! Красный бантикъ приколоть хотѣла! Послушайте-ка, послушайте-ка!

— Да вѣдь это безбожнѣйшее коварство, если такъ! прошепталъ Павелъ Александровичъ, глупѣйшимъ образомъ смотря въ глаза Настасьѣ Петровнѣ.

— Да вы только послушайте, и не то еще услышите.

— Да гдѣ же слушать?

— Да вотъ нагнитесь, вотъ въ эту дырочку...

— Но, Настасья Петровна, я... я неспособенъ подслушивать...

— Экъ, когда хватились! Тутъ, батюшка, честь-то въ карманъ; пришли, такъ ужъ слушайте!

— Но, однакоже...

— А не способны, такъ и оставайтесь съ носомъ! Васъ же жалѣютъ, а онъ куражится. Мнѣ что? Вѣдь я не для себя. Я и до вечера здѣсь не останусь!

Павелъ Александровичъ, скрѣпя сердце, нагнулся къ щелочкѣ. Сердце его билось, въ вискахъ стучало. Онъ почти не понималъ, что съ нимъ происходитъ.

ГЛАВА VIII.

— Такъ вамъ очень было весело, князь, у Натальи Дмитріевны? спросила Марья Александровна, плотоядным взглядомъ окидывая поле предстоящей битвы и желая самымъ невиннымъ образомъ начать разговоръ. Сердце ея билось отъ волненія и ожиданія.

Послѣ обѣда, князя тотчасъ же перевели въ „салонъ“, въ которомъ принимали его утромъ. Всѣ торжественные случаи и пріемы происходили у Марьи Александровны въ этомъ самомъ салонѣ. Она гордилась этой комнатой. Старичокъ, съ шести бокаловъ, какъ-то весь раскисъ и не крѣпко держался на ногахъ. Зато болталъ безъ умолку. Болтовня въ немъ даже усилилась. Марья Александровна понимала, что эта вспышка минутная и что отяжелѣвшему гостю скоро захочется спать. Надо было ловить минуту. Оглядѣвъ поле битвы, она съ наслажденіемъ замѣтила, что сластолюбивый старичокъ какъ-то особенно лакомо

поглядывалъ на Зину, и родительское сердце ея затрепетало отъ радости.

— Чрез-вы-чайно весело, отвѣчалъ князь; — и, знаете, без-по-добнѣй-шая женщина, Наталья Дмитріевна, без-по-добнѣй-шая женщина!

Какъ ни занята была Марья Александровна своими великими планами, но такая звонкая похвала сопернице уколола ее въ самое сердце.

— Помилуйте, князь! вскричала она, сверкая глазами.—Если ужъ ваша Наталья Дмитріевна безподобная женщина, такъ ужъ я и не знаю, что послѣ этого! Но послѣ этого вы совершенно не знаете здѣшняго общества, совершенно не знаете! Вѣдь это только одна выставка своихъ небывалыхъ достоинствъ, своихъ благородныхъ чувствъ, одна комедія, одна наружная золотая кора. Приподымите эту кору, и вы увидите цѣлый адъ подъ цвѣтами; цѣлое осиное гнѣздо, гдѣ васъ съѣдятъ и косточекъ не оставятъ!

— Неужели? воскликнулъ князь.—Удивляюсь!

— Но я клянусь вамъ въ этомъ! Ah, mon prince. Послушай, Зина, я должна, я обязана разсказать князю это смѣшное и низкое происшествіе съ этой Натальей, на прошлой недѣлѣ,—помнишь? Да, князь,—это про ту самую вашу хваленую Наталью Дмитріевну, которою вы такъ восхищаетесь. О, милѣйшій мой князь! Клянусь, я не сплетница! Но я непремѣнно разскажу это, единственно для того, чтобъ разсмѣшить, чтобъ показать вамъ въ живомъ образчикѣ, такъ сказать, въ оптическое стекло, что здѣсь за люди? Двѣ недѣли назадъ, пріѣзжаетъ ко мнѣ эта Наталья Дмитріевна. Подали кофе, а я зачѣмъ-то вышла. Я очень хорошо помню, сколько у меня осталось сахару въ серебряной сахарницѣ: она была совершенно полна. Возвращаюсь, смотрю: лежатъ на донышкѣ только три кусочка. Кромѣ Натальи Дмитріевны въ комнатѣ никого не оставалось. Какова! У ней свой каменный домъ и денегъ безсчетно! Этотъ случай смѣшной, комическій, но судите послѣ этого о благородствѣ здѣшняго общества?

— Не-у-же-ли! воскликнулъ князь, искренно удивляясь.—Какая, однакоже, неестественная жадность! Неужели-жъ она все одна съѣла?

— Такъ вотъ какая она *безподобнѣйшая* женщина, князь! Какъ вамъ нравится этотъ позорный случай? Да

я бы, кажется, умерла въ ту же минуту, въ которую бы рѣшилась на такой отвратительный поступокъ?

— Ну да, да... Только, знаете, она все-таки такая belle femme.

— Наталья-то Дмитріевна! Помилуйте, князь, да это просто кадушка! Ахъ, князь, князь! Что это вы сказали! Я ожидала въ васъ гораздо поболѣе вкуса...

— Ну да, кадушка... только, знаете, она такъ сложена... Ну, а эта дѣвочка, которая тан-цо-ва-ла, она тоже... сложена...

— Соничка-то? Да вѣдь она еще ребенокъ, князь! Ей всего четырнадцать лѣтъ!

— Ну да... только, знаете, такая ловкая, и у ней тоже... такія формы... формируются. Ми-лень-кая такая! И другая, что съ ней тан-цо-ва-ла, тоже... формируется...

— Ахъ, это—несчастная сирота, князь! Они ее часто берутъ.

— Си-ро-та! Грязная, впрочемъ, такая, хоть бы руки вымыла... А, впрочемъ, тоже за-ман-чи-вая...

Говоря это, князь съ какою-то возрастающею жадностью разсматривалъ Зину въ лорнетъ.

— Mais quelle charmante personne! бармоталъ онъ вполголоса, тая отъ наслажденія.

— Зина, сыграй намъ что-нибудь, или нѣтъ, лучше спой! Какъ она поетъ, князь! Она, можно сказать, виртуозка, настоящая виртуозка! И если-бъ вы знали, князь, продолжала Марья Александровна вполголоса, когда Зина отошла къ роялю, ступая своею тихою, плавною поступью, отъ которой чуть не покоробило бѣднаго старичка,—если-бъ вы знали, какая она дочь! Какъ она умѣетъ любить, какъ нѣжна со мной! Какія чувства, какое сердце!

— Ну да... чувства... и, знаете-ли, я только одну женщину зналъ, во всю мою жизнь, съ которой она могла бы сравниться по кра-со-тѣ, перебилъ князь, глотая слюнки.—Это покойная графиня Наинская, умерла лѣтъ тридцать тому назадъ. Вос-хи-ти-тельная была женщина, неописанной красоты, потомъ еще за своего повара вышла...

— За своего повара, князь!

— Ну да, за своего повара... за француза, за границей. Она ему за гра-ни-цей графскій титулъ доставила. Видный былъ собой человѣкъ и чрезвычайно образованный, съ маленькими такими у-си-ка-ми.

— И... и... какъ же они жили, князь?

— Ну да, они хорошо жили. Впрочемъ, они скоро потомъ разошлись. Онъ ее обобралъ и уѣхалъ. За какой-то соусъ поссорились...

— Маменька, что мнѣ играть? спросила Зина.

— Да ты бы лучше спѣла намъ, Зина. Какъ она поетъ, князь! Вы любите музыку?

— О, да! Charmant, charmant! Я очень люблю музыку. Я за границей съ Бетховеномъ былъ знакомъ.

— Съ Бетховеномъ! Вообрази, Зина, князь былъ знакомъ съ Бетховеномъ, кричитъ въ восторгѣ Марья Александровна.—Ахъ, князь! Неужели вы были знакомы съ Бетховеномъ?

— Ну да... мы были съ нимъ на дру-жес-кой но-гѣ. И вѣчно у него носъ въ табакѣ. Такой смѣшной!

— Бетховенъ?

— Ну да, Бетховенъ. Впрочемъ, можетъ быть, это и не Бет-хо-венъ, а какой-нибудь другой нѣ-мецъ. Тамъ очень много нѣмцевъ... Впрочемъ, я, кажется, сби-ва-юсь.

— Что же мнѣ пѣть, маменька? спросила Зина.

— Ахъ, Зина! Спой тотъ романсъ, въ которомъ, помнишь, такъ много рыцарскаго, гдѣ еще эта владѣтельница замка и ея трубадуръ... Ахъ, князь! Какъ я люблю все это рыцарское! Эти замки, замки! Эта средневѣковая жизнь! Эти трубадуры, герольды, турниры... Я буду аккомпанировать тебѣ, Зина. Пересядьте сюда, князь, поближе! Ахъ, эти замки-замки!

— Ну да... замки. Я тоже люблю замки, бормочетъ князь въ восторгѣ, впиваясь въ Зину единственнымъ своимъ глазомъ.—Но... Боже мой! воскликнулъ онъ,—это романсъ!.. Но... я знаю этотъ ро-мансъ! Я давно уже слышалъ этотъ романсъ... Это такъ мнѣ на-по-ми-наетъ... Ахъ, Боже мой!

Я не берусь описывать, что сдѣлалось съ княземъ, когда запѣла Зина. Пѣла она старинный французскій романсъ, бывшій когда-то въ большой модѣ. Зина пѣла его прекрасно. Ея чистый, звучный контральто проникалъ до сердца. Ея прекрасное лицо, чудные глаза, ея точеные дивные пальчики, которыми она перелорачивала ноты, ея волосы, густые, черные, блестящіе, волнующаяся грудь, вся фигура ея, гордая, прекрасная, благородная,—все это околдовало бѣднаго старичка окончательно. Онъ не отрывалъ отъ нея глазъ, когда она пѣла, онъ захлебывался

отъ волненія. Его старческое сердце, подогрѣтое шампанскимъ, музыкой и воскреснувшими воспоминаніями (а у кого нѣтъ любимыхъ воспоминаній?)—стучало чаще и чаще, какъ уже давно не билось оно... Онъ готовъ былъ опуститься на колѣни передъ Зиной и почти плакалъ, когда она кончила.

— О, ma charmante enfant! вскричалъ онъ, цѣлуя ея пальчики,—vous me ravissez! Я теперь, теперь только вспомнилъ... Но... но... o, ma charmante enfant...

И князь даже не могъ докончить.

Марья Александровна почувствовала, что наступила ея минута.

— Зачѣмъ же вы губите себя, князь? воскликнула она торжественно.—Столько чувства, столько жизненной силы, столько богатствъ душевныхъ, и зарыться на всю жизнь въ уединеніе! Убѣжать отъ людей, отъ друзей! Но это непростительно! Одумайтесь, князь! Взгляните на жизнь, такъ сказать, яснымъ окомъ! Воззовите изъ сердца своего воспоминанія прошедшаго,—воспоминанія золотой вашей молодости, золотыхъ, беззаботныхъ дней;—воскресите ихъ, воскресите себя! Начните опять жить въ обществѣ межъ людей! Поѣзжайте за границу, въ Италію, въ Испанію—въ Испанію, князь!.. Вамъ нужно руководителя, сердце, которое бы любило, уважало васъ, вамъ сочувствовало? Но у васъ есть друзья! Позовите ихъ, кликните ихъ, и они прибѣгутъ толпами! Я первая брошу все и прибѣгу на вашъ вызовъ. Я помню нашу дружбу, князь; я брошу мужа и пойду за вами... и даже, если-бъ я была еще моложе, если-бъ я была такъ же хороша и прекрасна, какъ дочь моя, я бы стала вашей спутницей, подругой, женой вашей, если-бъ вы того захотѣли!

— И я увѣренъ, что вы были une charmante personne въ свое вре-мя, проговорилъ князь, сморкаясь въ платокъ. Глаза его были омочены слезами.

— Мы живемъ въ нашихъ дѣтяхъ, князь, съ высокимъ чувствомъ отвѣчала Марья Александровна.—У меня тоже есть свой ангелъ-хранитель! И это—она, моя дочь, подруга моихъ мыслей, моего сердца, князь! Она отвергла уже семь предложеній, не желая разставаться со мною.

— Стало-быть, она съ вами поѣдетъ, когда вы бу-дете со-про-вож-дать меня за границу? Въ такомъ случаѣ, я непремѣнно поѣду за границу, вскричалъ князь, одуше-

(Окончаніе будетъ въ слѣдующей книгѣ).

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

Ѳ. М. Достоевскаго.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ.

Безплатное приложеніе къ журналу „НИВА“ на 1894 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1894.

Дозволено цензурою. СПБ. 22 февраля 1894 г.

Типографія А. Ф. МАРКСА, Средняя Подъяческая, д. № 1.

кланяясь.— Неп-ре-мѣнно пойду! И если-бъ я могъ льстить себя на-деж-дою... Но она очарова-тельное, очаро-ва-тельное дитя! О, ma charmante enfant!.. И князь снова началъ цѣловать ея руки. Бѣдняжка, ему хотѣлось стать передъ ней на колѣнки.

— Но... но, князь, вы говорите: можете-ли льстить себя надеждою? подхватила Марья Александровна, почувствовавъ новый приливъ краснорѣчія.— Но вы странны, князь! Неужели вы считаете себя уже недостойнымъ вниманія женщины? Не молодость составляетъ красоту. Вспомните, что вы, такъ сказать, обломокъ аристократіи! Вы—представитель самыхъ утонченныхъ, самыхъ рыцарскихъ чувствъ и... манеръ! Развѣ Марія не полюбила старика Мазепу? Я помню, я читала, что Лозенъ, этотъ очаровательный маркизъ двора Людовика... я забыла котораго,— уже въ преклонныхъ лѣтахъ, уже старикъ, покорилъ сердце одной изъ первѣйшихъ придворныхъ красавицъ!.. И кто сказалъ вамъ, что вы старикъ? Кто научилъ васъ этому! Развѣ люди, какъ вы, старѣются? Вы съ такимъ богатствомъ чувствъ, мыслей, веселости, остроумія, жизненной силы, блестящихъ манеръ! Но появитесь гдѣ-нибудь теперь, за границей, на водахъ, съ молодою женой, съ такой же красавицей, какъ, напримѣръ, моя Зина,— я не объ ней говорю, я говорю только такъ, для сравненія,— и вы увидите, какой колоссальный будетъ эффектъ! Вы обломокъ аристократіи, она—красавица изъ красавицъ! Вы ведете ее торжественно подъ руку; она поетъ въ блестящемъ обществѣ, вы, съ своей стороны, сыплете остроуміемъ,—да всѣ воды сбѣгутся смотрѣть на васъ! Вся Европа закричитъ, потому что всѣ газеты, всѣ фельетоны, на водахъ, заговорятъ въ одинъ голосъ... Князь, князь! И вы говорите: можете-ли вы льстить себя надеждою?

— Фельетоны... ну да, ну да!.. Это въ газетахъ... бормочетъ князь, вполовину не понимая болтовню Марьи Александровны и раскисая все болѣе и болѣе.—Но... ди-тя мое, если вы не у-стали,—повторите еще разъ тотъ романсъ, который вы сейчасъ пѣли!

— Ахъ, князь! Но у ней есть и другіе романсы, еще лучше... Помните, князь, L'hirondelle? Вы вѣроятно слышали?

— Да, помню... или, лучше сказать, я за-былъ.—Нѣтъ, нѣтъ, прежній ро-мансъ, тотъ самый, который она сей-

часъ пѣ-ла! Я не хочу L'hirondelle! Я хочу тотъ романсъ... говорилъ князь, умоляя, какъ ребенокъ.

Зина пропѣла еще разъ. Князь не могъ удержаться и опустился передъ ней на колѣни. Онъ плакалъ.

— О, ma belle châtelaine! восклицалъ онъ своимъ дребезжащимъ отъ старости и волненія голосомъ.—О, ma charmante châtelaine! О, милое дитя мое! Вы мнѣ такъ много на-по-мнили... изъ того, что давно прошло... Я тогда думалъ, что все будетъ лучше, чѣмъ оно потомъ было. Я тогда пѣлъ дуэты... съ виконтессой... этотъ самый романсъ... а теперь... Я не знаю, что уже те-перь...

Всю эту рѣчь князь произнесъ задыхаясь и захлебываясь. Языкъ его примѣтно одеревенѣлъ. Нѣкоторыхъ словъ почти совсѣмъ нельзя было разобрать. Видно было только, что онъ въ сильнѣйшей степени расчувствовался. Марья Александровна немедленно подлила масла въ огонь.

— Князь! Но вы, пожалуй, влюбитесь въ мою Зину! вскричала она, почувствовавъ, что минута была торжественная.

Отвѣтъ князя превзошелъ ея лучшія ожиданія.

— Я до безумія влюбленъ въ нее! вскричалъ старичокъ, вдругъ весь оживляясь, все еще стоя на колѣняхъ и весь дрожа отъ волненія.—Я ей жизнь готовъ отдать! И если-бъ я только могъ надѣ-яться... Но подымите меня, я не-мно-го ос-лабъ... Я... если-бъ только могъ надѣяться предложить ей мое сердце, то... я... она бы мнѣ каждый день пѣла ро-ман-сы, а я бы все смотрѣлъ на нее... все смотрѣлъ... Ахъ, Боже мой!

— Князь, князь! Вы предлагаете ей свою руку! Вы хотите ее взять у меня, мою Зину, мою милую, моего ангела, Зину! Но я не пущу тебя, Зина! Пусть вырвутъ ее изъ рукъ моихъ, изъ рукъ матери!—Марья Александровна бросилась къ дочери и крѣпко сжала ее въ объятіяхъ, хотя чувствовала, что ее довольно сильно отталкивали... Маменька немного пересаливала. Зина чувствовала это всѣмъ существомъ своимъ и, съ невыразимымъ отвращеніемъ, смотрѣла на всю комедію. Однакожъ она молчала, а это—все, что было надо Марьѣ Александровнѣ.

— Она девять разъ отказывала, чтобъ только не разлучаться со своею матерью! кричала она.—Но теперь—мое сердце предчувствуетъ разлуку! Еще давеча я замѣтила, что она такъ смотрѣла на насъ... Вы поразили ее своимъ аристократизмомъ, князь, этой утонченностью!.. О! вы разлучите насъ; я это предчувствую!..

— Я о-бо-жаю ее! пробормоталъ князь, все еще дрожа, какъ осиновый листокъ.

— Итакъ, ты оставляешь мать свою! воскликнула Марья Александровна, еще разъ бросаясь на шею дочери.

Зина торопилась кончить тяжелую сцену. Она молча протянула князю свою прекрасную руку и даже заставила себя улыбнуться. Князь съ благоговѣніемъ принялъ эту ручку и покрылъ ее поцѣлуями.

— Я только теперь на-чи-наю жить, бормоталъ онъ, захлебываясь отъ восторга.

— Зина! торжественно проговорила Марья Александровна, — взгляни на этого человѣка! Это самый честнѣйшій, самый благороднѣйшій человѣкъ изъ всѣхъ, которыхъ я знаю! Это рыцарь среднихъ вѣковъ! Но она это знаетъ, князь: она знаетъ, на горе моему сердцу... О! зачѣмъ вы пріѣхали! Я передаю вамъ мое сокровище, моего ангела. Берегите ее, князь! Васъ умоляетъ мать, и какая мать осудитъ меня за мою горечь!

— Маменька, довольно! прошептала Зина.

— Вы защитите ее отъ обиды, князь? Ваша шпага блеснетъ въ глаза клеветнику или дерзкому, который осмѣлится обидѣть мою Зину?

— Довольно, маменька, или я...

— Ну да, блеснетъ... бормоталъ князь. — Я только теперь начинаю жить... Я хочу, чтобъ сейчасъ-же, сію минуту была свадьба... я... Я хочу послать сейчасъ-же въ Ду-ха-но-во. Тамъ у меня брил-ліанты. Я хочу положить ихъ къ ея ногамъ...

— Какой пылъ! Какой восторгъ! Какое благородство чувствъ! воскликнула Марья Александровна.—И вы могли, князь, вы могли губить себя, удаляясь отъ свѣта? Я тысячу разъ буду это говорить! Я внѣ себя, когда вспомню объ этой адской...

— Что-жъ мнѣ дѣлать, я такъ бо-ялся? бормоталъ князь, хныча и расчувствовавшись. — Они меня въ сума-сшед-шій домъ посадить хо-тѣ-ли... Я и испугался.

— Въ сумасшедшій домъ! О, изверги! О, безчеловѣчные люди! О, низкое коварство! Князь,—я это слышала! Но это сумасшествіе со стороны этихъ людей! Но за что же, за что?!

— А я и самъ не знаю за что! отвѣчалъ старичокъ, отъ слабости садясь на кресло.—Я, знаете, на ба-лѣ былъ и какой-то анекдотъ раз-сказалъ: а имъ не по-нра-ви-лось. Ну, и вышла исторія!

Неужели только за это, князь?

— Нѣтъ. Я еще по-томъ въ карты игралъ, съ княземъ Петромъ Демен-тьи-чемъ, и безъ шести ос-тал-ся. У меня было два ко-ро-ля и три дамы... или, лучше сказать, три дамы и два ко-ро-ля... Нѣтъ! одинъ ко-роль! А потомъ ужъ были и дамы...

— И за это? За это! О, адское безчеловѣчіе! Вы плачете, князь! Но теперь этого не будетъ! Теперь я буду подлѣ васъ, мой князь; я не разстанусь съ Зиной, и посмотримъ, какъ они осмѣлятся сказать слово!.. И даже знаете, князь, вашъ бракъ поразитъ ихъ. Онъ пристыдитъ ихъ! Они увидятъ, что вы еще способны... то есть они поймутъ, что не вышла бы за сумасшедшаго такая красавица! Теперь вы гордо можете поднять голову. Вы будете смотрѣть имъ прямо въ лицо...

— Ну да, я буду смотрѣть имъ пря-мо въ лицо, пробормоталъ князь, закрывая глаза.

„Однако, онъ совсѣмъ раскисъ", подумала Марья Александровна.—„Только слова терять!"

— Князь, вы встревожены, я вижу это; вамъ непремѣнно надо успокоиться, отдохнуть отъ этого волненія, сказала она, материнскн нагибаясь къ нему.

— Ну да, я бы хотѣлъ немно-го по-ле-жать, сказалъ онъ.

— Да, да! Успокойтесь, князь! Эти волненія... Постойте, я сама провожу васъ... Я уложу васъ сама, если надо.— Что вы такъ смотрите на этотъ портретъ, князь? Это портретъ моей матери,— этого ангела, а не женщины! О, зачѣмъ ея нѣтъ теперь между нами! Это была праведница, князь, праведница!—Иначе я не называю ее!

— Пра-вед-ни-ца? c'est joli... У меня тоже была мать... princesse... и—вообразите—не-обык-новен-но полная была женщина... Впрочемъ, я не то хотѣлъ сказать... Я немно-го ослабъ. Adieu, ma charmante enfant!.. Я съ наслажде-ніемъ... я сегодня... завтра... Ну, да все равно! au revoir, au revoir!—Тутъ онъ хотѣлъ сдѣлать ручкой, но поскользнулся и чуть не упалъ на порогѣ.

— Осторожнѣе, князь! Обопритесь на мою руку, кричала Марья Александровна.

— Charmant, charmant! бормоталъ онъ, уходя.— Я теперь только на-чинаю жить...

Зина осталась одна. Невыразимая тягость давила ея душу. Она чувствовала отвращеніе до тошноты. Она го-

това была превозмочь себя. Щеки ея горѣли. Съ сжатыми руками, стиснувъ зубы, опустивъ голову, стояла она, не двигаясь съ мѣста. Слезы стыда покатились изъ глазъ ея.. Въ эту минуту отворилась дверь, и Мозгляковъ вбѣжалъ въ комнату.

ГЛАВА IX.

Онъ слышалъ все, все!

Онъ дѣйствительно не вошелъ, а вбѣжалъ, блѣдный отъ волненія и отъ ярости. Зина смотрѣла на него съ изумленіемъ.

— Такъ-то вы! вскричалъ онъ, задыхаясь. Наконецъ-то, я узналъ, кто вы такая!

— Кто я такая! повторила Зина, смотря на него, какъ на сумасшедшаго, и вдругъ глаза ея заблистали гнѣвомъ.

— Какъ смѣли вы такъ говорить со мной! вскричала она, подступая къ нему.

— Я слышалъ все! повторилъ Мозгляковъ торжественно, но какъ-то невольно отступилъ шагъ назадъ.

— Вы слышали? Вы подслушивали? сказала Зина, съ презрѣніемъ смотря на него.

— Да! Я подслушивалъ! Да, я рѣшился на подлость, но зато я узналъ, что вы такая... Я даже не знаю, какъ и выразиться, чтобъ сказать вамъ... какая вы теперь выходите! отвѣчалъ онъ, все болѣе и болѣе робѣя передъ взглядомъ Зины.

— А хоть бы и слышала, въ чемъ-же вы можете обвинить меня? Какое право вы имѣете обвинять меня? Какое право вы имѣете такъ дерзко говорить со мной?

— Я? Я какое имѣю право? И вы можете это спрашивать? Вы выходите за князя, а я не имѣю никакого права! Да вы мнѣ слово дали, вотъ что!

— Когда?

— Какъ когда?

— Но еще сегодня утромъ, когда вы приставали ко мнѣ, я рѣшительно отвѣчала, что не могу сказать ничего положительнаго.

— Однакоже, вы не прогнали меня, вы не отказали мнѣ совсѣмъ: значитъ, вы удерживали меня про запасъ! Значитъ, вы завлекали меня.

Въ лицѣ раздраженной Зины показалось болѣ нѣчто ощущеніе, какъ будто отъ острой, пронзительной внутренней боли; но она перемогла свое чувство.

— Если я васъ не прогоняла, отвѣчала она ясно и съ разстановкой, хотя въ голосѣ ея слышалось едва замѣтное дрожаніе,—то единственно изъ жалости. Вы сами умоляли меня повременить, не говорить вамъ—„нѣтъ“, но разглядѣть васъ поближе и „тогда“ сказали вы. „тогда, когда вы увѣритесь, что я человѣкъ благородный, можетъ-быть, вы мнѣ не откажете“. Это были ваши собственныя слова въ самомъ началѣ вашихъ исканій. Вы не можете отъ нихъ отпереться! Вы осмѣлились сказать мнѣ теперь, что я завлекала васъ. Но вы сами видѣли мое отвращеніе, когда я увидѣлась съ вами сегодня, двумя недѣлями раньше, чѣмъ вы обѣщали, и это отвращеніе я не скрыла передъ вами, напротивъ, я его обнаружила. Вы это сами замѣтили, потому что сами спрашивали меня: не сержусь-ли я за то, что вы раньше пріѣхали? Знаете, что того не завлекаютъ, передъ кѣмъ не могутъ и *не хотятъ* скрыть своего къ нему отвращенія. Вы осмѣлились выговорить, что я берегла васъ про запасъ. На это отвѣчу вамъ, что я разсуждала про васъ такъ: „если онъ и не одаренъ умомъ, очень большимъ, то все-таки можетъ быть человѣкомъ добрымъ, и потому можно выйти за него“. Но теперь, убѣдясь, къ моему счастью, что вы дуракъ, и еще вдобавокъ, злой дуракъ, — мнѣ остается только пожелать вамъ полнаго счастья и счастливаго пути. Прощайте!

Сказавъ это, Зина отвернулась отъ него и медленно пошла изъ комнаты.

Мозгляковъ, догадавшись, что все потеряно, закипѣлъ отъ ярости.

— А, такъ я дуракъ, кричалъ онъ,—такъ я теперь ужъ дуракъ! Хорошо! Прощайте! Но прежде чѣмъ уѣду, всему городу разскажу, какъ вы съ маменькой облапошили князя, напоивъ его до-пьяна! Всѣмъ разскажу! Узнаете Мозглякова!

Зина вздрогнула и остановилась было отвѣчать, но, подумавъ съ минуту, только презрительно пожала плечами и захлопнула за собою дверь.

Въ это мгновеніе на порогѣ показалась Марья Александровна. Она слышала восклицаніе Мозглякова, въ одну минуту догадалась въ чемъ дѣло, и вздрогнула отъ испуга. Мозгляковъ еще не уѣхалъ, Мозгляковъ около князя, Мозгляковъ раззвонитъ по городу, а тайна, хотя бы на самое малое время, была необходима! У Марьи Александровны были свои расчеты. Она мигомъ сообразила всѣ

обстоятельства, и планъ усмиренія Мозгликова былъ уже созданъ.

— Что съ вами, mon ami? сказала она, подходя къ нему и дружески протягивая ему свою руку.

— Какъ: *mon ami!* вскричалъ онъ въ бѣшенствѣ,—послѣ того, что вы натворили, да еще: *mon ami*. Морисьфри, милостивая государыня! И вы думаете, что обманете меня еще разъ?

— Мнѣ жаль, мнѣ очень жаль, что вижу васъ въ такомъ *странномъ* состояніи духа, Павелъ Александровичъ. Какія выраженія! Вы даже не удерживаете словъ вашихъ передъ дамой.

— Передъ дамой! Вы... вы все, что хотите, а не дама! вскричалъ Мозгляковъ. — Не знаю, что именно хотѣлось ему выразить своимъ восклицаніемъ, но, вѣроятно, что-нибудь очень громовое.

Марья Александровна кротко поглядѣла ему въ лицо.

— Сядьте! грустно проговорила она, показывая ему на кресла, въ которыхъ, четверть часа тому назадъ, покоился князь.

— Но, послушайте, наконецъ, Марья Александровна! вскричалъ озадаченный Мозгляковъ. — Вы смотрите на меня такъ, какъ будто вы вовсе не виноваты, а какъ будто я же виноватъ передъ вами! Вѣдь это нельзя же-съ!.. Такой тонъ!.. Вѣдь это, наконецъ, превышаетъ мѣру человѣческаго терпѣнія... Знаете-ли вы это?

— Другъ мой! отвѣчала Марья Александровна, — вы позволите мнѣ все еще называть васъ этимъ именемъ, потому что у васъ нѣтъ лучшаго друга, какъ я; другъ мой! Вы страдаете, вы измучены, вы уязвлены въ самое сердце—и потому не удивительно, что вы говорите со мной въ такомъ тонѣ. Но я рѣшаюсь открыть вамъ все, все мое сердце, тѣмъ скорѣе, что я сама себя чувствую нѣсколько виноватой передъ вами. Садитесь же, поговоримъ.

Голосъ Марьи Александровны былъ болѣзненно мягкій. Въ лицѣ выражалось страданіе. Изумленный Мозгляковъ сѣлъ подлѣ нея въ кресла.

— Вы подслушивали? продолжала она, укоризненно глядя ему въ лицо.

— Да, я подслушивалъ! Еще бы не подслушивать: вотъ бы олухъ-то былъ! По крайней мѣрѣ, узналъ все, что вы противъ меня затѣваете, грубо отвѣчалъ Мозгля-

ковъ, ободряя и подзадоривая себя собственнымъ гнѣвомъ.

— И вы, и вы, съ вашимъ воспитаніемъ, съ вашими правилами, могли рѣшиться на такой поступокъ? — О, Боже мой!

Мозгляковъ даже вскочилъ со стула.

— Но, Марья Александровна! вскричалъ онъ, — это, наконецъ, невыносимо слушать! Вспомните, на что вы-то рѣшились, съ вашими правилами, а тогда осуждайте другихъ!

— Еще вопросъ, сказала она, не отвѣчая на его вопросы,—кто васъ надоумилъ подслушивать, кто разсказалъ, кто тутъ шпіонилъ?—вотъ что я хочу знать.

— Но ужъ извините,—этого не скажу-съ.

— Хорошо. Я сама узнаю. Я сказала, Поль, что я передъ вами виновата. Но, если вы разберете все, всѣ обстоятельства, то увидите, что если я и виновата, то единственно тѣмъ, что вамъ же желала возможно больше добра.

— Мнѣ? Добра? Это ужъ изъ рукъ вонъ! Увѣряю васъ, что больше не надуете! Не таковъ мальчикъ!

И онъ повернулся въ креслахъ такъ, что они затрещали.

— Пожалуйста, мой другъ, будьте хладнокровнѣе, если можете. Выслушайте меня внимательно, и вы сами во всемъ согласитесь. Во-первыхъ, я хотѣла немедленно вамъ объяснить все, все, и вы узнали бы отъ меня все дѣло до малѣйшей подробности, не унижаясь подслушиваніемъ. Если же не объяснилась съ вами заранѣе, давеча, то единственно потому, что все дѣло еще было въ проектѣ. Оно могло и не состояться. Видите: я съ вами вполнѣ откровенна. Во-вторыхъ, не вините дочь мою. Она васъ до безумія любитъ и мнѣ стоило невѣроятныхъ усилій отвлечь ее отъ васъ и согласить ее принять предложеніе князя.

— Я сейчасъ имѣлъ удовольствіе слышать самое полное доказательство этой любви *до безумія*, иронически проговорилъ Мозгляковъ.

— Хорошо. А вы какъ съ ней говорили? Такъ-ли долженъ говорить влюбленный? Такъ-ли говоритъ, наконецъ, человѣкъ хорошаго тона? Вы оскорбили и раздражили ее.

— Ну, не до тону теперь, Марья Александровна! А давеча, когда вы обѣ дѣлали мнѣ такія сладкія мины, я поѣхалъ съ княземъ, а вы меня ну честить! Вы чернили

меня,— вотъ что я вамъ говорю-съ. Я это все знаю, все!

— И, вѣрно, изъ того же грязнаго источника? замѣтила Марья Александровна, презрительно улыбаясь.—Да, Павелъ Александровичъ, я чернила васъ, я наговорила на васъ и, признаюсь, не мало билась. Но ужъ одно то, что я принуждена была васъ чернить передъ нею, можетъ-быть, даже клеветать на васъ, — ужъ одно это показываетъ, какъ тяжело было мнѣ исторгнуть изъ нея согласіе васъ оставить! Нечальновидный человѣкъ! Если-бъ она не любила васъ, нужно ли-бъ было мнѣ васъ чернить, представлять васъ въ смѣшномъ, недостойномъ видѣ, прибѣгать къ такимъ крайнимъ средствамъ? Да вы еще не знаете всего! Я должна была употребить власть матери, чтобъ исторгнуть васъ изъ ея сердца и, послѣ невѣроятныхъ усилій, достигла только наружнаго согласія. Если вы теперь насъ подслушивали, то должны же были замѣтить, что она ни однимъ словомъ, ни однимъ жестомъ не поддержала меня передъ княземъ. Во всю эту сцену, она почти не сказала ни слова: пѣла, какъ автоматъ. Вся ея душа ныла въ тоскѣ, и я, изъ жалости къ ней, увела, наконецъ, отсюда князя. Я увѣрена, что она плакала, оставшись одна. Войдя сюда, вы должны были замѣтить ея слезы...

Мозгляковъ дѣйствительно вспомнилъ, что, вбѣжавъ въ комнату, онъ замѣтилъ Зину въ слезахъ.

— Но вы, вы, за что вы-то были противъ меня, Марья Александровна? вскричалъ онъ.—За что вы чернили меня, клеветали на меня,—въ чемъ сами признаетесь теперь?

— А, это другое дѣло! Вотъ если-бъ вы сначала благоразумно спрашивали, то давно бы получили отвѣтъ. Да, вы правы! Все это сдѣлала я, и я одна. Зину не мѣшайте сюда. Для чего я сдѣлала? Отвѣчаю: во-первыхъ, для Зины. Князь богатъ, знатенъ, имѣетъ связи и, выйдя за него, Зина сдѣлаетъ блестящую партію. Наконецъ, если онъ и умретъ, можетъ-быть, даже скоро, потому что мы всѣ болѣе или менѣе смертны, тогда Зина—молодая вдова, княгиня, въ высшемъ обществѣ, и, можетъ-быть, очень богата. Тогда она можетъ выйти замужъ за кого хочетъ, можетъ сдѣлать богатѣйшую партію. Но, разумѣется, она выйдетъ за того, кого любитъ, за того, кого любила прежде, чье сердце растерзала, выйдя за князя. Одно уже раскаяніе заставило бы ее загладить свой проступокъ передъ тѣмъ, кого прежде любила.

— Гм! промычалъ Мозгляковъ, задумчиво смотря на свои сапоги.

— Во-вторыхъ,—и объ этомъ я упомяну только вскользь, продолжала Марья Александровна,—потому что вы этого, можетъ-быть, даже и не поймете. Вы читаете вашего Шекспира, черпаете изъ него всѣ свои высокія чувства, а на дѣлѣ вы хоть и *очень добры*, но еще слишкомъ молоды,—а я мать, Павелъ Александровичъ! Слушайте же: я выдаю Зину за князя, отчасти и для самого князя, потому что хочу спасти его этимъ бракомъ. Я любила и прежде этого благороднаго, этого добрѣйшаго, этого рыцарски-честнаго старика. Мы были друзьями. Онъ несчастенъ въ когтяхъ этой адской женщины. Она доведетъ его до могилы. Богъ видитъ, что я согласила Зину на бракъ съ нимъ, единственно выставивъ передъ нею всю святость ея подвига самоотверженія. Она увлеклась благородствомъ чувствъ, обаяніемъ подвига. Въ ней самой есть что-то рыцарское. Я представила ей, какъ дѣло высоко-христіанское, быть опорой, утѣшеніемъ, другомъ, дитятей, красавицей, идоломъ того, кому, можетъ-быть, остается жить всего одинъ годъ. Не гадкая женщина, не страхъ, не уныніе окружали бы его въ послѣдніе дни его жизни, а свѣтъ, дружба, любовь. Раемъ показались бы ему эти послѣдніе закатные дни! Гдѣ же тутъ эгоизмъ,—скажите пожалуйста? Это, скорѣе, подвигъ сестры милосердія, а не эгоизмъ!

— Такъ вы... такъ вы сдѣлали это только для князя, для подвига сестры милосердія? промычалъ Мозгляковъ насмѣшливымъ голосомъ.

— Понимаю и этотъ вопросъ, Павелъ Александровичъ: онъ довольно ясенъ. Вы, можетъ-быть, думаете, что тутъ іезуитски сплетена выгода князя съ собственными выгодами? Что-жъ? Можетъ-быть, въ головѣ моей и были эти расчеты, только не іезуитскіе, а невольные. Знаю, что вы изумляетесь такому откровенному признанію, но объ одномъ прошу васъ, Павелъ Александровичъ: не мѣшайте въ это дѣло Зину! Она чиста, какъ голубь: она не разсчитываетъ; она только умѣетъ любить,—милое дитя мое! Если кто и разсчитывалъ, то это я, и я одна! Но, во-первыхъ, спросите строго свою совѣсть и скажите: кто не разсчитывалъ бы на моемъ мѣстѣ въ подобномъ случаѣ? Мы разсчитываемъ наши выгоды даже въ великодушнѣйшихъ, даже въ безкорыстнѣйшихъ дѣлахъ нашихъ, раз-

считываемъ непримѣтно, невольно! Конечно, почти всѣ себя же обманываютъ, увѣряя себя самихъ, что дѣйствуютъ изъ одного благородства. Я не хочу себя обманывать: я сознаюсь, что при всемъ благородствѣ моихъ цѣлей — я разсчитывала. Но спросите, для себя-ли я разсчитываю? Мнѣ уже ничего не нужно, Павелъ Александровичъ! Я отжила свой вѣкъ. Я разсчитывала для нея, для моего ангела, для моего дитяти, и — какая мать можетъ обвинить меня въ этомъ случаѣ?

Слезы заблистали въ глазахъ Марьи Александровны. Павелъ Александровичъ въ изумленіи слушалъ эту откровенную исповѣдь и, въ недоумѣніи, хлопалъ глазами.

— Ну, да, какая мать... проговорилъ онъ, наконецъ.— Вы хорошо поете, Марья Александровна, — но... но вѣдь вы мнѣ дали слово! Вы обнадеживали и меня... Мнѣ-то каково? Подумайте! Вѣдь я теперь, знаете, съ какимъ носомъ?

— Но неужели вы полагаете, что я объ васъ не подумала, mon cher Paul! Напротивъ: во всѣхъ этихъ расчетахъ былъ для васъ такая огромная выгода, что она-то и понудила меня, главнымъ образомъ, исполнить все это предпріятіе.

— Моя выгода! вскричалъ Мозгляковъ, на этотъ разъ совершенно ошеломленный. — Это какъ?

— Боже мой! Неужели же можно быть до такой степени простымъ и недальновиднымъ! вскричала Марья Александровна, возводя глаза къ небу. — О, молодость, молодость! Вотъ что значитъ погрузиться въ этого Шекспира, мечтать, воображать, что мы живемъ, — живя чужимъ умомъ и чужими мыслями! Вы спрашиваете, *добрый* мой Павелъ Александровичъ, въ чемъ тутъ заключается ваша выгода? Позвольте мнѣ, для ясности, сдѣлать отно отступленіе: Зина васъ любитъ, — это несомнѣнно! Но я замѣтила, что, несмотря на ея очевидную любовь, въ ней таится какая-то недовѣрчивость къ вамъ, къ вашимъ добрымъ чувствамъ, къ вашимъ наклонностямъ. Я замѣтила, что иногда она, какъ бы нарочно, удерживаетъ себя и холодна съ вами—плодъ раздумья и недовѣрчивости. Не замѣтили-ли вы это сами, Павелъ Александровичъ?

— За-мѣ-чалъ; и даже сегодня... Однако, что же вы хотите сказать, Марья Александровна?

— Вотъ видите, вы сами замѣтили это. Стало-быть, я не ошиблась. Въ ней именно есть какая-то странная не-

довѣрчивость къ постоянству вашихъ добрыхъ наклонностей. Я мать—и мнѣ-ли не угадать сердца моего дитяти? Вообразите же теперь, что вмѣсто того, чтобъ вбѣжать въ комнату съ упреками и даже съ ругательствами, раздражить, обидѣть, оскорбить ее, чистую, прекрасную, гордую, и тѣмъ, поневолѣ, утвердить ее въ подозрѣніяхъ насчетъ вашихъ дурныхъ наклонностей, — вообразите, что вы бы приняли эту вѣсть кротко, со слезами сожалѣнія, пожалуй, даже отчаянія, но и съ возвышеннымъ благородствомъ души...

— Гм!..

— Нѣтъ, не прерывайте меня, Павелъ Александровичъ. Я хочу изобразить вамъ всю картину, которая поразитъ ваше воображеніе. Вообразите, что вы пришли къ ней и говорите: „Зинаида! Я люблю тебя болѣе жизни моей, но фамильныя причины разлучаютъ насъ. Я понимаю эти причины. Опѣ для твоего же счастія, и я уже не смѣю возставать противъ нихъ, Зинаида! Я прощаю тебя. Будь счастлива, если можешь!“ и тутъ бы вы устремили на нее взоръ,—взоръ закалаемаго агнца, если можно такъ выразиться,—вообразите все это и подумайте, какой эффектъ произвели бы эти слова на ея сердце!

— Да, Марья Александровна, положимъ, все это такъ: я это все понимаю... но что же,—я-то бы сказалъ, а все-таки ушелъ бы безъ ничего...

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, мой другъ! Не перебивайте меня! Я непремѣнно хочу изобразить всю картину, со всѣми послѣдствіями, чтобы благородно поразить васъ. Вообразите же, что вы встрѣчаетесь съ ней потомъ, чрезъ нѣсколько времени, въ высшемъ обществѣ; встрѣчаетесь гдѣ-нибудь на балѣ, при блистательномъ освѣщеніи, при упоительной музыкѣ, среди великолѣпнѣйшихъ женщинъ и, среди всего этого праздника, вы одни, грустный, задумчивый, блѣдный, гдѣ-нибудь опершись на колонну (но такъ, что васъ видно), слѣдите за ней въ вихрѣ бала. Она танцуетъ. Около васъ льются упоительные звуки Штрауса, сыплется остроуміе высшаго общества, — а вы одинъ, блѣдный и убитый вашею страстію! Что тогда будетъ съ Зинаидой, подумайте? Какими глазами будетъ она глядѣть на васъ? „И я,—подумаетъ она,—я сомнѣвалась въ этомъ человѣкѣ, который мнѣ пожертвовалъ всѣмъ, всѣмъ и растерзалъ для меня свое сердце!“ Разумѣется, прежняя любовь воскресла бы въ ней съ неудержимою силою!

Марья Александровна остановилась перевести духъ. Мозгляковъ повернулся въ креслахъ съ такою силою, что они еще разъ затрещали. Марья Александровна продолжала:

— Для здоровья князя. Зина ѣдетъ за границу, въ Италію, въ Испанію, — въ Испанію, гдѣ мирты, лимоны, гдѣ голубое небо, гдѣ Гвадалквивиръ,— гдѣ страна любви, гдѣ нельзя жить и не любить; гдѣ розы и поцѣлуи, такъ сказать, носятся въ воздухѣ! Вы ѣдете туда же, за ней: вы жертвуете службой, связями, всѣмъ! Такъ начинается ваша любовь съ неудержимою силою: любовь, молодость, Испанія,—Боже мой! Разумѣется, ваша любовь непорочная, святая: но вы, наконецъ, *помчитесь*, смотря другъ на друга. Вы меня понимаете, mon ami! Конечно, найдутся низкіе, коварные люди, изверги, которые будутъ утверждать, что вовсе не родственное чувство къ страждущему старику повлекло васъ за границу. Я нарочно назвала вашу любовь непорочною, потому что эти люди, пожалуй, придадутъ ей совсѣмъ другое значеніе. Но я мать, Павелъ Александровичъ, и я-ли научу васъ дурному!.. Конечно, князь не въ состояніи будетъ смотрѣть за вами обоими, но—что до этого! Можно-ли на этомъ основывать такую гнусную клевету? Наконецъ, онъ умираетъ, благословляя судьбу свою. Скажите: за кого-жъ выйдетъ Зина, какъ не за васъ? Вы такой дальній родственникъ князю, что препятствій къ браку не можетъ быть никакихъ. Вы берете ее, молодую, богатую, знатную, — и въ какое же время? Когда браковъ съ ней могли бы гордиться знатнѣйшіе изъ вельможъ! Чрезъ нее вы становитесь свои въ самомъ высшемъ кругу общества, черезъ нее вы получаете вдругъ значительное мѣсто, входите въ чины. Теперь у васъ полтораста душъ, а тогда вы богаты: князь устроитъ все въ своемъ завѣщаніи: я берусь за это. И, наконецъ, главное, она уже вполнѣ увѣрена въ васъ, въ вашемъ сердцѣ, въ вашихъ чувствахъ, и вы вдругъ становитесь для нея героемъ добродѣтели и самоотверженія!.. И вы, и вы спрашиваете, послѣ этого, въ чемъ ваша выгода? Но вѣдь нужно, наконецъ, быть слѣпымъ, чтобъ не замѣчать, чтобъ не соображать, чтобъ не разсчитать эту выгоду, когда она стоитъ въ двухъ шагахъ передъ вами, смотритъ на васъ, улыбается вамъ, и сама говоритъ: „это я, твоя выгода!“ Павелъ Александровичъ, помилуйте!

— Марья Александровна! вскричалъ Мозгляковъ въ не-

обыкновенномъ волненіи,—теперь я все понялъ! Я поступилъ грубо, низко и подло!

Онъ вскочилъ со стула и схватилъ себя за волосы.

— И не разсчетливо, прибавила Марья Александровна,— главное: не разсчетливо!

— Я оселъ, Марья Александровна! вскричалъ онъ почти въ отчаяніи.—Теперь все погибло, потому что я до безумія любилъ ее!

— Можетъ-быть, и не все погибло, проговорила госпожа Москалева тихо, какъ будто что-то обдумывая.

— О, если-бъ это было возможно! Помогите! Научите! Спасите!

И Мозгляковъ заплакалъ.

— Другъ мой! съ состраданіемъ сказала Марья Александровна, подавая ему руку, — вы это сдѣлали отъ излишней горячки, отъ кипѣнія страсти, стало-быть, отъ любви же къ ней! Вы были въ отчаяніи, вы не помнили себя! Вѣдь должна же она понять все это...

— Я до безумія люблю ее и всѣмъ готовъ для нея пожертвовать! кричалъ Мозгляковъ.

— Послушайте, я оправдаю васъ передъ нею...

— Марья Александровна!

— Да, я берусь за это! Я сведу васъ. Вы выскажите ей все, все, какъ я вамъ сейчасъ говорила!

— О, Боже! Какъ вы добры, Марья Александровна!.. Но... нельзя-ли это сдѣлать сейчасъ!

— Оборони Богъ! О, какъ вы неопытны, другъ мой! Она такая гордая! Она приметъ это за новую грубость, за нахальность! Завтра же я устрою все, а теперь—уйдите куда-нибудь, хоть къ этому купцу... пожалуй, приходите вечеромъ; но я бы вамъ не совѣтовала!

— Уйду, уйду! Боже мой! Вы меня воскрешаете! Но еще одинъ вопросъ: ну, а если князь не такъ скоро умретъ?

— Ахъ, Боже мой, какъ вы наивны, mon cher Paul. Напротивъ, какъ надобно молить Бога о его здоровьи. Надобно всѣмъ сердцемъ желать долгихъ дней этому милому, этому доброму, этому рыцарски-честному старичку! Я первая, со слезами, и день и ночь буду молиться за счастье моей дочери. Но, увы! Кажется, здоровье князя ненадежно! Къ тому же, придется теперь посѣтить столицу, вывозить Зину въ свѣтъ. Боюсь, охъ, боюсь, чтобъ это окончательно не довершѝло его! Но—

будемъ молиться, cher Paul, а остальное—въ рукѣ Божіей!.. Вы уже идете? Благословляю васъ, mon ami! Надѣйтесь, терпите, мужайтесь, главное—мужайтесь! Я никогда не сомнѣвалась въ благородствѣ чувствъ вашихъ...

Она крѣпко пожала ему руку, и Мозгляковъ на цыпочкахъ вышелъ изъ комнаты.

— Ну, проводила этого дурака! сказала она съ торжествомъ.—Остались другіе...

Дверь отворилась и вошла Зина. Она была блѣднѣе обыкновеннаго. Глаза ея сверкали.

— Маменька, сказала она,—кончайте скорѣе, или я не вынесу! Все это до того грязно и подло, что я готова бѣжать изъ дому. Не томите же меня, не раздражайте меня! Меня тошнитъ, слышите-ли: меня тошнитъ отъ всей этой грязи!

— Зина! Что съ тобою, мой ангелъ? Ты... ты подслушивала! вскричала Марья Александровна, пристально и съ безпокойствомъ вглядываясь въ Зину.

— Да, подслушивала. Не хотите-ли вы стыдить меня, какъ этого дурака? Послушайте, клянусь вамъ, что если вы еще будете меня такъ мучить и назначать мнѣ разныя низкія роли въ этой низкой комедіи, то я брошу все и покончу все разомъ. Довольно уже того, что я рѣшилась на главную низость! Но... я не знала себя! Я задохнусь отъ этого смрада!..

И она вышла, хлопнувъ дверями.

Марья Александровна пристально посмотрѣла ей вслѣдъ и задумалась.

— Спѣшить, спѣшить! вскричала она встрепенувшись.—Въ ней главная бѣда, главная опасность, и если всѣ эти мерзавцы насъ не оставятъ однихъ, раззвонятъ по городу,—что ужъ вѣрно и сдѣлано,—то все пропало! Она не выдержитъ этой всей кутерьмы и откажется. Во что бы то ни стало, и немедленно, надо увезти князя въ деревню! Слетаю сама сперва, вытащу моего болвана и привезу сюда. Долженъ же онъ хоть на что-нибудь, наконецъ, пригодиться! А тамъ тотъ выспится—и отправимся!

Она позвонила.

— Что-жъ лошади? спросила она вошедшаго человѣка.

— Давно готовы-съ, отвѣчалъ лакей.

Лошади были заказаны въ ту минуту, когда Марья Александровна уводила наверхъ князя.

Она отдѣлась, но прежде забѣжала къ Зинѣ, чтобъ сооб-

щить ей, въ главныхъ чертахъ, свое рѣшеніе и нѣкоторыя инструкціи. Но Зина не могла ее слушать. Она лежала въ постели, лицомъ въ подушкахъ; она обливалась слезами и рвала свои длинные, чудные волосы своими бѣлыми руками, обнаженными до локтей. Изрѣдка вздрагивала она, какъ будто холодъ, въ одно мгновеніе, проходилъ по всѣмъ ея членамъ. Марья Александровна начала было говорить, но Зина не подняла даже и головы.

Постоявъ надъ ней нѣкоторое время, Марья Александровна вышла въ смущеніи и, чтобъ вознаградить себя съ другой стороны, сѣла въ карету и велѣла гнать что есть мочи.

„Скверно то, что Зина подслушивала! думала она, сидя въ каретѣ.—Я уговорила Мозглякова почти тѣми же словами, какъ и ее. Она горда и, можетъ-быть, оскорбилась... Гм! Но главное, главное успѣть все обдѣлать, пока мѣстъ не пронюхали! Бѣда! Ну, если на грѣхъ моего дурака нѣту дома!“

И при одной этой мысли ею овладѣло бѣшенство, не предвѣщавшее ничего счастливаго Аѳанасію Матвѣичу; она ворочалась на своемъ мѣстѣ отъ нетерпѣнія. Лошади мчали ее во всю прыть.

ГЛАВА X.

Карета летѣла. Мы сказали уже, что въ головѣ Марьи Александровны еще утромъ, въ то время, когда она гонялась за княземъ по городу, блеснула геніальная мысль. Объ этой мысли мы обѣщали упомянуть въ своемъ мѣстѣ. Но читатель уже знаетъ ее. Эта мысль была: въ свою очередь конфисковать князя и, какъ можно скорѣе, увезти его въ подгородную деревню, гдѣ безмятежно процвѣталъ блаженный Аѳанасій Матвѣичъ. Не скроемъ, что на Марью Александровну все болѣе и болѣе находило какое-то необъяснимое безпокойство. Это бываетъ даже съ настоящими героями, именно въ то время, когда они достигаютъ цѣли. Какой-то инстинктъ подсказываетъ ей, что опасно оставаться въ Мордасовѣ. „А ужъ разъ въ деревнѣ, разсуждала она, — такъ тутъ хоть весь городъ вверхъ ногами!“ Конечно, и въ деревнѣ нельзя было терять времени. Все могло случиться, все, рѣшительно все. хотя мы, конечно, не вѣримъ слухамъ, распространеннымъ впослѣдствіи про мою героиню ея злоумышленниками, что она, въ эту минуту, боялась даже полиціи.

Однимъ словомъ, она видѣла, что надо какъ можно скорѣе обвѣнчать Зину съ княземъ. Средства же были подъ руками. Обвѣнчать могъ на дому и деревенскій священникъ. Можно было обвѣнчать даже послѣзавтра; въ самомъ крайнемъ случаѣ даже и завтра. Вѣдь бывали же свадьбы, которыя въ два часа обдѣлывались! Князю представить эту поспѣшность, это отсутствіе всякихъ праздниковъ, сговоровъ, дѣвичниковъ за необходимое comme il faut: внушить ему, что это будетъ приключеніе, грандіозное. Наконецъ, можно было все выставить, какъ романическое приключеніе, и затронуть такимъ образомъ самую чувствительную струну въ сердцѣ князя. Въ крайнемъ случаѣ можно даже и напоить его или, еще лучше, держать его постоянно пьянымъ. А потомъ, что бы ни случилось, Зина все-таки будетъ княгиней! Если же не обойдется потомъ безъ скандала, напримѣръ, хоть въ Петербургѣ или въ Москвѣ, гдѣ у князя были родные, то и тутъ было свое утѣшеніе. Во-первыхъ, все это еще впереди; а во-вторыхъ, Марья Александровна вѣрила, что въ высшемъ обществѣ почти никогда не обходится безъ скандала, особенно въ дѣлахъ свадебныхъ; что это даже въ тонѣ, хотя скандалы высшаго общества, по ея понятіямъ, должны быть все какіе-нибудь особенные, грандіозные, что-нибудь въ родѣ Монте-Кристо или Mémoires du Diable. Что, наконецъ, стоило только показаться въ высшемъ обществѣ Зинѣ, а маменькѣ поддержать ее, то всѣ, рѣшительно всѣ будетъ въ ту же минуту побѣждены и что никто изъ всѣхъ этихъ графинь и княгинь не въ состояніи будетъ выдержать той мордасовской головомойки, которую способна задать имъ одна Марья Александровна, всѣмъ вмѣстѣ или по одиночкѣ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній, Марья Александровна и летѣла теперь въ свое помѣстье за Аѳанасіемъ Матвѣичемъ, въ которомъ, по ея расчету, предстояла теперь необходимая надобность. Дѣйствительно: везти князя въ деревню, значило везти его къ Аѳанасію Матвѣичу, съ которымъ князь, можетъ-быть, и не захотѣлъ бы познакомиться. Если же Аѳанасій Матвѣичъ произнесетъ приглашеніе, тогда дѣло принимало совсѣмъ другой видъ. Къ тому же явленіе пожилого и сановитаго отца семейства, въ бѣломъ галстукѣ и во фракѣ, со шляпой въ рукѣ, пріѣхавшаго нарочно изъ дальнихъ странъ по первому слуху о князѣ, могло произвести чрезвычайно пріятный эффектъ, могло

даже польстить самолюбію князя. Отъ такого настойчиваго и парадnаго приглашенія трудно и отказаться, думала Марья Александровна. Наконецъ, карета пролетѣла три версты, и кучеръ Софронъ осадилъ своихъ коней у подъѣзда длиннаго одноэтажнаго деревяннаго строенія, довольно ветхаго и почернѣвшаго отъ времени, съ длиннымъ рядомъ оконъ и обставленнаго со всѣхъ сторонъ старыми липами. Это былъ деревенскій домъ и лѣтняя резиденція Марьи Александровны. Въ домѣ уже горѣли огни.

— Гдѣ болванъ? закричала Марья Александровна, какъ ураганъ врываясь въ комнаты. — Зачѣмъ тутъ это полотенце? А! Онъ утирался! Опять былъ въ банѣ? И вѣчно-то хлещетъ свой чай! Ну, что на меня глаза выпучилъ, отпѣтый дуракъ! Зачѣмъ у него волосы не выстрижены? Гришка! Гришка! Гришка! Зачѣмъ ты не остригъ барина, какъ я тебѣ на прошлой недѣлѣ приказывала?

Марья Александровна, входя въ комнаты, собиралась поздороваться съ Аѳанасіемъ Матвѣичемъ гораздо мягче, но, увидавъ, что онъ изъ бани и съ наслажденіемъ попиваетъ чай, она не могла удержаться отъ самаго горькаго негодованія. Въ самомъ дѣлѣ: столько хлопотъ и заботъ съ ея стороны, и столько самаго блаженнаго квіетизма со стороны ни къ чему ненужнаго и неспособнаго къ дѣлу Аѳанасія Матвѣича; такой контрастъ немедленно ужалилъ ее въ самое сердце. Между тѣмъ болванъ, или, если сказать учтивѣе, тотъ, котораго называли болваномъ, сидѣлъ за самоваромъ и, въ безсмысленномъ испугѣ, раскрывъ ротъ и выпуча глаза, глядѣлъ на свою супругу, почти окаменившую его своимъ появленіемъ. Изъ передней выставилась заспанная и неуклюжая фигура Гришки, хлопавшаго глазами на всю эту сцену.

— Да не даются, оттого и не стригъ, проговорилъ онъ ворчливымъ и осиплымъ голосомъ.—Десять разъ съ ножницами приходилъ,—вотъ, говорю, барыня ужотка пріѣдетъ,—намъ обоимъ достанется, тогда чего станемъ дѣлать? Нѣтъ, говорятъ, подожди, я къ воскресенью завьюсь; мнѣ надо, чтобъ волосы длинные были.

— Какъ? Такъ онъ завивается! Такъ ты еще выдумалъ безъ меня завиваться? Это что за фасоны? Да идетъ-ли это къ тебѣ, къ твоей глупой башкѣ? Боже, какой здѣсь безпорядокъ! Чѣмъ это пахнетъ? Я тебя спрашиваю, извергъ, чѣмъ это здѣсь пахнетъ? кричала супруга, паки-

дываясь все болѣе и болѣе на невиннаго и совершенно уже опалѣвшаго Аѳанасія Матвѣича.

— Ма... матушка! пробормоталъ запутанный супругъ, не вставая съ мѣста и смотря умоляющими глазами на свою повелительницу,—ма... матушка!..

— Сколько разъ я вбивала въ твою ослиную голову, что я тебѣ вовсе не матушка? Какая я тебѣ матушка, пигмей ты этакой! Какъ смѣешь ты давать такое названіе благородной дамѣ, которой мѣсто въ высшемъ обществѣ, а не подлѣ такого осла, какъ ты!

— Да... да вѣдь ты, Марья Александровна, все же законная жена моя, такъ вотъ я и говорю... по-супружески... возразилъ было Аѳанасій Матвѣичъ и, въ ту же минуту, поднесъ обѣ руки свои къ головѣ, чтобъ защитить свои волосы.

— Ахъ ты, харя! Ахъ ты, осиновый колъ! Ну, слыхано-ли что-нибудь глупѣе такого отвѣта? Законная жена! Да какія теперь законныя жены? Употребитъ-ли теперь хоть кто-нибудь въ высшемъ обществѣ это глупое, это семинарское, это отвратительно-низкое слово: *„законная?“* и какъ смѣешь ты напоминать мнѣ, что я твоя жена, когда я стараюсь забыть объ этомъ всѣми силами, всѣми средствами моей души? Что руками-то голову закрываешь? Посмотрите, какіе у него волосы? Совсѣмъ, совсѣмъ мокрые! Въ три часа не обсохнутъ! Какъ теперь везти его? Какъ теперь людямъ показать? Что теперь дѣлать?

И Марья Александровна ломала свои руки отъ бѣшенства, бѣгая взадъ и впередъ по комнатѣ. Бѣда, конечно, была небольшая и исправимая; но дѣло въ томъ, что Марья Александровна не могла совладать со всепобѣждающимъ и властолюбивымъ своимъ духомъ. Она находила потребность въ безпрерывномъ изліяніи своего гнѣва на Аѳанасія Матвѣича, потому что тиранія есть привычка, обращающаяся въ потребность. Да и, наконецъ, всѣмъ извѣстно, къ какому контрасту способны нѣкоторыя утонченныя дамы извѣстнаго общества у себя за кулисами, и мнѣ именно хотѣлось изобразить этотъ контрастъ. Аѳанасій Матвѣичъ съ трепетомъ слѣдилъ за эволюціями своей супруги и даже вспотѣлъ на нее глядя.

— Гришка, вскричала, наконецъ, она, — тотчасъ же барину одѣваться! Фракъ, брюки, бѣлый галстукъ, жилетъ,—живѣе! Да гдѣ его головная щетка, гдѣ щетка?

— Матушка! Да, вѣдь, я изъ бани: простудиться могу, если въ городъ ѣхать...

— Не простудишься!

— Да, вотъ, и волосы мокрые...

— А вотъ мы ихъ сейчасъ высушимъ! Гришка, бери головную щетку, три его до суха; крѣпче! крѣпче! крѣпче! Вотъ такъ! Вотъ такъ!

Подъ эту команду усердный и преданный Гришка, что есть силы, началъ оттирать волосы своего барина, для большаго удобства схвативъ его за плечо и нѣсколько пригнувъ къ дивану. Аѳанасій Матвѣичъ морщился и чуть не плакалъ.

— Теперь пошелъ сюда! Подыми его, Гришка! Гдѣ помада? Нагнись, нагнись, негодяй, нагнись, дармоѣдъ!

И Марья Александровна собственноручно принялась помадить своего супруга, безжалостно теребя его густые съ просѣдью волосы, которые онъ, на бѣду свою, не остригъ. Аѳанасій Матвѣичъ кряхтѣлъ, вздыхалъ, но не вскрикнулъ, и съ покорностью выдержалъ всю операцію.

— Соки ты мои высосалъ, пачкунъ ты такой! проговорила Марья Александровна.—Да нагнись еще больше, нагнись!

— Чѣмъ же я, матушка, высосалъ твои соки? промямлилъ супругъ, нагибая, какъ только могъ болѣе, голову.

— Болванъ! Аллегоріи не понимаетъ! Теперь причешись; а ты одѣвай его, да живѣе!

Героиня наша усѣлась въ кресла и инквизиторски наблюдала весь церемоніалъ облаченія Аѳанасія Матвѣича. Между тѣмъ онъ успѣлъ нѣсколько отдохнуть и собраться съ духомъ, и когда дѣло дошло до повязки бѣлаго галстука, то даже осмѣлился изъявить какое-то собственное мнѣніе насчетъ формы и красоты узла. Наконецъ, надѣвая фракъ, почтенный мужъ совершенно ободрился и началъ поглядывать на себя въ зеркало съ нѣкоторымъ уваженіемъ.

— Куда-жъ это ты везешь меня, Марья Александровна? проговорилъ онъ, охорашиваясь.

Марья Александровна не повѣрила было ушамъ своимъ.

— Слышите! Ахъ ты, чучело! Да какъ ты смѣешь спрашивать меня, куда я везу тебя!

— Матушка, да вѣдь надо же знать...

— Молчать! Вотъ только назови еще разъ меня матушкой, особенно тамъ, куда теперь ѣдемъ! Цѣлый мѣсяцъ просидишь безъ чаю.

Испуганный супругъ умолкъ.

— Ишь, ни одного креста вѣкъ не выслужилъ, чумичка ты этакая! продолжала она, съ презрѣніемъ смотря на черный фракъ Аѳанасія Матвѣича.

Аѳанасій Матвѣичъ, наконецъ, обидѣлся.

— Кресты, матушка, начальство дастъ, а я совѣтникъ, а не чумичка! проговорилъ онъ въ благородномъ негодованіи.

— Что, что, что? Да ты здѣсь разсуждать научился! Ахъ ты, мужикъ ты этакой! Ахъ ты, соплякъ! Ну, жди, некогда мнѣ теперь съ тобой возиться, а то бы я... Ну да потомъ припомню! Давай ему шляпу, Гришка! Давай ему шубу! Здѣсь, безъ меня, всѣ эти три комнаты прибрать: да зеленую, угловую комнату тоже прибрать. Мигомъ щетки въ руки! Съ зеркалъ снять чехлы, съ часовъ тоже, да чтобъ черезъ часъ все было готово. Да самъ надѣнь фракъ, людямъ выдай перчатки, слышишь, Гришка, слышишь!

Сѣли въ карету. Аѳанасій Матвѣичъ недоумѣвалъ и удивлялся. Между тѣмъ Марья Александровна думала про себя—какъ бы понятнѣе вбить въ голову своего супруга нѣкоторыя наставленія, необходимыя въ теперешнемъ его положеніи. Но супругъ предупредилъ ее.

— А я вотъ, Марья Александровна, сегодня сонъ преоригинальный видѣлъ, возвѣстилъ онъ совсѣмъ неожиданно, посреди обоюднаго молчанія.

— Тьфу ты, проклятое чучело! Я думала и Богъ знаетъ что! Какой-то сонъ! Да какъ ты смѣешь лѣзть ко мнѣ со своими мужицкими снами! Оригинальный! Понимаешь-ли еще, что такое оригинальный? Слушай, говорю въ послѣдній разъ, если ты у меня сегодня осмѣлишься только слово упомянуть про сонъ, или про что-нибудь другое, то я,—я ужъ и не знаю, что съ тобой сдѣлаю! Слушай хорошенько, ко мнѣ пріѣхалъ князь К. Помнишь князя К.?

— Помню, матушка, помню. Зачѣмъ же онъ это пожаловалъ?

— Молчи, не твое дѣло! Ты долженъ съ особенною любезностью, какъ хозяинъ, просить его сейчасъ же къ намъ въ деревню. За тѣмъ я и везу тебя. Сегодня же сядемъ и уѣдемъ. Но если ты только осмѣлишься хоть одно слово сказать въ цѣлый вечеръ, или завтра, или послѣзавтра, или когда-нибудь, то я тебя цѣлый годъ заставлю гусей пасти! Ничего не говоря, ни единаго слова. Вотъ вся твоя обязанность, понимаешь?

— Ну, а если что-нибудь спросятъ?

— Все равно молчи.

— Но, вѣдь, нельзя же все молчать, Марья Александровна!

— Въ такомъ случаѣ отвѣчай односложно, что-нибудь этакое, напримѣръ: *Гм!* или что-нибудь такое же, чтобъ показать, что ты умный человѣкъ и обсуживаешь прежде, чѣмъ отвѣчаешь.

— Гм!

— Пойми ты меня! Я тебя везу для того, что ты услышалъ о князѣ и тотчасъ же, въ восторгѣ отъ его посѣщенія, прилетѣлъ къ нему засвидѣтельствовать свое почтеніе и просить къ себѣ въ деревню; понимаешь?

— Гм!

— Да ты не теперь гумкай, дуракъ! Ты мнѣ-то отвѣчай.

— Хорошо, матушка, все будетъ по-твоему, только зачѣмъ я приглашать-то буду князя?

— Что, что? Опять разсуждать! А тебѣ какое дѣло, зачѣмъ? Да какъ ты смѣешь объ этомъ спрашивать?

— Да я все къ тому, Марья Александровна: какъ же приглашать-то его буду, коли ты мнѣ велѣла молчать?

— Я буду говорить за тебя, а ты только кланяйся, слышишь, только кланяйся, а шляпу въ рукахъ держи. Понимаешь?

— Понимаю, мат... Марья Александровна.

— Князь чрезвычайно остроуменъ. Если что-нибудь онъ скажетъ, хоть и не тебѣ, то ты на все отвѣчай добродушной и веселой улыбкой, слышишь?

— Гм!

— Опять загумкалъ! Со мной не гумкать! Прямо и просто отвѣчай: слышишь, иль нѣтъ?

— Слышу, Марья Александровна, слышу, какъ не услышать, а гумкаю для того, что пріучаюсь, какъ ты велѣла. Только я все про то же, матушка; какъ же это: если князь что̀ скажетъ, то ты приказываешь глядѣть на него и улыбаться. Ну, а все-таки, если что̀ меня спроситъ?

— Экой непонятливый балбесъ! Я уже сказала тебѣ: молчи. Я буду за тебя отвѣчать, а ты только смотри да улыбайся.

— Да, вѣдь, онъ подумаетъ, что я нѣмой, проворчалъ Аѳанасій Матвѣичъ.

— Велика важность! Пусть думаетъ, за то скроешь, что ты дуракъ.

— Гм... Ну, а если другіе о чемъ-нибудь спрашивать будутъ?

— Никто не спроситъ, никто не будетъ. А если, на случай,—чего Боже сохрани!—кто и пріѣдетъ, да если что тебя спроситъ, или что-нибудь скажетъ, то немедленно отвѣчай саркастической улыбкой. Знаешь, что такое саркастическая улыбка?

— Это остроумная, что-ли, матушка?

— Я тебѣ вамъ, болванъ, остроумная! Да кто съ тебя, дурака, будетъ спрашивать остроумія? Насмѣшливая улыбка, понимаешь, — насмѣшливая и презрительная.

— Гм!

„Охъ, боюсь я за этого болвана!“ шептала про себя Марья Александровна.—„Рѣшительно онъ поклялся высосать всѣ мои соки! Право бы, лучше было его совсѣмъ не брать!“

Разсуждая такимъ образомъ, безпокоясь и сѣтуя, Марья Александровна безпрерывно выглядывала изъ окошка своего экипажа и погоняла кучера. Лошади летѣли, но ей все казалось тихо. Аѳанасій Матвѣичъ, молча, сидѣлъ въ своемъ углу и мысленно повторялъ свои уроки. Наконецъ, карета въѣхала въ городъ и остановилась у дома Марьи Александровны. Но только что успѣла наша героиня выпрыгнуть на крыльцо, какъ вдругъ увидѣла подъѣзжавшія къ дому парныя двумѣстныя сани съ верхомъ, тѣ самыя, въ которыхъ обыкновенно разъѣзжала Анна Николаевна Антипова. Въ саняхъ сидѣли двѣ дамы. Одна изъ нихъ была, разумѣется, сама Анна Николаевна, а другая — Наталья Дмитріевна, съ недавняго времени ея искренній другъ и послѣдователь. У Марьи Александровны упало сердце. Но не успѣла она вскрикнуть, какъ подъѣхалъ экипажъ, возокъ, въ которомъ, очевидно, заключалась еще какая-то гостья. Раздались радостныя восклицанія:

— Марья Александровна! И вмѣстѣ съ Аѳанасіемъ Матвѣичемъ! Пріѣхали! Откуда? Какъ кстати, а мы къ вамъ, на весь вечеръ! Какой сюрпризъ!

Гостьи выпрыгнули на крыльцо и защебетали какъ ласточки. Марья Александровна не вѣрила глазамъ и ушамъ своимъ.

„Провалились бы вы!“ подумала она про себя. — „Это пахнетъ заговоромъ! Надо изслѣдовать! Но... не вамъ, сорокамъ, перехитрить меня... Подождите!..“

ГЛАВА XI.

Мозгляковъ вышелъ отъ Марьи Александровны, повидимому, вполнѣ утѣшенный. Она совершенно воспламенила его. Къ Бородуеву онъ не пошелъ, чувствуя нужду въ уединеніи. Чрезвычайный наплывъ героическихъ и романическихъ мечтаній не давалъ ему покоя. Ему мечталось торжественное объясненіе съ Зиной, потомъ благородныя слезы всепрощающаго его сердца, блѣдность и отчаяніе на петербургскомъ блистательномъ балѣ, Испанія, Гвадалквивиръ, любовь и умирающій князь, соединяющій ихъ руки передъ смертнымъ часомъ. Потомъ красавица-жена, ему преданная и постоянно удивляющаяся его героизму и возвышеннымъ чувствамъ; мимоходомъ, подъ шумокъ, вниманіе какой-нибудь графини изъ „высшаго общества“, въ которое онъ непремѣнно попадаетъ черезъ бракъ свой съ Зиной, вдовой князя К.; вице-губернаторское мѣсто, денежки,—однимъ словомъ, все, такъ краснорѣчиво расписанное Марьей Александровной, еще разъ перешло черезъ его вседовольную душу, лаская, привлекая ее и, главное, льстя его самолюбію. Но вотъ — и не знаю, право, какъ это объяснить,—когда уже онъ началъ уставать отъ всѣхъ этихъ восторговъ, ему вдругъ пришла предосадная мысль: что вѣдь, во всякомъ случаѣ, все это еще въ будущемъ, а теперь-то онъ все-таки съ предлиннѣйшимъ носомъ. Когда пришла къ нему эта мысль, онъ замѣтилъ, что забрелъ куда-то очень далеко, въ какой-то уединенный и незнакомый ему форштадтъ Мордасова. Становилось темно. По улицамъ, обставленнымъ маленькими, враставшими въ землю домишками, ожесточенно лаяли собаки, которыя въ провинціальныхъ городахъ разводятся въ ужасающемъ количествѣ, именно въ тѣхъ кварталахъ, гдѣ нечего стеречь и нечего украсть. Начиналъ падать мокрый снѣгъ. Изрѣдка встрѣчался какой-нибудь запоздавшій мѣщанинъ или баба въ тулупѣ и въ сапогахъ. Все это, неизвѣстно почему, начало сердить Павла Александровича,— признакъ очень дурной, потому что, при хорошемъ оборотѣ дѣлъ, все, напротивъ, кажется намъ въ миломъ и радужномъ видѣ. Павелъ Александровичъ невольно припоминалъ, что онъ до сихъ поръ постоянно задавалъ тону въ Мордасовѣ; очень любилъ, когда во всѣхъ домахъ ему намекали, что онъ женихъ, и поздравляли его съ этимъ достоинствомъ. Онъ даже гор-

лился тѣмъ, что онъ женихъ. И вдругъ онъ явится теперь передъ всѣми—въ отставкѣ! Подымется смѣхъ. Вѣдь не разувѣрять же ихъ всѣхъ, въ самомъ дѣлѣ, не разсказывать же о петербургскихъ балахъ съ колоннами и о Гвадалквивирѣ! Разсуждая, тоскуя и сѣтуя, онъ набрелъ, наконецъ, на мысль, которая уже давно непримѣтно скребла ему сердце: „Да правда-ли это все? Да сбудется-ли это все такъ, какъ Марья Александровна расписывала?“ Тутъ онъ, кстати, припомнилъ, что Марья Александровна чрезвычайно хитрая дама, что она, — какъ ни достойна всеобщаго уваженія,—но все-таки сплетничаетъ и лжетъ съ утра до вечера. Что теперь, удаливъ его, она, вѣроятно, имѣла къ тому свои особыя причины и что, наконецъ, расписывать—всякій мастеръ. Думалъ онъ и о Зинѣ, припомнился ему прощальный взглядъ ея, далеко не выражавшій затаенной страстной любви; да ужъ вмѣстѣ съ тѣмъ, кстати, припомнилъ, что онъ все-таки, часъ тому, съѣлъ отъ нея дурака. При этомъ воспоминаніи, Павелъ Александровичъ вдругъ остановился какъ вкопанный и покраснѣлъ до слезъ отъ стыда. Какъ нарочно, въ слѣдующую минуту съ нимъ случилось непріятное происшествіе: онъ оступился и слетѣлъ съ деревяннаго тротуара въ сугробъ снѣга. Покамѣстъ онъ барахтался въ снѣгу, стая собакъ, уже давно преслѣдовавшая его своимъ лаемъ, налетѣла на него со всѣхъ сторонъ. Одна изъ нихъ, самая маленькая и задорная, даже повисла на немъ, ухватившись зубами за полу его шубы. Отбиваясь отъ собакъ, ругаясь вслухъ и даже проклиная судьбу свою, Павелъ Александровичъ, съ разорванной полой и съ невыносимой тоской на душѣ, добрелъ, наконецъ, до угла улицы и тутъ только замѣтилъ, что заблудился. Извѣстно, что человѣкъ, заблудившійся въ незнакомой части города, особенно ночью, никакъ не можетъ идти прямо по улицѣ: его поминутно подталкиваетъ какая-то невѣдомая сила непремѣнно сворачивать во всѣ встрѣчающіеся на пути улицы и переулки. Слѣдуя этой системѣ, Павелъ Александровичъ заблудился окончательно. „А чтобы чортъ побралъ всѣ эти высокія идеи!“ говорилъ онъ про себя, плюя отъ злости.— „А чтобы самъ дьяволъ васъ всѣхъ побралъ съ вашими высокими чувствами, да съ Гвадалквивирами!“ Не скажу, что Мозгляковъ былъ привлекателенъ въ эту минуту. Наконецъ, усталый, измученный, проплутавъ два часа, дошелъ онъ до подъѣзда дома Марьи Александровны. Уви-

дѣвъ много экипажей—онъ удивился. „Неужели же гости, неужели званый вечеръ?“ подумалъ онъ.—„Съ какою же цѣлью?“ Справившись у повстрѣчавшагося слуги и узнавъ, что Марья Александровна была въ деревнѣ и привезла съ собою Аѳанасія Матвѣича, въ бѣломъ галстукѣ, и что князь уже проснулся, но еще не выходилъ внизъ къ гостямъ, Павелъ Александровичъ, не говоря ни слова, поднялся наверхъ къ дядюшкѣ. Въ эту минуту онъ былъ именно въ томъ расположеніи духа, когда человѣкъ слабаго характера въ состояніи рѣшиться на какую-нибудь ужасную, злѣйшую пакость, изъ мщенія, не думая о томъ, что, можетъ-быть, придется всю жизнь въ томъ раскаиваться.

Войдя наверхъ, онъ увидѣлъ князя, сидящаго въ креслахъ, передъ дорожнымъ своимъ туалетомъ, и съ совершенно голою головою, но уже въ эспаньолкѣ и въ бакенахъ. Парикъ его былъ въ рукахъ сѣдого, стариннаго камердинера и любимца его, Ивана Пахомыча. Пахомычъ глубокомысленно и почтительно его расчесывалъ. Что же касается до князя, то онъ представлялъ изъ себя очень жалкое зрѣлище, еще не очнувшись послѣ давешней попойки. Онъ сидѣлъ, какъ-то весь опустившись, хлопая глазами, измятый и раскисшій, и глядѣлъ на Мозглякова, какъ будто не узнавая его.

— Какъ ваше здоровье, дядюшка? спросилъ Мозгляковъ.

— Какъ... Это ты, проговорилъ, наконецъ, дядюшка.— А я, братъ, немножко заснулъ. Ахъ, Боже мой! вскрикнулъ онъ, весь оживившись,—вѣдь я... безъ па-рика!

— Не безпокойтесь, дядюшка! я... я вамъ помогу, если вамъ угодно.

— А вотъ ты и узналъ теперь мой секретъ! Я вѣдь говорилъ, что надо дверь за-пи-рать. Ну, мой другъ, ты долженъ, не-мед-ленно, дать мнѣ свое честное сло-во, что не воспользуешься моимъ секретомъ и никому не скажешь, что у меня волосы на-клад-ные.

— О, помилуйте, дядюшка! Неужели вы меня считаете способнымъ на такую низость! вскричалъ Мозгляковъ, желая угодить старику для... дальнѣйшихъ цѣлей.

— Ну, да, ну, да! И, такъ какъ я вижу, что ты благородный человѣкъ, то ужъ такъ и быть, я тебя удивлю... и открою тебѣ всѣ мои тайны. Какъ тебѣ нравятся, мой милый, мои у-сы?

— Превосходные, дядюшка! Удивительные! Какъ могли вы ихъ сохранить такъ долго?

— Разувѣрься, мой другъ, они на-клад-ные! проговорилъ князь, съ торжествомъ смотря на Павла Александровича.

— Неужели? Повѣрить трудно. Ну, а бакенбарды? Признайтесь, дядюшка, вы вѣрно чернite ихъ?

— Черню? Не только не черню, но они совершенно искусственные?

— Искусственные? Нѣтъ, дядюшка, воля ваша, не вѣрю. Вы надо мною смѣетесь!

— Parole d'honneur, mon ami! вскричалъ торжествующій князь, — и представь себѣ, всѣ, рѣшительно всѣ, такъ же, какъ и ты, обманываются! Даже Степанида Матвѣевна не вѣритъ, хотя и сама иногда ихъ накладываетъ. Но я увѣренъ, мой другъ, что ты сохранишь мою тайну. Дай мнѣ честное слово...

— Честное слово, дядюшка, сохраню. Повторяю вамъ: неужели вы меня считаете способнымъ на такую низость?

— Ахъ, мой другъ, какъ я упалъ безъ тебя сегодня!Ософилъ меня опять изъ кареты вывалилъ.

— Вывалилъ опять! Когда же?

— А вотъ мы уже къ монастырю подъѣзжали...

— Знаю, дядюшка, давеча.

— Нѣтъ, нѣтъ, два часа тому назадъ, не болѣе. Я въ монастырь поѣхалъ, а онъ меня взялъ, да и вывалилъ: такъ нану-галъ,—даже теперь сердце не на мѣстѣ.

— Но, дядюшка, вѣдь вы почивали! съ изумленіемъ проговорилъ Мозгляковъ.

— Ну, да, почивалъ... а потомъ и поѣхалъ, впрочемъ, я... впрочемъ, я это, можетъ-быть... ахъ, какъ это странно!

— Увѣряю васъ, дядюшка, что вы видѣли это во снѣ! Вы преспокойно себѣ почивали съ самаго послѣ-обѣда.

— Неужели?—И князь задумался.

— Ну, да, я въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, это видѣлъ во снѣ. Впрочемъ, я все помню, что я видѣлъ во снѣ. Сначала мнѣ приснился какой-то престрашный быкъ съ рогами; а потомъ приснился какой-то про-ку-ророъ, тоже какъ будто съ ро-гами...

— Это, вѣрно, Николай Васильичъ Антиповъ, дядюшка?

— Ну, да, можетъ-быть, и онъ. А потомъ Наполеона Бонапарте видѣлъ. Знаешь, мой другъ, мнѣ всѣ говорятъ, что я на Наполеона Бонапарте похожъ... а въ профиль

будто я разительно похожъ на одного стариннаго папу! Какъ ты находишь, мой милый, похожъ я на па-пу?

— Я думаю, что вы больше похожи на Наполеона, дядюшка.

— Ну, да, это en-face. Я, впрочемъ, и самъ то же думаю, мой милый. И приснился онъ мнѣ, когда уже на островѣ сидѣлъ, и, знаешь, какой разговорчивый, разбитной, ве-сельчакъ такой, такъ онъ чрезвы-чайно меня позабавилъ.

— Это вы про Наполеона, дядюшка? проговорилъ Павелъ Александровичъ, задумчиво смотря на дядю. Какая-то странная мысль начинала мелькать у него въ головѣ, мысль, въ которой онъ не могъ еще себѣ самому дать отчета.

— Ну, да, про На-по-леона. Мы съ нимъ все про философію разсуждали. А знаешь, мой другъ, мнѣ даже жаль, что съ нимъ такъ строго поступили... анг-ли-чане. Конечно, не держи его на цѣпи, онъ бы опять на людей сталъ бросаться. Бѣшеный былъ человѣкъ! Но все-таки жалко. Я бы не такъ поступилъ. Я бы его посадилъ на не-о-битаемый островъ...

— Почему же на необитаемый? спросилъ Мозгляковъ разсѣянно.

— Ну, хоть и на о-би-таемый, только не иначе, какъ благоразумными жителями. Ну, и разныя разв-ле-ченія для него устроить: театръ, музыку, балетъ, и все на казенный счетъ. Гулять бы его выпускалъ, разумѣется, подъ присмотромъ, а то бы онъ сейчасъ у-лиз-нулъ. Пирожки какіе-то онъ очень любилъ. Ну, и пирожки ему каждый день стряпать. Я бы его, такъ сказать, о-те-чески содержалъ. Онъ бы у меня и рас-ка-лялся...

Мозгляковъ разсѣянно слушалъ болтовню полупроснувшагося старика и грызъ ногти отъ нетерпѣнія. Ему хотѣлось навести разговоръ на женитьбу; онъ еще самъ не зналъ зачѣмъ; но безграничная злоба кипѣла въ его сердцѣ. Вдругъ старичокъ вскрикнулъ отъ удивленія.

— Ахъ, шоп ами! Я вѣдь тебѣ и забылъ сказать. Представь себѣ, я вѣдь сдѣлалъ сегодня пред-ло-женіе.

— Предложеніе, дядюшка! вскричалъ Мозгляковъ, оживляясь.

— Ну, да, пред-ло-женіе. Пахомычъ, ты ужъ идешь? Ну, хорошо. C'est un charmante personne... Но... признаюсь тебѣ, милый мой, я поступилъ необ-ду-манно. Я только теперь это ви-жу. Ахъ, Боже мой!

— Но позвольте, дядюшка, когда же вы сдѣлали предложеніе?

— Признаюсь тебѣ, другъ мой, я даже и не знаю навѣрно когда. Не во снѣ-ли я видѣлъ и это? Ахъ, какъ это, од-на-ко-же, странно!

Мозгляковъ вздрогнулъ отъ восторга. Новая идея блеснула въ его головѣ.

— Но кому, когда вы сдѣлали предложеніе, дядюшка? повторилъ онъ въ нетерпѣніи.

— Хозяйской дочери, mon ami... cette belle personne... впрочемъ, я забылъ, какъ ее зо-вутъ. Только, видишь-ли, mon ami, я вѣдь никакъ не могу же-нить-ся. Что же мнѣ теперь дѣлать?

— Да, вы, конечно, погубите себя, если женитесь. Но позвольте мнѣ вамъ сдѣлать еще одинъ вопросъ, дядюшка. Точно-ли вы увѣрены, что дѣйствительно сдѣлали предложеніе?

— Ну, да... я увѣренъ.

— А если все это вы видѣли во снѣ, такъ же, какъ и то, что вы другой разъ вывалились изъ кареты?

— Ахъ, Боже мой! И въ самомъ дѣлѣ, можетъ-быть, я и это тоже видѣлъ во снѣ! Такъ что я теперь и не знаю, какъ туда по-ка-заться. Какъ бы это, другъ мой, узнать навѣр-но, какимъ-нибудь по-сто-рон-нимъ образомъ: дѣлалъ я предложеніе, или нѣтъ? А то, представь, каково теперь мое положеніе?

— Знаете что, дядюшка? Я думаю, и узнавать нечего.

— А что?

— Я навѣрно думаю, что вы видѣли это во снѣ.

— Я самъ то же думаю, мой ми-лый, тѣмъ болѣе, что мнѣ часто снятся по-доб-ные сны.

— Вотъ видите, дядюшка. Представьте же себѣ, что вы немного выпили за завтракомъ, потомъ за обѣдомъ и, наконецъ...

— Ну, да, мой другъ: именно, можетъ-быть, и отъ э-то-го.

— Тѣмъ болѣе, дядюшка, что какъ бы вы ни были разгорячены, вы все-таки никакимъ образомъ не могли сдѣлать такого безразсуднаго предложенія на-яву. Сколько я васъ знаю, дядюшка, вы человѣкъ въ высшей степени разсудительный и...

— Ну, да, ну, да.

— Представьте только одно: если-бъ узнали это ваши

родственники, которые и безъ того дурно расположены къ вамъ,—что̀ бы тогда было?

— Ахъ, Боже мой! вскрикнулъ испуганный князь,— а что̀ бы тогда было?

— Помилуйте! Да они закричали бы всѣ въ одинъ голосъ, что вы сдѣлали это не въ своемъ умѣ, что вы сумасшедшій, что васъ надо подъ опеку, что васъ обманули, и, пожалуй, посадили бы васъ куда-нибудь подъ надзоръ.

Мозгляковъ зналъ, чѣмъ можно было напугать старика.

— Ахъ, Боже мой! вскричалъ князь, дрожа какъ листъ.—Неужели бы посадили?

— И потому разсудите, дядюшка: могли-ли бы вы сдѣлать такое безразсудное предложеніе на-яву? Вы сами понимаете свои выгоды. Я торжественно утверждаю, что вы все это видѣли во снѣ.

— Непремѣнно во снѣ, непремѣнно во снѣ! повторялъ напуганный князь. — Ахъ, какъ ты умно разсудилъ все это, мой милый! Я душевно тебѣ благодаренъ, что ты меня разузумилъ.

— А я ужасно радъ, дядюшка, что съ вами сегодня встрѣтился. Представьте себѣ: безъ меня вы бы дѣйствительно могли сбиться, подумать, что вы женихъ, и сойти туда женихомъ. Представьте, какъ это опасно!

— Ну, да... да, опасно!

— Вспомните только, что этой дѣвицѣ двадцать три года; ее никто не хочетъ брать замужъ, и вдругъ вы, богатый, знатный, являетесь женихомъ! Да они тотчасъ ухватятся за эту идею, увѣрятъ васъ, что и въ самомъ дѣлѣ женихъ, и женятъ васъ, пожалуй, насильно. А тамъ и будутъ разсчитывать, что, можетъ-быть, вы скоро умрете.

— Неужели?

— И, наконецъ, вспомните, дядюшка: человѣкъ съ вашими достоинствами...

— Ну, да, съ моими достоинствами...

— Съ вашимъ умомъ, съ вашею любезностію...

— Ну, да, съ моимъ умомъ, да!..

— И, наконецъ, вы — князь. Такую-ли партію вы бы могли себѣ сдѣлать, если-бъ, дѣйствительно, почему-нибудь, нужно было жениться? Подумайте только, что̀ скажутъ ваши родственники?

— Ахъ, мой другъ, да вѣдь они меня совсѣмъ заѣдятъ! Я ужъ испыталъ отъ нихъ столько коварства и злобы... Представь себѣ, я подозрѣваю, что они хотѣли посадить

меня въ су-мас-шедшій домъ. Ну, помилуй, мой другъ, сообразно-ли это? Ну, что-бъ я тамъ сталъ дѣлать... въ су-мас-шедшемъ-то домѣ?

— Разумѣется, дядюшка, и потому я теперь не отойду отъ васъ, когда вы сойдете внизъ. Тамъ теперь гости.

— Гости? Ахъ, Боже мой!

— Не безпокойтесь, дядюшка, я буду при васъ.

— Но какъ я тебѣ благо-да-рень, мой милый, ты просто спаситель мой! Но знаешь-ли что? Я лучше уѣду.

— Завтра, дядюшка, завтра утромъ въ семь часовъ. А сегодня вы при всѣхъ откланяйтесь и скажите, что уѣзжаете.

— Непремѣнно уѣду... къ отцу Мисаилу... Но, мой другъ,—ну, какъ они меня тамъ сос-ватаютъ?

— Не бойтесь, дядюшка, я буду съ вами. И, наконецъ, что бы вамъ ни говорили, на что бы вамъ ни намекали, прямо говорите, что вы все это видѣли во снѣ... такъ какъ оно и дѣйствительно было...

— Ну, да, не-пре-мѣнно во снѣ! Только, знаешь, мой другъ, все-таки это былъ пре-оча-ро-ва-тель-ный сонъ! Она удивительно хороша собой и, знаешь, такія формы...

— Ну, прощайте, дядюшка, я пойду внизъ, а вы...

— Какъ! Такъ ты меня одного оставляешь! вскричалъ князь въ испугѣ.

— Нѣтъ, дядюшка, мы сойдемъ, только порознь; сначала я, а потомъ вы. Это будетъ лучше.

— Ну, хо-ро-шо. Мнѣ же, кстати, надобно записать одну мысль.

— Именно, дядюшка, запишите вашу мысль, а потомъ приходите, не мѣшкайте. Завтра же утромъ...

— А завтра утромъ къ іерохонаху, непре-мѣнно къ іе-ро-мо-наху! Charmant, charmant! А знаешь, мой другъ, она уди-ви-тельно хороша собой... такія формы... и если-бъ ужъ такъ мнѣ надо было непремѣнно жениться, то я...

— Боже васъ сохрани, дядюшка!

— Ну, да, Боже сохрани!.. Ну, прощай, мой милый, я сейчасъ... только вотъ за-пи-шу. А pro-pos, я давно хотѣлъ тебя спросить: читалъ ты мемуары Казановы?

— Читалъ, дядюшка, а что?

— Ну, да... Я вотъ теперь и за-былъ, что хотѣлъ сказать...

— Послѣ вспомните, дядюшка. До свиданія!

— До свиданія, мой другъ, до свиданія! Только все-таки это былъ очаровательный сонъ, о-ча-ро-ва-тельный сонъ!..

ГЛАВА XII.

— А мы къ вамъ всѣ, всѣ! И Прасковья Ильинична тоже пріѣдетъ, и Луиза Карловна хотѣла быть, щебетала Анна Николаевна, входя въ салонъ и жадно осматриваясь.

Это была довольно хорошенькая, маленькая дамочка, пестро, но богато одѣтая и, сверхъ того, очень хорошо знавшая, что она хорошенькая. Ей такъ и казалось, что гдѣ-нибудь въ углу спрятанъ князь, вмѣстѣ съ Зиной.

— И Катерина Петровна пріѣдутъ-съ, и Фелисата Михайловна тоже хотѣли быть-съ, прибавила Наталья Дмитріевна, колоссальнаго размѣра дама, которой формы такъ понравились князю, и которая чрезвычайно походила на гренадера.

Она была въ необыкновенно маленькой розовой шляпкѣ, торчавшей у нея на затылкѣ. Уже три недѣли, какъ она была самымъ искреннимъ другомъ Анны Николаевны, за которою давно уже увивалась и ухаживала, и которую, судя по виду, могла проглотить однимъ глоткомъ, вмѣстѣ съ косточками.

— Я уже не говорю о томъ, можно сказать, восторгѣ, который я чувствую, видя васъ обѣихъ у меня и еще вечеромъ, запѣла Марья Александровна, оправившись отъ перваго изумленія, — но, скажите, пожалуйста, какое же чудо зазвало васъ сегодня ко мнѣ, когда я уже совсѣмъ отчаялась имѣть эту честь.

— О, Боже мой, Марья Александровна, какія вы право-съ! сладко проговорила Наталья Дмитріевна, жеманясь, стыдливо и пискливо, что составляло пролюбопытный контрастъ съ ея наружностью.

— Mais, ma charmante, защебетала Анна Николаевна,— вѣдь надобно же, непремѣнно надобно когда-нибудь кончить всѣ наши сборы съ этимъ театромъ. Еще сегодня Петръ Михайловичъ сказалъ Калисту Станиславичу, что его чрезвычайно огорчаетъ, что у насъ это не идетъ на ладъ, и что мы только ссоримся. Вотъ мы и собрались сегодня вчетверомъ, да и думаемъ: поѣдемъ-ка къ Марьѣ Александровнѣ, да и рѣшимъ все разомъ! Наталья Дмитріевна и другимъ дала знать. Всѣ пріѣдутъ. Вотъ мы и сговоримся, и хорошо будетъ. Пускай же не говорятъ, что мы только ссоримся, такъ-ли, mon ange? прибавила она игриво, цѣлуя Марью Александровну. — Ахъ, Боже мой! Зинаида Аѳанасьевна! Но вы каждый день все болѣе хорошѣете!

Анна Николаевна бросилась съ попѣчуями къ Зинѣ.

— Да нам и нечего дѣлать больше-съ, какъ хорошѣть-съ, сладко прибавила Наталья Дмитріевна, потирая свои ручищи.

„Ахъ, чортъ бы ихъ взялъ! Я и не подумала объ этомъ театрѣ! Изговорились, сороки!“ прошептала Марья Александровна въ себя отъ бѣшенства.

— Тѣмъ болѣе, мой ангелъ, прибавила Анна Николаевна,— что у насъ теперь этотъ милый князь. Вѣдь вы знаете, въ Духановѣ, у прежнихъ помѣщиковъ, былъ театръ. Мы ужъ справлялись и знаемъ, что тамъ гдѣ-то складены всѣ эти старинныя декораціи, занавѣсъ и даже костюмы. Князь былъ сегодня у меня, и я такъ была удивлена его пріѣздомъ, что совершенно забыла ему сказать. Теперь мы нарочно заговоримъ о театрѣ, вы намъ поможете, и князь велитъ отослать къ намъ весь этотъ старый хламъ. А то кому здѣсь прикажете сдѣлать что-нибудь похожее на декорацію? А главное—мы и князя-то хотимъ завлечь въ нашъ театръ. Онъ непремѣнно долженъ подписаться: вѣдь это для бѣдныхъ. Можетъ-быть, даже и роль возьметъ,—онъ же такой милый, согласный. Тогда пойдетъ чудо какъ хорошо.

— Конечно, возьмутъ ролю-съ. Вѣдь ихъ можно заставить всякую ролю разыгрывать-съ, многозначительно прибавила Наталья Дмитріевна.

Анна Николаевна не обманула Марью Александровну: дамы моментально съѣхались. Марья Александровна отлучалась встрѣчать ихъ и издавать восклицанія, требуемыя въ такихъ случаяхъ приличіемъ и комильфотностью.

Я не берусь описывать всѣхъ посѣтительницъ. Скажу только, что каждая смотрѣла съ необыкновеннымъ вооруженіемъ. У всѣхъ на лицахъ было написано ожиданіе и какое-то злое нетерпѣніе. Нѣкоторыя изъ дамъ пріѣхали съ рѣшительнымъ намѣреніемъ быть свидѣтельницами какого-нибудь необыкновеннаго скандала и очень бы разсердились, если-бъ пришлось разъѣхаться, не видавъ его. Наружно всѣ вели себя необыкновенно любезно, но Марья Александровна съ тѣрпѣніемъ приготовилась къ нападенію. Посыпались вопросы о князѣ, казалось, самые естественные, но въ каждомъ заключался какой-нибудь намекъ, обличавшій. Появился чай: всѣ размѣстились. Одна группа завладѣла роялемъ. Зина, на приглашеніе сыграть и спѣть, сухо отвѣчала, что она не такъ здорова. Бѣдя-

ность лица ея это доказывала. Тотчасъ же посыпались вопросы участія, и даже тутъ нашли случай кой-о-чемъ спросить и намекнуть. Спрашивали и о Мозгляковѣ, и относились съ этими вопросами къ Зинѣ. Марья Александровна удесятерилась въ эту минуту, видѣла все, что происходило въ каждомъ углу комнаты, слышала, что говорилось каждою изъ посѣтительницъ, хотя ихъ было до десяти, и немедленно отвѣчала на всѣ вопросы, разумѣется, не ходя за словомъ въ карманъ. Она трепетала за Зину и дивилась тому, что она не уходитъ, какъ всегда до сихъ поръ поступала, при подобныхъ собраніяхъ. Замѣтили и Аѳанасія Матвѣича. Надъ нимъ всегда всѣ трунили, чтобъ кольнуть Марью Александровну ея супругомъ. Теперь же, отъ недалекаго и откровеннаго Аѳанасія Матвѣича можно было кой-что и вывѣдать. Марья Александровна съ безпокойствомъ приглядывалась къ осадному положенію, въ которомъ видѣла своего супруга. Къ тому же, онъ отвѣчалъ на всѣ вопросы: ли, съ такимъ несчастнымъ и неестественнымъ видомъ, что было отчего ей прійти въ бѣшенство.

— Марья Александровна! Аѳанасій Матвѣичъ съ нами совсѣмъ говорить не хочетъ! вскричала одна смѣлая, востроглазая дамочка, которая рѣшительно никого не боялась и никогда не конфузилась. — Прикажите ему быть поучтивѣе съ дамами.

— Я, право, сама не знаю, что съ нимъ сегодня сдѣлалось, отвѣчала Марья Александровна, прерывая разговоръ свой съ Анной Николаевной и съ Натальей Дмитріевной и весело улыбаясь,—такой, право, неразговорчивый! Онъ и со мной почти ни слова не говорилъ. Почему-жъ ты не отвѣчаешь Фелисатѣ Михайловнѣ, Athanase? Что вы его спрашивали?

— Но... но... матушка, вѣдь, ты же сама... пробормоталъ было удивленный и потерянный Аѳанасій Матвѣичъ. Въ это время онъ стоялъ у затопленнаго камина, заложивъ руки за жилетъ, въ живописномъ положеніи, которое самъ себѣ выбралъ, и прихлебывалъ чай. Вопросы дамъ такъ его конфузили, что онъ краснѣлъ, какъ дѣвчонка. Когда же онъ началъ свое оправданіе, то встрѣтилъ такой ужасный взглядъ своей взбѣшенной супруги, что чуть не обезпамятѣлъ отъ испуга. Не зная, что дѣлать, желая какъ-нибудь поправиться и вновь заслужить уваженіе, онъ хлебнулъ было чаю; но чай былъ слишкомъ горячій. Не

соразмѣривъ глотка, онъ ужасно обжегся, выронилъ чашку, поперхнулся и такъ закашлялся, что на время принужденъ былъ выйти изъ комнаты, возбудивъ недоумѣніе во всѣхъ присутствовавшихъ. Однимъ словомъ, все было ясно. Марья Александровна поняла, что ея гости знали ужъ все и собрались съ самыми дурными намѣреніями. Положеніе было опасное. Могутъ разговорить, сбить съ толку слабоумнаго старика, въ ея же присутствіи. Могли даже увести отъ нея князя, поссоривъ его съ нею въ этотъ же вечеръ и сманивъ его за собою. Ожидать можно было всего. Но судьба готовила ей еще одно испытаніе: дверь отворилась и явился Мозгляковъ, котораго она считала у Бородуева и совсѣмъ не ожидала къ себѣ въ этотъ вечеръ. Она вздрогнула, какъ будто что-то кольнуло ее.

Мозгляковъ остановился въ дверяхъ и оглядывалъ всѣхъ, немного потерявшись. Онъ не въ силахъ былъ сладить съ своимъ волненіемъ, которое ясно выражалось въ его лицѣ.

— Ахъ, Боже мой! Павелъ Александровичъ! вскрикнуло нѣсколько голосовъ.

— Ахъ, Боже мой! Да вѣдь это Павелъ Александровичъ! Какъ же вы сказали, Марья Александровна, что они пошли къ Бородуевымъ-съ? Намъ сказали, что вы скрылись у Бородуева-съ, Павелъ Александровичъ! пропищала Наталья Дмитріевна.

— Скрылся? повторилъ Мозгляковъ съ какой-то искривившейся улыбкой. — Странное выраженіе! Извините, Наталья Дмитріевна! Я ни отъ кого не прячусь и никогда не желаю прятать, прибавилъ онъ, многозначительно взглянувъ на Марью Александровну.

Марья Александровна затрепетала.

„Какъ, неужели и этотъ болванъ бунтуется?“ подумала она, пытливо всматриваясь въ Мозглякова. — „Нѣтъ, это ужъ будетъ хуже всего...“

— Правда-ли, Павелъ Александровичъ, что вамъ вышла отставка... по службѣ, разумѣется? выскочила дерзкая Фелисата Михайловна, насмѣшливо смотря ему прямо въ глаза.

— Отставка? Какая отставка? Я просто перемѣняю службу. Мнѣ выходитъ мѣсто въ Петербургѣ, сухо отвѣчалъ Мозгляковъ.

— Ну, такъ поздравляю васъ, продолжала Фелисата

Михайловна. — А мы даже испугались, когда услышали, что вы гнались за мѣстомъ у насъ въ Мордасовѣ. Здѣсь мѣста ненадежныя. Павелъ Александровичъ, тотчасъ слетишь.

— Развѣ одни учительскія, въ уѣздномъ училищѣ: тутъ еще можно найти вакансію, замѣтила Наталья Дмитріевна.

Намекъ былъ такъ ясенъ и грубъ, что сконфузившаяся Анна Николаевна толкнула своего ядовитаго друга тихонько ногой.

— Неужели вы думаете, что Павелъ Александровичъ согласится занять мѣсто какого-нибудь учителишки? включила Фелисата Михайловна.

Но Павелъ Александровичъ не нашелъ, что отвѣчать. Онъ повернулся и столкнулся съ Аѳанасіемъ Матвѣичемъ, который протягивалъ ему руку. Мозгляковъ преглупо не принялъ его руки и насмѣшливо поклонился ему въ поясъ. Раздраженный до крайности, онъ прямо подошелъ къ Зинѣ и, злобно смотря ей въ глаза, прошепталъ:

— Это все по вашей милости. Подождите, я еще сегодня вечеромъ покажу вамъ—дуракъ я, или нѣтъ?

— Зачѣмъ откладывать? Это и теперь видно, громко отвѣтила Зина, съ отвращеніемъ обмѣривая глазами своего бывшаго жениха.

Мозгляковъ поспѣшно отворотился, испугавшись ея громкаго голоса.

— Вы отъ Бородуева? рѣшилась, наконецъ, спросить Марья Александровна.

— Нѣтъ-съ, я отъ дядюшки.

— Отъ дядюшки? Такъ вы, значитъ, были теперь у князя?

— Ахъ, Боже мой! Такъ, значитъ, князь ужъ проснулись? А намъ сказали, что они все еще почиваютъ-съ, прибавила Наталья Дмитріевна, ядовито посматривая на Марью Александровну.

— Не безпокойтесь о князѣ, Наталья Дмитріевна, отвѣчалъ Мозгляковъ,—онъ проснулся и, слава Богу, теперь уже въ своемъ умѣ. Давеча его подпоили, сначала у васъ, а потомъ ужъ, окончательно, здѣсь, такъ что онъ совсѣмъ было потерялъ голову, которая у него и безъ того некрѣпка. Но теперь, слава Богу, мы вмѣстѣ поговорили, и онъ началъ разсуждать здраво. Онъ сейчасъ сюда будетъ, чтобъ откланяться вамъ, Марья Александровна, и побла-

тодарить за все ваше гостепріимство. Завтра же чѣмъ свѣтъ, мы вмѣстѣ отправляемся въ пустынь, а потомъ и его непремѣнно самъ провожу до Духанова, во избѣжаніе вторичныхъ паденій, какъ, напримѣръ, сегодня: я тамъ ужъ его приметъ съ рукъ на руки. Степанида Матвѣевна, которая, къ тому времени, непремѣнно воротится изъ Москвы, я ужъ ни за что не выпущу его за другой разъ путешествовать. — за это я отвѣчаю.

Говоря это, Мозгляковъ злобно смотрѣлъ на Марью Александровну. Та сидѣла, какъ будто онѣмѣвшая отъ изумленія. Съ горестью признаюсь, что моя героиня, можетъ-быть, первый разъ въ жизни струсила.

— Такъ завтра, чѣмъ свѣтъ, уѣзжаютъ? Какъ же это-съ? проговорила Наталья Дмитріевна, обращаясь къ Маріѣ Александровнѣ.

— Какъ же это такъ? наивно раздалось между гостями.—А мы слышали, что... вотъ, право, странно!

Но хозяйка ужъ и не знала, что отвѣчать. Вдругъ всеобщее вниманіе было развлечено самымъ необыкновеннымъ и эксцентрическимъ образомъ. Въ сосѣдней комнатѣ послышались какой-то странный шумъ и чьи-то рѣзкія восклицанія, и вдругъ, нежданно-негаданно, въ салонъ Марьи Александровны ворвалась Софья Петровна Карпухина. Софья Петровна была безспорно самая эксцентрическая дама въ Мордасовѣ, до того эксцентрическая, что даже въ Мордасовѣ рѣшено было, съ недавняго времени, не принимать ее въ общество. Надо еще замѣтить, что она, регулярно каждый вечеръ, ровно въ семь часовъ, закусывала, — для желудка, какъ она выражалась, — и послѣ закуски обыкновенно была въ самомъ эманципированномъ состояніи духа, чтобъ не сказать чего-нибудь болѣе. Она именно была въ этомъ состояніи духа теперь, такъ неожиданно ворвавшись къ Маріѣ Александровнѣ.

— А, такъ вотъ вы какъ, Марья Александровна, закричала она на всю комнату.—вотъ вы какъ со мной поступаете! Не безпокойтесь, я на минутку; я у васъ и не сяду. Я нарочно заѣхала узнать, вѣрно-ли то, что мнѣ говорили? А! такъ у васъ балы, банкеты, сговоры, а Софья Петровна сиди себѣ дома, да чулокъ вяжи! Весь городъ назвали, а меня нѣтъ! А давеча я вамъ и другъ, и mon ange, когда пріѣхала пересказать, что дѣлаютъ съ княземъ у Натальи Дмитріевны. А теперь вотъ и Наталья Дмитріевна, которую вы давеча на чемъ свѣтъ ругали и

которая васъ же ругала, у васъ въ гостяхъ сидитъ. Не безпокойтесь, Наталья Дмитріевна! Не надо мнѣ вашего шоколаду à la santé, по гривеннику палка. Я почаще вашего пью у себя дома! Тьфу!

— Это видно-съ, замѣтила Наталья Дмитріевна.

— Но, помилуйте, Софья Петровна, вскрикнула Марья Александровна, покраснѣвъ отъ досады, — что́ съ вами? Образумьтесь, по крайней мѣрѣ.

— Не безпокойтесь обо мнѣ, Марья Александровна, я все знаю, все, все узнала! кричала Софья Петровна своимъ рѣзкимъ, визгливымъ голосомъ, окруженная всѣми гостями, которые, казалось, наслаждались этой неожиданной сценой.—Все узнала! Ваша же Настасья прибѣжала ко мнѣ и все разсказала. Вы подцѣпили этого князишку, напоили его до-пьяна, заставили сдѣлать предложеніе вашей дочери, которую ужъ никто не хочетъ больше брать замужъ, да и думаете, что и сами теперь сдѣлались важной птицей,—герцогиня въ кружевахъ,—тьфу! Не безпокойтесь, я сама полковница! Коли вы меня не пригласили на сговоръ, такъ и наплевать! Я почище васъ людей видывала. Я у графини Залихватской обѣдала; за меня оберъ-комиссаръ Курочкинъ сватался! Очень надо мнѣ ваше приглашеніе, тьфу!

— Видите-ли, Софья Петровна, отвѣчала Марья Александровна, выходя изъ себя,—увѣряю васъ, что такъ не врываются въ благородный домъ и, притомъ, въ *такомъ видѣ*, и если вы, сейчасъ же, не освободите меня отъ вашего присутствія и краснорѣчія, то я немедленно приму свои мѣры.

— Знаю-съ, вы прикажете меня вывести своимъ людишкамъ! Не безпокойтесь, я и сама дорогу найду. Прощайте, выдавайте замужъ кого хотите, а вы, Наталья Дмитріевна, не извольте смѣяться надо мной; мнѣ наплевать на вашъ шоколадъ! Меня хоть и не пригласили сюда, а я, все-таки, передъ князьями казачка не выплясывала. А вы что́ смѣетесь, Анна Николаевна? Сушиловъ-то ногу сломалъ; сейчасъ домой принесли, тьфу! А если вы, Фелисата Михайловна, не велите вашей босопогой Матрешкѣ во-время вашу корову загонять, чтобъ она не мычала у меня каждый день подъ окошками, такъ я вашей Матрешкѣ ноги переломаю. Прощайте, Марья Александровна, счастливо оставаться, тьфу!

Софья Петровна исчезла. Гости смѣялись. Марья Александровна была въ крайнемъ замѣшательствѣ.

— Я думаю, онѣ выпили-съ, сладко произнесла Наталья Дмитріевна.

— Но только, какая дерзость!

— Quelle abominable femme!

— Вотъ такъ ужъ насмѣшила!

— Ахъ, какія онѣ неприличности говорили-съ!

— Только, что-жъ это она про сговоръ говорила? Какой же это сговоръ? насмѣшливо спросила Фелисата Михайловна.

— Но это ужасно! разразилась, наконецъ, Марья Александровна.—Вотъ эти-то чудовища и сѣютъ пригоршнями всѣ эти нелѣпые слухи! Удивительно не то, Фелисата Михайловна, что находятся такія дамы среди нашего общества,—нѣтъ, удивительнѣе всего то, что въ этихъ самыхъ дамахъ нуждаются, ихъ слушаютъ, ихъ поддерживаютъ, имъ вѣрятъ, ихъ...

— Князь! Князь! закричали вдругъ всѣ гости.

— Ахъ, Боже мой! Ce cher prince!

— Ну, слава Богу! Мы теперь узнаемъ всю подноготную, прошептала своей сосѣдкѣ Фелисата Михайловна.

ГЛАВА XIII.

Князь вошелъ и сладостно улыбнулся. Вся тревога, которую четверть часа назадъ Мозгляковъ запрятилъ въ его куриное сердце, исчезла при видѣ дамъ. Онъ тотчасъ же растаялъ, какъ конфетка. Дамы встрѣтили его съ визгливымъ крикомъ радости. Вообще говоря, дамы всегда ласкали нашего старичка и были съ нимъ чрезвычайно фамильярны. Онъ имѣлъ способность забавлять ихъ своею особою до невѣроятности. Фелисата Михайловна даже утверждала утромъ (конечно, не серьезно), что она готова сѣсть къ нему на колѣни, если это ему будетъ пріятно,—„потому что онъ милый-милый старичокъ, милый до безконечности!“ Марья Александровна впилась въ него своими глазами, желая хоть что-нибудь прочесть на его лицѣ и предугадать выходъ изъ своего критическаго положенія. Ясно было, что Мозгляковъ нагадилъ ужасно и что все дѣло ея сильно колеблется. Но ничего нельзя было прочесть на лицѣ князя. Онъ былъ такой же, какъ и давеча, какъ и всегда.

— Ахъ, Боже мой! Вотъ и князь! А мы всѣ ждали-ждали, закричали нѣкоторыя изъ дамъ.

— Съ нетерпѣньемъ, князь, съ нетерпѣньемъ! прощищали другія.

— Мнѣ это чрезвычайно лест-но, шепелявилъ князь, подсаживаясь къ столу, на которомъ кипѣлъ самоваръ. Дамы тотчасъ же окружили его. Возлѣ Марьи Александровны остались только Анна Николаевна, да Наталья Дмитріевна. Агапасій Матвѣичъ почтительно улыбался. Мозгляковъ тоже улыбался и съ вызывающимъ видомъ глядѣлъ на Зину, которая, не обращая на него ни малѣйшаго вниманія, подошла къ отцу и сѣла возлѣ него на кресла, близъ камина.

— Ахъ, князь, правду-ли говорятъ, что вы отъ насъ уѣзжаете? пропищала Фелисата Михайловна.

— Ну, да, mesdames, уѣзжаю. Я не-мед-ленно хочу ѣхать за гра-ни-цу.

— За границу, князь, за границу! вскричали всѣ хоромъ,—да что это вамъ вздумалось?

— За гра-ни-цу, подтвердилъ князь, охорашиваясь,— и, знаете, я особенно хочу туда ѣхать для но-выхъ идей.

— Какъ это для новыхъ идей? Это объ чемъ же? говорили дамы, переглядываясь одна съ другой.

— Ну, да, для новыхъ идей, повторилъ князь съ видомъ глубочайшаго убѣжденія.—Всѣ теперь ѣдутъ для новыхъ и-дей. Вотъ и я хочу получить но-вы-я и-деи.

— Да ужъ не въ масонскую-ли ложу вы хотите поступить, любезнѣйшій дядюшка? включилъ Мозгляковъ, очевидно, желая порисоваться передъ дамами своимъ остроуміемъ и развязностью.

— Ну, да, мой другъ, ты не ошибся, неожиданно отвѣчалъ дядюшка. — Я, дѣйст-ви-тельно, въ старину, къ одной масонской ложѣ, за границей, при-над-лежалъ, и даже имѣлъ, въ свою очередь, очень много великодушныхъ идей. Я даже собирался тогда много сдѣлать для сов-ре-мен-наго прос-вѣщенія, и ужъ совсѣмъ было положилъ, въ Франкфуртѣ, моего Сидора, котораго съ собой за границу повезъ, на волю от-пус-тить. Но онъ, къ удивленію моему, самъ бѣжалъ отъ меня. Чрезвычайно странный былъ че-ло-вѣкъ. Потомъ, вдругъ, встрѣчаю его въ Па-ри-жѣ, франтомъ такимъ, въ бакенахъ, идетъ по бульва-ру съ мамзелью. Поглядѣлъ на меня, кивнулъ го-ло-вой. И мамзель съ нимъ такая бойкая, востроглазая, такая заман-чивая...

— Ну, дядюшка! Да вы, послѣ этого, всѣхъ крестьянъ отпустите на волю, коли этотъ разъ за границу поѣдете! вскричалъ Мозгляковъ, хохоча во все горло.

— Ты совершенно уга-далъ мои желанія, мой милый, отвѣчалъ князь безъ запинки.—Я именно хочу ихъ отпустить всѣхъ на во-лю.

— Да помилуйте, князь, вѣдь они тотчасъ же всѣ убѣгутъ отъ васъ, и тогда кто вамъ будетъ оброкъ платить? вскричала Фелисата Михайловна.

— Конечно, всѣ разбѣгутся, тревожно отозвалась Анна Николаевна.

— Ахъ, Боже мой! Не-уже-ли они и въ самомъ дѣлѣ убѣгутъ! вскричалъ князь съ удивленіемъ.

— Убѣгутъ-съ, тотчасъ же всѣ убѣгутъ-съ, и часъ одного и оставятъ-съ, подтвердила Наталья Дмитріевна.

— Ахъ, Боже мой! Ну, такъ я ихъ не от-пу-щу на волю. Впрочемъ, вѣдь это я только такъ.

— Этакъ-то лучше, дядюшка, скрѣпилъ Мозгляковъ.

До сихъ поръ Марья Александровна слушала молча и наблюдала. Ей показалось, что князь совершенно о ней позабылъ и что это вовсе не натурально.

— Позвольте, князь, начала она громко и съ достоинствомъ, — вамъ отрекомендовать моего мужа, Аѳанасія Матвѣича. Онъ нарочно пріѣхалъ изъ деревни, какъ только услышалъ, что вы остановились въ моемъ домѣ.

Аѳанасій Матвѣичъ улыбнулся и пріосанился. Ему показалось, что его похвалили.

— Ахъ, я очень радъ, сказалъ князь.—А-ѳа-насій Матвѣичъ! Позвольте, я что-то при-по-минаю. А-ѳа-насій Мат-вѣ-ичъ. Ну, да, это тотъ, который въ деревнѣ. Charmant, charmant, очень радъ. Другъ мой! вскричалъ князь, обращаясь къ Мозглякову, — да вѣдь это тотъ самый помнишь, давеча еще въ рифму выхо-дило. Какъ бишь это? Мужъ въ дверь, а жена... ну, да, въ какой-то городъ и жена тоже по-ѣ-хала.

— Ахъ, князь, да это вѣрно: мужъ въ дверь, а жена въ Тверь, тотъ самый водевиль, который у насъ прошлаго года актеры играли, подхватила Фелисата Михайловна.

— Ну, да, именно: въ Тверь: я все за-бы-ваю. Charmant, charmant! Такъ это вы тотъ самый и есть? Чрезвычайно радъ съ вами позна-ко-миться, говорилъ князь, не вставая съ креселъ и протягивая руку улыбающемуся Аѳанасію Матвѣичу.—Ну, какъ ваше здоровье?

— Гм...

— Онъ здоровъ, князь, здоровъ, торопливо отвѣтила Марья Александровна.

— Ну, да, это и видно, что онъ здо-ровъ. И вы все въ деревнѣ? Ну, я очень радъ. Да какой онъ крас-но-щекій и все смѣется...

Аѳанасій Матвѣичъ улыбался, кланялся и даже расшаркивался. Но при послѣднемъ замѣчаніи князя не утерпѣлъ и вдругъ, ни съ того, ни съ сего, самымъ глупѣйшимъ образомъ, прыснулъ отъ смѣха. Всѣ захохотали. Дамы визжали отъ удовольствія. Зина вспыхнула и сверкающими глазами посмотрѣла на Марью Александровну, которая, въ свою очередь, разрывалась отъ злости. Пора было перемѣнить разговоръ.

— Какъ вы почивали, князь? спросила она медоточивымъ голосомъ, въ то же время грознымъ взглядомъ давая знать Аѳанасію Матвѣичу, чтобъ онъ немедленно убирался на свое мѣсто.

— Ахъ, я очень хорошо спалъ, отозвался князь,—и, знаете, видѣлъ одинъ очарова-тельный сонъ, о-ча-ро-ватель-ный сонъ!

— Сонъ! Я ужасно люблю, когда разсказываютъ про сны, вскричала Фелисата Михайловна.

— И я тоже-съ, люблю-съ очень-съ! прибавила Наталья Дмитріевна.

— О-ча-ро-вательный сонъ, повторялъ князь съ сладкой улыбкой,—но зато этотъ сонъ величайшій секретъ!

— Какъ, князь, неужели и разсказывать нельзя? Да это, должно-быть, удивительный какой-нибудь сонъ? замѣтила Анна Николаевна.

— Ве-ли-чайшій секретъ, повторялъ князь, съ наслажденіемъ подзадоривая любопытство дамъ.

— Такъ это, должно быть, ужасно интересно! кричали дамы.

— Бьюсь объ закладъ, что князь стоялъ во снѣ передъ какой-нибудь красавицей на колѣняхъ и объяснялся въ любви! вскричала Фелисата Михайловна.—Ну, признайтесь, князь, что это правда! Миленькій князь, признайтесь!

— Признайтесь, князь, признайтесь! подхватили со всѣхъ сторонъ.

Князь торжественно и съ упоеніемъ внималъ всѣмъ этимъ крикамъ. Предположенія дамъ чрезвычайно льстили его самолюбію, такъ что онъ чуть-чуть не облизывался.

— Хотя я и сказалъ, что мой сонъ — величайшій секретъ, отвѣчалъ онъ, наконецъ, — но я принужденъ со-

знаться, что вы, сударыня, къ удивленію моему, почти совершенно его отгадали.

— Отгадала! съ восторгомъ вскричала Фелисата Михайловна.—Ну, князь! Теперь, какъ хотите, а вы должны намъ открыть, кто такая ваша красавица?

— Непремѣнно откройте!

— Здѣшняя, или нѣтъ?

— Миленькій князь, откройте!

— Душенька, князь, откройте! Хоть умрите, да откройте! кричали со всѣхъ сторонъ.

— Mesdames, mesdames!.. Если вы ужъ хотите такъ настоятельно знать, то я только одно могу вамъ открыть, что это—самая очаровательная и, можно сказать, самая непорочная дѣвица изъ всѣхъ, которыхъ я знаю, промямлилъ совершенно растаявшій князь.

— Самая очаровательная! И... здѣшняя! Кто-жъ бы это? спрашивали дамы, значительно переглядываясь и перемигиваясь одна съ другой.

— Разумѣется, тѣ-съ, которыя здѣсь первыя красавицы считаются-съ, проговорила Наталья Дмитріевна, потирая свои красныя ручищи и посматривая своими кошачьими глазами на Зину. Вмѣстѣ съ нею и всѣ посмотрѣли на Зину.

— Такъ какъ же, князь, если вы видите такіе сны, такъ почему-жъ бы вамъ на-яву не жениться? спросила Фелисата Михайловна, оглядывая всѣхъ значительнымъ взглядомъ.

— А какъ бы мы славно женили васъ! подхватила другая дама.

— Миленькій князь, женитесь! пропищала третья.

— Женитесь, женитесь! закричали со всѣхъ сторонъ.— Почему-жъ не жениться?

— Ну, да... почему-жъ не жениться, поддакивалъ князь, сбитый съ толку всѣми этими криками.

— Дядюшка! вскричалъ Мозгляковъ.

— Ну, да, мой другъ, я тебя по-ни-маю! Я именно хотѣлъ вамъ сказать, mesdames, что я уже не въ состояніи болѣе жениться и, проведя очаровательный вечеръ у нашей прелестной хозяйки, я завтра же отправляюсь къ іеромонаху Мисаилу въ пустынь, а потомъ уже прямо за границу, чтобы удобнѣе слѣдить за евро-пейскимъ просвѣщеніемъ.

Зина побѣднѣла и съ невыразимою тоскою посмотрѣ

на мать свою. Но Марья Александровна уже рѣшилась. До сихъ поръ она только выжидала, испытывала, хотя и понимала, что дѣло слишкомъ испорчено и что враги ея слишкомъ обогнали ее на дорогѣ. Наконецъ, она поняла все, и однимъ разомъ, однимъ ударомъ рѣшилась сокрушить стоглавую гидру. Съ величіемъ встала она съ кресель и твердыми шагами приблизилась къ столу, гордымъ взглядомъ измѣряя пигмеевъ-враговъ своихъ. Огонь вдохновенія блисталъ въ этомъ взглядѣ. Она рѣшилась поразить, сбить съ толку всѣхъ этихъ ядовитыхъ сплетницъ, раздавить негодяя Мозглякова, какъ таракана, и однимъ рѣшительнымъ, смѣлымъ ударомъ завоевать вновь все свое потерянное вліяніе надъ идіотомъ-княземъ. Разумѣется, требовалась дерзость необыкновенная; но за дерзостью не въ карманъ было ходить Марьѣ Александровнѣ!

— Mesdames, начала она торжественно и съ достоинствомъ (Марья Александровна вообще чрезвычайно любила торжественность),—mesdames, я долго прислушивалась къ вашему разговору, къ вашимъ веселымъ и остроумнымъ шуткамъ, и нахожу, что пора мнѣ сказать свое слово. Вы знаете, мы собрались здѣсь всѣ вмѣстѣ—совершенно случайно (и я такъ рада, такъ этому рада)... Никогда бы я, первая, не рѣшилась высказать важную семейную тайну и разгласить ее прежде, чѣмъ требуетъ самое обыкновенное чувство приличія. Въ особенности, прошу извиненія у моего милаго гостя; но мнѣ показалось, что онъ самъ, отдаленными намеками на то же самое обстоятельство, подалъ мнѣ мысль, что ему не только не будетъ непріятно формальное и торжественное объявленіе нашей семейной тайны, но что даже онъ желаетъ этого разглашенія... Не правда-ли, князь, я не ошиблась?

— Ну, да, вы не ошиблись... и я очень, очень радъ... проговорилъ князь, совершенно не понимая, о чемъ идетъ дѣло.

Марья Александровна, для большаго эффекта, остановилась перевести духъ и оглядѣла все общество. Всѣ гости, съ алчнымъ и безпокойнымъ любопытствомъ, вслушивались въ слова ея. Мозгляковъ вздрогнулъ; Зина покраснѣла и привстала съ кресель; Лоанаѳій Матвѣичъ, въ ожиданіи чего-то необыкновеннаго, на всякій случай, высморкался.

— Да, mesdames, я съ радостію готова повѣрить вамъ мою семейную тайну. Сегодня, послѣ обѣда, князь, увле-

ченный красотою и... достоинствами моей дочери, сдѣлать ей честь своимъ предложеніемъ. Князь! заключила она дрожащимъ отъ слезъ и отъ волненія голосомъ,—милый князь, вы не должны, вы не можете сердиться на меня за мою нескромность! Только чрезвычайная семейная радость могла, преждевременно, вырвать изъ моего сердца эту милую тайну и... какая мать можетъ обвинить меня въ этомъ случаѣ?

Не нахожу словъ, чтобъ изобразить эффектъ, произведенный неожиданною выходкой Марьи Александровны. Всѣ какъ будто онѣмѣли отъ изумленія. Вѣроломныя гостьи, думавшія напугать Марью Александровну тѣмъ, что онѣ уже знаютъ ея тайну, думавшія убить ее преждевременнымъ обнаруженіемъ этой тайны, думавшія растерзать ее, покамѣсть, только одними намеками, были ошеломлены такою смѣлою откровенностью. Такая безстрашная откровенность обозначала въ себѣ силу. „Стало-быть, князь дѣйствительно, своею собственною волею, женится на Зинѣ? Стало-быть, не завлекали его, не опаивали, не обманывали? Стало-быть, не потаеннымъ, не воровскимъ образомъ его заставляютъ жениться? Стало-быть, Марья Александровна никого не боится? Стало-быть, нельзя уже разбить эту свадьбу, коли князь не по принужденію женится?" Послышался мгновенный шопотъ, превратившійся вдругъ въ визгливые крики радости. Первая бросилась обнимать Марью Александровну Наталья Дмитріевна; за ней Анна Николаевна, за этой Фелисата Михайловна. Всѣ вскочили съ своихъ мѣстъ, всѣ перемѣшались, многія изъ дамъ были блѣдны отъ злости. Стали поздравлять сконфуженную Зину; уцѣпились даже за Аѳанасія Матвѣича. Марья Александровна живописно простерла руки и, почти насильно, заключила свою дочь въ объятія. Одинъ князь смотрѣлъ на сцену съ какимъ-то страннымъ удивленіемъ, хотя и улыбался попрежнему. Впрочемъ, сцена ему отчасти понравилась. При объятіяхъ матери съ дочерью, онъ вынулъ платокъ и утеръ свой глазъ, на которомъ показалась слезинка. Разумѣется, бросились и къ нему съ поздравленіями.

— Поздравляемъ, князь! Поздравляемъ! кричали со всѣхъ сторонъ.

— Такъ вы женитесь?

— Такъ вы дѣйствительно женитесь?

— Миленькій князь, такъ вы женитесь?

— Ну, да, ну, да, отвѣчалъ князь, чрезвычайно довольный поздравленіями и восторгами,—и, признаюсь вамъ, что мнѣ всего болѣе нравится ваше милое участіе ко мнѣ, которое я никог-да не забуду, ни-ког-да не забуду. Charmant! Charmant! Вы даже про-сле-зили меня...

— Поцѣлуйте меня, князь! громче всѣхъ кричала Фелисата Михайловна.

— И, признаюсь вамъ, продолжалъ князь, прерываемый со всѣхъ сторонъ,—я наиболѣе удивляюсь тому, что Марья Ива-нов-на, наша почтен-ная хозяйка, съ такою необыкно-вен-ною проницательностью угадала мой сонъ. Точно какъ будто она, вмѣсто меня, его ви-дѣла. Не-о-бык-новенная проницательность! Не-о-бык-новенная проницательность!

— Ахъ, князь, вы опять за сонъ?

— Да ужъ признайтесь, князь, признайтесь! кричали всѣ, обступивъ его.

— Да, князь, скрываться нечего, пора обнаружить эту тайну! рѣшительно и строго сказала Марья Александровна.—Я поняла вашу тонкую аллегорію, вашу очаровательную деликатность, съ которою вы старались мнѣ намекнуть о желаніи вашемъ огласить ваше сватовство. Да, mesdames, это правда: сегодня князь стоялъ на колѣняхъ передъ моею дочерью и на-яву, а не во снѣ, сдѣлалъ ей торжественное предложеніе.

— Совершенно какъ будто на-яву и даже съ тѣми самыми обсто-я-тельствами, подтвердилъ князь.—Мадмуазель, продолжалъ онъ, съ необыкновенною вѣжливостью обращаясь къ Зинѣ, которая все еще не пришла въ себя отъ изумленія,—мадмуазель! Клянусь, что никогда бы я не осмѣлился произнести ваше имя, если-бъ другіе, раньше меня, не про-из-нес-ли его. Это былъ очаровательный сонъ, оча-ровательный сонъ, и я вдвойнѣ счастливъ, что мнѣ позволено вамъ теперь это вы-ска-зать. Charmant! Charmant!..

— Но, помилуйте, какъ же это? Вѣдь онъ все говоритъ про сонъ, прошептала Анна Николаевна встревоженной и слегка поблѣднѣвшей Марьѣ Александровнѣ.

Увы! У Марьи Александровны, и безъ этихъ предостереженій, давно уже ныло и трепетало сердце.

— Какъ же это? шептали дамы, переглядываясь одна съ другой.

— Помилуйте, князь, начала Марья Александровна съ

болѣзненно-искривившеюся улыбкою, — увѣряю васъ, что вы меня удивляете. Что за странная у васъ идея про сонъ? Признаюсь вамъ, я думала до сихъ поръ, что вы шутите, но... Если это шутка, то это довольно неумѣстная шутка... Я хочу, я желаю приписать это вашей разсѣянности, но...

— Въ самомъ дѣлѣ, это, можетъ-быть, у нихъ отъ разсѣянности-съ, прошипѣла Наталья Дмитріевна.

— Ну, да... можетъ-быть, это и отъ разсѣянности, подтвердилъ князь, все еще не совсѣмъ понимая, чего отъ него добиваются. — И, вообразите, я вамъ разскажу сейчасъ одинъ а-нек-дотъ. Зовутъ меня, въ Петербургѣ, на по-хороны, такъ, къ однимъ людямъ, maison bourgeoise, mais honnette, а я и смѣшалъ, что на именины. Именины-то еще на прошлой недѣ-лѣ про-шли. Букеты изъ камелій име-нин-ницѣ приготовилъ. Вхожу, и что-жъ вижу? Человѣкъ почтенный, солидный — лежитъ на столѣ, такъ что я уди-вился. Я просто не зналъ, куда дѣваться съ бу-кетомъ.

— Но, князь, дѣло не въ анекдотахъ! съ досадою перебила Марья Александровна. — Конечно, моей дочери нечего гнаться за женихами, но давеча вы сами, здѣсь, у этого рояля, сдѣлали ей предложеніе. Я не вызывала васъ на это... Это меня, можно сказать, франировало... Разумѣется, у меня мелькнула тогда одна мысль, и я отложила это все до вашего пробужденія. Но я — мать; она—дочь моя... Вы сами говорили сейчасъ о какомъ-то снѣ, и я думала вы, подъ видомъ аллегоріи, хотите разсказать о вашей помолвкѣ. Я очень хорошо знаю, что васъ, можетъ-быть, сбиваютъ... я даже подозрѣваю, кто именно... но... объяснитесь, князь, объяснитесь скорѣе, удовлетворительнѣе. Такъ нельзя шутить съ благороднымъ домомъ...

— Ну, да, такъ нельзя шутить съ благороднымъ домомъ, поддакнулъ князь безсознательно, но уже начиная понемногу безпокоиться.

— Но это не отвѣтъ, князь, на мой вопросъ. Я прошу васъ отвѣчать положительно; подтвердите, сейчасъ же подтвердите здѣсь, при всѣхъ, что вы дѣлали давеча предложеніе моей дочери.

— Ну, да, я готовъ подтвердить. Впрочемъ, я все это уже разсказывалъ, и Фелисата Яковлевна совершенно угадала мой сонъ.

— Не сонъ! не сонъ! закричала въ ярости Марья Александровна.—Не сонъ, а это было на-яву, князь, на-яву, слышите-ли, на-яву!

— На-яву! вскричалъ князь, въ удивленіи подымаясь съ креселъ. — Ну, другъ мой! Какъ ты давеча напророчилъ, такъ и вышло! прибавилъ онъ, обращаясь къ Мозглякову.—Но, увѣряю васъ, почтенная Марья Степановна, что вы заблуждаетесь! Я совершенно увѣренъ, что я это видѣлъ только во снѣ!

— Господи помилуй! вскрикнула Марья Александровна.

— Не убивайтесь, Марья Александровна, вступилась Наталья Дмитріевна. — Князь, можетъ-быть, какъ-нибудь позабыли-съ... Они вспомнятъ-съ.

— Я удивляюсь вамъ, Наталья Дмитріевна, съ негодованіемъ возразила Марья Александровна, — развѣ такія вещи забываются? Развѣ это можно забывать? Помилуйте, князь! Вы смѣетесь надъ нами, иль нѣтъ? Или вы корчите, можетъ-быть, изъ себя одного изъ шематоновъ временъ регентства, которыхъ изображаетъ Дюма? Какого-нибудь Фарлакура, Лозена? Но, кромѣ того, что это вамъ не по лѣтамъ, увѣряю васъ, что это вамъ не удастся! Моя дочь не французская виконтесса, Давеча, здѣсь, вотъ здѣсь, она вамъ пѣла романсъ, и вы, увлеченные ея пѣніемъ, опустились на колѣни и сдѣлали ей предложеніе. Неужели я грежу? Неужели я сплю? Говорите, князь: сплю я, иль нѣтъ?

— Ну, да... а, впрочемъ, можетъ-быть, нѣтъ... отвѣчалъ растерявшійся князь.—Я хочу сказать, что я теперь, кажется, не во снѣ. Я, видите-ли, давеча былъ во снѣ, а потому видѣлъ сонъ, что во снѣ...

— Фу ты, Боже мой, что это такое: не во снѣ — во снѣ, во снѣ—не во снѣ! Да это чортъ знаетъ что такое! Вы бредите, князь, иль нѣтъ?

— Ну, да, чортъ знаетъ... впрочемъ, я, кажется, ужъ совсѣмъ теперь сбился... проговорилъ князь, вращая кругомъ безпокойные взгляды.

— Но какъ же вы могли видѣть во снѣ, убивалась Марья Александровна,—когда я, вамъ же, съ такими подробностями, разсказываю вашъ собственный сонъ, тогда какъ вы его еще никому изъ насъ не разсказывали?

— Но, можетъ-быть, князь ужъ кому-нибудь и разсказывали-съ, проговорила Наталья Дмитріевна.

— Ну, да, можетъ-быть, я кому-нибудь и разсказывалъ, подтвердилъ совершенно потерявшійся князь.

— Вотъ комедія-то! шепнула Федосѣя Михайловна своей сосѣдкѣ.

— Ахъ ты, Боже мой! Да тутъ всякое терпѣніе лопнетъ! кричала Марья Александровна, въ изступленіи ломая руки. — Она вамъ пѣла романсъ, романсъ пѣла! Неужели вы и это во снѣ видѣли?

— Ну, да, и въ самомъ дѣлѣ, какъ будто пѣла романсъ, пробормоталъ князь въ задумчивости.

И вдругъ какое-то воспоминаніе оживило лицо его.

— Другъ мой! вскричалъ онъ, обращаясь къ Мозгякову, — я и забылъ тебѣ давеча сказать, что, вѣдь, и вправду былъ какой-то романсъ, и въ этомъ романсѣ были все какіе-то замки, такъ что очень много было замковъ, а потомъ былъ какой-то трубадуръ! Ну, да, я это все помню... такъ что я и запамятовалъ... А теперь вотъ и затрудняюсь, точно это и въ самомъ дѣлѣ было, а не во снѣ.

— Признаюсь вамъ, дядюшка, отвѣчалъ Мозгляковъ, сколько можно спокойнѣе, хотя голосъ его и дрожалъ отъ какой-то тревоги,—признаюсь вамъ, мнѣ кажется, все это очень легко уладить и согласить. Мнѣ кажется, вы дѣйствительно слышали пѣніе. Зинаида Аѳанасьевна поетъ прекрасно. Послѣ обѣда васъ отвели сюда, и Зинаида Аѳанасьевна вамъ спѣла романсъ. Меня тогда не было, но вы, вѣроятно, расчувствовались, вспомнили старину: можетъ-быть, вспомнили о той самой виконтессѣ, съ которой вы сами когда-то пѣли романсы и о которой вы же сами намъ утромъ разсказывали. Ну, а потомъ, когда легли спать, вамъ, вслѣдствіе пріятныхъ впечатлѣній, и приснилось, что вы влюблены и дѣлаете предложеніе...

Марья Александровна была просто оглушена такою дерзостью.

— Ахъ, мой другъ, вѣдь это и въ самомъ дѣлѣ такъ было! закричалъ князь въ восторгѣ. — Именно вслѣдствіе пріятныхъ впечатлѣній! Я дѣйствительно помню, какъ мнѣ пѣли романсъ, а я за это, во снѣ, и захотѣлъ жениться. И виконтесса тоже была... Ахъ, какъ ты умно это распуталъ, мой милый! Ну, я теперь совершенно увѣренъ, что все это видѣлъ во снѣ! Марья Васильевна! Увѣряю васъ, что вы ошибаетесь! Это было во снѣ. Иначе, я не сталъ бы играть вашими благородными чувствами...

— А! Теперь я вижу ясно, кто тутъ интригуетъ! закричала Марья Александровна, внѣ себя отъ бѣшенства,

обращаясь къ Мозглякову.—Это вы, сударь, вы, безчестный человѣкъ, вы все это надѣлали! Вы взбаломутили этого несчастнаго идіота за то, что вамъ самимъ отказали! Но ты заплатишь мнѣ, мерзкій человѣкъ, за эту обиду! Заплатишь, заплатишь, заплатишь!

— Марья Александровна! кричалъ Мозгляковъ, въ свою очередь, покраснѣвъ, какъ ракъ. — Ваши слова до такой степени... Я ужъ и не знаю, до какой степени ваши слова... Ни одна свѣтская дама не позволитъ себѣ... я, по крайней мѣрѣ, защищаю моего родственника. Согласитесь сами, такъ завлекать...

— Ну, да, такъ завлекать... поддакивалъ князь, стараясь спрятаться за Мозглякова.

— Аѳанасій Матвѣичъ! взвизгнула Марья Александровна какимъ-то неестественнымъ голосомъ. — Неужели вы не слышите, какъ насъ срамятъ и безчестятъ? Или вы уже совершенно избавили себя отъ всякихъ обязанностей? Или вы и въ самомъ дѣлѣ не отецъ семейства, а отвратительный деревянный столбъ? Что вы глазами-то хлопаете? Другой мужъ давно бы уже кровью смылъ обиду своего семейства!..

— Жена! съ важностью началъ Аѳанасій Матвѣичъ, гордясь тѣмъ, что и въ немъ настала нужда,—Жена! Да ужъ не видала-ль ты и въ самомъ дѣлѣ все это во снѣ, а потомъ, какъ проснулась, такъ и перепутала все, по-свойски...

Но Аѳанасію Матвѣичу не суждено было докончить свою остроумную догадку. До сихъ поръ еще гостьи удерживались и коварно принимали на себя видъ какой-то чинной солидности. Но тутъ громкій залпъ самаго неудержимаго смѣха огласилъ всю компату. Марья Александровна, забывъ всѣ приличія, бросилась было на своего супруга, вѣроятно, затѣмъ, чтобъ немедленно выцарапать ему глаза. Но ее удержали силою. Наталья Дмитріевна воспользовалась обстоятельствами и, хоть капельку, да подлила еще яду.

— Ахъ, Марья Александровна, можетъ-быть, оно и въ самомъ дѣлѣ такъ было-съ, а вы убиваетесь, проговорила она самымъ медоточивымъ голосомъ.

— Какъ было? Что такое было? кричала Марья Александровна, не понимая еще хорошенько.

— Ахъ, Марья Александровна, вѣдь это иногда и бываетъ-съ...

— Да что такое бываетъ? Жилы вы изъ меня, что-ли, тянуть хотите?

— Можетъ-быть, вы, и въ самомъ дѣлѣ, вызвали это во снѣ-съ.

— Во снѣ? Я? Во снѣ? И вы смѣете мнѣ это говорить прямо въ глаза.

— Что-жъ, можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ, такъ было, отозвалась Федосѣя Михайловна.

— Ну, да, можетъ-быть, и въ самомъ дѣлѣ, такъ было, пробормоталъ тоже князь.

— И онъ, и онъ туда же! Господи, Боже мой! закричала Марья Александровна, всплеснувъ руками.

— Какъ вы убиваетесь, Марья Александровна! Вашите-съ, что сны ниспосылаются Богомъ-съ. Умъ коли Богъ захочетъ-съ, такъ ужъ никто какъ Богъ-съ, и на всемъ Его святая воля-съ лежитъ-съ. Сердиться тутъ ужъ нечего-съ.

— Ну, да, сердиться нечего, поддакивалъ князь.

— Да вы меня за сумасшедшую принимаете, что-ли? едва проговорила Марья Александровна, задыхаясь отъ злости. Это уже было свыше силъ человѣческихъ. Она поспѣшила отыскать стулъ и упала въ обморокъ. Поднялась суматоха.

— Это онѣ изъ приличія-съ въ обморокъ упали-съ, шепнула Наталья Дмитріевна Аннѣ Николаевнѣ.

Но въ эту минуту, въ минуту высочайшаго недоумѣнія публики и напряженія всей этой сцены, вдругъ выступило одно, безмолвное доселѣ, лицо — и вся сцена нежеланно измѣнилась въ своемъ характерѣ...

ГЛАВА XIV.

Зинаида Аѳанасьевна, вообще говоря, была чрезвычайно романическаго характера. Не знаемъ, оттого-ли, какъ увѣряла сама Марья Александровна, что слишкомъ начиталась „этого дурака" Шекспира съ „своимъ учителишкой", но никогда, во всю мордасовскую жизнь свою, Зина еще не позволяла себѣ такой, необыкновенно-романической, или, лучше сказать, героической выходки, какъ та, которую мы сейчасъ будемъ описывать.

Блѣдная, съ рѣшимостью во взглядѣ, но почти дрожащая отъ волненія, чудно-прекрасная въ своемъ негодованіи, она выступила впередъ. Обводя всѣхъ долгимъ, вызывающимъ взглядомъ, она, посреди наставшаго вдругъ

безмолвія, обратилась къ матери, которая, при первомъ ея движеніи, тотчасъ же очнулась отъ обморока и открыла глаза.

— Маменька! сказала Зина,—къ чему обманывать? Къ чему еще ложью пятнать себя? Все уже до того загрязнено теперь, что, право, не стоитъ унизительнаго труда прикрывать эту грязь!

— Зина! Зина! Что съ тобою? Опомнись! вскричала испуганная Марья Александровна, вскочивъ съ своихъ креселъ.

— Я вамъ сказала, я вамъ сказала заранѣе, маменька, что я не вынесу всего этого позора, продолжала Зина.— Неужели же непремѣнно надо еще болѣе унижаться, еще болѣе грязнить себя? Но знайте, маменька, что я все возьму на себя, потому что я виновнѣе всѣхъ. Я, я, своимъ согласіемъ, дала ходъ этой гадкой... интригѣ! Вы— мать: вы меня любите; вы думали по-своему, по своимъ понятіямъ, устроить мое счастье. Васъ еще можно простить; но меня, меня—никогда!

— Зина, неужели ты хочешь разсказывать?.. О, Боже! Я предчувствовала, что этотъ кинжалъ не минуетъ моего сердца!

— Да, маменька, все разскажу! Я опозорена, вы... мы всѣ опозорены!..

— Ты преувеличиваешь, Зина! Ты внѣ себя и не помнишь, что говоришь! И къ чему же разсказывать? Тутъ смысла нѣтъ... Стыдъ не на насъ... Я докажу сейчасъ, что стыдъ не на насъ...

— Нѣтъ, маменька! вскричала Зина, съ злобнымъ дрожаніемъ въ голосѣ,—я не хочу болѣе молчать передъ этими людьми, мнѣніе которыхъ презираю и которые пріѣхали смѣяться надъ нами! Я не хочу сносить отъ нихъ обидъ; ни одна изъ нихъ не имѣетъ права бросить въ меня грязью. Всѣ онѣ готовы, сейчасъ же, сдѣлать въ тридцать разъ хуже, чѣмъ я или вы! Смѣютъ-ли, могутъ-ли онѣ быть нашими судьями?..

— Вотъ прекрасно! Вотъ какъ заговорила! Это что же! Это насъ обижаютъ! послышалось со всѣхъ сторонъ.

— Да онѣ, и впрямь, сами не понимаютъ, что говорятъ-съ, проговорила Наталья Дмитріевна.

Замѣтимъ въ скобкахъ, что Наталья Дмитріевна сказала справедливо. Если Зина не считала этихъ дамъ достойными судить себя, зачѣмъ же было и выходить къ нимъ

съ такою огласкою, съ такими признаніями? Вообще, Зинаида Афанасьевна чрезвычайно поторопилась. Таково было, впослѣдствіи, мнѣніе самыхъ лучшихъ головъ въ Мордасовѣ. Все бы могло быть исправлено! Все бы могло быть улажено! Правда, и Марья Александровна сама себѣ подгадила въ этотъ вечеръ своею поспѣшностью и заносчивостью. Стоило только насмѣяться надъ идіотомъ-старикашкой, да и выгнать его вонъ! Но Зина, какъ нарочно, вопреки здравому смыслу и мордасовской мудрости, обратилась къ князю.

— Князь, сказала она старику, который даже привсталъ изъ почтенія со стула, такъ поразила она его въ эту минуту.—Князь! Простите меня, простите насъ! Мы обманули, мы завлекли васъ...

— Да замолчишь-ли ты, несчастная! въ изступленіи вскричала Марья Александровна.

— Сударыня! Сударыня! Ma charmante enfant... бормоталъ пораженный князь.

Но гордый, порывистый и въ высшей степени мечтательный характеръ Зины увлекалъ ее въ эту минуту изъ среды всѣхъ приличій, требуемыхъ дѣйствительностью. Она забыла даже о своей матери, которую корчили судороги отъ ея признаній.

— Да, мы обманули васъ обѣ, князь:—маменька тѣмъ, что рѣшилась заставить васъ жениться на мнѣ, а я тѣмъ, что согласилась на это. Васъ напоили виномъ, я согласилась пѣть и кривляться передъ вами. Васъ—слабаго, беззащитнаго, *облапошили*, какъ выразился Павелъ Александровичъ, облапошили изъ-за вашего богатства, изъ-за вашего княжества. Все это было ужасно низко, и я каюсь въ этомъ. Но, клянусь вамъ, князь, что я рѣшилась на эту низость не изъ низкаго побужденія. Я хотѣла... Но что я! Двойная низость оправдывать себя въ такомъ дѣлѣ! Но объявляю вамъ, князь, что я, если бъ и взяла отъ васъ что-нибудь, то была бы за это вашей игрушкой, служанкой, плясуньей, рабой... я поклялась и свято бы сдержала клятву мою!

Сильный горловой спазмъ остановилъ ее въ эту минуту. Всѣ гости какъ будто оцѣпенѣли и слушали, выпуча глаза. Неожиданная и совершенно непонятная имъ выходка Зины сбила ихъ съ толку. Одинъ князь былъ тронутъ до слезъ, хотя и половины не понялъ изъ того, что́ сказала Зина.

— Но я женюсь на васъ, ma belle enfant, если ужъ вы такъ хо-ти-те, бормоталъ онъ, — и это для меня будетъ боль-шая честь! Только, увѣряю васъ, что это былъ, дѣйстви-тельно, какъ будто бы сонъ... Ну, мало-ли что я увижу во снѣ? Къ чему же такъ безпо-коиться? Я даже какъ будто ничего и не понялъ, mon ami, продолжалъ онъ, обращаясь къ Мозглякову,—объясни мнѣ хоть ты, пожалуй-ста...

— А вы, Павелъ Александровичъ, подхватила Зина, тоже обращаясь къ Мозглякову,—вы, на котораго я, одно время, рѣшилась было смотрѣть, какъ на моего будущаго мужа, вы, который теперь мнѣ такъ жестоко отомстили,— неужели и вы могли примкнуть къ этимъ людямъ, чтобъ растерзать и опозорить меня? И вы говорили, что любили меня! Но не мнѣ читать вамъ нравоученія! Я виновнѣе васъ... Я оскорбила васъ, потому что, дѣйствительно, манила васъ обѣщаніями, и мои давешнія доказательства были ложь и хитросплетенія! Я васъ никогда не любила, и если рѣшалась выйти за васъ, то единственно, чтобъ хоть куда-нибудь уйти отсюда, изъ этого проклятаго города и избавиться отъ всего этого смрада... Но, клянусь вамъ, выйдя за васъ, я была бы вамъ доброй и вѣрной женой... Вы жестоко отмстили мнѣ и, если это льститъ вашей гордости...

— Зинаида Аѳанасьевна! вскричалъ Мозгляковъ.

— Если до сихъ поръ вы питаете ко мнѣ ненависть...

— Зинаида Аѳанасьевна!!

— Если когда-нибудь, продолжала Зина, давя въ себѣ слезы,—если когда-нибудь вы любили меня...

— Зинаида Аѳанасьевна!!!

— Зина, Зина! Дочь моя! вопила Марья Александровна.

— Я подлецъ, Зинаида Аѳанасьевна, я подлецъ и больше ничего! скрѣпилъ Мозгляковъ, и все пришло въ ужаснѣйшее волненіе. Поднялись крики удивленія, негодованія, но Мозгляковъ стоялъ, какъ вкопанный, безъ мысли и безъ голосу...

Для слабыхъ и пустыхъ характеровъ, привыкшихъ къ постоянной подчиненности и рѣшающихся, наконецъ, взбѣситься и протестовать, однимъ словомъ, быть твердыми и послѣдовательными, всегда существуетъ черта, — близкій предѣлъ ихъ твердости и послѣдовательности. Протестъ ихъ бываетъ, вначалѣ, обыкновенно самый энергическій. Энергія ихъ даже доходитъ до изступленія. Они бро-

саются на препятствія, какъ-то зажмуривъ глаза, я всегда почти не по силамъ берутъ себѣ ношу на плечи. Но, дойдя до извѣстной точки, взбѣшенный человѣкъ, вдругъ, какъ будто самъ себя испугается, останавливается, какъ ошеломленный, съ ужаснымъ вопросомъ: „Что это я такое надѣлалъ?“ Потомъ немедленно раскисаетъ, хнычетъ, требуетъ объясненій, становится на колѣни, проситъ прощенія, умоляетъ, чтобы все было по-старому, но только поскорѣе, какъ можно поскорѣе!.. Почти то же самое случилось теперь съ Мозгляковымъ. Выйдя изъ себя, взбѣсившись, накликавъ бѣду, которую онъ уже всю, цѣликомъ, приписывалъ теперь одному себѣ, насытивъ свое негодованіе и самолюбіе и себя же возненавидѣвъ за это, онъ вдругъ остановился, убитый совѣстью, перетъ неожиданной выходкой Зины. Послѣднія слова ея добили окончательно. Перескочить изъ одной крайности въ другую было дѣломъ одной минуты.

— Я — оселъ, Зинаида Аѳанасьевна! вскричалъ онъ въ порывѣ изступленнаго раскаянія. — Нѣтъ! Что оселъ? Оселъ еще ничего! Я несравненно хуже осла! Но я вамъ докажу, Зинаида Аѳанасьевна, я вамъ докажу, что и оселъ можетъ быть благороднымъ человѣкомъ!.. Дядюшка! Я обманулъ васъ! Я, я, я обманулъ васъ! Вы не спали; вы дѣйствительно, на-яву, дѣлали предложеніе, а я, я, подлецъ, изъ мщенія, что мнѣ отказали, увѣрилъ васъ, что вы видѣли все это во снѣ.

— Удивительно любопытныя вещи-съ открываются-съ, прошипѣла Наталья Дмитріевна на ухо Аннѣ Николаевнѣ.

— Другъ мой, отвѣчалъ князь,—ус-покойся по-жа-луйста; ты меня, право, испугалъ своимъ крикомъ. Увѣряю тебя, что ты оши-ба-ешься... Я, пожалуй, готовъ жениться, если ужъ такъ на-до; но вѣдь ты, самъ же, увѣрялъ меня, что это было только во снѣ...

— О, какъ увѣрить мнѣ васъ! Научите меня, какъ мнѣ увѣрить его теперь! Дядюшка, дядюшка! Вѣдь это важная вещь, важнѣйшее фамильное дѣло? Сообразите! Подумайте.

— Другъ мой, изволь, я по-ду-маю. Постой же, дай же мнѣ вспомнить все по порядку. Сначала я видѣлъ кучера Ѳе-о-фи-ла...

— Э! Не до Ѳеофила теперь, дядюшка!

— Ну, да, положимъ, что теперь не до него. Потомъ былъ На-по-ле-онъ, а потомъ какъ будто мы чай пили, и какая-то дама пришла и весь сахаръ у насъ поѣла...

— Но, дядюшка, брякнулъ Мозгляковъ, въ затменіи ума своего, — вѣдь это сама Марья Александровна разсказывала вамъ давеча про Наталью Дмитріевну! Вѣдь я тутъ же былъ, я самъ это слышалъ? Я спрятался и смотрѣлъ на васъ въ дырочку...

— Какъ, Марья Александровна! подхватила Наталья Дмитріевна,—такъ вы ужъ и князю разсказывали-съ, что я у васъ сахаръ украла изъ сахарницы! Такъ я къ вамъ сахаръ воровать ѣзжу-съ!

— Прочь отъ меня! закричала Марья Александровна, доведенная до отчаянія.

— Нѣтъ, не прочь, Марья Александровна, вы этакъ не смѣете говорить-съ!.. а, стало-быть, я у васъ сахаръ краду-съ? Я давно слышала, что вы про меня такія гнусности распускаете-съ. Мнѣ Софья Петровна подробно разсказывала-съ... Такъ я у васъ сахаръ краду-съ?..

— Но, mesdames, закричалъ князь, — вѣдь это было только во снѣ! Ну, мало-ли что я вижу во снѣ?..

— Кадушка проклятая, пробормотала вполголоса Марья Александровна.

— Какъ, я и кадушка-съ! взвизгнула Наталья Дмитріевна.—А вы кто такая-съ? Я давно знаю, что вы меня кадушкой зовете-съ! У меня, по крайней мѣрѣ, мужъ у меня-съ, а у васъ-то дуракъ-съ...

— Ну, да, я помню, была и ка-ду-шка, пробормоталъ безсознательно князь, припоминая давешній разговоръ съ Марьей Александровной.

— Какъ, и вы туда же дворянку бранить-съ? Какъ вы смѣете, князь, дворянку бранить-съ? Коли я кадушка, такъ вы безногіе-съ...

— Кто, я безногій?

— Ну, да, безногіе-съ, да еще и беззубые-съ, вотъ вы какіе-съ.

— Да еще и одноглазый! закричала Марья Александровна.

— У васъ корсетъ, вмѣсто реберъ-съ! прибавила Наталья Дмитріевна.

— Лицо на пружинахъ!

— Волосъ своихъ нѣтъ-съ!..

— И усишки-то, у дурака, накладные, скрѣпила Марья Александровна.

— Да хоть носъ-то оставьте мнѣ, Марья Степановна. настоящій! вскричалъ князь, ошеломленный такими вне-

занными откровенностями.—Другъ мой! Это ты меня продалъ! Это ты разсказалъ, что волосы у меня нак-лад-ные...

— Дядюшка!

— Нѣтъ, мой другъ, я уже болѣе не могу здѣсь оставаться! Увели ты меня куда-нибудь... quelle société? Куда это ты завелъ меня, Бо-же мой?

— Идіотъ! Подлецъ! кричала Марья Александровна.

— Боже ты мой! говорилъ бѣдный князь, — я вотъ только не-много за-былъ, зачѣмъ я сюда пріѣхалъ, но я сей-часъ вспом-ню. Уведи ты меня, братецъ, куда-ни-будь, а то меня растерзаютъ! Притомъ же... мнѣ не-мед-ленно надо записать одну новую мысль...

— Пойдемте, дядюшка, еще не поздно; я васъ тотчасъ же перевезу въ гостиницу и самъ переѣду съ вами...

— Ну, да, въ гостин-ницу. Adieu, ma charman-te enfant... вы одна... вы только одна... доб-родѣ-тельны. Вы бла-го-род-ная дѣвушка! Пойдемъ же, мой милый. О, Боже мой!

Но не стану описывать окончанія непріятной сцены, бывшей по выходѣ князя. Гости разъѣхались съ визгами и ругательствами. Марья Александровна осталась, наконецъ, одна, среди развалинъ и обломковъ своей прежней славы. Увы! Сила, слава, значеніе—все исчезло въ одинъ этотъ вечеръ. Марья Александровна понимала, что уже не подняться ей попрежнему. Долгій, многолѣтній ея деспотизмъ надъ всѣмъ обществомъ окончательно рушился. Что оставалось ей теперь?—философствовать? Но она не философствовала. Она пробѣсилась всю ночь. Зина обезчещена, сплетни пойдутъ безконечныя! Ужасъ!

Какъ вѣрный историкъ, я долженъ упомянуть, что всѣхъ болѣе въ этомъ похмельи досталось Аѳанасію Матвѣичу, который забился, наконецъ, куда-то въ чуланъ и въ немъ промерзъ до утра; наступило, наконецъ, и утро, но и оно не принесло ничего хорошаго. Бѣда одна никогда не приходитъ.

ГЛАВА XV.

Если судьба обрушится разъ на кого бѣдою, то ударамъ ея и конца не бываетъ. Это давно замѣчено. Мало было одного вчерашняго позора и срама для Марьи Александровны! Нѣтъ! Судьба ей готовила побольше и получше.

Еще до десяти часовъ утра, по всему городу, вдругъ

распространился одинъ странный и почти невѣроятный слухъ, встрѣченный всѣми съ самою злобною и ожесточенною радостью, — какъ и обыкновенно встрѣчаемъ мы всякій необыкновенный скандалъ, случившійся съ кѣмъ-нибудь изъ нашихъ ближнихъ. „До такой степени потерять стыдъ и совѣсть!“ кричали со всѣхъ сторонъ,—„до такой степени унизиться, пренебречь всѣ приличія, до такой степени распустить всѣ узы!“ и проч., и проч. Вотъ, что, однакоже, случилось. Рано утромъ, чуть-ли еще не въ седьмомъ часу, одна бѣдная, жалкая старуха, въ отчаяніи и въ слезахъ, прибѣжала въ домъ Марьи Александровны и умоляла горничную какъ можно скорѣе разбудить барышню, одну только барышню, потихоньку, чтобъ какъ-нибудь не узнала Марья Александровна. Зина, блѣдная и убитая, выбѣжала къ старухѣ немедленно. Та упала ей въ ноги, цѣловала ихъ, обливала слезами и молила немедленно сходить съ ней къ ея больному Васѣ, который всю ночь былъ такъ труденъ, такъ труденъ, что, можетъ, и дня больше не проживетъ. Старуха говорила Зинѣ, рыдая, что самъ Вася зоветъ ее къ себѣ проститься въ предсмертный часъ, заклинаетъ ее всѣми святыми ангелами, всѣмъ, что̀ было прежде, и что если она не придетъ, то онъ умретъ съ отчаяніемъ. Зина тотчасъ же рѣшилась идти, несмотря на то, что исполненіе такой просьбы явно бы подтвердило всѣ прежніе озлобленные слухи о перехваченной запискѣ, о скандалезномъ ея поведеніи и проч. Не сказавшись матери, она накинула на себя салопъ и тотчасъ же побѣжала со старухой, черезъ весь городъ, въ одну изъ самыхъ бѣдныхъ слободокъ Мордасова, въ самую глухую улицу, гдѣ стоялъ одинъ ветхій, покривившійся и вросшій въ землю домишко, съ какими-то щелочками вмѣсто оконъ и обнесенный сугробами снѣга со всѣхъ сторонъ.

Въ этомъ домишкѣ, въ маленькой, низкой и затхлой комнаткѣ, въ которой огромная печь занимала ровно половину всего пространства, на дощатой, некрашеной кровати, на тонкомъ, какъ блинъ, тюфякѣ лежалъ молодой человѣкъ, покрытый старой шинелью. Лицо его было блѣдное и изможденное, глаза блистали болѣзненнымъ огнемъ, руки были тонки и сухи, какъ палки; дышалъ онъ трудно и хрипло. Замѣтно было, что когда-то онъ былъ хорошъ собою; но болѣзнь исказила тонкія черты его красиваго лица, на которое страшно и жалко было

взглянуть, какъ на лицо всякаго чахоточнаго, или, вѣрнѣе сказать, умирающаго. Его старуха-мать, которая цѣлый годъ, чуть-ли не до послѣдняго часа, жила воскресеніемъ своего Васиньки, увидала, наконецъ, что онъ не живетъ въ этомъ мірѣ. Она стояла теперь надъ нимъ, убитая горемъ, сложивъ руки, безъ слезъ, глядѣла на него и не наглядѣлась, и все-таки не могла понять, хоть и знала это, что чрезъ нѣсколько дней ея ненаглядную Васю закроетъ мерзлая земля, тамъ подъ сугробами снѣга, на обѣщомъ кладбищѣ. Но Вася не на нее смотрѣлъ въ эту минуту. Все лицо его, исхудалое и страдальческое, пылало теперь блаженствомъ. Онъ видѣлъ, наконецъ, передъ собою ту, которая снилась ему, цѣлые полтора года, и наяву, и во снѣ, въ продолженіе долгихъ, тяжелыхъ ночей его болѣзни. Онъ понялъ, что она простила его, явясь къ нему, какъ ангелъ Божій, въ предсмертный часъ. Она сжимала его руки, плакала надъ нимъ, улыбалась ему, опять смотрѣла на него своими чудными глазами и—и все прежнее, невозвратное, воскресло вновь въ душѣ умирающаго. Жизнь загорѣлась снова въ его сердцѣ и, казалось, оставляя его, хотѣла дать почувствовать страдальцу, какъ тяжело разставаться съ нею.

— Зина, говорилъ онъ,—Зиночка! Не плачь надо мной, не тужи, не тоскуй, не напоминай мнѣ, что я скоро умру. Я буду смотрѣть на тебя, — вотъ такъ, какъ теперь смотрю,—буду чувствовать, что наши души опять вмѣстѣ, что ты простила меня, буду опять цѣловать твои руки, какъ прежде, и умру, можетъ-быть, не примѣтивъ смерти! Похудѣла ты, Зиночка! Ангелъ ты мой, съ какой добротой ты на меня теперь смотришь? А помнишь, какъ ты прежде смѣялась? Помнишь... Ахъ, Зина, я не прошу у тебя прощенія, я и напоминать не хочу о томъ, что было,—потому, Зиночка, потому, что хоть ты, можетъ-быть, и простила меня, но я самъ никогда себѣ не прощу. Были долгія ночи, Зина, безсонныя, ужасныя ночи, и въ эти ночи, вотъ на этой самой кровати, я лежалъ и думалъ, долго, много передумалъ, и давно уже рѣшилъ, что мнѣ лучше умереть, ей-Богу, лучше!... Я не годился жить, Зиночка!

Зина плакала и безмолвно сжимала его руки, какъ будто хотѣла этимъ остановить его.

— Что ты плачешь, мой ангелъ? продолжалъ боль-

ной.—О томъ, что я умираю, объ этомъ только? Но вѣдь все прочее давно уже умерло, давно схоронено! Ты умнѣе меня, ты чище сердцемъ, и потому давно знаешь, что я дурной человѣкъ. Развѣ ты можешь еще любить меня? И чего мнѣ стоило перенесть эту мысль, что ты знаешь, что я дурной и пустой человѣкъ! А самолюбія-то сколько тутъ было, можетъ-быть, и благороднаго... не знаю! Ахъ, другъ мой, вся моя жизнь была мечта. Я все мечталъ, всегда мечталъ, а не жилъ, гордился, толпу презиралъ, а чѣмъ я гордился передъ людьми? И самъ не знаю. Чистотой сердца, благородствомъ чувствъ? Но вѣдь все это было въ мечтахъ, Зина, когда мы читали Шекспира, а какъ дошло до дѣла, я и выказалъ мою чистоту и благородство чувствъ...

— Полно, говорила Зина,—полно!.. Все это не такъ, напрасно... ты убиваешь себя!

— Что́ ты останавливаешь меня, Зина! Знаю, ты простила меня, и давно, можетъ-быть, простила; но ты судила меня, и поняла—кто я таковъ; вотъ это-то меня мучаетъ. Недостоинъ я твоей любви, Зина! Ты и на дѣлѣ была честная и великодушная: ты пошла къ матери и сказала, что выйдешь за меня и ни за кого другого, и сдержала бы слово, потому что у тебя слово не рознилось съ дѣломъ. А я, я! Когда дошло до дѣла... Знаешь-ли, Зиночка, что вѣдь я даже не понималъ тогда, чѣмъ ты жертвуешь, выходя за меня! Я не могъ даже того понять, что, выйдя за меня, ты, можетъ быть, умерла бы съ голоду. Куда, и мысли не было! Я вѣдь думалъ только, что ты выходишь за меня, за великаго поэта (за будущаго, то-есть), не хотѣлъ понимать тѣхъ причинъ, которыя ты выставляла, прося повременить свадьбой, мучилъ тебя, тиранилъ, упрекалъ, презиралъ, и дошло, наконецъ, до угрозы моей тебѣ этой запиской. Я даже и не подлецъ былъ въ ту минуту. Я просто былъ дрянь-человѣкъ! О, какъ ты должна была презирать меня! Нѣтъ, хорошо, что я умираю! Хорошо, что ты за меня не вышла! Ничего бы я не понялъ изъ твоего пожертвованія, мучилъ бы тебя, истерзалъ бы тебя за нашу бѣдность; прошли бы года,—куда!—Можетъ-быть, и возненавидѣлъ бы тебя, какъ помѣху въ жизни. А теперь лучше! Теперь, по крайней мѣрѣ, горькія слезы мои очистили во мнѣ сердце. Ахъ, Зиночка! Люби меня хоть немножко, такъ, какъ прежде любила! Хоть въ этотъ послѣдній часъ... Я

вѣдь знаю, что я недостоинъ любви твоей, но... но... о, ангелъ ты мой!

Во всю эту рѣчь, Зина, рыдая сама, нѣсколько разъ его останавливала. Но онъ не слушалъ ее: его мучило желаніе высказаться, и онъ продолжалъ говорить, хотя съ трудомъ, задыхаясь, хриплымъ, удушливымъ голосомъ.

— Не встрѣтилъ бы ты меня, не полюбилъ бы меня, такъ остался бы жить! сказала Зина.—Ахъ, зачѣмъ, зачѣмъ мы сошлись вмѣстѣ!

— Нѣтъ, другъ мой, нѣтъ, не укоряй себя въ томъ, что я умираю, продолжалъ больной.—Во всемъ я одинъ виноватъ! Самолюбія-то сколько тутъ было! Романтизма! Разсказывали-ль тебѣ подробно мою глупую исторію, Зина? Видишь-ли, былъ тутъ, третьяго года, одинъ арестантъ, подсудимый, злодѣй и душегубецъ; но когда пришлось къ наказанію, онъ оказался самымъ малодушнымъ человѣкомъ. Зная, что больного не выведутъ къ наказанію, онъ досталъ вина, настоялъ въ немъ табаку и выпилъ. Съ нимъ началась такая рвота съ кровью и такъ долго продолжалась, что повредила ему легкія. Его перенесли въ больницу, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ умеръ въ злой чахоткѣ. Ну, вотъ, ангелъ мой, я и вспомнилъ про этого арестанта, въ тотъ самый день... ну, знаешь, послѣ записки-то... и рѣшился такъ же погубить себя: но какъ бы ты думала, почему я выбралъ чахотку? Почему я не удавился, не утопился? Побоялся скорой смерти? Можетъ-быть и такъ,—но все мнѣ какъ-то мерещится, Зиночка, что и тутъ не обошлось безъ сладкихъ романтическихъ глупостей! Все-таки у меня была тогда мысль: какъ это красиво будетъ, что вотъ я буду лежать на постели, умирая въ чахоткѣ, а ты все будешь убиваться, страдать, что довела меня до чахотки: сама придешь ко мнѣ съ повинною, упадешь предо мной на колѣни... Я прощаю тебя, умираю на рукахъ твоихъ... Глупо, Зиночка, глупо, не правда-ли?

— Не поминай объ этомъ! сказала Зина.—Не говори этого! Ты не такой... будемъ лучше вспоминать о другомъ, о нашемъ хорошемъ, счастливомъ!

— Горько мнѣ, другъ мой, оттого и говорю. Полтора года я тебя не видалъ! Душу бы, кажется, передъ тобой теперь выложилъ! Вѣдь все то время, съ тѣхъ поръ, я былъ одинъ-одинешенекъ и, кажется, минуты не было,

чтобъ не думалъ я о тебѣ, ангелъ мой ненаглядный! И знаешь что̀, Зиночка? Какъ мнѣ хотѣлось что-нибудь сдѣлать, какъ-нибудь такъ заслужить, чтобъ заставить тебя перемѣнить обо мнѣ твое мнѣніе. До послѣдняго времени я не вѣрилъ, что я умру; вѣдь меня не сейчасъ свалило, долго я ходилъ съ больной грудью. И сколько смѣшныхъ у меня было предположеній! Мечталъ я, напримѣръ, сдѣлаться, вдругъ, какимъ-нибудь величайшимъ поэтомъ, напечатать въ „Отечественныхъ Запискахъ“ такую поэму, какой и не бывало еще на свѣтѣ. Думалъ въ ней излить всѣ мои чувства, всю мою душу, такъ, что гдѣ бы ты ни была, я все бы былъ съ тобой, безпрерывно бы напоминалъ о себѣ моими стихами, и самая лучшая мечта моя была та, что ты задумаешься, наконецъ, и скажешь: „Нѣтъ! Онъ не такой дурной человѣкъ, какъ я думала!“ Глупо, Зиночка, глупо, не правда-ли?

— Нѣтъ, нѣтъ, Вася, нѣтъ! говорила Зина.

Она припала къ нему на грудь и цѣловала его руки.

— А какъ я ревновалъ тебя все это время! Мнѣ кажется, я бы умеръ, если-бъ услышалъ о твоей свадьбѣ! Я подсылалъ къ тебѣ, караулилъ, шпіонилъ... вотъ она все ходила (и онъ кивнулъ на мать).—Вѣдь ты не любила Мозглякова, не правда-ли, Зиночка? О, ангелъ мой! Вспомнишь-ли ты обо мнѣ, когда я умру? Знаю, что вспомнишь; но пройдутъ годы, сердце остынетъ, настанетъ холодъ, зима на душѣ, и забудешь ты меня, Зиночка!..

— Нѣтъ, нѣтъ, никогда! Я не выйду и замужъ... Ты мой первый... всегдашній...

— Все умираетъ, Зиночка, все, даже и воспоминанія... И благородныя чувства наши умираютъ. Вмѣсто нихъ наступаетъ благоразуміе. Что-жъ и роптать! Пользуйся жизнію, Зина, живи долго, живи счастливо. Полюби и другого, коль полюбится,—не мертвеца же любить! Только вспомни обо мнѣ, хотя изрѣдка; худого не вспоминай, прости худое; но вѣдь было же и въ нашей любви хорошее, Зиночка! О, золотые, невозвратные дни... Послушай, мой ангелъ, я всегда любилъ вечерній, закатный часъ. Вспомни обо мнѣ, когда-нибудь, въ этотъ часъ! О, нѣтъ, нѣтъ! Зачѣмъ умирать? О, какъ бы я хотѣлъ теперь вновь ожить! Вспомни, другъ мой, вспомни, вспомни то время! Тогда была весна, солнце такъ ярко свѣтило,

цѣли цѣты, праздникъ былъ какой-то кругомъ пазъ... А теперь! Посмотри, посмотри!

И бѣдный указалъ, изсохшею рукою, на замерзлое, тусклое окно. Потомъ схватилъ руки Зины, прижалъ ихъ къ глазамъ своимъ и горько-горько зарыдалъ. Рыданія почти разрывали истерзанную грудь его.

И весь день страдалъ онъ, тосковалъ и плакалъ. Зина утѣшала его, какъ могла, но ея душа страдала до смерти. Она говорила, что не забудетъ его и что никогда никого не полюбитъ такъ, какъ его любила. Онъ вѣрилъ ей, улыбался, цѣловалъ ея руки, но воспоминанія о прошедшемъ только жгли, только терзали его душу. Такъ прошелъ цѣлый день. Между тѣмъ испуганная Марья Александровна разъ десять посылала къ Зинѣ, молила ее воротиться домой и не губить себя окончательно въ общемъ мнѣніи. Наконецъ, когда уже стемнѣло, почти потерявъ голову отъ ужаса, она рѣшилась сама итти къ Зинѣ. Вызвавъ дочь въ другую комнату, она, почти на колѣняхъ, умоляла ее „отстранить этотъ послѣдній и главный кинжалъ отъ ея сердца“. Зина вышла къ ней большая; голова ея горѣла. Она слушала и не понимала свою маменьку. Марья Александровна ушла, наконецъ, въ отчаяніи, потому что Зина рѣшилась почевать въ домѣ умирающаго. Цѣлую ночь не отходила она отъ его постели. Но больному становилось все хуже и хуже. Насталъ и еще день, но уже не было надежды, что страдалецъ переживетъ его. Старуха-мать была какъ безумная, ходила какъ будто ничего не понимая, подавала сыну лѣкарства, которыхъ онъ не хотѣлъ принимать. Агонія его длилась долго. Онъ уже не могъ говорить, и только безсвязные, хрипдые звуки вырывались изъ его груди. До самой послѣдней минуты онъ все смотрѣлъ на Зину, все искалъ ее глазами, и когда уже свѣтъ началъ меркнуть въ его глазахъ, онъ все еще, блуждающею, невѣрною рукою искалъ руку ея, чтобъ сжать ее въ своей. Между тѣмъ короткій, зимній день проходилъ. И когда, наконецъ, послѣдній, прощальный лучъ солнца позолотилъ замороженное, единственное оконце маленькой комнаты, душа страдальца улетѣла вслѣдъ за этимъ лучомъ изъ изможденнаго тѣла. Старуха-мать, увидя, наконецъ, передъ собою трупъ своего ненаглядного Васи, всплеснула руками, вскрикнула и бросилась на грудь мертвецу.

— Это ты, змѣя подколодная, извела его! закричала она въ отчаяніи Зинѣ.—Ты, разлучница проклятая, ты, злодѣйка, его погубила.

Но Зина уже ничего не слыхала. Она стояла надъ мертвымъ, какъ обезумѣвшая. Наконецъ, наклонилась надъ нимъ, перекрестила, поцѣловала его и машинально вышла изъ комнаты. Глаза ея горѣли, голова кружилась. Мучительныя ощущенія, двѣ почти безсонныя ночи чуть-чуть не лишили ее разсудка. Она смутно чувствовала, что все ея прошедшее какъ бы оторвалось отъ ея сердца и началась новая жизнь, мрачная и угрожающая. Но не прошла она десяти шаговъ, какъ Мозгляковъ какъ будто выросъ передъ нею изъ-подъ земли; казалось, онъ нарочно поджидалъ на этомъ мѣстѣ.

— Зинаида Аѳанасьевна, началъ онъ какимъ-то боязливымъ шопотомъ, торопливо оглядываясь по сторонамъ, потому что еще было довольно свѣтло, — Зинаида Аѳанасьевна, я, конечно, оселъ! То-есть, если хотите, я ужъ теперь и не оселъ, потому что, видите-ли, все-таки поступилъ благородно. Но все-таки я раскаиваюсь въ томъ, что я былъ оселъ... Я, кажется, сбиваюсь, Зинаида Аѳанасьевна, но... вы извините, это отъ разныхъ причинъ...

Зина почти безсознательно посмотрѣла на него и, молча, продолжала свою дорогу. Такъ какъ на высокомъ деревянномъ тротуарѣ было тѣсно двумъ рядомъ, а Зина не сторонилась, то Павелъ Александровичъ соскочилъ съ тротуара и бѣжалъ подлѣ нея внизу, безпрерывно заглядывая ей въ лицо.

— Зинаида Аѳанасьевна, продолжалъ онъ, — я разсудилъ и, если вы сами захотите, то я согласенъ возобновить мое предложеніе. Я даже готовъ забыть все, Зинаида Аѳанасьевна, весь позоръ, и готовъ простить, но только съ однимъ условіемъ: покамѣстъ мы здѣсь—все останется въ тайнѣ. Вы уѣдете отсюда какъ можно скорѣе; я—потихоньку вслѣдъ за вами; обвѣнчаемся гдѣ-нибудь въ глуши, такъ что никто не увидитъ, а потомъ сейчасъ въ Петербургъ, хотя бы и на перекладныхъ, такъ, чтобъ съ вами былъ только маленькій чемоданчикъ... а? Согласны, Зинаида Аѳанасьевна? Скажите поскорѣе! Мнѣ нельзя дожидаться; насъ могутъ увидѣть вмѣстѣ.

Зина не отвѣчала и только посмотрѣла на Мозгликова, но такъ посмотрѣла, что онъ тотчасъ же все понялъ,

снялъ шляпу, раскланялся и исчезъ при первомъ поворотѣ въ переулокъ.

„Какъ же это?“ подумалъ онъ. „третьяго дня еще вечеромъ она такъ расчувствовалась и во всемъ себя обвиняла? Видно, день на день не приходитъ!“

А между тѣмъ въ Мордасовѣ происшествія шли за происшествіями. Случилось одно трагическое обстоятельство. Князь, перевезенный Мозгляковымъ въ гостиницу, заболѣлъ въ ту же ночь, и заболѣлъ опасно. Мордасовцы узнали объ этомъ на утро. Калистъ Станиславичъ почти не отходилъ отъ больного. Къ вечеру составился консиліумъ всѣхъ мордасовскихъ медиковъ. Приглашенія имъ посланы были по-латыни. Но, несмотря на латынь, князь совсѣмъ уже потерялъ память, бредилъ, просилъ Калиста Станиславича спѣть ему какой-нибудь романсъ, говорилъ про какіе-то парики; иногда какъ будто чего-то пугался и кричалъ. Доктора рѣшили, что отъ мордасовскаго гостепріимства у князя сдѣлалось воспаленіе въ желудкѣ, какъ-то перешедшее (вѣроятно, по дорогѣ) въ голову. Не отвергали и нѣкотораго нравственнаго потрясенія. Заключили же тѣмъ, что князь давно уже былъ предрасположенъ умереть, а потому непремѣнно умретъ. Въ послѣднемъ они не ошиблись, потому что бѣдный старичокъ, на третій день къ вечеру, померъ въ гостиницѣ. Это поразило мордасовцевъ. Никто не ожидалъ такого серьезнаго оборота дѣла. Бросились толпами въ гостиницу, гдѣ лежало мертвое тѣло, еще не убранное, судили, рядили, кивали головами, и кончили тѣмъ, что рѣзко осудили „убійцъ несчастнаго князя“, подразумѣвая подъ этимъ, конечно, Марью Александровну съ дочерью. Всѣ почувствовали, что эта исторія, уже по одной своей скандалезности, можетъ получить непріятную огласку, пойдетъ пожалуй еще въ дальнія страны и—чего-чего не было переговорено и пересказано. Все это время Мозгляковъ суетился, кидался во всѣ стороны, и, наконецъ, голова у него закружилась. Въ такомъ-то состояніи духа онъ и видѣлся съ Зиной. Дѣйствительно, положеніе его было затруднительное. Самъ онъ завезъ князя въ городъ, самъ перевезъ въ гостиницу, а теперь не зналъ, что и дѣлать съ покойникомъ, какъ и гдѣ хоронить, кому дать знать? Везти-ли тѣло въ Духаново? Къ тому же онъ считался племянникомъ. Онъ трепеталъ, чтобъ не обвинили его въ смерти почтеннаго старца. „Пожалуй, еще тѣло отзо-

вется въ Петербургѣ, въ высшемъ обществѣ!“ думалъ онъ съ содроганіемъ. Отъ мордасовцевъ нельзя было добиться никакого совѣта; всѣ вдругъ чего-то испугались, отхлынули отъ мертваго тѣла и оставили Мозглякова въ какомъ-то мрачномъ уединеніи. Но вдругъ вся сцена быстро перемѣнилась. На другой день, рано утромъ, въ городъ въѣхалъ одинъ посѣтитель. Объ этомъ посѣтителѣ мигомъ заговорилъ весь Мордасовъ, но заговорилъ какъ-то таинственно, шопотомъ, выглядывая на него изъ всѣхъ щелей и окопъ, когда онъ проѣхалъ по Большой улицѣ къ губернатору. Даже самъ Петръ Михайловичъ какъ будто бы струсилъ и не зналъ, какъ быть съ пріѣзжимъ гостемъ. Гость былъ довольно извѣстный князь Щепетиловъ, родственникъ покойнику, человѣкъ еще почти молодой, лѣтъ тридцати пяти, въ полковничьихъ эполетахъ и въ аксельбантахъ. Всѣхъ чиновниковъ пробралъ какой-то необыкновенный страхъ отъ этихъ аксельбантовъ. Полиціймейстеръ, напримѣръ, совсѣмъ потерялся; разумѣется, только нравственно, физически же онъ явился на лицо, хотя и съ довольно вытянутымъ лицомъ. Тотчасъ же узнали, что князь Щепетиловъ ѣдетъ изъ Петербурга, заѣзжалъ, по дорогѣ, въ Духаново. Не заставъ же въ Духановѣ никого, полетѣлъ вслѣдъ за дядей въ Мордасовъ, гдѣ, какъ громомъ, поразила его смерть старика и всѣ подробнѣйшіе слухи объ обстоятельствахъ его смерти. Петръ Михайловичъ даже немного потерялся, давая нужныя объясненія; да и всѣ въ Мордасовѣ смотрѣли какими-то виноватыми. Къ тому же у пріѣзжаго гостя было такое строгое, такое недовольное лицо, хотя, казалось бы, нельзя быть недовольну наслѣдствомъ. Онъ тотчасъ же взялся за дѣло самъ, лично; Мозгляковъ же немедленно и постыдно ступевался передъ настоящимъ, не самозваннымъ племянникомъ и исчезъ—неизвѣстно куда. Рѣшено было немедленно перенесть тѣло покойника въ монастырь, гдѣ и назначено было отпѣваніе. Всѣ распоряженія пріѣзжаго отдавались кратко, сухо, строго, но съ тактомъ и приличіемъ. На завтра весь городъ собрался въ монастырь присутствовать при отпѣваніи. Между дамами распространился нелѣпый слухъ, что Марья Александровна лично явится въ церковь и, на колѣняхъ передъ гробомъ, будетъ громко испрашивать себѣ прощенія, и что все это должно быть такъ по закону. Разумѣется, все это оказалось вздоромъ, и Марья Александровна не явилась въ

церковь. Мы и забыли сказать, что, тотчасъ по возвращеніи Зины домой, ея маменька въ тотъ же вечеръ рѣшилась переѣхать въ деревню, считая болѣе невозможнымъ оставаться въ городѣ. Тамъ тревожно прислушивалась она изъ своего угла къ городскимъ слухамъ, посылала на развѣдки узнавать о пріѣзжемъ лицѣ и все время была къ лихорадкѣ. Дорога изъ монастыря въ Духаново проходила менѣе чѣмъ въ верстѣ отъ окошекъ ея деревенскаго дома—и потому Марья Александровна могла удобно разсмотрѣть длинную процессію, потянувшуюся изъ монастыря въ Духаново послѣ отпѣванія. Гробъ везли на высокихъ дрогахъ; за нимъ тянулась длинная вереница экипажей, провожавшихъ покойника до поворота въ городъ. И долго еще чернѣли на бѣлоснѣжномъ полѣ эти мрачныя дроги, везомыя тихо, съ подобающимъ величіемъ. Но Марья Александровна не могла смотрѣть долго, и отошла отъ окна.

Черезъ недѣлю она переѣхала въ Москву, съ дочерью и Аѳанасіемъ Матвѣичемъ, а черезъ мѣсяцъ узнали въ Мордасовѣ, что подгородная деревня Марьи Александровны и городской домъ продаются. Итакъ, Мордасовъ на-вѣки терялъ такую комъ-иль-фотную даму! Не обошлось и тутъ безъ злоязычія. Стали, напримѣръ, увѣрять, что деревня продается вмѣстѣ съ Аѳанасіемъ Матвѣичемъ... Прошелъ годъ, другой, и объ Марьѣ Александровнѣ почти совершенно забыли. Увы! такъ всегда велется на свѣтѣ! Разсказывали, впрочемъ, что она купила себѣ другую деревню и переѣхала въ другой губернскій городъ, въ которомъ, разумѣется, уже забрала всѣхъ въ руки, что Зина еще до сихъ поръ не замужемъ, что Аѳанасій Матвѣичъ... Но, впрочемъ, нечего повторять эти слухи: все это очень невѣрно.

Прошло три года, какъ я написалъ послѣднюю строчку перваго отдѣла мордасовской лѣтописи, и кто бы могъ подумать, что мнѣ еще разъ придется развернуть мою рукопись и прибавить еще одно извѣстіе къ моему разсказу. Но къ дѣлу! Начну съ Павла Александровича Молглякова. Стушевавшись изъ Мордасова, онъ отправился прямо въ Петербургъ, гдѣ и получилъ благополучно то служебное мѣсто, которое ему давно обѣщали. Вскорѣ онъ забылъ всѣ мордасовскія событія, пустился въ вихрь свѣтской жизни, на Васильевскомъ островѣ и въ Галер-

пой гавани, жуировалъ, волочился, не отставалъ отъ вѣка, влюбился, сдѣлалъ предложеніе, съѣлъ еще разъ отказъ и, не переваривъ его, по вѣтрености своего характера и отъ нечего дѣлать, испросилъ себѣ мѣсто въ одной экспедиціи, назначавшейся въ одинъ изъ отдаленнѣйшихъ краевъ нашего безбрежнаго отечества, для ревизіи или для какой-то другой цѣли, навѣрно не знаю. Экспедиція благополучно проѣхала всѣ лѣса и пустыни и, наконецъ, послѣ долгаго странствія явилась въ главномъ городѣ „отдаленнѣйшаго края“ къ генералъ-губернатору. Это былъ высокій, худощавый и строгій генералъ, старый воинъ, израненный въ сраженіяхъ, съ двумя звѣздами и съ бѣлымъ крестомъ на шеѣ. Онъ принялъ экспедицію важно и чинно и пригласилъ всѣхъ составлявшихъ ее чиновниковъ къ себѣ на балъ, дававшійся въ тотъ же самый вечеръ, по случаю именинъ генералъ-губернаторши. Павелъ Александровичъ былъ этимъ очень доволенъ. Нарядившись въ свой петербургскій костюмъ, въ которомъ намѣренъ былъ произвести эффектъ, онъ развязно вошелъ въ большую залу, хотя тотчасъ же немного осѣлъ, при видѣ множества витыхъ и густыхъ эполетъ и статскихъ мундировъ со звѣздами. Нужно было откланяться генералъ-губернаторшѣ, о которой онъ уже слышалъ, что она молода и очень хороша собою. Подошелъ онъ даже съ форсомъ и, вдругъ, оцѣпенѣлъ отъ изумленія. Передъ нимъ стояла Зина, въ великолѣпномъ бальномъ платьѣ и брильянтахъ, гордая и надменная. Она совершенно не узнала Павла Александровича. Ея взглядъ небрежно скользнулъ по его лицу и тотчасъ же обратился на кого-то другого. Пораженный Мозгляковъ отошелъ къ сторонкѣ, и въ толпѣ столкнулся съ однимъ робкимъ молодымъ чиновникомъ, который какъ будто пугался самого себя, очутившись на генералъ-губернаторскомъ балѣ. Павелъ Александровичъ немедленно принялся его разспрашивать и узналъ чрезвычайно интересныя вещи. Онъ узналъ, что генералъ-губернаторъ уже два года какъ женился, когда ѣздилъ въ Москву изъ „отдаленнаго края“, и что взялъ онъ чрезвычайно богатую дѣвицу изъ знатнаго дома. Что генеральша „ужасно хороши *изъ себя-съ*, даже, можно сказать, первыя красавицы-съ, но держатъ себя чрезвычайно гордо, а танцуютъ только съ одними генералами-съ“,—что на настоящемъ балѣ всѣхъ генераловъ, своихъ и пріѣзжихъ, девять,

включая въ то число и дѣйствительныхъ статскихъ совѣтниковъ, — что, наконецъ, „у генеральши есть маменька-съ, которая и живетъ вмѣстѣ съ нею, и что эта маменька-съ пріѣхала изъ самаго высшаго общества и очень умны-съ“;—но что и сама маменька безпрекословно подчиняется волѣ своей дочери, а самъ генералъ-губернаторъ не нагляднтся и не надышится на свою супругу. Мозгляковъ заикнулся было объ Аѳанасіи Матвѣичѣ, но въ „отдаленномъ краю“ о немъ не имѣли никакого понятія. Ободрившись немного, Мозгляковъ прошелся по комнатамъ и вскорѣ увидѣлъ и Марью Александровну, великолѣпно разряженную, размахивающую дорогимъ вѣеромъ и съ одушевленіемъ говорящую съ одною изъ особъ 4-го класса. Кругомъ нея тѣснилось нѣсколько припадавшихъ къ покровительству дамъ, и Марья Александровна, повидимому, была необыкновенно любезна со всѣми. Мозгляковъ рискнулъ представиться. Марья Александровна немного какъ будто вздрогнула, но тотчасъ же, почти мгновенно, оправилась. Она съ любезностью благоволила узнать Павла Александровича, спросила объ его петербургскихъ знакомствахъ, спросила отчего онъ не за границей? Объ Мордасовѣ не сказала ни слова, какъ будто его и не было на свѣтѣ. Наконецъ, произнося имя какого-то петербургскаго важнаго князя, и освѣдомясь объ его здоровьѣ, хотя Мозгляковъ и понятія не имѣлъ объ этомъ князѣ, она незамѣтно обратилась къ одному подошедшему сановнику въ душистыхъ сѣдинахъ и, черезъ минуту, совершенно забыла стоявшаго передъ нею Павла Александровича. Съ саркастической улыбкой и со шляпой въ рукахъ, Мозгляковъ воротился въ большую залу. Неизвѣстно почему, считая себя уязвленнымъ и даже оскорбленнымъ, онъ рѣшился не танцовать. Угрюмо-разсѣянный видъ, ѣдкая мефистофелевская улыбка не сходила съ лица его во весь вечеръ. Живописно прислонился онъ къ колоннѣ (зала, какъ нарочно, была съ колоннами) и въ продолженіе всего бала, нѣсколько часовъ сряду, простоялъ на одномъ мѣстѣ, слѣдя своими взглядами Зину. Но, увы! всѣ фокусы его, всѣ необыкновенныя позы, разочарованный видъ и проч., и проч.,—все пропало даромъ. Зина совершенно не замѣчала его. Наконецъ, взбѣшенный, съ заболѣвшими отъ долгой стоянки ногами, голодный, потому что не могъ же онъ остаться ужинать, въ качествѣ влюбленнаго и страдающаго,—воро-

тился онъ на квартиру, совершенно измученный и какъ будто кѣмъ-то прибитый. Долго не ложился онъ спать, припоминая давно забытое. На другое же утро представилась какая-то командировка, и Мозгляковъ, съ наслажденіемъ, выпросилъ ее себѣ. Онъ даже освѣжился душой, выѣхавъ изъ города. На безконечномъ пустынномъ пространствѣ лежалъ снѣгъ ослѣпительною пеленою. На краю, на самомъ склонѣ неба, чернѣлись лѣса.

Рьяные кони мчались, взрывая снѣжный прахъ копытами. Колокольчикъ звенѣлъ. Павелъ Александровичъ задумался, потомъ замечтался, а потомъ и заснулъ себѣ преспокойно. Онъ проснулся уже на третьей станціи, свѣжій и здоровый, совершенно съ другими мыслями.

СЕЛО СТЕПАНЧИКОВО

и

ЕГО ОБИТАТЕЛИ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ НЕИЗВѢСТНАГО *).

Часть первая.

I.

Вступленіе.

Дядя мой, полковникъ Егоръ Ильичъ Ростаневъ, выйдя въ отставку, переселился въ перешедшее къ нему по наслѣдству село Степанчиково и зажилъ въ немъ такъ, какъ будто всю жизнь свою былъ коренным, невыѣзжавшимъ изъ своихъ вотчинъ помѣщикомъ. Есть натуры рѣшительно всѣмъ довольныя и ко всему привыкающія; такова была именно натура отставного полковника. Трудно было себѣ представить человѣка смиреѣе и на все согласнѣе. Если-бъ его вздумали попросить посерьезнѣе повезти когонибудь версты двѣ на своихъ плечахъ, то онъ бы, можетъ-быть, и довезъ: онъ былъ такъ добръ, что въ иной разъ готовъ былъ рѣшительно все отдать по первому спросу и подѣлиться чуть не послѣдней рубашкой съ первымъ желающимъ. Наружности онъ былъ богатырской: высокій и стройный, съ румяными щеками, съ бѣлыми, какъ слоновая кость, зубами, съ длиннымъ темно-русымъ усомъ, съ голосомъ громкимъ, звонкимъ и съ откровеннымъ, раскатистымъ смѣхомъ: говорилъ отрывисто и скороговоркою. Отъ роду ему было въ то время лѣтъ сорокъ, и всю жизнь свою, чуть не съ восемнадцати лѣтъ, онъ прослужилъ въ гусарахъ. Женился въ очень молодыхъ годахъ, любилъ свою жену безъ памяти; но она умерла, оставивъ въ его

*) Въ первый разъ напечатано въ „Отечественныхъ Запискахъ“ 1858 г., томъ 127.

сердцѣ неизгладимое, благородное воспоминаніе. Наконецъ, получивъ въ наслѣдство село Степанчиково, что̀ увеличило его состояніе до шестисотъ душъ, онъ оставилъ службу и, какъ уже сказано было, поселился въ деревнѣ, вмѣстѣ со своими дѣтьми: восьмилѣтнимъ Плюшей (рожденіе котораго стоило жизни его матери) и старшей дочерью, Сашенькой, дѣвочкой лѣтъ пятнадцати, воспитывавшейся, по смерти матери, въ одномъ пансіонѣ въ Москвѣ. Но вскорѣ домъ дяди сталъ похожъ на Ноевъ ковчегъ. Вотъ какъ это случилось.

Въ то время, когда онъ получилъ наслѣдство и вышелъ въ отставку, овдовѣла его маменька, генеральша Крахоткина, вышедшая другой разъ замужъ за генерала, назадъ лѣтъ шестнадцать, когда дядя былъ еще корнетомъ, но, впрочемъ, уже самъ задумывалъ жениться. Маменька долго не благословляла его на женитьбу, проливала горькія слезы, укоряла его въ эгоизмѣ, въ неблагодарности, въ непочтительности; доказывала, что имѣнія его, двухсотъ-пятидесяти душъ, и безъ того едва достаточно на содержаніе его семейства (то-есть, на содержаніе его маменьки, со всѣмъ ея штабомъ приживалокъ, мосекъ, шпицовъ, китайскихъ кошекъ и проч.), и среди этихъ укоровъ, попрековъ и взвизгиваній, вдругъ, совершенно неожиданно, вышла замужъ сама, прежде женитьбы сына, будучи уже сорока двухъ лѣтъ отъ роду. Впрочемъ, и тутъ она нашла предлогъ обвинить моего бѣднаго дядю, увѣряя, что идетъ замужъ единственно, чтобы имѣть убѣжище на старости лѣтъ, въ чемъ отказываетъ ей непочтительный эгоистъ, ея сынъ, задумавъ непростительную дерзость: завестись своимъ домомъ.

Я никогда не могъ узнать настоящую причину, побудившую такого, повидимому, разсудительнаго человѣка, какъ покойный генералъ Крахоткинъ, къ этому браку съ сорокадвухлѣтней вдовой. Надо полагать, что онъ подозрѣвалъ у ней деньги. Другіе думали, что ему, просто, нужна была нянька, такъ какъ онъ тогда уже предчувствовалъ весь этотъ рой болѣзней, который осадилъ его потомъ на старости лѣтъ. Извѣстно одно, что генералъ глубоко не уважалъ жену свою во все время своего съ ней сожительства и язвительно смѣялся надъ ней при всякомъ удобномъ случаѣ. Это былъ странный человѣкъ. Полуобразованный, очень неглупый, онъ рѣшительно презиралъ всѣхъ и каждаго, не имѣлъ никакихъ правилъ,

смѣялся надъ всѣмъ и надъ всѣми, и къ старости, отъ болѣзней, бывшихъ слѣдствіемъ не совсѣмъ правильной и нравственной жизни, сдѣлался золъ, раздражителенъ и безжалостенъ. Служилъ онъ удачно: однако, принужденъ былъ по какому-то „непріятному случаю", очень неладно выйти въ отставку, едва избѣгнувъ суда и лишившись своего пенсіона. Это озлобило его окончательно. Почти безъ всякихъ средствъ, владѣя сотней разоренныхъ душъ, онъ сложилъ руки и во всю остальную жизнь, нѣлыя двѣнадцать лѣтъ, никогда не справлялся, чѣмъ онъ живетъ, кто содержитъ его; а между тѣмъ требовалъ жизненныхъ удобствъ, не ограничивалъ расходовъ, держалъ карету. Скоро онъ лишился употребленія ногъ и послѣднія десять лѣтъ просидѣлъ въ покойныхъ креслахъ, подкачиваемыхъ, когда было нужно, двумя саженными лакеями, которые никогда ничего отъ него не слыхали, кромѣ самыхъ разнообразныхъ ругательствъ. Карету, лакеевъ и кресла содержалъ непочтительный сынъ, посылая матери послѣднее, закладывая и перезакладывая свое имѣніе, отказывая себѣ въ необходимѣйшемъ, войдя въ долги, почти неоплатные по тогдашнему его состоянію, и все-таки названіе эгоиста и неблагодарнаго сына осталось при немъ неотъемлемо. Но дядя былъ такого характера, что, наконецъ, и самъ повѣрилъ, что онъ эгоистъ, а потому, въ наказаніе себѣ и чтобъ не быть эгоистомъ, все болѣе и болѣе присылалъ денегъ. Генеральша благоговѣла передъ своимъ мужемъ. Впрочемъ, ей всего болѣе нравилось то, что онъ генералъ, а она по немъ—генеральша.

Въ домѣ у ней была своя половина, гдѣ все время полусуществованія своего мужа она процвѣтала въ обществѣ приживалокъ, городскихъ вѣстовщицъ и фиделекъ. Въ своемъ городкѣ она была важнымъ лицомъ. Сплетни, приглашенія въ крестныя и посаженныя матери, копеечный преферансъ и вообще уваженіе за ея генеральство вполнѣ вознаграждали ее за домашнее стѣсненіе. Къ ней являлись городскія сороки съ отчетами, ей всегда и вездѣ было первое мѣсто,—словомъ, она извлекла изъ своего генеральства все, что могла извлечь. Генералъ во все это не вмѣшивался; но зато при людяхъ—онъ смѣялся надъ женою безсовѣстно, задавалъ, напримѣръ, себѣ такіе вопросы: зачѣмъ онъ женился на „такой просвирнѣ?"— и никто не смѣлъ ему противорѣчить. Мало-по-малу его оставили всѣ знакомые, а между тѣмъ общество было

ему необходимо: онъ любилъ поболтать, поспорить, любилъ, чтобъ передъ нимъ всегда сидѣлъ слушатель. Онъ былъ вольнодумецъ и атеистъ стараго покроя, а потому любилъ потрактовать и о высокихъ матеріяхъ.

По слушатели городка N* не жаловали высокихъ матерій и становились все рѣже и рѣже. Пробовали было завести домашній вистъ-преферансъ; но игра кончалась обыкновенно для генерала такими припадками, что генеральша и ея приживалки, въ ужасѣ, ставили свѣчки, служили молебны, гадали на бобахъ и на картахъ, раздавали калачи въ острогѣ и съ трепетомъ ожидали послѣобѣденнаго часа, когда опять приходилось составлять партію для виста-преферанса и принимать за каждую ошибку крики, визги, ругательства и чуть-чуть не побои. Генералъ, когда что ему не нравилось, ни передъ кѣмъ не стѣснялся: визжалъ, какъ баба, ругался, какъ кучеръ, а иногда, разорвавъ и разбросавъ по полу карты и прогнавъ отъ себя своихъ партнеровъ, даже плакалъ съ досады и злости, и не болѣе, какъ изъ-за какого-нибудь валета, котораго сбросили вмѣсто девятки. Наконецъ, по слабости зрѣнія, ему понадобился чтецъ. Тутъ-то и явился Ѳома Ѳомичъ Опискинъ.

Признаюсь, я съ нѣкоторою торжественностью возвѣщаю объ этомъ новомъ лицѣ. Оно, безспорно, одно изъ главнѣйшихъ лицъ моего разсказа. Насколько оно имѣетъ право на вниманіе читателя—объяснять не стану: такой вопросъ приличнѣе и возможнѣе разрѣшить самому читателю.

Явился Ѳома Ѳомичъ къ генералу Крахоткину, какъ приживальщикъ изъ хлѣба—ни болѣе, ни менѣе. Откуда онъ взялся—покрыто мракомъ неизвѣстности. Я, впрочемъ, нарочно дѣлалъ справки и кое-что узналъ о прежнихъ обстоятельствахъ этого достопримѣчательнаго человѣка. Говорили, во-первыхъ, что онъ когда-то и гдѣ-то служилъ, гдѣ-то пострадалъ и ужъ, разумѣется, „за правду“. Говорили еще, что когда-то онъ занимался въ Москвѣ литературою. Мудренаго нѣтъ; грязное же невѣжество Ѳомы Ѳомича, конечно, не могло служить помѣхою его литературной карьерѣ. Но достовѣрно извѣстно только то, что ему ничего не удалось и что, наконецъ, онъ принужденъ былъ поступить къ генералу въ качествѣ чтеца и мученика. Не было униженія, котораго-бы онъ не перенесъ изъ-за куска генеральскаго хлѣба. Правда, впослѣдствіи,

по смерти генерала, когда самъ Ома совершенно неожиданно сдѣлался вдругъ важнымъ и чрезвычайнымъ лицомъ, онъ не разъ увѣрялъ насъ всѣхъ, что, согласясь быть шутомъ, онъ великодушно пожертвовалъ собою дружбѣ; что генералъ былъ его благодѣтель; что это былъ человѣкъ великій, непонятой, и что одному ему, Омѣ, довѣрялъ онъ сокровеннѣйшія тайны души своей; что, наконецъ, если онъ, Ома, и изображалъ собою, по генеральскому востребованію, различныхъ звѣрей и иныя живыя картины, то единственно, чтобъ развлечь и развеселить удрученнаго болѣзнями страдальца и друга. Но увѣренія и толкованія Омы Омича, въ этомъ случаѣ, подвергаются большому сомнѣнію: а между тѣмъ, тотъ же Ома Омичъ, еще будучи шутомъ, разыгрывалъ совершенно другую роль на дамской половинѣ генеральскаго дома. Какъ онъ это устроилъ—трудно представить неспеціалисту въ подобныхъ дѣлахъ. Генеральша питала къ нему какое-то мистическое уваженіе,—за что?—Неизвѣстно. Мало-по-малу онъ достигъ надъ всей женской половиной генеральскаго дома удивительнаго вліянія, отчасти похожаго на вліянія различныхъ Иванъ Яковлевичей и тому подобныхъ мудрецовъ и проницателей, посѣщаемыхъ въ сумасшедшихъ домахъ иными барынями, изъ любительницъ. Онъ читалъ вслухъ душеспасительныя книги, толковалъ съ краснорѣчивыми слезами о разныхъ христіанскихъ добродѣтеляхъ, разсказывалъ свою жизнь и подвиги; ходилъ къ обѣднѣ и даже къ заутрени, отчасти предсказывалъ будущее, особенно хорошо умѣлъ толковать сны и мастерски осуждалъ ближняго. Генералъ догадывался о томъ, что происходитъ въ заднихъ комнатахъ, и еще безпощаднѣе тиранилъ своего приживальщика. Но мученичество Омы доставляло ему еще большее уваженіе въ глазахъ генеральши и всѣхъ ея домочадцевъ.

Наконецъ, все перемѣнилось. Генералъ умеръ. Смерть его была довольно оригинальная. Бывшій вольнодумецъ, атеистъ, струсилъ до невѣроятности. Онъ плакалъ, каялся, поцѣловалъ образа, призывалъ священниковъ. Служили молебны, соборовали. Бѣднякъ кричалъ, что не хочетъ умирать, и даже со слезами просилъ прощенія у Омы Омича. Послѣднее обстоятельство придало Омѣ Омичу впослѣдствіи необыкновеннаго форсу. Впрочемъ, передъ самой разлукой генеральской души съ генеральскимъ тѣломъ, случилось вотъ какое происшествіе. Дочь гене-

ральши отъ перваго брака, тетушка моя, Прасковья Ильинична, засидѣвшаяся въ дѣвкахъ и проживавшая постоянно въ генеральскомъ домѣ,—одна изъ любимѣйшихъ жертвъ генерала и необходимая ему во все время его десятилѣтняго безножія для безпрерывныхъ услугъ, умѣвшая одна угодить ему своею простоватою и безотвѣтною кротостью,—подошла къ его постели, проливая горькія слезы, и хотѣла было поправить подушку подъ головою страдальца; но страдалецъ успѣлъ-таки схватить ее за волосы и три раза дернуть ихъ, чуть не пѣнясь отъ злости. Минутъ черезъ десять онъ умеръ. Дали знать полковнику, хотя генеральша и объявила, что не хочетъ видѣть его, что скорѣе умретъ, чѣмъ пуститъ его къ себѣ на глаза въ такую минуту. Похороны были великолѣпныя—разумѣется, на счетъ непочтительнаго сына, котораго не хотѣли пускать на глаза.

Въ разоренномъ селѣ Князевкѣ, принадлежащемъ нѣсколькимъ помѣщикамъ и въ которомъ у генерала была своя сотня душъ, существуетъ мавзолей изъ бѣлаго мрамора, испещренный хвалебными надписями уму, талантамъ, благородству души, орденамъ и генеральству усопшаго. Ѳома Ѳомичъ сильно участвовалъ въ составленіи этихъ надписей. Долго ломалась генеральша, отказывая въ прощеніи непокорному сыну. Она говорила, рыдая и взвизгивая, окруженная толпой своихъ приживалокъ и мосекъ, что скорѣе будетъ ѣсть сухой хлѣбъ и, ужъ разумѣется, „запивать его своими слезами“, что скорѣе пойдетъ съ палочкой выпрашивать себѣ подаяніе подъ окнами, чѣмъ склонится на просьбу „непокорнаго“ переѣхать къ нему въ Степанчиково, и что *нога* ея никогда-никогда не будетъ въ домѣ его! Вообще, слово *нога*, употребленное въ этомъ смыслѣ, произносится съ необыкновеннымъ эффектомъ иными барынями. Генеральша мастерски, художественно произносила его... Словомъ, краснорѣчія было истрачено въ невѣроятномъ количествѣ. Надо замѣтить, что, во время самыхъ этихъ взвизгиваній, уже помаленьку укладывались для переѣзда въ Степанчиково. Полковникъ заморилъ всѣхъ своихъ лошадей, дѣлая почти каждодневно по сорока верстъ изъ Степанчикова въ городъ, и только черезъ двѣ недѣли послѣ похоронъ генерала получилъ позволеніе явиться на глаза оскорбленной родительницы. Ѳома Ѳомичъ былъ употребленъ для переговоровъ. Во всѣ эти двѣ недѣли онъ укорялъ и

стыдилъ непокорнаго „безчеловѣчнымъ" его поведеніемъ, довелъ его до искреннихъ слезъ, почти до отчаянія. Съ этого-то времени и начинается все непостижимое и безчеловѣчно-деспотическое вліяніе Омы Омича на моего бѣднаго дядю. Ома догадался, какой передъ нимъ человѣкъ, и тотчасъ же почувствовалъ, что прошла его роль шута, и что на безлюдьи и Ома можетъ быть дворяниномъ. Зато и наверсталъ же онъ свое.

— Каково же будетъ вамъ, говорилъ Ома.—если собственная ваша мать, такъ сказать, виновница дней вашихъ, возьметъ палочку и, опираясь на нее дрожащими и изсохшими отъ голода руками, начнетъ въ самомъ дѣлѣ испрашивать себѣ подаяніе? Не чудовищно-ли это, во-первыхъ, при ея генеральскомъ значеніи, а во-вторыхъ, при ея добродѣтеляхъ? Каково вамъ будетъ, если она вдругъ придетъ, разумѣется, ошибкой—но вѣдь это можетъ случиться—подъ ваши же окна и протянетъ руку свою, тогда какъ вы, родной сынъ ея, можетъ-быть, въ ту самую минуту утопаете гдѣ-нибудь въ пуховой перинѣ и... ну, вообще въ роскоши! Ужасно, ужасно! Но всего ужаснѣе то,—позвольте это вамъ сказать откровенно, полковникъ,—всего ужаснѣе то, что вы стоите теперь передо мною, какъ безчувственный столбъ, разиня ротъ и хлопая глазами, что̀ даже неприлично, тогда какъ при одномъ предположеніи подобнаго случая вы бы должны были вырвать съ корнемъ волосы изъ головы своей и испустить ручьи... что я говорю!—Рѣки, озера, моря, океаны слезъ...

Словомъ, Ома, отъ излишняго жара, зарапортовался. Но таковъ былъ всегдашній исходъ его краснорѣчія. Разумѣется, кончилось тѣмъ, что генеральша, вмѣстѣ съ своими приживалками, собачонками, съ Омой Омичемъ и съ дѣвицей Перепелицыной, своей главной паперсницей, осчастливила, наконецъ, своимъ прибытіемъ Степанчиково. Она говорила, что только *попробуетъ* жить у сына, покамѣстъ только испытаетъ его почтительность. Можно представить себѣ положеніе полковника, покамѣстъ испытывали его почтительность! Сначала, въ качествѣ недавней вдовы, генеральша считала своею обязанностью въ недѣлю раза два или три впадать въ отчаяніе при воспоминаніи о своемъ безвозвратномъ генералѣ; при чемъ, неизвѣстно за что, аккуратно каждый разъ доставалось полковнику. Иногда, особенно при чьихъ-нибудь посѣщеніяхъ, подозвавъ къ себѣ своего внука, малень-

каго Илюшу и пятнадцатилѣтнюю Сашеньку, внучку свою, генеральша сажала ихъ подлѣ себя, долго-долго смотрѣла на нихъ грустнымъ, страдальческимъ взглядомъ, какъ на дѣтей, погибшихъ у *такого отца*, глубоко и тяжело вздыхала, и, наконецъ, заливалась безмолвными, таинственными слезами, по крайней мѣрѣ, на цѣлый часъ. Горе полковнику, если онъ не умѣлъ *понять* этихъ слезъ! А онъ, бѣдный, почти никогда не умѣлъ ихъ понять, и почти всегда, по наивности своей, подвертывался, какъ нарочно, въ такія слезливыя минуты и, волей-неволей, попадалъ на экзаменъ. Но почтительность его не уменьшалась и, наконецъ, дошла до послѣднихъ предѣловъ. Словомъ, оба, и генеральша, и Ѳома Ѳомичъ, почувствовали вполнѣ, что прошла гроза, гремѣвшая надъ ними столько лѣтъ отъ лица генерала Крахоткина,—прошла и никогда не воротится. Бывало, генеральша вдругъ, ни съ того, ни съ сего, покатится на диванѣ въ обморокъ. Подымется бѣготня, суетня. Полковникъ уничтожится и дрожитъ, какъ осиновый листъ.

— Жестокій сынъ! кричитъ генеральша, очнувшись.— Ты растерзалъ мои внутренности... mes entrailles, mes entrailles!

— Да чѣмъ же, маменька, я растерзалъ ваши внутренности? робко возражаетъ полковникъ.

— Растерзалъ! Растерзалъ! Онъ еще и оправдывается! Онъ грубитъ. Жестокій сынъ! Умираю!..

Полковникъ, разумѣется, уничтоженъ.

Но какъ-то такъ случалось, что генеральша всегда оживала. Черезъ полчаса полковникъ толкуетъ кому-нибудь, взявъ его за пуговицу:

— Ну, да вѣдь она, братецъ, grande dame, генеральша! Добрѣйшая старушка; но, знаешь, привыкла ко всему этакому утонченному... не чета мнѣ, вахлаку! Теперь на меня сердится. Оно, конечно, я виноватъ. Я, братецъ, еще не знаю, чѣмъ я именно провинился, но ужъ, конечно, я виноватъ...

Случалось, что дѣвица Перепелицына, перезрѣлое и пышащее на весь свѣтъ созданіе, безбровая, въ накладкѣ, съ маленькими плотоядными глазками, съ топенькими, какъ питочка, губами и съ руками, вымытыми въ огуречномъ разсолѣ, считала своею обязанностью прочесть наставленіе полковнику.

— Это оттого, что вы непочтительны-съ. Это оттого,

что вы эгоисты-съ, оттого вы и оскорбляете маменьку-съ: они къ этому не привыкли-съ. Они генеральши-съ, а вы еще только полковники-съ.

— Это, братъ, дѣвица Перепелицына, замѣчаетъ полковникъ своему слушателю,—превосходнѣйшая дѣвица, горой стоитъ за маменьку! Рѣдкая дѣвица! Ты не думай, что она приживалка какая-нибудь: она, братъ, сама подполковничья дочь. Вотъ оно какъ!

Но, разумѣется, это были еще только цвѣтки. Та же самая генеральша, которая умѣла выкидывать такіе разнообразные фокусы, въ свою очередь трепетала, какъ мышка, передъ прежнимъ своимъ приживальщикомъ. Ѳома Ѳомичъ заворожилъ ее окончательно. Она не надышала на него, слышала его ушами, смотрѣла его глазами. Одинъ изъ моихъ троюродныхъ братьевъ, тоже отставной гусаръ, человѣкъ еще молодой, но замотавшійся до невѣроятной степени и проживавшій одно время у дяди, прямо и просто объявилъ мнѣ, что, по его глубочайшему убѣжденію, генеральша находилась въ непозволительной связи съ Ѳомой Ѳомичемъ. Разумѣется, я тогда же съ негодованіемъ отвергъ это предположеніе, какъ ужъ слишкомъ грубое и простодушное. Нѣтъ, тутъ было другое, и это другое я никакъ не могу объяснить иначе, какъ предварительно объяснивъ читателю характеръ Ѳомы Ѳомича такъ, какъ я самъ его понялъ впослѣдствіи.

Представьте же себѣ человѣчка, самаго ничтожнаго, самаго малодушнаго, выкидыша изъ общества, никому ненужнаго, совершенно безполезнаго, совершенно гаденькаго, но необъятно самолюбиваго и, вдобавокъ, не одареннаго рѣшительно ничѣмъ, чѣмъ бы могъ онъ, хоть сколько-нибудь, оправдать свое болѣзненно-раздраженное самолюбіе. Предупреждаю заранѣе: Ѳома Ѳомичъ есть олицетвореніе самолюбія самаго безграничнаго, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, самолюбія особеннаго, именно: случающагося при самомъ полномъ ничтожествѣ, и, какъ обыкновенно бываетъ въ такомъ случаѣ, самолюбія оскорбленнаго, подавленнаго тяжкими прежними неудачами, загноившагося давно-давно, и съ тѣхъ поръ выдавливающаго изъ себя зависть и ядъ при каждой встрѣчѣ, при каждой чужой удачѣ. Нечего и говорить, что все это приправлено самою безобразною обидчивостью, самою сумасшедшею мнительностью. Можетъ-быть, спросятъ: откуда берется такое самолюбіе? Какъ зарождается оно, при такомъ полномъ ничтожествѣ, въ та-

кихъ жалкихъ людяхъ, которые, уже по соціальному положенію своему, обязаны знать свое мѣсто? Какъ отвѣчать на этотъ вопросъ? Кто знаетъ, можетъ-быть, есть и исключенія, къ которымъ и принадлежитъ мой герой. Онъ и дѣйствительно есть исключеніе изъ правила, что и объяснится впослѣдствіи. Однакожъ, позвольте спросить: увѣрены-ли вы, что тѣ, которые уже совершенно смирились и считаютъ себѣ за честь и за счастье быть вашими шутами, приживальщиками и прихлебателями,—увѣрены-ли вы, что они уже совершенно отказались отъ всякаго самолюбія? А зависть, а сплетни, а ябедничество, а доносы, а таинственныя шипѣнія въ заднихъ углахъ у васъ же, гдѣ-нибудь подъ бокомъ, за вашимъ же столомъ? Кто знаетъ, можетъ-быть, въ нѣкоторыхъ изъ этихъ униженныхъ судьбою скитальцевъ, вашихъ шутовъ и юродивыхъ, самолюбіе не только не проходитъ отъ униженія, но даже еще болѣе распаляется именно отъ этого же самаго униженія, отъ юродства и шутовства, отъ прихлебательства и вѣчно вынуждаемой подчиненности и безличности. Кто знаетъ, можетъ-быть, это безобразно-вырастающее самолюбіе есть только ложное, первоначально-извращенное чувство собственнаго достоинства, оскорбленнаго въ первый разъ еще, можетъ, въ дѣтствѣ—гнетомъ, бѣдностью, грязью, оплеваннаго, можетъ-быть, еще въ лицѣ родителей будущаго скитальца, на его же глазахъ? Но я сказалъ, что Ѳома Ѳомичъ есть, къ тому же, и исключеніе изъ общаго правила. Это и правда. Онъ былъ когда-то литераторомъ и былъ огорченъ и непризнанъ, а литература способна загубить и не одного Ѳому Ѳомича—разумѣется, непризнанная. Не знаю, но надо полагать, что Ѳомѣ Ѳомичу не удалось еще и прежде литературы; можетъ-быть, и на другихъ карьерахъ онъ получалъ одни только щелчки, вмѣсто жалованья, или что-нибудь еще того хуже. Это мнѣ, впрочемъ, неизвѣстно; но я впослѣдствіи справлялся и навѣрно знаю, что Ѳома дѣйствительно сотворилъ когда-то въ Москвѣ романчикъ, весьма похожій на тѣ, которые стряпались тамъ въ тридцатыхъ годахъ ежегодно десятками, въ родѣ различныхъ „Освобожденій Москвы“, „Атамановъ Бурь“, „Сыновей любви, или русскихъ въ 1104-мъ году“ и проч., и проч., романовъ, доставлявшихъ въ свое время пріятную пищу для остроумія барона Брамбеуса. Это было, конечно, давно; но змѣя литературнаго самолюбія жалитъ иногда глубоко и неизлѣчимо, особенно лю-

дей ничтожныхъ и глуповатыхъ. Ома Омичъ былъ огорченъ съ перваго литературнаго шага и тогда же окончательно примкнулъ къ той огромной фалангѣ огорченныхъ, изъ которой выходятъ потомъ всѣ юродивые, всѣ скитальцы и странники. Съ того же времени, я думаю, и развилась въ немъ эта уродливая хвастливость, эта жажда похвалъ и отличій, поклоненія и удивленія. Онъ и въ шутахъ составилъ себѣ кучку благоговѣвшихъ передъ нимъ идіотовъ. Только чтобъ гдѣ-нибудь, какъ-нибудь первенствовать, прорицать, поковеркаться и похвастаться—вотъ была главная потребность его! Его не хвалили—такъ онъ самъ себя началъ хвалить. Я самъ слышалъ слова Омы въ домѣ дяди, въ Степанчиковѣ, когда уже онъ сталъ тамъ полнымъ владыкою и прорицателемъ: „не жилецъ я между вами", говаривалъ онъ иногда съ какою-то таинственною важностью.—„Не жилецъ я здѣсь! Посмотрю, устрою васъ всѣхъ, покажу, научу, и тогда прощайте: въ Москву, издавать журналъ! Тридцать тысячъ человѣкъ будутъ собираться на мои лекціи ежемѣсячно. Гремитъ, наконецъ, мое имя, и тогда—горе врагамъ моимъ!" Но геній, покамѣстъ, еще собирался прославиться, требовалъ награды немедленной. Вообще, пріятно получать плату впередъ, а въ этомъ случаѣ особенно. Я знаю, онъ серьезно увѣрилъ дядю, что ему, Омѣ, предстоитъ величайшій подвигъ,—подвигъ, для котораго онъ и на свѣтъ призванъ, и къ совершенію котораго понуждаетъ его какой-то человѣкъ съ крыльями, являющійся ему по ночамъ, или что-то въ родѣ того. Именно: написать одно глубокомысленнѣйшее сочиненіе въ душеспасительномъ родѣ, отъ котораго произойдетъ всеобщее землетрясеніе и затрещитъ вся Россія. И когда уже затрещитъ вся Россія, то онъ, Ома, пренебрегая славой, пойдетъ въ монастырь и будетъ молиться день и ночь въ кіевскихъ пещерахъ о счастіи отечества. Все это обольстило дядю.

Теперь представьте же себѣ, что можетъ сдѣлаться изъ Омы, во всю жизнь угнетеннаго и забитаго, и даже, можетъ-быть, и въ самомъ тѣлѣ битаго, изъ Омы—втайнѣ сластолюбиваго и самолюбиваго, изъ Омы—огорченнаго литератора, изъ Омы-шута изъ насущнаго хлѣба, изъ Омы—въ душѣ деспота, несмотря на все предыдущее ничтожество и безсиліе, изъ Омы-хвастуна, а при удачѣ нахала, изъ этого Омы, вдругъ попавшаго въ честь и въ славу, возлелѣяннаго и захваленнаго, благодаря идіоткѣ-

покровительницѣ и обольщенному, на все согласному покровителю, въ домъ котораго онъ попалъ, наконецъ, послѣ долгихъ странствованій? О характерѣ дяди я, конечно, обязанъ объяснить подробнѣе: безъ этого непонятенъ и успѣхъ Ѳомы Ѳомича. Но покамѣстъ скажу, что съ Ѳомой именно сбылась пословица: посади за столъ, онъ и ноги на столъ. Наверсталъ-таки онъ свое прошедшее! Низкая душа, выйдя изъ-подъ гнёта, сама гнететъ. Ѳому угнетали—и онъ тотчасъ же ощутилъ потребность самъ угнетать; надъ нимъ ломались—и онъ самъ сталъ надъ другими ломаться. Онъ былъ шутомъ—и тотчасъ же ощутилъ потребность завести своихъ шутовъ. Хвастался онъ до нелѣпости, ломался до невозможности, требовалъ птичьяго молока, тиранствовалъ безъ мѣры, и дошло до того, что добрые люди, еще не бывъ свидѣтелями всѣхъ этихъ продѣлокъ, а слушая только розсказни, считали все это за чудо, за навожденіе, крестились и отплевывались.

Я говорилъ о дядѣ. Безъ объясненія этого замѣчательнаго характера (повторяю это), конечно, непонятно такое наглое воцареніе Ѳомы Ѳомича въ чужомъ домѣ; непонятна эта метаморфоза изъ шута въ великаго человѣка. Мало того, что дядя былъ добръ до крайности—это былъ человѣкъ утонченной деликатности, несмотря на нѣсколько грубую наружность, высочайшаго благородства, мужества испытаннаго. Я смѣло говорю „мужества“; онъ не остановился бы передъ обязанностью, передъ долгомъ, и въ этомъ случаѣ не побоялся бы никакихъ преградъ. Душою онъ былъ чистъ, какъ ребенокъ. Это былъ дѣйствительно ребенокъ въ сорокъ лѣтъ, экспансивный въ высшей степени, всегда веселый, предполагавшій всѣхъ людей ангелами, обвинявшій себя въ чужихъ недостаткахъ и преувеличивавшій добрыя качества другихъ до крайности, даже предполагавшій ихъ тамъ, гдѣ ихъ и быть не могло. Это былъ одинъ изъ тѣхъ благороднѣйшихъ и цѣломудренныхъ сердцемъ людей, которые даже стыдятся предположить въ другомъ человѣкѣ дурное, торопливо наряжаютъ своихъ ближнихъ во всѣ добродѣтели, радуются чужому успѣху, живутъ такимъ образомъ постоянно въ идеальномъ мірѣ, а при неудачахъ прежде всѣхъ обвиняютъ самихъ себя. Жертвовать собою интересамъ другихъ—ихъ призваніе. Иной бы назвалъ его и малодушнымъ, и безхарактернымъ, и слабымъ. Конечно, онъ былъ слабъ и даже ужъ слишкомъ мягокъ характеромъ; но не

отъ недостатка твердости, а изъ боязни оскорбить, поступить жестоко, изъ излишняго уваженія къ другимъ и къ человѣку вообще. Впрочемъ, безхарактеренъ и малодушенъ онъ былъ единственно, когда дѣло шло объ его собственныхъ выгодахъ, которыми онъ пренебрегалъ въ высочайшей степени, за что всю жизнь подвергался насмѣшкамъ, и даже нерѣдко отъ тѣхъ, для которыхъ жертвовалъ этими выгодами. Впрочемъ, онъ никогда не вѣрилъ, чтобъ у него были враги: они, однакожъ, у него бывали, но онъ ихъ какъ-то не замѣчалъ. Шуму и крику въ домѣ онъ боялся, какъ огня, и тотчасъ же всѣмъ уступалъ и всему подчинялся. Уступалъ онъ изъ какого-то застѣнчиваго добродушія, изъ какой-то застѣнчивой деликатности, „чтобъ ужъ такъ", говорилъ онъ, скорого рукою, отгоняя отъ себя всѣ посторонніе упреки въ потворствѣ и слабости, — „чтобъ ужъ такъ... чтобъ ужъ всѣ были довольны и счастливы!" Нечего и говорить, что онъ готовъ былъ подчиниться всякому благородному вліянію. Мало того, ловкій подлецъ могъ совершенно имъ овладѣть и даже сманить на дурное дѣло, разумѣется, замаскировавъ это дурное дѣло въ благородное. Дядя чрезвычайно легко вѣрился другимъ, и въ этомъ случаѣ былъ далеко не безъ ошибокъ. Когда же, послѣ многихъ страданій, онъ рѣшался, наконецъ, увѣриться, что обманувшій его человѣкъ безчестенъ, то прежде всѣхъ обвинялъ себя, а нерѣдко и одного себя. Представьте же себѣ теперь вдругъ воцарившуюся въ его тихомъ домѣ капризную, выжившую изъ ума идіотку, неразлучно съ другимъ идіотомъ—ея идоломъ, боявшуюся до сихъ поръ только своего генерала, а теперь ужъ ничего не боявшуюся и ощутившую даже потребность вознаградить себя за все прошлое,—идіотку, передъ которой дядя считалъ своею обязанностью благоговѣть уже потому только, что она была мать его. Начали съ того, что тотчасъ же доказали дядѣ, что онъ грубъ, нетерпѣливъ, невѣжественъ и, главное, отсталъ въ высочайшей степени. Замѣчательно то, что идіотка-старуха сама вѣрила тому, что она проповѣдывала. Да, и думаю, и Фома Фомичъ также, по крайней мѣрѣ, отчасти. Убѣдили дядю и въ томъ, что Фома ниспосланъ ему Самимъ Богомъ для спасенія души его и для умиренія его необузданныхъ страстей, что онъ горѣ, тщеславится своимъ богатствомъ и способенъ попрекнуть Фому Фомича кускомъ хлѣба. Бѣдный дядя очень скоро увѣровалъ въ

глубину своего паденія, готовъ былъ рвать на себѣ волосы, просить прощенія...

— Я, братецъ, самъ виноватъ, говоритъ онъ, бывало, кому-нибудь изъ своихъ собесѣдниковъ, — во всемъ виноватъ! Вдвое надо быть деликатнѣе съ человѣкомъ, котораго одолжаешь... то-есть... что я! Какое одолжаешь!.. Опять совралъ! Вовсе не одолжаешь; онъ меня, напротивъ, одолжаетъ тѣмъ, что живетъ у меня, а не я его! Ну, а я попрекнулъ его кускомъ хлѣба!.. То-есть я вовсе не попрекнулъ, но видно такъ, что-нибудь съ языка сорвалось, — у меня часто съ языка срывается... Ну, а, наконецъ, человѣкъ страдалъ, дѣлалъ подвиги; десять лѣтъ, несмотря ни на какія оскорбленія, ухаживалъ за больнымъ другомъ: все это требуетъ награды! Ну, наконецъ, и наука... Писатель! Образованнѣйшій человѣкъ. Благороднѣйшее лицо,—словомъ...

Образъ Ѳомы, образованнаго и несчастнаго, въ шутахъ у капризнаго и жестокаго барина, надрывалъ благородное сердце дяди сожалѣніемъ и негодованіемъ. Всѣ странности Ѳомы, всѣ неблагородныя его выходки дядя тотчасъ же приписывалъ его прежнимъ страданіямъ, его униженію, его озлобленію... Онъ тотчасъ же рѣшилъ въ нѣжной и благородной душѣ своей, что съ страдальца нельзя и спрашивать, какъ съ обыкновеннаго человѣка; что не только надо прощать ему, но, сверхъ того, надо кротостью уврачевать его раны, возстановить его, примирить его съ человѣчествомъ. Задавъ себѣ эту цѣль, онъ воспламенился до крайности и уже совсѣмъ потерялъ способность, хоть какую-нибудь, замѣтить, что новый другъ его—сластолюбивая, капризная тварь, эгоистъ, лѣнтяй, лежебокъ — и больше ничего. Въ ученость же и въ геніальность Ѳомы онъ вѣрилъ беззавѣтно. Я и забылъ сказать, что передъ словомъ „наука“ или „литература“ дядя благоговѣлъ самымъ наивнымъ и безкорыстнѣйшимъ образомъ, хотя самъ никогда и ничему не учился.

Это была одна изъ его капитальныхъ и невиннѣйшихъ странностей.

— Сочиненіе пишетъ! говоритъ онъ, бывало, ходя на цыпочкахъ еще за двѣ комнаты до кабинета Ѳомы Ѳомича. — Не знаю, что именно, прибавлялъ онъ съ гордымъ и таинственнымъ видомъ, — но ужъ вѣрно, братъ, такая бурда... То-есть въ благородномъ смыслѣ бурда. Для кого ясно, а для насъ, братъ, съ тобой такая кувырка-

легія, что... Кажется, о производительныхъ силахъ какихъ-то пишетъ,—самъ говорилъ. Это, вѣрно, что-нибудь изъ политики. Да, гряметъ и его имя! Тогда я и мы съ тобой черезъ него прославимся. Онъ, братъ, мнѣ это самъ говорилъ...

Мнѣ положительно извѣстно, что дядя, по приказанію Ѳомы, принужденъ былъ сбрить свои прекрасные, темно-русые бакенбарды. Тому показалось, что съ бакенбардами дядя похожъ на француза и что поэтому въ немъ мало любви къ отечеству. Мало-по-малу Ѳома сталъ вмѣшиваться въ управленіе имѣніемъ и давать мудрые совѣты. Эти мудрые совѣты были ужасны. Крестьяне скоро поняли въ чемъ дѣло и кто настоящій господинъ, и сильно почесывали затылки. Я самъ впослѣдствіи слышалъ одинъ разговоръ Ѳомы Ѳомича съ крестьянами: этотъ разговоръ, признаюсь, я подслушалъ. Ѳома еще прежде объявилъ, что любитъ поговорить съ умнымъ русскимъ мужичкомъ. И вотъ, разъ, онъ зашелъ на гумно; поговоривъ съ мужичками о хозяйствѣ, хотя самъ не умѣлъ отличить овса отъ пшеницы, сладко потолковавъ о священныхъ обязанностяхъ крестьянина къ господину, коснувшись слегка электричества и раздѣленія труда, въ чемъ, разумѣется, не понималъ ни строчки, растолковавъ своимъ слушателямъ, какимъ образомъ земля ходитъ около солнца и, наконецъ, совершенно умилившись душой отъ собственнаго краснорѣчія, онъ заговорилъ о министрахъ. Я это понялъ. Вѣдь разсказывалъ же Пушкинъ про одного папеньку, который внушалъ своему четырехлѣтнему сынишкѣ, что онъ, его папенька, „такой хлябій, что папеньку любитъ государь“... Вѣдь нуждался же этотъ папенька въ четырехлѣтнемъ слушателѣ? Крестьяне же всегда слушали Ѳому Ѳомича съ подобострастіемъ.

— А што, батюшка, много-ль ты царскаго-то жалованья получалъ? спросилъ его вдругъ одинъ сѣденькій старичокъ, Архипъ Короткій, по прозвищу, изъ толпы другихъ мужичковъ, съ очевиднымъ намѣреніемъ подольститься, но Ѳомѣ Ѳомичу показался этотъ вопросъ фамильярнымъ, а онъ терпѣть не могъ фамильярности.

— А тебѣ какое дѣло, пехтерь? отвѣчалъ онъ, съ презрѣніемъ поглядѣвъ на бѣднаго мужичонка.—Что ты мнѣ моську-то свою выставилъ: плюнуть мнѣ, что-ли, въ нее?

Ѳома Ѳомичъ всегда разговаривалъ въ такомъ тонѣ съ „умнымъ русскимъ мужичкомъ“.

— Отецъ ты нашъ, подхватилъ другой мужичокъ, — вѣдь мы люди темные. Можетъ, ты маіоръ, аль полковникъ, аль само ваше сіятельство, — какъ и величать-то тебя не вѣдаемъ.

— Пехтерь! повторилъ Ѳома Ѳомичъ, однакожъ, смягчился. — Жалованье жалованью рознь, поскопная ты голова! Другой и въ генеральскомъ чинѣ, да ничего не получаетъ—значитъ, не за что̀; пользы царю не приноситъ. А я вотъ двадцать тысячъ получалъ, когда у министра служилъ, да и тѣхъ не бралъ, потому, я изъ чести служилъ, свой былъ достатокъ. Я жалованье свое на государственное просвѣщеніе, да на погорѣлыхъ жителей Казани пожертвовалъ.

— Вишь ты! Такъ это ты Казань-то обстроилъ, батюшка? продолжалъ удивленный мужикъ.

Мужики, вообще, дивились на Ѳому Ѳомича...

— Ну, да, и моя тамъ есть доля, отвѣчалъ Ѳома, какъ бы нехотя, какъ будто самъ на себя досадуя, что удостоилъ *такого* человѣка *такимъ* разговоромъ.

Съ дядей разговоры были другого рода.

— Прежде кто вы были? говоритъ, напримѣръ, Ѳома, развалясь послѣ сытнаго обѣда въ покойномъ креслѣ, при чемъ слуга, стоя за кресломъ, долженъ былъ отмахивать отъ него свѣжей липовой вѣткой мухъ.—На кого похожи вы были до меня? А теперь я заронилъ въ васъ искру того небеснаго огня, который горитъ теперь въ душѣ вашей. Заронилъ-ли я въ васъ искру небеснаго огня, или нѣтъ? Отвѣчайте: заронилъ я въ васъ искру иль нѣтъ?

Ѳома Ѳомичъ, по правдѣ, и самъ не зналъ, зачѣмъ сдѣлалъ такой вопросъ. Но молчаніе и смущеніе дяди тотчасъ же его раззадорили. Онъ, прежде терпѣливый и забитый, теперь вспыхивалъ, какъ порохъ, при каждомъ малѣйшемъ противорѣчіи. Молчаніе дяди показалось ему обиднымъ, и онъ уже теперь настаивалъ на отвѣтѣ.

— Отвѣчайте же: горитъ въ васъ искра или нѣтъ?

Дядя мнется, жмется и не знаетъ, что̀ предпринять.

— Позвольте вамъ замѣтить, что я жду, замѣчаетъ Ѳома обидчивымъ голосомъ.

— Mais repondez donc, Егорушка! подхватываетъ генеральша, пожимая плечами.

— Я спрашиваю: горитъ-ли въ васъ эта искра иль нѣтъ? снисходительно повторяетъ Ѳома, взявъ конфетку

изъ бонбоньерки, которая всегда стоитъ передъ нимъ на столѣ. Это ужъ распоряженіе генеральши.

— Ей-Богу не знаю, Ѳома, отвѣчаетъ, наконецъ, дядя, съ отчаяніемъ во взорахъ, — должно-быть, что-нибудь въ этомъ родѣ... Право, ты ужъ лучше не спрашивай, а то я совру что-нибудь...

— Хорошо! Такъ по-вашему я такъ ничтоженъ, что даже не стою отвѣта — вы это хотѣли сказать? Ну, пусть будетъ такъ: пусть я буду ничто.

— Да нѣтъ же, Ѳома, Богъ съ тобой! Ну, когда я это хотѣлъ сказать?

— Нѣтъ, вы именно это хотѣли сказать.

— Да клянусь же, что нѣтъ!

— Хорошо! Пусть буду я лгунъ! Пусть я, по вашему обвиненію, нарочно изыскиваю предлога къ ссорѣ: пусть ко всѣмъ оскорбленіямъ присоединится и это — я все перенесу...

— Mais mon fils!.. вскрикиваетъ испуганная генеральша.

— Ѳома Ѳомичъ! Маменька! восклицаетъ дядя въ отчаяніи. — ей-Богу же я не виноватъ! Такъ развѣ, нечаянно, съ языка сорвалось!.. Ты не смотри на меня, Ѳома: я вѣдь глупъ — самъ чувствую, что глупъ; самъ слышу въ себѣ, что нескладно... Знаю, Ѳома, все знаю! Ты ужъ и не говори! продолжаетъ онъ, махая рукой. — Сорокъ лѣтъ прожилъ и до сихъ поръ, до самой той поры, какъ тебя узналъ, все думалъ про себя, что человѣкъ... ну, и все тамъ, какъ слѣдуетъ. А вѣдь и не замѣчалъ до сихъ поръ, что грѣшенъ, какъ козелъ, эгоистъ первой руки и надѣлалъ зла такую кучу, что диво какъ еще земля держитъ!

— Да, вы таки эгоистъ! замѣчаетъ удостовѣренный Ѳома Ѳомичъ.

— Да ужъ я и самъ понимаю теперь, что эгоистъ! Нѣтъ, шабашъ! Исправлюсь и буду добрѣе!

— Дай-то Богъ! заключаетъ Ѳома Ѳомичъ, благочестиво вздыхая и поднимаясь съ кресла, чтобъ отойти къ послѣобѣденному сну. Ѳома Ѳомичъ всегда почивалъ послѣ обѣда.

Въ заключеніе этой главы, позвольте мнѣ сказать собственно о моихъ личныхъ отношеніяхъ къ дядѣ и объяснить, какимъ образомъ я вдругъ поставленъ былъ глазъ-на-глазъ съ Ѳомой Ѳомичемъ и, нежданно-негаданно, внезапно попалъ въ круговоротъ самыхъ важнѣйшихъ происшествій изъ всѣхъ случившихся когда-нибудь въ бла-

гословенномъ селѣ Степанчиковѣ. Такимъ образомъ, я намѣренъ заключить мое предисловіе и прямо перейти къ разсказу.

Въ дѣтствѣ моемъ, когда я осиротѣлъ и остался одинъ на свѣтѣ, дядя замѣнилъ мнѣ собою отца, воспитывалъ меня на свой счетъ и, словомъ, сдѣлалъ для меня то, что не всегда сдѣлаетъ и родной отецъ. Съ перваго же дня, какъ онъ взялъ меня къ себѣ, я привязался къ нему всей душой. Мнѣ было тогда лѣтъ десять, и помню, что мы очень скоро сошлись и совершенно поняли другъ друга. Мы вмѣстѣ спускали кубарь и украли чепчикъ у одной презлой старой барыни, приходившейся намъ обоимъ сродни. Чепчикъ я немедленно привязалъ къ хвосту бумажнаго змѣя и запустилъ подъ облака. Много лѣтъ спустя, я не надолго свидѣлся съ дядей уже въ Петербургѣ, гдѣ я кончалъ тогда курсъ моего ученія на его счетъ. Въ этотъ разъ я привязался къ нему со всѣмъ жаромъ юности: что-то благородное, кроткое, правдивое, веселое и наивное до послѣднихъ предѣловъ поразило меня въ его характерѣ и влекло къ нему всякаго. Выйдя изъ университета, я жилъ нѣкоторое время въ Петербургѣ, покамѣстъ ничѣмъ не занятый и, какъ часто бываетъ съ молокососами, убѣжденный, что въ самомъ непродолжительномъ времени надѣлаю чрезвычайно много чего-нибудь очень замѣчательнаго и даже великаго. Петербурга мнѣ оставлять не хотѣлось. Съ дядей я переписывался довольно рѣдко, и то только когда нуждался въ деньгахъ, въ которыхъ онъ мнѣ никогда не отказывалъ. Между тѣмъ, я ужъ слышалъ отъ одного дворового человѣка дяди, пріѣзжавшаго по какимъ-то дѣламъ въ Петербургъ, что у нихъ, въ Степанчиковѣ, происходятъ удивительныя вещи. Эти первые слухи меня заинтересовали и удивили. Я сталъ писать къ дядѣ прилежнѣе. Онъ отвѣчалъ мнѣ всегда какъ-то темно и странно, и въ каждомъ письмѣ старался только заговаривать о наукахъ, ожидая отъ меня чрезвычайно много впереди по ученой части и гордясь моими будущими успѣхами. Вдругъ, послѣ довольно долгаго молчанія, я получилъ отъ него удивительное письмо, совершенно непохожее на всѣ его прежнія письма. Оно было наполнено такими странными намеками, такимъ сбродомъ противоположностей, что я сначала почти ничего и не понялъ. Видно было только, что писавшій былъ въ необыкновенной тревогѣ. Одно въ этомъ письмѣ было

ясно: дядя серьезно, убѣдительно, почти умоляя меня, предлагалъ мнѣ какъ можно скорѣе жениться на прежней его воспитанницѣ, дочери одного бѣднѣйшаго провинціальнаго чиновника, по фамиліи Ежевикина, получившей прекрасное образованіе въ одномъ учебномъ заведеніи, въ Москвѣ, на счетъ дяди, и бывшей теперь гувернанткой дѣтей его. Онъ писалъ, что она несчастна, что я могу составить ея счастье, что я даже сдѣлаю великодушный поступокъ, обращался къ благородству моего сердца и обѣщалъ дать за нею приданое. Впрочемъ, о приданомъ онъ говорилъ какъ-то таинственно, боязливо и заключалъ письмо, умоляя меня сохранить все это въ величайшей тайнѣ. Письмо это такъ поразило меня, что, наконецъ, у меня голова закружилась. Да и на какого молодого человѣка, который, какъ я, только что соскочилъ со сковороды, не подѣйствовало бы такое предложеніе, хотя бы, напримѣръ, романическою своею стороною? Къ тому же я слышалъ, что эта молоденькая гувернантка—прехорошенькая. Я, однакожъ, не зналъ, на что рѣшиться, хотя тотчасъ же написалъ дядѣ, что немедленно отправляюсь въ Степанчиково. Дядя выслалъ мнѣ, при томъ же письмѣ, и денегъ на дорогу. Несмотря на то, я, въ сомнѣніяхъ и даже въ тревогѣ, промедлилъ въ Петербургѣ три недѣли. Вдругъ, случайно встрѣчаю одного прежняго сослуживца дяди, который, возвращаясь съ Кавказа въ Петербургъ, заѣзжалъ, по дорогѣ, въ Степанчиково. Это былъ уже пожилой и разсудительный человѣкъ, закоренѣлый холостякъ. Съ негодованіемъ разсказалъ онъ мнѣ про Ѳому Ѳомича и тутъ же сообщилъ мнѣ одно обстоятельство, о которомъ я до сихъ еще не имѣлъ никакого понятія, именно, что Ѳома Ѳомичъ и генеральша задумали и положили женить дядю на одной престранной дѣвицѣ, перезрѣлой и почти совсѣмъ полоумной, съ какой-то необыкновенной біографіей и чуть-ли не съ полумилліономъ приданаго, что генеральша уже успѣла увѣрить эту дѣвицу, что онѣ между собою родня и, вслѣдствіе того, переманить къ себѣ въ домъ: что дядя, конечно, въ отчаяніи, но, кажется, кончится тѣмъ, что непремѣнно женится на полумилліонѣ приданаго: что, наконецъ, обѣ умныя головы, генеральша и Ѳома Ѳомичъ, воздвигли страшное гоненіе на бѣдную, беззащитную гувернантку дѣтей дяди, всѣми силами выживаютъ ее изъ дома, вѣроятно, боясь, чтобъ полковникъ въ нее не влю-

бился, а, можетъ, и оттого, что онъ уже и успѣлъ въ нее влюбиться. Эти послѣднія слова меня поразили. Впрочемъ, на всѣ мои разспросы: ужъ не влюбленъ-ли дядя въ самомъ дѣлѣ, разсказчикъ не могъ или не хотѣлъ дать мнѣ точнаго отвѣта, да и вообще разсказывалъ скупо, нехотя и замѣтно уклонялся отъ подробныхъ объясненій. Я задумался; извѣстіе такъ странно противорѣчило съ письмомъ дяди и съ его предложеніемъ!.. Но медлить было нечего. Я рѣшился ѣхать въ Степанчиково, желая не только вразумить и утѣшить дядю, но даже спасти его, по возможности, то-есть выгнать Ѳому, разстроить ненавистную свадьбу съ перезрѣлой дѣвой, и, наконецъ,— такъ какъ, по моему окончательному рѣшенію, любовь дяди была только придирчивой выдумкой Ѳомы Ѳомича— осчастливить несчастную, но, конечно, интересную дѣвушку предложеніемъ руки моей, и проч., и проч. Мало-по-малу, я такъ вдохновилъ и настроилъ себя, что, по молодости лѣтъ и отъ нечего дѣлать, перескочилъ изъ сомнѣній совершенно въ другую крайность: я началъ горѣть желаніемъ какъ можно скорѣе надѣлать разныхъ чудесъ и подвиговъ. Мнѣ казалось даже, что я самъ выказываю необыкновенное великодушіе, благородно жертвуя собою, чтобъ осчастливить невинное и прелестное созданіе, — словомъ, я помню, что во всю дорогу былъ очень доволенъ собой. Былъ іюль; солнце свѣтило ярко; кругомъ меня развертывался необъятный просторъ полей съ дозрѣвавшимъ хлѣбомъ... А я такъ долго сидѣлъ закупоренный въ Петербургѣ, что, казалось мнѣ, только теперь настоящимъ образомъ взглянулъ на свѣтъ Божій!

II.

Господинъ Бахчеевъ.

Я уже приближался къ цѣли моего путешествія. Проѣзжая маленькій городокъ Б*, отъ котораго оставалось только десять верстъ до Степанчикова, я принужденъ былъ остановиться у кузницы близъ самой заставы, по случаю лопнувшей шины на переднемъ колесѣ моего тарантаса. Закрѣпить ее кое-какъ, для десяти верстъ, можно было довольно скоро, и потому я рѣшился, никуда не заходя, подождать у кузницы, покамѣстъ кузнецы справятъ дѣло. Выйдя изъ тарантаса, я увидѣлъ одного толстаго господина, который, такъ же какъ и я, принужденъ былъ остановиться для починки своего экипажа. Онъ стоялъ

уже цѣлый часъ на нестерпимомъ зноѣ, кричалъ, бранился и съ брюзгливымъ нетерпѣніемъ погонялъ мастеровыхъ, суетившихся около его прекрасной коляски. Съ перваго же взгляда этотъ сердитый баринъ показался мнѣ чрезвычайной брюзгой. Онъ былъ лѣтъ сорока пяти, средняго роста, очень толстъ и рябъ. Толстота, калмыкъ и пухлыя, отвислыя его щеки свидѣтельствовали о блаженной помѣщичьей жизни. Что-то бабье было во всей его фигурѣ и тотчасъ же бросалось въ глаза. Одѣтъ онъ былъ широко, удобно, опрятно, но отнюдь не по модѣ.

Не понимаю, почему онъ на меня разсердился, тѣмъ болѣе, что видѣлъ меня первый разъ въ жизни и еще не сказалъ со мною ни слова. Я замѣтилъ это, какъ только вылѣзъ изъ тарантаса, по необыкновенно сердитымъ его взглядамъ. Мнѣ, однакожъ, очень хотѣлось съ нимъ познакомиться. По болтовнѣ его слугъ, я догадался, что онъ ѣдетъ теперь изъ Степанчикова, отъ моего дяди, и потому былъ случай о многомъ поразспросить. Я было приподнялъ фуражку и попробовалъ со всевозможною пріятностью замѣтить, какъ непріятны иногда бываютъ задержки въ дорогѣ; но толстякъ окинулъ меня какъ-то нехотя недовольнымъ и брюзгливымъ взглядомъ съ головы до сапогъ, что-то проворчалъ себѣ подъ носъ и тяжело поворотился ко мнѣ всей поясницей. Эта сторона его особы, хотя и была предметомъ весьма любопытнымъ для наблюденій, но, ужъ конечно, отъ нея нельзя было ожидать разговора пріятнаго.

— Гришка! Не ворчать подъ носъ! Выпорю!.. закричалъ онъ вдругъ на своего камердинера, какъ будто совершенно не слыхавъ того, что я сказалъ о задержкахъ въ дорогѣ.

Этотъ „Гришка“ былъ сѣдой, старинный слуга, одѣтый въ длиннополый сюртукъ и носившій пребольшіе сѣдые бакенбарды. Судя по нѣкоторымъ признакамъ, онъ тоже былъ очень сердитъ и угрюмо ворчалъ себѣ подъ носъ. Между барином и слугой немедленно произошло объясненіе.

— Выпорошь! Ори еще больше! проворчалъ Гришка будто про себя, но такъ громко, что всѣ это слышали, и съ негодованіемъ отвернулся что-то прилаживать въ коляскѣ.

— Что? Что ты сказалъ? „Ори еще больше?..“ Грубіянить вздумалъ! закричалъ толстякъ, весь побагровѣвъ.

— Да чего вы взъѣдаться, въ самомъ дѣлѣ, изволите? Слова сказать нельзя!

— Чего взъѣдаться? Слышите? На меня же ворчитъ, а мнѣ и не взъѣдаться!

— Да за что я буду ворчать?

— За что ворчать... А то, небось, нѣтъ. Я знаю, за что ты будешь ворчать: за то, что я отъ обѣда уѣхалъ,— вотъ что.

— А мнѣ что! По мнѣ хошь совсѣмъ не обѣдайте. Я не на васъ ворчу; кузнецамъ только слово сказалъ.

— Кузнецамъ... А на кузнецовъ чего ворчать?

— А не на нихъ, такъ на экипажъ ворчу.

— А на экипажъ чего ворчать?

— А зачѣмъ изломался! Впередъ не ломайся, а въ цѣлости будь.

— На экипажъ... Нѣтъ, ты на меня ворчишь, а не на экипажъ. Самъ виноватъ, да онъ же и ругается!

— Да что вы, сударь, въ самомъ дѣлѣ, пристали? Отстаньте, пожалуйста.

— А чего ты всю дорогу сычомъ сидѣлъ, слова со мной не сказалъ, а? Говоришь же въ другіе разы!

— Муха въ ротъ лѣзла, оттого и молчалъ и сидѣлъ сычомъ. Что я вамъ сказки, что-ли, буду разсказывать? Сказочницу Маланью берите съ собой, коли сказки любите.

Толстякъ раскрылъ было ротъ, чтобъ возразить, но, очевидно, не нашелся и замолчалъ. Слуга же, довольный своей діалектикой и вліяніемъ на барина, выказаннымъ при свидѣтеляхъ, съ удвоенной важностью обратился къ рабочимъ и началъ имъ что-то показывать.

Попытки мои познакомиться оставались тщетными, особенно при моей неловкости; но мнѣ помогло непредвидѣнное обстоятельство. Одна заспанная, неумытая и непричесанная физіономія внезапно выглянула изъ окна закрытаго каретнаго кузова, съ незапамятныхъ временъ стоявшаго безъ колесъ у кузницы и ежедневно, но тщетно ожидавшаго починки. Съ появленіемъ этой физіономіи раздался между мастеровыми всеобщій смѣхъ. Дѣло въ томъ, что человѣкъ, выглянувшій изъ кузова, былъ въ немъ на-крѣпко запертъ и теперь не могъ выйти. Проспавшись въ немъ хмельной, онъ тщетно просился теперь на свободу; наконецъ, сталъ просить кого-то сбѣгать за его инструментомъ. Все это чрезвычайно веселило присутствовавшихъ.

Есть такія натуры, которымъ въ особенную радость и веселье бываютъ довольно странныя вещи. Гримасы пьянаго мужика, человѣкъ, споткнувшійся и упавшій на улицѣ, перебранка двухъ бабъ и проч., и проч. на эту тему, производятъ иногда въ иныхъ людяхъ самый добродушный восторгъ, неизвѣстно почему. Толстякъ-помѣщикъ принадлежалъ именно къ такого рода натурамъ. Мало-помалу, его физіономія изъ грозной и угрюмой стала дѣлаться довольной и ласковой и, наконецъ, совсѣмъ прояснилась.

— Да это Васильевъ? спросилъ онъ съ участіемъ.—Да какъ онъ туда попалъ?

— Васильевъ, сударь, Степанъ Алексѣичъ, Васильевъ! закричали со всѣхъ сторонъ.

— Загулялъ, сударь, прибавилъ одинъ изъ работниковъ, человѣкъ пожилой, высокій и худощавый, съ педантически-строгимъ выраженіемъ лица и съ поползновеніемъ на старшинство между своими, — загулялъ, сударь, отъ хозяина третій день какъ ушелъ, да у насъ и хоронится, навязался къ намъ! Вотъ стамеску проситъ. Ну, на что тебѣ теперь стамеска, пустая ты голова? Послѣдній струментъ закладывать хочетъ!

— Эхъ, Архипушка! Деньги—голубки: прилетятъ и опять улетятъ! Пусти, ради небеснаго Создателя, молилъ Васильевъ тонкимъ, дребезжащимъ голосомъ, высунувъ изъ кузова голову.

— Да сиди ты, идолъ, благо попалъ! сурово отвѣчалъ Архипъ.—Глаза-то еще съ третьяго дня успѣлъ перемѣнить; съ улицы сегодня на зарѣ притащили; моли Бога—спрятали. Матвѣю Ильичу сказали: заболѣлъ, „запасныя, дескать, колотья у насъ проявились".

Смѣхъ раздался вторично.

— Да стамеска-то гдѣ?

— Да у нашего Зуя! Наладилъ одно! Пьющій человѣкъ, какъ есть, сударь, Степанъ Алексѣичъ.

— Хе-хе-хе! Ахъ, мошенникъ! Такъ ты вотъ какъ въ городѣ работаешь: инструментъ закладываешь! прохрипѣлъ толстякъ, захлебываясь отъ смѣха, совершенно довольный и пришедшій вдругъ въ наипріятнѣйшее расположеніе духа.

— А вѣдь столяръ такой, что и въ Москвѣ поискать! Да вотъ такъ-то онъ всегда себя аттестуетъ, мерзавецъ, прибавилъ онъ, совершенно неожиданно обратившись ко мнѣ.—Выпусти его, Архипъ: можетъ, ему что и нужно.

Барина послушались. Гвоздь, которымъ забили каретную дверцу болѣе для того, чтобы позабавиться надъ Васильевымъ, когда тотъ проспится, былъ вынутъ, и Васильевъ показался на свѣтъ Божій испачканный, перяшливый и оборванный. Онъ замигалъ отъ солнца, чихнулъ и покачнулся; потомъ, сдѣлавъ рукой надъ глазами щитокъ, осмотрѣлся кругомъ.

— Народу-то, народу-то! проговорилъ онъ, качая головой,—и все, чай, тре... звые, протянулъ онъ въ какомъ-то грустномъ раздумьи, какъ бы въ упрекъ самому себѣ. — Ну, съ добрымъ утромъ, братцы, съ наступающимъ днемъ.

Снова всеобщій хохотъ.

— Съ наступающимъ днемъ! Да ты смотри, сколько дня-то ушло, человѣкъ несообразный!

— Ври, Емеля—твоя недѣля!

— По-нашему, хоть на часъ, да вскачь!

— Хе-хе-хе! Ишь, краснобай! вскричалъ толстякъ, еще разъ закачавшись отъ смѣха и снова взглянувъ на меня привѣтливо.—И не стыдно тебѣ, Васильевъ?

— Съ горя, сударь, Степанъ Алексѣичъ, съ горя, отвѣчалъ серьезно Васильевъ, махнувъ рукой и, очевидно, довольный, что представился случай еще разъ помянуть про свое горе.

— Съ какого горя, дуракъ?

— А съ такого, что досель и не видывали: Ѳомѣ Ѳомичу насъ записываютъ.

— Кого? Когда? закричалъ толстякъ, весь встрепенувшись.

Я тоже ступилъ шагъ впередъ: дѣло совершенно неожиданно коснулось и до меня.

— Да всѣхъ капитоновскихъ. Нашъ баринъ, полковникъ — дай Богъ ему здравія — всю нашу Капитоновку, свою вотчину, Ѳомѣ Ѳомичу пожертвовать хочетъ: цѣлыя семьдесятъ душъ ему выдѣляетъ. „На тебѣ“, говоритъ, „Ѳома! Вотъ теперь у тебя, примѣрно, нѣтъ ничего; помѣщикъ ты небольшой; всего-то у тебя два снѣтка по оброку въ Ладожскомъ озерѣ ходятъ—только и душъ ревизскихъ тебѣ отъ покойнаго родителя твоего осталось. Потому, родитель твой“, продолжалъ Васильевъ съ какимъ-то злобнымъ удовольствіемъ, посыпая перцемъ свой разсказъ во всемъ, что касалось Ѳомы Ѳомича,—„потому что родитель твой былъ столбовой дворянинъ, невѣдомо откуда, невѣдомо кто; тоже, какъ и ты, по господамъ

проживалъ, при милости на кухнѣ пробавлялся. А вотъ теперь, какъ заиншу тебѣ Капитоновку, будешь и ты помѣщикъ, столбовой дворянинъ, и людей своихъ собственныхъ имѣть будешь, лежи себѣ на печи, на дворянскія вакансіи"...

Но Степанъ Алексѣевичъ ужъ не слушалъ. Эффектъ произведенный на него полупьянымъ разсказомъ Васютова, былъ необыкновенный. Толстякъ былъ такъ раздраженъ, что даже побагровѣлъ: кадыкъ его затрясся, маленькіе глазки налились кровью. Я думалъ, что съ нимъ тотчасъ же будетъ ударъ.

— Этого недоставало! проговорилъ онъ, задыхаясь. — Ракалья, Ома, приживальщикъ, въ помѣщики! Тьфу! Пропадайте вы совсѣмъ! Эй, вы, кончай скорѣе! Домой!

— Позвольте спросить васъ, сказалъ я, нерѣшительно выступая впередъ, — сейчасъ вы изволили упомянуть объ Оомѣ Оомичѣ; кажется, его фамилія, если только не ошибаюсь, Опискинъ. Вотъ, видите-ли, я желалъ бы... словомъ, я имѣю особенныя причины интересоваться этимъ лицомъ и, съ своей стороны, очень бы желалъ узнать, въ какой степени можно вѣрить словамъ этого добраго человѣка, что баринъ его, Егоръ Ильичъ Ростаневъ, хочетъ подарить одну изъ своихъ деревень Оомѣ Оомичу. Меня это чрезвычайно интересуетъ, и я...

— А позвольте и васъ спросить, прервалъ толстый господинъ, — съ какой стороны изволите интересоваться этимъ лицомъ, какъ вы изъясняетесь: а по-моему, такъ этой ракальей апаесмской—вотъ какъ называть его надо, а не лицомъ! Какое у него лицо, у паршивика! Одинъ только срамъ, а не лицо!

Я объяснилъ, что насчетъ лица я покамѣстъ нахожусь въ неизвѣстности, но что Егоръ Ильичъ Ростаневъ мнѣ приходится дядей, а самъ я — Сергѣй Александровичъ такой-то.

— Это что ученый-то человѣкъ? Батюшка мой, да тамъ васъ ждутъ не дождутся! вскричалъ толстякъ, полицемѣрно обрадовавшись. — вѣдь, я теперь самъ отъ нихъ, изъ Степанчикова: отъ обѣда уѣхалъ, изъ-за пудинга всталъ: съ Оомой усидѣть не могъ! Со всѣми тамъ переругался изъ-за Оомки проклятаго... Вотъ ретивъ! Вы, батюшка, меня извините. Я Степанъ Алексѣевичъ Бахчеевъ и васъ вотъ этакимъ отъ полу помню... Ну, кто бы сказалъ?.. А позвольте васъ...

И толстякъ полѣзъ лобызать меня.

Послѣ первыхъ минутъ нѣкотораго волненія, я немедленно приступилъ къ разспросамъ: случай былъ превосходный.

— Но кто-жъ этотъ Ѳома? спросилъ я.—Какъ это онъ завоевалъ тамъ весь домъ? Какъ не выгонятъ его со двора шелепами? Признаюсь...

— Его-то выгонятъ? Да вы сдурѣли, аль нѣтъ? Да вѣдь Егоръ-то Ильичъ передъ нимъ на цыпочкахъ ходитъ! Да Ѳома велѣлъ разъ быть вмѣсто четверга середѣ, такъ они тамъ, всѣ до единаго, четвергъ середой почитали. „Не хочу, чтобъ былъ четвергъ, а будь середа!“ Такъ двѣ середы на одной недѣлѣ и были. Вы думаете, я привралъ что-нибудь? Вотъ на стóлечко не привралъ! Просто, батюшка, штука капитана Кука выходитъ!

— Я слышалъ это, но, признаюсь...

— Признаюсь, да признаюсь! Вѣдь наладитъ же одно человѣкъ! Да чего признаваться-то? Нѣтъ, вы лучше меня разспросите: изъ какихъ я лѣсовъ къ вамъ явился? Матушка Егора-то Ильича, полковника-то, хоть и очень достойная дама и, къ тому же, генеральша, да, по-моему, изъ ума совсѣмъ выжила: не надышитъ на Ѳомку треклятаго. Всему она и причиной: она-то и завела его въ домѣ. Зачиталъ онъ ее, то-есть, какъ есть безсловесная женщина сдѣлалась, хоть и превосходительствомъ называется — за генерала Крахоткина пятидесяти лѣтъ замужъ выпрыгнула! Про сестрицу Егора Ильича, Прасковью Ильиничну, что въ дѣвкахъ сорокъ лѣтъ сидитъ, и говорить не желаю. Ахи да óхи, да клокчетъ какъ курица — надоѣла мнѣ совсѣмъ—ну ее! Только развѣ и есть въ ней, что дамскій полъ: такъ вотъ и уважай ее ни за что, ни про что, за то только, что она дамскій полъ! Тьфу! Говорить неприлично: тетушкой она вамъ приходится. Одна только Александра Егоровна, дочка полковничья, хоть и малой ребенокъ — всего-то шестнадцатый годъ, да умнѣй ихъ всѣхъ, по-моему: не уважаетъ Ѳомѣ: даже смотрѣть было весело. Милая барышня, больше ничего! Да и кому уважать-то? Вѣдь онъ, Ѳомка-то, у покойнаго генерала Крахоткина въ шутахъ проживалъ! Вѣдь онъ ему, для его генеральской потѣхи, различныхъ звѣрей изъ себя представлялъ! И выходитъ, что прежде Ваня огороды копалъ, а нынче Ваня въ воеводы попалъ. А теперь полковникъ-то, дядюшка-то, отставного шута замѣсто отца родного

почитаетъ, въ рамку вставилъ его, подлеца, въ ножки ему кланяется, своему-то прижимальщику,—тьфу!

— Впрочемъ, бѣдность еще не порокъ... и... признаюсь вамъ... позвольте васъ спросить, что онъ красивъ, уменъ?

— Ома-то? Писаный красавецъ! отвѣчалъ Бахчеевъ съ какимъ-то необыкновеннымъ дрожаніемъ злости въ голосѣ. (Вопросы мои какъ-то раздражали его, и онъ уже началъ и на меня смотрѣть подозрительно). — Писаный красавецъ! Слышите, добрые люди: красавца нашелъ! Да онъ на всѣхъ звѣрей похожъ, батюшка, если ужъ все хотите доподлинно знать. И вѣдь добро бы остроуміе было, хоть бы остроуміемъ, шельмецъ, обладалъ,—ну, я бы тогда согласился, пожалуй, скрѣпя сердце, для остроумія-то, а то вѣдь и остроумія нѣтъ никакого! Просто выпить имъ далъ чего-нибудь всѣмъ, физикъ какой-то! Тьфу! Языкъ усталъ. Только плюнуть надо, да замолчать. Разстроили вы меня, батюшка, своимъ разговоромъ! Эй, вы! Готова иль нѣтъ?

— Воронка еще перековать надо, промолвилъ мрачно Григорій.

— Воронка. Я тебѣ такого задамъ воронка!.. Да, сударь, я вамъ такое могу разсказать, что вы только ротъ разинете, да такъ и останетесь до второго пришествія съ разинутымъ ртомъ. Вѣдь я прежде и самъ его уважалъ. Вы что думаете? Каюсь, открыто каюсь: былъ дуракомъ! Вѣдь онъ и меня обморочилъ. Всезнай! Всю подноготную знаетъ, всѣ науки произошелъ! Капель онъ мнѣ давалъ: вѣдь я, батюшка, человѣкъ больной, сырой человѣкъ. Вы, можетъ, не вѣрите, а я больной. Ну, такъ я съ его капель-то чуть вверхъ тормашки не полетѣлъ. Вы только молчите, да слушайте; сами поѣдете, всѣмъ полюбуетесь. Вѣдь онъ тамъ полковника-то до кровавыхъ слезъ доведетъ; вѣдь кровавую слезу прольетъ отъ него полковникъ-то, да ужъ поздно будетъ. Вѣдь ужъ кругомъ весь околотокъ раззнакомился съ ними изъ-за Омки треклятаго. Вѣдь всякому, кто ни придетъ, оскорбленія чинитъ. Чего ужъ мнѣ: значительнаго чина не пощадитъ! Всякому наставленія читаетъ; въ мораль какую-то бросило его, шельмеца. Мудрецъ, дескать, я, всѣхъ умнѣе, одного меня и слушай. Я, дескать, ученый. Да что-жъ, что ученый! Такъ изъ-за того, что ученый, ужъ такъ непремѣнно и надо заѣсть неученаго?.. И ужъ какъ начнетъ ученымъ своимъ языкомъ, колотить, такъ ужъ та-та-та! Та-та-та!

То-есть такой, я вамъ скажу, болтливый языкъ, что отрѣзать его, да выбросить на навозную кучу, такъ онъ и тамъ будетъ болтать, все будетъ болтать, пока ворона не склюетъ. Зазнался, надулся, какъ мышь на крупу! Вѣдь ужъ туда теперь лѣзетъ, куда и голова его не пролѣзетъ. Да чего! Вѣдь онъ тамъ дворовыхъ людей по-французски учить выдумалъ! Хотите, не вѣрьте! Это, дескать, ему полезно! Хаму-то, слугѣ-то! Тьфу! Срамецъ треклятый — больше ничего! А на что холопу знать по-французски, спрошу я васъ? Да на что и нашему-то брату знать по-французски, на что? Съ барышнями въ мазуркѣ лимонничать, съ чужими женами апельсинничать? Развратъ — больше ничего! А по-моему, графинъ водки выпилъ,— вотъ и заговорилъ на всѣхъ языкахъ. Вотъ какъ я его уважаю, французскій-то вашъ языкъ! Небось и вы по-французски: „та-та-та! та-та-та, вышла кошка за кота!“ прибавилъ Бахчеевъ, смотря на меня съ презрительнымъ негодованіемъ.—Вы, батюшка, человѣкъ ученый — а? По ученой части пошли?

— Да... я, отчасти, интересуюсь...

— Чай тоже всѣ науки произошли?

— Такъ-съ, то-есть нѣтъ... Признаюсь вамъ, я болѣе интересуюсь теперь наблюденіемъ. Я все сидѣлъ въ Петербургѣ и теперь спѣшу къ дядюшкѣ...

— А кто васъ тянулъ къ дядюшкѣ? Сидѣли бы тамъ, гдѣ-нибудь у себя, коли было гдѣ сѣсть. Нѣтъ, батюшка, тутъ, я вамъ скажу, ученостью мало возьмете, да и никакой дядюшка вамъ не поможетъ; попадете въ арканъ! Да я у нихъ похудѣлъ въ однѣ сутки. Ну, вѣрите-ли, что я у нихъ похудѣлъ? Нѣтъ, вы, я вижу, не вѣрите. Что-жъ, пожалуй, Богъ съ вами, не вѣрьте.

— Нѣтъ-съ, помилуйте, я очень вѣрю; только я все еще не понимаю, отвѣчалъ я, теряясь все болѣе и болѣе.

— То-то вѣрю, да я-то тебѣ не вѣрю! Всѣ вы прыгуны, съ вашей ученой-то частью. Вамъ только бы на одной ножкѣ попрыгать, да себя показать! Не люблю я, батюшка, ученую часть; вотъ она у меня гдѣ сидитъ! Приходилось съ вашими петербургскими сталкиваться—непотребный народъ! Все фармазоны: невѣріе распространяютъ; рюмку водки выпить боится, точно она укуситъ его— тьфу! Разсердили вы меня, батюшка, и разсказывать тебѣ ничего не хочу! Вѣдь не подрядился же я, въ самомъ дѣлѣ, тебѣ сказки разсказывать, да и языкъ усталъ. Всѣхъ, ба-

тюшка, не переругаешь, да и грѣшно... А только онъ у дядюшки вашего лакея Видоплясова чуть не въ безуміе ввелъ, ученый-то твой! Ума рѣшился Видоплясовъ-то изъ-за Ѳомы Ѳомича...

— Да я-бъ его, Видоплясова, ввязался Григорій, который, до сихъ поръ, чинно и строго наблюдалъ разговоръ,—да я-бъ его, Видоплясова, изъ-подъ розогъ не выпустилъ. Парвись-ка онъ на меня, я бы дурь-то нѣмецкую вышибъ! Залалъ бы столько, что въ два-ста не складешь.

— Молчать! крикнулъ баринъ, — держи языкъ за зубами; не съ тобой говорятъ!

— Видоплясовъ, сказалъ я, совершенно сбившись и ужъ не зная, что говорить. — Видоплясовъ... скажите, какая странная фамилія?

— А чѣмъ она странная? И вы туда же! Охъ, вы, ученый, ученый!

Я потерялъ терпѣніе.

— Извините, сказалъ я,— но за что-жъ вы на меня-то сердитесь? Чѣмъ же я виноватъ? Признаюсь вамъ, я вотъ уже полчаса васъ слушаю и даже не понимаю, о чемъ идетъ дѣло...

— Да вы, батюшка, чего обижаетесь? отвѣчалъ толстякъ,—нечего вамъ обижаться! Я вѣдь тебѣ любя говорю. Вы не глядите на меня, что я такой крикса и вотъ сейчасъ на человѣка моего закричалъ. Онъ, хоть каналья естественнѣйшая, Гришка-то мой, да за это-то я его и люблю, подлеца. Чувствительность сердечная погубила меня—откровенно скажу: а во всемъ этомъ Ѳомка одинъ виноватъ! Погубитъ онъ меня, присягну, что погубитъ! Вотъ теперь два часа на солнцѣ по его же милости жарюсь. Хотѣлъ было къ протопону зайти, покамѣстъ эти дураки съ починкой копаются. Хорошій человѣкъ здѣшній протопонъ. Да ужъ такъ онъ разстроилъ меня, Ѳомка-то, что ужъ и на протопона смотрѣть не хочется! Ну ихъ всѣхъ! Здѣсь вѣдь и трактирщика порядочнаго нѣтъ. Всѣ, я вамъ скажу, подлецы, всѣ до единаго! И вѣдь добро бы чинъ на немъ былъ необыкновенный какой-нибудь, продолжалъ Бахчеевъ, снова обращаясь къ Ѳомѣ Ѳомичу, отъ котораго онъ, видимо, не могъ отвязаться,—ну тогда хоть по чину простительно: а то, вѣдь, и чиншка-то нѣтъ; это я доподлинно знаю, что нѣтъ. За правду, говоритъ, гдѣ-то тамъ пострадалъ, въ сорокъ не въ нашемъ

году, такъ вотъ и кланяйся ему за то въ ножки! Чортъ не братъ! Чуть что не по немъ — вскочитъ, завизжитъ: „обижаютъ, дескать, меня, бѣдность мою обижаютъ, уваженія не питаютъ ко мнѣ!“ Безъ Ѳомы къ столу не смѣй сѣсть, а самъ не выходитъ: „меня, дескать, обидѣли; я убогій странникъ, я и чернаго хлѣба поѣмъ“. Чуть сядутъ, онъ тутъ и явился, опять пошла наша скрипка пилить: „зачѣмъ безъ меня сѣли за столъ? Значитъ, ни во что̀ меня почитаютъ“. Словомъ, гуляй душа! Я, батюшка, долго молчалъ. Онъ думалъ, что и я передъ нимъ собачонкой на заднихъ лапкахъ буду выплясывать; нат-ка, братъ, возьми, закуси! Нѣтъ, братъ, ты только за дугу, а я ужъ въ телѣгѣ сижу! Съ Егоръ-то Ильичемъ я вѣдь въ одномъ полку служилъ. Я-то въ отставку юнкеромъ вышелъ, а онъ въ прошломъ году въ вотчину пріѣхалъ въ отставкѣ полковникомъ. Говорю ему: „эй, себя сгубите, не потакайте Ѳомѣ! Прольете слезу!“ Нѣтъ, говоритъ, превосходнѣйшій онъ человѣкъ (это про Ѳомку-то), онъ мнѣ другъ; онъ меня благонравію учитъ. Ну, думаю, противъ благонравія не пойдешь! Ужъ коли благонравію зачалъ учить—значитъ, послѣднее дѣло пришло. Что-жъ бы вы думали, сегодня изъ-за чего опять поднялъ исторію? Завтра Ильи-пророка (господинъ Бахчеевъ перекрестился): Илюша, сынокъ-то дядюшкинъ, именинникъ. Я было думалъ и день у нихъ провести, и пообѣдать тамъ, и игрушку столичную выписалъ: нѣмецъ на пружинахъ у своей невѣсты ручку цѣлуетъ, а та слезу платкомъ вытираетъ—превосходная вещь! (Теперь ужъ не подарю, морген-фри! Вонъ у меня въ коляскѣ лежитъ и носъ у нѣмца отбитъ; назадъ везу). Егоръ-то Ильичъ и самъ бы не прочь въ такой день погулять и попраздновать, да Ѳомка претитъ: „зачѣмъ, дескать, начали заниматься Илюшей? На меня, стало-быть, вниманія не обращаютъ теперь!“ А? Каковъ гусь? Восьмилѣтнему мальчику въ тезоименитствѣ позавидовалъ! „Такъ вотъ нѣтъ же, говоритъ, и я именинникъ!“ Да вѣдь будетъ Ильинъ день, а не Ѳоминъ! „Нѣтъ, говоритъ, я тоже въ этотъ день именинникъ!“ Смотрю я, терплю. Что-жъ бы вы думали? Вѣдь они теперь на цыпочкахъ ходятъ, да шепчутся, какъ быть? За именинника его въ Ильинъ день почитать или нѣтъ, поздравлять или нѣтъ? не поздравь—обидѣться можетъ, а поздравь—пожалуй и въ пасмѣшку приметъ. Тьфу ты пропасть! Сѣли мы обѣдать... Да ты, батюшка, слушаешь, или нѣтъ?

Помилуйте, слушаю съ особеннымъ даже удовольствіемъ слушаю: потому что черезъ васъ я теперь узнаю... и... признаюсь...

— То-то, съ особеннымъ удовольствіемъ! Знаю я твое удовольствіе... Да ужъ ты не въ пику-ли мнѣ про удовольствіе-то свое говоришь?

— Помилуйте, въ какую же пику? Напротивъ. Притомъ же вы такъ... оригинально выражаетесь, что я даже готовъ записать ваши слова.

— То-есть какъ это, батюшка, записать? спросилъ господинъ Бахчеевъ съ нѣкоторымъ испугомъ и смотря на меня подозрительно.

— Впрочемъ, я, можетъ-быть, и не запишу... это я такъ.

— Да ты вѣрно какъ-нибудь обольстить меня хочешь?

— То-есть какъ это обольстить? спросилъ я съ удивленіемъ.

— Да такъ. Вотъ ты теперь меня обольстишь: я тебѣ все разскажу, какъ дуракъ, а ты возьмешь послѣ, да и опишешь меня гдѣ-нибудь въ сочиненіи.

Я тотчасъ же поспѣшилъ увѣрить господина Бахчеева, что я не изъ такихъ, но онъ все еще подозрительно смотрѣлъ на меня.

— То-то, не изъ такихъ! Кто тебя знаетъ! Можетъ, и лучше еще. Вонъ и Ѳома грозился меня описать, да въ печать послать.

— Позвольте спросить, прервалъ я, отчасти желая перемѣнить разговоръ,—скажите, правда-ли, что дядюшка хочетъ жениться?

— Такъ что же, что хочетъ? Это бы еще ничего. Женись, коли ужъ такъ тебя покачнуло, не это скверно, а другое скверно... прибавилъ господинъ Бахчеевъ въ задумчивости. — Гм! Про это, батюшка, я вамъ доподлинно не могу дать отвѣта. Много теперь туда всякаго бабья напихалось, какъ мухъ у варенья; да вѣдь не разберешь, которая замужъ хочетъ. А я вамъ, батюшка, по дружбѣ скажу: не люблю бабья! Только слава, что человѣкъ, а по правдѣ, такъ одинъ только срамъ, да и спасенію души вредитъ. А что дядюшка вашъ влюбленъ, какъ сибирскій котъ, такъ въ этомъ я васъ завѣряю. Про это, батюшка, я теперь промолчу, сами увидите; а только скверно, что дѣло тянетъ. Коли жениться, такъ и женись: а то Ѳомкѣ боится сказать, да и старухѣ своей боится сказать: та

тоже завизжитъ на все село, да брыкаться начнетъ. За Ѳомку стоитъ: дескать, Ѳома Ѳомичъ огорчится, коли супруга въ домъ войдетъ, потому что ему тогда двухъ часовъ не прожить въ домѣ-то. Супруга-то собственноручно въ шею вытолкаетъ, да еще, не будь дура, другимъ какимъ манеромъ, такого киселя задастъ, что по уѣзду мѣста потомъ не отыщетъ! Такъ вотъ онъ и куралеситъ теперь, вмѣстѣ съ маменькой и подсовываютъ ему таковскую... Да ты, батюшка, что-жъ меня перебилъ? Я тебѣ самую главную статью хотѣлъ разсказать, а ты меня перебилъ! Я постарше тебя, перебивать старика не годится...

Я извинился.

— Да ты не извиняйся! Я вамъ, батюшка, какъ человѣку ученому, на судъ представить хотѣлъ, какъ онъ сегодня разобидѣлъ меня. Ну, вотъ разсуди, коли добрый ты человѣкъ. Сѣли мы обѣдать; такъ онъ меня, я тебѣ скажу, чуть не съѣлъ за обѣдомъ-то! Съ самаго начала вижу: сидитъ себѣ, злится, такъ что въ немъ вся душа скрипитъ. Въ ложкѣ воды утопить меня радъ, ехидна! Такого самолюбія человѣкъ, что ужъ самъ въ себѣ помѣститься не можетъ! Вотъ и вздумалъ онъ ко мнѣ придираться, благонравію тоже меня вздумалъ учить. Зачѣмъ, скажите ему, я такой толстый? Ну, пристalъ человѣкъ: зачѣмъ не тонкій, а толстый? Ну, скажите же, батюшка, что за вопросъ? Ну, видно-ли тутъ остроуміе? Я съ благоразуміемъ ему отвѣчаю: „это такъ ужъ Богъ устроилъ, Ѳома Ѳомичъ: одинъ толстъ, а другой тонокъ; а противъ Всеблагого Провидѣнія смертному возставать невозможно“. Благоразумно вѣдь—какъ вы думаете?—„Нѣтъ, говоритъ, у тебя пятьсотъ душъ, живешь на готовомъ, а пользы отечеству не приносишь: надо служить, а ты все дома сидишь, да на гармоніи играешь“. А я и взаправду, когда взгрустнется, на гармоніи люблю поиграть. Я опять съ благоразуміемъ отвѣчаю: „А въ какую я службу пойду, Ѳома Ѳомичъ? Въ какой мундиръ толстоту-то мою затяну? Надѣну мундиръ, затянусь, неравно чихну — всѣ пуговицы и отлетятъ, да еще, пожалуй, при высшемъ начальствѣ, да оборони Богъ, за пашквиль сочтутъ — что тогда?“ Ну, скажите же, батюшка, ну, что я тутъ смѣшного сказалъ? Такъ нѣтъ же, покатывается на мой счетъ, хаханьки, да хихиньки такія пошли... то-есть цѣломудрія въ немъ нѣтъ никакого, я вамъ скажу, да еще на французскомъ діалектѣ поносить меня вздумалъ: „кошонъ“,

говоритъ. Ну, конечно-то и я понимаю, что значитъ. „Эхъ ты физикъ проклятый, думаю; полагаешь, я тебѣ теплоухъ дался?“ Терпѣлъ я, терпѣлъ, да и не утерпѣлъ, всталъ изъ-за стола, да при всемъ честномъ народѣ и орякъ ему: „Сгорѣлъ я, говорю, передъ тобой, Ома Омичъ, благодѣтель, подумалъ было, что ты благовоспитанный человѣкъ, а ты, братъ, выходишь такая же свинья, какъ и мы всѣ“ — сказалъ, да и вышелъ изъ-за стола, изъ-за самаго пудинга: пудингъ тогда обносили. „Ну васъ и съ пудиномъ-то!..“

— Извините меня, сказалъ я, прослушавъ весь разсказъ господина Бахчеева, — я, конечно, готовъ съ вами во всемъ согласиться. Главное, я еще ничего положительнаго не знаю... Но, видите-ли, на этотъ счетъ у меня явились теперь свои идеи.

— Какія же это идеи, батюшка, у тебя появились? недовѣрчиво спросилъ господинъ Бахчеевъ.

— Видите-ли, началъ я, нѣсколько путаясь, — оно, можетъ-быть, и некстати теперь, но я, пожалуй, готовъ сообщить. Вотъ какъ я думаю: можетъ-быть, мы оба ошибаемся насчетъ Омы Омича; можетъ-быть, всѣ эти странности прикрываютъ натуру особенную, даже даровитую — кто это знаетъ? Можетъ-быть, это натура огорченная, разбитая страданіями, такъ сказать, мстящая всему человѣчеству. Я слышалъ, что онъ прежде былъ чѣмъ-то въ родѣ шута: можетъ-быть, это его унизило, оскорбило, сразило?.. Понимаете: человѣкъ благородный... сознаніе... а тутъ роль шута!.. И вотъ онъ сталъ недовѣрчивъ ко всему человѣчеству и... и, можетъ-быть, если примирить его съ человѣчествомъ... то-есть съ людьми, то, можетъ-быть, изъ него выйдетъ натура особенная, можетъ-быть, даже очень замѣчательная и... и... и вѣдь есть же что-нибудь въ этомъ человѣкѣ? Вѣдь есть же причина, по которой ему всѣ поклоняются?

Словомъ, я самъ почувствовалъ, что зарапортовался ужасно. Но молодости еще можно было простить. Но господинъ Бахчеевъ не простилъ. Серьезно и строго смотрѣлъ онъ мнѣ въ глаза и, наконецъ, вдругъ побагровѣлъ, какъ индѣйскій пѣтухъ.

— Это Омка-то такой особенный человѣкъ? спросилъ онъ отрывисто.

— Послушайте: я еще самъ почти ничему не вѣрю изъ того, что я теперь говорилъ. Я это такъ только, въ видѣ догадки...

— А позвольте, батюшка, полюбопытствовать спросить: обучались вы философіи, или нѣтъ?

— То-есть въ какомъ смыслѣ? спросилъ я съ недоумѣніемъ.

— Нѣтъ, не въ смыслѣ; а вы мнѣ, батюшка, прямо, безо всякаго смыслу отвѣчайте: обучались вы философіи, или нѣтъ?

— Признаюсь, я намѣренъ изучить, но...

— Ну, такъ и есть! вскричалъ господинъ Бахчеевъ, давъ полную волю своему негодованію.—Я, батюшка, еще прежде, чѣмъ вы ротъ растворили, догадался, что вы философіи обучались! Меня не надуешь! Моргенъ-фри! За три версты чутьемъ услышу философа! Поцѣлуйтесь вы съ вашимъ Ѳомой Ѳомичемъ! Особеннаго человѣка нашелъ! Тьфу! Прокисай все на свѣтѣ! Я было думалъ, что вы тоже благонамѣренный человѣкъ, а вы... Подавай! закричалъ онъ кучеру, уже влѣзавшему на козла исправленнаго экипажа. — Домой!

Насилу-то я кое-какъ успокоилъ его; кое-какъ, наконецъ, онъ смягчился; но долго еще не могъ рѣшиться перемѣнить гнѣвъ на милость. Между тѣмъ онъ влѣзъ въ коляску съ помощью Григорія и Архипа, того самаго, который читалъ наставленія Васильеву.

— Позвольте спросить васъ, сказалъ я, подойдя къ колескѣ, — вы ужъ болѣе не пріѣдете къ дядюшкѣ?

— Къ дядюшкѣ-то? А плюньте на того, кто вамъ это сказалъ! Вы думаете, я постоянный человѣкъ, выдержу? Въ томъ-то и горе мое, что я тряпка, а не человѣкъ! Недѣли не пройдетъ, а я опять туда поплетусь. А зачѣмъ? Вотъ подите: самъ не знаю зачѣмъ, а поѣду; опять буду съ Ѳомой воевать. Это ужъ, батюшка, горе мое! За грѣхи мнѣ Господь этого Ѳомку въ наказаніе послалъ. Характеръ у меня бабій, постоянства нѣтъ никакого! Трусъ я, батюшка, первой руки...

Мы, однакожъ, разстались по-дружески, онъ даже пригласилъ меня къ себѣ обѣдать.

— Пріѣзжай, батюшка, пріѣзжай, пообѣдаемъ. У меня водочка изъ Кіева пѣшкомъ пришла, а поваръ въ Парижѣ бывалъ. Такого фенезерфу подастъ, такую кулебяку мисаиловну сочинитъ, что только пальчики оближешь, да въ ножки поклонишься ему, подлецу. Образованный человѣкъ! Я вотъ только давно не сѣкъ его, балуется онъ у меня... да вотъ теперь благо напомнили... Пріѣзжай!

Я бы васъ и сегодня съ собою пригласилъ, да богъ какъ-то весь упалъ, раскисъ, совсѣмъ безъ заднихъ ногъ сдѣлался. Вѣдь я человѣкъ больной, сырой человѣкъ. Вы, можетъ-быть, и не вѣрите... Ну, прощайте, батюшка! Пора плыть и моему кораблю. Вонъ и вашъ тарантасикъ готовъ. А Оомкѣ скажите, чтобъ и не встрѣчался со мной; не то я такую чувствительную встрѣчу ему сочиню, что онъ...

Но послѣднихъ словъ ужъ не было слышно. Коляска, принятая дружно четверкою сильныхъ коней, исчезла въ облакахъ пыли. Подали и мой тарантасъ; я сѣлъ въ него, и мы тотчасъ же проѣхали городишко. „Конечно, этотъ господинъ привираетъ, подумалъ я,—онъ слишкомъ сердитъ и не можетъ быть безпристрастнымъ. Но, опять-таки, все, что онъ говорилъ о дядѣ, очень замѣчательно. Вотъ ужъ два голоса согласны въ томъ, что дядя любитъ эту дѣвицу... Гм! Женюсь я, иль нѣтъ?“ Въ этотъ разъ я крѣпко задумался.

III.

Дядя.

Признаюсь, я даже немного струсилъ. Романическія мечты мои показались мнѣ вдругъ чрезвычайно странными, даже какъ будто и глупыми, какъ только я въѣхалъ въ Степанчиково. Это было часовъ около пяти пополудни. Дорога шла мимо барскаго дома. Снова, послѣ долгихъ лѣтъ разлуки, я увидѣлъ этотъ огромный садъ, въ которомъ мелькнуло нѣсколько счастливыхъ дней моего дѣтства и который много разъ потомъ снился мнѣ во снѣ, въ дортуарахъ школъ, хлопотавшихъ о моемъ образованіи. Я выскочилъ изъ повозки и пошелъ прямо черезъ садъ къ барскому дому. Мнѣ очень хотѣлось явиться втихомолку, разузнать, выспросить и прежде всего наговориться съ дядей. Такъ и случилось. Пройдя аллею столѣтнихъ липъ, я ступилъ на террасу, съ которой стеклянною дверью прямо входили во внутреннія комнаты. Эта терраса была окружена клумбами цвѣтовъ и заставлена горшками дорогихъ растеній. Здѣсь я встрѣтилъ одного изъ туземцевъ, стараго Гаврилу, бывшаго когда-то моимъ дядькой, а теперь почетнаго камердинера дядюшки. Старикъ былъ въ очкахъ и держалъ въ рукѣ тетрадку, которую читалъ съ необыкновеннымъ вниманіемъ. Мы видѣлись съ нимъ, два года назадъ, въ Петербургѣ, куда онъ пріѣзжалъ вмѣстѣ съ дядей, а потому онъ тотчасъ же

теперь узналъ меня. Съ радостными слезами бросился онъ цѣловать мои руки, при чемъ очки слетѣли съ его носа на полъ. Такая привязанность старика меня очень тронула. Но, взволнованный недавнимъ разговоромъ съ господиномъ Бахчеевымъ, я прежде всего обратилъ вниманіе на подозрительную тетрадку, бывшую въ рукахъ у Гаврилы.

— Что это, Гаврила, неужели и тебя начали учить по-французски? спросилъ я старика.

— Учатъ, батюшка, на старости лѣтъ, какъ скворца, печально отвѣчалъ Гаврила.

— Самъ Ѳома учитъ?

— Онъ, батюшка. Умнѣющій, должно-быть, человѣкъ.

— Нечего сказать, умникъ! По разговорамъ учитъ?

— По китрадкѣ, батюшка.

— Это что въ рукахъ у тебя? А! Французскія слова русскими буквами — ухитрился! Такому болвану, дураку набитому, въ руки даетесь,—не стыдно-ли, Гаврила? вскричалъ я, въ одинъ мигъ забывъ всѣ великодушныя мои предположенія о Ѳомѣ Ѳомичѣ, за которыя мнѣ еще такъ недавно досталось отъ господина Бахчеева.

— Гдѣ же, батюшка, отвѣчалъ старикъ,—гдѣ же онъ дуракъ, коли ужъ господами нашими такъ заправляетъ?

— Гм! Можетъ-быть, ты и правъ, Гаврила, пробормоталъ я, пріостановленный этимъ замѣчаніемъ.—Веди же меня къ дядюшкѣ.

— Соколъ ты мой! Да я не могу на глаза показаться, не смѣю. Я ужъ и его сталъ бояться. Вотъ здѣсь и сижу, горе мычу, да за клумбы шагаю, когда онъ проходить изволитъ.

— Да чего же ты боишься?

— Давеча уроку не знялъ: Ѳома Ѳомичъ на колѣнки ставилъ, а я и не сталъ. Старъ я сталъ, батюшка Сергѣй Александрычъ, чтобъ надо мной такія шутки шутить! Баринъ осерчать изволилъ, зачѣмъ Ѳому Ѳомича не послушался. „Онъ, говоритъ, старый ты хрычъ, о твоемъ же образованіи заботится, произношенію тебя хочетъ учить“. Вотъ и хожу, твержу вокабулъ. Обѣщалъ Ѳома Ѳомичъ къ вечеру опять экзаменткъ сдѣлать.

Мнѣ показалось, что тутъ было что-то неясное.

Съ этимъ французскимъ языкомъ была какая-нибудь исторія, подумалъ я, которую старикъ не можетъ мнѣ объяснить.

— Одинъ вопросъ, Гаврила: каковъ онъ собой? Видный, высокаго роста?

— Ѳома-то Ѳомичъ? Нѣтъ, батюшка, плюгавенькій такой человѣчекъ.

— Гм! Подожди, Гаврила, все это еще, можетъ-быть, уладится: даже непремѣнно, обѣщаю тебѣ, уладится! Но... гдѣ же дядюшка?

— А за конюшнями мужичковъ принимаетъ. Съ Капитоновки старики съ поклономъ пришли. Прослышали, что ихъ Ѳомѣ Ѳомичу записываютъ. Отмолиться хотятъ.

— Да зачѣмъ же за конюшнями?

— Опасаются, батюшка...

Дѣйствительно, я нашелъ дядю за конюшнями. Тамъ, на площадкѣ, онъ стоялъ передъ группой крестьянъ, которые кланялись и о чемъ-то усердно просили. Дядя что-то съ жаромъ имъ толковалъ. Я подошелъ и окликнулъ его. Онъ обернулся, и мы бросились другъ другу въ объятія.

Онъ чрезвычайно мнѣ обрадовался; радость его доходила до восторга. Онъ обнималъ меня, сжималъ мои руки. Точно ему возвратили его роднаго сына, избавленнаго отъ какой-нибудь смертельной опасности. Точно какъ будто я своимъ пріѣздомъ избавилъ и его самого отъ какой-то смертельной опасности и привезъ съ собою разрѣшеніе всѣхъ его недоразумѣній, счастье и радость на всю жизнь ему и всѣмъ кого онъ любитъ. Дядя не согласился бы быть счастливымъ одинъ. Послѣ первыхъ порывовъ восторга, онъ вдругъ такъ захлопоталъ, что, наконецъ, совершенно сбился и спутался. Онъ закидывалъ меня разспросами, хотѣлъ немедленно вести меня къ своему семейству. Мы было и пошли, но дядя воротился, пожелавъ представить меня сначала капитоновскимъ мужикамъ. Потомъ, помню, онъ вдругъ заговорилъ, неизвѣстно по какому поводу, о какомъ-то господинѣ Коровкинѣ, необыкновенномъ человѣкѣ, котораго онъ встрѣтилъ, три дня назадъ, гдѣ-то на большой дорогѣ, и котораго ждалъ теперь къ себѣ въ гости съ крайнимъ нетерпѣніемъ. Потомъ онъ бросилъ и Коровкина, и заговорилъ о чемъ-то другомъ. Я съ наслажденіемъ смотрѣлъ на него. Отвѣчая на торопливые его разспросы, я сказалъ, что желалъ бы не вступать въ службу, а продолжать заниматься науками. Какъ только дѣло дошло до наукъ, дядя вдругъ насупилъ брови и сдѣлалъ необыкновенно важное лицо. Узнавъ, что въ послѣднее время

я занимался минералогіей, онъ поднялъ голову и съ гордостью осмотрѣлся кругомъ, какъ будто онъ самъ одинъ, безъ всякой посторонней помощи, открылъ и написалъ всю минералогію. Я уже сказалъ, что передъ словомъ „наука“ онъ благоговѣлъ самымъ безкорыстнѣйшимъ образомъ, тѣмъ болѣе безкорыстнымъ, что самъ рѣшительно ничего не зналъ.

— Эхъ, братъ, есть же на свѣтѣ люди, что всю подноготную знаютъ! говорилъ онъ мнѣ однажды, съ сверкающими отъ восторга глазами. — Сидишь между ними, слушаешь, и вѣдь самъ знаешь, что ничего не понимаешь, а все какъ-то сердцу любо. А отчего? А оттого, что тутъ польза, тутъ умъ, тутъ всеобщее счастье! Это-то я понимаю. Вотъ я теперь по чугункѣ поѣду, а Илюшка мой, можетъ, и по воздуху полетитъ... Ну, да, наконецъ, и торговля, промышленность—эти, такъ сказать, струи... то-есть, я хочу сказать, что какъ ни верти, а полезно... Вѣдь полезно, не правда-ли?

Но обратимся къ нашей встрѣчѣ.

— Вотъ подожди, другъ мой, подожди, началъ онъ, потирая руки и скороговоркою,—увидишь человѣка! Человѣкъ рѣдкій, я тебѣ скажу, человѣкъ ученый, человѣкъ науки; останется въ столѣтіи. А вѣдь хорошо словечко: „останется въ столѣтіи“? Это мнѣ Ѳома объяснилъ... Подожди, я тебя познакомлю.

— Это вы про Ѳому Ѳомича, дядюшка?

— Нѣтъ, нѣтъ, другъ мой! Это я теперь про Коровкина. То-есть и Ѳома тоже, и онъ... Но это я просто про Коровкина теперь говорилъ, прибавилъ онъ, неизвѣстно отчего покраснѣвъ и какъ будто смѣшавшись, какъ только рѣчь зашла про Ѳому.

— Какими же онъ науками занимается, дядюшка?

— Науками, братецъ, науками, вообще науками. Я вотъ только не могу сказать, какими именно, а только знаю, что науками. Какъ про желѣзныя дороги говоритъ! И знаешь, прибавилъ дядя полушопотомъ, многозначительно прищуривая правый глазъ,—немного, этакъ, вольныхъ идей! Я замѣтилъ, особенно когда про семейное счастье заговорилъ... Вотъ жаль, что я самъ мало понялъ (времени не было), а то бы разсказалъ тебѣ все, какъ по ниткѣ. И, вдобавокъ, благороднѣйшихъ свойствъ человѣкъ! Я его пригласилъ къ себѣ погостить. Съ часу на часъ ожидаю.

Между тѣмъ, мужики глядѣли на меня, раскрывъ рты и выпучивъ глаза, какъ на чудо.

— Послушайте, дядюшка, прервалъ я его,—я, кажется, помѣшалъ мужичкамъ. Они вѣрно за надобностью. О чемъ они? Я, признаюсь, подозрѣваю кой-что и очень бы радъ ихъ послушать...

Дядя вдругъ захлопоталъ и заторопился.

— Ахъ, да! Я и забылъ! Да вотъ видишь... что съ ними дѣлать? Выдумали,—и желалъ бы я знать, кто первый у нихъ это выдумалъ,—выдумали, что я отдаю ихъ, и всю Капитоновку, — ты помнишь Капитоновку? Еще мы туда съ покойной Катей все по вечерамъ гулять ѣздили,—всю Капитоновку, цѣлыхъ шестьдесятъ восемь душъ, Фомѣ Фомичу! „Ну, не хотимъ идти отъ тебя, да и только!"

— Такъ это неправда, дядюшка? Вы не отдаете ему Капитоновки?! вскричалъ я почти въ восторгѣ.

— И не думалъ: въ головѣ не было! А ты отъ кого слышалъ? Разъ какъ-то съ языка сорвалось, вотъ и пошло гулять мое слово. И отчего имъ Фома такъ не милъ? Вотъ подожди, Сергѣй, я тебя познакомлю, прибавилъ онъ, робко взглянувъ на меня, какъ будто уже предчувствуя и во мнѣ врага Фомѣ Фомичу.—Это, братъ, такой человѣкъ...

— Не хотимъ, опричь тебя, никого не хотимъ! завопили вдругъ мужики цѣлымъ хоромъ. — Вы отцы, а мы ваши дѣти!

— Послушайте, дядюшка, отвѣчалъ я. — Фому Фомича я еще не видалъ, но... видите-ли... я кое-что слышалъ. Признаюсь вамъ, что я встрѣтилъ сегодня господина Бахчеева. Впрочемъ, у меня на этотъ счетъ, покамѣстъ, своя идея. Во всякомъ случаѣ, дядюшка, отпустите-ка вы мужичковъ, а мы съ вами поговоримъ одни, безъ свидѣтелей. Я, признаюсь, затѣмъ и пріѣхалъ...

— Именно, именно, подхватилъ дядя, — именно! Мужичковъ отпустимъ, а потомъ и поговоримъ, знаешь, этакъ, пріятельски, дружески, основательно! — Ну, продолжалъ онъ скороговоркой, обращаясь къ мужикамъ,—теперь ступайте, друзья мои. И впередъ ко мнѣ, всегда ко мнѣ, когда нужно; такъ-таки, прямо ко мнѣ и иди, во всякое время.

— Батюшка ты нашъ! Вы отцы, мы ваши дѣти! Не давай въ обиду Фомѣ Фомичу! Вся бѣдность проситъ! закричали еще разъ мужики.

— Вотъ дураки-то! Да не отдамъ я васъ, говорятъ!

— А то заучитъ онъ насъ совсѣмъ, батюшка! Здѣшнихъ, слышь, совсѣмъ заучилъ.

— Такъ неужели онъ и васъ по-французски учитъ? вскричалъ я, почти въ испугѣ.

— Нѣтъ, батюшка, покамѣстъ еще миловалъ Богъ! отвѣчалъ одинъ изъ мужиковъ, вѣроятно, большой говорунъ, рыжій, съ огромной плѣшью на затылкѣ и съ длинной, жиденькой, клинообразной бородкой, которая такъ и ходила вся, когда онъ говорилъ, точно она была живая сама по себѣ. — Нѣтъ, сударь, покамѣстъ еще миловалъ Богъ.

— Да чему-жъ онъ васъ учитъ?

— А учитъ онъ, ваша милость, такъ, что по-нашему выходитъ золотой ящикъ купи, да мѣдный грошъ положи.

— То-есть, какъ это мѣдный грошъ?

— Сережа! Ты въ заблужденіи; это клевета! вскричалъ дядя, покраснѣвъ и ужасно сконфузившись.—Это они, дураки, не поняли, что̀ онъ имъ говорилъ. Онъ только такъ... какой тутъ мѣдный грошъ... А тебѣ нечего про все понимать, горло драть, продолжалъ дядя, съ укоризною обращаясь къ мужику,—тебѣ же, дураку, добра пожелали, а ты не понимаешь, да и кричишь!

— Помилуйте, дядюшка, а французскій-то языкъ?

— Это онъ для произношенія, Сережа, единственно для произношенія, проговорилъ дядя какимъ-то просительнымъ голосомъ.—Онъ это самъ говорилъ, что для произношенія... Притомъ же тутъ случилась одна особенная исторія—ты ея не знаешь, а потому и не можешь судить. Надо, братецъ, прежде вникнуть, а ужъ потомъ обвинять... Обвинять-то легко!

— Да вы-то чего! закричалъ я, въ запальчивости снова обращаясь къ мужикамъ.—Вы бы ему такъ все прямо и высказали. Дескать, этакъ нельзя, Ѳома Ѳомичъ, а вотъ оно какъ! Вѣдь есть же у васъ языкъ?

— Гдѣ та мышь, чтобъ коту звонокъ привѣсила, батюшка? Я, говоритъ, тебя, мужика сиволапаго, чистотѣ и порядку учу. Отчего у тебя рубаха нечиста? Да въ поту живетъ, оттого и не чистая! Не каждый день перемѣнять. Съ чистоты не воскреснешь, съ по́гани не треснешь.

— А вотъ апамедни на гумно пришелъ, заговорилъ другой мужикъ, съ виду рослый и сухощавый, весь въ заплатахъ, въ самыхъ худенькихъ лаптишкахъ и, повиди-

моему, отнимъ изъ тѣхъ, которые вѣчно чѣмъ-нибудь недовольны и всегда держатъ въ запасѣ какое-нибудь ядовитое, отравленное слово. До сихъ поръ онъ хоронился за спинами другихъ мужиковъ, слушалъ въ мрачномъ безмолвіи и все время не сгонялъ съ лица какой-то двусмысленной, горько-лукавой усмѣшки.—На гумно пришелъ. „Знаете-ли вы, говоритъ, сколько до солнца верстъ?“ А кто его знаетъ? Наука эта не нашинская, а барская.— „Нѣтъ, говоритъ, ты дуракъ, нехтерь, пользы своей не знаешь: а я, говоритъ, астроломъ! Я всѣ Божіи планиды узналъ“.

— Ну, а сказалъ тебѣ сколько до солнца верстъ? вмѣшался дядя, вдругъ оживляясь и весело мнѣ подмигивая, какъ бы говоря: „вотъ посмотри-ка, что будетъ!“

— Да, сказалъ сколько-то много, нехотя отвѣчалъ мужикъ, не ожидавшій такого вопроса.

— Ну, а сколько сказалъ, сколько именно?

— Да вашей милости лучше извѣстно, а мы люди темные.

— Да я-то, братъ, знаю, а ты помнишь-ли?

— Да сколько-то сотъ, али тысячъ, говорилъ, будетъ. Что-то много сказалъ. На трехъ возахъ не вывезешь.

— То-то, помни, братецъ! А ты думалъ, небось, съ версту будетъ, рукой достать? Нѣтъ, братъ, земля—это, видишь, какъ шаръ круглый—понимаешь?.. продолжалъ дядя, очертивъ руками въ воздухѣ подобіе шара.

Мужикъ горько улыбнулся.

— Да, какъ шаръ! Она такъ на воздухѣ и держится сама собой и кругомъ солнца ходитъ. А солнце-то на мѣстѣ стоитъ; тебѣ только кажется, что оно ходитъ. Вотъ она штука какая! А открылъ это все капитанъ Кукъ, мореходъ... А чортъ его знаетъ, кто и открылъ, прибавилъ онъ полушопотомъ, обращаясь ко мнѣ.—Самъ-то я, братъ, ничего не знаю... А ты знаешь, сколько до солнца-то?

— Знаю, дядюшка, отвѣчалъ я, съ удивленіемъ смотря на всю эту сцену,—только вотъ, что я думаю: конечно, необразованность есть то же неряшество, но, съ другой стороны... учить крестьянъ астрономіи...

— Именно, именно, именно неряшество! подхватилъ дядя въ восторгѣ отъ моего выраженія, которое показалось ему чрезвычайно удачнымъ.— Благородная мысль! Именно неряшество! Я это всегда говорилъ... то-есть я этого никогда не говорилъ, но я чувствовалъ. Самъ-то,

закричалъ онъ мужикамъ,—необразованность, это то же пеляшество, такая же грязь! Вотъ оттого васъ Ѳома и хотѣлъ научить. Онъ васъ добру хотѣлъ научить—это ничего. Это, братъ, ужъ все равно, тоже служба, всякаго чина стоитъ. Вотъ оно дѣло какое, наука-то! Ну, хорошо, хорошо, друзья мои! Ступайте съ Богомъ, а я радъ, радъ... будьте покойны, я васъ не оставлю.

— Защити, отецъ родной!

— Вели свѣтъ видѣть, батюшка!

И мужики повалились въ ноги.

— Ну, ну, это вздоръ! Богу, да Царю кланяйтесь, а не мнѣ... Ну, ступайте, ведите себя хорошо, заслужите ласку... ну и тамъ все... Знаешь, сказалъ онъ, вдругъ обращаясь ко мнѣ, только что ушли мужики и какъ-то сіяя отъ радости,—любитъ мужичокъ доброе слово, да и подарочекъ не повредитъ. Подарю-ка я имъ что-нибудь— а? какъ ты думаешь? Для твоего пріѣзда... Подарить, или нѣтъ?

— Да, вы, дядюшка, какой-то Фролъ Силинъ, благодѣтельный человѣкъ, какъ я погляжу.

— Ну, нельзя же, братецъ, нельзя: это ничего. Я имъ давно хотѣлъ подарить, прибавилъ онъ, какъ бы извиняясь.—А что тебѣ смѣшно, что я мужиковъ наукамъ училъ? Нѣтъ, братъ, это я такъ, это я отъ радости, что тебя увидѣлъ, Сережа. Просто-за-просто хотѣлъ, чтобъ и онъ, мужикъ, узналъ—сколько до солнца, да ротъ разинулъ. Весело, братъ, смотрѣть, когда онъ ротъ разинетъ... Какъ-то этакъ радуешься за него. Только, знаешь, другъ мой, не говори тамъ въ гостиной, что я съ мужиками здѣсь объяснялся. Я нарочно ихъ за конюшнями принялъ, чтобъ не видно было. Оно, братъ, какъ-то нельзя было тамъ: щекотливое дѣло, да и сами они потихоньку пришли. Я вѣдь это для нихъ больше и сдѣлалъ...

— Ну, вотъ, дядюшка, я и пріѣхалъ! началъ я, перемѣняя разговоръ и желая добраться поскорѣе до главнаго дѣла.—Признаюсь вамъ, письмо ваше меня такъ удивило, что я...

— Другъ мой, ни слова объ этомъ, перебилъ дядя, какъ будто въ испугѣ и даже понизивъ голосъ,—послѣ, послѣ это все объяснится. Я, можетъ-быть, и виноватъ передъ тобою и даже, можетъ-быть, очень виноватъ...

— Передо мной виноваты, дядюшка?

— Послѣ, послѣ, мой другъ, послѣ! Все это объяснится.

Да какой же ты сталъ молодецъ! Милый ты мой! А какъ же я тебя ждалъ! Хотѣлъ излить, такъ сказать... ты ученый, ты одинъ у меня... ты и Коровкинъ. Надобно замѣтить тебѣ, что на тебя здѣсь всѣ сердятся. Смотри же, будь осторожнѣе, не плошай!

— На меня? спросилъ я, въ удивленіи смотря на дядю, не понимая, чѣмъ я могъ разсердить людей, тогда еще мнѣ совсѣмъ незнакомыхъ. — На меня?

— На тебя, братецъ. Что-жъ дѣлать! Ома Омичъ немножко... ну, ужъ маменька вслѣдъ за нимъ. Вообще, будь остороженъ, почтителенъ, не противорѣчь, а главное, почтителенъ...

— Это передъ Омой-то Омичемъ, дядюшка?

— Что-жъ дѣлать, другъ мой, вѣдь я его не защищаю. Дѣйствительно, онъ, можетъ-быть, человѣкъ съ недостатками, и даже теперь, въ эту самую минуту... Ахъ, братъ, Сережа, какъ это все меня безпокоитъ! И какъ бы это все могло уладиться, какъ бы мы всѣ могли быть довольны и счастливы!.. Но, впрочемъ, кто-жъ безъ недостатковъ? Вѣдь не золотые-жъ и мы?

— Помилуйте, дядюшка! Разсмотрите, что онъ дѣлаетъ...

— Эхъ, братъ! Все это только дрязги и больше ничего! Вотъ, напримѣръ, я тебѣ разскажу: теперь онъ сердится на меня, и за что, какъ ты думаешь?.. Впрочемъ, можетъ-быть, я и самъ виноватъ. Лучше я тебѣ потомъ разскажу...

— Впрочемъ, знаете, дядюшка, у меня на этотъ счетъ выработалась своя особая идея, перебилъ я, торопясь высказать мою идею. Да мы и оба какъ-то торопились. — Во-первыхъ, онъ былъ шутомъ; это его огорчило, сразило, оскорбило его идеалъ; и вотъ вышла натура озлобленная, болѣзненная, мстящая, такъ сказать, всему человѣчеству... Но если примирить его съ человѣкомъ, если возвратить его самому себѣ...

— Именно, именно! вскричалъ дядя въ восторгѣ, — именно такъ! Благороднѣйшая мысль! И даже стыдно, неблагородно было бы намъ осуждать его! Именно!.. Ахъ, другъ мой, ты меня понимаешь: ты мнѣ отраду привезъ! Только бы тамъ-то уладилось! Знаешь, я туда теперь и явиться боюсь. Вотъ ты пріѣхалъ, и мнѣ непремѣнно достанется!

— Дядюшка, если такъ... началъ было я, смутясь отъ такого признанія.

— Ни-ни-ни! Ни за что въ свѣтѣ! закричалъ онъ, схвативъ меня за руки.—Ты мой гость, и я такъ хочу!

Все это чрезвычайно меня удивляло.

— Дядюшка, скажите мнѣ сейчасъ же, началъ я настойчиво,— для чего вы меня звали? Чего отъ меня надѣетесь и, главное, въ чемъ передо мной виноваты?

— Другъ мой, и не спрашивай! Послѣ, послѣ! Все это послѣ объяснится! Я, можетъ-быть, и во многомъ виноватъ, но я хотѣлъ поступить какъ честный человѣкъ и... и... ты на ней женишься! Ты женишься, если только есть въ тебѣ капля благородства! прибавилъ онъ, весь покраснѣвъ отъ какого-то внезапнаго чувства, восторженно и крѣпко сжимая мою руку.—Но довольно, ни слова больше! Все самъ скоро узнаешь. Отъ тебя же будетъ зависѣть... Главное, чтобъ ты теперь тамъ понравился, произвелъ впечатлѣніе. Главное—не сконфузься.

— Но, послушайте, дядюшка, кто-жъ у васъ тамъ? Я, признаюсь, такъ мало бывалъ въ обществѣ, что...

— Что немножко трусишь? прервалъ дядя съ улыбкою.— Э, ничего! Все свои, ободрись! Главное, ободрись, не бойся. Я все какъ-то боюсь за тебя. Кто тамъ у насъ, спрашиваешь? Да кто-жъ у насъ... Во-первыхъ, мамаша, началъ онъ торопливо.—Ты помнишь мамашу, или не помнишь? Добрѣйшая, благороднѣйшая старушка; безъ претензій— это можно сказать; стараго покроя немножко, да это и лучше. Ну, знаешь, иногда такія фантазіи, скажетъ этакъ какъ-то; на меня теперь сердится, да я самъ виноватъ... знаю, что виноватъ! Ну, наконецъ — она вѣдь, что называется, grande dame, генеральша... превосходнѣйшій человѣкъ былъ ея мужъ: во-первыхъ, генералъ, человѣкъ образованнѣйшій, состоянія не оставилъ, но за то весь былъ израненъ; словомъ—стяжалъ уваженіе! Потомъ дѣвица Перепелицына. Ну, эта... не знаю... въ послѣднее время она какъ-то того... характеръ такой... А, впрочемъ, нельзя же всѣхъ и осуждать... Ну, да Богъ съ ней... Ты не думай, что она приживалка какая-нибудь. Она, братъ, сама подполковничья дочь. Наперсница маменьки, другъ! Потомъ, братъ, сестрица Прасковья Ильинична. Ну, про эту нечего много говорить: простая, добрая; хлопотунья немного, но за то сердце какое! — Ты, главное, на сердце смотри—пожилая дѣвушка, но, знаешь, этотъ чудакъ Бахчеевъ, кажется, куры строитъ, хочетъ присвататься. Ты, однако, молчи, чуръ: секретъ! Ну, кто же еще изъ на-

[illegible]? Про Ѳому не говорю: самъ увидишь. Именно смотри внимательнѣе... Да, бишь! Чуть не забылъ: гоститъ у насъ, видишь-ли, уже цѣлый мѣсяцъ, Иванъ Иванычъ Мизинчиковъ, тебѣ будетъ троюродный братъ. вспомнилъ, да, именно троюродный! Онъ недавно въ отставку вышелъ изъ гусаровъ, поручикомъ; человѣкъ еще молодой. Благороднѣйшая душа! Но, знаешь, такъ промотался, что ужъ я и не знаю, гдѣ онъ успѣлъ такъ промотаться. Впрочемъ, у него ничего почти и не было; но все-таки промотался, надѣлалъ долговъ... Теперь гоститъ у меня. Я его до сихъ поръ и не зналъ совсѣмъ; самъ пріѣхалъ, отрекомендовался. Милый, добрый, смирный, почтительный. Слыхалъ-ли отъ него здѣсь кто и слово? Все молчитъ. Ѳома, въ насмѣшку, прозвалъ его „молчаливымъ незнакомцемъ" — ничего: не сердится. Ѳома доволенъ: говоритъ про Ивана, что онъ не далекъ. Впрочемъ, Иванъ ему ни въ чемъ не противорѣчитъ и во всемъ поддакиваетъ. Гм! Забитый онъ такой... Ну, да Богъ съ нимъ! Самъ увидишь. Есть городскіе гости: Павелъ Семенычъ Обноскинъ съ матерью; молодой человѣкъ, но высочайшаго ума человѣкъ: что-то зрѣлое, знаешь, незыблемое... Я вотъ только не умѣю выразиться; и, въ добавокъ, превосходной нравственности; строгая мораль! Ну, и, наконецъ, гоститъ у насъ, видишь-ли, одна Татьяна Ивановна, пожалуй, еще будетъ намъ дальняя родственница — ты ее не знаешь — дѣвица, не молодая — въ этомъ можно признаться, но... съ пріятностями дѣвица: богата, братецъ, такъ, что два Степанчикова купитъ; недавно получила, а до тѣхъ поръ горе мыкала. Ты, братъ, Сережа, пожалуйста, остерегись: она такая болѣзненная... знаешь, что-то фантасмагорическое въ характерѣ. Ну, ты благороденъ, поймешь, испытала, знаешь, несчастья. Вдвое надо быть осторожнѣе съ человѣкомъ, испытавшимъ несчастья! Ты, впрочемъ, не подумай чего-нибудь. Конечно, есть слабости: такъ иногда заторопится, скоро скажетъ, не то слово скажетъ, которое нужно, то-есть не лжетъ, ты не думай... все это, братъ, такъ сказать, отъ чистаго, отъ благороднаго сердца выходитъ, то-есть, если даже и солжетъ что-нибудь, то единственно, такъ сказать, чрезъ излишнее благородство души — понимаешь?

Мнѣ показалось, что дядя ужасно сконфузился.

— Послушайте, дядюшка, сказалъ я, — я васъ такъ

люблю... простите откровенный вопросъ: женитесь вы на комъ-нибудь здѣсь, или нѣтъ?

— Да ты отъ кого слышалъ? отвѣчалъ онъ, покраснѣвъ, какъ ребенокъ.—Вотъ видишь, другъ мой, я тебѣ все разскажу; во-первыхъ, я не женюсь. Маменька, отчасти сестрица и, главное, Ѳома Ѳомичъ, котораго маменька обожаетъ—и за дѣло, за дѣло: онъ много для нея сдѣлалъ,— всѣ они хотятъ, чтобъ я женился на этой самой Татьянѣ Ивановнѣ, изъ благоразумія, то-есть, для всего семейства. Конечно, мнѣ же добра желаютъ — я вѣдь это понимаю; но я ни за что не женюсь — я ужъ далъ себѣ такое слово. Несмотря на то, я какъ-то не умѣлъ отвѣчать: ни да, ни нѣтъ не сказалъ. Это ужъ, братъ, со мной всегда такъ случается. Они и подумали, что я соглашаюсь, и непремѣнно хотятъ, чтобъ завтра, для семейнаго праздника, я объяснился... и потому завтра такія хлопоты, что я даже не знаю, что̀ предпринять! Къ тому же Ѳома Ѳомичъ, неизвѣстно почему, на меня разсердился; маменька тоже. Я, братъ, признаюсь тебѣ, только ждалъ тебя, да Коровкина... хотѣлъ излить, такъ сказать...

— Да чѣмъ же тутъ поможетъ Коровкинъ, дядюшка?

— Поможетъ, другъ мой, поможетъ, — это, братъ, ужъ такой человѣкъ; одно слово: человѣкъ науки! Я на него какъ на каменную гору надѣюсь; побѣждающій человѣкъ! Про семейное счастье какъ говоритъ! Я, признаюсь, и на тебя тоже надѣялся; думалъ: ты ихъ урезонишь. Самъ разсуди: ну, положимъ, я виноватъ, дѣйствительно виноватъ — я понимаю все это; я не безчувственный. Ну, да все же меня можно простить когда-нибудь! Тогда бы мы вотъ какъ зажили!.. Эхъ, братъ, какъ выросла моя Сашурка, хоть сейчасъ къ вѣнцу! Илюшка мой какой сталъ! Завтра именинникъ. За Сашурку-то я боюсь—вотъ что!..

— Дядюшка! Гдѣ мой чемоданъ? Я переодѣнусь и мигомъ явлюсь, а тамъ...

— Въ мезонинѣ, другъ мой, въ мезонинѣ. Я ужъ такъ заранѣ велѣлъ, чтобъ тебя, какъ пріѣдешь, прямо вели въ мезонинъ, чтобъ никто не видалъ. Именно, именно переодѣнься! Это хорошо; прекрасно, прекрасно! А я, покамѣстъ, тамъ всѣхъ понемногу приготовлю. Ну, и съ Богомъ! Знаешь, братъ, надо хитрить. Поневолѣ Талейраномъ сдѣлаешься. Ну, да ничего! Тамъ теперь они чай пьютъ. У насъ рано чай пьютъ. Ѳома Ѳомичъ любитъ пить сейчасъ какъ проснется; оно, знаешь, и лучше... Ну,

такъ я пойду, а ты ужъ поскорѣй за мной, не оставляя меня одного: неловко, братъ, какъ-то мнѣ одному-то... Да! Постой! Вотъ еще къ тебѣ просьба: не кричи на меня тамъ, какъ давеча здѣсь кричалъ—а? Развѣ ужъ много, если захочешь что замѣтить, такъ, наединѣ, здѣсь и замѣтишь; а до тѣхъ поръ какъ-нибудь скрѣпись, подожди! Я, видишь-ли, тамъ ужъ и такъ накутилъ. Она серіозна...

— Послушайте, дядюшка, изъ всего, что я слышалъ и видѣлъ, мнѣ кажется, что вы...

— Тюфякъ, что-ли? Да ужъ ты договаривай! перебилъ онъ меня совсѣмъ неожиданно. — Что-жъ, братъ, дѣлать! Я ужъ и самъ это знаю. Ну, такъ ты придешь? Какъ можно скорѣе приходи, пожалуйста!

Взойдя наверхъ, я поспѣшно открылъ чемоданъ, помня приказаніе дяди сойти внизъ какъ можно скорѣе. Одѣваясь я замѣтилъ, что еще почти ничего не узналъ изъ того, что хотѣлъ узнать, хотя и говорилъ съ дядей цѣлый часъ. Это меня поразило. Одно только было для меня нѣсколько ясно: дядя все еще настоичиво хотѣлъ, чтобъ я женился; слѣдовательно, всѣ противоположные слухи, именно: что дядя влюбленъ въ ту же особу самъ. — неумѣстны. Помню, что я былъ въ большой тревогѣ. Между прочимъ, мнѣ пришло на мысль, что я, пріѣздомъ моимъ и молчаніемъ передъ дядей, почти произнесъ обѣщаніе, далъ слово, связалъ себя навѣки. „Не трудно, думалъ я, не трудно сказать слово, которое свяжетъ потомъ навѣки по рукамъ и по ногамъ. А я еще не видалъ и невѣсты!" И опять-таки: съ чего эта вражда противъ меня цѣлаго семейства? Почему именно всѣ они должны смотрѣть на мой пріѣздъ, какъ увѣряетъ дядя, враждебно? И что за странную роль играетъ самъ дядя здѣсь, въ своемъ собственномъ домѣ? Отчего происходитъ его таинственность? Отчего всѣ эти испуги и муки? Признаюсь, что все это представилось мнѣ вдругъ чѣмъ-то совершенно безсмысленнымъ; а романическія и героическія мечты мои совсѣмъ вылетѣли изъ головы при первомъ столкновеніи съ дѣйствительностью. Теперь только, послѣ разговора съ дядей, мнѣ вдругъ представилась вся нескладность, и эксцентричность его предложенія, и я понялъ, что подобное предложеніе, и въ такихъ обстоятельствахъ, способенъ былъ сдѣлать одинъ только дядя. Понялъ я также, что и самъ я, признавъ тогда сломя голову, по первому его слову, въ восторгѣ отъ его предложенія, очень похожъ

на дурака. Я одѣвался поспѣшно, занятый тревожными моими сомнѣніями, такъ что и не замѣтилъ сначала прислуживавшаго мнѣ слугу.

— Аделаидина цвѣта изволите галстукъ надѣть, или этотъ, съ мелкими клѣтками? спросилъ вдругъ слуга, обращаясь ко мнѣ съ какою-то необыкновенною приторною учтивостью.

Я взглянулъ на него, и оказалось, что онъ тоже достоинъ былъ любопытства. Это былъ еще молодой человѣкъ, для лакея одѣтый прекрасно, не хуже иного губернскаго франта. Коричневый фракъ, бѣлыя брюки, палевый жилетъ, лакированные полусапожки и розовый галстучекъ подобраны были очевидно не безъ цѣли. Все это тотчасъ же должно было обратить вниманіе на деликатный вкусъ молодого щеголя. Цѣпочка къ часамъ была выставлена напоказъ непремѣнно съ тою же цѣлью. Лицомъ онъ былъ блѣденъ и даже зеленоватъ; носъ имѣлъ большой, съ горбинкой, тонкій, необыкновенно бѣлый, какъ будто фарфоровый. Улыбка на тонкихъ губахъ его выражала какую-то грусть и, однакожъ, деликатную грусть. Глаза, большіе, выпученные и какъ будто стеклянные, смотрѣли необыкновенно тупо и, однакожъ, все-таки просвѣчивалась въ нихъ деликатность. Тонкія, мягкія ушки были заложены, изъ деликатности, ватой. Длинные, бѣлобрысые и жидкіе волосы его были завиты въ кудри и напомажены. Ручки его были бѣленькія, чистенькія, вымытыя чуть-ли не въ розовой водѣ; пальцы оканчивались щеголеватыми, длинноватыми розовыми ногтями. Все это показывало баловня, франта и бѣлоручку. Онъ шепелявилъ и премодно не выговаривалъ букву *р*, подымалъ и опускалъ глаза, вздыхалъ и нѣжничалъ до невѣроятности. Отъ него пахло духами. Роста онъ былъ небольшого, дряблый и хилый, и на ходу какъ-то особенно присѣдалъ, вѣроятно, находя въ этомъ самую высшую деликатность,— словомъ, онъ весь былъ пропитанъ деликатностью, субтильностью и необыкновеннымъ чувствомъ собственнаго достоинства. Послѣднее обстоятельство, неизвѣстно почему, мнѣ, сгоряча, не понравилось.

— Такъ этотъ галстукъ аделаидина цвѣта? спросилъ я, строго посмотрѣвъ на молодого лакея.

— Аделаидина-съ, отвѣчалъ онъ съ невозмутимою деликатностью.

— А аграфенина цвѣта нѣтъ?

— Нѣтъ-съ. Такого и быть не можетъ-съ.

— Это почему?

— Неприличное имя Аграфена-съ.

— Какъ неприличное? Почему?

— Извѣстно-съ: Аделаида, по крайней мѣрѣ, иностранное имя, облагороженное-съ; а Аграфеной могутъ называть всякую послѣднюю бабу-съ.

— Да ты съ ума сошелъ, или нѣтъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, я при своемъ умѣ-съ. Все — конечно, воля ваша обзывать меня всяческими словами; но разговоромъ моимъ многіе генералы и даже нѣкоторые столичные графы оставались довольны-съ.

— Да тебя какъ зовутъ?

— Видоплясовъ.

— А! Такъ это ты Видоплясовъ?

— Точно такъ-съ.

— Ну, подожди же, братъ, и я съ тобой познакомлюсь.

„Однако, здѣсь что-то похоже на Бедламъ", подумалъ я про себя, сходя внизъ.

IV.

За чаемъ.

Чайная была та самая комната, изъ которой былъ выходъ на террасу, гдѣ я давеча встрѣтилъ Гаврилу. Таинственныя предвѣщанія дяди насчетъ пріема, меня ожидавшаго, очень меня безпокоили. Молодость иногда не въ мѣру самолюбива, а молодое самолюбіе почти всегда трусливо. Вотъ потому мнѣ чрезвычайно непріятно было, когда я, только что войдя въ дверь и увидя за чайнымъ столомъ все общество, вдругъ запнулся за коверъ, пошатнулся и, спасая равновѣсіе, неожиданно вылетѣлъ на средину комнаты. Сконфузившись такъ, какъ будто я разомъ погубилъ свою карьеру, честь и доброе имя, стоялъ я безъ движенія, покраснѣвъ, какъ ракъ, и безсмысленно смотря на присутствовавшихъ. Упоминаю объ этомъ происшествіи, совершенно по себѣ ничтожномъ, единственно потому, что оно имѣло чрезвычайное вліяніе на мое расположеніе духа почти во весь тотъ день, а слѣдственно и на отношенія мои къ нѣкоторымъ изъ дѣйствующихъ лицъ моего разсказа. Я попробовалъ было поклониться, не докончилъ, покраснѣлъ еще болѣе, бросился къ дядѣ и схватилъ его за руки.

— Здравствуйте, дядюшка, проговорилъ я, задыхаясь,

желая сказать что-то совсѣмъ другое, гораздо остроумнѣе, но, совсѣмъ неожиданно, сказавъ только: „здравствуйте“.

— Здравствуй, здравствуй, братецъ, отвѣчалъ страдавшій за меня дядя,—вѣдь мы здоровались. Да не конфузься, пожалуйста, прибавилъ онъ шопотомъ,—это, братъ, со всѣми случается, да еще какъ! Бывало, хоть провалиться въ ту жъ пору!.. Ну, а теперь, маменька, позвольте вамъ рекомендовать: вотъ нашъ молодой человѣкъ; онъ немного сконфузился, но вы его вѣрно полюбите. Племянникъ мой, Сергѣй Александровичъ, добавилъ онъ, обращаясь ко всѣмъ вообще.

Но прежде чѣмъ буду продолжать разсказъ, позвольте, любезный читатель, представить вамъ поименно все общество, въ которомъ я вдругъ очутился. Это даже необходимо для порядка разсказа.

Вся компанія состояла изъ нѣсколькихъ дамъ и только двухъ мужчинъ, не считая меня и дяди. Ѳомы Ѳомича, котораго я такъ желалъ видѣть и который — я уже тогда же чувствовалъ это — былъ полновластнымъ владыкою всего дома,— не было: онъ блисталъ своимъ отсутствіемъ и какъ будто унесъ съ собою свѣтъ изъ комнаты. Всѣ были мрачны и озабочены. Этого нельзя было не замѣтить съ перваго взгляда: какъ ни былъ я самъ въ ту минуту смущенъ и разстроенъ, однако я видѣлъ, что дядя, напримѣръ, разстроенъ чуть-ли не такъ же, какъ я, хотя онъ и употреблялъ всѣ усилія, чтобъ скрыть свою заботу подъ видимою непринужденностью. Что-то тяжелымъ камнемъ лежало у него на сердцѣ. Одинъ изъ двухъ мужчинъ, бывшихъ въ комнатѣ, былъ еще очень молодой человѣкъ, лѣтъ двадцати пяти, тотъ самый Обноскинъ, о которомъ давеча упоминалъ дядя, восхваляя его умъ и мораль. Этотъ господинъ мнѣ чрезвычайно не понравился: все въ немъ сбивалось на какой-то шикъ дурного тона; костюмъ его, несмотря на шикъ, былъ какъ-то потертъ и скуденъ; въ лицѣ его было что-то какъ будто тоже потертое. Бѣлобрысые, тонкіе, тараканьи усы и неудавшаяся клочковатая бороденка, очевидно, предназначены были предъявлять человѣка независимаго и, можетъ-быть, вольнодумца. Онъ безпрестанно прищуривался, улыбался съ какою-то выдѣланною язвительностью, кобянился на своемъ стулѣ и поминутно смотрѣлъ на меня въ лорнетъ, но когда я къ нему поворачивался, онъ немедленно опускалъ свое стеклышко и какъ будто трусилъ. Другой господинъ,

тоже еще человѣкъ молодой, лѣтъ двадцати восьми, былъ мой троюродный братецъ, Мизинчиковъ. Дѣйствительно, онъ былъ чрезвычайно молчаливъ. За часомъ, во все время, онъ не сказалъ ни слова, не смѣялся, когда всѣ смѣялись; но я вовсе не замѣтилъ въ немъ никакой „забитости", которую видѣлъ въ немъ дядя; напротивъ, взглядъ его свѣтлокарихъ глазъ выражалъ рѣшимость и какую-то опредѣленность характера. Мизинчиковъ былъ смуглъ, черноволосъ и довольно красивъ; одѣтъ очень прилично — на дядинъ счетъ, какъ узналъ я послѣ. Изъ дамъ я замѣтилъ прежде всѣхъ дѣвицу Перепелицыну, по ея необыкновенно злому, безкровному лицу. Она сидѣла возлѣ генеральши,— о которой будетъ особая рѣчь впослѣдствіи,— но не рядомъ, а нѣсколько сзади, изъ почтительности: поминутно нагибалась и шептала что-то на ухо своей покровительницѣ. Двѣ-три пожилыя приживалки, совершенно безъ рѣчей, сидѣли рядкомъ у окна и почтительно ожидали чаю, вытаращивъ глаза на матушку-генеральшу. Заинтересовала меня тоже одна толстая, совершенно расплывшаяся барыня, лѣтъ пятидесяти, одѣтая очень безвкусно и ярко, кажется, нарумяненная и почти безъ зубовъ, вмѣсто которыхъ торчали какіе-то почернѣвшіе и обломанные кусочки; это, однакожъ, не мѣшало ей пищать, прищуриваться, модничать и чуть-ли не дѣлать глазки. Она была увѣшана какими-то цѣпочками и безпрерывно наводила на меня лорнетку, какъ мсьё Обноскинъ. Это была его маменька. Смиренная Прасковья Ильинична, моя тетушка, разливала чай. Ей, видимо, хотѣлось обнять меня послѣ долгой разлуки и, разумѣется, тутъ же расплакаться, но она не смѣла. Все здѣсь, казалось, было подъ какимъ-то запретомъ. Возлѣ нея сидѣла прехорошенькая, черноглазая, пятнадцатилѣтняя дѣвочка, глядѣвшая на меня пристально, съ дѣтскимъ любопытствомъ,— моя кузина Саша. Наконецъ, и, можетъ-быть, всѣхъ болѣе, выдавалась на видъ одна престранная дама, одѣтая пышно и чрезвычайно юношественно, хотя она была далеко не молодая, по крайней мѣрѣ, лѣтъ тридцати пяти. Лицо у ней было очень худое, блѣдное и высохшее, но чрезвычайно одушевленное. Яркая краска поминутно появлялась на ея блѣдныхъ щекахъ, почти при каждомъ ея движеніи, при каждомъ волненіи. Волновалась же она безпрерывно, вертѣлась на стулѣ и какъ будто не въ состояніи была и минутки просидѣть въ покоѣ. Она всматривалась въ меня

съ какимъ-то жаднымъ любопытствомъ, безпрерывно наклонялась что-нибудь на ухо Сашенькѣ, или другой сосѣдкѣ, и тотчасъ же принималась смѣяться самымъ простодушнымъ, самымъ дѣтски-веселымъ смѣхомъ. Но всѣ ея эксцентричности, къ удивленію моему, какъ будто не обращали на себя ничьего вниманія, точно напередъ всѣ въ этомъ условились. Я догадался, что это была Татьяна Ивановна, та самая, въ которой, по выраженію дяди, было нѣчто фантасмагорическое, которую навязывали ему въ невѣсты, и за которой почти всѣ въ домѣ ухаживали за ея богатство. Мнѣ, впрочемъ, понравились ея глаза, голубые и кроткіе; и хотя около этихъ глазъ уже видѣлись морщинки, но взглядъ ихъ былъ такъ простодушенъ, такъ веселъ и добръ, что какъ-то особенно пріятно было встрѣчаться съ нимъ. Объ этой Татьянѣ Ивановнѣ, одной изъ настоящихъ „героинь“ моего разсказа, я скажу послѣ подробнѣе; біографія ея примѣчательна. Минутъ пять послѣ моего появленія въ чайной, вбѣжалъ изъ сада прехорошенькій мальчикъ, мой кузенъ, Илюша, завтрашній именинникъ, у котораго теперь оба кармана были набиты бабками и въ рукахъ былъ кубарь. За нимъ вошла молодая, стройная дѣвушка, немного блѣдная и какъ будто усталая, но очень хорошенькая. Она окинула всѣхъ пытливымъ, недовѣрчивымъ и даже робкимъ взглядомъ, пристально посмотрѣла на меня и сѣла возлѣ Татьяны Ивановны. Помню, что у меня невольно стукнуло сердце: я догадался, что это была та самая гувернантка... Помню тоже, что дядя, при ея появленіи, вдругъ бросилъ на меня быстрый взглядъ и весь покраснѣлъ, потомъ нагнулся, схватилъ на руки Илюшу и поднесъ его мнѣ поцѣловать. Замѣтилъ я еще, что мадамъ Обноскина сперва пристально посмотрѣла на дядю, а потомъ съ саркастической улыбкой навела свой лорнетъ на гувернантку. Дядя очень смутился и, не зная, что дѣлать, вызвалъ было Сашеньку, чтобъ познакомить ее со мной, но та только привстала и, молча, съ серьезною важностью, мнѣ присѣла. Это, впрочемъ, мнѣ понравилось, потому что къ ней шло. Въ ту же минуту добрая тетушка, Прасковья Ильинична, не вытерпѣла, бросила разливать чай и кинулась было ко мнѣ лобызать меня, но я еще не успѣлъ ей сказать двухъ словъ, какъ тотчасъ же раздался визгливый голосъ дѣвицы Перепелицыной, провинціалки, что „видно, Прасковья Ильинична забыли-съ маменьку-съ (генеральшу), что маменька-съ

требовали чаю-съ, а вы и не наливаете-съ, а онѣ ждутъ-съ", и Прасковья Ильинична, оставивъ меня, со всѣхъ ногъ бросилась къ своимъ обязанностямъ. Эта генеральша, самое важное лицо во всемъ этомъ кружкѣ и предъ которой всѣ ходили по стрункѣ, была тощая и злая старуха, вся одѣтая въ трауръ — злая, впрочемъ, больше отъ старости и отъ потери послѣднихъ (и прежде еще небогатыхъ) умственныхъ способностей; прежде же она была вздорная. Генеральство сдѣлало ее еще глупѣе и надменнѣе. Когда она злилась, весь домъ походилъ на адъ. У ней были двѣ манеры злиться. Первая манера была молчаливая, когда старуха по цѣлымъ днямъ не разжимала губъ своихъ и упорно молчала, толкая, а иногда даже кидая на полъ все, что̀ передъ ней ни поставили. Другая манера была совершенно противоположная: краснорѣчивая. Начиналось обыкновенно тѣмъ, что̀ бабушка — она, вѣдь, была мнѣ бабушка — погружалась въ необыкновенное уныніе, ждала разрушенія міра и всего своего хозяйства, предчувствовала впереди нищету и всевозможное горе, вдохновлялась сама своими предчувствіями, начинала по пальцамъ исчислять будущія бѣдствія, и приходила при этомъ счетѣ въ какой-то восторгъ, въ какой-то азартъ. Разумѣется, открывалось, что она все давно ужъ заранѣе предвидѣла и только потому молчала, что принуждена силою молчать „въ этомъ домѣ". „Но если бъ только были къ ней почтительны, если бъ только захотѣли ее заранѣе послушаться, то", и т. д., и т. д.; все это немедленно поддакивалось стаей приживалокъ, дѣвицей Перепелицыной и, наконецъ, торжественно скрѣплялось Ѳомой Ѳомичемъ. Въ ту минуту, какъ я представлялся ей, она ужасно гнѣвалась и, кажется, по первому способу, молчаливому, самому страшному. Всѣ смотрѣли на нее съ боязнью. Одна только Татьяна Ивановна, которой спускалось рѣшительно все, была въ превосходнѣйшемъ расположеніи духа. Дядя нарочно, даже съ нѣкоторымъ торжествомъ, подвелъ меня къ бабушкѣ; но та, сдѣлавъ кислую гримасу, со злостью оттолкнула отъ себя свою чашку.

— Это тотъ вол-ти-жеръ? проговорила она сквозь зубы и нараспѣвъ, обращаясь къ Перепелицыной.

Этотъ глупый вопросъ окончательно сбилъ меня съ толку. Не понимаю, отчего она назвала меня вольтижеромъ? Но такіе вопросы ей были еще нипочемъ. Перепелицына нагнулась и шепнула ей что-то на ухо, но

старуха злобно махнула рукой. Я стоялъ съ разинутымъ ртомъ и вопросительно смотрѣлъ на дядю. Всѣ переглянулись, а Обноскинъ даже оскалилъ зубы, что̀ ужасно мнѣ не понравилось.

— Она, братъ, иногда заговаривается, шепнулъ мнѣ дядя, тоже отчасти потерявшійся, — но это ничего, она это такъ; это отъ добраго сердца. Ты, главное, на сердце смотри.

— Да, сердце, сердце! раздался внезапно звонкій голосъ Татьяны Ивановны, которая все время не сводила съ меня своихъ глазъ и отчего-то не могла спокойно усидѣть на мѣстѣ; вѣроятно, слово „сердце“, сказанное шопотомъ, долетѣло до ея слуха.

Но она не договорила, хотя ей, очевидно, хотѣлось что-то высказать. Сконфузилась-ли она, или что другое, только она вдругъ замолчала, покраснѣла ужасно, быстро нагнулась къ гувернанткѣ, пошептала ей что-то на ухо, и вдругъ, закрывъ ротъ платкомъ и откинувшись на спинку кресла, захохотала, какъ будто въ истерикѣ. Я оглядывалъ всѣхъ съ крайнимъ недоумѣніемъ; но, къ удивленію моему, всѣ были очень серьезны и смотрѣли такъ, какъ будто ничего не случилось особеннаго. Я, конечно, понялъ, кто была Татьяна Ивановна. Наконецъ, мнѣ подали чаю, и я нѣсколько оправился. Не знаю почему, но мнѣ вдругъ показалось, что я обязанъ завести самый любезный разговоръ съ дамами.

— Вы правду сказали, дядюшка, началъ я,—предостерегая меня давеча, что можно сконфузиться. Я откровенно признаюсь—къ чему скрывать? продолжалъ я, обращаясь съ заискивающей улыбкой къ мадамъ Обноскиной, — что до сихъ поръ совсѣмъ почти не зналъ дамскаго общества, и теперь, когда мнѣ случилось такъ неудачно войти, мнѣ показалось, что моя поза среди комнаты была очень смѣшна и отзывалась нѣсколько тюфякомъ—не правда-ли? Вы читали „Тюфяка“? заключилъ я, теряясь все болѣе и болѣе, краснѣя за свою заискивающую откровенность и грозно смотря на мсье Обноскина, который, скаля зубы, все еще оглядывалъ меня съ головы до ногъ.

— Именно, именно, именно! вскричалъ вдругъ дядя съ чрезвычайнымъ одушевленіемъ, искренно обрадовавшись, что разговоръ кое-какъ завязался и я поправляюсь. — Это, братъ, еще ничего, что ты, вотъ, говоришь, что можно сконфузиться. Ну, сконфузился, да и концы въ воду! А

я, братъ, для перваго моего дебюта, даже соврамъ—вѣришь, или нѣтъ? Нѣтъ, ей-Богу, Анфиса Петровна, это, я вамъ скажу, интересно прослушать. Только что поступилъ въ юнкера, пріѣзжаю въ Москву, отправляюсь къ одной важной барынѣ съ рекомендательнымъ письмомъ— то-есть надменнѣйшая женщина была, но, въ сущности, право, предобрая, что-бъ ни говорили. Вхожу — принимаютъ. Гостиная полна народу, преимущественно тузы. Расклапялся, сѣлъ. Со второго слова она мнѣ: „А есть-ли, батюшка, деревеньки?“ То-есть, ни курицы не было,—что отвѣчать? Сконфузился въ прахъ. Всѣ на меня смотрятъ (ну, что, юнкеришка!). Ну, почему бы не сказать: нѣтъ ничего; и благородно бы вышло, потому что правду бы сказалъ. Не выдержалъ! „Есть“, говорю, „сто семнадцать душъ“. И къ чему я тутъ эти семнадцать приплелъ? Ужъ, коли врать, такъ и вралъ бы круглымъ числомъ, — не правда-ли? Чрезъ минуту, по рекомендательному же моему письму, оказалось, что я голъ, какъ соколъ, и, вдобавокъ, совралъ! Ну, что было дѣлать? Удралъ во всѣ лопатки и съ тѣхъ поръ ни ногой. Вѣдь, у меня тогда еще ничего не было. Это все, что теперь: триста душъ отъ дядюшки Аѳанасія Матвѣича, да двѣсти душъ, съ Капитоповкой, еще прежде, отъ бабушки Акулины Панфиловны, итого пятьсотъ слишкомъ. Это хорошо! Только я съ тѣхъ поръ закаялся врать и не вру.

— Ну, я бы на вашемъ мѣстѣ не закаивался. Богъ знаетъ, что можетъ случиться, замѣтилъ Обноскинъ, насмѣшливо улыбаясь.

— Ну, да, это правда, правда! Богъ знаетъ, что можетъ случиться, простодушно поддакнулъ дядя.

Обноскинъ громко захохоталъ, опрокинувшись на спинку кресла; его маменька улыбнулась; какъ-то особенно гадко захихикала и дѣвица Перепелицына; захохотала и Татьяна Ивановна, не зная чему, и даже забила въ ладоши — словомъ, я видѣлъ ясно, что дядю въ его же домѣ считали ровно ни во что. Сашенька, злобно сверкая глазками, пристально смотрѣла на Обноскина. Гувернантка покраснѣла и потупилась. Дядя удивился.

— А что? Что случилось? повторилъ онъ, съ недоумѣніемъ озирая всѣхъ насъ.

Во все это время братецъ мой, Мизинчиковъ, сидѣлъ поодаль, молча, и даже не улыбнулся, когда всѣ засмѣялись. Онъ усердно пилъ чай, философически смотрѣлъ на

всю публику и нѣсколько разъ, какъ будто въ припадкѣ невыносимой скуки, порывался засвистать, вѣроятно, по старой привычкѣ, но во-время останавливался. Обноскинъ, задиравшій дядю и покушавшійся на меня, какъ будто не смѣлъ и взглянуть на Мизинчикова: я это замѣтилъ. Замѣтилъ я тоже, что молчаливый братецъ мой часто посматривалъ на меня, и даже съ видимымъ любопытствомъ, какъ будто желая въ точности опредѣлить, что я за человѣкъ.

— Я увѣрена, защебетала вдругъ мадамъ Обноскина,— я совершенно увѣрена, m-r Serge—вѣдь такъ, кажется?— что вы, въ вашемъ Петербургѣ, были не большимъ обожателемъ дамъ. Я знаю, тамъ много, очень много развелось теперь молодыхъ людей, которые совершенно чуждаются дамскаго общества. Но, по-моему, это все вольнодумцы. Я не иначе соглашаюсь на это смотрѣть, какъ на непростительное вольнодумство. И, признаюсь вамъ, меня это удивляетъ, удивляетъ, молодой человѣкъ, просто удивляетъ!..

— Совершенно не былъ въ обществѣ, отвѣчалъ я съ необыкновеннымъ одушевленіемъ.—Но, это... я, по крайней мѣрѣ, думаю, ничего-съ... Я жилъ, то-есть я, вообще, нанималъ квартиру... но это ничего, увѣряю васъ. Я буду знакомъ; а до сихъ поръ я все сидѣлъ дома...

— Занимался науками, замѣтилъ, пріосанившись, дядя.

— Ахъ, дядюшка, вы все съ своими науками!.. Вообразите, продолжалъ я съ необыкновенною развязностью, любезно осклабляясь и обращаясь снова къ Обноскиной, — мой дорогой дядюшка до такой степени преданъ наукамъ, что откопалъ гдѣ-то на большой дорогѣ какого-то чудодѣйственнаго, практическаго философа, г. Коровкина; и первое слово сегодня ко мнѣ, послѣ столькихъ лѣтъ разлуки, было, что онъ ждетъ этого феноменальнаго чудодѣя съ какимъ-то судорожнымъ, можно сказать, нетерпѣніемъ... изъ любви къ наукѣ, разумѣется...

И я захихикалъ, надѣясь вызвать всеобщій смѣхъ въ похвалу моему остроумію.

— Кто такой? Про кого онъ? рѣзко проговорила генеральша, обращаясь къ Перепелицыной.

— Гостей-съ Егоръ Ильичъ напригласали-съ, ученыхъ-съ; по большимъ дорогамъ ѣздятъ, ихъ собираютъ-съ, съ наслажденіемъ пропищала дѣвица.

Дядя совсѣмъ растерялся.

— Ахъ, да! Я и забылъ! вскричалъ онъ, бросивъ на меня взглядъ, въ которомъ выражался укоръ, — жду Коровкина. Человѣкъ науки, человѣкъ останется въ столѣтіи...

Онъ осѣкся и замолчалъ. Генеральша махнула рукой и въ этотъ разъ такъ удачно, что задѣла за чашку, которая слетѣла со стола и разбилась. Произошло всеобщее волненіе.

— Это она всегда, какъ разсердится, возьметъ да и броситъ что-нибудь на полъ, шепталъ мнѣ сконфуженный дядя. — Но это только когда разсердится... Ты, братъ, и смотри, не замѣчай, гляди въ сторону... Зачѣмъ ты объ Коровкинѣ-то заговорилъ?..

Но я и безъ того смотрѣлъ въ сторону: въ эту минуту я встрѣтилъ взглядъ гувернантки, и мнѣ показалось, что въ этомъ взглядѣ на меня былъ какой-то упрекъ, что-то даже презрительное: румянецъ негодованія ярко запылалъ на ея блѣдныхъ щекахъ. Я понялъ ея взглядъ и догадался, что малодушнымъ и гадкимъ желаніемъ моимъ сдѣлать дядю смѣшнымъ, чтобъ хоть немного снять смѣшного съ себя, я не очень выигралъ въ расположеніи этой дѣвицы. Не могу выразить, какъ мнѣ стало стыдно!

— А я съ вами все о Петербургѣ, залилась опять Анфиса Петровна, когда волненіе, произведенное разбитой чашкой, утихло.—Я съ такимъ, можно сказать, наслажденіемъ вспоминаю нашу жизнь въ этой очаровательной столицѣ... Мы были очень близко знакомы тогда съ однимъ домомъ — помнишь, Поль? Генералъ Половицынъ... Ахъ, какое очаровательное, о-ча-ро-ва-тельное существо была генеральша! Ну, знаете, этотъ аристократизмъ, beau monde!.. Скажите: вы, вѣроятно, встрѣчались... Я, признаюсь, съ нетерпѣніемъ ждала васъ сюда: я надѣялась отъ васъ многое, многое узнать о петербургскихъ друзьяхъ нашихъ...

— Мнѣ очень жаль, что я не могу... извините... Я уже сказалъ, что очень рѣдко былъ въ обществѣ и совершенно не знаю генерала Половицына: даже не слыхалъ, отвѣчалъ я съ нетерпѣніемъ, внезапно смѣнивъ мою любезность на чрезвычайно досадливое и раздраженное состояніе духа.

— Занимался минералогіей! съ гордостью подхватилъ неисправимый дядя. — Это, братъ, что камушки тамъ разные разсматриваетъ, минералогія-то?

— Да, дядюшка, камни...

— Гм... Много есть наукъ, и все полезныхъ! А я, вѣдь, братъ, по правдѣ, и не знаю, что такое минералогія! Слышу только, что звонятъ гдѣ-то на чужой колокольнѣ. Въ чемъ другомъ—еще такъ и сякъ, а въ наукахъ глупъ—откровенно каюсь!

— Откровенно каетесь? подхватилъ, ухмыляясь, Обноскинъ.

— Папочка! вскрикнула Саша, съ укоризной смотря на отца.

— Что, душка? Ахъ, Боже мой, я вѣдь все прерываю васъ, Анфиса Петровна, спохватился дядя, не понявъ восклицанія Сашеньки.—Извините, ради Христа!

— О, не безпокойтесь! отвѣчала съ кисленькою улыбочкой Анфиса Петровна.—Впрочемъ, я уже все сказала вашему племяннику и заключу развѣ тѣмъ, m-r Serge — такъ кажется?— что вамъ рѣшительно надо исправиться. Я вѣрю, что науки, искусства... ваяніе, напримѣръ... ну, словомъ, всѣ эти высокія идеи имѣютъ, такъ сказать, свою о-ба-я-тельную сторону, но онѣ не замѣнятъ дамъ!.. Женщины, женщины, молодой человѣкъ, формируютъ васъ, и потому безъ нихъ невозможно, невозможно, молодой человѣкъ, не-воз-можно!

— Невозможно, невозможно! раздался снова нѣсколько крикливый голосъ Татьяны Ивановны.— Послушайте, начала она какъ-то дѣтски спѣша и, разумѣется, вся покраснѣвъ,—послушайте, я хочу васъ спросить...

— Что прикажете-съ, отвѣчалъ я, внимательно въ нее вглядываясь.

— Я хотѣла васъ спросить: надолго вы пріѣхали, или нѣтъ?

— Ей-Богу, не знаю-съ; какъ дѣла...

— Дѣла! Какія у него могутъ быть дѣла?.. О, безумецъ...

И Татьяна Ивановна, краснѣя до-нельзя и закрываясь вѣеромъ, нагнулась къ гувернанткѣ и тотчасъ же начала ей что-то шептать. Потомъ, вдругъ, засмѣялась и захлопала въ ладоши.

— Постойте! Постойте! вскричала она, отрываясь отъ своей конфидентки и снова торопливо обращаясь ко мнѣ, какъ будто боясь, чтобъ я не ушелъ,—послушайте, знаете-ли что я вамъ скажу? Вы ужасно, ужасно похожи на одного молодого человѣка, о-ча-ро-ва-тельнаго молодого человѣка!.. Сашенька, Настенька, помните! Онъ ужасно

похожъ на того безумца — помнишь, Сашенька! Еще мы катались и встрѣтили... верхомъ и въ бѣломъ жилетѣ... еще онъ навелъ на меня свой лорнетъ, безстыдникъ! Помните, я еще закрылась вуалью, но не утерпѣла, высунулась изъ коляски и закричала ему: „безстыдникъ!" а потомъ бросила на дорогу мой букетъ... Помните, Настенька?

И полупомѣшанная на кавалерахъ дѣвица, вся въ волненіи, закрыла лицо руками; потомъ, вдругъ, вскочила съ своего мѣста, порхнула къ окну, сорвала съ горшка розу, бросила ее близъ меня на полъ и убѣжала изъ комнаты. Только ее и видѣли! Въ этотъ разъ произошло даже нѣкоторое замѣшательство, хотя генеральша, какъ и въ первый разъ, была совершенно спокойна. Анфиса Петровна, напримѣръ, была не удивлена, но какъ будто чѣмъ-то вдругъ озабочена, и съ тоскою посмотрѣла на своего сына: барышни покраснѣли, а Поль Обноскинъ, съ какою-то непонятною тогда для меня досадою, всталъ со стула и подошелъ къ окну. Дядя началъ было мнѣ дѣлать знаки, но въ эту минуту новое лицо вошло въ комнату и привлекло на себя всеобщее вниманіе.

— А! вотъ и Евграфъ Ларіонычъ! Легокъ на поминѣ! закричалъ дядя, нелицемѣрно обрадовавшись.—Что, братъ, изъ города?

„Ну, чудаки! Ихъ какъ будто нарочно собирали сюда!" подумалъ я про себя, не понимая еще хорошенько всего, что происходило передъ моими глазами, не подозрѣвая и того, что и самъ я, кажется, только увеличилъ коллекцію этихъ чудаковъ, явясь между ними.

V.

Ежевикинъ.

Въ комнату вошла или, лучше сказать, какъ-то протѣснилась (хотя двери были очень широкія) фигурка, которая еще въ дверяхъ сгибалась, кланялась и скалила зубы, съ чрезвычайнымъ любопытствомъ оглядывая всѣхъ присутствовавшихъ. Это былъ маленькій старичокъ, рябой, съ быстрыми и воровatыми глазками, съ плѣшью и съ лысиной, и съ какой-то неопредѣленной, тонкой усмѣшкой на довольно толстыхъ губахъ. Онъ былъ во фракѣ, очень изношенномъ и, кажется, съ чужого плеча. Одна пуговица висѣла на ниточкѣ; двухъ или трехъ совсѣмъ не было. Дырявые сапоги, засаленная фуражка гармонировали съ его жалкой одеждой. Въ рукахъ его былъ бу-

мажный клѣтчатый платокъ, весь засморканный, которымъ онъ обтиралъ потъ со лба и висковъ. Я замѣтилъ, что гувернантка немного покраснѣла и быстро взглянула на меня. Мнѣ показалось даже, что въ этомъ взглядѣ было что-то гордое и вызывающее.

— Прямо изъ города, благодѣтель! Прямо оттуда, отецъ родной! Все разскажу, только позвольте сначала честь заявить, проговорилъ вошедшій старичокъ и направился прямо къ генеральшѣ, но остановился на полдорогѣ и снова обратился къ дядѣ.

— Вы ужъ изволите знать мою главную черту, благодѣтель: подлецъ, настоящій подлецъ! Вѣдь я, какъ вхожу, такъ ужъ тотчасъ же главную особу въ домѣ ищу, къ ней первой и стопы направляю, чтобъ такимъ образомъ, съ перваго шагу, милости и протекцію пріобрѣсти. Подлецъ, батюшка, подлецъ, благодѣтель! Позвольте, матушка, барыня, ваше превосходительство, платьице ваше поцѣловать, а то я губами-то ручку вашу, золотую, генеральскую, замараю.

Генеральша подала ему руку, къ удивленію моему, довольно благосклонно.

— И вамъ, раскрасавица наша, поклонъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ дѣвицѣ Перепелицыной.—Что дѣлать, сударыня-барыня: подлецъ! Еще въ 1841 году было рѣшено, что подлецъ, когда изъ службы меня исключили, именно тогда, какъ Валентинъ Игнатьичъ Тихонцевъ въ высокоблагородные попалъ: асессора дали; его въ асессоры, а меня въ подлецы. А ужъ я такъ откровенно создапъ, что во всемъ признаюсь. Что дѣлать! Пробовалъ честно жить, пробовалъ, теперь надо попробовать иначе. Александра Егоровна, яблочко наше наливное, продолжалъ онъ, обходя столъ и пробираясь къ Сашенькѣ,—позвольте ваше платьице поцѣловать; отъ васъ, барышня, яблочкомъ пахнетъ и всякими деликатностями. Именинницу наше почтеніе; лукъ и стрѣлу вамъ, батюшка, привезъ, самъ цѣлое утро дѣлалъ; ребятишки мои помогали; вотъ ужо и будемъ спускать. А подрастете, въ офицеры поступите, туркѣ голову срубите. Татьяна Ивановна... ахъ, да ихъ нѣтъ, благодѣтельницы! А то-бъ и у нихъ платьице поцѣловалъ. Прасковья Ильинична, матушка паша родная, протѣснпться-то только къ вамъ не могу, а то-бъ не только ручку, даже и ножку бы вашу поцѣловалъ—вотъ какъ-съ! Анфиса Петровна, мое вамъ всяческое уваженіе свидѣ-

тельствую. Еще сегодня за васъ Бога молилъ, благодѣтельница, на колѣнкахъ, со слезами Бога молилъ, и за сыночка вашего тоже, чтобъ ниспослалъ ему всякихъ чиновъ и талантовъ: особенно талантовъ! Кстати ужь и Ивану Ивановичу Мизинчикову наше всенижайшее. Пошли вамъ Господь все, что сами себѣ желаете. Потому что и не разберешь, сударь, чего сами-то вы себѣ желаете: молчаливенькіе такіе-съ... Здравствуй, Настя! вся моя мелюзга тебѣ кланяется: каждый день о тебѣ поминаютъ. А вотъ теперь и хозяину большой поклонъ. Изъ города, вчера высокородіе, прямехонько изъ города. А это вѣрно племянничекъ вашъ, что въ ученомъ факультетѣ воспитывался? Почтеніе наше всенижайшее, сударь: пожалуйте ручку.

Разлался смѣхъ. Понятно было, что старикъ игралъ роль какого-то добровольнаго шута. Приходъ его развеселилъ общество. Многіе и не понимали его сарказмовъ, а онъ почти всѣхъ обошелъ. Одна гувернантка, которую онъ, къ удивленію моему, назвалъ просто Настей, красивѣла и хмурилась. Я было отдернулъ руку; того только кажется, и ждалъ старикашка.

— Да вѣдь я только пожать ее у васъ просилъ, батюшка: если только позволите, а не поцѣловать. А вы ужъ думали, что поцѣловать? Нѣтъ, отецъ родной, покамѣстъ еще только пожать. Вы, благодѣтель, вѣрно меня за барскаго шута принимаете? проговорилъ онъ, смотря на меня съ насмѣшкою.

— Н-нѣтъ, помилуйте, я...

— То-то, батюшка! Коли я шутъ, такъ и другой кто-нибудь тутъ! А вы меня уважайте: я еще не такой подлецъ, какъ вы думаете. Оно, впрочемъ, пожалуй, и шутъ. Я—рабъ, моя жена—рабыня, къ тому же, польсти, польсти! Вотъ оно что! все-таки что-нибудь выиграешь, хотя ребятишкамъ на молочишко. Сахару, сахару-то побольше во все подсыпайте, такъ оно и здоровѣе будетъ. Это я вамъ, батюшка, по секрету говорю; можетъ, и вамъ понадобится. Фортуна зѣла, благодѣтель, оттого я и шутъ.

— Хи-хи-хи! Ахъ, проказникъ этотъ старичокъ! Вѣчно-то онъ разсмѣшитъ! пронищала Анфиса Петровна.

— Матушка моя, благодѣтельница, вѣдь дурачкомъ-то лучше на свѣтѣ проживешь! Зналъ бы, такъ съ ранняго молоду въ дураки-съ записался, авось, теперь былъ бы умный. А то, какъ рано захотѣлъ быть умникомъ, такъ вотъ и вышелъ теперь старый дуракъ.

— Скажите, пожалуйста, ввязался Обноскинъ (которому, вѣрно, не нравилось замѣчаніе про *таланты*), какъ-то особенно независимо развалясь въ креслѣ и разсматривая старика въ свое стеклышко, какъ какую-нибудь козявку,— скажите, пожалуйста... все я забываю вашу фамилію... какъ-бишь васъ?..

— Ахъ, батюшка! Да фамилья-то моя, пожалуй, что и Ежевикинъ, да что въ томъ толку? Вотъ ужъ девятый годъ безъ мѣста сижу — такъ и живу себѣ, по законамъ природы. А дѣтей-то, дѣтей-то у меня, просто, семейство Холмскихъ! Точно какъ по пословицѣ: „у богатаго — телята, а у бѣднаго—ребята...“

— Ну, да... телята... это, впрочемъ, въ сторону. Ну, послушайте, я давно хотѣлъ васъ спросить: зачѣмъ вы, когда входите, тотчасъ назадъ оглядываетесь? Это очень смѣшно.

— Зачѣмъ оглядываюсь? А все мнѣ кажется, батюшка, что меня сзади кто-нибудь хочетъ ладошкой прихлопнуть, какъ муху, оттого и оглядываюсь. Мономанъ я сталъ, батюшка.

Опять засмѣялись. Гувернантка привстала съ мѣста, хотѣла было идти и снова опустилась въ кресло. Въ лицѣ ея было что-то больное, страдающее, несмотря на краску, заливавшую ея щеки.

— Это, братъ, знаешь кто? шепнулъ мнѣ дядя,—вѣдь это *ея* отецъ!

Я смотрѣлъ на дядю во всѣ глаза. Фамилія Ежевикинъ совершенно вылетѣла у меня изъ головы. Я геройствовалъ, всю дорогу мечталъ о своей предполагаемой суженой, строилъ для нея великодушные планы и совершенно позабылъ ея фамилію или, лучше сказать, не обратилъ на это никакого вниманія съ самаго начала.

— Какъ, отецъ? отвѣчалъ я тоже шопотомъ.—Да вѣдь, я думалъ, она сирота?

— Отецъ, братъ, отецъ. И знаешь, пречестнѣйшій, преблагороднѣйшій человѣкъ, и даже не пьетъ, а только такъ изъ себя шута строитъ. Бѣдность, братъ, страшная, восемь человѣкъ дѣтей! Настенькинымъ жалованьемъ и живутъ. Изъ службы за язычокъ исключили. Каждую недѣлю сюда ѣздитъ. Гордый какой,—ни за что не возьметъ. Давалъ, много разъ давалъ,—не беретъ. Озлобленный человѣкъ!

— Ну, что, братъ, Евграфъ Ларіонычъ, что тамъ, у васъ, новаго? спросилъ дядя и крѣпко ударилъ его по

плечу, замѣтивъ, что мнительный старикъ уже подслушивалъ нашъ разговоръ.

— А что новаго, благодѣтель? Валентинъ Игнатьичъ вчера объясненіе подавали-съ по Тришина дѣлу. У того въ бунтахъ недовѣсъ муки оказался. Это, барыня, тотъ самый Тришинъ, что смотрятъ на васъ, а самъ точно самоваръ раздуваетъ. Можетъ, изволите помнить? Вотъ Валентинъ-то Игнатьичъ и пишетъ про Тришина: „Ужъ если", — говоритъ онъ, — „часто поминаемый Тришинъ чести своей родной племянницы не могъ уберечь, — а та съ офицеромъ прошлаго года сбѣжала, — такъ гдѣ же, говоритъ, было ему уберечь казенныя вещи?" Это онъ въ бумагѣ своей такъ и помѣстилъ — ей-Богу, не вру-съ.

— Фи! Какія вы исторіи разсказываете! закричала Анфиса Петровна.

— Именно, именно, именно! Заларнортовался ты, братъ Евграфъ, поддакнулъ дядя. — Эй, пропадешь за языкъ! Человѣкъ ты прямой, благородный, благонравный — могу заявить, да языкъ-то у тебя ядовитый! И удивляюсь я, какъ ты тамъ съ ними ужиться не можешь! Люди они, кажется, добрые, простые...

— Отецъ и благодѣтель! Да простого-то человѣка я и боюсь! вскричалъ старикъ съ какимъ-то особеннымъ одушевленіемъ.

Отвѣтъ мнѣ понравился. Я быстро подошелъ къ Ежевикину и крѣпко пожалъ ему руку. По правдѣ, мнѣ хотѣлось хоть чѣмъ-нибудь протестовать противъ всеобщаго мнѣнія, показавъ открыто старику мое сочувствіе. А можетъ-быть,—кто знаетъ!—можетъ-быть, мнѣ хотѣлось поднять себя въ мнѣніи Настасьи Евграфовны. Но изъ движенія моего ровно ничего не вышло путнаго.

— Позвольте спросить васъ, сказалъ я, по обычаю моему, покраснѣвъ и заторопившись,—слыхали вы про іезуитовъ.

— Нѣтъ, отецъ родной, не слыхалъ: такъ развѣ, что-нибудь... да гдѣ намъ! А что-съ?

— Такъ... я было, кстати, хотѣлъ разсказать... Впрочемъ, напомните мнѣ при случаѣ. А теперь, будьте увѣрены, что я васъ понимаю и... умѣю цѣнить...

И, совершенно смѣшавшись, я еще разъ схватилъ его за руку.

— Непремѣнно, батюшка, напомню, непремѣнно напомню! Золотыми литерами запишу. Вотъ, позвольте, и узелокъ завяжу, для памяти.

И онъ, дѣйствительно, завязалъ узелокъ, отыскавъ сухой кончикъ на своемъ грязномъ, табачномъ платкѣ.

— Евграфъ Ларіонычъ, берите чаю, сказала Прасковья Ильинична.

— Тотчасъ. раскрасавица-барыня, тотчасъ, то-есть, принцесса, а не барыня! Это вамъ за чаекъ. Степана Алексѣевича Бахчеева встрѣтилъ дорогой, сударыня! Такой развеселый, что на тебѣ! Я ужъ подумалъ, не жениться-ли собираются? Польсти, польсти! проговорилъ онъ полушопотомъ, пропося мимо меня чашку, подмигивая мнѣ и прищуриваясь. — А что же благодѣтеля-то главнаго не видать, Ѳомы Ѳомича-съ? Развѣ не прибудутъ къ чаю?

Дядя вздрогнулъ, какъ будто его ужалили, и робко взглянулъ на генеральшу.

— Ужъ я, право, не знаю, отвѣчалъ онъ нерѣшительно, съ какимъ-то страннымъ смущеніемъ.—Звали его, да онъ... Не знаю, право, можетъ-быть, не въ расположеніи духа. Я уже посылалъ Видоплясова и... развѣ, впрочемъ, мнѣ самому сходить?

— Заходилъ я къ нимъ сейчасъ, таинственно проговорилъ Ежевикинъ.

— Можетъ-ли быть! вскрикнулъ дядя въ испугѣ.—Ну, что́-жъ?

— Напредъ всего заходилъ-съ, почтеніе свидѣтельствовалъ. Сказали, что они въ уединеніи чаю напьются, а потомъ прибавили, что они и сухой хлѣбной корочкой могутъ быть сыты, да-съ.

Слова эти, казалось, поразили дядю настоящимъ ужасомъ.

— Да ты-бъ объяснилъ ему, Евграфъ Ларіонычъ, ты-бъ разсказалъ, проговорилъ, наконецъ, дядя, смотря на старика съ тоской и упрекомъ.

— Говорилъ-съ, говорилъ-съ.

— Ну?

— Долго не изволили мнѣ отвѣчать-съ. За математической задачей какой-то сидѣли, опредѣляли что-то: видно, головоломная задача была. Пиѳагоровы штаны при мнѣ начертили,—самъ видѣлъ. Три раза повторялъ, ужъ на четвертый только подняли головку и какъ будто впервые меня увидали. „Не пойду, говорятъ: тамъ теперь *ученый* пріѣхалъ, такъ ужъ гдѣ намъ быть подлѣ такого свѣтила“.— Такъ и изволили выразиться, что подлѣ свѣтила.

И старикашка, искоса, съ насмѣшкою взглянулъ на меня.

— Ну, такъ я и ждалъ! вскричалъ дядя, всплеснувъ

руками,—такъ я и думалъ! Вѣдь это онъ про тебя, Сергѣй, говоритъ, что „ученый". Ну, что теперь дѣлать?

— Признаюсь, дядюшка, отвѣчалъ я, съ достоинствомъ пожимая плечами,—по-моему, это такой смѣшной отказъ, что не стоитъ обращать и вниманія, и я, право, удивляюсь вашему смущенію...

— Охъ, братецъ, не знаешь ты ничего! вскрикнулъ онъ, энергически махнувъ рукой.

— Да ужъ теперь нечего горевать-съ, ввязалась вдругъ дѣвица Перепелицына,—коли всѣ причины злыя отъ васъ самихъ спервоначалу произошли-съ, Егоръ Ильичъ-съ. Снявши голову, по волосамъ не плачутъ-съ. Послушали бы маменьку-съ, такъ теперь бы и не плакали-съ.

— Да чѣмъ же, Анна Ниловна, я-то виноватъ? Побойтесь Бога! проговорилъ дядя умоляющимъ голосомъ, какъ будто напрашиваясь на объясненіе.

— Я Бога боюсь, Егоръ Ильичъ; а происходитъ все оттого, что вы эгоисты-съ и родительницу не любите-съ, съ достоинствомъ отвѣчала дѣвица Перепелицына.—Отчего вамъ было, спервоначалу, воли ихъ не уважить-съ? Онѣ вамъ мать-съ. А я вамъ неправды не стану говорить-съ. Я сама подполковничья дочь, а не какая-нибудь-съ.

Мнѣ показалось, что Перепелицына ввязалась въ разговоръ единственно съ тою цѣлію, чтобы объявить всѣмъ намъ, и особенно мнѣ, новоприбывшему, что она сама подполковничья дочь, а не какая-нибудь-съ.

— Оттого, что онъ оскорбляетъ мать свою, грозно проговорила, наконецъ, сама генеральша.

— Маменька, помилосердуйте! Гдѣ же я васъ оскорбляю?

— Оттого, что ты мрачный эгоистъ, Егорушка, продолжала генеральша, все болѣе и болѣе одушевляясь.

— Маменька, маменька! Гдѣ же я мрачный эгоистъ? вскричалъ дядя почти въ отчаяніи.—Пять дней, цѣлыхъ пять дней вы сердитесь на меня и не хотите со мной говорить! А за что? За что? Пусть же судятъ меня, пусть цѣлый свѣтъ меня судитъ! Пусть, наконецъ, услышатъ и мое оправданіе. Я долго молчалъ, маменька; вы не хотѣли слушать меня: пусть же теперь люди меня услышатъ. Анфиса Петровна! Павелъ Семенычъ, благороднѣйшій Павелъ Семенычъ! Сергѣй, другъ мой! Ты человѣкъ посторонній, ты, такъ сказать, зритель, ты безпристрастно можешь судить...

— Успокойтесь, Егоръ Ильичъ, успокойтесь, вскрикнула Анфиса Петровна,—не убивайте маменьку!

— Я не убью маменьку, Анфиса Петровна; но вотъ грудь моя—разите! продолжалъ дядя, разгорячённый до послѣдней степени, что̀ бываетъ иногда съ людьми слабохарактерными, когда ихъ выведутъ изъ послѣдняго терпѣнія, хотя вся горячка ихъ походитъ на огонь отъ зажженой соломы.—Я хочу сказать, Анфиса Петровна, что я никого не оскорблю. Я и начну съ того, что Ѳома Ѳомичъ благороднѣйшій, честнѣйшій человѣкъ и, вдобавокъ, человѣкъ высшихъ качествъ, но... но онъ былъ несправедливъ ко мнѣ въ этомъ случаѣ.

— Гм! промычалъ Обноскинъ, какъ будто желая подразнить еще болѣе дядю.

— Павелъ Семенычъ, благороднѣйшій Павелъ Семенычъ! Неужели-жъ вы, въ самомъ дѣлѣ, думаете, что я, такъ сказать, безчувственный столбъ? Вѣдь я вижу, вѣдь я понимаю, со слезами сердца, можно сказать, понимаю, что всѣ эти недоразумѣнія отъ излишней любви *ею* ко мнѣ происходятъ. Но, воля ваша, онъ, ей-Богу, несправедливъ въ этомъ случаѣ. Я все разскажу. Я хочу разсказать теперь эту исторію, Анфиса Петровна, во всей ея ясности и подробности, чтобъ видѣли, съ чего дѣло вышло и справедливо-ли на меня сердится маменька, что я не угодилъ Ѳомѣ Ѳомичу. Выслушай и ты меня, Сережа, прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ, что̀ дѣлалъ и во все продолженіе разсказа, какъ будто бы боясь другихъ слушателей и сомнѣваясь въ ихъ сочувствіи,—выслушай и ты меня, и рѣши: правъ я, или нѣтъ. Вотъ видишь, вотъ съ чего началась вся исторія: недѣлю назадъ—да, именно не больше недѣли—проѣзжаетъ черезъ нашъ городъ бывшій начальникъ мой, генералъ Русапетовъ, съ супругою и свояченицею. Останавливаются на время. Я пораженъ. Спѣшу воспользоваться случаемъ, лечу, представляюсь и приглашаю къ себѣ на обѣдъ. Обѣщалъ, если можно будетъ. То-есть, благороднѣйшій человѣкъ, я тебѣ скажу; блеститъ добродѣтелями и, вдобавокъ, вельможа! Свояченицу свою облагодѣтельствовалъ; одну сироту замужъ выдалъ за дивнаго молодого человѣка (теперь стряпчимъ въ Малиновѣ; еще молодой человѣкъ, но съ какимъ-то, можно сказать, универсальнымъ образованіемъ!),—словомъ, изъ генераловъ генералъ! Ну, у насъ, конечно, возня, трескотня, повара, фрикасеи; музыку выписываю. Я, разумѣется, радъ и смотрю именинникомъ. Не понравилось Ѳомѣ Ѳомичу, что я радъ и смотрю именинникомъ! Си-

дѣлъ за столомъ—помню еще, подавали его любимый кисель со сливками—молчалъ-молчалъ, да какъ вскочитъ: „Обижаютъ меня, обижаютъ!“ —„Да чѣмъ же, говорю, тебя, Ома Омичъ, обижаютъ?“—„Вы теперь, говоритъ, мною пренебрегаете; вы генералами теперь занимаетесь, вамъ теперь генералы дороже меня!“ Ну, разумѣется, я теперь все это вкратцѣ тебѣ передаю, такъ сказать, одну только сущность; но если-бъ ты зналъ, что онъ еще говорилъ... словомъ, потрясъ всю мою душу! Что ты будешь дѣлать? Я, разумѣется, падаю духомъ: фрапировало меня это, можно сказать, хожу, какъ мокрый пѣтухъ. Наступаетъ торжественный день. Генералъ присылаетъ сказать, что не можетъ: извиняется,—значитъ, не будетъ. Я къ Омѣ: „Ну, Ома, успокойся! Не будетъ“. Что-жъ бы ты думалъ? Не прощаетъ, да и только! „Обидѣли, говоритъ, меня, да и только!“ Я и такъ и сякъ. „Нѣтъ, говоритъ, ступайте къ своимъ генераламъ; вамъ генералы дороже меня, вы узы дружества, говоритъ, разорвали“. Другъ ты мой! Вѣдь я понимаю, за что онъ сердится. Я не столбъ, не баранъ, не тупеядецъ какой-нибудь! Вѣдь это онъ изъ излишней любви ко мнѣ, такъ сказать, изъ ревности дѣлаетъ—онъ это самъ говоритъ—онъ ревнуетъ меня къ генералу, расположеніе мое боится потерять, испытываетъ меня, хочетъ узнать, чѣмъ я для него могу пожертвовать. „Нѣтъ, говоритъ, я самъ для васъ все равно, что генералъ, я самъ для васъ ваше превосходительство! Тогда помирюсь съ вами, когда вы мнѣ свое уваженіе докажете“.—„Чѣмъ же я тебѣ докажу мое уваженіе, Ома Омичъ?“—„А называйте, говоритъ, меня цѣлый день ваше превосходительство, тогда и докажете уваженіе“. Упадаю съ облаковъ! Можешь представить себѣ мое удивленіе! „Да послужитъ это, говоритъ, вамъ урокомъ, чтобъ вы не восхищались впередъ генералами, когда и другіе люди, можетъ, еще почище вашихъ всѣхъ генераловъ!“ Ну, тутъ ужъ и я не вытерпѣлъ, каюсь! Открыто каюсь! „Ома Омичъ, говорю, развѣ это возможное дѣло? Ну, могу-ли я рѣшиться на это? Развѣ я могу, развѣ я въ правѣ произвести тебя въ генералы? Подумай, кто производитъ въ генералы? Ну, какъ я скажу тебѣ: ваше превосходительство? Да вѣдь это, такъ сказать, посягновеніе на величіе судебъ! Да вѣдь генералъ служитъ украшеніемъ отечеству: генералъ воевалъ, онъ свою кровь на полѣ чести пролилъ! Какъ же я тебѣ-то скажу: ваше превосходитель-

ство?“ Не унимается, да и только! „Что хочешь, говорю, Ѳома, все для тебя сдѣлаю. Вотъ ты велѣлъ мнѣ сбрить бакенбарды, потому что въ нихъ мало патріотизма,—я сбрилъ, поморщился, а сбрилъ. Мало того, сдѣлаю все, что тебѣ будетъ угодно, только откажись отъ генеральскаго сана!“ „Нѣтъ, говоритъ, не помирюсь до тѣхъ поръ, пока не скажутъ: ваше превосходительство! Это, говоритъ, для нравственности вашей будетъ полезно: это смиритъ вашъ духъ!“ говоритъ. И вотъ теперь ужъ недѣлю, цѣлую недѣлю говорить не хочетъ со мной; на всѣхъ, кто ни прѣдетъ, сердится. Про тебя услыхалъ, что ученый—это я виноватъ: погорячился, разболталъ!—такъ сказалъ, что нога его въ домѣ не будетъ, если ты въ домъ войдешь. „Значитъ, говоритъ, ужъ я теперь для васъ не ученый“. Вотъ бѣда будетъ, какъ узнаетъ теперь про Коровкина! Ну, помилуй, ну, посуди, ну, чѣмъ же я тутъ виноватъ? Ну, неужели-жъ рѣшиться сказать ему: „ваше превосходительство?“ Ну, можно-ли жить въ такомъ положеніи? Ну, за что онъ сегодня бѣдняка Бахчеева изъ-за стола прогналъ? Ну, положимъ, Бахчеевъ не сочинилъ астрономіи; да вѣдь и я не сочинилъ астрономіи, да вѣдь и ты не сочинилъ астрономіи... Ну, за что, за что?

— А за то, что ты завистливъ, Егорушка, промямлила опять генеральша.

— Маменька! вскричалъ дядя, въ совершенномъ отчаяніи,—вы сведете меня съ ума!.. Вы не свои, вы чужія рѣчи переговариваете, маменька! Я, наконецъ, столбомъ, тумбой, фонаремъ дѣлаюсь, а не вашимъ сыномъ!

— Я слышалъ, дядюшка, перебилъ я, изумленный до послѣдней степени разсказомъ,—я слышалъ отъ Бахчеева—не знаю, впрочемъ, справедливо, иль нѣтъ—что Ѳома Ѳомичъ позавидовалъ именинамъ Илюши и утверждаетъ, что и самъ онъ завтра именинникъ. Признаюсь, эта характеристическая черта такъ меня изумила, что я...

— Рожденье, братецъ, рожденье, не именины, а рожденье! скороговоркою перебилъ меня дядя.—Онъ не такъ только выразился, а онъ правъ: завтра его рожденье. Правда, братъ, прежде всего...

— Совсѣмъ не рожденье! крикнула Сашенька.

— Какъ не рожденье! вскрикнулъ дядя, оторопѣвъ.

— Вовсе не рожденье, папочка! Это вы просто неправду говорите, чтобъ самого себя обмануть, да Ѳомѣ Ѳомичу угодить. А рожденье его въ мартѣ было,—еще, помните,

мы передъ этимъ на богомолье въ монастырь ѣздили, а онъ сидѣть никому не далъ покойно въ каретѣ: все кричалъ, что ему бокъ *раздавила* подушка, да щипался; тетушку, со злости, два раза ущипнулъ! А потомъ, когда въ рожденье мы пришли поздравлять, разсердился, зачѣмъ не было камелій въ нашемъ букетѣ. „Я, говоритъ, люблю камеліи, потому что у меня вкусъ высшаго общества, а вы для меня пожалѣли въ оранжереѣ нарвать". И цѣлый день кипулъ, да кусился, съ нами говорить не хотѣлъ...

Я думаю, если-бъ бомба упала среди комнаты, то это не такъ бы изумило и испугало всѣхъ, какъ это открытое возстаніе—и кого же?—дѣвочки, которой даже и говорить не позволялось громко въ бабушкиномъ присутствіи. Генеральша, нѣмая отъ изумленія и отъ бѣшенства, привстала, выпрямилась и смотрѣла на дерзкую внучку свою, не вѣря глазамъ. Дядя обмеръ отъ ужаса.

— Экую волю даютъ! Уморить хотятъ бабиньку-съ! крикнула Перепелицына.

— Саша, Саша, опомнись! Что съ тобой, Саша? кричалъ дядя, бросаясь то къ той, то къ другой, то къ генеральшѣ, то къ Сашенькѣ, чтобъ остановить ее.

— Не хочу молчать, папочка! закричала Саша, вдругъ вскочивъ со стула, топая ножками и сверкая глазенками,— не хочу молчать! Мы всѣ долго терпѣли изъ-за Ѳомы Ѳомича, изъ-за скверпаго, изъ-за гадкаго вашего Ѳомы Ѳомича! Потому что Ѳома Ѳомичъ всѣхъ насъ погубитъ, потому что ему то и дѣло толкуютъ, что онъ умница, великодушный, благородный, ученый, смѣсь всѣхъ добродѣтелей, попурри какое-то, а Ѳома Ѳомичъ, какъ дуракъ, всему и повѣрилъ! Столько сладкихъ блюдъ ему нанесли, что другому бы совѣстно стало, а Ѳома Ѳомичъ скушалъ все, что передъ нимъ ни поставили, да и еще проситъ. Вотъ вы увидите, всѣхъ насъ съѣстъ, а виноватъ всему папочка! Гадкій, гадкій Ѳома Ѳомичъ, прямо скажу, никого не боюсь! Онъ глупъ, капризенъ, замарашка, неблагородный, жестокосердый, тиранъ, сплетникъ, лгунишка... Ахъ, я бы непремѣнно, непремѣнно, сейчасъ же прогнала его со двора, а папочка его обожаетъ, а папочка отъ него безъ ума!

— Ахъ!.. вскрикнула генеральша и покатилась въ изнеможеніи на диванъ.

— Голубчикъ мой, Агаѳья Тимоѳеевна, ангелъ мой! кричала Анфиса Петровна,—возьмите мой флаконъ! Воды, скорѣе воды!

— Воды, воды! кричалъ дядя,—маменька, маменька, успокойтесь! На колѣняхъ умоляю васъ успокоиться!..

— На хлѣбъ-на-воду васъ посадить-съ, да изъ темной комнаты не выпускать-съ... Человѣкоубійцы вы этакія! прошипѣла на Сашеньку дрожавшая отъ злости Перепелицына.

— И сяду на хлѣбъ-на-воду, ничего не боюсь! кричала Сашенька, въ свою очередь пришедшая въ какое-то самозабвеніе.—Я папочку защищаю, потому что онъ самъ себя защитить не умѣетъ. Кто онъ такой, кто онъ, вашъ Ѳома Ѳомичъ, передъ папочкою? У папочки хлѣбъ ѣстъ, да папочку же и унижаетъ, неблагодарный! Да я-бъ его разорвала къ куски, вашего Ѳому Ѳомича! На дуэль бы его вызвала, да тутъ бы и убила изъ двухъ пистолетовъ...

— Саша, Саша! кричалъ въ отчаяніи дядя.—Еще одно слово—и я погибъ, безвозвратно погибъ!

— Папочка! вскричала Саша, вдругъ стремительно бросаясь къ отцу, заливаясь слезами и крѣпко обвивъ его своими ручками,—папочка! Ну вамъ-ли, доброму, прекрасному, веселому, умному, вамъ-ли, вамъ-ли такъ себя погубить? Вамъ-ли подчиняться этому скверному, неблагодарному человѣку, быть его игрушкой, на смѣхъ себя выставлять? Папочка, золотой мой папочка!..

Она зарыдала, закрыла лицо руками и выбѣжала изъ комнаты.

Началась страшная суматоха. Генеральша лежала въ обморокѣ. Дядя стоялъ передъ ней на колѣняхъ и цѣловалъ ея руки. Дѣвица Перепелицына увивалась около нихъ и бросала на насъ злобные, но торжествующіе взгляды. Анфиса Петровна смачивала виски генеральши водою и возилась съ своимъ флакономъ. Прасковья Ильинична трепетала и заливалась слезами; Ежевикинъ искалъ уголка, куда бы затаиться, а гувернантка стояла блѣдная, совершенно потерявшись отъ страха. Одинъ только Мизинчиковъ оставался совершенно попрежнему. Онъ всталъ, подошелъ къ окну и принялся пристально смотрѣть въ него, рѣшительно не обращая вниманія на эту сцену.

Вдругъ генеральша приподнялась съ дивана, выпрямилась и обмѣрила меня грознымъ взглядомъ.

— Вонъ! крикнула она, притопнувъ на меня ногою.

Я долженъ признаться, что этого совершенно не ожидалъ.

— Вонъ! Вонъ изъ дому; вонъ! Зачѣмъ онъ пріѣхалъ? Чтобъ и духу его не было! Вонъ!

— Маменька! Маменька, что вы! Да вѣдь это Сережа, бормоталъ дядя, дрожа всѣмъ тѣломъ отъ страха.—Вѣдь онъ, маменька, къ намъ въ гости пріѣхалъ.

— Какой Сережа? Вздоръ! Не хочу ничего слышать: вонъ! Это Коровкинъ. Я увѣрена, что это Коровкинъ. Меня предчувствіе не обманываетъ. Онъ пріѣхалъ Ому Омича выживать: его и выписали для этого. Мое сердце предчувствуетъ... Вонъ, негодяи!

— Дядюшка, если такъ, сказалъ я, захлебываясь отъ благороднаго негодованія,—если такъ, то я... извините меня... И я схватился за шляпу.

— Сергѣй, Сергѣй, что ты дѣлаешь?.. Ну, вотъ теперь этотъ... Маменька! Вѣдь это Сережа!.. Сергѣй, помилуй! кричалъ онъ, гоняясь за мной и силясь отнять у меня шляпу,—ты мой гость, ты останешься, я хочу! Вѣдь это она только такъ, прибавилъ онъ шопотомъ,—вѣдь это она только когда разсердится... Ты только теперь, первое время, спрячься куда-нибудь... побудь гдѣ-нибудь—и ничего, все пройдетъ. Она тебя проститъ,—увѣряю тебя! Она добрая, а только такъ, заговаривается... Слышишь, она принимаетъ тебя за Коровкина, а потомъ проститъ, увѣряю тебя... Ты чего! закричалъ онъ дрожавшему отъ страха Гаврилѣ, вошедшему въ комнату.

Гаврила вошелъ не одинъ: съ нимъ былъ дворовый парень, мальчикъ лѣтъ шестнадцати, прехорошенькій собой, взятый во дворъ за красоту, какъ узналъ я послѣ. Звали его Ѳалалеемъ. Онъ былъ одѣтъ въ какой-то особенный костюмъ, въ красной шелковой рубашкѣ, обшитой по вороту позументомъ, съ золотымъ галуннымъ поясомъ, въ черныхъ плисовыхъ шароварахъ и въ козловыхъ сапожкахъ съ красными отворотами. Этотъ костюмъ былъ затѣй самой генеральши. Мальчикъ прегорько рыдалъ, и слезы, одна за другой, катились изъ большихъ, голубыхъ глазъ его.

— Это еще что! вскричалъ дядя.—Что случилось? Да говори же, разбойникъ!

— Ѳома Ѳомичъ велѣлъ быть сюда; сами во слѣдъ идутъ, отвѣчалъ скорбный Гаврила.—Мнѣ на экзаменъ, а онъ...

— А онъ?

— Плясалъ-съ, отвѣчалъ Гаврила плачевнымъ голосомъ.

— Плясалъ! вскрикнулъ въ ужасѣ дядя.

Пля-салъ! проревѣлъ Ѳалалей, всхлипывая.

— Комаринскаго?

— Ко-ма-ринскаго!

— А Ѳома Ѳомичъ засталъ?

— Зас-талъ!

— Дорѣзали! вскрикнулъ дядя,—пропала моя голова! и обѣими руками схватилъ себя за голову.

— Ѳома Ѳомичъ! возвѣстилъ Видоплясовъ, входя въ комнату.

Дверь отворилась, и Ѳома Ѳомичъ, самъ своею собственною особою, предсталъ передъ озадаченной публикой.

VI.

Про бѣлаго быка и про комаринскаго мужика.

Но прежде чѣмъ я буду имѣть честь лично представить читателю вошедшаго Ѳому Ѳомича, я считаю совершенно необходимымъ сказать нѣсколько словъ о Ѳалалеѣ и объяснить, что̀ именно было ужаснаго въ томъ, что онъ плясалъ комаринскаго, а Ѳома Ѳомичъ засталъ его въ этомъ веселомъ занятіи. Ѳалалей былъ дворовый мальчикъ, сирота съ колыбели и крестникъ покойной жены моего дяди. Дядя его очень любилъ. Одного этого совершенно достаточно было, чтобъ Ѳома Ѳомичъ, переселясь въ Степанчиково и покоривъ себѣ дядю, возненавидѣлъ любимца его, Ѳалалея. Но мальчикъ какъ-то особенно понравился генеральшѣ и, несмотря на гнѣвъ Ѳомы Ѳомича, остался вверху при господахъ: настояла въ этомъ сама генеральша, и Ѳома уступилъ, сохраняя въ сердцѣ своемъ обиду—онъ все считалъ за обиду—и отмщая за нее ни въ чемъ невиноватому дядѣ при каждомъ удобномъ случаѣ. Ѳалалей былъ удивительно хорошъ собой. У него было лицо дѣвичье, лицо красавицы деревенской дѣвушки. Генеральша холила и нѣжила его, дорожила имъ, какъ хорошенькой, рѣдкой игрушкой, и еще неизвѣстно, кого она больше любила: свою-ли маленькую, курчавенькую собачку Ами, или Ѳалалея? Мы уже говорили объ его костюмѣ, который былъ ея изобрѣтеніемъ. Барышни выдавали ему помаду, а парикмахеръ Кузьма обязанъ былъ завивать ему по праздникамъ волосы. Этотъ мальчикъ былъ какое-то странное созданіе. Нельзя было назвать его совершеннымъ идіотомъ или юродивымъ, но онъ былъ до того наивенъ, до того правдивъ и простодушенъ, что иногда дѣйствительно его можно было счесть дурачкомъ. Приснится-ли ему сонъ—онъ тотчасъ же идетъ къ господамъ разсказывать. Онъ вмѣшивается въ разговоръ господъ, не заботясь

о томъ, что ихъ прерываетъ. Онъ разсказываетъ имъ такія вещи, которыя никакъ нельзя разсказывать господамъ. Онъ заливается самыми искренними слезами, когда барыня падаетъ въ обморокъ, или когда ужъ слишкомъ забранятъ его барина. Онъ сочувствуетъ всякому несчастью. Иногда подходитъ къ генеральшѣ, цѣлуетъ ея руки и проситъ, чтобъ она не сердилась—и генеральша великодушно прощаетъ ему эти смѣлости. Онъ чувствителенъ до крайности, добръ и незлобивъ, какъ барашекъ, веселъ, какъ счастливый ребенокъ. Со стола ему подаютъ подачку.

Онъ постоянно становится за стуломъ генеральши и ужасно любитъ сахаръ. Когда ему дадутъ сахарцу, онъ тутъ же сгрызаетъ его своими крѣпкими, бѣлыми, какъ молоко, зубами и неописанное удовольствіе сверкаетъ въ его веселыхъ, голубыхъ глазкахъ и на всемъ его хорошенькомъ личикѣ.

Долго гнѣвался Ома Омичъ; но, разсудивъ, наконецъ, что гнѣвомъ не возьмешь, онъ вдругъ рѣшился быть благодѣтелемъ Ѳалалею. Разбранивъ сперва дядю за то, что ему нѣтъ дѣла до образованія дворовыхъ людей, онъ рѣшилъ немедленно обучать бѣднаго мальчика нравственности, хорошимъ манерамъ и французскому языку. „Какъ!“ говорилъ онъ, защищая свою нелѣпую мысль (мысль, приходившую въ голову и не одному Омѣ Омичу, чему свидѣтелемъ пишущій эти строки),—„какъ! онъ всегда вверху при своей госпожѣ: вдругъ она, забывъ, что онъ не понимаетъ по-французски, скажетъ ему, напримѣръ, донне муа́ мон-мушуарь—онъ долженъ и тутъ найтись, и тутъ услужить!“ Но оказалось, что не только нельзя было Ѳалалея выучить по-французски, но что поваръ Андронъ, его дядя, безкорыстно старавшійся научить его русской грамотѣ, давно уже махнулъ рукой и сложилъ азбуку на полку. Ѳалалей былъ до того тупъ на книжное обученіе, что не понималъ рѣшительно ничего. Мало того: изъ этого даже вышла исторія. Дворовые стали дразнить Ѳалалея французомъ, а старикъ Гаврила, заслуженный камердинеръ дядюшки, открыто осмѣлился отрицать пользу изученія французской грамоты. Дошло до Омы Омича и, разгнѣвавшись, онъ, въ наказаніе, заставилъ учиться по-французски самого оппонента, Гаврилу. Вотъ съ чего и взялась вся эта исторія о французскомъ языкѣ, такъ разсердившая г. Бахчеева. Насчетъ манеръ было еще хуже:

Ѳома рѣшительно не могъ образовать по-своему Ѳалалея, который, несмотря на запрещеніе, приходилъ по утрамъ разсказывать ему свои сны, что̀ Ѳома Ѳомичъ, съ своей стороны, находилъ въ высшей степени неприличнымъ и фамильярнымъ. Но Ѳалалей упорно оставался Ѳалалеемъ. Разумѣется, за все это прежде всѣхъ доставалось дядѣ.

— Знаете-ли, знаете-ли, что̀ онъ сегодня сдѣлалъ? кричитъ, бывало, Ѳома, для бо́льшаго эффекта выбравъ время, когда всѣ въ сборѣ.—Знаете-ли, полковникъ, до чего доходитъ ваше систематическое баловство? Сегодня онъ сожралъ кусокъ пирога, который вы ему дали за столомъ, и, знаете-ли, что̀ онъ сказалъ послѣ этого? Поди сюда, поди сюда, нелѣпая душа, поди сюда, идіотъ, румяная ты рожа!..

Ѳалалей подходитъ, плача, утирая обѣими руками глаза.

— Что̀ ты сказалъ, когда сожралъ свой пирогъ? Повтори при всѣхъ!

Ѳалалей не отвѣчаетъ и заливается горькими слезами.

— Такъ я скажу за тебя, коли такъ. Ты сказалъ, треснувъ себя по своему набитому и неприличному брюху: „натрескался пирога, какъ Мартынъ мыла!“ Помилуйте, полковникъ, развѣ говорятъ такими фразами въ образованномъ обществѣ, тѣмъ болѣе въ высшемъ? Сказалъ ты это, иль нѣтъ? Говори!

— Ска-залъ!.. подтверждаетъ Ѳалалей, всхлипывая.

— Ну, такъ скажи мнѣ теперь: развѣ Мартынъ ѣстъ мыло? Гдѣ именно ты видѣлъ такого Мартына, который ѣстъ мыло? Говори же, дай мнѣ понятіе объ этомъ феноменальномъ Мартынѣ!

Молчаніе.

— Я тебя спрашиваю, пристаетъ Ѳома,—кто именно этотъ Мартынъ? Я хочу его видѣть, хочу съ нимъ познакомиться. Ну, кто же онъ? Регистраторъ, астрономъ, пошехонецъ, поэтъ, капитенармусъ, дворовый человѣкъ—кто-нибудь долженъ же быть. Отвѣчай!

— Дво-ро-вый че-ло-вѣкъ, отвѣчаетъ, наконецъ, Ѳалалей, продолжая плакать.

— Чей? Чьихъ господъ?

Но Ѳалалей не умѣетъ сказать чьихъ господъ. Разумѣется, кончается тѣмъ, что Ѳома, въ-сердцахъ, убѣгаетъ изъ комнаты и кричитъ, что его обидѣли; съ генеральшей начинаются припадки, а дядя клянетъ часъ своего рожденія, проситъ у всѣхъ прощенія и всю остальную

часть дня ходитъ на цыпочкахъ въ своихъ собственныхъ комнатахъ.

Какъ нарочно, случилось такъ, что на другой же день, послѣ исторіи съ мартыновымъ мыломъ, Оалалей, принеся утромъ чай Оомѣ Оомичу и совершенно успѣвъ забыть и Мартына, и все вчерашнее горе, сообщилъ ему, что видѣлъ сонъ про бѣлаго быка. Этого еще недоставало! Оома Оомичъ пришелъ въ неописанное негодованіе, немедленно призвалъ дядю и началъ распекать его за неприличіе сна, видѣннаго *со* Оалалеемъ. Въ этотъ разъ были приняты строгія мѣры: Оалалей былъ наказанъ: онъ стоялъ въ углу на колѣняхъ. На-строго запретили ему видѣть такіе грубые, мужицкіе сны. „Я за что сержусь, говорилъ Оома,—кромѣ того, что онъ, по-настоящему, не долженъ бы смѣть и подумать лѣзть ко мнѣ съ своими снами, тѣмъ болѣе съ бѣлымъ быкомъ; кромѣ этого—согласитесь сами, полковникъ—что такое бѣлый быкъ, какъ не доказательство грубости, невѣжества, мужичества вашего неотесаннаго Оалалея? Каковы мысли, таковы и сны. Развѣ не говорилъ я заранѣе, что изъ него ничего не выйдетъ, и что не слѣдовало оставлять его вверху, при господахъ? Никогда, никогда не разовьете вы эту безсмысленную простонародную душу во что-нибудь возвышенное, поэтическое. Развѣ ты не можешь, продолжалъ онъ, обращаясь къ Оалалею, — развѣ ты не можешь видѣть во снѣ что-нибудь изящное, нѣжное, облагороженное, какую-нибудь сцену изъ хорошаго общества, напримѣръ, хоть господъ, играющихъ въ карты, или дамъ, прогуливающихся въ прекрасномъ саду?" Оалалей обѣщалъ непремѣнно увидать въ слѣдующую ночь господъ или дамъ, гуляющихъ въ прекрасномъ саду.

Ложась спать, Оалалей со слезами молилъ объ этомъ Бога и долго думалъ, какъ бы сдѣлать такъ, чтобъ не видѣть проклятаго бѣлаго быка? Но надежды человѣческія обманчивы. Проснувшись на другое утро, онъ съ ужасомъ вспомнилъ, что опять всю ночь ему снилось про ненавистнаго бѣлаго быка и не приснилось ни одной дамы, гуляющей въ прекрасномъ саду. Въ этотъ разъ послѣдствія были особенныя. Оома Оомичъ объявилъ рѣшительно, что не вѣритъ возможности подобнаго случая, возможности подобнаго повторенія сна, а что Оалалеи нарочно подученъ кѣмъ-нибудь изъ домашнихъ, а, можетъ-быть, и самимъ полковникомъ, чтобъ сдѣлать въ пику

Ѳомѣ Ѳомичу. Много было крику, упрековъ и слезъ. Генеральша къ вечеру захворала; весь домъ повѣсилъ носъ. Оставалась еще слабая надежда, что Ѳалалей въ слѣдующую, то-есть въ третью ночь, непремѣнно увидитъ что-нибудь изъ высшаго общества. Каково же было всеобщее негодованіе, когда цѣлую недѣлю сряду, каждую Божію ночь, Ѳалалей постоянно видѣлъ бѣлаго быка, и одного только бѣлаго быка! О высшемъ обществѣ нечего было и думать.

Но всего интереснѣе было то, что Ѳалалей никакъ не могъ догадаться солгать, просто сказать, что видѣлъ не бѣлаго быка, а хоть, напримѣръ, карету, наполненную дамами и Ѳомой Ѳомичемъ; тѣмъ болѣе, что солгать, въ такомъ крайнемъ случаѣ, было даже не такъ и грѣшно. Но Ѳалалей былъ до того правдивъ, что рѣшительно не умѣлъ солгать, если-бъ даже и захотѣлъ. Объ этомъ даже и не намекали ему. Всѣ знали, что онъ измѣнитъ себѣ въ первое же мгновеніе, и что Ѳома Ѳомичъ тотчасъ же поймаетъ его во лжи. Что было дѣлать? Положеніе дяди становилось невыносимымъ. Ѳалалей былъ рѣшительно неисправимъ. Бѣдный мальчикъ даже сталъ худѣть отъ тоски. Ключница Маланья утверждала, что его испортили, и спрыснула его съ уголька водою. Въ этой полезной операціи участвовала и сердобольная Прасковья Ильинична. Но даже и это не помогло. Ничего не помогало!

— Да пусто-бъ его взяло, треклятаго! разсказывалъ Ѳалалей,—каждую ночь снится! Каждый разъ съ вечера молюсь: „сонъ не снись про бѣлаго быка, сонъ не снись про бѣлаго быка!“ А онъ тутъ — какъ тутъ, проклятый, стоитъ передо мной, большой, съ рогами, тупогубый такой, у-у-у!

Дядя былъ въ отчаяніи. Но, къ счастью, Ѳома Ѳомичъ вдругъ какъ будто забылъ про бѣлаго быка. Конечно, никто не вѣрилъ, что Ѳома Ѳомичъ можетъ забыть о такомъ важномъ обстоятельствѣ. Всѣ со страхомъ полагали, что онъ прибережетъ бѣлаго быка про запасъ и обнаружитъ его при первомъ удобномъ случаѣ. Впослѣдствіи оказалось, что Ѳомѣ Ѳомичу въ это время было не до бѣлаго быка: у него случились другія дѣла, другія заботы; другіе замыслы созрѣвали въ полезной и многодумной его головѣ. Вотъ почему онъ и далъ спокойно вздохнуть Ѳалалею. Вмѣстѣ съ Ѳалалеемъ и всѣ отдохнули. Парень повеселѣлъ, даже сталъ забывать о про-

шешемъ; даже бѣлый быкъ началъ появляться рѣдко и рѣдко, хотя все еще напоминалъ иногда о своемъ фантастическомъ существованіи. Словомъ, все бы пошло хорошо, если-бъ не было на свѣтѣ комаринскаго.

Надобно замѣтить, что Ольгій отлично плясалъ; это была его главная способность, даже нѣчто въ родѣ призванія: онъ плясалъ съ энергіей, съ неистощимой веселостью, но особенно любилъ онъ комаринскаго мужика. Не то, чтобъ ему ужъ такъ очень нравились легкомысленные и, во всякомъ случаѣ, необъяснимые поступки этого вѣтренаго мужика — нѣтъ, ему нравилось плясать комаринскаго единственно потому, что слушать комаринскаго и не плясать подъ его музыку было для него рѣшительно невозможно. Иногда, по вечерамъ, два-три лакея, кучера, садовникъ, игравшій на скрипкѣ, и даже нѣсколько дворовыхъ дамъ собирались въ кружокъ, гдѣ-нибудь на самой задней площадкѣ барской усадьбы, подальше отъ Ѳомы Ѳомича; начинались музыка, танцы и, подъ конецъ, торжественно вступалъ въ свои права и комаринскій. Оркестръ составляли двѣ балалайки, гитара, скрипка и бубенъ, съ которымъ отлично управлялся форейторъ Митюшка. Надо было посмотрѣть, что дѣлалось тогда съ Ольгіемъ: онъ плясалъ до забвенія самого себя, до истощенія послѣднихъ силъ, поощряемый криками и смѣхомъ публики: онъ взвизгивалъ, кричалъ, хохоталъ, хлопалъ въ ладоши: онъ плясалъ, какъ будто увлекаемый посторонней, непостижимой силой, съ которой не могъ совладать, и упрямо силился догнать все болѣе и болѣе учащаемый темпъ удалого мотива, барабанилъ по землѣ каблуками. Это были минуты истиннаго его наслажденія; и все бы это шло хорошо и весело, если-бъ слухъ о комаринскомъ не достигъ, наконецъ, Ѳомы Ѳомича.

Ѳома Ѳомичъ обмеръ и тотчасъ же послалъ за полковникомъ.

— Я хотѣлъ отъ васъ только объ одномъ узнать, полковникъ, началъ Ѳома, — совершенно-ли вы поклялись погубить этого несчастнаго идіота, или не совершенно? Въ первомъ случаѣ я тотчасъ же отстраняюсь; если же не совершенно, то я...

— Да что такое? Что случилось? вскричалъ испуганный дядя.

— Какъ, что случилось? Да знаете-ли вы, что онъ пляшетъ комаринскаго?

— Ну... ну, что-жъ?

— Какъ, ну, что-жъ! взвизгнулъ Ѳома.—И говорите это вы—вы, ихъ баринъ, и даже, въ нѣкоторомъ смыслѣ, отецъ! Да имѣете-ли вы, послѣ этого, здравое понятіе о томъ, что̀ такое комаринскій? Знаете-ли вы, что эта пѣсня изображаетъ одного отвратительнаго мужика, покусившагося на самый безнравственный поступокъ въ пьяномъ видѣ? Знаете-ли, на что̀ посягнулъ этотъ развратный холопъ? Онъ попралъ самыя драгоцѣнныя узы и, такъ сказать, притопталъ ихъ своими мужичьими сапожищами, привыкшими попирать только полъ кабака? Да понимаете-ли, что вы оскорбили благонравнѣйшія чувства мои своимъ отвѣтомъ? Понимаете-ли, что вы лично оскорбили меня своимъ отвѣтомъ? Понимаете-ли вы это, иль нѣтъ?

— Но, Ѳома... Да вѣдь это только пѣсня, Ѳома...

— Какъ, только пѣсня! И вы не постыдились мнѣ признаться, что знаете эту пѣсню—вы, членъ благороднаго общества, отецъ благородныхъ и невинныхъ дѣтей и, вдобавокъ, полковникъ! Только пѣсня! Но я увѣренъ, что эта пѣсня взята съ истиннаго событія! Только пѣсня! Но какой же порядочный человѣкъ можетъ, не сгорѣвъ отъ стыда, признаться, что знаетъ эту пѣсню, что слышалъ хоть когда-нибудь эту пѣсню? Какой, какой?

— Ну, да вотъ ты же знаешь, Ѳома, коли спрашиваешь, отвѣчалъ, въ простотѣ души, сконфуженный дядя.

— Какъ! Я знаю?.. Я... я... то-есть! Обидѣли! вскричалъ вдругъ Ѳома, срываясь со стула и захлебываясь отъ злости.

Онъ никакъ не ожидалъ такого оглушительнаго отвѣта.

Не стану описывать гнѣвъ Ѳомы Ѳомича. Полковникъ съ безславіемъ прогнанъ былъ съ глазъ блюстителя нравственности за неприличіе и *ненаходчивость* своего отвѣта. Но съ этихъ поръ Ѳома Ѳомичъ далъ себѣ клятву поймать на мѣстѣ преступленія Ѳалалея, танцующаго комаринскаго. По вечерамъ, когда всѣ полагали, что онъ чѣмъ-нибудь занятъ, онъ нарочно выходилъ потихоньку въ садъ, обходилъ огороды и забивался въ коноплю, откуда издали видна была площадка, на которой происходили танцы. Онъ сторожилъ бѣднаго Ѳалалея, какъ охотникъ птичку, съ наслажденіемъ представляя себѣ, какой трезвонъ задастъ онъ, въ случаѣ успѣха, всему дому и въ особенности полковнику. Наконецъ, неусыпные труды его увѣнчались успѣхомъ: онъ засталъ кома-

рискаго! Понятно послѣ этого, отчего дядя рвалъ на себѣ волосы, когда увидѣлъ плачущаго Фалалея и услышалъ, что Видоплясовъ возвѣстилъ Ому Омича, такъ неожиданно и въ такую хлопотливую минуту представшаго передъ нами своею собственною особою.

VII.

Ѳома Ѳомичъ.

Я съ напряженнымъ любопытствомъ разсматривалъ этого господина. Гаврила справедливо назвалъ его плюгавенькимъ человѣчкомъ. Ѳома былъ малъ ростомъ, бѣлобрысый и съ просѣдью, съ горбатымъ носомъ и съ мелкими морщинками по всему лицу. На подбородкѣ его была большая бородавка. Лѣтъ ему было подъ пятьдесятъ. Онъ вошелъ тихо, мѣрными шагами, опустивъ глаза внизъ. Но самая нахальная самоувѣренность изображалась въ его лицѣ и во всей его педантской фигуркѣ. Къ удивленію моему, онъ явился въ шлафрокѣ, правда, иностраннаго покроя, но все-таки шлафрокѣ, и, вдобавокъ, въ туфляхъ. Воротничокъ его рубашки, не подвязанный галстукомъ, былъ отложенъ à l'enfant; это придавало Ѳомѣ Ѳомичу чрезвычайно глупый видъ. Онъ подошелъ къ незанятому креслу, придвинулъ его къ столу и сѣлъ, не сказавъ никому ни слова. Мгновенно исчезли вся суматоха, все волненіе, бывшія за минуту назадъ. Все притихло такъ, что можно было разслышать пролетѣвшую муху. Генеральша присмирѣла, какъ агнецъ. Все подобострастіе этой бѣдной идіотки передъ Ѳомой Ѳомичемъ выступило теперь наружу. Она не наглядѣлась на свое нѣщечко, впилась въ него глазами. Дѣвица Перепелицына, осклабляясь, потирала свои ручки, а бѣдная Прасковья Ильинична замѣтно дрожала отъ страха. Дядя немедленно захлопоталъ.

— Чаю, чаю, сестрица! Послаще только, сестрица; Ѳома Ѳомичъ послѣ сна любитъ чай послаще. —Вѣдь тебѣ послаще, Ѳома?

— Не до чаю мнѣ вашего теперь! проговорилъ Ѳома медленно и съ достоинствомъ, съ озабоченнымъ видомъ махнувъ рукой.—Вамъ бы все, что послаще!

Эти слова и смѣшной до-нельзя, по своей педантской важности, выходъ Ѳомы чрезвычайно заинтересовали меня. Мнѣ любопытно было узнать, до чего, до какого забвенія приличій дойдетъ, наконецъ, наглость этого зазнавшагося господчика.

— Ѳома! крикнулъ дядя. — Рекомендую: племянникъ мой, Сергѣй Александровичъ! Сейчасъ пріѣхалъ.

Ѳома Ѳомичъ обмѣрилъ его съ ногъ до головы.

— Удивляюсь я, что вы всегда какъ-то систематически любите перебивать меня, полковникъ, проговорилъ онъ послѣ значительнаго молчанія, не обративъ на меня ни малѣйшаго вниманія.—Вамъ о дѣлѣ говорятъ, а вы—Богъ знаетъ о чемъ... *трактуете*... Видѣли вы Ѳалалея?

— Видѣлъ, Ѳома...

— А, видѣли! Ну, такъ я вамъ его опять покажу, коли видѣли. Можете полюбоваться на ваше произведеніе... въ нравственномъ смыслѣ. Поди сюда, идіотъ! Поди сюда, голландская ты рожа! Ну же, иди, иди! Не бойся!

Ѳалалей подошелъ, всхлипывая, раскрывъ ротъ и глотая слезы. Ѳома Ѳомичъ смотрѣлъ на него съ наслажденіемъ.

— Съ намѣреніемъ назвалъ я его голландской рожей, Павелъ Семенычъ, замѣтилъ онъ, развалясь въ креслѣ и слегка поворотясь къ сидѣвшему рядомъ Обноскину.—Да и вообще, знаете, не нахожу нужнымъ смягчать свои выраженія ни въ какомъ случаѣ. Правда должна быть правдой. А чѣмъ ни прикрывайте грязь, она все-таки останется грязью. Что-жъ и трудиться смягчать? Себя и людей обманывать! Только въ глупой свѣтской башкѣ могла зародиться потребность такихъ безсмысленныхъ приличій. Скажите,—беру васъ судьей,—находите вы въ этой рожѣ прекрасное? Я разумѣю высокое, прекрасное, возвышенное, а не какую-нибудь красную харю?

Ѳома Ѳомичъ говорилъ тихо, мѣрно и съ какимъ-то величавымъ равнодушіемъ.

— Въ немъ прекрасное? отвѣчалъ Обноскинъ съ какою-то нахальною небрежностью.—Мнѣ кажется, это просто порядочный кусокъ ростбифа—и ничего больше...

— Подхожу сегодня къ зеркалу и смотрюсь въ него, продолжалъ Ѳома, торжественно пропуская мѣстоименіе *я*. — Далеко не считаю себя красавцемъ, но поневолѣ пришелъ къ заключенію, что есть же что-нибудь въ этомъ сѣромъ глазѣ, что отличаетъ меня отъ какого-нибудь Ѳалалея. Это мысль, это жизнь, это умъ въ этомъ глазѣ! Не хвалюсь именно собой. Говорю вообще о нашемъ сословіи. Теперь, какъ вы думаете: можетъ-ли быть хоть какой-нибудь клочокъ, хоть какой-нибудь отрывокъ души въ этомъ жиломъ бифштексѣ? Нѣтъ, въ самомъ

дѣлѣ, замѣтьте, Павелъ Семенычъ, какъ у этихъ людей, совершенно лишенныхъ мысли и идеала, и близкихъ къ говядинѣ, какъ у нихъ всегда старательно свѣлъ цвѣтъ лица, грубо и глупо свѣжъ! Утолно какъ узнать степень его мышленія? Эй, ты, статья! Подойди же поближе, дай на себя полюбоваться! Что ты ротъ разинулъ? Кита, что-ли, проглотить хочешь? Ты прекрасенъ? Отвѣчай: ты прекрасенъ?

— Прек-ра-сенъ! отвѣчалъ Ѳалалей, съ заглушенными рыданіями.

Обноскинъ покатился со смѣху. Я чувствовалъ, что начинаю дрожать отъ злости.

— Вы слышали? продолжалъ Ѳома, съ торжествомъ обращаясь къ Обноскину.—То-ли еще услышите! Я пришелъ ему сдѣлать экзаменъ. Есть, видите-ли, Павелъ Семенычъ, люди, которымъ желательно развратить и погубить этого жалкаго идіота. Можетъ-быть, я строго сужу, ошибаюсь; но я говорю изъ любви къ человѣчеству. Онъ плясалъ сейчасъ самый неприличный изъ танцевъ. Никому здѣсь до этого нѣтъ и дѣла. Но, вотъ сами послушайте... Отвѣчай: что ты дѣлалъ сейчасъ? Отвѣчай же, отвѣчай немедленно—слышишь?

— Пля-салъ... проговорилъ Ѳалалей, усиливая рыданія.

— Что же ты плясалъ? Какой танецъ? Говори же!

— Комаринскаго...

— Комаринскаго! А кто этотъ комаринскій? Что такое комаринскій? Развѣ я могу понять что-нибудь изъ этого отвѣта? Ну же, дай намъ понятіе: кто такой твой комаринскій?

— Му-жикъ...

— Мужикъ! Только мужикъ? Удивляюсь! Значитъ, замѣчательный мужикъ! Значитъ, это какой-нибудь знаменитый мужикъ, если о немъ уже сочиняются поэмы и танцы? Ну, отвѣчай же!

Тянуть жилы—была потребность Ѳомы. Онъ заигрывалъ съ своей жертвой, какъ кошка съ мышкой: но Ѳалалей молчитъ, хнычетъ и не понимаетъ вопроса.

— Отвѣчай же! настаиваетъ Ѳома,—тебя спрашиваютъ: какой это мужикъ? Говори же!.. Господскій-ли, казенный-ли, вольный, обязанный, экономическій? Много есть мужиковъ...

— Э-ко-но-ми-ческій...

— А, экономическій! Слышите, Павелъ Семенычъ? Но-

вый историческій фактъ: комаринскій мужикъ — экономическій. Гм!.. Ну, что же сдѣлалъ этотъ экономическій мужикъ? За какіе подвиги его такъ воспѣваютъ и... выплясываютъ?

Вопросъ былъ щекотливый, а такъ какъ относился къ Ѳалалею, то и опасный.

— Ну... вы... однакожъ... замѣтилъ было Обноскинъ, взглянувъ на свою маменьку, которая начинала какъ-то особенно повертываться на диванѣ.

Но что́ было дѣлать? Капризы Ѳомы Ѳомича считались закономъ.

— Помилуйте, дядюшка, если вы не уймете этого дурака, вѣдь онъ... слышите, до чего онъ добирается — Ѳалалей что-нибудь совретъ, увѣряю васъ... шепнулъ я дядѣ, который потерялся и не зналъ на что́ рѣшиться.

— Ты бы, однакожъ, Ѳома... началъ онъ,— вотъ я рекомендую тебѣ, Ѳома, мой племянникъ, молодой человѣкъ, занимался минералогіей...

— Я васъ прошу, полковникъ, не перебивайте меня съ вашей минералогіей, въ которой вы, сколько мнѣ извѣстно, ничего не знаете, а, можетъ-быть, и *другіе* тоже. Я не ребенокъ. Онъ отвѣтитъ мнѣ, что этотъ мужикъ, вмѣсто того, чтобы трудиться для блага своего семейства, напился пьянъ, пропилъ въ кабакѣ полушубокъ и пьяный побѣжалъ по улицѣ. Въ этомъ, какъ извѣстно, и состоитъ содержаніе всей этой поэмы, восхваляющей пьянство. Не безпокойтесь, онъ *теперь* знаетъ, что́ ему отвѣчать.—Ну, отвѣчай же: что́ сдѣлалъ этотъ мужикъ? Вѣдь я тебѣ подсказалъ, въ ротъ положилъ. Я именно отъ самого тебя хочу слышать: что́ онъ сдѣлалъ, чѣмъ прославился, чѣмъ заслужилъ такую безсмертную славу, что его уже воспѣваютъ трубадуры? Ну?

Несчастный Ѳалалей, въ тоскѣ, озирался кругомъ и, въ недоумѣніи, что́ сказать, открывалъ и закрывалъ ротъ, какъ карась, вытащенный изъ воды на песокъ.

— Стыдно ска-зать! промычалъ онъ, наконецъ, въ совершенномъ отчаяніи.

— А! Стыдно сказать! промычалъ Ѳома, торжествуя.— Вотъ этого-то отвѣта я и добивался, полковникъ! Стыдно сказать, а не стыдно дѣлать? Вотъ нравственность, которую вы посѣяли, которая взошла и которую вы теперь... поливаете. Но нечего терять слова! Ступай теперь на кухню, Ѳалалей. Теперь я тебѣ ничего не скажу, изъ

уваженія къ публикѣ; но сегодня же, сегодня же, ты будешь жестоко и больно наказанъ. Если же нѣтъ, если и къ этотъ разъ меня на тебя промѣняютъ, то ты оставайся здѣсь и утѣшай своихъ господъ комариискимъ, а я сегодня же выйду изъ этого дома! Довольно! Я сказалъ. Ступай!

— Ну, ужъ вы, кажется, строго... промямлилъ Обноскинъ.

— Именно, именно, именно!.. крикнулъ было дядя, но оборвался и замолчалъ. Ома мрачно на него покосился.

— Удивляюсь я, Павелъ Семенычъ, продолжалъ онъ, — что-жъ дѣлаютъ послѣ этого всѣ эти современные литераторы, поэты, ученые, мыслители? Какъ не обратятъ они вниманія на то, какія пѣсни поетъ русскій народъ и подъ какія пѣсни пляшетъ русскій народъ? Что-жъ дѣлали до сихъ поръ всѣ эти Пушкины, Лермонтовы, Бороздны. Удивляюсь. Народъ пляшетъ комариискаго, эту апоѳеозу пьянства, а они воспѣваютъ какія-то незабудочки! Зачѣмъ же не напишутъ они болѣе благонравныхъ пѣсенъ для народнаго употребленія и не бросятъ свои незабудочки? Это соціальный вопросъ! Пусть изобразятъ они мнѣ мужика, но мужика облагороженнаго, такъ сказать, селянина, а не мужика. Пусть изобразятъ этого сельскаго мудреца въ простотѣ своей, пожалуй, хоть даже въ лаптяхъ—я и на это согласенъ, —но преисполненнаго добродѣтелями, которымъ — я это смѣло говорю — можетъ позавидовать даже какой-нибудь слишкомъ прославленный Александръ Македонскій. Я знаю Русь, и Русь меня знаетъ: потому и говорю это. Пусть изобразятъ этого мужика, пожалуй, обремененнаго семействомъ и сѣдиною, въ душной избѣ, пожалуй, еще голоднаго, но довольнаго, не ропщущаго, но благословляющаго свою бѣдность и равнодушнаго къ золоту богача. Пусть самъ богачъ, въ умиленіи души, принесетъ ему, наконецъ, свое золото; пусть даже, при этомъ случаѣ, произойдетъ соединеніе добродѣтели мужика съ добродѣтелями его барина и, пожалуй, еще вельможи. Селянинъ и вельможа, столь разъединенные на ступеняхъ общества, соединяются, наконецъ, въ добродѣтеляхъ, — это высокая мысль! А то, что мы видимъ? Съ одной стороны незабудочки, а съ другой — выскочилъ изъ кабака и бѣжитъ по улицѣ въ растерзанномъ видѣ! Ну, что-жъ, скажите, тутъ поэтическаго? Чѣмъ любоваться? Гдѣ умъ? Гдѣ грація? Гдѣ нравственность? Недоумѣваю!

— Сто рублей я тебѣ долженъ, Ѳома Ѳомичъ, за такія слова! проговорилъ Ежевикинъ съ восхищеннымъ видомъ.

— А вѣдь чорта лысаго съ меня и получитъ, прошепталъ онъ мнѣ потихоньку. — Польсти, польсти!

— Ну, да... это вы хорошо изобразили, промолвилъ Обноскинъ.

— Именно, именно, именно! вскрикнулъ дядя, слушавшій съ глубочайшимъ вниманіемъ и глядѣвшій на меня съ торжествомъ.

— Тема-то какая завязалась! шепнулъ онъ, потирая руки.—Многосторонній разговоръ, чортъ возьми! Ѳома Ѳомичъ, вотъ мой племянникъ, прибавилъ онъ отъ избытка чувствъ.—Онъ тоже занимался литературой,—рекомендую.

Ѳома Ѳомичъ, какъ и прежде, не обратилъ ни малѣйшаго тоже вниманія на рекомендацію дяди.

— Ради Бога, не рекомендуйте меня болѣе! Я васъ серьезно прошу, шепнулъ я дядѣ съ рѣшительнымъ видомъ.

— Иванъ Иванычъ! началъ вдругъ Ѳома, обращаясь къ Мизинчикову и пристально смотря на него, — вотъ, мы теперь говорили: какого вы мнѣнія?

— Я? Вы меня спрашиваете? съ удивленіемъ отозвался Мизинчиковъ, съ такимъ видомъ, какъ будто его только что разбудили.

— Да, вы-съ. Спрашиваю васъ потому, что дорожу мнѣніемъ истинно-умныхъ людей, а не какихъ-нибудь проблематическихъ умниковъ, которые умны потому только, что ихъ *безпрестанно рекомендуютъ* за умниковъ, за *ученыхъ*, а иной разъ и нарочно выписываютъ, чтобъ показывать ихъ въ балаганѣ, или въ родѣ того.

Камень былъ пущенъ прямо въ мой огородъ. И, однакожъ, не было сомнѣнія, что Ѳома Ѳомичъ, не обращавшій на меня никакого вниманія, завелъ весь этотъ разговоръ о литературѣ единственно для меня, чтобъ ослѣпить, уничтожить, раздавить съ перваго шага петербургскаго ученаго, умника. Я, по крайней мѣрѣ, не сомнѣвался въ этомъ.

— Если вы хотите знать мое мнѣніе, то я... я съ вашимъ мнѣніемъ согласенъ, отвѣчалъ Мизинчиковъ вяло и нехотя.

— Вы все со мной согласны! Даже тошно становится, замѣтилъ Ѳома.—Скажу вамъ откровенно, Павелъ Семенычъ, продолжалъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, снова

обращаясь къ Обноскину,—если я и уважаю за что безсмертнаго Карамзина, то это не за исторію, не за „Марѳу Посадницу", не за „Старую и новую Россію", а именно за то, что онъ написалъ „Фролъ Силина": это высокій эпосъ! Это произведеніе чисто народное и не умретъ во вѣки вѣковъ! Высочайшій эпосъ!

— Именно, именно, именно! Высокая *эпоха!* Фролъ Силинъ, благодѣтельный человѣкъ! Помню, читалъ: *еще* выкупилъ двухъ дѣвокъ, а потомъ смотрѣлъ на небо и плакалъ. Возвышенная черта, поддакнулъ дядя, сіяя отъ удовольствія.

Бѣдный дядя! Онъ никакъ не могъ удержаться, чтобъ не ввязаться въ *ученый* разговоръ. Ѳома злобно улыбнулся, но промолчалъ.

— Впрочемъ, и теперь пишутъ занимательно, осторожно вмѣшалась Анфиса Петровна.—Вотъ, напримѣръ, „Брюссельскія тайны".

— Не скажу-съ, замѣтилъ Ѳома, какъ бы съ сожалѣніемъ.—Читалъ я недавно одну изъ поэмъ... Ну, что! „Незабудочки"! А если хотите, изъ поэмъ мнѣ болѣе всѣхъ нравится „Переписчикъ" — легкое перо!

— „Переписчикъ"! вскрикнула Анфиса Петровна,—это тотъ, который пишетъ въ журналъ письма? Ахъ, какъ это восхитительно! Какая игра словъ!

— Именно, игра словъ. Онъ, такъ сказать, играетъ перомъ. Необыкновенная легкость пера!

— Да: но онъ педантъ, небрежно замѣтилъ Обноскинъ.

— Педантъ, педантъ, — не спорю; но милый педантъ, но граціозный педантъ! Конечно, ни одна изъ идей его не выдержитъ основательной критики, но увлекаешься легкостью! Пустословъ,—согласенъ; но милый пустословъ, но граціозный пустословъ! Помните, напримѣръ, онъ объявляетъ въ литературной статьѣ, что у него есть свои помѣстья?

— Помѣстья? подхватилъ дядя.—Это хорошо! Которой губерніи?

Ѳома остановился, пристально посмотрѣлъ на дядю и продолжалъ тѣмъ же тономъ:

— Ну, скажите ради здраваго смысла: для чего мнѣ, читателю, знать, что у него есть помѣстья? Есть — такъ поздравляю васъ съ этимъ! Но, какъ мило, какъ это шутливо описано! Онъ блещетъ остроуміемъ, онъ брызжетъ остроуміемъ, онъ кипитъ! Это какой-то Нарзанъ остроумія!

Да, вотъ какъ надо писать! Мнѣ кажется, я бы именно такъ писалъ, если-бъ согласился писать въ журналахъ...

— Можетъ, и лучше еще-съ, почтительно замѣтилъ Ежевикинъ.

— Даже что-то мелодическое въ слогѣ! поддакнулъ дядя.

Ѳома Ѳомичъ, наконецъ, не вытерпѣлъ.

— Полковникъ, сказалъ онъ, — нельзя-ли васъ попросить — конечно, со всевозможною деликатностью—не мѣшать намъ и позволить намъ въ покоѣ докончить нашъ разговоръ. Вы не можете судить въ нашемъ разговорѣ, не можете! Не разстраивайте же нашей пріятной литературной бесѣды. Занимайтесь хозяйствомъ, пейте чай, но... оставьте литературу въ покоѣ. Она отъ этого не проиграетъ,—увѣряю васъ!

Это уже превышало верхъ всякой дерзости! Я не зналъ, что подумать.

— Да вѣдь ты же самъ, Ѳома, говорилъ, что мелодическое, съ тоскою произнесъ сконфуженный дядя.

— Такъ-съ. Но я говорилъ съ знаніемъ дѣла, я говорилъ кстати; а вы?

— Да-съ, мы-то съ умомъ говорили-съ, подхватилъ Ежевикинъ, увиваясь около Ѳомы Ѳомича.—Ума-то у насъ такъ немножко-съ, занимать приходится, развѣ-развѣ что на два министерства хватитъ, а нѣтъ, такъ мы и съ третьимъ управимся,—вотъ какъ у насъ!

— Ну, значитъ, опять совралъ! заключилъ дядя и улыбнулся своей добродушной улыбкою.

— По крайней мѣрѣ, сознаетесь, замѣтилъ Ѳома.

— Ничего, ничего, Ѳома, я не сержусь. Я знаю, что ты, какъ другъ, меня останавливаешь, какъ родной, какъ братъ. Это я самъ позволилъ тебѣ, даже просилъ объ этомъ! Это дѣльно, дѣльно! Это для моей же пользы! Благодарю и воспользуюсь!

Терпѣніе мое истощалось. Все, что я до сихъ поръ по слухамъ зналъ о Ѳомѣ Ѳомичѣ, казалось мнѣ нѣсколько преувеличеннымъ. Теперь же, когда я увидѣлъ все самъ, на дѣлѣ, изумленію моему не было предѣловъ. Я не вѣрилъ себѣ; я понять не могъ такой дерзости, такого нахальнаго самовластія съ одной стороны и такого добровольнаго рабства, такого легковѣрнаго добродушія съ другой. Впрочемъ, даже и дядя былъ смущенъ такою дерзостью. Это было видно... Я горѣлъ желаніемъ какъ-нибудь связаться съ Ѳомой, сразиться съ нимъ, какъ-нибудь нагрубить ему,

поазартнѣе,— а тамъ что бы ни было! Эта мысль одушевила меня. Я искалъ случая и, въ ожиданіи, совершенно обломалъ поля моей шляпы. Но случай не представлялся: Ома рѣшительно не хотѣлъ замѣчать меня.

— Правду, правду ты говоришь, Ома, продолжалъ дядя, всѣми силами стараясь поправиться и хоть чѣмъ-нибудь замять непріятность предыдущаго разговора. — Это ты правду рѣжешь, Ома. Благодарю. Надо знать дѣло, а потомъ ужъ и разсуждать о немъ. Каюсь! Я уже не разъ бывалъ въ такомъ положеніи. Представь себѣ, Сергѣй, я одинъ разъ даже экзаменовалъ... Вы смѣетесь! Ну, вотъ, подите! Ей-Богу экзаменовалъ, да и только. Пригласили меня въ одно заведеніе на экзамены, да и посадили вмѣстѣ съ экзаменаторами, такъ для почету, лишнее мѣсто было. Такъ я, признаюсь тебѣ, даже струсилъ, страхъ какой-то напалъ: рѣшительно ни одной науки не знаю! Что дѣлать? Вотъ-вотъ, думаю, самого къ доскѣ потянутъ! Ну, а потомъ — ничего, обошлось: даже самъ вопросы задавалъ, спросилъ: кто былъ Ной? Вообще, превосходно отвѣчали; потомъ завтракали и за процвѣтаніе пили шампанское. Отличное заведеніе!

Ома Омичъ и Обноскинъ покатились со смѣху.

— Да я и самъ потомъ смѣялся, крикнулъ дядя, смѣясь добродушнѣйшимъ образомъ и радуясь, что всѣ развеселились. — Нѣтъ, Ома, ужъ куда ни шло! Распотѣшу я васъ всѣхъ, разскажу, какъ я одинъ разъ срѣзался... Вообрази, Сергѣй, стояли мы въ Красногорскѣ...

— Позвольте васъ спросить, полковникъ, долго вы будете разсказывать вашу исторію? перебилъ Ома.

— Ахъ, Ома! Да вѣдь это чудеснѣйшая исторія: просто лопнуть со смѣху можно. Ты только послушай: это хорошо, ей-Богу хорошо. Я разскажу, какъ я срѣзался.

— Я всегда съ удовольствіемъ слушаю ваши исторіи, когда онѣ въ этомъ родѣ, проговорилъ Обноскинъ, зѣвая.

— Нечего дѣлать, приходится слушать, рѣшилъ Ома.

— Да вѣдь, ей-Богу же, будетъ хорошо, Ома. Я хочу разсказать, какъ я одинъ разъ срѣзался, Анфиса Петровна. Послушай и ты, Сергѣй: это поучительно даже. Стояли мы въ Красногорскѣ (началъ дядя, сіяя отъ удовольствія, скороговоркой и торопясь, съ безчисленными вводными предложеніями, что было съ нимъ всегда, когда онъ начиналъ что-нибудь разсказывать для удовольствія публики). Только что пришли, въ тотъ же вечеръ

отправляюсь въ спектакль. Превосходнѣйшая актриса была Куропаткина; потомъ еще съ штабъ-ротмистромъ Звѣрковымъ бѣжала и пьесы не доиграла: такъ занавѣсъ и опустили... То-есть, бестія былъ этотъ Звѣрковъ, и попить, и въ карты заняться, и не то, чтобы пьяница, а такъ, готовъ съ товарищами раздѣлить минуту. Но, какъ запьетъ настоящимъ образомъ, такъ ужъ тутъ все забылъ: гдѣ живетъ, въ какомъ государствѣ, какъ самого зовутъ?— Словомъ, рѣшительно все: но въ сущности превосходнѣйшій малый... Ну-съ, сижу я въ театрѣ. Въ антрактѣ встаю и сталкиваюсь съ прежнимъ товарищемъ, Корноуховымъ... Я вамъ скажу, единственный малый. Лѣтъ, правда, шесть мы ужъ не видались. Ну, былъ въ кампаніи, увѣшанъ крестами; теперь, слышалъ недавно,—уже дѣйствительный статскій; въ статскую службу перешелъ, до большихъ чиновъ дослужился... Ну, разумѣется, обрадовались. То да сё. А рядомъ съ нами въ ложѣ сидятъ три дамы; та, которая слѣва, рожа, какихъ свѣтъ не производилъ... Послѣ узналъ, превосходнѣйшая женщина, мать семейства, осчастливила мужа... Ну-съ, вотъ я, какъ дуракъ, и брякъ Корноухову: — „Скажи, братъ, не знаешь-ли, что это за чучело выѣхала?“—„Которая это?“—„Да эта“.—„Да это моя двоюродная сестра“.—Тьфу, чортъ! Судите о моемъ положеніи! Я, чтобъ поправиться:—„Да нѣтъ, говорю, не эта. Экъ у тебя глаза! Вотъ та, которая оттуда сидитъ: кто эта?“—„Это моя сестра“.—Тьфу ты пропасть! А сестра его, какъ нарочно, розанчикъ-розанчикомъ, премилушка; такъ разодѣта: брошки, перчаточки, браслетики,— словомъ сказать, сидитъ херувимчикомъ; послѣ вышла замужъ за превосходнѣйшаго человѣка, Пыхтина; она съ нимъ бѣжала, обвѣнчались безъ спросу; ну, а теперь все это какъ слѣдуетъ: и богато живутъ; отцы не нарадуются!.. Ну-съ, вотъ: „да нѣтъ!“ кричу, а самъ не знаю, куда провалиться,—„не эта!“—„Вотъ въ серединѣ-то которая?“— „Да, въ серединѣ — ну, братъ, это жена моя“... Между нами: объяденіе, а не дамочка! То-есть, такъ бы и проглотилъ ее всю цѣликомъ отъ удовольствія...—„Ну, говорю, видалъ ты когда-нибудь дурака? Такъ вотъ онъ, передъ тобой, и голова его тутъ же: руби, не жалѣй!“ Смѣется. Послѣ спектакля меня познакомилъ и, должно-быть, разсказалъ, проказникъ. Что-то очень смѣялись! И признаюсь, никогда еще такъ весело не проводилъ время. Такъ вотъ какъ иногда, братъ Ѳома, можно срѣзаться! Ха-ха-ха-ха!

Но напрасно смѣялся бѣдный дядя; тщетно обводилъ онъ кругомъ свой веселый и добрый взглядъ: мертвое молчаніе было отвѣтомъ на его веселую исторію. Ома Оомичъ сидѣлъ въ мрачномъ безмолвіи, а за нимъ и всѣ, только Обноскинъ слегка улыбался, предвидя гонку, которую зададутъ дядѣ. Дядя сконфузился и покраснѣлъ. Того-то и желалось Ѳомѣ.

— Кончили-ль вы? спросилъ онъ, наконецъ, съ важностью обращаясь къ сконфуженному разсказчику.

— Кончилъ, Ѳома.

— И рады?

— То-есть, какъ это радъ, Ѳома? съ тоской отвѣчалъ бѣдный дядя.

— Легче-ли вамъ теперь? Довольны-ли вы, что разстроили пріятную литературную бесѣду друзей, прервавъ ихъ и тѣмъ удовлетворивъ мелкое свое самолюбіе?

— Да полно же, Ѳома! Я васъ же всѣхъ хотѣлъ развеселить, а ты...

— Развеселить! вскричалъ Ѳома, вдругъ необыкновенно разгорячась:—но вы способны навести уныніе, а не развеселить. Развеселить! Но знаете-ли, что ваша исторія была почти безнравственна? Я уже не говорю: неприлична,—это само собой... Вы объявили сейчасъ, съ рѣдкою грубостью чувствъ, что смѣялись надъ невинностью, надъ благородной дворянкой, оттого только, что она не имѣла чести вамъ понравиться. И насъ же, насъ, хотѣли заставить смѣяться, то-есть, поддакивать вамъ, поддакивать грубому и неприличному поступку, и все потому только, что вы хозяинъ этого дома! Воля ваша, полковникъ, вы можете сыскать себѣ прихлебателей, лизоблюдовъ, партнеровъ, можете даже ихъ выписывать изъ дальнихъ странъ и тѣмъ усиливать свою свиту, въ ущербъ прямодушію и откровенному благородству души; но никогда Ома Опискинъ не будетъ ни льстецомъ, ни лизоблюдомъ, ни прихлебателемъ вашимъ! Въ чемъ другомъ, а ужъ въ этомъ я васъ завѣряю!..

— Эхъ, Ома! Не понялъ ты меня, Ома!

— Нѣтъ, полковникъ, я васъ давно раскусилъ, я васъ насквозь понимаю. Васъ гложетъ самое неограниченное самолюбіе; вы съ претензіями на неоспоримую остроту ума, и забываете, что острота тупится о претензію. Вы...

— Да полно же, Ома, ради Бога! Постыдись хоть людей!..

— Да вѣдь грустно же видѣть все это, полковникъ, а, видя, невозможно молчать. Я бѣденъ, я *проживаю* у вашей родительницы. Пожалуй, еще подумаютъ, что я льщу вамъ моимъ молчаніемъ; а я не хочу, чтобъ какой-нибудь *молокососъ* могъ принять меня за вашего прихлебателя! Можетъ-быть, я, входя сюда давеча, даже нарочно усилилъ мою правдивую откровенность, нарочно принужденъ былъ дойти даже до грубости, именно потому, что вы сами ставите меня въ такое положеніе. Вы слишкомъ надменны со мной, полковникъ. Меня могутъ счесть за вашего раба, за приживальщика. Ваше удовольствіе унижать меня передъ *незнакомыми*, тогда какъ я вамъ равенъ, слышите-ли—равенъ во всѣхъ отношеніяхъ. Можетъ-быть, даже *я* вамъ дѣлаю одолженіе тѣмъ, что живу у васъ, а не *вы* мнѣ. Меня унижаютъ; слѣдственно, я вамъ долженъ себя хвалить—это естественно! Я не могу не говорить, я долженъ говорить, долженъ немедленно протестовать, потому прямо и просто объявляю вамъ, что вы феноменально завистливы! Вы видите, напримѣръ, что человѣкъ въ простомъ, дружескомъ разговорѣ невольно выказалъ свои познанія, начитанность, вкусъ: такъ вотъ ужъ вамъ и досадно, вамъ и неймется. „Дай же и я свои познанія и вкусъ выкажу!“ А какой у васъ вкусъ, съ позволенія сказать? Вы въ изящномъ смыслите столько—извините меня, полковникъ—сколько смыслитъ, напримѣръ, хоть быкъ въ говядинѣ! Это рѣзко, грубо—сознаюсь: но крайней мѣрѣ—прямодушно и справедливо. Этого не услышите вы отъ вашихъ льстецовъ, полковникъ.

— Эхъ, Ѳома!..

— То-то „эхъ, Ѳома!“ Видно, правда не пуховикъ. Ну, хорошо; мы еще потомъ поговоримъ объ этомъ, а теперь позвольте и мнѣ немного повеселить публику. Не все же вамъ однимъ отличаться. Павелъ Семеновичъ! Видѣли вы это чудо морское въ человѣческомъ образѣ? Я ужъ давно его наблюдаю. Вглядитесь въ него: вѣдь онъ съѣсть меня хочетъ, такъ-таки живьемъ, цѣликомъ.

Дѣло шло о Гаврилѣ. Старый слуга стоялъ у дверей и дѣйствительно съ прискорбіемъ смотрѣлъ, какъ распекали его барина.

— Хочу и я васъ потѣшить спектаклемъ, Павелъ Семеновичъ.—Эй, ты, ворона, пошелъ сюда! Да удостойте подвинуться поближе, Гаврила Игнатьичъ! Это, вотъ видите-ли, Павелъ Семеновичъ, Гаврила; за грубость и въ

наказаніе изучаетъ французскій діалектъ. Я, какъ Орфей, смягчаю здѣшніе нравы, только не пѣснями, а французскимъ діалектомъ. Ну, французъ, мусью шематонъ,—терпѣть не можетъ, когда говорятъ ему: мусью шематонъ,—знаешь урокъ?

— „Бытвердилъ", отвѣчалъ, повѣсивъ голову, Гаврила.

— А парлэ-ву-франсе?

— Вуи мусье, же-лэ-парль-эп-пе...

Не знаю, грустная-ли фигура Гаврилы при произношеніи французской фразы была причиною, или предугадывалось всѣми желаніе Ѳомы, чтобъ всѣ засмѣялись, но только всѣ такъ и покатились со смѣху, лишь только Гаврила пошевелилъ языкомъ. Даже генеральша изволила засмѣяться. Анфиса Петровна, упавъ на спинку дивана, взвизгивала, закрываясь вѣеромъ. Смѣшнѣе всего показалось то, что Гаврила, видя, во что̀ превратился экзаменъ, не выдержалъ, плюнулъ и съ укоризною произнесъ: „Вотъ до какого сраму дожилъ на старости лѣтъ!"

Ѳома Ѳомичъ встрепенулся.

— Что? Что̀ ты сказалъ? Грубіянить вздумалъ?

— Нѣтъ, Ѳома Ѳомичъ, съ достоинствомъ отвѣчалъ Гаврила,—не грубіянство слова мои, и не слѣдъ мнѣ, холопу, передъ тобой, природнымъ господиномъ, грубіянить. Но всякъ человѣкъ образъ Божій на себѣ носитъ, образъ Его и подобіе. Мнѣ уже шестьдесятъ третій годъ отъ роду. Отецъ мой Пугачева-изверга помнитъ, а дѣда моего, вмѣстѣ съ барином, Матвѣемъ Никитичемъ—дай Богъ имъ царство небесное—Пугачевъ на одной осинѣ повѣсилъ, за что̀ родитель мои отъ покойнаго барина, Лоэнасія Матвѣича, не въ примѣръ другимъ, былъ почтенъ: камардиномъ служилъ и дворецкимъ свою жизнь скончалъ. Я же, сударь, Ѳома Ѳомичъ, хотя и господскій холопъ, а такого сраму, какъ теперь, отродясь надъ собой не видывалъ!

И съ послѣднимъ словомъ Гаврила развелъ руками и склонилъ голову. Дядя слѣдилъ за нимъ съ безпокойствомъ.

— Ну, полно, полно, Гаврила! вскричалъ онъ.—Нечего распространяться! Полно!

— Ничего, ничего, проговорилъ Ѳома, слегка поблѣднѣвъ и улыбаясь съ натуги.—Пусть поговоритъ: это вѣдь все ваши плоды...

— Все разскажу, продолжалъ Гаврила съ необыкновеннымъ одушевленіемъ,—ничего не потаю! Руки свяжутъ, языкъ не завяжутъ! Ужъ на что я, Ѳома Ѳомичъ, гнус-

ный передъ тобою выхожу человѣкъ, одно слово: рабъ, а и мнѣ въ обиду! Услугой и подобострастьемъ я передъ тобой завсегда обязанъ, для того, что рабски рожденъ и всякую обязанность во страхѣ и трепетѣ происходить долженъ. Книжку сочинять сядешь, я докучнаго обязанъ къ тебѣ не допускать, для того—это настоящая должность моя выходитъ. Прислужить что понадобится—съ моимъ полнымъ удовольствіемъ сдѣлаю. А то что на старости лѣтъ по-заморски лаять, да передъ людьми сраму набираться! Да я въ людскую теперь не могу сойти: „французъ ты, говорятъ, французъ!“ Нѣтъ, сударь, Ѳома Ѳомичъ, не одинъ я, дуракъ, а ужъ и всѣ добрые люди начали говорить въ одинъ голосъ, что вы, какъ есть злющій человѣкъ теперь стали, а что баринъ нашъ передъ вами все одно, что малый ребенокъ, что вы хоть породой и енаральскій сынъ, и сами, можетъ, немного до енарала не дослужили, но такой злющій, какъ, то-есть, долженъ быть настоящій фурій.

Гаврила кончилъ. Я былъ внѣ себя отъ восторга. Ѳома Ѳомичъ сидѣлъ блѣдный отъ ярости, среди всеобщаго замѣшательства, и какъ будто не могъ еще опомниться отъ неожиданнаго нападенія Гаврилы; какъ будто онъ въ эту минуту еще соображалъ: въ какой степени должно ему разсердиться? Наконецъ, воспослѣдовалъ взрывъ.

— Какъ! Онъ смѣлъ обругать меня,—меня! Да это бунтъ! завизжалъ Ѳома и вскочилъ со стула.

За нимъ вскочила генеральша и всплеснула руками. Началась суматоха. Дядя бросился выталкивать преступнаго Гаврилу.

— Въ кандалы его, въ кандалы! кричала генеральша.— Сейчасъ же его въ городъ и въ солдаты отдай, Егорушка! Не то, не будетъ тебѣ моего благословенія. Сейчасъ же на него колодку набей и въ солдаты отдай!

— Какъ, кричалъ Ѳома,—рабъ! Халдей! Хамлетъ! Осмѣлился обругать меня! Онъ, онъ, обтирка моего сапога! Онъ осмѣлился назвать меня фуріей?

Я выступилъ впередъ съ необыкновенною рѣшимостью.

— Признаюсь, что я въ этомъ случаѣ совершенно согласенъ съ мнѣніемъ Гаврилы, сказалъ я, смотря Ѳомѣ Ѳомичу прямо въ глаза и дрожа отъ волненія.

Онъ былъ такъ пораженъ этой выходкой, что въ первую минуту, кажется, не вѣрилъ ушамъ своимъ.

— Это еще что? вскрикнулъ онъ, наконецъ, накиды-

ваясь на меня, въ изступленіи, и впиваясь въ меня своими маленькими, налитыми кровью глазами.—Да ты кто такой?

— Ѳома Ѳомичъ... заговорилъ было совершенно потерявшійся дядя,—это Сережа, мой племянникъ...

— Ученый! завопилъ Ѳома,—такъ это онъ-то ученый? Либерте-эгалитè-фратернитè! Журналъ де-деба! Нѣтъ, братъ, врешь! Въ Саксоніи не была! Здѣсь не Петербургъ, не надуешь! Да плевать мнѣ на твоя де-деба! У тебя де-деба, а по-нашему выходитъ: „нѣтъ, братъ, слаба!" Ученый! Да ты сколько знаешь—я всемеро столько забылъ! Вотъ какой ты ученый!

Если бъ не удержали его, онъ, мнѣ кажется, бросился бы на меня съ кулаками.

— Да онъ пьянъ, проговорилъ я, съ недоумѣніемъ озираясь кругомъ.

— Кто? Я? прикрикнулъ Ѳома не своимъ голосомъ.

— Да, вы!

— Пьянъ?

— Пьянъ.

Этого Ѳома не могъ вынести. Онъ взвизгнулъ, какъ будто его начали рѣзать, и бросился вонъ изъ комнаты. Генеральша хотѣла, кажется, упасть въ обморокъ, но разсудила лучше бѣжать за Ѳомой Ѳомичемъ. За ней побѣжали и всѣ, а за всѣми дядя. Когда я опомнился и оглядѣлся, то увидѣлъ въ комнатѣ одного Ежевикина. Онъ улыбался и потиралъ себѣ руки.

— Про іезуитика-то давеча обѣщались, проговорилъ онъ вкрадчивымъ голосомъ.

— Что? спросилъ я, не понимая въ чемъ дѣло.

— Про іезуитика давеча разсказать обѣщались... анекдотецъ-съ...

Я выбѣжалъ на террасу, а оттуда въ садъ. Голова моя шла кругомъ...

VIII.

Объясненіе въ любви.

Съ четверть часа бродилъ я по саду, раздраженный и крайне недовольный собой, обдумывая: что̀ мнѣ теперь дѣлать? Солнце садилось. Вдругъ, на поворотѣ въ одну темную аллею, я встрѣтился лицомъ къ лицу съ Настенькой. Въ глазахъ ея были слезы, въ рукахъ платокъ, которымъ она утирала ихъ.

— Я васъ искала, сказала она.

— А я васъ, отвѣчалъ я ей. — Скажите: я въ сумасшедшемъ домѣ. или нѣтъ?

— Вовсе не въ сумасшедшемъ домѣ, проговорила она обидчиво, пристально взглянувъ на меня.

— Но если такъ: такъ что-жъ это дѣлается? Ради самого Христа, подайте мнѣ какой-нибудь совѣтъ! Куда теперь ушелъ дядя? Можно мнѣ туда идти? Я очень радъ, что васъ встрѣтилъ: можетъ-быть, вы меня въ чемъ-нибудь и наставите.

— Нѣтъ, лучше не ходите. Я сама ушла отъ нихъ.

— Да гдѣ они?

— А кто знаетъ? Можетъ-быть, опять въ огородъ побѣжали, проговорила она раздражительно.

— Въ какой огородъ?

— Это Ѳома Ѳомичъ на прошлой недѣлѣ закричалъ, что не хочетъ оставаться въ домѣ и вдругъ побѣжалъ въ огородъ, досталъ въ шалашѣ заступъ и началъ гряды копать. Мы всѣ удивились: не съ ума-ли сошелъ? „Вотъ, говоритъ, чтобъ не попрекнули меня потомъ, что я даромъ хлѣбъ ѣлъ, буду землю копать и свой хлѣбъ, что здѣсь ѣлъ, заработаю, а потомъ и уйду. Вотъ до чего меня довели!“ А тутъ-то всѣ плачутъ, и передъ нимъ чуть не на колѣняхъ стоятъ, заступъ у него отнимаютъ; а онъ-то копаетъ; всю рѣку только перекопалъ. Сдѣлали разъ поблажку,—вотъ онъ, можетъ-быть, и теперь повторяетъ. Отъ него станется.

— И вы... и вы разсказываете это такъ хладнокровно! вскричалъ я въ сильнѣйшемъ негодованіи.

Она взглянула на меня сверкавшими глазами.

— Простите мнѣ; я ужъ и не знаю: что говорю! Послушайте, вамъ извѣстно, зачѣмъ я сюда пріѣхалъ?

— Н-нѣтъ, отвѣчала она, закраснѣвшись, и какое-то тягостное ощущеніе отразилось въ ея миломъ лицѣ.

— Вы извините меня, продолжалъ я,—я теперь разстроенъ, я чувствую, что не такъ бы слѣдовало мнѣ начать говорить объ этомъ... особенно съ вами... Но, все равно! По-моему, откровенность въ такихъ дѣлахъ лучше всего. Признаюсь... то-есть, я хотѣлъ сказать... вы знаете намѣреніе дядюшки? Онъ приказалъ мнѣ искать вашей руки...

— О, какой вздоръ! Не говорите этого, пожалуйста! сказала она, поспѣшно перебивая меня и вся вспыхнувъ.

Я былъ озадаченъ.

— Какъ: вздоръ? Но онъ вѣдь писалъ ко мнѣ.

— Такъ-таки вамъ писалъ? спросила она съ живостью.— Ахъ, какой! Какъ же онъ обѣщался, что не будетъ писать! Какой вздоръ! Господи, какой это вздоръ!

— Простите меня, пробормоталъ я, не зная, что говорить, — можетъ-быть, я поступилъ неосторожно, грубо... но вѣдь такая минута! Сообразите: мы окружены Богъ знаетъ тѣмъ...

— Охъ, ради Бога, не извиняйтесь! Повѣрьте, что мнѣ и безъ того тяжело это слушать, а между тѣмъ судите: я и сама хотѣла заговорить съ вами, чтобъ узнать что-нибудь... Ахъ, какая досада! Такъ онъ-таки вамъ написалъ? Вотъ этого-то я пуще всего боялась! Боже мой, какой это человѣкъ! А вы и повѣрили, и прискакали сюда, сломя голову? Вотъ, надо было!

Она не скрывала своей досады. Положеніе мое было непривлекательно.

— Признаюсь, я не ожидалъ, проговорилъ я въ самомъ полномъ смущеніи. — Такой оборотъ... я напротивъ думалъ...

— А, такъ вы думали? произнесла она съ легкой ироніей, слегка закусывая губу.—А знаете, вы мнѣ покажите это письмо, которое онъ вамъ писалъ?

— Хорошо-съ.

— Да вы не сердитесь, пожалуйста, на меня, не обижайтесь; и безъ того много горя! сказала она просящимъ голосомъ, а между тѣмъ насмѣшливая улыбка слегка мелькнула на ея хорошенькихъ губкахъ.

— Охъ! Пожалуйста, не принимайте меня за дурака! вскричалъ я съ горячностью.—Но, можетъ-быть, вы предубѣждены противъ меня? Можетъ-быть, вамъ кто-нибудь на меня насказалъ? Можетъ-быть, вы потому, что я тамъ теперь срѣзался? Но это ничего — увѣряю васъ. Я самъ понимаю, какимъ я теперь дуракомъ стою передъ вами. Не смѣйтесь, пожалуйста, надо мной! Я не знаю, что говорю... А все это оттого, что мнѣ эти проклятые двадцать два года!

— О, Боже мой! Такъ что-жъ?

— Какъ, такъ что-жъ? Да вѣдь кому двадцать два года, у того это и на лбу написано, какъ у меня, напримѣръ, когда я, давеча, на средину комнаты выскочилъ, или какъ теперь предъ вами... Распроклятый возрастъ!

— Охъ, нѣтъ, нѣтъ! отвѣчала Настенька, едва удержи-

вался отъ смѣха.—Я увѣрена, что вы и добрый, и милый, и умный и, право, я искренно говорю это! Но... вы только очень самолюбивы. Отъ этого еще можно исправиться.

— Мнѣ кажется, я самолюбивъ сколько нужно.

— Ну, нѣтъ. А давеча, когда вы сконфузились—и отчего-жъ? Оттого, что споткнулись при входѣ!.. Какое право вы имѣли выставлять на смѣхъ вашего добраго, вашего великодушнаго дядю, который вамъ сдѣлалъ столько добра? Зачѣмъ вы хотѣли свалить на него смѣшное, когда сами были смѣшны? Это было дурно, стыдно! Это не дѣлаетъ вамъ чести и, признаюсь вамъ, вы были мнѣ очень противны въ ту минуту, вотъ вамъ!

— Это правда! Я былъ болванъ! Даже больше; я сдѣлалъ подлость! Вы примѣтили ее — и я уже наказанъ! Браните меня, смѣйтесь надо мной, но послушайте: можетъ-быть, вы перемѣните, наконецъ, ваше мнѣніе, прибавилъ я, увлекаемый какимъ-то страннымъ чувствомъ,— вы меня еще такъ мало знаете, что потомъ, когда узнаете больше, тогда... можетъ-быть...

— Ради Бога, оставимъ этотъ разговоръ! вскричала Настенька съ видимымъ нетерпѣніемъ.

— Хорошо, хорошо, оставимте! Но... гдѣ я могу васъ видѣть?

— Какъ, гдѣ видѣть?

— Но вѣдь не можетъ же быть, чтобъ мы съ вами сказали послѣднее слово, Настасья Евграфовна! Ради Бога, назначьте мнѣ свиданіе, хоть сегодня же. Впрочемъ, теперь ужъ смеркается. Ну, такъ, если только можно, завтра утромъ, пораньше; я нарочно велю себя разбудить пораньше. Знаете, тамъ, у пруда, есть бесѣдка. Я вѣдь помню, я знаю дорогу. Я вѣдь здѣсь жилъ маленькій.

— Свиданіе! Но зачѣмъ это? Вѣдь мы и безъ того теперь говоримъ.

— Но я теперь еще ничего не знаю, Настасья Евграфовна. Я сперва все узнаю отъ дядюшки. Вѣдь долженъ же онъ, наконецъ, мнѣ все разсказать, и тогда я, можетъ-быть, скажу вамъ что-нибудь очень важное...

— Нѣтъ, нѣтъ! Не надо, не надо! вскричала Настенька.—Кончимте все разомъ теперь, такъ, чтобъ потомъ и помину не было. А въ ту бесѣдку и не ходите напрасно: увѣряю васъ, я не приду, и выкиньте, пожалуйста, изъ головы весь этотъ вздоръ — я серьезно прошу васъ...

— Такъ, значитъ, дядя поступилъ со мною, какъ сума-

сшедшій! вскричалъ я въ припадкѣ нестерпимой досады.—Зачѣмъ же онъ вызывалъ меня послѣ этого?.. Но, слышите, что это за шумъ?

Мы были близко отъ дома. Изъ растворенныхъ оконъ раздавались визгъ и какіе-то необыкновенные крики.

— Боже мой! сказала она, побѣдилъ,—опять! Я такъ и предчувствовала!

— Вы предчувствовали? Настасья Евграфовна, еще одинъ вопросъ. Я, конечно, не имѣю ни малѣйшаго права, но рѣшаюсь предложить вамъ этотъ послѣдній вопросъ для общаго блага. Скажите—и это умретъ во мнѣ—скажите откровенно: дядя влюбленъ въ васъ, или нѣтъ?

— Ахъ! Выкиньте, пожалуйста, этотъ вздоръ изъ головы разъ навсегда! вскричала она, вспыхнувъ отъ гнѣва.—И вы тоже! Кабы былъ влюбленъ, не хотѣлъ бы выдавать меня за васъ, прибавила она съ горькою улыбкою.—И съ чего, съ чего это взяли? Неужели вы не понимаете, о чемъ идетъ дѣло? Слышите эти крики?

— Но... это Ѳома Ѳомичъ...

— Да, конечно, Ѳома Ѳомичъ; но теперь изъ-за меня идетъ дѣло, потому что они то же говорятъ, что и вы, ту же безсмыслицу; тоже подозрѣваютъ, что онъ влюбленъ въ меня. А такъ какъ я бѣдная, ничтожная, а такъ какъ замарать меня ничего не стоитъ, а они хотятъ женить его на другой, такъ вотъ и требуютъ, чтобъ онъ меня выгналъ домой, къ отцу, для безопасности. А ему когда скажутъ про это, то онъ тотчасъ же изъ себя выходитъ; даже Ѳому Ѳомича разорвать готовъ. Вонъ они теперь и кричатъ объ этомъ; ужъ я предчувствую, что объ этомъ.

— Такъ это все правда! Такъ, значитъ, онъ непремѣнно женится на этой Татьянѣ?

— На какой Татьянѣ?

— Ну, да на этой дурѣ.

— Вовсе не дурѣ! Она добрая. Не имѣете вы права такъ говорить! У нея благородное сердце, благороднѣе, чѣмъ у многихъ другихъ. Она не виновата тѣмъ, что несчастная.

— Простите. Положимъ, вы въ этомъ совершенно правы; но не ошибаетесь-ли вы въ главномъ? Какъ же, скажите, я замѣтилъ, что они хорошо принимаютъ вашего отца? Вѣдь, если-бъ они до такой ужъ степени сердились на васъ, какъ вы говорите, и васъ выгоняли, такъ и на него бы сердились, и его бы худо принимали.

— А развѣ вы не видите, что̀ дѣлаетъ для меня мой отецъ! Онъ шутомъ передъ ними вертится! Его принимаютъ именно потому, что онъ успѣлъ подольститься къ Ѳомѣ Ѳомичу. А такъ какъ Ѳома Ѳомичъ самъ былъ шутомъ, такъ вотъ ему и лестно, что и у него теперь есть шуты. Какъ вы думаете: для кого это отецъ дѣлаетъ? Онъ для меня это дѣлаетъ, для меня одной. Ему не надо; онъ для себя никому не поклонится. Онъ, можетъ, и очень смѣшонъ на чьи-нибудь глаза, но онъ благородный, благороднѣйшій человѣкъ! Онъ думаетъ, Богъ знаетъ почему—и вовсе не потому, что я здѣсь жалованье хорошее получаю—увѣряю васъ; онъ думаетъ, что мнѣ лучше остаться здѣсь, въ этомъ домѣ. Но теперь я совсѣмъ его разувѣрила. Я ему написала рѣшительно. Онъ и пріѣхалъ, чтобъ взять меня, и, если крайность до того дойдетъ, такъ хоть завтра же, потому что ужъ дѣло почти до всего дошло: они меня съѣсть хотятъ, и я знаю навѣрно, что они тамъ теперь кричатъ обо мнѣ. Они растерзаютъ *его* изъ-за меня, они погубятъ *его!* А *онъ* мнѣ все равно, что отецъ—слышите, даже больше, чѣмъ мой родной отецъ! Я не хочу дожидаться. Я знаю больше, чѣмъ другіе. Завтра же, завтра же уѣду! Кто знаетъ: можетъ, чрезъ это они отложатъ, хоть на время, и свадьбу *его* съ Татьяной Ивановной... Вотъ я вамъ все теперь разсказала. Разскажите же это и ему, потому что я теперь и говорить-то съ нимъ не могу: за нами слѣдятъ, и особенно эта Перепелицына. Скажите, чтобъ *онъ* не безпокоился обо мнѣ, что я лучше хочу ѣсть черный хлѣбъ и жить въ избѣ у отца, чѣмъ быть причиною *его* здѣшнихъ мученій. Я бѣдная, и должна жить какъ бѣдная. Но, Боже мой, какой шумъ! Какой крикъ! Что̀ тамъ еще дѣлается? Нѣтъ, во что̀ бы ни стало, сейчасъ пойду туда! Я выскажу имъ всѣмъ все это прямо въ глаза, сама, что̀ бы ни случилось! Я должна это сдѣлать. Прощайте.

Она убѣжала. Я стоялъ на одномъ мѣстѣ, вполнѣ сознавая все смѣшное въ той роли, которую мнѣ пришлось сейчасъ разыграть, и совершенно недоумѣвая, чѣмъ все это теперь разрѣшится. Мнѣ было жаль бѣдную дѣвушку, и я боялся за дядю. Вдругъ подлѣ меня очутился Гаврила. Онъ все еще держалъ свою тетрадку въ рукѣ.

— Пожалуйте къ дяденькѣ! проговорилъ онъ унылымъ голосомъ.

Я очнулся.

— Къ кому? А гдѣ онъ? Что съ нимъ теперь дѣлается?

— Въ чайной. Тамъ же, гдѣ чай изволили давеча кушать.

— Кто съ нимъ?

— Одни. Дожидаются.

— Кого? Меня?

— За Ѳомой Ѳомичемъ послали. Прошли наши красные деньки! прибавилъ онъ, глубоко вздыхая.

— За Ѳомой Ѳомичемъ? Гм! А гдѣ другіе? Гдѣ барыня?

— На своей половинѣ. Въ омракъ упали, а теперь лежатъ въ безчувствіи и плачутъ.

Разсуждая такимъ образомъ, мы дошли до террасы. На дворѣ было уже почти совсѣмъ темно. Дядя, дѣйствительно, былъ одинъ, въ той же комнатѣ, гдѣ произошло мое побоище съ Ѳомой Ѳомичемъ, и ходилъ по ней большими шагами. На столахъ горѣли свѣчи. Увидя меня, онъ бросился ко мнѣ и крѣпко сжалъ мои руки. Онъ былъ блѣденъ и тяжело переводилъ духъ; руки его тряслись, и нервическая дрожь пробѣгала, временемъ, по всему его тѣлу.

IX.

Ваше превосходительство.

— Другъ мой! Все кончено, все рѣшено! проговорилъ онъ какимъ-то трагическимъ полушопотомъ.

— Дядюшка, сказалъ я,—я слышалъ какіе-то крики.

— Крики, братецъ, крики; всякіе были крики! Маменька въ обморокѣ, и все это теперь вверхъ ногами. Но я рѣшился и настою на своемъ. Я теперь ужъ никого не боюсь, Сережа. Я хочу показать имъ, что и у меня есть характеръ, и покажу! И вотъ нарочно послалъ за тобой, чтобъ ты помогъ мнѣ имъ показать... Сердце мое разбито, Сережа... но я долженъ, я обязанъ поступить со всею строгостью. Справедливость неумолима!

— Но что же такое случилось, дядюшка?

— Я разстаюсь съ Ѳомой, произнесъ дядя рѣшительнымъ голосомъ.

— Дядюшка! закричалъ я въ восторгѣ,—ничего лучше вы не могли выдумать! И если я хоть сколько-нибудь могу способствовать вашему рѣшенію, то... располагайте мною во вѣки вѣковъ.

— Благодарю тебя, братецъ, благодарю! Но теперь ужъ все рѣшено. Жду Ѳому; я уже послалъ за нимъ. Или онъ, или я! Мы должны разлучиться. Или же завтра Ѳома выйдетъ изъ этого дома, или, клянусь, бросаю все и по-

ступаю опять въ гусары! Примутъ, дадутъ дивизіонъ. Прочь всю эту систему! Теперь все по-новому! На что это у тебя французская тетрадка? съ яростію закричалъ онъ, обращаясь къ Гаврилѣ.—Прочь ее! Сожги, растопчи, разорви! *Я* твой господинъ, и *я* приказываю тебѣ не учиться французскому языку. Ты не можешь, ты не смѣешь меня не слушаться, потому что *я* твой господинъ, а не Ѳома Ѳомичъ!

— Слава-те Господи! пробормоталъ про себя Гаврила.

Дѣло очевидно шло не на шутку.

— Другъ мой! продолжалъ дядя съ глубокимъ чувствомъ,—они требуютъ отъ меня невозможнаго! Ты будешь судить меня; ты теперь станешь между нимъ и мною, какъ безпристрастный судья. Ты не знаешь, ты не знаешь, чего они отъ меня требовали, и, наконецъ, формально потребовали, все высказали! Но это противно человѣколюбію, благородству, чести... Я все разскажу тебѣ, но сперва...

— Я ужъ все знаю, дядюшка! вскричалъ я, перебивая его,—я угадываю... Я сейчасъ разговаривалъ съ Настасьей Евграфовной.

— Другъ мой, теперь ни слова, ни слова объ этомъ! торопливо прервалъ онъ меня, какъ будто испугавшись.—Потомъ я все самъ разскажу тебѣ, но покамѣстъ... Что-жъ, закричалъ онъ вошедшему Видоплясову,—гдѣ же Ѳома Ѳомичъ?

Видоплясовъ явился съ извѣстіемъ, что Ѳома Ѳомичъ „не желаютъ придти и находятъ требованіе явиться до несовмѣстности грубымъ-съ, такъ что Ѳома Ѳомичъ очень изволили этимъ обидѣться-съ“.

— Веди его! Тащи его! Сюда его! Силою притащи его! закричалъ дядя, топая ногами.

Видоплясовъ, никогда не видавшій своего барина въ такомъ гнѣвѣ, ретировался въ испугѣ. Я удивился.

„Надо же быть чему-нибудь слишкомъ важному“, подумалъ я,—„если человѣкъ съ такимъ характеромъ способенъ дойти до такого гнѣва и до такихъ рѣшеній“.

Нѣсколько минутъ дядя, молча, ходилъ по комнатѣ, какъ будто въ борьбѣ самъ съ собою.

— Ты, впрочемъ, не рви тетрадку, сказалъ онъ, наконецъ, Гаврилѣ.—Подожди и самъ будь здѣсь: ты, можетъ-быть, еще понадобишься.—Другъ мой! прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ,—я, кажется, ужъ слишкомъ сейчасъ закричалъ. Всякое дѣло надо дѣлать съ достоинствомъ,

съ мужествомъ, но безъ криковъ, безъ обидъ. Именно такъ. Знаешь что, Сережа: не лучше-ли будетъ, если-бъ ты ушелъ отсюда? Тебѣ все равно. Я тебѣ потомъ все самъ разскажу,—а? Какъ ты думаешь? Сдѣлай это для меня, пожалуйста.

— Вы боитесь, дядюшка? Вы раскаиваетесь? сказалъ я, пристально смотря на него.

— Нѣтъ, нѣтъ, другъ мой, не раскаиваюсь! вскричалъ онъ съ утвоеннымъ одушевленіемъ.—Я ужъ теперь ничего больше не боюсь. Я принялъ рѣшительныя мѣры, самыя рѣшительныя! Ты не знаешь, ты не можешь себѣ вообразить, чего они отъ меня потребовали! Неужели-жъ я долженъ былъ согласиться? Нѣтъ, я докажу! Я возсталъ и докажу! Когда-нибудь я долженъ же былъ доказать! Но, знаешь, мой другъ, я раскаиваюсь, что тебя позвалъ: Оомѣ, можетъ быть, будетъ очень тяжело, когда и ты будешь здѣсь, такъ сказать, свидѣтелемъ его униженія. Видишь, я хочу ему отказать отъ дома благороднымъ образомъ, безъ всякаго униженія. Но, вѣдь, это я такъ только говорю, что безъ униженія. Дѣло-то оно, братъ, такое, что хоть медовыя рѣчи точи, а все-таки будетъ обидно. Я же—грубъ, безъ воспитанія, пожалуй, еще такое ляпну, сдуру-то, что и самъ потомъ не радъ буду. Все-жъ онъ для меня много сдѣлалъ... Уйди, мой другъ... Но вотъ уже его ведутъ, ведутъ! Сережа, прошу тебя, выйди! Я тебѣ все потомъ разскажу. Выйди, ради Христа!

И дядя вывелъ меня на террасу, въ то самое мгновеніе, когда Ома входилъ въ комнату. Но, каюсь: я не ушелъ; я рѣшился остаться на террасѣ, гдѣ было очень темно, и, слѣдственно, меня трудно было увидѣть изъ комнаты. Я рѣшился подслушивать!

Не оправдываю ничѣмъ своего поступка, но смѣло скажу, что, выстоявъ эти полчаса на террасѣ и не потерявъ терпѣнія, я считаю, что совершилъ подвигъ великомученичества. Съ моего мѣста я не только могъ хорошо слышать, но даже могъ хорошо и видѣть: двери были стеклянныя. Теперь прошу вообразить Ому Омича, которому *приказали* явиться, угрожая силою, въ случаѣ отказа.

— Мои-ли уши слышали такую угрозу, полковникъ? возопилъ Ома, входя въ комнату.—Такъ-ли мнѣ передано?

— Твои, твои, Ома, успокойся, храбро отвѣчалъ дядя.—Сядь; поговоримъ серьезно, дружески, братски. Садись же, Ома.

Ѳома Ѳомичъ торжественно сѣлъ на кресло. Дядя быстрыми и неровными шагами ходилъ по комнатѣ, очевидно, затрудняясь, съ чего начать рѣчь.

— Именно братски, повторилъ онъ.—Ты поймешь меня, Ѳома, ты не маленькій; я тоже не маленькій—словомъ, мы оба въ лѣтахъ... Гм! Видишь, Ѳома, мы не сходимся въ нѣкоторыхъ пунктахъ... да, именно въ нѣкоторыхъ пунктахъ, и потому, Ѳома, не лучше-ли, братъ, разстаться? Я увѣренъ, что ты благороденъ, что ты мнѣ желаешь добра, и потому... Но что̀ долго толковать! Ѳома, я твой другъ во вѣки вѣковъ, и клянусь въ томъ всѣми святыми! Вотъ 15,000 рублей серебромъ; это все, братъ, что есть за душой, послѣднія крохи наскребъ, своихъ обобралъ. Смѣло бери! Я долженъ, я обязанъ тебя обезпечить! Тутъ все почти ломбардными и очень немного наличными. Смѣло бери! Ты же мнѣ ничего не долженъ, потому что я никогда не буду въ силахъ заплатить тебѣ за все, что̀ ты для меня сдѣлалъ. Да, да, именно, я это чувствую, хотя теперь, въ главнѣйшемъ-то пунктѣ, мы расходимся. Завтра или послѣзавтра... или когда тебѣ угодно... разъѣдемся. Поѣзжай-ка въ нашъ городишко, Ѳома, всего десять верстъ: тамъ есть домикъ за церковью, въ первомъ переулкѣ, съ зелеными ставнями, премиленькій домикъ вдовы-попадьи, какъ будто для тебя его и построили. Она продастъ. Я тебѣ куплю его сверхъ этихъ денегъ. Поселись-ка тамъ, подлѣ насъ. Занимайся литературой, науками: пріобрѣтешь славу... Чиновники тамъ, всѣ до одного, благородные, радушные, безкорыстные; протопопъ ученый. Къ намъ будешь пріѣзжать гостить по праздникамъ—и мы заживемъ, какъ въ раю! Желаешь или нѣтъ!

„Такъ вотъ на какихъ условіяхъ изгоняли Ѳому!“ подумалъ я.—„Дядя скрылъ отъ меня о деньгахъ“.

Долгое время царствовало глубокое молчаніе. Ѳома сидѣлъ въ креслахъ, какъ будто ошеломленный, и неподвижно смотрѣлъ на дядю, которому, видимо, становилось неловко отъ этого молчанія и отъ этого взгляда.

— Деньги! проговорилъ, наконецъ, Ѳома какимъ-то выдѣланно-слабымъ голосомъ.—Гдѣ же онѣ, гдѣ эти деньги? Давайте ихъ, давайте сюда скорѣе!

— Вотъ онѣ, Ѳома: послѣднія крохи, ровно пятнадцать, все, что̀ было. Тутъ и кредитными, и ломбардными—самъ увидишь... вотъ!

— Гаврила! Возьми себѣ эти деньги, кротко прогово-

рилъ Ѳома, — онѣ, старикъ, могутъ тебѣ пригодиться. — Но, нѣтъ! вскричалъ онъ вдругъ, съ прибавкою какого-то необыкновеннаго визга и вскакивая съ кресла, — нѣтъ! Дай мнѣ ихъ сперва, эти деньги, Гаврила! Дай мнѣ ихъ! Дай мнѣ ихъ! Дай мнѣ эти милліоны, чтобъ я притопталъ ихъ моими ногами, дай, чтобъ я разорвалъ ихъ, оплевалъ ихъ, разбросалъ ихъ, осквернилъ ихъ, обезчестилъ ихъ!.. Мнѣ, мнѣ предлагаютъ деньги! Подкупаютъ меня, чтобъ я вышелъ изъ этого дома! Я-ли это слышалъ? Я-ли дожилъ до этого послѣдняго безчестія? Вотъ, вотъ они, ваши милліоны! Смотрите: вотъ, вотъ, вотъ и вотъ. Вотъ какъ поступаетъ Ѳома Опискинъ, если вы до сихъ поръ этого не знали, полковникъ!

И Ѳома разбросалъ всю пачку денегъ по комнатѣ. Замѣчательно, что онъ не разорвалъ и не оплевалъ ни одного билета, какъ похвалялся сдѣлать: онъ только немного помялъ ихъ, но и то довольно осторожно. Гаврила бросился собирать деньги съ полу и потомъ, по уходѣ Ѳомы, бережно передалъ своему барину.

Поступокъ Ѳомы произвелъ на дядю настоящій столбнякъ. Въ свою очередь, онъ стоялъ теперь передъ нимъ неподвижно, безсмысленно, съ разинутымъ ртомъ. Ѳома, между тѣмъ, помѣстился опять въ кресло и пыхтѣлъ, какъ будто отъ невыразимаго волненія.

— Ты возвышенный человѣкъ, Ѳома! вскричалъ, наконецъ, дядя, очнувшись.—Ты благороднѣйшій изъ людей!

— Это я знаю, отвѣчалъ Ѳома слабымъ голосомъ, но съ невыразимымъ достоинствомъ.

— Ѳома, прости меня! Я подлецъ передъ тобой, Ѳома!

— Да, передо мной, поддакнулъ Ѳома.

— Ѳома! Не твоему благородству я удивляюсь, продолжалъ дядя въ восторгѣ,—но тому, какъ могъ я быть до такой степени грубъ, слѣпъ и подлъ, чтобы предложить тебѣ деньги при такихъ условіяхъ? Но, Ѳома, ты въ одномъ ошибся: я вовсе не подкупалъ тебя, не платилъ тебѣ, чтобъ ты вышелъ изъ дома, а просто-за-просто, я хотѣлъ, чтобъ и у тебя были деньги, чтобъ ты не нуждался, когда отъ меня выйдешь. Клянусь въ этомъ тебѣ! На колѣняхъ, на колѣняхъ готовъ просить у тебя прощенія, Ѳома, и если хочешь, стану сейчасъ передъ тобой на колѣни... если только хочешь...

— Не надо мнѣ вашихъ колѣнъ, полковникъ!..

— Но, Боже мой! Ѳома, посуди: вѣдь я былъ разгоря-

ченъ, фрапированъ, я былъ внѣ себя... Но назови же, скажи, чѣмъ могу, чѣмъ въ состояніи я загладить эту обиду? Научи, изреки...

— Ничѣмъ, ничѣмъ, полковникъ! И будьте увѣрены, что завтра же я отрясу прахъ съ моихъ сапоговъ на порогѣ этого дома.

И Ѳома началъ подыматься съ кресла. Дядя, въ ужасѣ, бросился его снова усаживать.

— Нѣтъ, Ѳома, ты не уйдешь, увѣряю тебя! кричалъ дядя.—Нечего говорить про прахъ и про сапоги, Ѳома! Ты не уйдешь, или я пойду за тобой на край свѣта, и все буду идти за тобой, до тѣхъ поръ, покамѣстъ ты не простишь меня... Клянусь, Ѳома, я такъ и сдѣлаю!

— Васъ простить? Вы виноваты? сказалъ Ѳома. — Но понимаете-ли вы еще вину-то свою передо мною? Понимаете-ли, что вы стали виноваты теперь передо мной даже тѣмъ, что давали мнѣ здѣсь кусокъ хлѣба? Понимаете-ли вы, что теперь одной минутой вы отравили ядомъ всѣ тѣ прошедшіе куски, которые я употребилъ въ вашемъ домѣ? Вы попрекнули меня сейчасъ этими кусками, каждымъ глоткомъ этого хлѣба, уже съѣденнаго мною; вы мнѣ доказали теперь, что я жилъ, какъ рабъ, въ вашемъ домѣ, какъ лакей, какъ обтирка вашихъ лакированныхъ сапоговъ! А между тѣмъ, я, въ чистотѣ моего сердца, думалъ до сихъ поръ, что обитаю въ вашемъ домѣ, какъ другъ и какъ братъ! Не сами-ль, не сами-ль вы змѣиными рѣчами вашими тысячу разъ увѣряли меня въ этомъ братствѣ? Зачѣмъ же вы таинственно сплетали мнѣ эти сѣти, въ которыя я попалъ, какъ дуракъ? Зачѣмъ же во мракѣ копали вы мнѣ эту волчью яму, въ которую теперь вы сами втолкнули меня? Зачѣмъ не поразили вы меня разомъ еще прежде, однимъ ударомъ этой дубины? Зачѣмъ въ самомъ началѣ не свернули вы мнѣ головы, какъ какому-нибудь пѣтуху, за то... ну, хоть, напримѣръ, только за то, что онъ не несетъ яицъ? Да, именно такъ! Я стою за это сравненіе, полковникъ, хотя оно и взято изъ провинціальнаго быта и напоминаетъ собою тривіальный тонъ современной литературы; потому стою за него, что въ немъ видна вся безсмыслица обвиненій вашихъ; ибо я столько же виноватъ передъ вами, какъ и этотъ предполагаемый пѣтухъ, не угодившій своему легкомысленному владѣльцу неснесеньемъ яицъ! Помилуйте, полковникъ! Развѣ платятъ другу или брату деньгами—и за что же? Главное, за что

же? „На, дескать, возлюбленный братъ мой, я обязанъ тебѣ: ты даже спасалъ мнѣ жизнь; на тебѣ нѣсколько іудиныхъ сребренниковъ, но только убирайся отъ меня съ глазъ долой!" Какъ наивно! Какъ грубо вы поступили со мною! Вы думали, что я жажду вашего золота, тогда какъ я питалъ одни райскія чувства составить ваше благополучіе. О, какъ разбили вы мое сердце! Благороднѣйшими чувствами моими вы играли какъ какой-нибудь мальчишка въ какую-нибудь свайку! Давно-давно, полковникъ, я уже предвидѣлъ все это,—вотъ почему я уже давнымъ-давно задыхаюсь отъ вашего хлѣба, давлюсь этимъ хлѣбомъ! Вотъ почему меня давили ваши перины, давили, а не лелѣяли! Вотъ почему сахаръ, ваши конфекты были для меня каленскимъ перцемъ, а не конфектами! Нѣтъ, полковникъ! Живите одинъ, благодетствуйте одинъ и оставьте Фому идти своею скорбною дорогою, съ мѣшкомъ на спинѣ. Такъ и будетъ, полковникъ!

— Нѣтъ, Фома, нѣтъ! Такъ не будетъ, такъ не можетъ быть! простоналъ совершенно уничтоженный дядя.

— Да, полковникъ, да! Именно такъ будетъ, потому что такъ должно быть. Завтра же ухожу отъ васъ. Разсыпьте ваши милліоны, устелите весь путь мой, всю большую дорогу вплоть до Москвы кредитными билетами—и я гордо, презрительно пройду по вашимъ билетамъ: эта самая нога, полковникъ, растопчетъ, загрязнитъ, разлавитъ эти билеты, и Фома Опискинъ будетъ сытъ одними благородствомъ своей души! Я сказалъ и доказалъ! Прощайте, полковникъ. Про-щай-те, полковникъ!..

И Фома началъ вновь подыматься съ кресла.

— Прости, прости, Фома! Забудь!.. повторилъ дядя умоляющимъ голосомъ.

— „Прости!" Но къ чему вамъ мое прощеніе? Ну, хорошо, положимъ, что я васъ и прощу: я христіанинъ; я не могу не простить: я и теперь уже почти васъ простилъ. Но рѣшите же сами: сообразно-ли будетъ хоть сколько-нибудь съ здравымъ смысломъ и благородствомъ души, если я хоть на одну минуту останусь теперь въ вашемъ домѣ? Вѣдь вы выгоняли меня!

— Сообразно, сообразно, Фома! Увѣряю тебя, что сообразно!

— Сообразно? Не равны-ли мы теперь между собою? Неужели вы не понимаете, что я, такъ сказать, раздавилъ васъ своимъ благородствомъ, а вы раздавили сами себя

своимъ унизительнымъ поступкомъ? Вы раздавлены, а я вознесенъ. Гдѣ же равенство? А развѣ можно быть друзьями безъ такого равенства? Говорю это, испуская сердечный вопль, а не торжествуя, не возносясь надъ вами, какъ вы, можетъ-быть, думаете.

— Но я и самъ испускаю сердечный вопль, Ѳома, увѣряю тебя...

— И это тотъ самый человѣкъ, продолжалъ Ѳома, перемѣняя суровый тонъ на блаженный,—тотъ самый человѣкъ, для котораго я столько разъ не спалъ по ночамъ! Сколько разъ, бывало, въ безсонныя ночи мои, я вставалъ съ постели, зажигалъ свѣчу и говорилъ себѣ: „Теперь онъ спитъ спокойно, надѣясь на тебя. Не спи же ты, Ѳома, бодрствуй за него; авось, выдумаешь еще что-нибудь для благополучія этого человѣка“. Вотъ какъ думалъ Ѳома въ свои безсонныя ночи, полковникъ! И вотъ какъ заплатилъ ему этотъ полковникъ! Но довольно, довольно!..

— Но я заслужу, Ѳома, я заслужу опять твою дружбу— клянусь тебѣ!

— Заслужите? А гдѣ же гарантія? Какъ христіанинъ, я прощу и даже буду любить васъ; но какъ человѣкъ, и человѣкъ благородный, я поневолѣ буду васъ презирать. Я долженъ, я обязанъ во имя нравственности, потому что — повторяю вамъ это — вы опозорили себя, а я сдѣлалъ благороднѣйшій изъ поступковъ. Ну, кто *изъ вашихъ* сдѣлаетъ подобный поступокъ? Кто изъ нихъ откажется отъ такого несмѣтнаго числа денегъ, отъ которыхъ отказался, однакожъ, нищій, презираемый всѣми Ѳома, изъ любви къ величію? Нѣтъ, полковникъ, чтобъ сравниться со мной, вы должны совершить теперь цѣлый рядъ подвиговъ. А на какой подвигъ способны вы, когда не можете даже сказать мнѣ *вы*, какъ своему ровнѣ, а говорите *ты*, какъ слугѣ?..

— Ѳома, по вѣдь я по дружбѣ говорилъ тебѣ *ты!* возопилъ дядя. — Я не зналъ, что тебѣ непріятно... Боже мой! Но если бъ я только зналъ...

— Вы, продолжалъ Ѳома,—вы, который не могли, или, лучше сказать, не хотѣли исполнить самую пустѣйшую, самую ничтожнѣйшую изъ просьбъ, когда я васъ просилъ сказать мнѣ, какъ генералу, „ваше превосходительство“...

— Но, Ѳома, вѣдь это уже было, такъ сказать, высшее посягновеніе, Ѳома.

— Высшее посягновеніе! Затвердили какую-то книжную

фразу, да и повторяете ее, какъ попугай! Но знаете-ли вы, вы осрамили, обезчестили меня отказомъ сказать мнѣ „ваше превосходительство", обезчестили тѣмъ, что, не понявъ причинъ моихъ, выставили меня капризнымъ дуракомъ, достойнымъ желтаго дома! Ну, неужели я не понимаю, что я бы самъ былъ смѣшонъ, если бъ захотѣлъ именоваться превосходительствомъ, я, который презираю всѣ эти чины и земныя величія, ничтожныя сами по себѣ, если они не освѣщаются добродѣтелью? За милліонъ не возьму генеральскаго чина безъ добродѣтели. А между тѣмъ, вы считали меня за безумнаго! Для вашей же пользы я пожертвовалъ моимъ самолюбіемъ и допустилъ, что вы, *вы* могли считать меня за безумнаго, вы и ваши *ученые*! Единственно для того, чтобъ просвѣтить вашъ умъ, развить вашу нравственность и облить васъ лучами новыхъ идей, рѣшился я требовать отъ васъ генеральскаго титула. Я именно хотѣлъ, чтобъ вы впредь не почитали генераловъ самыми высшими свѣтилами на всемъ земномъ шарѣ; хотѣлъ доказать вамъ, что чинъ — ничто безъ великодушія, и что нечего радоваться пріѣзду вашего генерала, когда, можетъ-быть, и возлѣ васъ стоятъ люди, озаренные добродѣтелью! Но вы такъ постоянно чванились передо мною своимъ чиномъ полковника, что вамъ уже трудно было сказать мнѣ: „ваше превосходительство". Вотъ гдѣ причина! Вотъ гдѣ искать ее, а не въ посягновеніи какихъ-то судебъ! Вся причина въ томъ, что вы полковникъ, а я просто Ѳома...

— Нѣтъ, Ѳома, нѣтъ! Увѣряю тебя, что это не такъ. Ты ученый, ты не просто Ѳома... я почитаю...

— Почитаете! Хорошо! Такъ скажите же мнѣ, если почитаете, какъ по вашему мнѣнію: достоинъ я, или нѣтъ генеральскаго сана? Отвѣчайте рѣшительно и немедленно: достоинъ, иль нѣтъ? Я хочу посмотрѣть вашъ умъ, ваше развитіе.

— За честность, за безкорыстіе, за умъ, за высочайшее благородство души—достоинъ! съ гордостью проговорилъ дядя.

— А если достоинъ, такъ для чего же вы не скажете мнѣ „ваше превосходительство?"

— Ѳома, я, пожалуй, скажу...

— А я требую! А я теперь требую, полковникъ, настаиваю и требую! Я вижу, какъ вамъ тяжело это, потому-то и требую. Эта жертва съ вашей стороны будетъ

первымъ шагомъ вашего подвига, потому что—не забудьте это — вы должны сдѣлать цѣлый рядъ подвиговъ, чтобъ сравняться со мною; вы должны пересилить самого себя, и тогда только я увѣрую въ вашу искренность...

— Завтра же скажу тебѣ, Ѳома, „ваше превосходительство!“

— Нѣтъ, не завтра, полковникъ, завтра само собой. Я требую, чтобъ вы теперь, сейчасъ же, сказали мнѣ „ваше превосходительство“.

— Изволь, Ѳома, я готовъ... Только какъ же это такъ, сейчасъ, Ѳома?

— Почему же не сейчасъ? Или вамъ стыдно? Въ такомъ случаѣ мнѣ обидно, если вамъ стыдно.

— Ну, да, пожалуй, Ѳома, я готовъ... я даже горжусь... Только какъ же это, Ѳома, ни съ того, ни съ сего: „здравствуйте, ваше превосходительство?“ Вѣдь это нельзя...

— Нѣтъ, не „здравствуйте, ваше превосходительство“, это уже обидный тонъ; это похоже на шутку, на фарсъ. Я не позволю съ собой такихъ шутокъ. Опомнитесь, немедленно опомнитесь, полковникъ! Перемѣните вашъ тонъ!

— Да ты не шутишь, Ѳома?

— Во-первыхъ, я не *ты*, Егоръ Ильичъ, а *вы*—не забудьте это; и не Ѳома, а Ѳома Ѳомичъ.

— Да ей-Богу же, Ѳома Ѳомичъ, я радъ! Я всѣми силами радъ... Только что-жъ я скажу?

— Вы затрудняетесь прибавить къ слову: „ваше превосходительство“—это понятно. Давно бы вы объяснились! Это даже извинительно, особенно, если человѣкъ *не сочинитель*, если выразиться поучтивѣе. Ну, я вамъ помогу, если вы не сочинитель. Говорите за мной: „ваше превосходительство“!..

— Ну, „ваше превосходительство“.

— Нѣтъ, не: „*ну* ваше превосходительство“, а просто: „ваше превосходительство!“ Я вамъ говорю, полковникъ, перемѣните вашъ тонъ! Надѣюсь также, что вы не оскорбитесь, если я предложу вамъ слегка поклониться и, вмѣстѣ съ тѣмъ, склонить впередъ корпусъ, выражая такимъ образомъ почтительность и готовность, такъ сказать, летѣть по его порученіямъ. Я самъ бывалъ въ генеральскихъ обществахъ и все это знаю... Ну-съ: „ваше превосходительство“.

— Ваше превосходительство...

— „Какъ я несказанно обрадованъ, что имѣю, наконецъ, случай, просить у васъ извиненія въ томъ, что съ перваго раза не узналъ души вашего превосходительства. Смѣю увѣрить, что впредь не пощажу слабыхъ силъ моихъ въ пользу общую..." Ну, довольно съ васъ!

Бѣдный дядя! Онъ долженъ былъ повторить всю эту галиматью, фразу за фразой, слово за словомъ! Я стоялъ и краснѣлъ, какъ виноватый. Злость душила меня.

— Ну, не чувствуете-ли вы теперь, проговорилъ истязатель, — что у васъ вдругъ стало легче на сердцѣ, какъ будто въ душу къ вамъ слетѣлъ какой-то ангелъ?.. Чувствуете-ли вы присутствіе этого ангела? Отвѣчайте мнѣ!

— Да, Ѳома, дѣйствительно какъ-то легче сдѣлалось, отвѣчалъ дядя.

— Какъ будто сердце ваше послѣ того, какъ вы побѣдили себя, такъ сказать, окунулось въ какомъ-то елеѣ!

— Да, Ѳома, дѣйствительно, какъ будто по маслу пошло.

— Какъ будто по маслу? Гм!.. Я, впрочемъ, не про масло вамъ говорилъ... Ну, да все равно! Вотъ что значитъ, полковникъ, исполненный долгъ! Побѣждайте же себя. Вы самолюбивы, необъятно самолюбивы!

— Самолюбивъ, Ѳома, вижу, со вздохомъ отвѣчалъ дядя.

— Вы эгоистъ и даже мрачный эгоистъ...

— Эгоистъ-то я эгоистъ, правда, Ѳома, и это вижу: съ тѣхъ поръ, какъ тебя узналъ, такъ и это узналъ.

— Я вамъ говорю теперь, какъ отецъ, какъ нѣжная мать... вы отбиваете всѣхъ отъ себя и забываете, что ласковый теленокъ двѣ матки сосетъ.

— Правда и это, Ѳома!

— Вы грубы. Вы такъ грубо толкаетесь въ человѣческое сердце, такъ самолюбиво напрашиваетесь на вниманіе, что порядочный человѣкъ отъ васъ за тридевять земель убѣжать готовъ!

Дядя еще разъ глубоко вздохнулъ.

— Будьте же нѣжнѣе, внимательнѣе, любовнѣе къ другимъ; забудьте себя для другихъ, тогда вспомнятъ и о васъ. Живи и жить давай другимъ — вотъ мое правило! Терпи, трудись, молись и надѣйся — вотъ истины, которыя бы я желалъ внушить разомъ всему человѣчеству! Подражайте же имъ, и тогда я первый раскрою вамъ мое сердце, буду плакать на груди вашей... если понадобится...

А то я да я, да милость моя! Да вѣдь надоѣстъ же, наконецъ, ваша милость, съ позволенія сказать.

„Сладкогласный человѣкъ!“ проговорилъ, въ благоговѣніи, Гаврила.

— Это правда, Ѳома, я все это чувствую, поддакнулъ растроганный дядя.—Но не во всемъ же и я виноватъ, Ѳома: такъ ужъ меня воспитали: съ солдатами жилъ. А клянусь тебѣ, Ѳома, и я умѣлъ чувствовать. Прощался съ полкомъ, такъ всѣ гусары, весь мой дивизіонъ, просто плакали, говорили, что такого, какъ я, не нажить!.. Я и подумалъ тогда, что и я, можетъ-быть, еще не совсѣмъ человѣкъ погибшій.

— Опять эгоистическая черта! Опять я ловлю васъ на самолюбіи! Вы хвалитесь и мимоходомъ попрекнули меня слезами гусаръ. Что-жъ я не хвалюсь ничьими слезами? А было бы чѣмъ, а было бы, можетъ-быть, чѣмъ.

— Это такъ съ языка сорвалось, Ѳома, не утерпѣлъ, вспомнилъ старое, хорошее время.

— Хорошее время не съ неба падаетъ, а мы его дѣлаемъ; оно заключается въ сердцѣ нашемъ, Егоръ Ильичъ. Отчего же я всегда счастливъ и, несмотря на страданія, доволенъ, спокоенъ духомъ и никому не надоѣдаю, развѣ однимъ дуракамъ, верхоплясамъ, *ученымъ*, которыхъ не щажу и не хочу щадить. Не люблю дураковъ! И что̀ такое эти ученые? „Человѣкъ науки!“ Да наука-то выходитъ у него надувательная штука, а не наука. Ну, что̀ *онъ* давеча говорилъ? Давайте его сюда! Давайте сюда всѣхъ ученыхъ! Все могу опровергнуть; всѣ положенія ихъ могу опровергнуть! Я ужъ не говорю о благородствѣ души...

— Конечно, Ѳома, конечно. Кто-жъ сомнѣвается?

— Давеча, напримѣръ, я выказалъ умъ, талантъ, колоссальную начитанность, знаніе сердца человѣческаго, знаніе современныхъ литературъ, я показалъ и блестящимъ образомъ развернулъ, какъ, изъ какого-нибудь комаринскаго, можетъ вдругъ составиться высокая тема для разговора у человѣка талантливаго. Что̀-жъ? Оцѣнилъ-ли кто-нибудь изъ нихъ меня по достоинству? Нѣтъ, отворотились! Я вѣдь увѣренъ, что онъ уже говорилъ вамъ, что я ничего не знаю. А тутъ, можетъ-быть, самъ Макіавель, или какой-нибудь Меркаданте передъ нимъ сидѣлъ, и только тѣмъ виноватъ, что бѣденъ и находится въ неизвѣстности... Нѣтъ, это имъ не пройдетъ!.. Слышу еще про Коровкина. Это что̀ за гусь?

— Это, Ѳома, человѣкъ умный, человѣкъ науки... Я его жду. Это вѣрно ужъ будетъ хорошій, Ѳома!

— Гм! сомнѣваюсь. Вѣроятно, какой-нибудь современный оселъ, напыщенный книгами. Души въ нихъ нѣтъ, полковникъ, сердца въ нихъ нѣтъ! А что и учености безъ добродѣтели?

— Нѣтъ, Ѳома, нѣтъ! Какъ о семейномъ счастіи говорилъ! Такъ сердце и вникаетъ само собою, Ѳома!

— Гм! Посмотримъ: прокламенусь я Коровкина. Но довольно, заключилъ Ѳома, подымаясь съ кресла.— Я не могу еще васъ совершенно простить, полковникъ: обида была кровавая; но я помолюсь, и, можетъ-быть, Богъ ниспошлетъ миръ оскорбленному сердцу. Мы поговоримъ еще завтра объ этомъ, а теперь позвольте ужъ мнѣ уйти. Я усталъ и ослабъ...

— Ахъ, Ѳома! захлопоталъ дядя,—вѣдь ты, въ самомъ дѣлѣ, усталъ! Знаешь что? Не хочешь-ли подкрѣпиться, закусить чего-нибудь? Я сейчасъ прикажу.

— Закусить! Ха-ха-ха! Закусить! отвѣчалъ Ѳома съ презрительнымъ хохотомъ.— Сперва напоятъ тебя ядомъ, а потомъ спрашиваютъ, не хочешь-ли закусить? Сердечныя раны хотятъ залѣчить какими-нибудь отварными грибками или моченными яблочками! Какой вы жалкій матеріалистъ, полковникъ!

— Эхъ, Ѳома, я вѣдь, ей-Богу, отъ чистаго сердца...

— Ну, хорошо. Довольно объ этомъ. Я ухожу, а вы немедленно идите къ вашей родительницѣ: падите на колѣни, рыдайте, плачьте, но вымолите у нея прощеніе,— это вашъ долгъ, ваша обязанность.

— Ахъ, Ѳома, я все время объ этомъ только и думалъ: даже теперь, съ тобой говоря, объ этомъ же думалъ. Я готовъ хоть до разсвѣта простоять передъ ней на колѣняхъ. Но подумай, Ѳома, чего же отъ меня и требуютъ? Вѣдь это несправедливо, вѣдь это жестоко, Ѳома! Будь великодушенъ вполнѣ, осчастливь меня совершенно, подумай, рѣши, и тогда... тогда... клянусь!..

— Нѣтъ, Егоръ Ильичъ, нѣтъ, это не мое дѣло, отвѣчалъ Ѳома.—Вы знаете, что я во все это нимало не вмѣшиваюсь: то-есть вы, положимъ, и убѣждены, что я всему причиною, но, увѣряю васъ, съ самаго начала этого дѣла я устранилъ себя совершенно. Тутъ одна только воля вашей родительницы, а она, разумѣется, вамъ желаетъ добра... Ступайте же, спѣшите, летите и поправьте обстоя-

тельства своимъ послушаніемъ... Да не зайдетъ солнце во гнѣвѣ вашемъ! А я... а я буду всю ночь молиться за васъ. Я давно уже не знаю, что̀ такое сонъ, Егоръ Ильичъ. Прощайте! Прощаю и тебя, старикъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ Гаврилѣ. — Знаю, что ты не своимъ умомъ дѣйствовалъ. Прости же и ты мнѣ, если я обидѣлъ тебя... Прощайте, прощайте всѣ, и благослови васъ Господь!..

Ѳома вышелъ. Я тотчасъ же бросился въ комнату.

— Ты подслушивалъ? вскричалъ дядя.

— Да, дядюшка, я подслушивалъ! И вы, и вы могли сказать ему „ваше превосходительство!..“

— Что̀-жъ дѣлать, братецъ? Я даже горжусь... Это ничего для высокаго подвига: но какой благородный, какой безкорыстный, какой великій человѣкъ! Сергѣй—ты вѣдь слышалъ... И какъ могъ я тутъ соваться съ этими деньгами, то-есть просто не понимаю! Другъ мой! Я былъ увлеченъ; я былъ въ ярости; я не понималъ его; я его подозрѣвалъ, обвинялъ... Но нѣтъ! Онъ не могъ быть моимъ противникомъ,—это я теперь вижу... А помнишь, какое у него было благородное выраженіе въ лицѣ, когда онъ отказался отъ денегъ?

— Хорошо, дядюшка, гордитесь же сколько угодно, а я ѣду: терпѣнія нѣтъ больше! Послѣдній разъ говорю, скажите: чего вы отъ меня требуете? Зачѣмъ вызвали и чего ожидаете? И если все кончено, и я безполезенъ вамъ, то я ѣду. Я не могу выносить такихъ зрѣлищъ! Сегодня же ѣду.

— Другъ мой... засуетился, по обыкновенію своему, дядя,—подожди только двѣ минуты: я, братъ, иду теперь къ маменькѣ... тамъ надо кончить... важное, великое, громадное дѣло!.. А ты, покамѣстъ, уйди къ себѣ. Вотъ, Гаврила тебя и отведетъ въ лѣтній флигель? Знаешь лѣтній флигель? Это въ самомъ саду. Я ужъ распорядился, и чемоданъ твой туда перенесли. А я буду тамъ, вымолю прощеніе, рѣшусь на одно дѣло,—я теперь ужъ знаю какъ сдѣлать,—и тогда мигомъ къ тебѣ, и тогда все, все, все до послѣдней черты тебѣ разскажу, всю душу выложу предъ тобою. И... и... и настанутъ же когда-нибудь и для насъ счастливые дни! Двѣ минуты, только двѣ минутки, Сергѣй!

Онъ пожалъ мнѣ руку и поспѣшно вышелъ. Нечего было дѣлать, пришлось опять отправляться съ Гаврилой.

X.

Мизинчиковъ.

Флигель, въ который привелъ меня Гаврила, назывался „новымъ флигелемъ" только по старой памяти, но выстроенъ былъ уже давно, прежними помѣщиками. Это былъ хорошенькій, деревянный домикъ, стоявшій въ нѣсколькихъ шагахъ отъ стараго дома, въ самомъ саду. Съ трехъ сторонъ его обступали высокія старыя липы, касавшіяся своими вѣтвями кровли. Всѣ четыре комнаты этого домика были нелурно меблированы и предназначались къ пріѣзду гостей. Войдя въ отведенную мнѣ комнату, въ которую уже перенесли мой чемоданъ, я увидѣлъ на столикѣ, предъ кроватью, листъ почтовой бумаги, великолѣпно исписанный разными шрифтами, отдѣланный гирляндами, парафами и росчерками. Заглавныя буквы и гирлянды разрисованы были разными красками. Все вмѣстѣ составляло премиленькую каллиграфскую работу. Съ первыхъ словъ, прочитанныхъ мною, я понялъ, что это было просительное письмо, адресованное ко мнѣ, и въ которомъ я именовался „просвѣщеннымъ благодѣтелемъ". Въ заглавіи стояло: „Вопли Видоплясова". Сколько я ни напрягалъ вниманія, стараясь хоть что-нибудь понять изъ написаннаго,—всѣ труды мои остались тщетными: это былъ самый напыщенный вздоръ, писанный высокимъ лакейскимъ слогомъ. Догадался я только, что Видоплясовъ находится въ какомъ-то бѣдственномъ положеніи, проситъ моего содѣйствія, въ чемъ-то очень на меня надѣется, „по причинѣ моего просвѣщенія" и, въ заключеніе, проситъ похлопотать въ мою пользу у дядюшки и подѣйствовать на него „моею машиною", какъ буквально изображено было въ концѣ этого посланія. Я еще читалъ его, какъ отворилась дверь и вошелъ Мизинчиковъ.

— Надѣюсь, что вы позволите мнѣ съ вами познакомиться, сказалъ онъ развязно, но чрезвычайно вѣжливо и подавая мнѣ руку.—Давеча я не могъ вамъ сказать двухъ словъ, а между тѣмъ съ перваго взгляда почувствовалъ желаніе узнать васъ короче.

Я тотчасъ же отвѣчалъ, что и самъ радъ, и проч., хотя и находился въ самомъ отвратительномъ положеніи духа. Мы сѣли.

— Что это у васъ? сказалъ онъ, взглянувъ на листъ, который я еще держалъ въ рукѣ.—Ужъ не вопли-ли Ви-

доплясова? Такъ и есть! Я увѣренъ былъ, что Видоплясовъ и васъ атакуетъ. Онъ и мнѣ подавалъ такой же точно листъ, съ тѣми же воплями; а васъ онъ уже давно ожидаетъ и, вѣроятно, заранѣе приготовлялся. Вы не удивляйтесь: здѣсь много страннаго и, право, есть надъ чѣмъ посмѣяться.

— Только посмѣяться?

— Ну, да неужели же плакать? Если хотите, я вамъ разскажу біографію Видоплясова и увѣренъ, что вы посмѣетесь.

— Признаюсь, теперь мнѣ не до Видоплясова, отвѣчалъ я съ досадою.

Мнѣ очевидно было, что и знакомство господина Мизинчикова, и любезный его разговоръ—все это предпринято имъ съ какою-то цѣлью, и что господинъ Мизинчиковъ просто во мнѣ нуждается. Давеча онъ сидѣлъ нахмуренный и серьезный; теперь же былъ веселый, улыбающійся и готовый разсказывать длинныя исторіи. Видно было съ перваго взгляда, что этотъ человѣкъ отлично владѣлъ собой и, кажется, зналъ людей.

— Проклятый Ѳома! сказалъ я, со злостью стукнувъ кулакомъ по столу.—Я увѣренъ, что онъ источникъ всякаго здѣшняго зла и во всемъ замѣшанъ! Проклятая тварь!

— Вы, кажется, ужъ слишкомъ на него разсердились, замѣтилъ Мизинчиковъ.

— Слишкомъ разсердился! вскрикнулъ я, мгновенно разгорячившись.—Конечно, я давеча слишкомъ увлекся и такимъ образомъ далъ право всякому осуждать меня. Я очень хорошо понимаю, что я выскочилъ и срѣзался на всѣхъ пунктахъ, и, я думаю, нечего было это мнѣ объяснять!.. Понимаю тоже, что такъ не дѣлается въ порядочномъ обществѣ; но, сообразите, была-ли какая возможность не увлечься? Вѣдь это сумасшедшій домъ, если хотите знать! и... и... наконецъ... я просто уѣду отсюда,—вотъ что!

— Вы курите? спокойно спросилъ Мизинчиковъ.

— Да.

— Такъ, вѣроятно, позволите и мнѣ закурить. Тамъ не позволяютъ, и я почти стосковался. Я согласенъ, продолжалъ онъ, закуривъ папироску,—что все это похоже на сумасшедшій домъ, но будьте увѣрены, что я не позволю себѣ осуждать васъ, именно потому, что, на вашемъ мѣ-

стѣ, я, можетъ, втрое болѣе бы разгорячился и вышелъ изъ себя, чѣмъ вы.

— А почему же вы не вышли изъ себя, если дѣйствительно были тоже раздосадованы? Я, напротивъ, припоминаю васъ очень хладнокровнымъ, и, признаюсь, мнѣ даже странно было, что вы не заступились за бѣднаго дядю, который готовъ благодѣтельствовать... всѣмъ и каждому!

— Ваша правда: онъ многимъ благодѣтельствовалъ; но заступаться за него я считаю совершенно безполезнымъ: во-первыхъ, это и для него безполезно и даже унизительно какъ-то; а во-вторыхъ, меня бы завтра же выгнали. А я вамъ откровенно скажу, мои обстоятельства такого рода, что я долженъ дорожить здѣшнимъ гостепріимствомъ.

— Но я нисколько не претендую на вашу откровенность насчетъ обстоятельствъ... Мнѣ бы, впрочемъ, хотѣлось спросить, такъ какъ вы здѣсь уже мѣсяцъ живете...

— Сдѣлайте одолженіе, спрашивайте: я къ вашимъ услугамъ, торопливо отвѣчалъ Мизинчиковъ, придвигая стулъ.

— Да вотъ, напримѣръ, объясните: сейчасъ Ѳома Ѳомичъ отказался отъ 15,000 серебромъ, которыя уже были въ его рукахъ—я видѣлъ это собственными глазами.

— Какъ это? Не-уже-ли! вскрикнулъ Мизинчиковъ.— Разскажите, пожалуйста!

Я разсказалъ, умолчавъ о „вашемъ превосходительствѣ“. Мизинчиковъ слушалъ съ жаднымъ любопытствомъ: онъ даже какъ-то преобразился въ лицѣ, когда дошло до пятнадцати тысячъ.

— Ловко! сказалъ онъ, выслушавъ разсказъ.—Я даже не ожидалъ отъ Ѳомы.

— Однакожъ, отказался отъ денегъ! Чѣмъ это объяснить? Неужели благородствомъ души?

— Отказался отъ пятнадцати тысячъ, чтобъ взять потомъ тридцать. Впрочемъ, знаете что? прибавилъ онъ, подумавъ,—я сомнѣваюсь, чтобъ у Ѳомы былъ какой-нибудь расчетъ. Это человѣкъ непрактическій; это тоже, въ своемъ родѣ, какой-то поэтъ. Пятнадцать тысячъ... гм! Видите-ли: онъ и взялъ бы деньги, да не устоялъ передъ соблазномъ погримасничать, порисоваться. Это, я вамъ скажу, такая кислятина, такая слезливая размазня, и все это при самомъ неограниченномъ самолюбіи!

Мизинчиковъ даже разсердился. Видно было, что ему очень досадно, даже какъ будто завидно. Я съ любопытствомъ вглядывался въ него.

— Гм! Надо ожидать большихъ перемѣнъ, прибавилъ онъ, задумываясь.—Теперь Егорь Ильичъ готовъ молиться Ѳомѣ. Чего добраго, пожалуй, и женится, изъ умиленія души, прибавилъ онъ сквозь зубы.

— Такъ вы думаете, что непремѣнно состоится этотъ гнусный, противоестественный бракъ съ этой помѣшанной дурой?

Мизинчиковъ пытливо взглянулъ на меня.

— Подлецы! вскричалъ я запальчиво.

— Впрочемъ, у нихъ идея довольно основательная: они утверждаютъ, что онъ долженъ же что-нибудь сдѣлать для семейства.

— Мало онъ для нихъ сдѣлалъ! вскричалъ я въ негодованіи.—И вы, и вы можете говорить, что это основательная мысль—жениться на пошлой дурѣ!

— Конечно, и я согласенъ съ вами, что она дура... Гм! Это хорошо, что вы такъ любите дядюшку; я самъ сочувствую... хотя на ея деньги можно бы славно округлить имѣніе! Впрочемъ, у нихъ и другіе резоны: они боятся, чтобъ Егоръ Ильичъ не женился на той гувернанткѣ... помните, еще такая интересная дѣвушка?

— А развѣ... развѣ это вѣроятно? спросилъ я въ волненіи.—Мнѣ кажется, это клевета. Скажите, ради Бога, меня это крайне интересуетъ...

— О, влюбленъ по уши! Только, разумѣется, скрываетъ.

— Скрываетъ! Вы думаете, онъ скрываетъ? Ну, а она? Она его любитъ?

— Очень можетъ быть, что и она. Впрочемъ, вѣдь ей всѣ выгоды за него выйти: она очень бѣдна.

— Но какія данныя вы имѣете для вашей догадки, что они любятъ другъ друга?

— Да вѣдь этого нельзя не замѣтить; притомъ же они, кажется, имѣютъ тайныя свиданія. Утверждали даже, что она съ нимъ въ непозволительной связи. Вы только, пожалуйста, не разсказывайте. Я вамъ говорю подъ секретомъ.

— Возможно-ли этому повѣрить! вскричалъ я,—и вы, и вы признаетесь, что этому вѣрите?

— Разумѣется, я не вѣрю вполнѣ, я тамъ не былъ. Впрочемъ, очень можетъ и быть.

— Какъ, можетъ быть! Вспомните благородство, честь дяди!

— Согласенъ; но можно и увлечься съ тѣмъ, чтобъ непремѣнно потомъ завершить законнымъ бракомъ. Такъ часто увлекаются. Впрочемъ, повторяю, я нисколько не стою за совершенную достовѣрность этихъ извѣстій, тѣмъ болѣе, что ее здѣсь очень ужъ размарали; говорили даже, что она была въ связи съ Видоплясовымъ.

— Ну, вотъ видите! вскричалъ я,—съ Видоплясовымъ! Ну, возможно-ли это? Ну, не отвратительно-ль даже слышать это? Неужели-жъ вы и этому вѣрите?

— Я вѣдь вамъ говорю, что я этому не совсѣмъ вѣрю, спокойно отвѣчалъ Мизинчиковъ, — а, впрочемъ, могло и случиться. На свѣтѣ все можетъ случиться. Я же тамъ не былъ, и, притомъ, я считаю, что это не мое дѣло. Но такъ какъ, я вижу, вы берете во всемъ этомъ большое участіе, то считаю себя обязаннымъ прибавить, что дѣйствительно мало вѣроятія насчетъ этой связи съ Видоплясовымъ. Это все продѣлки Анны Ниловны, вотъ этой Перепелицыной: это она распустила здѣсь эти слухи, изъ зависти, потому что сама прежде мечтала выйти замужъ за Егора Ильича—ей-Богу! — на томъ основаніи, что она подполковничья дочь. Теперь она разочаровалась и ужасно бѣсится. Впрочемъ, я, кажется, ужъ все разсказалъ вамъ объ этихъ дѣлахъ и, признаюсь, ужасно не люблю сплетень, тѣмъ болѣе, что мы только теряемъ драгоцѣнное время. Я, видите-ли, пришелъ къ вамъ съ небольшою просьбой.

— Съ просьбой? Помилуйте, все, чѣмъ могу быть полезенъ...

— Понимаю и даже надѣюсь васъ нѣсколько заинтересовать, потому что, вижу, вы любите вашего дядюшку и принимаете большое участіе въ его судьбѣ насчетъ брака. Но, передъ этою просьбой, я имѣю къ вамъ еще другую просьбу, предварительную.

— Какую же?

— А вотъ какую: можетъ-быть, вы и согласитесь исполнить мою главную просьбу, можетъ-быть, и нѣтъ, но, во всякомъ случаѣ, прежде изложенія я бы попросилъ васъ покорнѣйше сдѣлать мнѣ величайшее одолженіе, дать мнѣ честное и благородное слово дворянина и порядочнаго человѣка, что все, услышанное вами отъ меня, останется между нами въ глубочайшей тайнѣ, и что вы ни

въ какомъ случаѣ, ни для какого лица не измѣните этой тайнѣ и не воспользуетесь для себя той идеей, которую я теперь нахожу необходимымъ вамъ сообщить. Согласны, иль нѣтъ?

Предисловіе было торжественное. Я далъ согласіе.

— Ну-съ?.. сказалъ я.

— Дѣло въ сущности очень простое, началъ Мизинчиковъ.—Я, видите-ли, хочу увезти Татьяну Ивановну и жениться на ней; словомъ, будетъ нѣчто похожее на Гретна-Гринъ,—понимаете?

Я посмотрѣлъ господину Мизинчикову прямо въ глаза и нѣкоторое время не могъ выговорить слова.

— Признаюсь вамъ, ничего не понимаю, проговорилъ я, наконецъ,—и, кромѣ того, продолжалъ я,—ожидая, что имѣю дѣло съ человѣкомъ благоразумнымъ, я, съ своей стороны, никакъ не ожидалъ...

— Ожидая не ожидали, перебилъ Мизинчиковъ, — въ переводѣ это будетъ, что я и намѣреніе мое глупы,— не правда-ли?

— Вовсе нѣтъ-съ... но...

— О, пожалуйста, не стѣсняйтесь въ вашихъ выраженіяхъ! Не безпокойтесь: вы мнѣ даже сдѣлаете этимъ большое удовольствіе, потому что этакъ ближе къ цѣли. Я, впрочемъ, согласенъ, что все это съ перваго взгляда можетъ показаться даже нѣсколько страннымъ. Но смѣю увѣрить васъ, что мое намѣреніе не только не глупо, но даже въ высшей степени благоразумно; и если вы будете такъ добры, выслушаете всѣ обстоятельства...

— О, помилуйте! Я съ жадностью слушаю.

— Впрочемъ, разсказывать почти нечего. Видите-ли: я теперь въ долгахъ и безъ копейки. У меня есть, кромѣ того, сестра, дѣвица, лѣтъ девятнадцати, сирота круглая, живетъ въ людяхъ и безъ всякихъ, знаете, средствъ. Въ этомъ виноватъ отчасти и я. Получили мы въ наслѣдство сорокъ душъ. Нужно же, чтобъ меня, именно въ это время, произвели въ корнеты. Ну, сначала, разумѣется, заложилъ, а потомъ прокутилъ и остальнымъ образомъ. Жилъ глупо, задавалъ тону, корчилъ Бурцова, игралъ, пилъ—словомъ, глупо, даже и вспомнить стыдно. Теперь я одумался и хочу совершенно измѣнить образъ жизни. Но для этого мнѣ совершенно необходимо имѣть сто тысячъ ассигнаціями. А такъ какъ я не достану ничего службой, самъ же по себѣ ни на что неспособенъ и не имѣю почти ни-

какого образованія, то, разумѣется, остается только два средства: или украсть, или жениться на богатой. Пришелъ я сюда почти безъ сапогъ, пришелъ, а не пріѣхалъ. Сестра дала мнѣ свои послѣдніе три цѣлковыхъ, когда я отправился изъ Москвы. Здѣсь я увидѣлъ эту Татьяну Ивановну, и тотчасъ же у меня родилась мысль. Я немедленно рѣшился пожертвовать собой и жениться. Согласитесь, что все это не что иное, какъ благоразуміе. Къ тому же, я дѣлаю это болѣе для сестры... ну, конечно, и для себя.

— Но, позвольте, вы хотите сдѣлать формальное предложеніе Татьянѣ Ивановнѣ?

— Боже меня сохрани! Меня отсюда тотчасъ бы выгнали, да и она сама не пойдетъ; а если предложить ей увозъ, побѣгъ, то она тотчасъ пойдетъ. Въ томъ-то и дѣло: только чтобъ было что-нибудь романическое и эффектное. Разумѣется, все это немедленно завершится между нами законнымъ бракомъ. Только бы вымапить-то ее отсюда!

— Да почему-жъ вы такъ увѣрены, что она непремѣнно съ вами убѣжитъ?

— О, не безпокойтесь! Въ этомъ я совершенно увѣренъ. Въ томъ-то и состоитъ основная мысль, что Татьяна Ивановна способна завести амурное дѣло рѣшительно со всякимъ встрѣчнымъ, словомъ, со всякимъ, кому только придетъ въ голову ей отвѣчать. Вотъ почему я и взялъ съ васъ предварительно честное слово, чтобъ вы тоже не воспользовались этой идеей. Вы же, конечно, поймете, что мнѣ бы даже грѣшно было не воспользоваться такимъ случаемъ, особенно при моихъ обстоятельствахъ.

— Такъ, стало-быть, она совсѣмъ сумасшедшая... ахъ! извините, прибавилъ я, спохватившись. — Такъ какъ вы теперь имѣете на нее виды, то...

— Пожалуйста, не стѣсняйтесь, я уже просилъ васъ. Вы спрашиваете, совсѣмъ-ли она сумасшедшая? Какъ вамъ отвѣтить? Разумѣется, не сумасшедшая, потому что еще не сидитъ въ сумасшедшемъ домѣ; притомъ же, въ этой маніи къ амурнымъ дѣламъ я, право, не вижу особеннаго сумасшествія. Она же, несмотря ни на что, дѣвушка честная. Видите-ли: она до прошлаго года была въ ужасной бѣдности, съ самаго рожденія жила подъ гнетомъ у благодѣтельницъ. Сердце у ней необыкновенно чувствительное; замужъ ее никто не просилъ — ну, понимаете: мечты, желанія, надежды, пылъ сердца, который надо

было всегда укрощать, вѣчныя муки отъ благодѣтельницъ—все это, разумѣется, могло довести до разстройства чувствительный характеръ. И вдругъ она получаетъ богатство: согласитесь сами, это хоть кого перевернетъ. Ну, разумѣется, теперь въ ней ищутъ, за ней волочатся, и всѣ надежды ея воскресли. Давеча она разсказала про франта въ бѣломъ жилетѣ: это фактъ, случившійся буквально такъ, какъ она говорила. По этому факту можете судить и объ остальномъ. На вздохи, на записочки, на стишки вы ее тотчасъ приманите; а если, ко всему этому, намекнете на шелковую лѣстницу, на испанскія серенады и на всякій этотъ вздоръ, то вы можете сдѣлать съ ней все, что̀ угодно. Я ужъ сдѣлалъ пробу, и тотчасъ же добился тайнаго свиданія. Впрочемъ, теперь я, покамѣстъ, пріостановился до благопріятнаго времени. Но дня черезъ четыре надо ее увезти непремѣнно. Наканунѣ я начну подпускать лясы, вздыхать: я недурно играю на гитарѣ и пою. Ночью свиданье въ бесѣдкѣ, а къ разсвѣту коляска будетъ готова; я ее выманю, сядемъ и уѣдемъ. Вы понимаете, что тутъ—никакого риску; она совершеннолѣтняя и, кромѣ того, во всемъ ея добрая воля. А ужъ если она разъ бѣжала со мной, то ужъ, конечно, значитъ, вошла со мной въ обязательства. Привезу я ее въ благородный, но бѣдный домъ, — здѣсь есть, въ сорока верстахъ,— гдѣ до свадьбы ее будутъ держать въ рукахъ и никого до нея не допустятъ; а между тѣмъ, я времени терять не буду: свадьбу уладимъ въ три дня—это можно. Разумѣется, прежде всего нужны деньги; но я разсчиталъ, нужно не болѣе пятисотъ серебромъ на всю интермедію, и въ этомъ я надѣюсь на Егора Ильича: онъ дастъ, конечно, не зная, въ чемъ дѣло. Теперь поняли?

— Понимаю, сказалъ я, понявъ, наконецъ, все въ совершенствѣ. — Но, скажите, въ чемъ же я-то вамъ могу быть полезенъ?

— Ахъ, въ очень многомъ, помилуйте! Иначе я бы и не просилъ. Я уже сказалъ вамъ, что имѣю въ виду одно почтенное, но бѣдное семейство. Вы же мнѣ можете помочь и здѣсь, и тамъ, и, наконецъ, какъ свидѣтель. Признаюсь, безъ вашей помощи, я буду какъ безъ рукъ.

— Еще вопросъ: почему вы удостоили выбрать меня для вашей довѣренности, меня, котораго вы еще не знаете, потому что я всего нѣсколько часовъ какъ пріѣхалъ?

— Вопросъ вашъ, отвѣчалъ Мизинчиковъ съ самою

любезною улыбкою,—вопросъ вашъ, признаюсь откровенно, доставляетъ мнѣ много удовольствія, потому что представляетъ мнѣ случай высказать мое особое къ вамъ уваженіе.

— О, много чести!

— Нѣтъ, видите-ли, я васъ давеча нѣсколько изучалъ. Вы, положимъ, и пылки и... и... ну, и молоды: но вотъ въ чемъ я совершенно увѣренъ: если ужъ вы дали мнѣ слово, что никому не разскажете, то ужъ, навѣрно, его сдержите. Вы не Односкинъ—это первое. Во-вторыхъ, вы честны и не воспользуетесь моей идеей, для себя разумѣется, кромѣ того случая, если захотите вступить со мною въ дружелюбную сдѣлку. Въ такомъ случаѣ, я, можетъ-быть, и согласенъ буду уступить вамъ мою идею, то-есть Татьяну Ивановну, и готовъ ревностно помогать въ похищеніи, но съ условіемъ, черезъ мѣсяцъ послѣ свадьбы, получить отъ васъ пятьдесятъ тысячъ ассигнаціями, въ чемъ, разумѣется, вы мнѣ заранѣе дали бы обезпеченіе, въ видѣ заемнаго письма, безъ процентовъ.

— Какъ! вскричалъ я,—такъ вы ее ужъ и мнѣ предлагаете?

— Натурально, я могу уступить, если надумаетесь, захотите. Я, конечно, теряю, но... идея принадлежитъ мнѣ, а вѣдь за идеи берутъ же деньги. Въ-третьихъ, наконецъ, я потому васъ пригласилъ, что не изъ кого и выбирать. А долго медлить, взявъ въ соображеніе здѣшнія обстоятельства, невозможно. Къ тому же скоро Успенскій постъ и вѣнчать не станутъ. Надѣюсь, вы теперь вполнѣ меня понимаете?

— Совершенно, и еще разъ обязуюсь сохранить вашу тайну въ полной неприкосновенности; но товарищемъ вашимъ въ этомъ дѣлѣ я быть не могу, о чемъ и считаю долгомъ объявить вамъ немедленно.

— Почему-жъ?

— Какъ почему-жъ! вскричалъ я, давея, наконецъ, волю накопившимся во мнѣ чувствамъ. — Да неужели вы не понимаете, что такой поступокъ даже неблагороденъ? Положимъ, вы разсчитываете совершенно вѣрно, основываясь на слабоуміи и на несчастной маніи этой дѣвицы, но вѣдь ужъ это одно и должно было бы удержать васъ, какъ благороднаго человѣка! Сами же вы говорите, что она достойна уваженія, несмотря на то, что сумасшедшая. И вдругъ, вы пользуетесь ея несчастьемъ, чтобъ вытянуть

отъ нея сто тысячъ! Вы, конечно, не будете ея настоящимъ мужемъ, исполняющимъ свои обязанности: вы непремѣнно ее покинете... Это такъ неблагородно, что, извините меня, я даже не понимаю, какъ вы рѣшились просить меня въ ваши сотрудники!

— Фу ты, Боже мой, какой романтизмъ! вскричалъ Мизинчиковъ, глядя на меня съ неподдѣльнымъ удивленіемъ. — Впрочемъ, тутъ даже и не романтизмъ, а вы просто, кажется, не понимаете, въ чемъ дѣло. Вы говорите, что это неблагородно, а между тѣмъ всѣ выгоды не на моей, а на ея сторонѣ... Разсудите только...

— Конечно, если смотрѣть съ вашей точки зрѣнія, то, пожалуй, выйдетъ, что вы сдѣлаете самое великодушное дѣло, женясь на Татьянѣ Ивановнѣ, отвѣчалъ я съ саркастическою улыбкою.

— А то какъ же? Именно такъ, именно самое великодушное дѣло! вскричалъ Мизинчиковъ, разгорячаясь въ свою очередь.—Разсудите только: во-первыхъ, я жертвую собою и соглашаюсь быть ея мужемъ,—вѣдь это же стоитъ чего-нибудь? Во-вторыхъ, несмотря на то, что у ней есть вѣрныхъ тысячъ сто серебромъ, несмотря на это, я беру только сто тысячъ ассигнаціями и уже далъ себѣ слово не брать у ней ни копейки больше во всю мою жизнь, хотя бы и могъ: это опять чего-нибудь стоитъ! Наконецъ, вникните: ну, можетъ-ли она прожить свою жизнь спокойно? Чтобъ ей спокойно прожить, нужно отобрать у ней деньги и посадить ее въ сумасшедшій домъ, потому что каждую минуту надо ожидать, что къ ней подвернется какой-нибудь бездѣльникъ, прощалыга, спекулянтъ, съ испаньолкой и съ усиками, съ гитарой и съ серенадами, въ родѣ Обноскина, который сманитъ ее, женится на ней, обретъ ее до-чиста и потомъ броситъ гдѣ-нибудь на большой дорогѣ. Вотъ здѣсь, напримѣръ, и честнѣйшій домъ, а вѣдь и держатъ ее только потому, что спекулируютъ на ея денежки. Отъ этихъ шансовъ ее нужно избавить, спасти. Ну, а понимаете, какъ только она выйдетъ за меня—всѣ эти шансы исчезли. Ужъ я обязуюсь въ томъ, что никакое несчастье до нея не коснется. Во-первыхъ, я ее тотчасъ же помѣщаю въ Москвѣ, въ одно благородное, но бѣдное семейство—это не то, о которомъ я говорилъ: это другое семейство; при ней будетъ постоянно находиться моя сестра; за ней будутъ смотрѣть въ оба глаза. Денегъ у ней останется тысячъ двѣсти пять-

десять, а можетъ и триста ассигнаціями: на это можно, знаете, какъ прожить! Всѣ удовольствія ей будуть доставлены, всѣ развлеченія, балы, маскарады, концерты. Она можетъ даже мечтать объ амурахъ; только, разумѣется, я себя на этотъ счетъ обезпечу: мечтай сколько хочешь, а на дѣлѣ ни-ни! Теперь, напримѣръ, каждый можетъ ее обидѣть, а тогда никто: она жена моя, она Мизинчикова, а я свое имя на поруганье не отдамъ-съ! Это одно чего стоитъ? Натурально, я съ нею не буду жить вмѣстѣ. Она въ Москвѣ, а я гдѣ-нибудь въ Петербургѣ. Въ этомъ я сознаюсь, потому что съ вами веду дѣло на чистоту. Но что-жъ до этого, что мы будемъ жить врозь? Сообразите, приглядитесь къ ея характеру: ну способна-ли она быть женой и жить вмѣстѣ съ мужемъ? Развѣ возможно съ ней постоянство? Вѣдь это легкомысленнѣйшее созданіе въ свѣтѣ! Ей необходима безпрерывная перемѣна: она способна на другой же день забыть, что вчера вышла замужъ и сдѣлалась законной женой. Да я сдѣлаю ее несчастною въ концѣ, если буду жить вмѣстѣ съ ней и буду требовать отъ нея строгаго исполненія обязанностей. Натурально, я буду къ ней пріѣзжать разъ въ годъ, или чаще, и не за деньгами — увѣряю васъ. Я сказалъ, что болѣе ста тысячъ ассигнаціями у ней не возьму, и не возьму! Въ денежномъ отношеніи я поступаю съ ней въ высшей степени благороднымъ образомъ. Пріѣзжая дня на два, на три, я буду доставлять даже удовольствіе, а не скуку: я буду съ ней хохотать, буду разсказывать ей анекдоты, повезу на балъ, буду съ ней амурничать, дарить сувенирчики, пѣть романсы, подарю собачку, разстанусь съ ней романически и буду вести съ ней любовную переписку. Да она въ восторгѣ будетъ отъ такого романическаго, влюбленнаго и веселаго мужа! По-моему, это раціонально: такъ бы и всѣмъ мужьямъ поступать. Мужья тогда только и драгоцѣнны женамъ, когда въ отсутствіи, и, слѣдуя моей системѣ, я займу сердце Татьяны Ивановны сладчайшимъ образомъ на всю ея жизнь. Чего-жъ ей больше желать? Скажите. Да вѣдь это рай, а не жизнь!

Я слушалъ молча и съ удивленіемъ. Я понялъ, что оспаривать господина Мизинчикова невозможно. Онъ фанатически увѣренъ былъ въ правотѣ и даже въ величіи своего проекта и говорилъ о немъ съ восторгомъ изобрѣтателя. Но оставалось одно щекотливѣйшее обстоятельство, и разъяснить его было необходимо.

— Вспомнили-ли вы, сказалъ я, — что она почти уже невѣста дяди? Похитивъ ее, вы сдѣлаете ему большую обиду; вы увезете ее почти наканунѣ свадьбы, и, сверхъ того, у него же возьмете взаймы для совершенія этого подвига!

— А вотъ тутъ-то я васъ и ловлю! съ жаромъ вскричалъ Мизинчиковъ.—Не безпокойтесь, я предвидѣлъ ваше возраженіе. Но, во-первыхъ, и главное: дядя еще предложенія не дѣлалъ; слѣдственно, я могу и не знать, что ее готовятъ ему въ невѣсты; притомъ же, прошу замѣтить, что я еще три недѣли назадъ замыслилъ это предпріятіе, когда еще ничего не зналъ о здѣшнихъ намѣреніяхъ; а потому я совершенно правъ передъ нимъ въ моральномъ отношеніи и даже, если строго судить, не я у него, а онъ у меня отбиваетъ невѣсту, съ которой — замѣтьте это — я ужъ имѣлъ тайное ночное свиданіе въ бесѣдкѣ. Наконецъ, позвольте: не вы-ли сами сейчасъ были въ изступленіи, что дядюшку вашего заставляютъ жениться на Татьянѣ Ивановнѣ, а теперь вдругъ заступаетесь за этотъ бракъ, говорите о какой-то фамильной обидѣ, о чести! Да я, напротивъ, дѣлаю вашему дядюшкѣ величайшее одолженіе: спасаю его — вы должны это понять! Онъ съ отвращеніемъ смотритъ на эту женитьбу, и, къ тому же, любитъ другую дѣвицу! Ну, какая ему жена Татьяна Ивановна? Да и она съ нимъ будетъ несчастна, потому что, какъ хотите, а вѣдь ее нужно же будетъ тогда ограничить, чтобъ она не бросала розанами въ молодыхъ людей. А вѣдь когда я увезу ее почью, такъ ужъ тутъ никакая генеральша, никакой Ѳома Ѳомичъ ничего не сдѣлаютъ. Возвратить такую невѣсту, которая бѣжала изъ-подъ вѣнца, будетъ ужъ слишкомъ зазорно. Развѣ это не одолженіе, не благодѣяніе Егору Ильичу?

Признаюсь, это послѣднее разсужденіе на меня сильно подѣйствовало.

— А что, если онъ завтра сдѣлаетъ предложеніе? сказалъ я. — Вѣдь ужъ тогда будетъ нѣсколько поздно: она будетъ формальная невѣста его.

— Натурально поздно! Но тутъ-то и надо работать, чтобъ этого не было. Для чего-жъ я и прошу вашего содѣйствія? Одному мнѣ трудно, а вдвоемъ мы уладимъ дѣло и настоимъ, чтобъ Егоръ Ильичъ не дѣлалъ предложенія. Надобно помѣшать всѣми силами, пожалуй, въ крайнемъ

случаѣ, поколотить Ольгу Ѳомича и тѣмъ отвлечь всеобщее вниманіе, такъ что имъ будетъ не до свадьбы. Разумѣется, это только въ крайнемъ случаѣ; я говорю для примѣра. Въ этомъ-то я на васъ и надѣюсь.

— Еще одинъ, послѣдній вопросъ: вы никому, кромѣ меня, не открывали вашего предпріятія?

Мизинчиковъ почесалъ въ затылкѣ и скорчилъ самую кислую гримасу.

— Признаюсь вамъ, отвѣчалъ онъ,—этотъ вопросъ для меня хуже самой горькой пилюли. Въ томъ-то и штука, что я уже открылъ мою мысль... словомъ, свалялъ ужаснѣйшаго дурака! И какъ бы вы думали, кому? Обноскину! Такъ что я даже самъ не вѣрю себѣ. Не понимаю, какъ и случилось! Онъ все здѣсь вертѣлся; я еще его хорошо не зналъ, и когда осѣнило меня вдохновеніе, я, разумѣется, былъ какъ будто въ горячкѣ; а такъ какъ я тогда же понялъ, что мнѣ нуженъ помощникъ, то и обратился къ Обноскину... Непростительно, непростительно!

— Ну, что-жъ Обноскинъ?

— Съ восторгомъ согласился, а на другой же день, рано утромъ, исчезъ. Дня черезъ три является опять, съ своей маменькой. Со мной ни слова, и даже избѣгаетъ, какъ будто боится. Я тотчасъ же понялъ въ чемъ штука. А маменька его такая прощалыга, просто черезъ всѣ мѣдныя трубы прошла. Я ее прежде зналъ. Конечно, онъ ей все разсказалъ. Я молчу и жду; они шушукаютъ, и дѣло находится немного въ натянутомъ положеніи... Оттого-то я и тороплюсь.

— Чего-жъ именно вы отъ нихъ опасаетесь?

— Многаго, конечно, не сдѣлаютъ, а что напакостятъ— такъ это навѣрно. Потребуютъ денегъ за молчаніе и за помощь: я того и жду... Только я много не могу имъ дать, и не дамъ — я ужъ рѣшился: больше трехъ тысячъ ассигнаціями невозможно? Разсудите сами: три тысячи сюда, пятьсотъ серебромъ свадьба, потому что дядѣ все сполна нужно отдать; потомъ старые долги: ну, сестрѣ хоть что-нибудь, такъ, хоть что-нибудь. Много-ль изъ ста-то тысячъ останется? Вѣдь это разоренье!.. Обноскины, впрочемъ, уѣхали.

— Уѣхали? спросилъ я съ любопытствомъ.

— Сейчасъ послѣ чаю: да и чортъ съ ними! А завтра, увидите, опять явятся. Ну, такъ какъ же, согласны?

— Признаюсь, отвѣчалъ я, съеживаясь, — не знаю,

какъ и сказать. Дѣло щекотливое... Конечно, я сохраню все въ тайнѣ; я не Обноскинъ; но... кажется, вамъ на меня надѣяться нечего.

— Я вижу, сказалъ Мизинчиковъ, вставая со стула,— что вамъ еще не надоѣли Ѳома Ѳомичъ и бабушка, и что вы, хоть и любите вашего добраго, благороднаго дядю, но еще недостаточно вникли, какъ его мучатъ. Вы же человѣкъ новый... Но терпѣніе! Побудете завтра, посмотрите, и къ вечеру согласитесь. Вѣдь иначе вашъ дядюшка пропалъ—понимаете? Его непремѣнно заставятъ жениться. Не забудьте, что, можетъ-быть, завтра онъ сдѣлаетъ предложеніе. Поздно будетъ; надо бы сегодня рѣшиться!

— Право, я желаю вамъ всякаго успѣха, но помогать... не знаю какъ-то...

— Знаемъ! Но, подождемъ до завтра, рѣшилъ Мизинчиковъ, улыбаясь насмѣшливо.—La nuit porte conseil. До свиданія. Я приду къ вамъ пораньше утромъ, а вы подумайте...

Онъ повернулся и вышелъ, что-то насвистывая.

Я вышелъ почти вслѣдъ за нимъ, освѣжиться. Мѣсяцъ еще не всходилъ; ночь была темная, воздухъ теплый и удушливый. Листья на деревьяхъ не шевелились. Несмотря на страшную усталость, я хотѣлъ было походить, разсѣяться, собраться съ мыслями, но не прошелъ и десяти шаговъ, какъ вдругъ услышалъ голосъ дяди. Онъ съ кѣмъ-то всходилъ на крыльцо флигеля и говорилъ съ чрезвычайнымъ одушевленіемъ. Я тотчасъ же воротился и окликнулъ его. Дядя былъ съ Видоплясовымъ.

XI.

Крайнее недоумѣніе.

— Дядюшка! сказалъ я,—наконецъ-то я васъ дождался.

— Другъ мой, я и самъ-то рвался къ тебѣ. Вотъ только кончу съ Видоплясовымъ, и тогда наговоримся до-сыта. Много надо тебѣ разсказать.

— Какъ, еще съ Видоплясовымъ! Да бросьте вы его, дядюшка.

— Еще только какихъ-нибудь пять или десять минутъ, Сергѣй, и я совершенно твой. Видишь: дѣло.

— Да онъ, вѣрно, съ глупостями, проговорилъ я съ досадою.

— Да что̀ сказать тебѣ, другъ мой? Вѣдь найдетъ же человѣкъ, когда лѣзть со своими пустяками! Точно ты,

братъ Григорій, не могъ ужъ и времени другого найти для своихъ жалобъ? Ну, что я для тебя сдѣлаю? Пожалѣй хоть ты меня, братецъ. Вѣдь я, такъ сказать, изнуренъ вами, съѣденъ живьемъ, вѣликомъ! Мочи моей нѣтъ съ ними, Сергѣй!

И дядя махнулъ обѣими руками съ глубочайшей тоски.

— Да что за важное такое дѣло, что и оставить нельзя? А мнѣ бы такъ нужно, дядюшка...

— Ахъ, братъ, ужъ и такъ кричатъ, что я о нравственности моихъ людей не забочусь! Пожалуй, еще завтра пожалуется на меня, что я не выслушалъ, и тогда...

И дядя опять махнулъ рукой.

— Ну, такъ кончайте же съ нимъ поскорѣе! Пожалуй, и я помогу. Взойдемте наверхъ. Что онъ такое? Чего ему? сказалъ я, когда мы вошли въ комнаты.

— Да вотъ, видишь, другъ мой, не нравится ему своя собственная фамилія, перемѣнить проситъ. Каково тебѣ это покажется?

— Фамилія! Какъ такъ?.. Ну, дядюшка, прежде, чѣмъ я услышу, что онъ самъ скажетъ, позвольте вамъ сказать, что только у васъ въ домѣ могутъ совершаться такія чудеса, проговорилъ я, разставивъ руки отъ изумленія.

— Ахъ, братъ! Этакъ-то и я разставить руки умѣю, да толку-то мало! съ досадою проговорилъ дядя.—Поди-ка, поговори-ка съ нимъ самъ, попробуй. Ужъ онъ два мѣсяца пристаетъ ко мнѣ...

— Неосновательная фамилія-съ! отозвался Видоплясовъ.

— Да почему-жъ неосновательная? спросилъ я его съ удивленіемъ,

— Такъ-съ. Изображаетъ собою всякую гнусность-съ.

— Да почему же гнусность? Да и какъ ее перемѣнить? Кто перемѣняетъ фамиліи?

— Помилуйте, бываютъ-ли у кого такія фамиліи-съ?

— Я согласенъ, что фамилія твоя отчасти странная, продолжалъ я въ совершенномъ недоумѣніи, — но вѣдь что-жъ теперь дѣлать? Вѣдь и у отца твоего была такая-жъ фамилія?

— Это подлинно-съ, что черезъ родителя моего я, такимъ образомъ, пошелъ навѣки страдать-съ, такъ какъ суждено мнѣ моимъ именемъ многія насмѣшки принять и многія горести произойти-съ, отвѣчалъ Видоплясовъ.

— Бьюсь объ закладъ, дядюшка, что тутъ не безъ Ѳомы Ѳомича! вскричалъ я съ досадою.

— Ну, нѣтъ, братецъ, ну, нѣтъ; ты ошибся. Дѣйствительно, Ѳома ему благодѣтельствуетъ. Онъ взялъ его къ себѣ въ секретари, въ этомъ и вся его должность. Ну, разумѣется, онъ его развилъ, наполнилъ благородствомъ души, такъ что онъ даже, въ нѣкоторомъ отношеніи, прозрѣлъ... Вотъ, видишь, я тебѣ все разскажу...

— Это точно-съ, перебилъ Видоплясовъ,—что Ѳома Ѳомичъ мои истинные благодѣтели-съ, и бывши истинные мнѣ благодѣтели, они меня вразумили моему ничтожеству, каковъ я есмь червякъ на землѣ, такъ что чрезъ нихъ я въ первый разъ свою судьбу предузналъ-съ.

— Вотъ видишь, Сережа, вотъ видишь, въ чемъ все дѣло, продолжалъ дядя, заторопившись, по своему обыкновенію.—Жилъ онъ сначала въ Москвѣ, съ самыхъ почти дѣтскихъ лѣтъ, у одного учителя чистописанія въ услуженіи. Посмотрѣлъ бы ты, какъ онъ у него научился писать: и красками, и золотомъ, и кругомъ, знаешь, купидоновъ наставитъ—словомъ, артистъ! Илюша у него учится; полтора цѣлковыхъ за урокъ плачу. Ѳома самъ опредѣлилъ полтора цѣлковыхъ. Къ окрестнымъ помѣщикамъ въ три дома ѣздитъ; тоже платятъ. Видишь, какъ одѣвается! Къ тому же пишетъ стихи.

— Стихи! Этого еще недоставало!

— Стихи, братецъ, стихи, и ты не думай, что я шучу, настоящіе стихи, такъ сказать, версификація, и такъ, знаешь, складно, на всѣ предметы, тотчасъ же всякій предметъ стихами опишетъ. Настоящій талантъ! Маменькѣ къ именинамъ такую рацею соорудилъ, что мы только рты разинули: и изъ миѳологіи тамъ у него, и музы летаютъ, такъ что даже, знаешь, видна эта... какъ бишь ее? округленность формъ, — словомъ, совершенно въ риѳму выходитъ. Ѳома поправлялъ. Ну, я, конечно, ничего, и даже радъ съ моей стороны. Пусть себѣ сочиняетъ, только-бъ не накуролесилъ чего-нибудь. Я, братъ Григорій, тебѣ, вѣдь, какъ отецъ говорю. Провѣдалъ объ этомъ Ѳома, просмотрѣлъ стихи, поощрилъ и опредѣлилъ къ себѣ чтецомъ и переписчикомъ,—словомъ, образовалъ. Это онъ правду говоритъ, что облагодѣтельствовалъ. Ну, этакъ, знаешь, у него и благородный романтизмъ въ головѣ появился, и чувство независимости,—мнѣ все это Ѳома объяснялъ, да я ужъ, правда, и позабылъ; только я, признаюсь, хотѣлъ и безъ Ѳомы его на волю отпустить. Стыдно, знаешь, какъ-то!.. Да Ѳома противъ этого говоритъ, что

онъ ему нуженъ, полюбитъ онъ его; да, сверхъ того, говоритъ: „мнѣ же, барину, больше чести, что у меня, между собственными людьми, стихотворцы; что такъ какіе-то бароны гдѣ-то жили и что это en grand". Ну, en grand, такъ en grand! Я, братецъ, ужъ сталъ его уважать—понимаешь?.. Только Богъ знаетъ, какъ онъ повелъ себя. Всего хуже, что онъ до того передъ всей дворней послѣ стиховъ носъ задралъ, что ужъ и говорить съ ними не хочетъ. Ты не обижайся, Григорій, я тебѣ какъ отецъ говорю. Обѣщался онъ еще прошлой зимой жениться: есть тутъ одна дворовая дѣвушка, Матрена, и премилая, знаешь, дѣвушка, честная, работящая, веселая. Такъ вотъ нѣтъ же, теперь: не хочу, да и только; отказался. Возмечталъ-ли онъ о себѣ, или разсудилъ сначала прославиться, а потомъ ужъ въ другомъ мѣстѣ искать руки...

— Болѣе по совѣту Ѳомы Ѳомича-съ, замѣтилъ Видоплясовъ,—такъ какъ они истинные мои доброжелатели-съ...

— Ну, да ужъ какъ можно безъ Ѳомы Ѳомича! вскричалъ я невольно.

— Эхъ, братецъ, не въ томъ дѣло! поспѣшно прервалъ меня дядя,—только видишь: ему теперь и проходу нѣтъ. Та дѣвка бойкая, задорная, всѣхъ противъ него подняла: дразнятъ, ухаютъ, даже мальчишки дворовые его вмѣсто шута почитаютъ...

— Болѣе черезъ Матрену-съ, замѣтилъ Видоплясовъ,—потому что Матрена истинная дура-съ, и бывши истинная дура-съ, притомъ же невоздержная характеромъ женщина; черезъ нее я такимъ манеромъ-съ попалъ жизнію моею претерпѣвать-съ.

— Эхъ, братъ Григорій, говорилъ я тебѣ, продолжалъ дядя, съ укоризною посмотрѣвъ на Видоплясова,—сложили они, видишь, Сергѣи, какую-то пакость въ рифму на его фамилію. Онъ ко мнѣ, жалуется, проситъ нельзя-ли какъ-нибудь перемѣнить его фамилію, что онъ давно ужъ страдалъ отъ неблагозвучія...

— Необлагороженная фамилія-съ, ввернулъ Видоплясовъ.

— Ну, да ужъ ты молчи, Григорій! Ѳома тоже одобрилъ... то-есть не то, чтобъ одобрилъ, а видишь какое соображеніе: что если, на случай, придется стихи печатать, такъ какъ Ѳома прожектируетъ, то такая фамилія, пожалуй, и повредитъ — не правда-ли?

— Такъ онъ стихи напечатать хочетъ, дядюшка?

— Печатать, братецъ. Это ужъ рѣшено—на мой счетъ, и будетъ выставлено на заглавномъ листѣ: крѣпостной человѣкъ такого-то, а въ предисловіи Ѳомѣ отъ автора благодарность за образованіе. Посвящено Ѳомѣ. Ѳома самъ предисловіе пишетъ. Ну, такъ представь себѣ, если на заглавномъ-то листѣ будетъ написано: „сочиненія Видоплясова“...

— „Вопли Видоплясова-съ“, поправилъ Видоплясовъ.

— Ну, вотъ видишь, еще и вопли! Ну, что за фамилія Видоплясовъ? Даже деликатность чувствъ возмущаетъ; такъ и Ѳома говорилъ. А всѣ эти критики, говорятъ, такіе задорные насмѣшники; Брамбеусъ, напримѣръ... Имъ вѣдь все ни почемъ! Просмѣютъ за одну только фамилію; такъ, пожалуй, отчешутъ бока, что только почесывайся, — не правда-ли? Вотъ я говорю: по мнѣ, пожалуй, какую хочешь поставь фамилію на стихахъ — псевдонимъ, что-ли, называется—ужъ не помню: какой-то *нимъ*. Да нѣтъ, говоритъ, прикажите по всей дворнѣ, чтобъ меня ужъ и здѣсь навѣки новымъ именемъ звали, такъ чтобъ у меня, сообразно таланту, и фамилія была облагороженная...

— Бьюсь объ закладъ, что вы согласились, дядюшка.

— Я, братъ Сережа, чтобъ ужъ только съ ними не спорить: пускай себѣ. Знаешь, тогда между нами недоразумѣніе такое было съ Ѳомой. Вотъ у насъ и пошло съ тѣхъ поръ, что недѣля, то фамилія, и все такія нѣжныя выбираетъ: Олеандровъ, Тюльпановъ... Подумай, Григорій, сначала ты просилъ, чтобъ тебя называли „Вѣрный“— „Григорій Вѣрный“; потомъ тебѣ же самому не понравилось, потому что какой-то балбесъ прибралъ на это риѳму „скверный“. Ты жаловался; балбеса наказали. Ты двѣ недѣли придумывалъ новую фамилію,— сколько ты ихъ перебралъ,— наконецъ, надумался, пришелъ просить, чтобъ тебя звали „Улановъ“. Ну, скажи мнѣ, братецъ, ну, что можетъ быть глупѣе Уланова? Я и на это согласился: вторичное приказаніе отдалъ о перемѣнѣ твоей фамиліи въ Уланова. Такъ только, братецъ, прибавилъ дядя, обращаясь ко мнѣ, — чтобъ ужъ только отвязаться. Три дня ходилъ ты „Улановъ“. Ты всѣ стѣны, всѣ подоконники въ бесѣдкѣ перепортилъ, расчеркиваясь карандашомъ: „Улановъ“. Вѣдь ее потомъ перекрашивали. Ты цѣлую десть голландской бумаги извелъ на подписи: „Улановъ, проба пера; Улановъ, проба пера“. Наконецъ, и тутъ не-

удача: прибрали тебѣ риѳму: „болвановъ“. Не хочу болванова — опять перемѣна фамиліи! Какую ты тамъ еще прибралъ, я ужъ и позабылъ?

— Танцевъ-съ, отвѣчалъ Видоплясовъ.—Если ужъ мнѣ суждено черезъ фамилію мою плясуна собою изображать-съ, такъ ужъ пусть было бы облагорожено по иностранному: Танцевъ-съ.

— Ну, да, Танцевъ. Согласился я, братъ Серѣй, и на это. Только ужъ тутъ они такую ему подыскали риѳму, что и сказать нельзя. Сегодня опять приходитъ, опять выдумалъ что-то новое. Бьюсь объ закладъ, что у него есть наготовѣ новая фамилія. Есть иль нѣтъ, Григорій, признавайся!

— Я дѣйствительно давно ужъ хотѣлъ повергнуть къ вашимъ стопамъ новое имя-съ, облагороженное-съ.

— Какое?

— Эссбукетовъ.

— И не стыдно, и не стыдно тебѣ, Григорій? Фамилія съ помадной банки! А еще умный человѣкъ называешься! Думалъ-то, должно-быть, сколько надъ ней! Вѣдь это и на духахъ написано.

— Помилуйте, дядюшка, сказалъ я полушопотомъ,—да вѣдь это просто дуракъ, набитый дуракъ!

— Что-жъ дѣлать, братецъ? отвѣчалъ тоже шопотомъ дядя, — увѣряютъ кругомъ, что уменъ и что все это въ немъ благородныя свойства играютъ...

— Да развяжитесь вы съ нимъ, ради Бога!

— Послушай, Григорій! Вѣдь мнѣ, братецъ, некогда, помилуй! началъ дядя какимъ-то просительнымъ голосомъ, какъ будто боялся даже и Видоплясова. — Ну, разсуди, ну, гдѣ мнѣ жалобами твоими теперь заниматься! Ты говоришь, что тебя опять они чѣмъ-то обидѣли? Ну, хорошо: вотъ тебѣ честное слово даю, что завтра все разберу, а теперь ступай съ Богомъ... Постой! Что Ѳома Ѳомичъ?

— Почивать ложились-съ. Сказали, что если будетъ кто о нихъ спрашивать, такъ отвѣчать, что они на молитвѣ, сію ночь, долго стоять намѣрены-съ.

— Гм! Ну, ступай, братецъ, ступай!—Видишь, Сережа, вѣдь онъ всегда при Ѳомѣ, такъ что даже его я боюсь. Да и дворня-то его потому и не любитъ, что онъ все о нихъ Ѳомѣ переноситъ. Вотъ теперь ушелъ, а, пожалуй— завтра и нафискалитъ о чемъ-нибудь! А ужъ я, братецъ,

тамъ все такъ уладилъ, даже спокоенъ теперь... Къ тебѣ спѣшилъ. Наконецъ-то, я опять съ тобой! проговорилъ онъ съ чувствомъ, пожимая мнѣ руку.—А вѣдь я думалъ, братъ, что ты совсѣмъ разсердился и непремѣнно улизнешь. Стеречь тебя посылалъ. Ну, слава Богу, теперь! А давеча-то, Гаврила-то, каково? Да и Ѳалалей, и ты — и все одно къ одному! Ну, слава Богу, слава Богу! Наконецъ-то наговорюсь съ тобой до-сыта. Сердце открою тебѣ. Ты, Сережа, не уѣзжай: ты одинъ у меня, ты и Коровкинъ...

— Но, позвольте, что-жъ вы тамъ такое уладили, дядюшка, и чего мнѣ тутъ ждать послѣ того, что случилось? Признаюсь, вѣдь у меня просто голова трещитъ?

— А у меня цѣла, что-ли? Она, братъ, у меня ужъ полгода теперь вальсируетъ, голова-то моя! Но, слава Богу! Теперь все уладилось. Во-первыхъ, меня простили, совершенно простили, съ разными условіями, конечно; но ужъ я теперь почти совсѣмъ ничего не боюсь. Сашурку тоже простили. Саша-то, Саша-то, давеча-то... горячее сердечко! Увлеклась немного, но золотое сердечко! Я горжусь этой дѣвочкой, Сережа. Да будетъ надъ нею всегдашнее благословеніе Божіе. Тебя тоже простили и даже, знаешь, какъ? Можешь дѣлать все, что тебѣ угодно, ходить по всѣмъ комнатамъ и въ саду, и даже при гостяхъ— словомъ, все что угодно; но только подъ однимъ условіемъ, что ты ничего не будешь завтра самъ говорить при маменькѣ и при Ѳомѣ Ѳомичѣ, — это непремѣнное условіе, то-есть рѣшительно ни полслова, — я ужъ обѣщался за тебя, — а только будешь слушать, что старшіе... То-есть, я хотѣлъ сказать, что другіе будутъ говорить. Они сказали, что ты молодъ. Ты, Сергѣй, не обижайся; вѣдь ты и въ самомъ дѣлѣ еще молодъ... Такъ и Анна Ниловна говоритъ...

Конечно, я былъ очень молодъ и тотчасъ же доказалъ это, закипѣвъ негодованіемъ при такихъ обидныхъ условіяхъ.

— Послушайте, дядюшка! вскричалъ я, чуть не задыхаясь,—скажите мнѣ только одно и успокойте меня: я въ настоящемъ сумасшедшемъ домѣ, или нѣтъ?

— Ну, вотъ, братецъ, ужъ ты сейчасъ и въ критику! Ужъ и не можешь никакъ утерпѣть, отвѣчалъ опечаленный дядя. — Вовсе не въ сумасшедшемъ, а такъ только погорячились съ обѣихъ сторонъ. Но вѣдь, согласись, и

ты, братецъ, какъ ты-то самъ ведь себя? Помнишь, что ты ему отмочилъ, — человѣку, такъ сказать, почтенныхъ лѣтъ?

— Такіе люди не имѣютъ почтенныхъ лѣтъ, дядюшка.

— Ну, ужъ это ты, братъ, перескакнулъ! Это ужъ вольнодумство. Я, братъ, и самъ отъ разсудительнаго вольнодумства не прочь, но ужъ это, братъ, изъ мѣрки выскочило, то-есть удивилъ ты меня, Сергѣй.

— Не сердитесь, дядюшка, я виноватъ, но виноватъ передъ вами. Что же касается до вашего Ѳомы Ѳомича...

— Ну, вотъ ужъ и *сашка*! Эхъ, братъ Сергѣй, не суди его строго: мизантропическій человѣкъ—и больше ничего, болѣзненный! Съ него нельзя строго спрашивать. Но за то благородная: то-есть просто благороднѣйшій изъ людей! Да вѣдь ты самъ давеча былъ свидѣтелемъ, просто сіялъ. А что фокусы-то эти иногда отмачиваетъ, такъ на это нечего смотрѣть. Ну, съ кѣмъ этого не случается?

— Помилуйте, дядюшка, напротивъ, съ кѣмъ же это случается?

— Эхъ, наладилъ одно! Добродушія въ тебѣ мало, Сережа; простить не умѣешь!..

— Ну, хорошо, дядюшка, хорошо! Оставимъ это. Скажите, видѣли вы Настасью Евграфовну?

— Эхъ, братъ, о ней-то все дѣло шло. Вотъ что, Сережа, и, во-первыхъ, самое важное: мы всѣ рѣшили—его завтра, непремѣнно, поздравить съ днемъ рожденія, Ѳому-то, потому что завтра дѣйствительно его рожденіе. Сашурка добрая дѣвочка, но она ошибается; такъ-таки и пойдемъ всѣмъ каталомъ, еще передъ обѣдней, раньше. Илюша ему стихи произнесетъ, такъ что ему, какъ будто масломъ по сердцу-то,— словомъ, польститъ. Ахъ, кабы и ты его, Сережа, вмѣстѣ съ нами, тутъ же поздравилъ! Онъ, можетъ-быть, совершенно простилъ бы тебя. Какъ бы хорошо было, если-бъ вы помирились! Забудь, братъ, обиду, Сережа, вѣдь ты и самъ его обидѣлъ... Пандостойнѣйшій человѣкъ.

— Дядюшка! Дядюшка! вскричалъ я, теряя послѣднее терпѣніе.—Я съ вами о дѣлѣ хочу говорить, а вы... Да знаете-ли вы, повторяю опять, знаете-ли вы, что дѣлается съ Настасьей Евграфовной?

— Какъ же, братецъ, что ты! Чего ты кричишь? Изъ-за нея-то и поднялась давеча вся эта исторія. Она, впрочемъ, и не давеча поднялась, она давно поднялась. Я

тебѣ только не хотѣлъ говорить объ этомъ заранѣе, чтобъ тебя не пугать, потому что они ее просто выгнать хотѣли, ну, и отъ меня требовали, чтобъ я ее отослалъ. Можешь представить себѣ мое положеніе... Ну, да, слава Богу! Теперь все это уладилось. Они, видишь-ли,—ужъ признаюсь тебѣ во всемъ,—думали, что я самъ въ нее влюбленъ и жениться хочу, словомъ, стремлюсь къ погибели, потому что дѣйствительно это было бы стремленіемъ къ погибели: они это мнѣ такъ объяснили... такъ вотъ, чтобъ спасти меня, и рѣшились было ее изгнать. Все это маменька, а пуще всѣхъ Анна Ниловна. Ѳома, покамѣстъ, молчитъ. Но теперь я ихъ всѣхъ разувѣрилъ, и признаюсь тебѣ, уже объявилъ, что ты формальный женихъ Настеньки, что затѣмъ и пріѣхалъ. Ну, это ихъ отчасти успокоило, и теперь она остается, хоть не совсѣмъ, такъ, еще только для пробы, но все-таки остается. Даже и ты поднялся въ общемъ мнѣніи, когда я объявилъ, что сватаешься. По крайней мѣрѣ, маменька какъ будто успокоилась. Анна Ниловна одна все еще ворчитъ! Ужъ и не знаю, что̀ выдумать, чтобъ ей угодить. И чего это ей хочется, право, этой Аннѣ Ниловнѣ?

— Дядюшка, въ какомъ вы заблужденіи, дядюшка! Да знаете-ли, что Настасья Евграфовна завтра же ѣдетъ отсюда, если ужъ теперь не уѣхала? Знаете-ли, что отецъ нарочно и пріѣхалъ сегодня съ тѣмъ, чтобъ ее увезти? Что ужъ это совсѣмъ рѣшено, что она сама лично объявила мнѣ сегодня объ этомъ, и, въ заключеніе, велѣла вамъ кланяться,—знаете-ли вы это, иль нѣтъ?

Дядя, какъ былъ, такъ и остался передо мной, съ разинутымъ ртомъ. Мнѣ показалось, что онъ вздрогнулъ и стонъ вырвался изъ груди его.

Не теряя ни минуты, я поспѣшилъ разсказать ему весь мой разговоръ съ Настенькой, мое сватовство, ея рѣшительный отказъ, ея гнѣвъ на дядю за то, что онъ смѣлъ меня вызывать письмомъ; объяснилъ, что она надѣется его спасти своимъ отъѣздомъ отъ брака съ Татьяной Ивановной—словомъ, не скрылъ ничего; даже нарочно преувеличилъ все, что̀ было непріятнаго въ этихъ извѣстіяхъ. Я хотѣлъ поразить дядю, чтобъ допытаться отъ него рѣшительныхъ мѣръ,—и дѣйствительно поразилъ. Онъ вскрикнулъ и схватилъ себя за голову.

— Гдѣ она, не знаешь-ли? Гдѣ она теперь? проговорилъ онъ, наконецъ, поблѣднѣвъ отъ испуга. — А я-то,

дуракъ, шелъ сюда ужъ совсѣмъ спокойный, думалъ, что все ужъ уладилось, прибавилъ онъ въ отчаяніи.

— Не знаю, гдѣ теперь, только давеча, какъ начались эти крики, она пошла къ вамъ: она хотѣла все это выразить вслухъ, при всѣхъ. Вѣроятно, ее не допустили.

— Еще бы допустили! Что-бъ она тамъ надѣлала! Ахъ, горячая, гордая головка! И куда она пойдетъ, куда? Куда? А ты-то, ты-то хорошъ! Да почему-жъ она тебѣ отказала? Вздоръ! Ты долженъ былъ понравиться. Почему-жъ ты ей не понравился? Да отвѣчай же, ради Бога, чего-жъ ты стоишь?

— Помилосердуйте, дядюшка! Да развѣ можно задавать такіе вопросы?

— Но вѣдь невозможно-жъ и это! Ты долженъ, долженъ на ней жениться. Зачѣмъ же я тебя и тревожилъ изъ Петербурга? Ты долженъ составить ея счастье! Теперь ее гонятъ отсюда, а тогда она твоя жена, моя родная племянница— не прогонятъ. А то куда она пойдетъ? Что съ ней будетъ? Въ гувернантки? Но вѣдь это только безсмысленный вздоръ, въ гувернантки-то! Вѣдь, пока мѣсто найдетъ, чѣмъ дома жить? У старика ихъ девятеро на плечахъ; сами голодомъ сидятъ. Вѣдь она ни гроша не возьметъ отъ меня, если выйдетъ черезъ эти пакостные наговоры, и она, и отецъ. Да и каково такимъ образомъ выйти—ужасъ! Здѣсь ужъ будетъ скандалъ—я знаю. А жалованье ея ужъ давно впередъ забрано на семейныя нужды: вѣдь она ихъ питаетъ. Ну, положимъ, я рекомендую ее въ гувернантки, найду такую честную и благородную фамилью... да вѣдь чорта съ два! Гдѣ ихъ возьмешь, благородныхъ-то, настоящихъ-то благородныхъ людей? Ну, положимъ, и много даже, что Бога гнѣвить! Но, другъ мой, вѣдь опасно: можно-ли положиться на людей? Къ тому же, бѣдный человѣкъ подозрителенъ; ему такъ и кажется, что его заставляютъ платить за хлѣбъ и за ласку униженіями! Они оскорбятъ ее; она гордая, и тогда... да ужъ что тогда? А что, если ко всему этому какой-нибудь мерзавецъ-обольститель подвернется?.. Она плюнетъ на него,—я знаю, что плюнетъ,— но вѣдь онъ ее все-таки оскорбитъ, мерзавецъ! Все-таки на нее можетъ пасть безславіе, тѣнь, подозрѣніе, и тогда!.. Голова трещитъ на плечахъ! Ахъ ты, Боже мой!

— Дядюшка! Простите меня за одинъ вопросъ, сказалъ я торжественно,—не сердитесь на меня, поймите,

что отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ многое разрѣшить: я даже отчасти въ правѣ требовать отъ васъ отвѣта, дядюшка!

— Что, что такое? Какой вопросъ?

— Скажите, какъ передъ Богомъ, откровенно и прямо: не чувствуете-ли вы, что вы сами немного влюблены въ Настасью Евграфовну и желали бы на ней жениться? Подумайте: вѣдь изъ-за этого-то ее здѣсь и гонятъ.

Дядя сдѣлалъ самый энергичный жестъ самаго судорожнаго нетерпѣнія.

— Я? Влюбленъ? Въ нее? Да они всѣ белены объѣлись или сговорились противъ меня. Да для чего-жъ я тебя-то выписывалъ, какъ не для того, чтобъ доказать имъ всѣмъ, что они белены объѣлись? Да для чего же я тебя-то къ ней сватаю? Я? Влюбленъ? Въ нее? Рехнулись они всѣ, да и только!

— А если такъ, дядюшка, то позвольте ужъ мнѣ все высказать. Объявляю вамъ торжественно, что я рѣшительно ничего не нахожу дурного въ этомъ предположеніи. Напротивъ, вы бы ей счастье сдѣлали, если уже такъ ее любите и—и дай Богъ этого! Дай вамъ Богъ любовь и совѣтъ!

— Но, помилуй, что ты говоришь! вскричалъ дядя почти съ ужасомъ.—Удивляюсь, какъ ты можешь это говорить хладнокровно... и... вообще ты, братъ, все куда-то торопишься—я замѣчаю въ тебѣ эту черту! Ну, не безсмысленно-ли, что ты сказалъ? Какъ, скажи, я женюсь на ней, когда я смотрю на нее какъ на дочь, а не иначе? Да мнѣ даже стыдно было бы на нее смотрѣть иначе, даже грѣшно! Я старикъ, а она—цвѣточекъ! Даже Ѳома это мнѣ объяснилъ именно въ такихъ выраженіяхъ. У меня отеческой любовью къ ней сердце горитъ, а ты тутъ съ супружествомъ! Она, пожалуй, изъ благодарности, и не отказала бы, да вѣдь она презирать меня потомъ будетъ за то, что ея благодарностью воспользовался. Я загублю ее, привязанность ея потеряю! Да я бы душу мою ей отдалъ, дѣточка она моя! Все равно, какъ Сашу люблю, даже больше, признаюсь тебѣ. Саша мнѣ дочь по праву, по закону, а эту я любовью моею себѣ дочерью сдѣлалъ. Я ее изъ бѣдности взялъ, воспиталъ. Ее Катя, мой ангелъ покойный, любила: она мнѣ ее какъ дочь завѣщала. Я образованіе ей далъ: и по-французски говоритъ, и на фортепьяно, и книги, и все... Улыбочка какая

у ней! Замѣтилъ ты, Сережа? Какъ будто смѣется надъ тобой, а межъ тѣмъ вовсе не смѣется, а, напротивъ, любитъ... Я вотъ и думалъ, что ты пріѣдешь, сдѣлаешь предложеніе; они и увѣрятся, что я не имѣю видовъ на нее, и перестанутъ всѣ эти пакости распускать. Она и осталась бы тогда съ нами въ тишинѣ, въ покоѣ, и какъ бы мы тогда были счастливы! Вы оба дѣти мои, почти оба сиротки, оба на моемъ попеченіи выросли... я бы васъ такъ любилъ, такъ любилъ! Жизнь бы вамъ отдалъ, не разстался бы съ вами: всюду за вами! Ахъ, какъ бы мы могли быть счастливы! И зачѣмъ это люди все злятся, все сердятся, ненавидятъ другъ друга? Такъ бы, такъ бы взялъ да и растолковалъ бы имъ все! Такъ бы и выложилъ передъ ними всю сердечную правду! Ахъ, ты, Боже мой!

— Да, дядюшка, да, это все такъ, а только она вотъ и отказала мнѣ.

— Отказала! Гм!.. А знаешь, я какъ будто предчувствовалъ, что она откажетъ тебѣ, сказалъ онъ въ задумчивости.—Но, нѣтъ! вскрикнулъ онъ.—Я не вѣрю! Это невозможно. Но вѣдь въ такомъ случаѣ все разстроится! Да ты вѣрно какъ-нибудь неосторожно съ ней началъ, оскорбилъ еще, можетъ-быть; пожалуй, еще комплименты пустился отмачивать... Разскажи мнѣ еще разъ, какъ это было, Сергѣй!

Я повторилъ еще разъ все въ совершенной подробности. Когда дошло до того, что Настенька удаленіемъ своимъ надѣялась спасти дядю отъ Татьяны Ивановны, тотъ горько улыбнулся.

— Спасти! сказалъ онъ.—Спасти до завтрашняго утра!

— Но вы не хотите сказать, дядюшка, что женитесь на Татьянѣ Ивановнѣ! вскричалъ я въ испугѣ.

— А чѣмъ же я и купилъ, чтобъ Настю не выгнали завтра? Завтра же дѣлаю предложеніе—формально обѣщался.

— И вы рѣшились, дядюшка?

— Что-жъ дѣлать, братецъ, что-жъ дѣлать! Это раздираетъ мнѣ сердце, но я рѣшился. Завтра предложеніе; свадьбу положили сыграть тихо, по-домашнему: оно, братъ, и лучше по-домашнему-то. Ты, пожалуй, шаферомъ. Я ужъ намекнулъ о тебѣ, такъ что они до времени никакъ тебя не прогонятъ. Что-жъ дѣлать, братецъ? Они говорятъ: „для дѣтей богатство!“ Конечно,

для дѣтей чего не сдѣлаешь. Вверхъ ногами вертѣться пойдешь, тѣмъ болѣе, что, въ сущности, оно, пожалуй, и справедливо. Вѣдь долженъ же я хоть что-нибудь сдѣлать для семейства. Не все же тунеядцемъ сидѣть!

— Но, дядюшка, вѣдь она сумасшедшая! вскричалъ я, забывшись, и сердце мое болѣзненно сжалось.

— Ну, ужъ и сумасшедшая! Вовсе не сумасшедшая, а такъ, испытала, знаешь, несчастія... Что-жъ дѣлать, братецъ, и радъ-бы съ умомъ... А впрочемъ, и съ умомъ-то какія бываютъ! А какая она добрая, если-бъ ты зналъ, благородная какая!

— Но, Боже мой! Онъ ужъ и мирится съ этою мыслью! сказалъ я въ отчаяніи.

— А что-жъ и дѣлать-то, какъ не такъ? Вѣдь для моего-же блага стараются, да и, наконецъ, ужъ я предчувствовалъ, что, рано-ли, поздно-ли, а не отвертишься: заставятъ жениться. Такъ ужъ лучше теперь, чѣмъ еще ссору изъ-за этого затѣвать. Я тебѣ, братъ Сережа, все откровенно скажу: я даже отчасти и радъ. Рѣшился, такъ ужъ рѣшился, по крайней мѣрѣ, съ плечъ долой,— спокойнѣе какъ-то. Я, вотъ, и шелъ сюда почти совсѣмъ ужъ спокойный. Такова ужъ видно звѣзда моя! А главное, въ выигрышѣ то, что Настя при насъ остается. Я вѣдь и согласился съ этимъ условіемъ. А тутъ *она* сама бѣжать хочетъ! Да не будетъ же этого! воскликнулъ дядя, топнувъ ногою.—Послушай, Сергѣй, прибавилъ онъ, съ рѣшительнымъ видомъ,—подожди меня здѣсь, никуда не ходи; я мигомъ къ тебѣ ворочусь.

— Куда вы, дядюшка?

— Можетъ-быть, я ее увижу, Сергѣй; все объяснится, повѣрь, что все объяснится, и... и... женишься же ты на ней—даю тебѣ честное слово!

Дядя быстро вышелъ изъ комнаты и поворотилъ въ садъ, а не къ дому. Я слѣдилъ за нимъ изъ окна.

XII.

Катастрофа.

Я остался одинъ. Положеніе мое было нестерпимое: мнѣ отказали, а дядя хотѣлъ женить меня чуть не насильно. Я сбивался и путался въ мысляхъ. Мизинчиковъ и его предложеніе не выходили у меня изъ головы. Во что бы ни стало, дядю надо было спасти! Я даже думалъ пойти сыскать Мизинчикова и разсказать ему все. Но

куда однакожъ пошелъ дядя? Онъ самъ сказалъ, что идетъ отыскивать Настеньку, а между тѣмъ поворотилъ въ садъ. Мысль о тайныхъ свиданіяхъ промелькнула въ моей головѣ, и непріятное чувство ущемило мое сердце. Я вспомнилъ слова Мизинчикова про тайную связь... Подумавъ съ минуту, я съ негодованіемъ отбросилъ всѣ мои подозрѣнія. Дядя не могъ обманывать: это очевидно. Безпокойство мое возрастало каждую минуту. Безсознательно вышелъ я на крыльцо и пошелъ въ глубину сада, по той самой аллеѣ, въ которой исчезъ дядя. Мѣсяцъ начиналъ всходить. Я зналъ этотъ садъ вдоль и поперекъ и не боялся заблудиться. Дойдя до старой бесѣдки, уединенно стоявшей на берегу обрядхлѣвшаго, покрытаго тиной пруда, я вдругъ остановился, какъ вкопанный: мнѣ послышались въ бесѣдкѣ голоса. Не могу выразить, какое странное чувство досады овладѣло мною! Я былъ увѣренъ, что это дядя и Настенька, и продолжалъ подходить, успокаивая на всякій случай свою совѣсть тѣмъ, что иду прежнимъ шагомъ и не стараюсь подкрадываться. Вдругъ раздался ясно звукъ поцѣлуя, потомъ звуки какихъ-то одушевленныхъ словъ, и тотчасъ же, вслѣдъ за этимъ—пронзительный женскій крикъ. Въ то же мгновеніе женщина, въ бѣломъ платьѣ, выбѣжала изъ бесѣдки и промелькнула мимо меня, какъ ласточка. Мнѣ показалось даже, что она закрывала руками лицо, чтобъ не быть узнанною: вѣроятно, меня замѣтили изъ бесѣдки. Но каково же было мое изумленіе, когда въ выбѣжавшемъ, вслѣдъ за испуганной дамой, кавалерѣ я узналъ Обноскина, — Обноскина, который, по словамъ Мизинчикова, давно ужъ уѣхалъ! Съ своей стороны, и Обноскинъ, увидавъ меня, чрезвычайно смутился: все нахальство его исчезло.

— Извините меня, но... я никакъ не ожидалъ съ вами встрѣтиться, проговорилъ онъ, улыбаясь и запинаясь.

— А я съ вами, отвѣчалъ я насмѣшливо,—тѣмъ болѣе, что я слышалъ, вы ужъ уѣхали.

— Нѣтъ-съ... это такъ... я проводилъ недалеко маменьку. Но могу-ли я обратиться къ вамъ, какъ къ благороднѣйшему человѣку въ мірѣ?

— Съ чѣмъ это?

— Есть случаи — и вы сами согласитесь съ этимъ — когда истинно благородный человѣкъ принужденъ обратиться ко всему благородству чувствъ другого, истинно благороднаго человѣка... Надѣюсь, вы понимаете меня...

— Не надѣйтесь: ничего рѣшительно не понимаю.

— Вы видѣли даму, которая находилась вмѣстѣ со мной въ бесѣдкѣ?

— Видѣлъ, но не узналъ.

— А, не узнали... Эту даму я назову скоро моею женою.

— Поздравляю васъ. Но чѣмъ же я могу быть вамъ полезенъ?

— Только однимъ: сохранивъ глубочайшую тайну о томъ, что вы меня видѣли съ этой дамой.

„Кто-жъ бы это? подумалъ я,—ужь не...".

— Право, не знаю-съ, отвѣчалъ я Обноскину. — Надѣюсь, вы извините, что не могу дать вамъ слова.

— Нѣтъ, ради Бога, пожалуйста, умолялъ Обноскинъ.— Поймите мое положеніе: это секретъ. Вы тоже можете быть женихомъ: тогда и я, съ своей стороны...

— Тс! Кто-то идетъ!

— Гдѣ?

Дѣйствительно, шагахъ въ тридцати отъ насъ, чуть примѣтно, промелькнула тѣнь проходившаго человѣка.

— Это... это вѣрно Ѳома Ѳомичъ! прошепталъ Обноскинъ, трепеща всѣмъ тѣломъ. — Я узнаю его по походкѣ. Боже мой! и еще шаги, съ другой стороны! Слышите... Прощайте! Благодарю васъ и... умоляю васъ...

Обноскинъ скрылся. Чрезъ минуту предо мной очутился дядя, какъ будто выросъ изъ-подъ земли.

— Это ты? окликнулъ онъ меня.—Все пропало, Сережа, все пропало!

Я замѣтилъ, что онъ тоже дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

— Что̀ пропало, дядюшка?

— Пойдемъ! сказалъ онъ, задыхаясь и, крѣпко схвативъ меня за руку, потащилъ за собою. Но всю дорогу, до флигеля, онъ не сказалъ ни слова, не давалъ и мнѣ говорить. Я ожидалъ чего-нибудь сверхъестественнаго и почти не обманулся. Когда мы вошли въ комнату, съ нимъ сдѣлалось дурно; онъ былъ блѣденъ, какъ мертвый. Я немедленно спрыснулъ его водою. „Вѣроятно, случилось что-нибудь очень ужасное, думалъ я,—когда съ такимъ человѣкомъ дѣлается обморокъ".

— Дядюшка, что̀ съ вами? спросилъ я его, наконецъ.

— Все пропало, Сережа! Ѳома засталъ меня въ саду вмѣстѣ съ Настенькой въ ту самую минуту, когда я поцѣловалъ ее.

— Поцѣловали! Въ саду! вскричалъ я, смотря въ изумленіи на дядю.

— Въ саду, братецъ, Богъ попуталъ! Пошелъ я, чтобъ непремѣнно ее увидать. Хотѣлъ ей высказать, урезонить ее, насчетъ тебя, то-есть. А она меня ужъ цѣлый часъ дожидалась, тамъ, у сломанной скамейки, за прудомъ... Она туда часто приходитъ, когда надо поговорить со мной.

— Часто, дядюшка?

— Часто, братецъ! Послѣднее время почти каждую ночь сряду сходились. Только они насъ, вѣрно, и выслѣдили,—ужъ знаю, что выслѣдили, и знаю, что тутъ Анна Ниловна все работала. Мы на время и прервали: дня четыре ужъ ничего не было; а вотъ сегодня опять понадобилось. Самъ ты видѣлъ, какая нужда была: безъ этого какъ же бы я ей сказалъ? Прихожу, въ надеждѣ застать, а она ужъ тамъ цѣлый часъ сидитъ, меня дожидается: тоже надо было кое-что сообщить...

— Боже мой, какая неосторожность! Вѣдь вы знали, что за вами слѣдятъ?

— Да вѣдь критическій случай, Сережа: многое надо было взаимно сказать. Днемъ-то я и смотрѣть на нее не смѣю: она въ одинъ уголъ, а я въ другой парочно смотрю, какъ будто и не замѣчаю, что она есть на свѣтѣ. А ночью сойдемся, да и наговоримся...

— Ну, что-жъ, дядюшка?

— Не успѣлъ я двухъ словъ сказать, знаешь,—сердце у меня заколотилось, изъ глазъ слезы выступили: сталъ я ее уговаривать, чтобъ за тебя вышла,— а она мнѣ: „вѣрно вы меня не любите,— вѣрно, вы ничего не видите", и вдругъ какъ бросится мнѣ на шею, обвила меня руками, заплакала, зарыдала! „Я, говоритъ, одного васъ люблю и ни за кого не выйду. Я васъ ужъ давно люблю, только и за васъ не выйду, а завтра же уѣду и въ монастырь пойду".

— Боже мой! Неужели она такъ и сказала? Ну, что-жъ дальше,—дальше, дядюшка?

— Смотрю, а передъ нами Ѳома! И откуда онъ взялся? Неужели за кустомъ сидѣлъ, да этого грѣха выжидалъ?

— Подлецъ!

— Я обмеръ, Настенька бѣжать, а Ѳома Ѳомичъ, молча, прошелъ мимо насъ, да пальцемъ мнѣ и погрозилъ,—понимаешь, Сергѣй, какой трезвонъ завтра будетъ?

— Ну, да ужъ какъ не понять!

— Понимаешь-ли ты! вскричалъ онъ въ отчаяніи, вскакивая со стула,—понимаешь-ли ты, что они хотятъ ее погубить, осрамить, обезчестить; ищутъ предлога, чтобъ безчестіе на нее всклепать и за это выгнать ее; а вотъ теперь и нашелся предлогъ! Вѣдь они говорили, что она со мной гнусныя связи имѣетъ! Вѣдь они, подлецы, говорили, что она съ Видоплясовымъ имѣетъ! Это все Анна Ниловна говорила. Что теперь будетъ? Что завтра будетъ? Неужели разскажетъ Ѳома?

— Непремѣнно разскажетъ, дядюшка.

— А если разскажетъ, если только разскажетъ... проговорилъ онъ, закусывая губы и сжимая кулаки.—Но, нѣтъ, не повѣрю! Онъ не разскажетъ, онъ пойметъ... это человѣкъ высочайшаго благородства! Онъ пощадитъ ее...

— Пощадитъ, иль не пощадитъ, отвѣчалъ я рѣшительно,—но, во всякомъ случаѣ, ваша обязанность завтра же сдѣлать предложеніе Настасьѣ Евграфовнѣ.

Дядя смотрѣлъ на меня неподвижно.

— Понимаете-ли вы, дядюшка, что обезчестите дѣвушку, если разнесется эта исторія? Понимаете-ли вы, что вамъ надо предупредить бѣду какъ можно скорѣе; что вамъ надо смѣло и гордо посмотрѣть всѣмъ въ глаза, гласно сдѣлать предложеніе, плюнуть на ихъ резоны и стереть Ѳому въ порошокъ, если онъ заикнется противъ нея.

— Другъ мой, вскричалъ дядя,—я объ этомъ думалъ, идя сюда!

— И какъ же рѣшили?

— Неизмѣнно! Я ужъ рѣшился, прежде чѣмъ началъ тебѣ разсказывать!

— Браво, дядюшка!

И я бросился обнимать его.

Долго мы говорили. Я выставилъ передъ нимъ всѣ резоны, всю неумолимую необходимость жениться на Настенькѣ, что, впрочемъ, онъ самъ понималъ еще лучше меня. Но краснорѣчіе мое было возбуждено. Я радовался за дядю. Долгъ подстрекалъ его, иначе бы онъ никогда не подпялся. Передъ долгомъ же, передъ обязанностью онъ благоговѣлъ. Но, несмотря на то, я рѣшительно не понималъ, какъ устроится это дѣло. Я зналъ и слѣпо вѣрилъ, что дядя ни за что не отступитъ отъ того, что разъ призналъ своею обязанностью; но мнѣ какъ-то не вѣрилось, чтобъ у него достало силы возстать противъ своихъ домашнихъ. И потому я старался какъ можно

болѣе подстрекнуть и направить его, и работалъ со всею юношескою горячностью.

— Тѣмъ болѣе, тѣмъ болѣе, говорилъ я,—что теперь уже все рѣшено и послѣднія сомнѣнія ваши исчезли! Случилось то, чего вы не ожидали, хотя въ сущности всѣ это видѣли и всѣ прежде васъ замѣтили: Настасья Евграфовна васъ любитъ! Неужели же вы допустите, кричалъ я,—чтобъ эта чистая любовь обратилась для нея въ стыдъ и позоръ?

— Никогда! Но, другъ мой, неужели-жъ я буду, наконецъ, такъ счастливъ! вскричалъ дядя, бросаясь ко мнѣ на шею.—И какъ это она полюбила меня, и за что? за что? Кажется, во мнѣ нѣтъ ничего такого... Я старикъ передъ нею: вотъ ужъ не ожидалъ-то! Ангелъ мой, ангелъ!.. Слушай, Сережа, давеча ты спрашивалъ, не влюбленъ-ли я въ нее: имѣлъ ты какую-нибудь идею?

— Я видѣлъ только, дядюшка, что вы ее любите такъ, какъ больше любить нельзя: любите и, между тѣмъ, сами про это не знаете. Помилуйте! Выписываете меня, хотите женить меня на ней, единственно для того, чтобъ она вамъ стала племянницей и чтобъ имѣть ее всегда при себѣ...

— А ты... а ты прощаешь меня, Сергѣй?

— Э, дядюшка!..

И онъ снова обнялъ меня.

— Смотрите же, дядюшка, всѣ противъ васъ: надо возстать и пойти противъ всѣхъ, и не далѣе, какъ завтра.

— Да... да, завтра! повторилъ онъ нѣсколько задумчиво,—и, знаешь, примемся за дѣло съ мужествомъ, съ истиннымъ благородствомъ души, съ силой характера... именно съ силой характера!

— Не сробѣйте, дядюшка!

— Не сробѣю, Сережа! Одно: не знаю, какъ начать, какъ приступить!

— Не думайте объ этомъ, дядюшка. Завтрашній день все рѣшитъ. Успокойтесь сегодня. Чѣмъ больше думать, тѣмъ хуже. А если Фома заговоритъ—немедленно его выгнать изъ дому и стереть его въ порошокъ.

— А нельзя-ли не выгонять? Я, братъ, такъ рѣшилъ: завтра же пойду къ нему рано, чѣмъ свѣтъ, все разскажу, вотъ какъ съ тобой говорилъ: не можетъ быть, чтобъ онъ не понялъ меня, онъ благороденъ, онъ благороднѣйшій изъ людей! Но, вотъ что меня безпокоитъ: что, если

маменька предувѣдомила сегодня Татьяну Ивановну о завтрашнемъ предложеніи? Вѣдь, это ужъ худо!

— Не безпокойтесь о Татьянѣ Ивановнѣ, дядюшка.

И я разсказалъ ему сцену въ бесѣдкѣ съ Обноскинымъ. Дядя былъ въ чрезвычайномъ удивленіи. Я ни слова не упомянулъ о Мизинчиковѣ.

— Фантасмагорическое лицо! Истинно фантасмагорическое лицо! вскричалъ онъ.—Бѣдная! Они подъѣзжаютъ къ ней, хотятъ воспользоваться ея простотою! Неужели Обноскинъ? Да вѣдь онъ же уѣхалъ... Странно, ужасно странно! Я пораженъ, Сережа... Это завтра же надо изслѣдовать и принять мѣры... Но, увѣренъ-ли ты совершенно, что это была Татьяна Ивановна?

Я отвѣчалъ, что хотя и не видалъ въ лицо, но, по нѣкоторымъ причинамъ, совершенно увѣренъ, что это Татьяна Ивановна.

— Гм! Не интрижка-ли съ кѣмъ-нибудь изъ дворовыхъ, а тебѣ показалось, что Татьяна Ивановна? Не Даша-ли, садовника дочь? Пролазливая дѣвочка! Замѣчена, потому и говорю, что замѣчена. Анна Ниловна выслѣдила!.. Да нѣтъ же, однако! Вѣдь, онъ говорилъ, что жениться хочетъ. Странно, странно!

Наконецъ, мы разстались. Я обнялъ и благословилъ дядю.

— Завтра, завтра, повторялъ онъ, — все рѣшится, — прежде, чѣмъ ты встанешь, рѣшится. Пойду къ Ѳомѣ и поступлю съ нимъ по-рыцарски, открою ему все, какъ родному брату, всѣ изгибы сердца, всю внутренность. Прощай, Сережа. Ложись, ты усталъ; а я ужъ вѣрно во всю ночь глазъ не сомкну.

Онъ ушелъ. Я тотчасъ же легъ, усталый и измученный до нельзя. День былъ трудный. Нервы мои были разстроены, и, прежде чѣмъ заснулъ, я нѣсколько разъ вздрагивалъ и просыпался. Но, какъ ни странны были мои впечатлѣнія при отходѣ ко сну, все-таки странность ихъ почти ничего не значила передъ оригинальностью моего пробужденія на другое утро.

Часть вторая и послѣдняя.

I.

Погоня.

Я спалъ крѣпко, безъ сновъ. Вдругъ я почувствовалъ, что на мои ноги налегла десятипудовая тяжесть. Я вскрикнулъ и проснулся. Былъ уже день: въ окна ярко заглядывало солнце. На кровати моей, или, лучше сказать, на моихъ ногахъ, сидѣлъ господинъ Бахчеевъ.

Сомнѣваться было невозможно: это былъ онъ. Высвободивъ кое-какъ ноги, я приподнялся на постели и смотрѣлъ на него съ тупымъ недоумѣніемъ едва проснувшагося человѣка.

— Онъ еще и смотритъ! вскричалъ толстякъ.—Да ты что на меня уставился? Вставай, батюшка, вставай! Полчаса бужу; продирай глаза-то!

— Да что случилось? Который часъ?

— Часъ, батюшка, еще ранній, а Ѳевронья-то наша и свѣту не дождалась, улепетнула. Вставай, въ погоню ѣдемъ!

— Какая Ѳевронья?

— Да наша-то, блаженная-то! Улепетнула! Еще до свѣту улепетнула! Я къ вамъ, батюшка, на минутку, только васъ разбудить, да вотъ и возись съ тобой два часа! Вставайте, батюшка, васъ и дядюшка ждетъ. Дождались празд-

ника! прибавилъ онъ съ какимъ-то злорадствомъ раздраженіемъ въ голосѣ.

— Да про кого и про что вы говорите? сказалъ я съ нетерпѣніемъ, начиная, впрочемъ, догадываться.—Ужъ не Татьяна-ли Ивановна?

— А какъ же? Она и есть! Я говорилъ, предрекалъ—не хотѣли слушать! Вотъ она тебя и поздравила теперь съ праздникомъ! На амурѣ помѣшана, а амуръ-то у нея крѣпко въ головѣ засѣлъ! Тьфу! А тотъ-то, тотъ-то каковъ? Съ бороденкой-то?

— Неужели съ Мизинчиковымъ!

— Тьфу ты пропасть! Да ты, батюшка, протри глаза-то, отрезвись хоть для великаго Божьяго праздника! Знать, тебя еще за ужиномъ вчера укачало, коли теперь еще бродитъ! Съ какимъ Мизинчиковымъ? Съ Обноскинымъ, а не съ Мизинчиковымъ. А Иванъ Ивановичъ Мизинчиковъ человѣкъ благонравный, и теперь съ нами же въ погоню собирается.

— Что вы говорите! вскричалъ я, даже привскакнувъ на постели,—неужели съ Обноскинымъ?

— Тьфу ты, досадный человѣкъ! отвѣчалъ толстякъ, вскакивая съ мѣста,—я къ нему, какъ къ образованному человѣку, пришелъ оказію сообщить, а онъ еще сомнѣвается! Ну, батюшка, если хочешь съ нами, такъ вставай, напяливай свои штанишки, а мнѣ нечего съ тобой языкомъ стучать: и безъ того золотое время съ тобой потерялъ!

И онъ вышелъ въ чрезвычайномъ негодованіи.

Пораженный извѣстіемъ, я вскочилъ съ кровати, поспѣшно одѣлся и сбѣжалъ внизъ. Думая отыскать дядю въ домѣ, гдѣ, казалось, всѣ еще спали и ничего не знали о происшедшемъ, я осторожно поднялся на парадное крыльцо и въ сѣняхъ встрѣтилъ Настеньку. Одѣта она была наскоро, въ какомъ-то утреннемъ пеньюарѣ, иль пилафрокѣ. Волосы ея были въ безпорядкѣ: видно было, что она только что вскочила съ постели и какъ будто поджидала кого-то въ сѣняхъ.

— Скажите, правда-ли, что Татьяна Ивановна уѣхала съ Обноскинымъ? торопливо спросила она прерывавшимся голосомъ, блѣдная и испуганная.

— Говорятъ, что правда. Я ищу дядюшку; мы хотимъ въ погоню.

— О, привезите, привезите ее скорѣе! Она погибнетъ, если вы ее не воротите.

— Но гдѣ же дядюшка?

— Вѣрно тамъ, у конюшенъ; тамъ коляску закладываютъ. Я его здѣсь поджидала. Послушайте, скажите ему отъ меня, что я непремѣнно хочу ѣхать сегодня же; я совсѣмъ рѣшилась. Отецъ возьметъ меня; я ѣду сейчасъ, если можно будетъ. Все погибло теперь! Все потеряно!

Говоря это, она сама глядѣла на меня, какъ потерянная, и вдругъ залилась слезами. Съ ней, кажется, начиналась истерика.

— Успокойтесь! умолялъ я ее,—вѣдь это все къ лучшему—вы увидите... Что съ вами, Настасья Евграфовна?

— Я... я не знаю... что со мною, говорила она, задыхаясь и безсознательно сжимая мои руки.—Скажите ему...

Въ эту минуту за дверью направо раздался какой-то шумъ.

Она бросила мою руку и, испуганная, не договоривъ, убѣжала вверхъ по лѣстницѣ.

Я нашелъ всю компанію, то-есть дядю, Бахчеева и Мизинчикова, на заднемъ дворѣ, у конюшенъ. Въ коляску Бахчеева впрягали свѣжихъ лошадей. Все было готово къ отъѣзду: ждали только меня.

— Вотъ и онъ! закричалъ дядя при моемъ появленіи.— Слышалъ, братъ? прибавилъ онъ съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ въ лицѣ.

Испугъ, растерянность и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ будто надежда выражались въ его взглядахъ, голосѣ и движеніяхъ. Онъ сознавалъ, что въ судьбѣ его совершился капитальный переворотъ.

Тотчасъ же посвятили меня во всѣ подробности. Господинъ Бахчеевъ, проведя самую скверную ночь, на разсвѣтѣ выѣхалъ изъ своего дома, чтобъ поспѣть къ раннеи обѣднѣ въ монастырь, находящіяся верстахъ въ пяти отъ его деревни. На самомъ поворотѣ съ большой дороги въ обитель, онъ вдругъ увидѣлъ тарантасъ, мчавшійся во всю прыть, а въ тарантасѣ Татьяну Ивановну и Обноскина. Татьяна Ивановна, заплаканная и какъ будто испуганная, вскрикнула и протянула къ господину Бахчееву руки, какъ бы умоляя его о защитѣ,—такъ, по крайней мѣрѣ, выходило изъ его разсказа. „А тотъ-то, подлецъ, съ бо-

роденкой-то, прибавлялъ онъ,—ни живъ, ни мертвъ сидитъ, спрятался; да только врешь, братъ, не спрячешься!" Долго не думая, Степанъ Алексѣевичъ поворотилъ опять на дорогу и прискакалъ въ Степанчиково, разбудилъ дядю, Мизинчикова, наконецъ, и меня. Рѣшили тотчасъ же пуститься въ погоню.

— Обноскинъ-то, Обноскинъ-то.. говорилъ дядя, пристально смотря на меня, какъ будто желая сказать мнѣ вмѣстѣ съ тѣмъ и что-то другое,—кто бы могъ ожидать!

— Отъ этого низкаго человѣка всегда можно было ожидать всякой пакости! вскричалъ Мизинчиковъ съ самымъ энергическимъ негодованіемъ и тотчасъ же отвернулся, избѣгая моего взгляда.

— Что же мы, ѣдемъ иль нѣтъ? Али до ночи будемъ стоять, да сказки разсказывать! прервалъ господинъ Бахчеевъ, влѣзая въ коляску.

— Ѣдемъ, ѣдемъ! подхватилъ дядя.

— Все къ лучшему, дядюшка, шепнулъ я ему.—Видите, какъ все это, теперь, отлично уладилось?

— Полно, братъ, не грѣши... Ахъ, другъ мой! Они теперь просто выгонятъ *ее*, въ наказанье, что не удалось—понимаешь? Ужасъ, сколько я предчувствую!

— Да что-жъ, Егоръ Ильичъ, шептаться, аль ѣхать? вскричалъ въ другой разъ господинъ Бахчеевъ.—Аль ужъ отложить лошадокъ, да закуску подать—какъ вы думаете: не выпить-ли водочки?

Слова эти были произнесены съ такимъ яростнымъ сарказмомъ, что не было никакой возможности не удовлетворить тотчасъ же господина Бахчеева. Всѣ немедленно сѣли въ коляску, и лошади поскакали.

Нѣкоторое время мы всѣ молчали. Дядя значительно посматривалъ на меня, но говорить со мной при всѣхъ не хотѣлъ. Онъ часто задумывался; потомъ, какъ будто пробуждаясь, вздрагивалъ и, въ волненіи, осматривался кругомъ. Мизинчиковъ былъ, повидимому, спокоенъ, курилъ сигару и смотрѣлъ съ достоинствомъ несправедливо обиженнаго человѣка. Зато Бахчеевъ горячился за всѣхъ. Онъ ворчалъ себѣ подъ носъ, глядѣлъ на всѣхъ и на все съ рѣшительнымъ негодованіемъ, краснѣлъ, пыхтѣлъ, безпрерывно плевалъ на сторону и никакъ не могъ успокоиться.

— Увѣрены-ли вы, Степанъ Алексѣичъ, что они поѣхали въ Мишино? спросилъ вдругъ дядя.—Это, братъ, двадцать верстъ отсюда, прибавилъ онъ, обращаясь ко мнѣ,—маленькая деревенька, въ тридцать душъ: недавно пріобрѣтена отъ прежнихъ владѣльцевъ однимъ бывшимъ губернскимъ чиновникомъ. Сутяга, какихъ свѣтъ не производилъ! Такъ, по крайней мѣрѣ, о немъ говорятъ; можетъ-быть, и ошибочно. Степанъ Алексѣичъ увѣряетъ, что Обноскинъ именно туда ѣхалъ и что этотъ чиновникъ теперь ему помогаетъ.

— А то какъ же! вскричалъ Бахчеевъ, встрепенувшись.— Ужъ я говорю, что въ Мишино. Только теперь его въ Мишинѣ-то, можетъ, ужъ Митькой звали, Обноскина-то! Еще бы, три часа на дворѣ попусту прокалякали!

— Не безпокойтесь, замѣтилъ Мизинчиковъ, — застанемъ.

— Да, застанемъ! Небось, онъ тебя дожидаться будетъ. Шкатулка-то въ рукахъ; былъ да сплылъ.

— Успокойся, Степанъ Алексѣичъ, успокойся, догонимъ, сказалъ дядя.—Они еще ничего не успѣли сдѣлать,— увидишь, что такъ.

— Не успѣли сдѣлать! злобно проговорилъ г. Бахчеевъ.—Чего она не успѣетъ надѣлать, даромъ что тихонькая! „Тихонькая, говорятъ, тихонькая!" прибавилъ онъ тоненькимъ голоскомъ, какъ будто кого-то передразнивая.— „Испытала несчастья". Вотъ она намъ теперь пятки и показала, несчастная-то! Вотъ и гоняйся за ней по большимъ дорогамъ, высуня языкъ, ни свѣтъ, ни заря! Помолиться человѣку не дадутъ для Божьяго праздника. Тьфу!

— Да вѣдь она, однакожъ, не малолѣтняя, замѣтилъ я,—подъ опекой не состоитъ. Воротить ее нельзя, если сама не захочетъ. Какъ же мы будемъ?

— Разумѣется, отвѣчалъ дядя.—но она захочетъ—увѣряю тебя. Это она теперь только такъ... Только увидитъ насъ, тотчасъ воротится,—отвѣчаю. Нельзя же, братъ, оставить ее такъ, на произволъ судьбы, въ жертву; это, такъ сказать, долгъ...

— Подъ опекой не состоитъ! вскрикнулъ Бахчеевъ, немедленно на меня накидываясь.—Дура она, батюшка, набитая дура,—а не то, что подъ опекой не состоитъ. Я тебѣ о ней и говорить не хотѣлъ вчера, а намедни ошиб-

кой зашелъ въ ея комнату, смотрю, а она одна передъ зеркаломъ руки въ боки, экоссезъ выплясываетъ! Да вѣдь какъ разодѣта: журналъ, просто журналъ! Плюнулъ, да и отошелъ. Тогда же все предузналъ, какъ по писанному!

— Къ чему-жъ такъ обвинять? замѣтилъ я съ нѣкоторою робостью.—Извѣстно, что Татьяна Ивановна... не въ полномъ своемъ здоровьѣ... или, лучше сказать, у ней такая манія... Мнѣ кажется, виноватъ одинъ Обноскинъ, а не она.

— Не въ полномъ своемъ здоровьѣ! Ну, вотъ подите вы съ нимъ! подхватилъ толстякъ, весь побагровѣвъ отъ злости.—Вѣдь поклялся же бѣсить человѣка! Со вчерашняго дня клятву такую далъ! Дура она, отецъ мой, повторяю тебѣ, капитальная дура, а не то, что не въ полномъ своемъ здоровьѣ; съ измалѣтства на купидонѣ помѣшана! Вотъ и довелъ ее теперь купидонъ до послѣдней точки. А про того, съ бороденкой-то, и поминать нечего! Небось, задуваетъ теперь по всѣмъ по тремъ, съ денежками, динь-динь-динь, да посмѣивается.

— Такъ неужели же вы, въ самомъ дѣлѣ, думаете, что онъ тотчасъ и броситъ ее?

— А то какъ же? Небось таскать съ собой станетъ такое сокровище? Да на что она ему? Оберетъ ее, да и посадитъ гдѣ-нибудь подъ кустъ, на дорогѣ—и былъ таковъ, а она и сиди себѣ подъ кустомъ, да нюхай цвѣточки.

— Ну, ужъ это ты увлекся, Степанъ, не такъ это будетъ! вскричалъ дядя.—Впрочемъ, чего-жъ ты такъ сердишься? Дивлюсь я на тебя, Степанъ, тебѣ-то чего?

— Да вѣдь я человѣкъ, али нѣтъ? Вѣдь зло беретъ: вчужѣ беретъ. Вѣдь я, можетъ, ее же любя говорю... Эхъ, прокисай все на свѣтѣ! Ну, зачѣмъ я пріѣхалъ сюда? Ну, зачѣмъ я сворачивалъ? Мнѣ-то какое дѣло? Мнѣ-то какое дѣло?

Такъ сѣтовалъ г. Бахчеевъ; но я уже не слушалъ его и задумался о той, которую мы теперь догоняли—о Татьянѣ Ивановнѣ. Вотъ краткая ея біографія, собранная мною впослѣдствіи, по самымъ вѣрнѣйшимъ источникамъ, и которая необходима для поясненія ея приключеній. Бѣдный ребенокъ-сиротка, выросшій въ чужомъ, негостепріимномъ домѣ, потомъ бѣдная дѣвушка, потомъ бѣдная дѣва и, наконецъ, бѣдная перезрѣлая дѣва, Татьяна Ива-

новна, во всю свою бѣдную жизнь, испила полную до краевъ чашу горя, сиротства, униженій, попрековъ и вполнѣ извѣдала всю горечь чужого хлѣба. Отъ природы характера веселаго, воспріимчиваго въ высшей степени и легкомысленнаго, она вначалѣ кое-какъ еще переносила свою горькую участь и даже могла подчасъ и смѣяться самымъ веселымъ, беззаботнымъ смѣхомъ; но съ годами судьба взяла, наконецъ, свое. Мало-по-малу, Татьяна Ивановна стала желтѣть и худѣть, сдѣлалась раздражительна, болѣзненно-воспріимчива и впала въ самую неограниченную, безпредѣльную мечтательность, часто прерываемую истерическими слезами, судорожными рыданіями. Чѣмъ менѣе благъ земныхъ оставляла ей на долю дѣйствительность, тѣмъ болѣе она обольщала и утѣшала себя воображеніемъ. Чѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ безвозвратнѣе гибли и, наконецъ, погибли совсѣмъ послѣднія существенныя надежды ея, тѣмъ упоительнѣе становились ея мечты, никогда не осуществимыя. Богатства неслыханныя, красота неувядаемая, женихи изящные, богатые, знатные, все князья и генеральскія дѣти, сохранившіе для нея свои сердца въ дѣвственной чистотѣ и умирающіе у ногъ ея отъ безпредѣльной любви и, наконецъ, *онъ—онъ*, идеалъ красоты, совмѣщающій въ себѣ всевозможныя совершенства, страстный и любящій, художникъ, поэтъ, генеральскій сынъ—все вмѣстѣ, или поочередно, все это начинало ей представляться не только во снѣ, но даже почти и на-яву. Разсудокъ ея уже начиналъ слабѣть и не выдерживать пріемовъ этого опіума таинственныхъ, безпрерывныхъ мечтаній... И вдругъ судьба подшутила надъ ней окончательно. Въ самой послѣдней степени униженія, среди самой грустной, подавляющей сердце дѣйствительности, въ компаньонкахъ у одной старой, беззубой и брюзгливѣйшей барыни въ мірѣ, виноватая во всемъ, упрекаемая за каждый кусокъ хлѣба, за каждую тряпку изношенную, обиженная первымъ желающимъ, незащищенная никѣмъ, измученная горемычнымъ житьемъ своимъ и, про себя, утопающая въ нѣгѣ самыхъ безумныхъ и распаленныхъ фантазій,—она вдругъ получила извѣстіе о смерти одного своего дальняго родственника, у котораго давно уже (о чемъ она, по легкомыслію своему, никогда не справлялась) перемерли всѣ его близкіе родные, человѣка страннаго, жившаго затворникомъ, гдѣ-то за тридевять земель, въ захолустьи, одиноко, угрюмо, не-

слышно и занимавшагося черепословіемъ и ростовщичествомъ. И вотъ, огромное богатство вдругъ, какъ бы чудомъ, упало съ неба и разсыпалось золотою розсыпью у ногъ Татьяны Ивановны: она оказалась единственной законной наслѣдницей умершаго родственника. Сто тысячъ рублей серебромъ достались ей разомъ. Эта насмѣшка судьбы доконала ее совершенно. Какъ же, въ самомъ дѣлѣ, и безъ того уже ослабѣвшему разсудку не повѣрить мечтамъ, когда онѣ въ самомъ дѣлѣ начинали сбываться? И вотъ бѣдняжка окончательно распростилась съ оставшейся у ней послѣдней капелькой здраваго смысла. Замирая отъ счастья, она безвозвратно унеслась въ свой очаровательный міръ невозможныхъ фантазій и соблазнительныхъ призраковъ. Прочь всѣ соображенія, всѣ сомнѣнія, всѣ преграды дѣйствительности, всѣ неизбѣжные и ясные, какъ дважды-два, законы ея. Тридцать пять лѣтъ и мечта объ ослѣпляющей красотѣ, осенній грустный холодъ и вся роскошь безконечнаго блаженства любви, даже не споря между собою,—ужились въ ея существѣ. Мечты уже осуществились разъ въ жизни: отчего же и всему не сбыться? Отчего же и *ему* не явиться? Татьяна Ивановна не разсуждала, а вѣрила. Но въ ожиданіи *его*, идеала—женихи и кавалеры разныхъ орденовъ и простые кавалеры, военные и статскіе, армейскіе и кавалергарды, вельможи и просто поэты, бывшіе въ Парижѣ и бывшіе только въ Москвѣ, съ бородками и безъ бородокъ, съ эспаньолками и безъ эспаньолокъ, испанцы и не испанцы (но, преимущественно, испанцы), начали представляться ей день и ночь, въ количествѣ ужасающемъ и возбуждавшемъ въ наблюдателяхъ серьезныя опасенія; оставался только шагъ до желтаго дома. Блестящею, упоенною любовью вереницею, толпились около нея всѣ эти прекрасные призраки. На-яву, въ настоящей жизни, дѣло шло тѣмъ же самымъ фантастическимъ порядкомъ: на кого она ни взглянетъ—тотъ и влюбился; кто бы ни прошелъ мимо—тотъ и испанецъ; кто умеръ—непремѣнно отъ любви къ ней. Все это, какъ нарочно, подтверждалось въ ея глазахъ еще и тѣмъ, что за ней, въ самомъ дѣлѣ, начали бѣгать такіе, напримѣръ, люди, какъ Обноскинъ, Мизинчиковъ и десятки другихъ, съ тѣми же цѣлями. Ей вдругъ стали всѣ угождать, стали баловать ее, стали ей льстить. Бѣдная Татьяна Ивановна и подозрѣвать не хотѣла, что все это изъ-за денегъ. Она со-

вершенно была увѣрена, что, по чьему-то мановенію, всѣ люди вдругъ исправились и стали всѣ до одного веселые, милые, ласковые, добрые. *Онъ* не являлся еще на-лицо: но хотя и сомнѣнія не было въ томъ, что *онъ* явится, теперешняя жизнь и безъ того была такъ недурна, такъ заманчива, такъ полна всякихъ развлеченій и утѣшеній, что можно было и подождать. Татьяна Ивановна кушала конфекты, срывала цвѣты удовольствія, читала романы. Романы еще болѣе распаляли ея воображеніе и бросались обыкновенно на второй страницѣ. Она не выносила далѣе чтенія, увлекаемая въ мечты самыми первыми строчками, самымъ ничтожнымъ намекомъ на любовь, иногда просто описаніемъ мѣстности, комнаты, туалета. Безпрерывно привозились новые наряды, кружева, шляпки, наколки, ленты, образчики, выкройки, узоры, конфекты, цвѣты, собачонки. Три дѣвушки въ дѣвичьей проводили цѣлые дни за шитьемъ, а барышня съ утра до ночи, и даже ночью, примѣряла свои лифы, оборки и вертѣлась передъ зеркаломъ. Она даже какъ-то помолодѣла и похорошѣла послѣ наслѣдства. До сихъ поръ не знаю, какимъ образомъ она приходилась сродни покойному генералу Крахоткину. Я всегда былъ увѣренъ, что это родство — выдумка генеральши, желавшей овладѣть Татьяной Ивановной и, во что бы ни стало, женить дядю на ея деньгахъ. Господинъ Бахчеевъ былъ правъ, говоря о купидонѣ, доведшемъ Татьяну Ивановну до послѣдней точки: а мысль дяди, послѣ извѣстія объ ея побѣгѣ съ Обноскинымъ, бѣжать за ней и воротить ее, хоть насильно, была самая раціональная. Бѣдняжка не способна была жить безъ опеки и тотчасъ же погибла бы, если-бъ попалась къ недобрымъ людямъ.

Былъ часъ десятый, когда мы пріѣхали въ Мишино. Это была бѣдная, маленькая деревенька, верстахъ въ трехъ отъ большой дороги и стоявшая въ какой-то ямѣ. Шесть или семь крестьянскихъ избъ, закоптѣлыхъ, покрившихся на-бокъ и едва прикрытыхъ почернѣвшею соломою, какъ-то грустно и непривѣтливо смотрѣли на проѣзжаго. Ни садика, ни кустика не было кругомъ на четверть версты. Только одна старая ракита свѣсилась и дремала надъ зеленоватой лужей, называвшейся прудомъ. Такое новоселье, вѣроятно, не могло произвесть отраднаго впечатлѣнія на Татьяну Ивановну. Барская усадьба состояла изъ новаго, длиннаго и узкаго сруба съ шестью

окнами въ рядъ и крытаго, на скорую руку, соломой. Чиновникъ-помѣщикъ только что начиналъ хозяйничать. Даже дворъ еще не былъ огороженъ заборомъ, и только съ одной стороны начинался новый плетень, съ котораго еще не успѣли осыпаться высохшіе, орѣховые листья. У плетня стоялъ тарантасъ Обноскина. Мы упали на виноватыхъ, какъ снѣгъ на голову. Изъ раскрытаго окна слышались крики и плачъ.

Встрѣтившійся намъ въ сѣняхъ босоногій мальчикъ ударился отъ насъ бѣжать, сломя голову. Въ первой же комнатѣ, на ситцевомъ, длинномъ „турецкомъ“ диванѣ, безъ спинки, возсѣдала заплаканная Татьяна Ивановна. Увидѣвъ насъ, она взвизгнула и закрылась ручками. Возлѣ нея стоялъ Обноскинъ, испуганный и сконфуженный до жалости. Онъ до того потерялся, что бросился пожимать намъ руки, какъ будто обрадовавшись нашему пріѣзду. Изъ-за пріотворенной въ другую комнату двери выглядывало чье-то дамское платье: кто-то подслушивалъ и подглядывалъ въ незамѣтную для насъ щелочку. Хозяева не явились: казалось, ихъ и въ домѣ не было; всѣ куда-то попрятались.

— Вотъ она, путешественница! Еще и ручками закрывается! вскричалъ господинъ Бахчеевъ, вваливаясь за нами въ комнату.

— Остановите вашъ восторгъ, Степанъ Алексѣевичъ! Это, наконецъ, неприлично. Имѣетъ право теперь говорить одинъ только Егоръ Ильичъ, а мы здѣсь совершенно посторонніе! рѣзко замѣтилъ Мизинчиковъ.

Дядя, бросивъ строгій взглядъ на господина Бахчеева и какъ будто совсѣмъ не замѣчая Обноскина, бросившагося къ нему съ рукопожатіями, подошелъ къ Татьянѣ Ивановнѣ, все еще закрывавшейся ручками, и самымъ мягкимъ голосомъ, съ самымъ непритворнымъ участіемъ, сказалъ ей:

— Татьяна Ивановна! Мы всѣ такъ любимъ и уважаемъ васъ, что сами пріѣхали узнать о вашихъ намѣреніяхъ. Угодно будетъ вамъ ѣхать съ нами въ Степанчиково? Илюша именинникъ. Маменька васъ ждетъ съ нетерпѣніемъ, а Сашурка съ Настей ужъ вѣрно проплакали о васъ цѣлое утро...

Татьяна Ивановна робко приподняла голову, посмотрѣла на него сквозь пальцы и, вдругъ заливщись слезами, бросилась къ нему на шею.

— Ахъ, увезите, увезите меня отсюда скорѣе! говорила она, рыдая,—скорѣе, какъ можно скорѣе!

— Разскакалась, да и сбрендила! прошипѣлъ Бахчеевъ, подталкивая меня рукою.

— Значитъ, все кончено, сказалъ дядя, сухо обращаясь къ Обноскину и почти не глядя на него.—Татьяна Ивановна, пожалуйте вашу руку. Тьемъ!

За дверьми послышался шорохъ: дверь скрипнула и пріотворилась еще болѣе.

— Однакожъ, если судить съ другой точки зрѣнія, замѣтилъ Обноскинъ, съ безпокойствомъ поглядывая на пріотворенную дверь, — то посудите сами, Егоръ Ильичъ... вашъ поступокъ въ моемъ домѣ... и, наконецъ, я вамъ кланяюсь, а вы даже не хотѣли мнѣ и поклониться, Егоръ Ильичъ...

— Вашъ поступокъ въ *моемъ* домѣ, сударь, былъ скверный поступокъ, отвѣчалъ дядя, строго взглянувъ на Обноскина,—а это и домъ-то не вашъ. Вы слышали: Татьяна Ивановна не хочетъ оставаться здѣсь ни минуты. Чего же вамъ болѣе? Ни слова—слышите, ни слова больше, прошу васъ! Я чрезвычайно желаю избѣжать дальнѣйшихъ объясненій, да и вамъ это будетъ выгоднѣе.

Но тутъ Обноскинъ до того упалъ духомъ, что наговорилъ самой неожиданной дряни.

— Не презирайте меня, Егоръ Ильичъ, началъ онъ полушопотомъ, чуть не плача отъ стыда и поминутно оглядываясь на дверь, вѣроятно, изъ боязни, чтобъ тамъ не услышали,—это все не я, а маменька. Я не изъ интереса это сдѣлалъ, Егоръ Ильичъ: я только такъ это сдѣлалъ: я, конечно, и для интереса это сдѣлалъ, Егоръ Ильичъ... но я съ благородною цѣлью это сдѣлалъ, Егоръ Ильичъ. я бы употребилъ съ пользою капиталъ-съ... я бы помогалъ бѣднымъ. Я хотѣлъ тоже способствовать движенію современнаго просвѣщенія и мечталъ даже учредить стипендію въ университетѣ... Вотъ какой оборотъ я хотѣлъ дать моему богатству, Егоръ Ильичъ; а не то, чтобъ что-нибудь, Егоръ Ильичъ...

Всѣмъ намъ вдругъ сдѣлалось чрезвычайно совѣстно. Даже Мизинчиковъ покраснѣлъ и отвернулся, а дядя такъ сконфузился, что ужъ не зналъ, что и сказать.

— Ну, ну, полно, полно! проговорилъ онъ, наконецъ.—

Успокойся, Павелъ Семенычъ. Что-жъ дѣлать! Со всякимъ случается... Если хочешь, пріѣзжай, братъ, обѣдать... а я радъ, радъ...

Но не такъ поступилъ господинъ Бахчеевъ.

— Стипендію учредить! заревѣлъ онъ съ яростью,— таковскій, чтобъ учредилъ! Небось, самъ радъ сорвать со всякаго встрѣчнаго... Штапишекъ нѣтъ, а туда же въ стипендію какую-то лѣзетъ! Ахъ ты, лоскутникъ, лоскутникъ! Вотъ тебѣ и покорилъ нѣжное сердце! А гдѣ-жъ она, родительница-то? Али спряталась? Не я буду, если не сидитъ гдѣ-нибудь тамъ, за ширмами,—али подъ кровать, со страха, залѣзла...

— Степанъ, Степанъ!.. закричалъ дядя.

Обноскинъ вспыхнулъ и готовился было протестовать; но, прежде чѣмъ онъ успѣлъ раскрыть ротъ, дверь отворилась, и сама Анфиса Петровна, раздраженная, съ сверкавшими глазами, покраснѣвшая отъ злости, влетѣла въ комнату.

— Это что! закричала она, — что это здѣсь происходитъ? Вы, Егоръ Ильичъ, врываетесь въ благородный домъ съ своей ватагой, пугаете дамъ, распоряжаетесь!.. Да на что это похоже? Я еще не выжила изъ ума, слава Богу, Егоръ Ильичъ! А ты, пентюхъ! продолжала она вопить, набрасываясь на сына,—ты ужъ и нюни распустилъ передъ ними! Твоей матери дѣлаютъ оскорбленіе въ ея же домѣ, а ты ротъ разинулъ! Какой ты порядочный молодой человѣкъ послѣ этого? Ты тряпка, а не молодой человѣкъ послѣ этого!

Ни вчерашняго нѣжничанья, ни модничанья, ни даже лорнетки — ничего этого не было теперь у Анфисы Петровны. Это была настоящая фурія, фурія безъ маски.

Дядя, едва только увидѣлъ ее, поспѣшилъ схватить подъ руку Татьяну Ивановну и бросился было изъ комнаты; но Анфиса Петровна тотчасъ перегородила ему дорогу.

— Вы такъ не выйдете, Егоръ Ильичъ! затрещала она снова.—По какому праву вы уводите силой Татьяну Ивановну? Вамъ досадно, что она избѣжала вашихъ гнусныхъ сѣтей, которыми вы опутали ее вмѣстѣ съ вашей маменькой и съ дуракомъ Осмою Осмичомъ! Вамъ хотѣлось бы самому жениться изъ гнуснаго интереса. Извините-съ, здѣсь благороднѣе думаютъ! Татьяна Ивановна, видя, что

противъ нея у васъ замышляютъ, что ее губятъ, сама вѣрилась Павлушѣ. Она сама просила его, такъ сказать, спасти ее отъ вашихъ сѣтей; она принуждена была бѣжать отъ васъ ночью—вотъ какъ-съ! Вотъ вы до чего ее довели! Такъ-ли, Татьяна Ивановна? А если такъ, то какъ смѣете вы врываться, цѣлою шайкой, въ благородный дворянскій домъ и силою увозить благородную дѣвицу, несмотря на ея крики и слезы? Я не позволю! Не позволю! Я не сошла съ ума!.. Татьяна Ивановна останется, потому такъ хочетъ! Пойдемте, Татьяна Ивановна, нечего ихъ слушать: это враги ваши, а не друзья! Не робѣйте, пойдемте! Я ихъ тотчасъ же провожу!..

— Нѣтъ, нѣтъ! закричала испуганная Татьяна Ивановна, — я не хочу, не хочу! Какой онъ мужъ? Я не хочу выходить замужъ за вашего сына! Какой онъ мнѣ мужъ?

— Не хотите! взвизгнула Анфиса Петровна, задыхаясь отъ злости, — не хотите? Пріѣхали, да и не хотите? Въ такомъ случаѣ, какъ же вы смѣли обманывать насъ? Въ такомъ случаѣ, какъ же вы смѣли обѣщать ему, бѣжали съ нимъ ночью, сами навязывались, ввели насъ въ недоумѣніе, въ расходы? Мой сынъ, можетъ-быть, благородную партію потерялъ изъ-за васъ!.. Онъ, можетъ-быть, десятки тысячъ приданаго потерялъ изъ-за васъ!.. Нѣтъ-съ! Вы заплатите, вы должны теперь заплатить; мы доказательства имѣемъ: вы ночью бѣжали...

Но мы не дослушали этой тирады. Всѣ разомъ, сгруппировавшись около дяди, мы двинулись впередъ, прямо на Анфису Петровну, и вышли на крыльцо. Тотчасъ же подали коляску.

— Такъ дѣлаютъ одни только безчестные люди, одни подлецы! кричала Анфиса Петровна съ крыльца, въ совершенномъ изступленіи. Я бумагу подамъ! Вы заплатите... вы ѣдете въ безчестный домъ, Татьяна Ивановна! Вы не можете выйти замужъ за Егора Ильича: онъ, изъ-за васъ, держитъ свою гувернантку на содержаніи!..

Дядя задрожалъ, побѣдпѣлъ, закусилъ губу и бросился усаживать Татьяну Ивановну. Я зашелъ съ другой стороны коляски и ждалъ своей очереди садиться, какъ вдругъ очутился подлѣ меня Обноскинъ и схватилъ меня за руку.

— По крайней мѣрѣ, позвольте мнѣ искать вашей

дружбы! сказалъ онъ, крѣпко сжимая мою руку и съ какимъ-то отчаяннымъ выраженіемъ въ лицѣ.

— Какъ это, дружбы? сказалъ я, занося ногу на подножку коляски.

— Такъ-съ! Я еще вчера отличилъ въ васъ образованнѣйшаго человѣка. Не судите меня... Меня собственно обольстила маменька, а я тутъ совсѣмъ въ сторонѣ. Я болѣе имѣю наклонность къ литературѣ—увѣряю васъ; а это все маменька...

— Вѣрю, вѣрю, сказалъ я,—прощайте!

Мы усѣлись, и лошади поскакали. Крики и проклятія Анфисы Петровны еще долго звучали намъ вслѣдъ, а изъ всѣхъ оконъ дома вдругъ высунулись чьи-то неизвѣстныя лица и смотрѣли на насъ съ дикимъ любопытствомъ.

Въ коляскѣ помѣщалось теперь насъ пятеро; но Мизинчиковъ пересѣлъ на-кòзла, уступивъ свое прежнее мѣсто господину Бахчееву, которому пришлось теперь сидѣть прямо противъ Татьяны Ивановны. Татьяна Ивановна была очень довольна, что мы ее увезли, но все еще плакала. Дядя, какъ могъ, утѣшалъ ее. Самъ же онъ былъ грустенъ и задумчивъ: видно было, что бѣшеныя слова Анфисы Петровны о Настенькѣ тяжело и больно отозвались въ его сердцѣ. Впрочемъ, обратный путь нашъ кончился бы безъ всякой тревоги, если-бъ только не было съ нами господина Бахчеева.

Усѣвшись напротивъ Татьяны Ивановны, онъ сталъ точно самъ не свой; онъ не могъ смотрѣть равнодушно; ворочался на своемъ мѣстѣ, краснѣлъ, какъ ракъ, и страшно вращалъ глазами; особенно, когда дядя начиналъ утѣшать Татьяну Ивановну, толстякъ рѣшительно выходилъ изъ себя и ворчалъ, какъ бульдогъ, котораго дразнятъ. Дядя съ опасеніемъ на него поглядывалъ. Наконецъ, Татьяна Ивановна, замѣтивъ необыкновенное состояніе души своего визави, стала пристально въ него всматриваться; потомъ посмотрѣла на насъ, улыбнулась и вдругъ, схвативъ свою омбрельку, граціозно ударила ею слегка господина Бахчеева по плечу.

— Безумецъ! проговорила она съ самою очаровательной игривостью и тотчасъ же закрылась вѣеромъ.

Эта выходка была каплей, переполнившей сосудъ.

— Что-о-о! заревѣлъ толстякъ, — что такое, мадамъ? Такъ ты ужъ и до меня добираешься!

— Безумецъ! Безумецъ! повторила Татьяна Ивановна и вдругъ захохотала и захлопала въ ладоши.

— Стой! закричалъ Бахчеевъ кучеру,—стой!

Остановились. Бахчеевъ отворилъ дверцу и поспѣшно началъ вылѣзать изъ коляски.

— Да что съ тобой, Степанъ Алексѣичъ? Куда ты? вскричалъ изумленный дядя.

— Шъ, ужъ довольно съ меня! отвѣчалъ толстякъ, дрожа отъ негодованія, — прокисай все на свѣтѣ! Устарѣлъ я, мадамъ, чтобъ ко мнѣ съ амурами подъѣзжать. Я, матушка, лучше ужъ на большой дорогѣ помру! Прощай, мадамъ, команъ-ву-порте-ву!

И онъ, въ самомъ дѣлѣ, пошелъ пѣшкомъ. Коляска поѣхала за нимъ шагомъ.

— Степанъ Алексѣевичъ! кричалъ дядя, выходя, наконецъ, изъ терпѣнія, — не дурачься, полно, садись! Вѣдь домой пора!

— И ну васъ! проговорилъ Степанъ Алексѣевичъ, задыхаясь отъ ходьбы, потому что, по толстотѣ своей, совсѣмъ разучился ходить.

— Пошелъ во весь опоръ! закричалъ Мизинчиковъ кучеру.

— Что ты, что ты, постой!.. вскричалъ было дядя, но коляска уже помчалась. Мизинчиковъ не ошибся: немедленно получились желаемые плоды.

— Стой! Стой! раздался позади насъ отчаянный вопль,— стой, разбойникъ! Стой, душегубецъ ты этакой!..

Толстякъ, наконецъ, явился, усталый, полузадохшійся, съ каплями пота на лбу, развязавъ галстукъ и снявъ картузъ. Молча и мрачно влѣзъ онъ въ коляску, и въ этотъ разъ я уступилъ ему свое мѣсто; по крайней мѣрѣ, онъ сидѣлъ не напротивъ Татьяны Ивановны, которая въ продолженіе всей этой сцены покатывалась со смѣху, била въ ладоши и во весь остальной путь не могла смотрѣть равнодушно на Степана Алексѣевича. Онъ же, съ своей стороны, до самаго дома, не промолвилъ ни единаго слова и упорно смотрѣлъ, какъ вертѣлось заднее колесо коляски.

Былъ уже полдень, когда мы воротились въ Степанчиково. Я прямо пошелъ въ свой флигель, куда тотчасъ же явился Гаврила съ чаемъ. Я бросился было разспрашивать старика, но, почти вслѣдъ за нимъ, вошелъ дядя и тотчасъ же выслалъ его.

II.

Новости.

— Я, братъ, къ тебѣ на минутку, началъ онъ торопливо,—спѣшилъ сообщить... Я уже все разузналъ. Никто изъ нихъ сегодня даже у обѣдни не былъ, кромѣ Илюши, Саши да Настеньки. Маменька, говорятъ, была въ судорогахъ. Оттирали; насилу оттерли. Теперь положено собираться къ Ѳомѣ и меня зовутъ. Не знаю только, поздравлять или нѣтъ Ѳому съ именинами-то, — важный пунктъ! И, наконецъ, какъ-то они примутъ весь этотъ пассажъ? Ужасъ, Сережа, я ужъ предчувствую...

— Напротивъ, дядюшка, заспѣшилъ я, въ свою очередь, — все превосходно устраивается. Вѣдь ужъ теперь вамъ никакъ нельзя жениться на Татьянѣ Ивановнѣ, — это одно чего стоитъ! Я вамъ еще дорогою это хотѣлъ объяснить.

— Такъ, такъ, другъ мой. Но все это не то; во всемъ этомъ, конечно, перстъ Божій, какъ ты говоришь; но я не про то... Бѣдная Татьяна Ивановна! Какіе, однакожъ, съ ней пассажи случаются!.. Подлецъ, подлецъ Обноскинъ! А впрочемъ, что-жъ я говорю: „подлецъ“? Я развѣ не то же бы самое сдѣлалъ, жепясь на ней?.. Но, впрочемъ, я все не про то... Слышалъ ты, что кричала давеча эта негодяйка, Анфиса, про Настю?

— Слышалъ, дядюшка. Догадались-ли вы теперь, что надо спѣшить?

— Непремѣнно, и во что бы ни стало! отвѣчалъ дядя.— Торжественная минута наступила. Только мы, братъ, объ одномъ вчера съ тобой не подумали, а я послѣ всю ночь продумалъ: пойдетъ-ли она-то за меня, — вотъ что?

— Помилосердуйте, дядюшка! Когда сама сказала, что любитъ...

— Другъ ты мой, да вѣдь тутъ же прибавила, что „ни за что не выйду за васъ“.

— Эхъ, дядюшка! Это такъ только говорится, къ тому же, и обстоятельства сегодня не тѣ.

— Ты думаешь? Нѣтъ, братъ, Сергѣй, это дѣло деликатное, ужасно деликатное! Гм!.. А знаешь, хоть и тосковалъ я, а какъ-то всю ночь сердце сосало отъ какого-то

счастія!.. Ну, прощай, лечу. Ждутъ; я ужъ и такъ опоздалъ. Только такъ забѣжалъ, слово съ тобой перебросить. Ахъ, Боже мой! вскричалъ онъ, возвращаясь,—главное-то я и забылъ! Знаешь, что: вѣдь я ему писалъ, Ѳомѣ-то!

— Когда?

— Ночью; а утромъ, чѣмъ свѣтъ, и письмо отослалъ съ Видоплясовымъ. Я, братецъ, все изобразилъ, на двухъ листахъ, все разсказалъ правдиво и откровенно,—словомъ, что я долженъ, то-есть, непремѣнно долженъ — понимаешь?— сдѣлать предложеніе Настенькѣ. Я умолялъ его не разглашать о свиданіи въ саду и обращался ко всему благородству его души, чтобъ помочь мнѣ у маменьки. Я, братъ, конечно, худо написалъ, но я написалъ отъ всего моего сердца и, такъ сказать, облилъ моими слезами...

— И что-жъ? Никакого отвѣта?

— Покамѣстъ еще нѣтъ; только давеча, когда мы собирались въ погоню, встрѣтилъ его въ сѣняхъ, по ночному, въ туфляхъ и въ колпакѣ,—онъ спитъ въ колпакѣ,— куда-нибудь выходилъ. Ни слова не сказалъ, даже не взглянулъ. Я заглянулъ ему въ лицо, этакъ снизу, — ничего!

— Дядюшка, не надѣйтесь на него: нагадитъ онъ вамъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, братецъ, не говори! вскричалъ дядя, махая руками, — я увѣренъ. Къ тому же, вѣдь, это ужъ послѣдняя надежда моя. Онъ пойметъ; онъ оцѣнитъ. Онъ брюзгливъ, капризенъ—не спорю; но когда дѣло дойдетъ до высшаго благородства, тутъ-то онъ и засіяетъ, какъ перлъ... именно, какъ перлъ. Это ты все оттого, Сергѣй, что ты еще не видалъ его въ самомъ высшемъ благородствѣ... Но, Боже мой! Если онъ въ самомъ дѣлѣ разгласитъ вчерашнюю тайну, то... я ужъ и не знаю, что тогда будетъ, Сергѣй! Чему же останется вѣрить на свѣтѣ? Но, нѣтъ, онъ не можетъ быть такимъ подлецомъ. Я пометки его не стою! Не качай головой, братецъ: это правда—не стою.

— Егоръ Ильичъ! маменька о васъ безпокоются-съ, раздался внизу непріятный голосъ дѣвицы Перепелицыной, которая, вѣроятно, успѣла подслушать въ открытое окно весь нашъ разговоръ.—Васъ по всему дому ищутъ-съ и не могутъ васъ найти-съ.

— Боже мой, опоздалъ! Бѣда! всполошился дядя. — Другъ мой, ради Христа, одѣвайся и приходи туда! Я

вѣдь за этимъ и забѣжалъ къ тебѣ, чтобъ вмѣстѣ пойти... Бѣгу, бѣгу, Анна Ниловна, бѣгу!

Оставшись одинъ, я вспомнилъ о моей встрѣчѣ давеча съ Настенькой и былъ очень радъ, что не разсказалъ о ней дядѣ: я бы разстроилъ его еще болѣе. Предвидѣлъ я большую грозу и не могъ понять, какимъ образомъ дядя устроитъ свои дѣла и сдѣластъ предложеніе Настенькѣ. Повторяю: несмотря на всю вѣру въ его благородство, я поневолѣ сомнѣвался въ успѣхѣ.

Однакожъ, надо было спѣшить. Я считалъ себя обязаннымъ помогать ему, и тотчасъ же началъ одѣваться; но, какъ ни спѣшилъ, желая одѣться получше, замѣшкался. Вошелъ Мизинчиковъ.

— Я за вами, сказалъ онъ.—Егоръ Ильичъ васъ проситъ немедленно.

— Идемъ!

Я уже былъ совсѣмъ готовъ. Мы пошли.

— Что тамъ новаго? спросилъ я дорогою.

— Всѣ у Ѳомы, въ сборѣ, отвѣчалъ Мизинчиковъ, — Ѳома не капризничаетъ, что-то задумчивъ и мало говоритъ, сквозь зубы цѣдитъ. Даже поцѣловалъ Илюшу, что, разумѣется, привело въ восторгъ Егора Ильича. Еще давеча черезъ Перепелицыну объявилъ, чтобъ не поздравляли его съ именинами, и что онъ только хотѣлъ испытать... Старуха хоть и нюхаетъ спиртъ, но успокоилась, потому что Ѳома покоенъ. О нашей исторіи никто ни полслова, какъ будто ея и не было; молчатъ, потому что Ѳома молчитъ. Онъ все утро не пускалъ къ себѣ никого, хотя старуха давеча безъ насъ всѣми святыми молила, чтобъ онъ къ ней пришелъ для совѣщаній, да и сама ломилась къ нему въ дверь: но онъ заперся и отвѣчалъ, что молится за родъ человѣческій, или что-то въ этомъ родѣ. Онъ что-то затѣваетъ: по лицу видно. Но такъ какъ Егоръ Ильичъ ничего не въ состояніи узнать по лицу, то и находится теперь въ полномъ восторгѣ отъ кротости Ѳомы Ѳомича: настоящій ребенокъ! Илюша какіе-то стихи приготовилъ и меня послали за вами.

— А Татьяна Ивановна?

— Что Татьяна Ивановна?

— Она тамъ же? Съ ними?

— Нѣтъ: она въ своей комнатѣ, сухо отвѣчалъ Мизин-

чиковъ. Отдыхаетъ и плачетъ. Можетъ-быть, и стыдится. У ней, кажется, теперь эта... гувернантка. Что это? Гроза никакъ собирается. Смотрите, на небѣ-то!

— Кажется, гроза, отвѣчалъ я, взглянувъ на черневшую на краю неба тучу.

Въ это время мы всходили на террасу.

— А признайтесь, каковъ Обноскинъ-то, — а? продолжалъ я, не могши утерпѣть, чтобъ не попытать на этомъ пунктѣ Мизинчикова.

— Не говорите мнѣ о немъ! Не поминайте мнѣ объ этомъ подлецѣ! вскричалъ онъ, вдругъ останавливаясь, покраснѣвъ и топнувъ ногою.—Дуракъ! Дуракъ! Погубить такое превосходное дѣло, такую свѣтлую мысль! Послушайте: я, конечно, оселъ, что просмотрѣлъ его плутни,— я въ этомъ торжественно сознаюсь, и, можетъ-быть, вы именно хотѣли этого сознанія. Но, кляпусь вамъ, если-бъ онъ сумѣлъ все это обдѣлать какъ слѣдуетъ, я бы, можетъ-быть, и простилъ его! Дуракъ, дуракъ! И какъ держатъ, какъ терпятъ такихъ людей въ обществѣ! Какъ не ссылаютъ ихъ въ Сибирь на поселеніе, на каторгу! Но врутъ! Имъ меня не перехитрить! Теперь у меня, по крайней мѣрѣ, есть опытъ, и мы еще потягаемся. Я обдумываю теперь одну новую мысль... Согласитесь сами: неужели-жъ терять свое потому только, что какой-то посторонній дуракъ укралъ вашу мысль и не умѣлъ взяться за дѣло? Вѣдь это несправедливо! И, наконецъ, этой Татьянѣ непремѣнно надо выйти замужъ — это ея назначеніе. И если ее до сихъ поръ еще никто не посадилъ въ домъ сумасшедшихъ, такъ это именно потому, что на ней еще можно было жениться. Я вамъ сообщу мою новую мысль...

— Но, вѣроятно, послѣ, прервалъ я его, — потому что мы вотъ и пришли.

— Хорошо, хорошо, послѣ! отвѣчалъ Мизинчиковъ, искрививъ свой ротъ судорожной улыбкой.—А теперь... Но куда-жъ вы? Говорю вамъ: прямо къ Ѳомѣ Ѳомичу! Идите за мной: вы тамъ еще не были. Увидите другую комедію... Такъ какъ ужъ дѣло пошло на комедіи...

III.

Илюша именинникъ.

Ѳома занималъ двѣ большія и прекрасныя комнаты; онѣ были даже и отдѣланы лучше, чѣмъ всѣ другія комнаты въ домѣ. Полный комфортъ окружалъ великаго человѣка. Свѣжіе, красивые обои на стѣнахъ, шелковые пестрые занавѣсы у оконъ, ковры, трюмо, каминъ, мягкая, щегольская мебель — все свидѣтельствовало о нѣжной внимательности хозяевъ къ Ѳомѣ Ѳомичу. Горшки съ цвѣтами стояли на окнахъ и на мраморныхъ круглыхъ столикахъ передъ окнами. Посреди кабинета находился большой столъ, покрытый краснымъ сукномъ, весь заложенный книгами и рукописями. Прекрасная бронзовая чернильница и куча перьевъ, которыми завѣдывалъ Видоплясовъ—все это вмѣстѣ должно было свидѣтельствовать о тугихъ умственныхъ работахъ Ѳомы Ѳомича. Скажу здѣсь кстати, что Ѳома, просидѣвъ здѣсь почти восемь лѣтъ, ровно ничего не сочинилъ путнаго. Впослѣдствіи, когда онъ отошелъ въ лучшую жизнь, мы разбирали оставшіяся послѣ него рукописи; всѣ онѣ оказались необыкновенною дрянью. Нашли, напримѣръ, начало историческаго романа, происходившаго въ Новгородѣ, въ VII столѣтіи; потомъ чудовищную поэму: „Анахоретъ на кладбищѣ“, писанную бѣлыми стихами; потомъ, безсмысленное разсужденіе о значеніи и свойствѣ русскаго мужика и о томъ, какъ надо съ нимъ обращаться, и, наконецъ, повѣсть „Графиня Влопская“, изъ великосвѣтской жизни, тоже неоконченную. Больше ничего не осталось. А между тѣмъ, Ѳома Ѳомичъ заставлялъ дядю тратить ежегодно большія деньги на выписку книгъ и журналовъ. Но многіе изъ нихъ оставались даже неразрѣзанными. Я же, впослѣдствіи, не одинъ разъ, заставалъ Ѳому за Поль-де-Кокомъ, котораго онъ пряталъ при людяхъ куда-нибудь подальше. Въ задней стѣнѣ кабинета находилась стеклянная дверь, которая вела во дворъ дома.

Насъ дожидались. Ѳома Ѳомичъ сидѣлъ въ покойномъ креслѣ, въ какомъ-то длинномъ, до пятъ, сюртукѣ, но все-таки безъ галстука. Былъ онъ дѣйствительно молчаливъ и задумчивъ. Когда мы вошли, онъ слегка поднялъ

брови и пытливо взглянулъ на меня. Я поклонился; онъ отвѣчалъ мнѣ легкимъ поклономъ, впрочемъ, довольно вѣжливымъ. Бабушка, видя, что Ома Омичъ обошелся со мной благосклонно, съ улыбкою закивала мнѣ головою. Бѣдная, и не ожидала поутру, что ея нѣшечко такъ покойно приметъ извѣстіе о „пассажѣ" съ Татьяной Ивановной, и потому теперь чрезвычайно развеселилась, хотя утромъ съ ней дѣйствительно происходили корчи и обмороки. За стуломъ ея, по обыкновенію, стояла дѣвица Перепелицына, сложивъ губы въ ниточку, кисло и злобно улыбаясь и потирая свои костлявыя руки одну о другую. Возлѣ генеральши помѣщались двѣ постоянно безмолвныя старухи-приживалки, изъ благородныхъ. Была еще какая-то забредшая утромъ монашенка и одна сосѣдка-помѣщица, пожилая и тоже безъ рѣчей, заѣхавшая отъ обѣдни поздравить матушку-генеральшу съ праздникомъ. Тетушка Прасковья Ильинична уничтожалась гдѣ-то въ уголку, съ безпокойствомъ смотря на Ому Омича и на маменьку. Дядя сидѣлъ въ креслѣ, и необыкновенная радость сіяла въ глазахъ его. Передъ нимъ стоялъ Илюша въ праздничной красной рубашечкѣ, съ завитыми кудряшками, хорошенькій, какъ ангельчикъ. Саша и Настенька тихонько отъ всѣхъ выучили его какимъ-то стихамъ, чтобъ обрадовать отца въ такой день успѣхами въ наукахъ. Дядя чуть не плакалъ отъ удовольствія: неожиданная кротость Ѳомы, веселость генеральши, именины Илюши, стихи,—все это привело его въ настоящій восторгъ, и онъ торжественно просилъ послать за мной, чтобъ и я тоже поскорѣе раздѣлилъ всеобщее счастье и прослушалъ стихи. Саша и Настенька, вошедшія почти вслѣдъ за нами, стояли около Илюши. Саша поминутно смѣялась и въ эту минуту была счастлива, какъ дитя. Настенька, глядя на нее, тоже начала улыбаться, хоть и вошла, за минуту назадъ, блѣдная и унылая. Она одна встрѣтила и успокоила Татьяну Ивановну, воротившуюся изъ путешествія, и до сихъ поръ просидѣла у ней наверху. Рѣзвый Илюша какъ будто тоже не могъ удержаться отъ смѣха, смотря на своихъ учительницъ. Казалось, они всѣ трое приготовили какую-то пресмѣшную шутку, которую теперь и хотѣли разыграть... Я и забылъ про Бахчеева. Онъ сидѣлъ поодаль, на стулѣ, все еще сердитый и красный, молчалъ, дулся, сморкался и вообще игралъ довольно мрачную роль на семейномъ праздникѣ. Возлѣ него сѣменилъ Еже-

викинъ; впрочемъ, онъ сѣменилъ и вездѣ, цѣловалъ ручки у генеральши и у пріѣзжей гостьи, нашептывалъ что-то дѣвицѣ Перепелицыной, ухаживалъ за Ѳомой Ѳомичемъ; словомъ, поспѣвалъ вездѣ. Онъ тоже съ великимъ сочувствіемъ ожидалъ Илюшиныхъ стиховъ, и при входѣ моемъ бросился ко мнѣ съ поклонами, въ знакъ величайшаго уваженія и преданности. Вовсе не видно было, что онъ пріѣхалъ сюда защищать дочь и взять ее совсѣмъ изъ Степанчикова.

— Вотъ и онъ! радостно вскричалъ дядя, увидѣвъ меня. — Илюша, братъ, стихи приготовилъ—вотъ неожиданность, настоящій сюрпризъ! Я, братъ, пораженъ и нарочно за тобой послалъ, и стихи остановилъ до прихода... Садись-ка возлѣ! Послушаемъ. Ѳома Ѳомичъ, да ты ужъ признайся, братецъ, вѣдь ужъ вѣрно ты ихъ всѣхъ надоумилъ, чтобъ меня, старика, обрадовать? Присягну, что такъ!

Если ужъ дядя говорилъ въ комнатѣ Ѳомы такимъ тономъ и голосомъ, то, казалось бы, все обстояло благополучно. Но въ томъ-то и бѣда, что дядя не способенъ былъ ничего угадать по лицу, какъ выразился Мизинчиковъ; а взглянувъ на Ѳому, я какъ-то невольно согласился, что Мизинчиковъ правъ и что надо было чего-нибудь ожидать...

— Не безпокойтесь обо мнѣ, полковникъ, отвѣчалъ Ѳома слабымъ голосомъ, голосомъ человѣка, прощающаго врагамъ своимъ.—Сюрпризъ я, конечно, хвалю: это изображаетъ чувствительность и благонравіе вашихъ дѣтей. Стихи тоже полезны, даже для произношенія... Но я не стихами былъ занятъ это утро, Егоръ Ильичъ: я молился... вы это знаете... Впрочемъ, готовъ выслушать и стихи.

Между тѣмъ я поздравилъ Илюшу и поцѣловалъ его.

— Именно, Ѳома, извини! Я забылъ... хоть и увѣренъ въ твоей дружбѣ, Ѳома! Да поцѣлуй его еще разъ, Сережа! Смотри, какой мальчуганъ! Ну, начинай, Илюша! Про что это? Вѣрно какая-нибудь ода торжественная, изъ Ломоносова что-нибудь?

И дядя пріосанился. Онъ едва сидѣлъ на мѣстѣ отъ нетерпѣнія и радости.

— Нѣтъ, папочка, не изъ Ломоносова, сказала Сашенька. едва подавляя свой смѣхъ,—а такъ какъ вы были военный и воевали съ непріятелями, то Илюша и выучилъ стихи про военное... Осаду Памбы, папочка.

— Осада Памбы? а! Не помню... Что это за Памба, ты знаешь, Сережа? Вѣрно, что-нибудь героическое.

И дядя пріосанился въ другой разъ.

— Говори, Илюша! скомандовала Сашенька.

— Девять лѣтъ, какъ Педро Гомецъ...

началъ Илюша маленькимъ, ровнымъ и яснымъ голосомъ, безъ запятыхъ и безъ точекъ, какъ обыкновенно сказываютъ маленькія дѣти заученные стихи —

Девять лѣтъ, какъ Педро Гомецъ
Осаждаетъ замокъ Памбу,
Молокомъ однимъ питаясь,
И все войско дона-Педро,
Девять тысячъ кастильянцевъ,
Всѣ по данному обѣту
Ниже хлѣба не снѣдаютъ,
Пьютъ одно лишь молоко.

— Какъ! Что? Что это за молоко! вскричалъ дядя, смотря на меня въ изумленіи.

— Читай дальше, Илюша! вскричала Сашенька.

Великій день донъ-Педро Гомецъ
О своемъ безсиліи плачетъ,
Закрываясь епанчою.
Настаетъ ужъ годъ десятый:
Злые мавры торжествуютъ;
А отъ войска дона-Педро
Всего-на-всего осталось
Девятнадцать человѣкъ...

— Да это галиматья! вскричалъ дядя съ безпокойствомъ. — Вѣдь это невозможное-жъ дѣло! Девятнадцать человѣкъ отъ всего войска осталось, когда прежде былъ, даже и весьма значительный корпусъ! Что-жъ это, братецъ, такое?

Но тутъ Саша не выдержала и залилась самымъ откровеннымъ и дѣтскимъ смѣхомъ: и хоть смѣшного было вовсе немного, но не было возможности, глядя на нее, тоже не засмѣяться.

— Это, папочка, шуточные стихи! вскричала она, ужасно радуясь своей дѣтской затѣѣ, — это ужъ нарочно такъ, самъ сочинитель сочинилъ, чтобъ всѣмъ смѣшно было, папочка.

— А! Шуточные! вскричалъ дядя, съ просіявшимъ лицомъ. — Комическіе, то-есть! То-то я смотрю... Именно,

именно, шуточные! И пресмѣшно, чрезвычайно смѣшно: на молокѣ всю армію поморилъ, по обѣту какому-то! Очень надо было давать такіе обѣты! Очень остроумно — не правда-ль, Ѳома? Это, видите, маменька, такіе комическіе стихи, которые иногда пишутъ сочинители,—не правда-ли, Сергѣй, вѣдь, пишутъ? Чрезвычайно смѣшно! Ну, ну, Илюша, что-жъ дальше?

Девятнадцать человѣкъ!
Ихъ собралъ донъ-Педро Гомецъ
И сказалъ имъ: „Девятнадцать!
Разовьемъ свои знамена,
Въ трубы громкія взыграемъ
И, ударивши въ литавры,
Прочь отъ Памбы мы отступимъ!
Хоть мы крѣпости не взяли,
Но поклясться можемъ смѣло
Передъ совѣстью и честью,
Не нарушили ни разу
Нами даннаго обѣта:
Цѣлыхъ девять лѣтъ не ѣли,
Ничего не ѣли ровно,
Кромѣ только молока!“

— Экой фофанъ! Чѣмъ утѣшается, прервалъ опять дядя,—что девять лѣтъ молоко пилъ!.. Да какая-жъ тутъ добродѣтель? Лучше бы по цѣлому барану ѣлъ, да людей не морилъ! Прекрасно, превосходно! Вижу, вижу теперь: это сатира, или... какъ это тамъ называется, аллегорія, что-ль? И, можетъ-быть, даже на какого-нибудь иностраннаго полководца, прибавилъ дядя, обращаясь ко мнѣ, значительно сдвинувъ брови и прищуриваясь, — а? Какъ ты думаешь? Но только, разумѣется, невинная, благородная сатира, никого не обижающая! Прекрасно, прекрасно! И, главное, благородно! Ну, Илюша, продолжай! Ахъ, вы, шалуньи, шалуньи! прибавилъ онъ съ чувствомъ, смотря на Сашу и украдкой на Настеньку, которая краснѣла и улыбалась.

Ободренные сей рѣчью
Девятнадцать кастильянцевъ,
Всѣ качаяся на сѣдлахъ,
Въ голосъ слабо закричали:
„Санкто Яго Компостелло!
Честь и слава допу-Педру!
Честь и слава льву Кастильи!“
А капланъ его, Діего,
Такъ сказалъ себѣ сквозь зубы:
„Если-бъ я былъ полководцемъ,

Я-де обѣтъ далъ ѣсть лишь мясо,
Запивая сантуринскимъ!"

— Ну, вотъ! Не то же-ли я говорилъ? вскричалъ дядя, чрезвычайно обрадовавшись. — Одинъ только человѣкъ во всей арміи благоразумный нашелся, да и тотъ какой-то капланъ! Это кто-жъ такой, Сергѣй: капитанъ ихній, что-ли?

— Монахъ, духовная особа, дядюшка.

— А, да, да! Капланъ, капелланъ? Знаю, помню! Еще въ романахъ Радклифъ читалъ. Тамъ, вѣдь, у нихъ разные ордена, что-ли?.. Бенедиктинцы, кажется... Есть бенедиктинцы-то?..

— Есть, дядюшка.

— Гм!.. Я такъ и думалъ. Ну, Илюша, что-жъ дальше? Прекрасно, превосходно!

И, услышавъ то, донъ-Педро
Прыснетъ со громкимъ смѣхомъ:
„Подарить ему барана;
Онъ изрядно подшутилъ!.."

— Нашелъ время хохотать! Вотъ дуракъ-то! Самому, наконецъ, смѣшно стало! Барана! Стало-быть, были же бараны; чего-жъ онъ самъ-то не ѣлъ? Ну, Илюша, дальше! Прекрасно, превосходно! Необыкновенно колко!

— Да ужъ кончено, папочка!

— А! Кончено! Въ самомъ дѣлѣ, чего-жъ больше оставалось и дѣлать — не правда-ль, Сергѣй? Превосходно, Илюша! Чудо, какъ хорошо! Поцѣлуй меня, голубчикъ! Ахъ, ты, мой милый! Да кто именно его надоумилъ: ты, Саша?

— Нѣтъ, это Настенька. Намедни мы читали. Она прочла, да и говоритъ: „Какіе смѣшные стихи! Вотъ будетъ Илюша именинникъ: заставимъ его выучить, да разсказать. То-то смѣху будетъ!"

— Такъ это Настенька? Ну, благодарю, благодарю, пробормоталъ дядя, вдругъ весь покраснѣвъ, какъ ребенокъ. — Поцѣлуй меня еще разъ, Илюша! Поцѣлуй меня и ты, шалунья, сказалъ онъ, обнимая Сашеньку и съ чувствомъ смотря ей въ глаза.

— Вотъ погоди, Сашурка, и ты будешь именинница, прибавилъ онъ, какъ будто не зная, что и сказать больше отъ удовольствія.

Я обратился къ Настенькѣ и спросилъ ее: чьи стихи?

— Да, да, чьи стихи? всполошился дядя.—Должно-быть, умный поэтъ написалъ—неправда-ль, Ѳома?

— Гм!.. промычалъ Ѳома подъ носъ.

Во все время чтенія стиховъ ѣдкая, насмѣшливая улыбка не покидала губъ его.

— Я, право, забыла, отвѣчала Настенька, робко взглядывая на Ѳому Ѳомича.

— Это господинъ Кузьма Прутковъ написалъ, папочка, въ „Современникѣ“ напечатано, выскочила Сашенька.

— Кузьма Прутковъ! Не знаю, проговорилъ дядя.— Вотъ Пушкина такъ знаю!.. Впрочемъ, видно, что поэтъ съ достоинствами—не правда-ль, Сергѣй? И, сверхъ того, благороднѣйшихъ свойствъ человѣкъ—это ясно, какъ два пальца! Даже, можетъ-быть, изъ офицеровъ... Хвалю! А превосходный журналъ „Современникъ“! Непремѣнно надо подписаться, коли все такіе поэты участвуютъ... Люблю поэтовъ! Славные ребята! Все въ стихахъ изображаютъ! Помнишь, Сергѣй, я видѣлъ у тебя, въ Петербургѣ, одного литератора. Еще какой-то у него носъ особенный... право!.. Что ты сказалъ, Ѳома?

Ѳома Ѳомичъ, котораго разбирало все болѣе и болѣе, громко захихикалъ.

— Нѣтъ, я такъ... ничего-съ... проговорилъ онъ, какъ бы съ трудомъ удерживаясь отъ смѣха. — Продолжайте, Егоръ Ильичъ, продолжайте! Я послѣ мое слово скажу... Вотъ и Степанъ Алексѣичъ съ удовольствіемъ слушаетъ про знакомства ваши съ петербургскими литераторами...

Степанъ Алексѣевичъ, все время сидѣвшій поодаль, въ задумчивости, вдругъ поднялъ голову, покраснѣлъ и ожесточенно повернулся въ креслѣ.

— Ты, Ѳома, меня не задирай, а въ покоѣ оставь! сказалъ онъ, гнѣвно смотря на Ѳому своими маленькими, налитыми кровью глазами.—Мнѣ что твоя литература? Дай только Богъ мнѣ здоровья, пробормоталъ онъ себѣ подъ носъ,—а тамъ хоть бы всѣхъ... и съ сочинителями-то... вольтерьянцы, только и есть!

— Сочинители вольтерьянцы-съ? проговорилъ Ежевикинъ, немедленно очутившись подлѣ господина Бахчеева.— Совершенную правду изволили изложить, Степанъ Алексѣичъ. Такъ и Валентинъ Игнатьичъ отзываться намедни

изволили. Меня самого вольтерьянцемъ обозвали — ей-Богу-съ! А вѣдь я, всѣмъ извѣстно, такъ еще мало написалъ-съ... то-есть крынка молока у бабы скиснетъ,—все господинъ Вольтеръ виноватъ! Все у насъ такъ-съ.

— Ну, нѣтъ! замѣтилъ дядя, съ важностью,—это вѣдь заблужденіе! Вольтеръ былъ только острый писатель: смѣялся надъ предубѣжденіями; а вольтерьянцемъ никогда не бывалъ! Это все про него враги распустили. За что-жъ, въ самомъ дѣлѣ, все на него, бѣдняка?..

Снова раздалось ядовитое хихиканье Ѳомы Ѳомича. Дядя съ безпокойствомъ посмотрѣлъ на него и примѣтно сконфузился.

— Нѣтъ, я, видишь, Ѳома, все про журналы, проговорилъ онъ съ смущеніемъ, желая какъ-нибудь поправиться.—Ты, братъ, Ѳома, совершенно былъ правъ, когда, намедни, внушалъ, что надо подписываться. Я и самъ думаю, что надо!.. Гм... что-жъ, въ самомъ дѣлѣ, просвѣщеніе распространяютъ! Не то, какой же будешь сынъ отечества, если ужъ на это не подписаться? Не правда-ль, Сергѣй? Гм!.. Да!.. Вотъ хоть „Современникъ"... Но, знаешь, Сережа, самыя сильныя науки, по-моему, въ томъ толстомъ журналѣ, какъ бишь его? Еще въ желтой оберткѣ...

— „Отечественныя Записки", папочка.

— Ну, да, „Отечественныя Записки", и превосходное названіе, Сергѣй,—не правда-ли? Такъ сказать, все отечество сидитъ, да записываетъ... Благороднѣйшая цѣль! Преполезный журналъ! И какой толстый! Поди-ка, издай такой дилижансъ! А науки такія, что глаза изо лба чуть не выскочатъ... Намедни прихожу—лежитъ книга; взялъ, изъ любопытства, развернулъ, да три страницы разомъ и отмахалъ. Просто, братъ, ротъ разинулъ! И, знаешь, обо всемъ толкованіе: что, напримѣръ, значитъ метла, лопата, чумичка, ухватъ? По-моему, метла, такъ метла и есть; ухватъ, такъ и есть ухватъ! Нѣтъ, братъ, подожди! Ухватъ-то выходитъ, по-ученому, не ухватъ, а эмблема, или миѳологія, что-ли, какая-то, ужъ не помню что, а только что-то такое вышло... Вотъ оно какъ! До всего дошли!

Не знаю, что именно приготовлялся сдѣлать Ѳома послѣ этой новой выходки дяди, но въ эту минуту появился Гаврила и, понуривъ голову, сталъ у порога.

Ѳома Ѳомичъ значительно взглянулъ на него.

— Готово, Гаврила? спросилъ онъ слабымъ, но рѣшительнымъ голосомъ.

— Готово-съ, грустно отвѣчалъ Гаврила и вздохнулъ.

— И узелокъ мой положилъ на телѣгу?

— Положилъ-съ.

— Ну, такъ и я готовъ! сказалъ Ѳома и медленно приподнялся съ кресла. Дядя въ изумленіи смотрѣлъ на него. Генеральша вскочила съ мѣста и съ безпокойствомъ озиралась кругомъ.

— Позвольте мнѣ теперь, полковникъ, съ достоинствомъ началъ Ѳома,—просить васъ оставить на время интересную тему о литературныхъ ухватахъ; вы можете продолжать ее безъ меня. Я же, *прощаясь съ вами навѣки*, хотѣлъ бы вамъ сказать нѣсколько послѣднихъ словъ...

Испугъ и изумленіе оковали всѣхъ слушателей.

— Ѳома! Ѳома! Да что это съ тобою? Куда ты собираешься? вскричалъ, наконецъ, дядя.

— Я собираюсь покинуть вашъ домъ, полковникъ, проговорилъ Ѳома самымъ спокойнымъ голосомъ.—Я рѣшился идти куда глаза глядятъ, и потому нанялъ на свои деньги простую, мужичью телѣгу. На ней лежитъ теперь мой узелокъ; онъ не великъ: нѣсколько любимыхъ книгъ, двѣ перемѣны бѣлья—и только! Я бѣденъ, Егоръ Ильичъ, но ни за что на свѣтѣ не возьму теперь вашего золота, отъ котораго я еще и вчера отказался!

— Но, ради Бога, Ѳома! Что-жъ это значитъ? вскричалъ дядя, поблѣднѣвъ, какъ платокъ.

Генеральша взвизгнула и, въ отчаяніи, смотрѣла на Ѳому Ѳомича, протянувъ къ нему руки. Дѣвица Перепелицына бросилась ее поддерживать. Приживалки окаменѣли на своихъ мѣстахъ. Господинъ Бахчеевъ тяжело поднялся со стула.

— Ну, началась исторія! прошепталъ подлѣ меня Мизинчиковъ.

Въ эту минуту послышались отдаленные раскаты грома: начиналась гроза.

IV.

Изгнаніе.

— Вы, кажется, спрашиваете, полковникъ: „что это значитъ?“ торжественно проговорилъ Ѳома, какъ бы наслаждаясь всеобщимъ смущеніемъ. — Удивляюсь вопросу!

Разъясните же мнѣ, съ своей стороны, какимъ образомъ вы въ состояніи смотрѣть теперь мнѣ прямо въ глаза? Разъясните мнѣ эту послѣднюю психологическую загадку изъ человѣческаго безстыдства, и тогда я уйду, по крайней мѣрѣ, обогащенный новымъ познаніемъ объ испорченности человѣческаго рода.

Но дядя не въ состояніи былъ отвѣчать: онъ смотрѣлъ на Фому испуганный и уничтоженный, раскрывъ ротъ, съ выкатившимися глазами.

— Господи! Какія страсти-съ! простонала дѣвица Перепелицына.

— Понимаете-ли, полковникъ, продолжалъ Фома,— что вы должны отпустить меня теперь, просто и безъ разспросовъ? Въ вашемъ домѣ даже я, человѣкъ пожилой и мыслящій, начинаю уже серьезно опасаться за чистоту моей нравственности. Повѣрьте, что ни къ чему не поведутъ разспросы, кромѣ вашего же посрамленія.

— Фома! Фома!.. вскричалъ дядя, и холодный потъ показался на лбу его.

— И потому позвольте безъ объясненій сказать вамъ только нѣсколько прощальныхъ и напутственныхъ словъ, послѣднихъ словъ моихъ въ вашемъ, Егоръ Ильичъ, домѣ. Дѣло сдѣлано и его не воротишь! Я надѣюсь, что вы понимаете, про какое дѣло я говорю. Но умоляю васъ на колѣняхъ: если въ сердцѣ вашемъ осталась хоть искра нравственности, обуздайте стремленіе страстей своихъ! И если тлетворный ядъ еще не охватилъ всего зданія, то, по возможности, потушите пожаръ!

— Фома! Увѣряю тебя, что ты въ заблужденіи! вскричалъ дядя, мало-по-малу приходя въ себя и съ ужасомъ предчувствуя развязку.

— Умѣрьте страсти, продолжалъ Фома тѣмъ же торжественнымъ тономъ, какъ будто и не слыхавъ восклицаній дяди,—побѣждайте себя. „Если хочешь побѣдить весь міръ—побѣди себя!“ Вотъ мое всегдашнее правило. Вы помѣщикъ: вы должны бы сіять какъ брильянтъ, въ своихъ помѣстьяхъ, и какой же гнусный примѣръ необузданности подаете вы здѣсь своимъ низшимъ! Я молился за васъ цѣлыя ночи и трепеталъ, стараясь отыскать ваше счастье. Я не нашелъ его, ибо счастье заключается въ добродѣтели...

— Но это невозможно же, Фома! снова прервалъ его дядя,—ты не такъ понялъ и не то совсѣмъ говоришь...

— И такъ, вспомните, что вы помѣщикъ, продолжалъ Ѳома, опять не слыхавъ восклицанія дяди.—Не думайте, чтобъ отдыхъ и сладострастіе были предназначеніемъ помѣщичьяго званія. Пагубная мысль! Не отдыхъ, а забота, и забота передъ Богомъ, царемъ и отечествомъ! Трудиться, трудиться обязанъ помѣщикъ, и трудиться, какъ послѣдній изъ крестьянъ его!

— Что-жъ, я пахать за мужика, что-ли, стану? проворчалъ Бахчеевъ,—вѣдь и я помѣщикъ...

— Къ вамъ теперь обращаюсь, домашніе, продолжалъ Ѳома, обращаясь къ Гаврилѣ и Ѳалалею, появившемуся у дверей,—любите господъ вашихъ и исполняйте волю ихъ подобострастно и съ кротостью. За это возлюбятъ васъ и господа ваши. А вы, полковникъ, будьте къ нимъ справедливы и сострадательны. Тотъ же человѣкъ — образъ Божій, такъ сказать, малолѣтній врученный вамъ, какъ дитя, царемъ и отечествомъ. Великъ долгъ, но велика и заслуга ваша!

— Ѳома Ѳомичъ! Голубчикъ! Что́ ты это задумалъ? въ отчаяніи прокричала генеральша, готовая упасть въ обморокъ отъ ужаса.

— Ну, довольно, кажется? заключилъ Ѳома, не обращая вниманія даже и на генеральшу.—Теперь о подробностяхъ; положимъ онѣ мелки, но необходимы, Егоръ Ильичъ! Въ Харинской пустоши у васъ до сихъ поръ сѣно не скошено. Не опоздайте: скосите, и скосите скорѣй. Таковъ совѣтъ мой...

— Но, Ѳома...

— Вы хотѣли, я знаю это, рубить зыряновскій участокъ лѣсу; не рубите — другой совѣтъ мой. Сохраните лѣса, ибо лѣса сохраняютъ влажность на поверхности земли... Жаль, что вы слишкомъ поздно посѣяли яровое: удивительно, какъ поздно сѣяли вы яровое!..

— Но, Ѳома...

— Но, однакожъ, довольно! Всего не передашь, да и не время! Я пришлю къ вамъ наставленіе письменное, въ особой тетрадкѣ. Ну, прощайте, прощайте всѣ. Богъ съ вами, и да благословитъ васъ Господь! Благословляю и тебя, дитя мое, продолжалъ онъ, обращаясь къ Плюшѣ,— и да сохранитъ тебя Богъ отъ тлетворнаго яда будущихъ страстей твоихъ! Благословляю и тебя, Ѳалалей; забудь комаринскаго!.. И васъ, и всѣхъ... Помните Ѳому... Ну, пойдемъ, Гаврила! Посади меня, старичокъ.

И Ома направился къ дверямъ. Генеральша вскрикнула и бросилась за нимъ.

— Нѣтъ, Ома! Я не пущу тебя такъ! вскричалъ дядя и, догнавъ его, схватилъ его за руку.

— Значитъ, вы хотите дѣйствовать насильемъ? спросилъ Ома.

— Да, Ома... и насильемъ! отвѣчалъ дядя, дрожа отъ волненія.—Ты слишкомъ много сказалъ и долженъ разъяснить! Ты не такъ прочелъ мое письмо, Ома!..

— Ваше письмо! взвизгнулъ Ома, мгновенно воспламенясь, какъ будто именно ждалъ этой минуты для взрыва, — ваше письмо! Вотъ оно, ваше письмо! Вотъ оно! Я рву это письмо, я плюю на это письмо! Я топчу ногами своими ваше письмо и исполняю тѣмъ священнѣйшій долгъ человѣчества! Вотъ что я дѣлаю, если вы силой принуждаете меня къ объясненіямъ! Видите! Видите! Видите!..

И клочки бумаги разлетѣлись по комнатѣ.

— Повторяю, Ома, ты не понялъ! кричалъ дядя, блѣднѣя все болѣе и болѣе, — я предлагаю руку, Ома, я ищу своего счастья...

— Руку! Вы обольстили эту дѣвицу и надуваете меня, предлагая ей руку; ибо я видѣлъ васъ вчера съ нею ночью, въ саду, подъ кустами!

Генеральша вскрикнула и, въ изнеможеніи, упала въ кресло. Поднялась ужасная суматоха. Бѣдная Настенька сидѣла блѣдная, точно мертвая. Испуганная Сашенька, обхвативъ Илюшу, дрожала, какъ въ лихорадкѣ.

— Ома! вскричалъ дядя въ наступленіи. — Если ты распространишь эту тайну, то ты сдѣлаешь самый подлѣйшій поступокъ въ мірѣ!

— Я распространю эту тайну, визжалъ Ома. — и сдѣлаю наиблагороднѣйшій изъ поступковъ! Я на то посланъ самимъ Богомъ, чтобъ изобличить весь міръ въ его пакостяхъ! Я готовъ взобраться на мужичью соломенную крышу и кричать оттуда о вашемъ гнусномъ поступкѣ всѣмъ окрестнымъ помѣщикамъ и всѣмъ проѣзжающимъ!.. Да, знайте всѣ, всѣ, что вчера, ночью, я засталъ его съ этой дѣвицей, имѣющей наиневиннѣйшій видъ, въ саду, подъ кустами!..

— Ахъ, какой срамъ-съ! пронищала тѣвица Перепелицына.

— Ѳома! Не губи себя! кричалъ дядя, сжимая кулаки и сверкая глазами.

— ...А онъ, визжалъ Ѳома,—онъ, испугавшись, что я его увидѣлъ, осмѣлился завлекать меня лживымъ письмомъ,—меня, честнаго и прямодушнаго, въ потворство своему преступленію — да, преступленію!.. ибо изъ наиневиннѣйшей доселѣ дѣвицы вы сдѣлали...

— Еще одно оскорбительное для нея слово и,—я убью тебя, Ѳома, клянусь тебѣ въ этомъ!..

— Я говорю это слово, ибо изъ наиневиннѣйшей доселѣ дѣвицы вы успѣли сдѣлать развратнѣйшую изъ дѣвицъ!

Едва только произнесъ Ѳома послѣднее слово, какъ дядя схватилъ его за плечи, повернулъ какъ соломинку, и съ силою бросилъ его на стеклянную дверь, ведшую изъ кабинета во дворъ дома. Ударъ былъ такъ силенъ, что притворенныя двери растворились настежь, и Ѳома, слетѣвъ кубаремъ по семи каменнымъ ступенькамъ, растянулся на дворѣ. Разбитыя стекла съ дребезгомъ разлетѣлись по ступенькамъ крыльца.

— Гаврила, подбери его! вскричалъ дядя, блѣдный какъ мертвецъ,—посади его на телѣгу, и чтобъ черезъ двѣ минуты духу его не было въ Степанчиковѣ!

Что бы ни замышлялъ Ѳома Ѳомичъ, но ужъ вѣрно не ожидалъ подобной развязки.

Не берусь описывать то, что было въ первыя минуты послѣ такого пассажа. Раздирающій душу вопль генеральши, покатившейся въ креслѣ; столбнякъ дѣвицы Перепелицыной передъ неожиданнымъ поступкомъ до сихъ поръ всегда покорнаго дяди; ахи и охи приживалокъ; испуганная до обморока Настенька, около которой увивался отецъ; обезумѣвшая отъ страха Сашенька; дядя, въ невыразимомъ волненіи шагавшій по комнатѣ и дожидавшійся, когда очнется мать; наконецъ, громкій плачъ Ѳалалея, оплакивавшаго господъ своихъ,—все это составляло картину неизобразимую. Прибавлю еще, что въ эту минуту разразилась сильная гроза; удары грома слышались чаще и чаще, и крупный дождь застучалъ въ окна.

— Вотъ-те и праздничекъ! пробормоталъ господинъ Бахчеевъ, нагнувъ голову и растопыривъ руки.

— Дѣло худо! шепнулъ я ему, тоже внѣ себя отъ волненія,—но, по крайней мѣрѣ, прогнали Ѳомича и ужъ не воротятъ.

— Маменька! Опомнились-ли вы? Хотите-ли вы? Можете-ли вы, наконецъ, меня выслушать? спросилъ дядя, остановясь передъ кресломъ старухи.

Та подняла голову, сложила руки и съ умоляющимъ видомъ смотрѣла на сына, котораго еще никогда въ жизни не видала въ такомъ гнѣвѣ.

— Маменька! продолжалъ онъ,— чаша переполнена, вы сами видѣли. Не такъ хотѣлъ я изложить это дѣло, но часъ пробилъ, и откладывать нечего! Вы слышали клевету, выслушайте же и оправданіе. Маменька, я люблю эту благороднѣйшую и возвышеннѣйшую дѣвицу, люблю давно и не разлюблю никогда. Она осчастливитъ дѣтей моихъ и будетъ для васъ самой почтительной дочерью, и потому теперь, при васъ, въ присутствіи родныхъ и друзей моихъ, я торжественно повергаю мою просьбу къ стопамъ ея и умоляю ее сдѣлать мнѣ безконечную честь, согласившись быть моею женою.

Настенька вздрогнула, потомъ вся вспыхнула и вскочила съ кресла. Генеральша нѣкоторое время смотрѣла на сына, какъ будто не понимая, что такое онъ ей говоритъ, и вдругъ съ пронзительнымъ воплемъ бросилась передъ нимъ на колѣни.

— Егорушка, голубчикъ ты мой, вороти Ому Омича! закричала она,— сейчасъ вороти! Не то, я къ вечеру же помру безъ него!

Дядя остолбенѣлъ, видя старуху-мать, своевольную и капризную, передъ собой на колѣняхъ. Болѣзненное ощущеніе отразилось въ лицѣ его; наконецъ, опомнившись, бросился онъ подымать ее и усаживать опять въ кресло.

— Вороти Ому Омича, Егорушка! продолжала вопить старуха,—вороти его, голубчика! Жить безъ него не могу!

— Маменька! горестно вскричалъ дядя,—или вы ничего не слышали изъ того, что я вамъ сейчасъ говорилъ? Я не могу воротить Ому — поймите это! Не могу и не въ правѣ, послѣ его низкой и подлѣйшей клеветы на этого ангела чести и добродѣтели. Понимаете-ли вы, маменька, что я обязанъ, что честь моя повелѣваетъ мнѣ теперь возстановить добродѣтель! Вы слышали: я ищу руки этой дѣвицы и умоляю васъ, чтобъ вы благословили союзъ нашъ.

Генеральша опять сорвалась со своего мѣста и бросилась на колѣни передъ Настенькой.

— Матушка моя! Родная ты моя! завизжала она, — не выходи за него замужъ! Не выходи за него, а упроси его, матушка, чтобъ воротилъ Ѳому Ѳомича! Голубушка ты моя, Настасья Евграфовна! Все тебѣ отдамъ, всѣмъ тебѣ пожертвую, коли за него не выйдешь. Я еще не все, старуха, прожила, у меня еще остались крохи послѣ моего покойничка. Все твое, матушка, всѣмъ тебя одарю, да и Егорушка тебя одаритъ, только не клади меня живую во гробъ, упроси Ѳому Ѳомича воротить!..

И долго бы еще выла и завиралась старуха, если-бъ Перепелицына и всѣ приживалки съ визгами и стенаніями не бросились ее подымать, негодуя, что она на колѣняхъ передъ нанятой гувернанткой. Настенька едва устояла на мѣстѣ отъ испуга, а Перепелицына даже заплакала отъ злости.

— Смертью уморите вы маменьку-съ, кричала она дядѣ,— смертью уморятъ-съ! А вамъ, Настасья Евграфовна, не слѣдовало бы ссорить маменьку-съ съ ихнимъ сыномъ-съ; это и Господь Богъ запрещаетъ-съ...

— Анна Ниловна, удержите языкъ! вскричалъ дядя.—Я довольно терпѣлъ!..

— Да и я довольно отъ васъ натерпѣлась. Что вы сиротствомъ моимъ меня попрекаете-съ? Долго-ли обидѣть сироту? Я еще не ваша раба-съ! Я сама подполковничья дочь-съ! Ноги моей не будетъ-съ въ вашемъ домѣ, не будетъ-съ... сегодня же-съ!..

Но дядя не слушалъ: онъ подошелъ къ Настенькѣ и съ благоговѣніемъ взялъ ее за руку.

— Настасья Евграфовна! Вы слышали мое предложеніе? проговорилъ онъ, смотря на нее съ тоскою, почти съ отчаяніемъ.

— Нѣтъ, Егоръ Ильичъ, нѣтъ! Ужъ оставимъ лучше, отвѣчала Настенька, въ свою очередь, совершенно упавъ духомъ. — Это все пустое, продолжала она, сжимая его руки и заливаясь слезами. — Это вы послѣ вчерашняго такъ... но не можетъ этого быть, вы сами видите. Мы ошиблись, Егоръ Ильичъ... А я о васъ всегда буду помнить, какъ о моемъ благодѣтелѣ и... и вѣчно, вѣчно буду молиться за васъ!..

Тутъ слезы прервали ея голосъ. Бѣдный дядя, очевидно, предчувствовалъ этотъ отвѣтъ; онъ даже и не думалъ возражать, настаивать... Онъ слушалъ, наклонясь къ ней,

все еще держа ее за руку, безмолвный и убитый. Слезы показались въ глазахъ его.

— Я еще вчера сказала вамъ, продолжала Настя, — что не могу быть вашей женою. Вы видите: меня не хотятъ у васъ... а я все это давно, ужъ заранѣе, предчувствовала; маменька ваша не дастъ вамъ благословенія... *другіе* тоже. Вы сами, хоть и не раскаетесь потомъ, потому что вы великодушнѣйшій человѣкъ, но все-таки будете несчастны изъ-за меня... съ вашимъ добрымъ характеромъ...

— Именно съ *добрымъ характеромъ-съ!* Именно *добренькіе-съ!* Такъ, Настенька, такъ! поддакнулъ старикъ-отецъ, стоявшій по другую сторону кресла,—именно, вотъ это-то вотъ словечко и надо было упомянуть-съ.

— Я не хочу чрезъ себя раздоръ поселять въ вашемъ домѣ, продолжала Настенька. — А обо мнѣ не безпокойтесь, Егоръ Ильичъ: меня никто не тронетъ, никто не обидитъ... я пойду къ папенькѣ... сегодня же... Лучше ужъ простимся, Егоръ Ильичъ...

И бѣдная Настенька опять залилась слезами.

— Настасья Евграфовна! Неужели это послѣднее ваше слово? проговорилъ дядя, смотря на нее съ невыразимымъ отчаяніемъ. — Скажите одно только слово — и я жертвую вамъ всѣмъ!..

— Послѣднее, послѣднее, Егоръ Ильичъ-съ, подхватилъ опять Ежевикинъ,—и она вамъ такъ хорошо это все объяснила, что я даже, признаться, и не ожидалъ-съ. Наидобрѣйшій, вы человѣкъ, Егоръ Ильичъ, именно наидобрѣйшій-съ и чести намъ много изволили оказать-съ! Много чести, много чести-съ!.. А все-таки мы вамъ не пара, Егоръ Ильичъ.—Вамъ нужно такую невѣсту, Егоръ Ильичъ-съ, чтобы была и богатая, и знатная-съ, и раскрасавица-съ, и съ голосомъ тоже была бы-съ, и чтобъ вся въ брильянтахъ, да въ страусовыхъ перьяхъ по комнатамъ вашимъ ходила-съ... Тогда и Ѳома Ѳомичъ, можетъ, уступочку сдѣлаютъ-съ... и благословятъ-съ! А Ѳому-то Ѳомича вы воротите-съ! Напрасно, напрасно изволили его такъ изобидѣть-съ! Онъ вѣдь изъ добродѣтели, отъ излишняго жару-съ такъ наговорилъ-съ... Сами будете потомъ говорить-съ, что изъ добродѣтели—увидите-съ! Наидостойнѣйшій человѣкъ-съ. А вотъ теперь перемокнетъ-съ. Ужъ лучше бы теперь воротить-съ... потому что вѣдь придется же воротить-съ...

— Вороти! Вороти его! закричала генеральша, — онъ, голубчикъ мой, правду тебѣ говоритъ!..

— Да-съ, продолжалъ Ежевикинъ, — вотъ и родительница ваша убиваться изволятъ — понапрасну-съ... Воротите-ка-съ! А мы ужъ съ Настей, тѣмъ временемъ, и въ походъ-съ...

— Подожди, Евграфъ Ларіонычъ! вскричалъ дядя,— умоляю! Еще одно слово будетъ, Евграфъ, одно только слово...

Сказавъ это, онъ отошелъ, сѣлъ въ углу, въ кресло, склонилъ голову и закрылъ руками глаза, какъ будто что-то обдумывая.

Въ эту минуту страшный ударъ грома разразился чуть не надъ самымъ домомъ. Все зданіе потряслось. Генеральша закричала, Перепелицына тоже, приживалки крестились, оглупѣвъ отъ страха, а вмѣстѣ съ ними и господинъ Бахчеевъ.

— Батюшка, Илья пророкъ! прошептали пять или шесть голосовъ, всѣ вмѣстѣ, разомъ.

Вслѣдъ за громомъ пролился такой страшный ливень, что, казалось, цѣлое озеро опрокинулось вдругъ надъ Степанчиковымъ.

— А Ѳома-то Ѳомичъ, что̀ съ нимъ теперь въ полѣ-то будетъ-съ? пропищала дѣвица Перепелицына.

— Егорушка, вороти его! вскричала отчаяннымъ голосомъ генеральша и, какъ безумная, бросилась къ дверямъ. Ее удержали приживалки; онѣ окружили ее, утѣшали, хныкали, визжали. Содомъ былъ ужаснѣйшій!

— Въ одномъ сюртукѣ пошли-съ; хоть бы шинельку-то взяли съ собой-съ! продолжала Перепелицына.—Зонтика тоже не взяли-съ. Убьетъ ихъ теперь молоньей-то-съ!..

— Непремѣнно убьетъ! подхватилъ Бахчеевъ,—да еще и дождемъ потомъ смочитъ.

— Хоть бы вы молчали! прошепталъ я ему.

— Да вѣдь онъ человѣкъ, али нѣтъ? гнѣвно отвѣчалъ мнѣ Бахчеевъ.—Вѣдь не собака. Небось, самъ-то не выйдешь на улицу. Ну-тка, поди, покупайся, для плезиру.

Предчувствуя развязку и опасаясь за нее, я подошелъ къ дядѣ, который какъ будто оцѣпенѣлъ въ своемъ креслѣ.

— Дядюшка, сказалъ я, наклоняясь къ его уху, — не-

ужели вы согласитесь воротить Ому Омича? Поймите, что это будетъ верхъ неприличія, по крайней мѣрѣ, покамѣстъ здѣсь Настасья Евграфовна.

— Другъ мой, отвѣчалъ дядя, поднявъ голову и съ рѣшительнымъ видомъ смотря мнѣ въ глаза,—я судилъ себя въ эту минуту и теперь знаю, что долженъ дѣлать. Не безпокойся, обиды Настѣ не будетъ—я такъ устрою...

Онъ всталъ со стула и подошелъ къ матери.

— Маменька! сказалъ онъ,—успокойтесь: я ворочу Ому Омича, я догоню его; онъ не могъ еще далеко отъѣхать. Но, клянусь, онъ воротится только на единственномъ условіи, здѣсь, публично, въ кругу всѣхъ свидѣтелей оскорбленія, онъ долженъ будетъ сознаться въ винѣ своей и торжественно просить прощенія у этой благороднѣйшей дѣвицы. Я достигну этого! Я его заставлю! Иначе, онъ не перейдетъ черезъ порогъ этого дома! Клянусь вамъ тоже, маменька, торжественно: если онъ согласится на это самъ, добровольно, то я готовъ буду броситься къ ногамъ его и отдамъ ему все, все, что могу отдать, не обижая дѣтей моихъ! Самъ же я, съ сего же дня, отъ всего отстраняюсь. Закатилась звѣзда моего счастья! Я оставляю Степанчиково. Живите здѣсь всѣ покойно и счастливо. Я же ѣду въ полкъ—и въ буряхъ брани, на полѣ битвы, проведу отчаянную судьбу мою... Довольно! Ѣду!

Въ эту минуту отворилась дверь, и Гаврила, весь измокшій, весь въ грязи, до невозможности, предсталъ передъ смятенною публикой.

— Что съ тобой? Откуда? Гдѣ Ома? вскричалъ дядя, бросаясь къ Гаврилѣ!

За нимъ бросились всѣ и съ жаднымъ любопытствомъ окружили старика, съ котораго грязная вода буквально стекала ручьями. Визги, ахи, крики сопровождали каждое слово Гаврилы.

— У березника оставилъ, версты полторы отсюдова, началъ онъ плачевнымъ голосомъ.—Лошадь молоньи испужалась и въ канаву бросилась.

— Ну!.. вскричалъ дядя.

— Телѣга перевалилась...

— Ну!.. а Ома?

— Въ канаву упали-съ.

— Да ну же, разсказывай, истязатель!

— Бокъ отшибли-съ и заплакали-съ. Я лошадь выпрягъ, да верхомъ и прибылъ сюда доложить-съ.

— А Ѳома-то тамъ остался?

— Всталъ и пошелъ себѣ дальше съ палочкой, заключилъ Гаврила, потомъ вздохнулъ и понурилъ голову.

Слезы и рыданія дамскаго пола были неизобразимы.

— Полкана! закричалъ дядя и бросился вонъ изъ комнаты. Полкана подали; дядя вскочилъ на него, неосѣдланнаго, и чрезъ минуту топотъ лошадиныхъ копытъ возвѣстилъ намъ о начавшейся погонѣ за Ѳомой Ѳомичомъ. Дядя ускакалъ даже безъ фуражки.

Дамы побросались къ окнамъ. Среди аховъ и стоновъ слышались и совѣты. Толковали о немедленной теплой ваннѣ, объ растираніи Ѳомы Ѳомича спиртомъ, о грудномъ чаѣ, о томъ, что Ѳома Ѳомичъ „крошечки хлѣбца-съ съ утра въ ротъ не брали-съ, и что они теперь на тощакъ-съ". Дѣвица Перепелицына нашла забытыя имъ очки, въ футлярѣ, и находка произвела необыкновенный эффектъ: генеральша бросилась на нихъ съ воплями и слезами и, не выпуская ихъ изъ рукъ, снова припала къ окну смотрѣть на дорогу. Ожиданіе дошло, наконецъ, до самой послѣдней степени напряженія... Въ другомъ углу Сашенька утѣшала Настю; онѣ обнялись и плакали. Настенька держала за руку Илюшу и поминутно цѣловала его, прощаясь со своимъ ученикомъ. Илюша плакалъ навзрыдъ, еще самъ не зная чему. Ежевикинъ и Мизинчиковъ толковали о чемъ-то въ сторонѣ. Мнѣ показалось, что Бахчеевъ, смотря на дѣвицъ, какъ будто тоже приготовлялся захныкать. Я подошелъ къ нему.

— Нѣтъ, батюшка, сказалъ онъ мнѣ,—Ѳома-то Ѳомичъ, пожалуй бы и удалился отсюда, да время еще тому не пришло: золоторогихъ быковъ еще подъ экипажъ ему не достали! Не безпокойтесь, батюшка, хозяевъ изъ дому выживетъ и самъ останется!

Гроза прошла и господинъ Бахчеевъ, видимо, измѣнилъ свои убѣжденія.

Вдругъ раздалось: „Ведутъ! Ведутъ!" и дамы съ визгомъ побросались къ дверямъ. Не прошло еще десяти минутъ послѣ отъѣзда дяди: казалось, невозможно бы такъ скоро привезти Ѳому Ѳомича; но загадка объяснилась по-

томъ очень просто: Ома Омичъ, отпустивъ Гаврилу, дѣйствительно „пошелъ себѣ съ палочкой"; но почувствовавъ себя въ совершенномъ уединеніи, среди бури, грома и ливня, преспокойно струсилъ, поворотилъ въ Степанчиково и побѣжалъ вслѣдъ за Гаврилой. Дядя захватилъ его уже на селѣ. Тотчасъ же остановили одну проѣзжавшую мимо телѣгу; сбѣжались мужики и посадили въ нее примирѣвшаго Ому Омича. Такъ и доставили его прямо въ отверстыя объятія генеральши, которая чуть не обезумѣла отъ ужаса, увидя, въ какомъ онъ положеніи. Онъ былъ еще грязнѣе и мокрѣе Гаврилы. Суета поднялась ужаснѣйшая: хотѣли тотчасъ же тащить его наверхъ, чтобъ перемѣнить бѣлье: кричали о бузинѣ и о другихъ крѣпительныхъ средствахъ, метались во всѣ стороны безъ всякаго толка: говорили всѣ за разъ... Но Ома какъ будто не замѣчалъ никого и ничего. Его ввели подъ-руки. Добравшись до своего кресла, онъ тяжело опустился въ него и закрылъ глаза. Кто-то закричалъ, что онъ умираетъ: поднялся ужаснѣйшій вой: но болѣе всѣхъ ревѣлъ Фалалей, стараясь пробиться сквозь толпу барынь къ Омѣ Омичу, чтобъ немедленно поцѣловать у него ручку...

V.

Ома Омичъ созидаетъ всеобщее счастье.

— Куда это меня привели? проговорилъ, наконецъ, Ома голосомъ умирающаго за правду человѣка.

— Проклятая розмазня! прошепталъ подлѣ меня Мизинчиковъ,—точно не видитъ, куда его привели. Вотъ ломаться-то теперь будетъ!

— Ты у насъ, Ома, ты въ кругу своихъ! вскричалъ дядя,—ободрись, успокойся! И, право, перемѣнилъ бы ты теперь костюмъ, Ома, а то заболѣешь... Да не хочешь-ли подкрѣпиться—а? Такъ, этакъ... рюмочку маленькую чего-нибудь, чтобъ согрѣться...

— Малаги бы я выпилъ теперь, простоналъ Ома, снова закрывая глаза.

— Малаги? Наврядъ-ли у насъ есть! сказалъ дядя, съ безпокойствомъ смотря на Прасковью Ильиничну.

— Какъ не быть! подхватила Прасковья Ильинична,— цѣлыя четыре бутылки остались, и тотчасъ же, гремя ключами, побѣжала за малагой, напутствуемая криками

всѣхъ дамъ, облѣпившихъ Ѳому, какъ мухи варенье. За то господинъ Бахчеевъ былъ въ самой послѣдней степени негодованія.

— Малаги захотѣлъ! проворчалъ онъ, чуть не вслухъ.— И вина-то такого спросилъ, что никто не пьетъ? Ну, кто теперь пьетъ малагу, кромѣ такого же, какъ онъ, подлеца? Тьфу, вы, проклятые! Ну, я-то чего тутъ стою? Чего я-то тутъ жду?

— Ѳома, началъ дядя, сбиваясь на каждомъ словѣ,— вотъ теперь... когда ты отдохнулъ и опять вмѣстѣ съ нами... то-есть, я хотѣлъ сказать, Ѳома, что понимаю, какъ давеча, обвинивъ, такъ сказать, невиннѣйшее созданіе...

— Гдѣ, гдѣ она, моя невинность? подхватилъ Ѳома, какъ будто былъ въ жару и въ бреду.—Гдѣ золотые дни мои? Гдѣ ты, мое золотое дѣтство, когда я, невинный и прекрасный, бѣгалъ по полямъ за весенней бабочкой? Гдѣ, гдѣ это время? Воротите мнѣ мою невинность, воротите ее!..

И Ѳома, растопыривъ руки, обращался ко всѣмъ поочередно, какъ будто невинность его была у кого-нибудь изъ насъ въ карманѣ. Бахчеевъ готовъ былъ лопнуть отъ гнѣва.

— Экъ чего захотѣлъ! проворчалъ онъ съ яростью.— Подайте ему его невинность! Цѣловаться, что-ли, онъ съ ней хочетъ? Можетъ, и мальчишкой-то былъ ужъ такимъ же разбойникомъ, какъ и теперь! Присягну, что былъ.

— Ѳома!.. началъ было опять дядя.

— Гдѣ, гдѣ они, тѣ дни, когда я еще вѣровалъ въ любовь и любилъ человѣка? кричалъ Ѳома,—когда я обнимался съ человѣкомъ и плакалъ на груди его? А теперь—гдѣ я? Гдѣ я?

— Ты у насъ, Ѳома, успокойся! крикнулъ дядя,—а я вотъ что̀ хотѣлъ тебѣ сказать, Ѳома...

— Хоть бы вы-то ужъ теперь помолчали-съ, прошипѣла Перепелицына, злобно сверкнувъ своими змѣиными глазками.

— Гдѣ я? продолжалъ Ѳома,—кто кругомъ меня? Это буйволы и быки, устремившіе на меня рога свои. Жизнь, что̀ же ты такое? Живи, живи, будь обезчещенъ, опозоренъ, умаленъ, избитъ, и когда засыплютъ пескомъ твою

могилу, тогда только опомнятся люди, и бѣдныя кости твои раздавятъ монументомъ!

— Батюшки, о монументахъ заговорилъ! прошепталъ Ежевикинъ, сплеснувъ руками.

— О, не ставьте мнѣ монумента! кричалъ Фома. — не ставьте мнѣ его! Не надо мнѣ монументовъ! Въ сердцахъ своихъ воздвигните мнѣ монументъ, а болѣе ничего не надо, не надо, не надо!

— Фома! прервалъ дядя, — полно! Успокойся! Нечего говорить о монументахъ. Ты только выслушай... Видишь, Фома, я понимаю, что ты, можетъ-быть, такъ сказать, горѣлъ благороднымъ огнемъ, упрекая меня даже: но ты увлекся, Фома, за черту добродѣтели — увѣряю тебя, ты ошибся, Фома...

— Да перестанете-ли вы-съ? запищала опять Перепелицына, — убить, что-ли, вы несчастнаго человѣка хотите-съ, потому что они въ вашихъ рукахъ-съ?..

Вслѣдъ за Перепелицыной встрепенулась и генеральша, а за ней и вся ея свита; всѣ замахали на дядю руками, чтобъ онъ остановился.

— Анна Ниловна, молчите вы сами, а я знаю что говорю! съ твердостью отвѣчалъ дядя. — Это дѣло свято! Дѣло чести и справедливости. — Фома! Ты разсудителенъ, ты долженъ сей же часъ испросить прощеніе у благороднѣйшей дѣвицы, которую ты оскорбилъ.

— У какой дѣвицы? Какую дѣвицу я оскорбилъ? проговорилъ Фома, въ недоумѣніи обводя всѣхъ глазами, какъ будто совершенно забывъ все происшедшее и не понимая о чемъ идетъ дѣло.

— Да, Фома, и если ты теперь самъ, своей волей, благородно сознаешься въ винѣ своей, то, клянусь тебѣ, Фома, я паду къ ногамъ твоимъ, и тогда...

— Кого же это я оскорбилъ? вопилъ Фома, — какую дѣвицу? Гдѣ она? Гдѣ эта дѣвица? Напомните мнѣ хоть что-нибудь объ этой дѣвицѣ!..

Въ эту минуту Настенька, смущенная и испуганная, подошла къ Егору Ильичу и дернула его за рукавъ.

— Нѣтъ, Егоръ Ильичъ, оставьте его, не надо извиненій! Къ чему это все? говорила она умоляющимъ голосомъ. — Бросьте это!..

— А! Теперь я припоминаю! вскричалъ Фома. — Боже! Я припоминаю! О, помогите, помогите мнѣ припомнить! просилъ онъ, повидимому, въ ужасномъ волненіи. — Ска-

жите. правда-ли, что меня изгнали отсюда, какъ шелудивѣйшую изъ собакъ? Правда-ли, что молнія поразила меня? Правда-ли, что меня вышвырнули отсюда съ крыльца? Правда-ли? Правда-ли это?

Плачъ и вопли дамскаго пола были краснорѣчивѣйшимъ отвѣтомъ Ѳомѣ Ѳомичу.

— Такъ, такъ, твердилъ онъ,—я припоминаю... я припоминаю теперь, что послѣ молніи и паденія моего я бѣжалъ сюда, преслѣдуемый громомъ, чтобъ исполнить свой долгъ и исчезнуть навѣки! Приподымите меня! Какъ ни слабъ я теперь, но долженъ исполнить свою обязанность.

Его тотчасъ приподняли съ кресла. Ѳома сталъ въ положеніе оратора и протянулъ свою руку.

— Полковникъ! вскричалъ онъ,—теперь я очнулся совсѣмъ; громъ еще не убилъ во мнѣ умственныхъ способностей; осталась, правда, глухота въ правомъ ухѣ, происшедшая, можетъ-быть, не столько отъ грома, сколько отъ паденія съ крыльца... Но что до этого! И какое кому дѣло до праваго уха Ѳомы!

Послѣднимъ словамъ своимъ Ѳома придалъ столько печальной ироніи и сопровождалъ ихъ такою жалобною улыбкою, что стоны тронутыхъ дамъ раздались снова. Всѣ онѣ съ укоромъ, а иныя съ яростью смотрѣли на дядю, уже начинавшаго понемногу уничтожаться передъ такимъ согласнымъ выраженіемъ всеобщаго мнѣнія. Мизинчиковъ плюнулъ и отошелъ къ окну. Бахчеевъ все сильнѣе и сильнѣе подталкивалъ меня локтемъ; онъ едва стоялъ на мѣстѣ.

— Теперь слушайте же всѣ мою исповѣдь! возопилъ Ѳома, обводя всѣхъ гордымъ и рѣшительнымъ взглядомъ,— а вмѣстѣ съ тѣмъ и рѣшите судьбу несчастнаго Опискина. Егоръ Ильичъ! Давно уже я наблюдалъ за вами, наблюдалъ съ замираніемъ моего сердца и видѣлъ все, все, тогда какъ вы еще и не подозрѣвали, что я наблюдаю за вами. Полковникъ! Я, можетъ-быть, ошибался; но я зналъ вашъ эгоизмъ, ваше неограниченное самолюбіе, ваше феноменальное сластолюбіе, и, кто обвинитъ меня, что я поневолѣ затрепеталъ о чести наиневиннѣйшей изъ особъ?

— Ѳома, Ѳома!.. ты, впрочемъ, не очень распространяйся, Ѳома! вскричалъ дядя, съ безпокойствомъ смотря на страдальческое выраженіе въ лицѣ Настеньки.

— Не столько невинность и довѣрчивость этой особы, сколько ея неопытность смущала меня, продолжалъ Ѳома,

какъ будто и не слыхавъ предостереженія дяди. — Я видѣлъ, что нѣжное чувство расцвѣтаетъ въ ея сердцѣ, какъ вешняя роза, и невольно припомнилъ Петрарку, сказавшаго, что „невинность такъ часто бываетъ на волоскѣ отъ погибели". Я вздыхалъ, стоналъ и хотя за эту дѣвицу, чистую какъ жемчужина, я готовъ былъ отдать всю кровь мою на поруки, но кто могъ мнѣ поручиться за васъ, Егоръ Ильичъ? Зная необузданное стремленіе страстей вашихъ; зная, что вы всѣмъ готовы пожертвовать для минутнаго ихъ удовлетворенія, я вдругъ погрузился въ бездну ужаса и опасеній насчетъ судьбы наиблагороднѣйшей изъ дѣвицъ...

— Ѳома! Неужели ты могъ это подумать! вскричалъ дядя.

— Съ замираніемъ моего сердца я слѣдилъ за вами. Если хотите узнать о томъ, какъ я страдалъ, спросите у Шекспира: онъ разскажетъ вамъ въ своемъ „Гамлетѣ" о состояніи души моей. Я сдѣлался мнителенъ и ужасенъ. Въ безпокойствѣ моемъ, въ негодованіи моемъ, я видѣлъ все въ черномъ цвѣтѣ, и это былъ не тотъ „черный цвѣтъ", о которомъ поется въ извѣстномъ романсѣ, — будьте увѣрены! Оттого-то и видѣли вы мое тогдашнее желаніе удалить *ее* изъ этого дома: я хотѣлъ спасти ее; оттого-то и видѣли вы меня во все послѣднее время раздражительнымъ и злобствующимъ на весь родъ человѣческій. О! кто примиритъ меня теперь съ человѣчествомъ? Чувствую, что я, можетъ-быть, былъ взыскателенъ и несправедливъ къ гостямъ вашимъ, къ племяннику вашему, къ господину Бахчееву, требуя отъ него астрономіи; но кто обвинитъ меня за тогдашнее состояніе души моей? Ссылаясь опять на Шекспира, скажу, что будущность представлялась мнѣ, какъ мрачный омутъ невѣдомой глубины, на днѣ котораго лежалъ крокодилъ. Я чувствовалъ, что моя обязанность предупредить несчастіе, что я поставленъ, что я произведенъ для этого, — и что же? Вы не поняли наиблагороднѣйшихъ побужденій души моей и платили мнѣ во все это время злобой, неблагодарностью, насмѣшками, униженіями...

— Ѳома! Если такъ... конечно, я чувствую... вскричалъ дядя въ чрезвычайномъ волненіи.

— Если вы дѣйствительно чувствуете, полковникъ, то благоволите дослушать, а не прерывать меня. Продолжаю: вся вина моя, слѣдственно, состояла въ томъ, что я

слишкомъ убивался о судьбѣ и счастьи этого дитяти: ибо она еще дитя передъ вами. Высочайшая любовь къ человѣчеству сдѣлала меня въ это время какимъ-то бѣсомъ гнѣва и мнительности. Я готовъ былъ кидаться на людей и терзать ихъ. И знаете-ли, Егоръ Ильичъ, что всѣ поступки ваши, какъ нарочно, поминутно подтверждали мою мнительность и удостовѣряли меня во всѣхъ подозрѣніяхъ моихъ? Знаете-ли, что вчера, когда вы осыпали меня своимъ золотомъ, чтобъ удалить меня отъ себя, я подумалъ: „онъ удаляетъ отъ себя, въ лицѣ моемъ, свою совѣсть, чтобъ удобнѣе совершить преступленіе“...

— Ѳома, Ѳома! Неужели ты это думалъ вчера? съ ужасомъ вскричалъ дядя. — Господи Боже, а я-то ничего и не подозрѣвалъ!

— Само небо внушало мнѣ эти подозрѣнія, продолжалъ Ѳома.—И рѣшите сами, что̀ могъ я подумать, когда слѣпой случай привелъ меня въ тотъ же вечеръ къ той роковой скамейкѣ въ саду, что̀ почувствовалъ я въ эту минуту—о, Боже!—увидѣвъ, наконецъ, собственными своими глазами, что всѣ подозрѣнія мои оправдались вдругъ, самымъ блистательнымъ образомъ? Но мнѣ еще оставалась одна надежда, слабая, конечно, но все же надежда — и что же? Сегодня утромъ вы разрушаете ее сами въ прахъ и въ обломки! Вы присылаете мнѣ письмо ваше; вы выставляете намѣреніе жениться; умоляете не разглашать... „Но почему же“, подумалъ я, „почему же онъ написалъ именно теперь, когда уже я засталъ его, а не прежде? Почему же прежде онъ не прибѣжалъ ко мнѣ, счастливый и прекрасный—ибо любовь украшаетъ лицо—почему не бросился онъ тогда въ мои объятія, не заплакалъ на груди моей слезами безпредѣльнаго счастья и не повѣдалъ мнѣ всего, всего?“ Или я крокодилъ, который бы только сожралъ васъ, а не далъ бы вамъ полезнаго совѣта? Или я какой-нибудь отвратительный жукъ, который бы только укусилъ васъ, а не способствовалъ вашему счастью? „Другъ-ли я его, или самое гнуснѣйшее изъ насѣкомыхъ?“—вотъ вопросъ, который я задалъ себѣ нынче утромъ! „Для чего, наконецъ“, думалъ я, „для чего же выписывалъ онъ изъ столицы своего племянника и сватал его къ этой дѣвицѣ, какъ не для того, чтобъ обмануть и пасъ, и *легкомысленнаго* племянника, а, между тѣмъ, втайнѣ продолжать преступнѣйшее изъ намѣреній?“ Нѣтъ, полковникъ, если кто утвердилъ во мнѣ мысль, что

взаимная любовь ваша преступна, то это вы сами, и одни только вы! Мало того, вы преступникъ и передъ этой дѣвицей, ибо се, чистую и благонравную, черезъ вашу же неловкость и эгоистическую недовѣрчивость, вы подвергли клеветѣ и тяжкимъ подозрѣніямъ!

Дядя молчалъ, склонивъ голову: краснорѣчіе Ѳомы видимо одержало верхъ надъ всѣми его возраженіями, и онъ уже сознавалъ себя полнымъ преступникомъ. Генеральша и ея общество, молча и съ благоговѣніемъ слушали Ѳому, а Перепелицына съ злобнымъ торжествомъ смотрѣла на бѣдную Настеньку.

— Пораженный, раздраженный, убитый, продолжалъ Ѳома,—я заперся сегодня на ключъ и молился, да внушитъ мнѣ Богъ правыя мысли! Наконецъ, положилъ я: въ послѣдній разъ и публично испытать васъ. И, можетъ-быть, слишкомъ горячо принялся, можетъ-быть, слишкомъ предался моему негодованію; но за благороднѣйшія побужденія мои вы вышвырнули меня изъ окошка! Падая изъ окошка, я думалъ про себя: „вотъ такъ-то всегда на свѣтѣ вознаграждается добродѣтель!“ Тутъ я ударился о-земь, и затѣмъ едва помню, что со мною дальше случилось.

Визги и стоны прервали Ѳому Ѳомича при этомъ трагическомъ воспоминаніи. Генеральша бросилась было къ нему съ бутылкой малаги въ рукахъ, которую она только что передъ этимъ вырвала изъ рукъ воротившейся Прасковьи Ильиничны, но Ѳома величественно отвелъ рукой и малагу, и генеральшу.

— Остановитесь! вскричалъ онъ.—Мнѣ надо кончить. Что случилось послѣ моего паденія—не знаю. Знаю только одно, что теперь, мокрый и готовый схватить лихорадку, я стою здѣсь, чтобъ составить ваше обоюдное счастье. Полковникъ! По многимъ признакамъ, которыхъ я не хочу теперь объяснять, я увѣрился, наконецъ, что любовь ваша была чиста и даже возвышенна, хотя, замѣтьте, и тѣмъ, и преступно недовѣрчива. Избитый, униженный, подозрѣваемый въ оскорбленіи дѣвицы, за честь которой я, какъ рыцарь среднихъ вѣковъ, готовъ былъ пролить до капли всю кровь мою, я рѣшаюсь теперь показать вамъ, какъ мститъ за свои обиды Ѳома Опискинъ. Протяните мнѣ вашу руку, полковникъ!

— Съ удовольствіемъ, Ѳома! вскричалъ дядя.—И такъ какъ ты вполнѣ объяснился теперь о чести благороднѣй-

шей особы, то... разумѣется... вотъ тебѣ рука моя, Ѳома, вмѣстѣ съ моимъ раскаяніемъ...

И дядя съ жаромъ подалъ ему руку, не подозрѣвая еще, что̀ изъ этого выйдетъ.

— Дайте и вы мнѣ вашу руку, продолжалъ Ѳома слабымъ голосомъ, раздвигая дамскую сбившуюся около него толпу и обращаясь къ Настенькѣ.

Настенька смутилась, смѣшалась и робко смотрѣла на Ѳому.

— Подойдите, подойдите, милое мое дитя! Это необходимо для вашего счастья, ласково прибавилъ Ѳома, все еще продолжая держать руку дяди въ своихъ рукахъ.

— Что̀ это онъ затѣваетъ? проговорилъ Мизинчиковъ.

Настя, испуганная и дрожащая, медленно подошла къ Ѳомѣ и робко протянула ему свою ручку.

Ѳома взялъ эту ручку и положилъ ее въ руку дяди.

— Соединяю и благословляю васъ, произнесъ онъ самымъ торжественнымъ голосомъ. — И если благословеніе убитаго горемъ страдальца можетъ послужить вамъ въ пользу, то будьте счастливы. Вотъ какъ мститъ Ѳома Опискинъ! Урра!

Всеобщее изумленіе было безпредѣльно. Развязка была такъ неожиданна, что на всѣхъ нашелъ какой-то столбнякъ. Генеральша, какъ была, такъ и осталась съ разинутымъ ртомъ и съ бутылкой малаги въ рукахъ. Перепелицына поблѣднѣла и затряслась отъ ярости. Приживалки всплеснули руками и окаменѣли на своихъ мѣстахъ. Дядя задрожалъ и хотѣлъ что-то проговорить, но не могъ. Настя поблѣднѣла, какъ мертвая, и робко проговорила, что „это нельзя...“—но уже было поздно. Бахчеевъ первый—надо отдать ему справедливость—подхватилъ ура Ѳомы Ѳомича, за нимъ я, за мною, во весь свой звонкій голосокъ, Сашенька, тутъ же бросившаяся обнимать отца; потомъ Илюша, потомъ Ежевикинъ; послѣ всѣхъ ужъ Мизинчиковъ.

— Ура! крикнулъ другой разъ Ѳома,—урра! И на колѣни, дѣти моего сердца, на колѣни передъ нѣжнѣйшею изъ матерей! Просите ея благословенія и, если надо, я самъ преклоню передъ нею колѣни вмѣстѣ съ вами...

Дядя и Настя, еще не взглянувъ другъ на друга, испуганные и, кажется, не понимавшіе, что̀ съ ними дѣлается, упали на колѣни передъ генеральшей; всѣ столпились около нихъ; но старуха стояла какъ будто ошеломлен-

ная, совершенно не понимая, какъ ей поступить. Ома помогъ и этому обстоятельству: онъ самъ повергся передъ своей покровительницей. Это разомъ уничтожило всѣ ея недоумѣнія. Заливаясь слезами, она проговорила, наконецъ, что согласна. Дядя вскочилъ и стиснулъ Ому въ объятіяхъ.

— Ома, Ома!.. проговорилъ онъ, но голосъ его осѣкся и онъ не могъ продолжать.

— Шампанскаго! заревѣлъ Степанъ Алексѣевичъ.—Урра!

— Нѣтъ-съ, не шампанскаго-съ, подхватила Перепелицына, которая уже успѣла опомниться и сообразить всѣ обстоятельства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣдствія. — а свѣчку Богу зажечь-съ, образу помолиться, да образомъ и благословить-съ, какъ всѣми набожными людьми исполняется-съ...

Тотчасъ же всѣ бросились исполнять благоразумный совѣтъ; поднялась ужасная суетня. Надо было засвѣтить свѣчку. Степанъ Алексѣевичъ подставилъ стулъ и полѣзъ приставлять свѣчу къ образу, но тотчасъ же подломилъ стулъ и тяжело соскочилъ на полъ, удержавшись, впрочемъ, на ногахъ. Нисколько не разсердившись, отъ тутъ же съ почтеніемъ уступилъ мѣсто Перепелицыной. Тоненькая Перепелицына мигомъ обдѣлала дѣло: свѣча зажглась. Монашенка и приживалки начали креститься и класть земные поклоны. Сняли образъ Спасителя и поднесли генеральшѣ. Дядя и Настя снова стали на колѣни, и церемонія совершилась при набожныхъ наставленіяхъ Перепелицыной, поминутно приговаривавшей: „въ ножки-то поклонитесь, къ образу-то приложитесь, руку-то у мамаши поцѣлуйте-съ!“ Послѣ жениха и невѣсты къ образу почелъ себя обязаннымъ приложиться и господинъ Бахчеевъ, при чемъ тоже поцѣловалъ у матушки-генеральши ручку. Онъ былъ въ восторгѣ неописанномъ.

— Урра! закричалъ онъ снова.—Вотъ теперь такъ ужъ выпьемъ шампанскаго!

Впрочемъ, и всѣ были въ восторгѣ. Генеральша плакала, но теперь ужъ слезами радости: совсѣмъ благословленный Омою, тотчасъ сдѣлался въ глазахъ ея и приличнымъ, и священнымъ, а, главное, она чувствовала, что Ома Омичъ отличился и что теперь ужъ останется съ нею на вѣки вѣковъ. Всѣ приживалки, по крайней мѣрѣ съ виду, раздѣляли всеобщій восторгъ. Дядя — то становился передъ матерью на колѣни и цѣловалъ ея

руки, то бросался обнимать меня, Бахчеева, Мизинчикова и Ежевикина. Плюшу онъ чуть было не задушилъ въ своихъ объятіяхъ. Саша бросилась обнимать и цѣловать Настеньку. Прасковья Ильинична обливалась слезами. Господинъ Бахчеевъ, замѣтивъ это, подошелъ къ ней,—къ ручкѣ. Старикашка Ежевикинъ расчувствовался и плакалъ въ углу, обтирая глаза своимъ клѣтчатымъ, вчерашнимъ платкомъ. Въ другомъ углу хныкалъ Гаврила и съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на Ѳому Ѳомича, а Ѳалалей рыдалъ во весь голосъ, подходилъ ко всѣмъ и тоже цѣловалъ у всѣхъ руки. Всѣ были подавлены чувствомъ. Никто еще не начиналъ говорить, никто не объяснялся; казалось, все уже было сказано; раздавались только радостныя восклицанія. Никто не понималъ еще, какъ это все вдругъ такъ скоро устроилось. Знали только одно, что все это сдѣлалъ Ѳома Ѳомичъ, и что это фактъ насущный и непреложный.

Но еще и пяти минутъ не прошло послѣ всеобщаго счастья, какъ вдругъ между нами явилась Татьяна Ивановна. Какимъ образомъ, какимъ чутьемъ могла она такъ скоро, сидя у себя наверху, узнать про любовь и про свадьбу? Она впорхнула съ сіяющимъ лицомъ, со слезами радости на глазахъ, въ обольстительно изящномъ туалетѣ (наверху она таки успѣла переодѣться), и прямо, съ громкими криками, бросилась обнимать Настеньку.

— Настенька, Настенька! Ты любила его, а я и не знала! вскричала она.—Боже! Они любили другъ друга, они страдали въ тишинѣ, втайнѣ! Ихъ преслѣдовали! Какой романъ! Настя, голубчикъ мой, скажи мнѣ всю правду: неужели ты въ самомъ дѣлѣ любишь этого безумца?

Вмѣсто отвѣта, Настя обняла ее и поцѣловала.

— Боже, какой очаровательный романъ!—И Татьяна Ивановна захлопала отъ восторга въ ладоши.—Слушай, Настя, слушай, ангелъ мой: всѣ эти мужчины, всѣ до единаго, неблагодарные, изверги и не стоятъ нашей любви. Но, можетъ-быть, онъ лучшій изъ нихъ. Подойди ко мнѣ, безумецъ! вскричала она, обращаясь къ дядѣ и хватая его за руку.—Неужели ты влюбленъ? Неужели ты способенъ любить? Смотри на меня: я хочу посмотрѣть тебѣ въ глаза, я хочу видѣть, лгутъ-ли эти глаза или нѣтъ? Нѣтъ, нѣтъ, они не лгутъ—въ нихъ сіяетъ любовь. О, какъ я счастлива! Настенька, другъ мой, по-

слушай, ты не богата—я подарю тебѣ тридцать тысячъ. Возьми, ради Бога! Мнѣ не надо, не надо; мнѣ еще много останется. Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! закричала она и замахала руками, увидя, что Настя хочетъ отказываться.—Молчите и вы, Егоръ Ильичъ, это не ваше дѣло. Нѣтъ, Настя, я ужъ такъ положила—тебѣ подарить; я давно хотѣла тебѣ подарить, и только дожидалась первой любви твоей... Я буду смотрѣть на ваше счастье. Ты обидишь меня, если не возьмешь; я буду плакать, Настя... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!

Татьяна Ивановна была въ такомъ восторгѣ, что въ эту минуту, по крайней мѣрѣ, невозможно, даже жаль было ей возражать. На это и не рѣшились, а отложили до другого времени. Она бросилась цѣловать генеральшу, Перепелицыну — всѣхъ насъ. Бахчеевъ почтительнѣйшимъ образомъ протѣснился къ ней и попросилъ и у ней ручку.

— Матушка ты моя! Голубушка ты моя! Прости ты меня, дурака, за давешнее—не зналъ я твоего золотого сердечка!

— Безумецъ! Я давно тебя знаю, съ восторженною игривостью пролепетала Татьяна Ивановна, ударила Степана Алексѣевича по носу перчаткой и порхнула отъ него, какъ зефиръ, задѣвъ его своимъ пышнымъ платьемъ.

Толстякъ почтительно посторонился.

— Достойнѣйшая дѣвица! проговорилъ онъ съ умиленіемъ.—А носъ-то нѣмцу вѣдь подклеили! шепнулъ онъ мнѣ конфиденціально, радостно смотря мнѣ въ глаза.

— Какой носъ? Какому нѣмцу? спросилъ я въ удивленіи.

— А вотъ, выписному-то, что ручку-то у своей нѣмки цѣлуетъ, а та слезу платкомъ вытираетъ. Евлокимъ у меня починилъ вчера еще; а давеча, какъ воротились съ погони, я и послалъ верхового... Скоро привезутъ. Превосходная вещь!

— Ома! вскричалъ дядя въ изступленномъ восторгѣ,— ты виновникъ нашего счастья! Чѣмъ могу я воздать тебѣ?

— Ничѣмъ, полковникъ, отвѣчалъ Ома съ постной миной.—*Продолжайте не обращать на меня вниманія* и будьте счастливы безъ Омы.

Онъ былъ, очевидно, пикированъ—среди всеобщихъ изліяній о немъ какъ будто и забыли.

— Это все отъ восторга, Ома! вскричалъ дядя. — Я,

братъ, ужъ и не помню, гдѣ и стою. Слушай, Ѳома: я обидѣлъ тебя. Всей жизни моей, всей крови моей не достанетъ, чтобъ удовлетворить твою обиду, и потому я молчу, даже не извиняюсь. Но если когда-нибудь тебѣ понадобится моя голова, моя жизнь, если надо будетъ броситься за тебя въ разверстую бездну, то повелѣвай и увидишь... Я больше ничего не скажу, Ѳома.

И дядя махнулъ рукой, вполнѣ сознавая невозможность прибавить что-нибудь еще, что-бъ сильнѣе могло выразить его мысль. Онъ только глядѣлъ на Ѳому благодарными, полными слезъ глазами.

— Вотъ они какіе ангелы-съ! пропищала, въ свою очередь, въ похвалу Ѳомѣ, дѣвица Перепелицына.

— Да, да! подхватила Сашенька.—Я и не знала, что вы такой хорошій человѣкъ, Ѳома Ѳомичъ, и была къ вамъ непочтительна. А вы простите меня, Ѳома Ѳомичъ, и ужъ будьте увѣрены, что я буду васъ всѣмъ сердцемъ любить. Если-бъ вы знали, какъ я теперь васъ почитаю!

— Да, Ѳома! подхватилъ Бахчеевъ.—Прости и ты меня, дурака! Не зналъ я тебя, не зналъ! Ты, Ѳома Ѳомичъ, не только ученый, но и—просто герой! Весь домъ мой къ твоимъ услугамъ. А лучше всего, пріѣзжай-ка, братъ, ко мнѣ послѣзавтра, да ужъ и съ матушкой-генеральшей, да ужъ и съ женихомъ и невѣстой, — да чего тутъ! Всѣмъ домомъ ко мнѣ! То-есть, вотъ какъ пообѣдаемъ,—заранѣе не похвалюсь, а одно скажу: только птичьяго молока для васъ не достану! Великое слово даю!

Среди этихъ изліяній, подошла къ Ѳомѣ Ѳомичу и Настенька и, безъ дальнихъ словъ, крѣпко обняла его и поцѣловала.

— Ѳома Ѳомичъ, сказала она,—вы нашъ благодѣтель, вы столько для насъ сдѣлали, что я и не знаю, чѣмъ вамъ заплатить за все это, а только знаю, что буду для васъ самой нѣжной, самой почтительной сестрой...

Она не могла договорить: слезы заглушали слова ея. Ѳома поцѣловалъ ее въ голову и прослезился.

— Дѣти мои, дѣти моего сердца! сказалъ онъ. — Живите, цвѣтите и, въ минуты счастья, вспоминайте когда-нибудь про бѣднаго изгнанника! Про себя же скажу, что несчастье есть, можетъ-быть, мать добродѣтели. Это сказалъ, кажется, Гоголь, писатель легкомысленный, но у котораго бываютъ иногда зернистыя мысли. Изгнаніе есть несчастье! Скитальцемъ пойду я теперь по землѣ съ моимъ

посохомъ, и,—кто знаетъ?—можетъ-быть, черезъ несчастья мои я стану еще добродѣтельнѣе! Эта мысль—единственное оставшееся мнѣ утѣшеніе!

— Но... куда же ты уйдешь, Ома? въ испугѣ вскричалъ дядя.

Всѣ вздрогнули и устремились къ Омѣ.

— Но развѣ я могу оставаться въ вашемъ домѣ послѣ давешняго вашего поступка, полковникъ? спросилъ Ома съ необыкновеннымъ достоинствомъ.

Но ему не дали договорить: общіе крики заглушили слова его. Его усадили въ кресло, его упрашивали, его оплакивали, и ужъ не знаю, что еще съ нимъ дѣлали. Конечно, и въ мысляхъ его не было выйти изъ „этого дома", такъ же, какъ и давеча не было, какъ не было и вчера, какъ не было и тогда, когда онъ копалъ въ огородѣ. Онъ зналъ, что теперь его набожно остановятъ, уцѣпятся за него, особенно когда онъ всѣхъ осчастливилъ, когда всѣ въ него снова увѣровали, когда всѣ готовы были носить его на рукахъ и почитать это за честь и за счастье. Но, вѣроятно, давешнее, малодушное его возвращеніе, когда онъ испугался грозы, нѣсколько щекотало его амбицію и подстрекало его еще какъ-нибудь погеройствовать, а главное—предстоялъ такой соблазнъ поломаться; можно было такъ хорошо поговорить, расписать, размазать, расхвалить самого себя, что не было никакой возможности противиться искушенію. Онъ и не противился; онъ вырвался отъ непускавшихъ его; онъ требовалъ своего посоха, молилъ, чтобы отдали ему его свободу, чтобъ отпустили его на всѣ четыре стороны; что онъ въ „этомъ домѣ" былъ обезчещенъ, избитъ, что онъ воротился для того, чтобъ составить всеобщее счастье; что можетъ-ли онъ, наконецъ, оставаться въ „домѣ неблагодарности и ѣсть щи, хотя и сытныя, но приправленныя побоями?" Наконецъ, онъ пересталъ вырываться. Его снова усадили въ кресло, но краснорѣчіе его не прерывалось.

— Развѣ не обижали меня здѣсь? кричалъ онъ.—Развѣ не дразнили меня языкомъ? Развѣ вы, вы сами, полковникъ, подобно невѣжественнымъ дѣтямъ мѣщанъ на городскихъ улицахъ, не показывали мнѣ ежечасно шиши и кукиши? Да, полковникъ! Я стою за это сравненіе потому, что если вы и не показывали мнѣ ихъ физически, то все равно, это были нравственные кукиши, а нравственные

кукиши, въ иныхъ случаяхъ, даже обиднѣе физическихъ. Я уже и не говорю о побояхъ...

— Ѳома, Ѳома! вскричалъ дядя.—Не убивай меня этимъ воспоминаніемъ. Я ужъ говорилъ тебѣ, что всей крови моей недостаточно, чтобъ омыть эту обиду. Будь же великодушенъ! Забудь, прости, и останься созерцать наше счастье! Твои плоды, Ѳома...

— ...Я хочу любить, любить человѣка, кричалъ Ѳома,— а мнѣ не даютъ человѣка, запрещаютъ любить, отнимаютъ у меня человѣка! Дайте, дайте мнѣ человѣка, чтобъ я могъ любить его! Гдѣ этотъ человѣкъ? Куда спрятался этотъ человѣкъ? Какъ Діогенъ съ фонаремъ, ищу я его всю жизнь и не могу найти, и не могу никого любить, доколѣ не найду этого человѣка. Горе тому, кто сдѣлалъ меня человѣконенавистникомъ! Я кричу: дайте мнѣ человѣка, чтобъ я могъ любить его, а мнѣ суютъ Ѳалалея! Ѳалалея-ли я полюблю? Захочу-ли я полюбить Ѳалалея? Могу-ли я, наконецъ, любить Ѳалалея, если-бъ даже хотѣлъ? Нѣтъ. Почему нѣтъ? Потому что онъ Ѳалалей. Почему я не люблю человѣчества? Потому что все, что ни есть на свѣтѣ — Ѳалалей, или похоже на Ѳалалея. Я не хочу Ѳалалея, я ненавижу Ѳалалея, я плюю на Ѳалалея, я раздавлю Ѳалалея, и если-бъ надо было выбирать, то я полюблю скорѣе Асмодея, чѣмъ Ѳалалея! Поди, поди сюда, мой всегдашній истязатель, поди сюда! закричалъ онъ, вдругъ обратившись къ Ѳалалею, самымъ невиннѣйшимъ образомъ выглядывавшему на цыпочкахъ изъ-за толпы, окружавшей Ѳому Ѳомича.—Поди сюда! Я докажу вамъ, полковникъ, кричалъ Ѳома, притягивая къ себѣ рукой Ѳалалея, обезпамятѣвшаго отъ страха, — я докажу вамъ справедливость словъ моихъ о всегдашнихъ насмѣшкахъ и кукишахъ! Скажи, Ѳалалей, и скажи правду, что видѣлъ ты во снѣ сегодняшнюю ночь? Вотъ увидите, полковникъ, увидите ваши плоды! Ну, Ѳалалей, говори!

Бѣдный мальчикъ, дрожавшій отъ страха, обводилъ кругомъ отчаянный взглядъ, ища хоть въ комъ-нибудь своего спасенія; но всѣ только трепетали и съ ужасомъ ждали его отвѣта.

— Ну же, Ѳалалей, я жду!

Вмѣсто отвѣта, Ѳалалей сморщилъ лицо, растянулъ свой ротъ и заревѣлъ, какъ теленокъ.

— Полковникъ! Видите-ли это упорство? Неужели оно

натуральное? Въ послѣдній разъ обращаюсь къ тебѣ, Оалалей, скажи: какой сонъ ты видѣлъ сегодня?

— Про...

— Скажи, что меня видѣлъ, подсказалъ Бахчеевъ.

— Про ваши добродѣтели-съ! подсказалъ въ другое ухо Ежевикинъ.

Оалалей только оглядывался.

— Про... про ваши доб... про бѣлаго бы-ка! промычалъ онъ, наконецъ, и залился горючими слезами.

Всѣ ахнули. По Оома Оомичъ былъ въ припадкѣ необыкновеннаго великодушія.

— По крайней мѣрѣ, я вижу твою искренность, Оалалей, сказалъ онъ.—Искренность, которой не замѣчаю въ другихъ. Богъ съ тобою! Если ты нарочно дразнишь меня этимъ сномъ, по навѣту другихъ, то Богъ воздастъ и тебѣ, и другимъ. Если же нѣтъ, то уважаю твою искренность, ибо даже въ послѣднемъ изъ созданій, какъ ты, я привыкъ различать образъ и подобіе Божіе... Я прощаю тебя, Оалалей! Дѣти мои, обнимите меня, я остаюсь!..

„Остается!“ вскричали всѣ съ восторгомъ.

— Остаюсь и прощаю. Полковникъ, наградите Оалалея сахаромъ, пусть не плачетъ онъ въ такой день всеобщаго счастья.

Разумѣется, такое великодушіе нашли изумительнымъ. *Такъ* заботиться, въ *такую* минуту, и о комъ же?—О Оалалеѣ! Дядя бросился исполнять приказаніе о сахарѣ. Тотчасъ же—Богъ знаетъ откуда—въ рукахъ Прасковьи Ильиничны явилась серебряная сахарница. Дядя вынулъ было дрожавшею рукою два куска, потомъ три, потомъ уронилъ ихъ, наконецъ, видя, что ничего не въ состояніи сдѣлать отъ волненія.

— Э! вскричалъ онъ,—ужъ для такого дня! Держи, Оалалей! и высыпалъ ему за пазуху всю сахарницу.

— Это тебѣ за искренность, прибавилъ онъ въ видѣ нравоученія.

— Господинъ Коровкинъ! доложилъ вдругъ появившійся въ дверяхъ Видоплясовъ.

Произошла маленькая суета. Посѣщеніе Коровкина было, очевидно, некстати. Всѣ вопросительно посмотрѣли на дядю.

— Коровкинъ! вскричалъ дядя въ нѣкоторомъ замѣшательствѣ. — Конечно, я радъ... прибавилъ онъ, робко

взглядывая на Ѳому,—но, ужъ право не знаю, просить-ли его теперь, въ такую минуту. Какъ ты думаешь, Ѳома?

— Ничего, ничего! благосклонно проговорилъ Ѳома,— пригласите и Коровкина; пусть и онъ участвуетъ во всеобщемъ счастьи.

Словомъ, Ѳома Ѳомичъ былъ въ ангельскомъ расположеніи духа.

— Почтительнѣйше осмѣлюсь доложить-съ, замѣтилъ Видоплясовъ,—что Коровкинъ изволятъ находиться не въ своемъ видѣ-съ.

— Не въ своемъ видѣ? Какъ? Что ты врешь? вскричалъ дядя.

— Точно такъ-съ: не въ трезвомъ состояніи души-съ...

Но прежде чѣмъ дядя успѣлъ раскрыть ротъ, покраснѣть, испугаться и сконфузиться до послѣдней степени, послѣдовало и разрѣшеніе загадки. Въ дверяхъ появился самъ Коровкинъ, отвелъ рукой Видоплясова и предсталъ предъ изумленною публикой. Это былъ невысокій, но плотный господинъ, лѣтъ сорока, съ темными волосами и съ просѣдью, выстриженный подъ гребенку, съ багровымъ, круглымъ лицомъ, съ маленькими, налитыми кровью глазами, въ высокомъ волосяномъ галстукѣ, застегнутомъ сзади пряжкой, во фракѣ необыкновенно истасканномъ, въ пуху и въ сѣнѣ и сильно лоснувшемъ подъ мышкой, въ pantalon impossible и при фуражкѣ, засаленной до невѣроятности, которую онъ держалъ на отлетѣ. Этотъ господинъ былъ совершенно пьянъ. Выйдя на средину комнаты, онъ остановился, покачиваясь и тюкая впередъ носомъ, въ пьяномъ раздумьи; потомъ медленно во весь ротъ улыбнулся.

— Извините, господа, проговорилъ онъ, — я... того... (тутъ онъ щелкнулъ по воротнику) получилъ!

Генеральша немедленно приняла видъ оскорбленнаго достоинства. Ѳома, сидя въ креслѣ, иронически обмѣривалъ взглядомъ эксцентрическаго гостя. Бахчеевъ смотрѣлъ на него съ недоумѣніемъ, сквозь которое проглядывало, однако, нѣкоторое сочувствіе. Смущеніе же дяди было невѣроятное: онъ всею душою страдалъ за Коровкина.

— Коровкинъ! началъ было онъ, — послушайте!

— Атанде-съ, прервалъ Коровкинъ. — Рекомендуюсь: дитя природы... Но, что я вижу? Здѣсь дамы... А зачѣмъ же ты не сказалъ мнѣ, подлецъ, что у тебя здѣсь дамы? прибавилъ онъ, съ плутовскою улыбкою смотря на

дяю, — ничего! Не робѣй!.. Представимся и прекрасному полу... Прелестныя дамы! началъ онъ, съ трудомъ ворочая языкъ и завязая на каждомъ словѣ,—вы видите несчастнаго, который... ну, да ужъ и такъ далѣе... Остальное не договаривается... Музыканты! Польку!

— А не хотите-ли заснуть? спросилъ Мизинчиковъ, спокойно подходя къ Коровкину.

— Заснуть! Да вы съ оскорбленіемъ говорите?

— Нисколько. Знаете, съ дороги полезно...

— Никогда! съ негодованіемъ отвѣчалъ Коровкинъ. — Ты думаешь, я пьянъ? — нимало... А, впрочемъ, гдѣ у васъ спятъ?

— Пойдемте, я васъ сейчасъ проведу.

— Куда? Въ сарай? Нѣтъ, братъ, не надуешь! Я ужъ тамъ ночевалъ... А, впрочемъ, веди... Съ хорошимъ человѣкомъ отчего не пойти?.. Подушки не надо: военному человѣку не надо подушки. А ты мнѣ, братъ, диванчикъ, диванчикъ сочини... Да слушай, прибавилъ онъ, останавливаясь, — ты, я вижу, малый теплый: сочини-ка ты мнѣ того... понимаешь? Ромео, такъ только, чтобъ муху задавить... единственно, чтобъ муху задавить, одну, то-есть, рюмочку.

— Хорошо, хорошо! отвѣчалъ Мизинчиковъ.

— Хорошо... Да ты постой, вѣдь надо-жъ проститься. Adieu, mesdames и mesdemoiselles!.. Вы, такъ сказать, пронзили... Ну, да ужъ нѣчего! Послѣ объяснимся... а только разбудите меня, какъ начнется... или даже за пять минутъ до начала... а безъ меня не начинать! Слышите? Не начинать!..

И веселый господинъ скрылся за Мизинчиковымъ.

Всѣ молчали. Недоумѣніе еще продолжалось. Наконецъ, Ѳома началъ понемногу, молча и неслышно, хихикать; смѣхъ его разрастался все болѣе и болѣе въ хохотъ. Видя это, повеселѣла и генеральша, хотя все еще выраженіе оскорбленнаго достоинства сохранялось въ лицѣ ея. Невольный смѣхъ начиналъ подыматься со всѣхъ сторонъ. Дядя стоялъ, какъ ошеломленный, краснѣя до слезъ и нѣкоторое время не въ состояніи вымолвить слова.

— Господи Боже! проговорилъ онъ, наконецъ,—кто-жъ это зналъ? Но вѣдь... вѣдь это со всякимъ же можетъ случиться. Ѳома, увѣряю тебя, что это честнѣйшій, благороднѣйшій и даже чрезвычайно начитанный человѣкъ, Ѳома... вотъ ты увидишь!..

— Вижу-съ, вижу-съ, отвѣчалъ Ѳома, задыхаясь отъ смѣха,—необыкновенно начитанный, именно начитанный!

— Про желѣзныя дороги какъ говоритъ-съ! замѣтилъ, вполголоса, Ежевикинъ.

— Ѳома!.. вскричалъ было дядя, но всеобщій хохотъ покрылъ слова его. Ѳома Ѳомичъ такъ и заливался. Видя это, разсмѣялся и дядя.

— Ну, да что тутъ! сказалъ онъ съ увлеченіемъ.— Ты великодушенъ, Ѳома, у тебя великое сердце: ты составилъ мое счастье... ты же простишь и Коровкину.

Не смѣялась одна только Настенька. Полными любовью глазами смотрѣла она на жениха своего и какъ будто хотѣла вымолвить:

„Какой ты, однакожъ, прекрасный, какой добрый, какой благороднѣйшій человѣкъ, и какъ я люблю тебя!“

VI.

Заключеніе.

Торжество Ѳомы было полное и непоколебимое. Дѣйствительно, безъ него ничего бы не устроилось и совершившійся фактъ подавлялъ всѣ сомнѣнія и возраженія. Благодарность осчастливленныхъ была безгранична. Дядя и Настенька такъ и замахали на меня руками, когда я попробовалъ было слегка намекнуть, какимъ процессомъ получилось согласіе Ѳомы на ихъ свадьбу. Сашенька кричала: „добрый, добрый Ѳома Ѳомичъ; я ему подушку гарусомъ вышью!“ и даже пристыдила меня за мое жестокосердіе. Новообращенный Степанъ Алексѣичъ, кажется, задушилъ бы меня, если-бъ мнѣ вздумалось сказать при немъ что-нибудь непочтительно про Ѳому Ѳомича. Онъ теперь ходилъ за Ѳомой, какъ собачка, смотрѣлъ на него съ благоговѣніемъ и къ каждому слову его прибавлялъ: „благороднѣйшій ты человѣкъ, Ѳома! Ученый ты человѣкъ, Ѳома!“ Что-жъ касается Ежевикина, то онъ былъ въ самой послѣдней степени восторга. Старикашка давнымъ-давно видѣлъ, что Настенька вскружила голову Егору Ильичу и съ тѣхъ поръ на-яву и во снѣ только и грезилъ о томъ, какъ бы выдать за него свою дочку. Онъ тянулъ дѣло до послѣдней невозможности и отказался уже тогда, когда невозможно было не отказаться. Ѳома перестроилъ дѣло. Разумѣется, старикъ, несмотря на свой восторгъ, понималъ Ѳому Ѳомича насквозь; сло-

вомъ, было ясно, что Ѳома Ѳомичъ вопарился въ этомъ домѣ навѣки и что тиранству его теперь уже не будетъ конца. Извѣстно, что самые непріятнѣйшіе, самые капризнѣйшіе люди, хоть на время да укрощаются, когда удовлетворятъ ихъ желаніямъ. Ѳома Ѳомичъ, совершенно напротивъ, какъ-то еще больше глупѣлъ при удачахъ и задиралъ носъ все выше и выше. Передъ самымъ обѣдомъ, перемѣнивъ бѣлье и переодѣвшись, онъ усѣлся въ креслѣ, позвалъ дядю и, въ присутствіи всего семейства, сталъ читать ему новую проповѣдь.

— Полковникъ! началъ онъ, — вы вступаете въ законный бракъ. Понимаете-ли вы ту обязанность...

И такъ далѣе, и такъ далѣе: представьте себѣ десять страницъ, формата „Journal des Débats", самой мелкой печати, наполненныхъ самымъ дикимъ вздоромъ, въ которомъ не было ровно ничего объ обязанностяхъ, а были только самыя безстыдныя похвалы уму, кроткости, великодушію, мужеству и безкорыстію его самого, Ѳомы Ѳомича. Всѣ были голодны; всѣмъ хотѣлось обѣдать; но, несмотря на то, никто не смѣлъ противорѣчить и всѣ съ благоговѣніемъ дослушали всю дичь до конца; даже Бахчеевъ, при всемъ своемъ мучительномъ аппетитѣ, просидѣлъ, не шелохнувшись, въ самой полной почтительности. Удовлетворившись собственнымъ краснорѣчіемъ, Ѳома Ѳомичъ, наконецъ, развеселился и даже довольно сильно поднялъ за обѣдомъ, провозглашая самые необыкновенные тосты. Онъ принялся острить и подшучивать, разумѣется, насчетъ молодыхъ. Всѣ хохотали и аплодировали. Но нѣкоторыя изъ шутокъ были до такой степени сальны и недвусмысленны, что даже Бахчеевъ сконфузился. Наконецъ, Настенька вскочила изъ-за стола и убѣжала. Это привело Ѳому Ѳомича въ неописанный восторгъ; но онъ тотчасъ же пашелся: въ краткихъ, но сильныхъ словахъ изобразилъ онъ достоинства Настеньки и провозгласилъ тостъ за здоровье отсутствующей. Дядя, за минуту сконфуженный и страдавшій, готовъ былъ теперь обнимать Ѳому Ѳомича. Вообще, женихъ и невѣста какъ будто стыдились другъ друга и своего счастья,— и я замѣтилъ: съ самаго благословенія еще они не сказали межъ собою ни слова, даже какъ будто избѣгали глядѣть другъ на друга. Когда встали изъ-за стола, дядя вдругъ исчезъ неизвѣстно куда. Отыскивая его, я забрелъ на террасу. Тамъ, сидя въ креслѣ, за кофеемъ, ораторствовалъ Ѳома,

сильно подкураженный. Около него были только Ежевикинъ, Бахчеевъ и Мизинчиковъ. Я остановился послушать.

— Почему, кричалъ Ѳома,—почему я готовъ сейчасъ же идти на костеръ за мои убѣжденія? А почему изъ васъ никто не въ состояніи пойти на костеръ? Почему, почему?

— Да вѣдь это ужъ и лишнее будетъ, Ѳома Ѳомичъ, на костеръ-то-съ! трунилъ Ежевикинъ. — Ну, что̀ толку? Во-первыхъ, и больно-съ, а, во-вторыхъ, сожгутъ — что̀ останется?

— Что̀ останется? Благородный пепелъ останется. Но гдѣ тебѣ понять, гдѣ тебѣ оцѣнить меня! Для васъ не существуетъ великихъ людей, кромѣ какихъ-то тамъ Цезарей, да Александровъ Македонскихъ! А что̀ сдѣлали твои Цезари? Кого осчастливили? Что̀ сдѣлалъ твой хваленый Александръ Македонскій? Всю землю-то завоевалъ? Да ты дай мнѣ такую же фалангу, такъ и я завоюю, и ты завоюешь, и онъ завоюетъ... Зато онъ убилъ добродѣтельнаго Клита, а я не убивалъ добродѣтельнаго Клита... Мальчишка! Прохвостъ! Розогъ бы дать ему, а не прославлять во всемірной исторіи... да ужъ вмѣстѣ и Цезарю!

— Цезаря-то хоть пощадите, Ѳома Ѳомичъ!

— Не пощажу дурака! кричалъ Ѳома.

— И не щади! съ жаромъ подхватилъ Степанъ Алексѣевичъ, тоже подпившій.—Нечего ихъ щадить; всѣ они прыгуны, всѣ только бы на одной ножкѣ повертѣться! Колбасники! Вотъ одинъ, давеча, стипендію какую-то хотѣлъ учредить. А что̀ такое стипендія? Чортъ ее и знаетъ, что̀ она значитъ! Объ закладъ побьюсь, какая-нибудь новая пакость. А тотъ, другой, давеча-то, въ благородномъ обществѣ, вензеля пишетъ, да рому проситъ! По-моему, отчего не выпить? Да ты пей, пей, да и перегородку сдѣлай, а потомъ, пожалуй, и опять пей... Нечего ихъ щадить! Всѣ мошенники! Одинъ только ты ученый, Ѳома!

Бахчеевъ, если отдавался кому, то отдавался весь, безусловно и безо всякой критики.

Я отыскалъ дядю въ саду, у пруда, въ самомъ уединенномъ мѣстѣ. Онъ былъ съ Настенькой. Увидя меня, Настенька стрѣльнула въ кусты, какъ будто виноватая. Дядя пошелъ ко мнѣ навстрѣчу съ сіяющимъ лицомъ; въ глазахъ его стояли слезы восторга. Онъ взялъ меня за обѣ руки и крѣпко сжалъ ихъ.

— Другъ мой! сказалъ онъ, — я до сихъ поръ какъ

будто не вѣрю моему счастью... Настя тоже. Мы только дивимся и прославляемъ Всевышняго. Сейчасъ она плакала. Повѣришь-ли, до сихъ поръ я какъ-то не опомнился, какъ-то растерялся весь: и вѣрю, и не вѣрю! И за что это мнѣ? За что? Что я сдѣлалъ? Чѣмъ я заслужилъ?

— Если кто заслужилъ, дядюшка, то это вы, сказалъ я съ увлеченіемъ.—Я еще не видалъ такого честнаго, такого прекраснаго, такого добрѣйшаго человѣка, какъ вы...

— Нѣтъ, Сережа, нѣтъ, это слишкомъ, отвѣчалъ онъ какъ бы съ сожалѣніемъ. — То-то и худо, что мы добры (то-есть я про себя одного говорю), когда намъ хорошо: а когда худо, такъ и не подступайся близко! Вотъ мы только сейчасъ толковали объ этомъ съ Настей. Сколько ни сіялъ передо мною Фома, а повѣришь-ли?—я, можетъ-быть, до самаго сегодня не совсѣмъ въ него вѣрилъ, хотя и самъ увѣрялъ тебя въ его совершенствѣ: даже вчера не увѣровалъ, когда онъ отказался отъ такого подарка! Къ стыду моему говорю! Сердце трепещетъ послѣ давешняго воспоминанія! Но я не владѣлъ собой... Когда онъ сказалъ давеча про Настю, то меня какъ будто въ самое сердце что-то укусило. Я не понялъ и поступилъ какъ тигръ...

— Что-жъ, дядюшка: можетъ, это было даже естественно.

Дядя замахалъ руками.

— Нѣтъ, нѣтъ, братъ, и не говори! А просто-за-просто, все это отъ испорченности моей природы, оттого, что я мрачный и сластолюбивый эгоистъ и безъ удержу отдаюсь страстямъ моимъ. Такъ и Фома говоритъ. (Что было отвѣчать на это?) Не знаешь ты, Сережа, продолжалъ онъ съ глубокимъ чувствомъ,—сколько разъ я бывалъ раздражителенъ, безжалостенъ, несправедливъ, высокомѣренъ, да и не къ одному Фомѣ. Вотъ теперь это все вдругъ пришло на память, и мнѣ какъ-то стыдно, что я до сихъ поръ ничего еще не сдѣлалъ, чтобъ быть достойнымъ такого счастья. Настя тоже сейчасъ говорила, хотя, право, не знаю, какіе на ней-то грѣхи, потому что она ангелъ, а не человѣкъ! Она сказала мнѣ, что мы въ страшномъ долгу у Бога, что надо теперь стараться быть добрѣе, дѣлать все добрыя дѣла... И если-бъ ты слышалъ, какъ она горячо, какъ прекрасно все это говорила! Боже мой, что за дѣвушка!

Онъ остановился въ волненіи. Черезъ минуту онъ продолжалъ:

— Мы положили, братъ, особенно лелѣять Ѳому, маменьку и Татьяну Ивановну. А Татьяна-то Ивановна! Какое благороднѣйшее существо! О, какъ я виноватъ предъ всѣми! Я и передъ тобой виноватъ... Но если кто осмѣлится теперь обидѣть Татьяну Ивановну, о! тогда... Ну, да ужъ нечего!.. Для Мизинчикова тоже надо что-нибудь сдѣлать.

— Да, дядюшка, я теперь перемѣнилъ мое мнѣніе о Татьянѣ Ивановнѣ. Ее нельзя не уважать и не сострадать ей.

— Именно, именно! подхватилъ съ жаромъ дядя. — Нельзя не уважать! Вѣдь вотъ, напримѣръ, Коровкинъ, вѣдь ты ужъ навѣрно смѣешься надъ нимъ, прибавилъ онъ, съ робостью заглядывая мнѣ въ лицо, — и всѣ мы давеча смѣялись надъ нимъ. А вѣдь это, можетъ-быть, непростительно... Вѣдь это, можетъ-быть, превосходнѣйшій, добрѣйшій человѣкъ, но судьба... испыталъ несчастья... Ты не вѣришь, а это, можетъ-быть, истинно такъ.

— Нѣтъ, дядюшка, почему же не вѣрить?

И я съ жаромъ началъ говорить о томъ, что въ самомъ падшемъ созданіи могутъ еще сохраниться высочайшія человѣческія чувства; что неизслѣдима глубина души человѣческой; что нельзя презирать падшихъ!—а, напротивъ, должно отыскивать и возстановлять; что невѣрна общепринятая мѣрка добра и нравственности и проч., и проч.; словомъ, я воспламенился и разсказалъ даже о натуральной школѣ; въ заключеніе же прочелъ стихи:

„Когда изъ мрака заблужденья“...

Дядя пришелъ въ необыкновенный восторгъ.

— Другъ мой, другъ мой! сказалъ онъ, растроганный,— ты совершенно понимаешь меня и еще лучше меня разсказалъ все, что̀ я самъ хотѣлъ было выразить. Такъ, такъ! Господи! Почему это золъ человѣкъ? Почему я такъ часто бываю золъ, когда такъ хорошо, такъ прекрасно быть добрымъ? Вотъ и Настя то же самое сейчасъ говорила... Но, посмотри, однакожъ, какое здѣсь славное мѣсто, прибавилъ онъ, оглядываясь вокругъ себя,—какая природа! Какая картина! Экое дерево! Посмотри: въ обхватъ человѣческій! Какой сокъ, какіе листья! Какое солнце! Какъ послѣ грозы-то все вокругъ повеселѣло, обмылось!.. Вѣдь подумаешь, что и деревья понимаютъ тоже что-нибудь пр себя, чувствуютъ и наслаждаются жизнью... Неужели-жъ нѣтъ—а? Какъ ты думаешь?

— Очень можетъ быть, дядюшка. По-своему, разумѣется.

— Ну, да, разумѣется, по-своему... Дивный, дивный Творецъ!.. А вѣдь ты долженъ хорошо помнить весь этотъ садъ, Сережа: какъ ты тутъ игралъ и бѣгалъ, когда былъ маленькій! Я вѣдь помню, когда ты былъ маленькій, прибавилъ онъ, смотря на меня съ непъяснимымъ выраженіемъ любви и счастья.—Тебѣ только къ пруду не позволяли ходить одному. А помнишь, одинъ разъ, вечеромъ, Катя-покойница подозвала тебя и стала тебя ласкать... Ты все бѣгалъ въ саду, передъ этимъ, и весь разрумянился; волоски у тебя такіе свѣтленькіе, въ кудряшкахъ... Она ими играла-играла, да и сказала: „это хорошо, что ты его, сиротку, къ намъ взялъ". Помнишь, иль нѣтъ?

— Чуть-чуть, дядюшка.

— Тогда еще вечеръ былъ, и солнце на васъ обоихъ такъ свѣтило, а я сидѣлъ въ углу и трубку курилъ, да на васъ смотрѣлъ... Я, Сережа, каждый мѣсяцъ къ ней на могилу, въ городъ, ѣзжу, прибавилъ онъ пониженнымъ голосомъ, въ которомъ слышались дрожаніе и подавляемыя слезы. — Я объ этомъ сейчасъ Настѣ говорилъ: она сказала, что мы оба вмѣстѣ будемъ къ ней ѣздить...

Дядя замолчалъ, стараясь подавить свое волненіе.

Въ эту минуту къ намъ подошелъ Видоплясовъ.

— Видоплясовъ! вскричалъ дядя, встрепенувшись. — ты отъ Ѳомы Ѳомича?

— Нѣтъ-съ, я болѣе по своей надобности-съ.

— А, ну и славно! Вотъ и узнаемъ про Коровкина. А я, вѣдь, еще давеча хотѣлъ спросить... Я ему, Сережа, велѣлъ тамъ наблюдать, Коровкина-то. Въ чемъ дѣло, Видоплясовъ?

— Осмѣлюсь доложить, сказалъ Видоплясовъ, — что вчера вы изволили упомянуть-съ насчетъ моей просьбы-съ, и обѣщать мнѣ ваше высокое заступленіе отъ ежедневныхъ обидъ-съ.

— Неужели ты опять про фамилію! вскричалъ дядя въ испугѣ.

— Что-жъ дѣлать-съ? Ежечасныя обиды-съ...

— Ахъ, Видоплясовъ, Видоплясовъ! Что мнѣ съ тобой дѣлать? сказалъ съ сокрушеніемъ дядя.—Ну, какія тебѣ могутъ быть обиды? Вѣдь ты просто съ ума сойдешь, въ желтомъ домѣ жизнь кончишь!

— Кажется, я умомъ моимъ-съ... началъ было Видоплясовъ.

— Ну, то-то, то-то! перебилъ дядя. — Я, братецъ, это такъ говорю, не въ обиду тебѣ, а въ пользу. Ну, какія тамъ у тебя обиды? Бьюсь объ закладъ, какая-нибудь дрянь?

— Проходу нѣтъ-съ.

— Отъ кого?

— Отъ всѣхъ-съ и преимущественно черезъ Матрену-съ. Черезъ нее я моею жизнію страдать пошелъ-съ. Извѣстно-съ, что всѣ отличительные люди-съ, кто съ измалѣтства еще меня видѣлъ, говорили, что я совсѣмъ на иностранца похожъ, преимущественно чертами лица-съ. Что же, сударь? Изъ-за этого мнѣ теперь и проходу нѣтъ-съ. Какъ только я мимо иду-съ, всѣ мнѣ слѣдомъ кричатъ всякія дурныя слова-съ; даже ребятишки маленькіе-съ, которыхъ надо прежде всего розгами высѣчь-съ, и тѣ кричатъ-съ... Вотъ и теперь, когда я сюда шелъ, кричали-съ... Мочи нѣтъ-съ. Защитите, сударь, вашимъ покровомъ-съ!

— Ахъ, Видоплясовъ!.. Ну, да что-жъ они такое кричатъ? Вѣрно глупость какую-нибудь, на которую не надо и вниманія обращать.

— Неприлично будетъ сказать-съ.

— Да что именно?

— Омерзительно выговорить-съ.

— Да ужъ говори!

— Гришка-голанецъ, съѣлъ померанецъ-съ.

— Фу, какой человѣкъ! Я думалъ и Богъ знаетъ что! А ты плюнь, да мимо и пройди.

— Плевалъ-съ: еще больше кричатъ-съ.

— Да послушайте, дядюшка, сказалъ я,—вѣдь онъ жалуется на то, что ему житья нѣтъ въ здѣшнемъ домѣ. Отправьте его хоть на время въ Москву, къ тому каллиграфу. Вѣдь онъ, вы говорили, у каллиграфа какого-то жилъ.

— Ну, братъ, тотъ тоже кончилъ трагически!

— А что?

— Они-съ, отвѣчалъ Видоплясовъ, — имѣли несчастье присвоить себѣ чужую собственность-съ, за что, несмотря на весь ихъ талантъ, были посажены въ острогъ-съ, гдѣ безвозвратно погибли-съ.

— Хорошо, хорошо, Видоплясовъ: ты теперь успокойся, а я все это разберу и улажу, сказалъ дядя, — обѣщаю тебѣ! Ну, что Коровкинъ? Спитъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, они сейчасъ изволили отъѣхать-съ. Я съ тѣмъ и шелъ доложить-съ.

— Какъ отъѣхать? Что ты? Да какъ же ты выпустилъ? вскричалъ дядя.

— По добродушію сердца-съ; жалостно было смотрѣть-съ. Какъ проснулись и вспомнили весь процессъ, такъ тотчасъ же ударили себя по головѣ и закричали благимъ матомъ-съ...

— Благимъ матомъ!..

— Почтительнѣе будетъ выразиться: многоразличные вопли испускали-съ. Кричали: какъ они представятся теперь прекрасному полу-съ? А потомъ прибавили: „я не достоинъ рода человѣческаго!“ и все такъ жалостно говорили-съ, въ отборныхъ словахъ-съ.

— Деликатнѣйшій человѣкъ! Я говорилъ тебѣ, Сергѣй... Да какъ же ты, Видоплясовъ, пустилъ, когда именно тебѣ я велѣлъ стеречь? Ахъ, Боже мой, Боже мой!

— Болѣе черезъ сердечную жалость-съ. Просили не говорить-съ. Ихъ же извозчикъ лошадей выкормилъ и запрягъ-съ. А за врученную, три дни назадъ, сумму-съ велѣли почтительнѣйше благодарить-съ и сказать, что вышлютъ долгъ, съ одною изъ первыхъ почтъ-съ.

— Какую это сумму, дядюшка?

— Они называли двадцать пять рублей серебромъ-съ, сказалъ Видоплясовъ.

— Это я, братъ, ему тогда далъ взаймы, на станціи: у него не достало. Разумѣется, онъ вышлетъ съ первой же почтой... Ахъ, Боже мой, какъ мнѣ жаль! Не послать-ли въ погоню, Сережа?

— Нѣтъ, дядюшка, лучше не посылайте.

— Я самъ то же думаю. Видишь, Сережа, я, конечно, не философъ, но я думаю, что во всякомъ человѣкѣ гораздо болѣе добра, чѣмъ снаружи кажется. Такъ и Коровкинъ: онъ не выпесъ стыда... Но пойдемъ, однакожъ, къ Ѳомѣ! Мы замѣшкались: можетъ оскорбиться неблагодарностію, невниманіемъ... Идемъ же! Ахъ, Коровкинъ, Коровкинъ!

Романъ конченъ. Любовники соединились, и геній добра безусловно воцарился въ домѣ, въ лицѣ Ѳомы Ѳомича. Тутъ можно бы сдѣлать очень много различныхъ объясненій; но, въ сущности, всѣ эти объясненія теперь совершенно лишнія. Таково, по крайней мѣрѣ, мое мнѣніе.

Взамѣнъ всякихъ объясненій, скажу лишь нѣсколько словъ о дальнѣйшей судьбѣ всѣхъ героевъ моего разсказа: безъ этого, какъ извѣстно, не кончается ни одинъ романъ, и это даже предписано правилами.

Свадьба „осчастливленныхъ“ произошла спустя шесть недѣль послѣ описанныхъ мною происшествій. Сдѣлали все тихо, семейно, безъ особенной пышности и безъ лишнихъ гостей. Я былъ шаферомъ Настеньки, Мизинчиковъ—со стороны дяди. Впрочемъ, были и гости. Но самымъ первымъ, самымъ главнымъ человѣкомъ былъ, разумѣется, Ѳома Ѳомичъ. За нимъ ухаживали; его носили на рукахъ. Но какъ-то случилось, что его одинъ разъ обнесли шампанскимъ. Немедленно произошла исторія, сопровождаемая упреками, воплями, криками. Ѳома убѣжалъ въ свою комнату, заперся на ключъ, кричалъ, что презираютъ его, что теперь ужъ „новые люди“ вошли въ семейство и потому онъ ничто, не болѣе, какъ щепка, которую надо выбросить. Дядя былъ въ отчаяніи; Настенька плакала; съ генеральшей, по обыкновенію, сдѣлались судороги... Свадебный пиръ походилъ на похороны. И ровно семь лѣтъ такого сожительства съ благодѣтелемъ, Ѳомой Ѳомичемъ, достались въ удѣлъ моему бѣдному дядѣ и бѣдненькой Настенькѣ. До самой смерти своей (Ѳома Ѳомичъ умеръ въ прошломъ году) онъ киснулъ, куксился, ломался, сердился, бранился: но благоговѣніе къ нему „осчастливленныхъ“ не только не уменьшалось, но даже каждодневно возрастало, пропорціонально его капризамъ. Егоръ Ильичъ и Настенька до того были счастливы другъ съ другомъ, что даже боялись за свое счастье, считали, что это ужъ слишкомъ послалъ имъ Господь; что не стоятъ они такой милости, и предполагали, что, можетъ-быть, впослѣдствіи имъ назначено искупить свое счастье крестомъ и страданіями. Понятно, что Ѳома Ѳомичъ могъ дѣлать въ этомъ смиренномъ домѣ все, что ему вздумается. И чего-чего онъ не дѣлалъ въ эти семь лѣтъ! Даже нельзя себѣ представить, до какихъ необузданныхъ фантазій доходила иногда его пресыщенная, праздная душа въ изобрѣтеніи самыхъ утонченныхъ, нравственно-лукулловскихъ капризовъ. Три года спустя послѣ дядюшкиной свадьбы, скончалась бабушка. Осиротѣвшій Ѳома былъ пораженъ отчаяніемъ. Даже и теперь, въ домѣ дяди, съ ужасомъ разсказываютъ о тогдашнемъ его положеніи. Когда засыпали могилу, онъ рвался въ нее и кричалъ, чтобъ

и его вмѣстѣ засыпали. Цѣлый мѣсяцъ не давали ему ни ножей, ни вилокъ; а одинъ разъ силою, вчетверомъ, раскрыли ему роть и вынули оттуда булавку, которую онъ хотѣлъ проглотить. Кто-то изъ постороннихъ свидѣтелей борьбы замѣтилъ, что Ѳома Ѳомичъ тысячу разъ могъ проглотить эту булавку во время борьбы и, однакожъ, не проглотилъ. Но эту догадку выслушали всѣ съ рѣшительнымъ негодованіемъ, и тутъ же уличили догадчика въ жестокосердіи и неприличіи. Только одна Настенька хранила молчаніе и чуть-чуть улыбнулась, при чемъ дядя взглянулъ на нее съ нѣкоторымъ безпокойствомъ. Вообще нужно замѣтить, что Ѳома хоть и куражился, хоть и капризничалъ въ домѣ дяди попрежнему, но прежнихъ деспотическихъ и наглыхъ распеканій, какія онъ позволялъ себѣ съ дядей, уже не было. Ѳома жаловался, плакалъ, укорялъ, попрекалъ, стыдилъ, но уже не бранился попрежнему, — не было такихъ сценъ, какъ „ваше превосходительство", и это, кажется, сдѣлала Настенька. Она почти непримѣтно заставила Ѳому кой-что уступить и кой въ чемъ покориться. Она не хотѣла видѣть униженія мужа и настояла на своемъ желаніи. Ѳома ясно видѣлъ, что она его почти понимаетъ. Я говорю *почти*, потому что Настенька тоже лелѣяла Ѳому и даже каждый разъ поддерживала мужа, когда онъ восторженно восхвалялъ своего мудреца. Она хотѣла заставить другихъ уважать все въ своемъ мужѣ, потому гласно оправдывала и его привязанность къ Ѳомѣ Ѳомичу. Но я увѣренъ, что золотое сердечко Настеньки забыло всѣ прежнія обиды: она все простила Ѳомѣ, когда онъ соединилъ ее съ дядей и, кромѣ того, кажется, серьезно, всѣмъ сердцемъ, вошла въ идею дяди, что со „страдальца" и прежняго шута нельзя много спрашивать, а что надо, напротивъ, уврачевать сердце его. Бѣдная Настенька сама была изъ *униженныхъ*, сама страдала и помнила это. Черезъ мѣсяцъ Ѳома утихъ, сдѣлался даже ласковъ и кротокъ, но зато — начались другіе, самые неожиданные припадки: онъ началъ впадать въ какой-то магнетическій сонъ, устрашавшій всѣхъ до послѣдней степени. Вдругъ, напримѣръ, страдалецъ что-нибудь говоритъ, даже смѣется, и въ одно мгновеніе окаменѣетъ, и окаменѣетъ именно въ томъ самомъ положеніи, въ которомъ находился въ послѣднее мгновеніе передъ припадкомъ; если, напримѣръ, онъ смѣялся, то такъ и оставался съ улыбкою на устахъ; если же держалъ что-

нибудь, хоть вилку, то вилка такъ и остается въ поднятой рукѣ, на воздухѣ. Потомъ, разумѣется, рука опустится, но Ѳома Ѳомичъ уже ничего не чувствуетъ и не помнитъ, какъ она опустилась. Онъ сидитъ, смотритъ, даже моргаетъ глазами, но не говоритъ ничего, ничего не слышитъ и не понимаетъ. Такъ продолжалось иногда по цѣлому часу. Разумѣется, всѣ въ домѣ чуть не умираютъ отъ страха, сдерживаютъ дыханіе, ходятъ на цыпочкахъ, плачутъ. Наконецъ, Ѳома проснется, чувствуя страшное изнеможеніе, и увѣряетъ, что ровно ничего не слыхалъ и не видалъ во все это время. Нужно же, чтобъ до такой степени ломался, рисовался человѣкъ, выдерживалъ цѣлые часы добровольной муки—и единственно для того, чтобъ сказать потомъ: „смотрите на меня, я и чувствую-то краше, чѣмъ вы!“ Наконецъ, Ѳома Ѳомичъ проклялъ дядю „за ежечасныя обиды и непочтительность“ и переѣхалъ жить къ господину Бахчееву. Степанъ Алексѣевичъ, который послѣ дядиной свадьбы еще много разъ ссорился съ Ѳомой Ѳомичемъ, но всегда кончалъ тѣмъ, что самъ же просилъ у него прощенья, въ этотъ разъ принялся за дѣло съ необыкновеннымъ жаромъ: онъ встрѣтилъ Ѳому съ энтузіазмомъ, накормилъ на-убой и тутъ же положилъ формально разссориться съ дядей и даже подать на него просьбу. У нихъ былъ гдѣ-то спорный клочокъ земли, о которомъ, впрочемъ, никогда и не спорили, потому что дядя вполнѣ уступалъ его, безъ всякихъ споровъ, Степану Алексѣевичу. Не говоря ни слова, господинъ Бахчеевъ велѣлъ заложить коляску, поскакалъ въ городъ, настрочилъ тамъ просьбу и подалъ, прося судъ присудить ему формальнымъ образомъ землю, съ вознагражденіями проторей и убытковъ, и такимъ образомъ казнить самоуправство и хищничество. Между тѣмъ, Ѳома, на другой же день, соскучившись у господина Бахчеева, простилъ дядю, пріѣхавшаго съ повинною, и отправился обратно въ Степанчиково. Гнѣвъ господина Бахчеева, возвратившагося изъ города и не заставшаго Ѳомы, былъ ужасенъ; но черезъ три дня онъ явился въ Степанчиково съ повинною, со слезами просилъ прощенья у дяди и уничтожилъ свою просьбу. Дядя въ тотъ же день помирилъ его съ Ѳомой Ѳомичемъ, и Степанъ Алексѣевичъ опять ходилъ за Ѳомой, какъ собачка, и попрежнему приговаривалъ къ каждому слову: „Умный ты человѣкъ, Ѳома! Ученый ты человѣкъ, Ѳома!“

Ѳома Ѳомичъ лежитъ теперь въ могилѣ, подлѣ генеральши; надъ нимъ стоитъ драгоцѣнный памятникъ изъ бѣлаго мрамора, весь испещренный плачевными житіями и хвалебными надписями. Иногда Егоръ Ильичъ и Настенька благоговѣйно заходятъ, съ прогулки, въ церковную ограду поклониться Ѳомѣ. Они и теперь не могутъ говорить о немъ безъ особаго чувства, припоминаютъ каждое его слово, что онъ ѣлъ, что любилъ. Вещи его сберегаются, какъ драгоцѣнность. Почувствовавъ себя совершенно осиротѣвшими, дядя и Настя еще болѣе привязались другъ къ другу. Дѣтей имъ Богъ не далъ: они очень горюютъ объ этомъ, но роптать не смѣютъ. Сашенька давно уже вышла замужъ за одного прекраснаго молодого человѣка. Илюша учится въ Москвѣ. Такимъ образомъ дядя и Настя живутъ одни и не надышатся другъ на друга. Забота ихъ другъ о другѣ дошла до какой-то болѣзненности. Настя безпрерывно молится. Если кто изъ нихъ первый умретъ, то другой, я думаю, не проживетъ и недѣли. Но дай Богъ имъ долго жить! Принимаютъ они всѣхъ съ полнымъ радушіемъ и готовы раздѣлить со всякимъ несчастнымъ все, что у нихъ имѣется. Настенька любитъ читать житія святыхъ и съ сокрушеніемъ говоритъ, что обыкновенныхъ добрыхъ дѣлъ еще мало, а что надо бы раздать все нищимъ и быть счастливыми въ бѣдности. Если-бъ не забота объ Илюшѣ и Сашенькѣ, дядя бы давно такъ и сдѣлалъ, потому что онъ во всемъ вполнѣ согласенъ съ женою. Съ ними живетъ Прасковья Ильинична и угождаетъ имъ во всемъ съ наслажденіемъ: она же ведетъ и хозяйство. Господинъ Бахчеевъ сдѣлалъ ей предложеніе еще вскорѣ послѣ дядюшкиной свадьбы, но она наотрѣзъ ему отказала. Заключили изъ этого, что она пойдетъ въ монастырь, но и этого не случилось. Въ натурѣ Прасковьи Ильиничны есть одно замѣчательное свойство: совершенно уничтожаться передъ тѣми, кого она полюбила, ежечасно исчезать передъ ними, смотрѣть имъ въ глаза, подчиняться всевозможнымъ ихъ капризамъ, ходить за ними и служить имъ. Теперь, по смерти генеральши, своей матери, она считаетъ своею обязанностью не разлучаться съ братомъ и угождать во всемъ Настенькѣ. Старикашка Ежевикинъ еще живъ, и въ послѣднее время все чаще и чаще сталъ посѣщать свою дочь. Вначалѣ онъ приводилъ дядю въ отчаяніе тѣмъ, что почти совершенно отстранилъ себя и свою мелюзгу (такъ называлъ

онъ дѣтей своихъ) отъ Степанчикова. Всѣ зазывы дяди не дѣйствовали на него: онъ былъ не столько гордъ, сколько щекотливъ и мнителенъ. Самолюбивая мнительность его доходила иногда до болѣзни. Мысль, что его, бѣдняка, будутъ принимать въ богатомъ домѣ изъ милости, сочтутъ назойливымъ и навязчивымъ,—убивала его; онъ даже отказывался, иногда, отъ Настенькиной помощи и принималъ только самое необходимое. Отъ дяди же онъ ничего рѣшительно не хотѣлъ принять. Настенька чрезвычайно ошиблась, говоря мнѣ тогда, въ саду, объ отцѣ, что онъ представляетъ изъ себя шута *для нея*. Правда, ему ужасно хотѣлось тогда выдать Настеньку замужъ; но корчилъ онъ изъ себя шута просто изъ внутренней потребности, чтобъ дать выходъ накопившейся злости. Потребность насмѣшки и *язычка* была у него въ крови. Онъ карикатурилъ, напримѣръ, изъ себя самаго подлаго, самаго низкопоклоннаго льстеца; но въ то же время ясно выказывалъ, что дѣлаетъ это только для виду; и чѣмъ унизительнѣе была его лесть, тѣмъ язвительнѣе и откровеннѣе проглядывала въ ней насмѣшка. Такая ужъ была его манера. Всѣхъ дѣтей его удалось размѣстить въ лучшихъ учебныхъ заведеніяхъ, въ Москвѣ и Петербургѣ, и то только, когда Настенька ясно доказала ему, что все это сдѣлается на ея собственный счетъ, то-есть, въ счетъ ея собственныхъ тридцати тысячъ, подаренныхъ ей Татьяной Ивановной. Эти тридцать тысячъ, по правдѣ, никогда и не брали у Татьяны Ивановны; а ее, чтобъ она не горевала и не обижалась, умилостивили, обѣщая ей при первыхъ неожиданныхъ семейныхъ нуждахъ обратиться къ ея помощи. Такъ и сдѣлали: для виду были произведены у ней, въ разное время, два довольно значительные займа. Но Татьяна Ивановна умерла, три года назадъ, и Настя все-таки получила свои тридцать тысячъ. Смерть бѣдной Татьяны Ивановны была скоропостижная. Все семейство собиралось на балъ къ одному изъ сосѣднихъ помѣщиковъ, и только что успѣла она нарядиться въ свое бальное платье, а на голову надѣть очаровательный вѣнокъ изъ бѣлыхъ розъ, какъ вдругъ почувствовала дурноту, сѣла въ кресло и умерла. Въ этомъ вѣнкѣ ее и похоронили. Настя была въ отчаяніи. Татьяну Ивановну лелѣяли въ домѣ и ходили за ней, какъ за ребенкомъ. Она удивила всѣхъ здравомысліемъ своего завѣщанія: кромѣ Настенькиныхъ тридцати тысячъ, все остальное,

до трехсотъ тысячъ ассигнаціями, назначалось для воспитанія бѣдныхъ сиротокъ-дѣвочекъ и для награжденія ихъ деньгами, по выходѣ изъ учебныхъ заведеній. Въ годъ ея смерти вышла замужъ и дѣвица Перепелицына, которая, по смерти генеральши, осталась у дяди, въ надеждѣ подлизаться къ Татьянѣ Ивановнѣ. Между тѣмъ, овдовѣлъ чиновникъ-помѣщикъ, владѣтель Мизинина, той самой маленькой деревушки, въ которой у насъ происходила сцена съ Обноскинымъ и его маменькой, за Татьяну Ивановну. Чиновникъ этотъ былъ страшный сутяга и имѣлъ отъ первой жены шесть человѣкъ дѣтей. Позарѣвая у Перепелицыной деньги, онъ началъ къ ней подсылать съ предложеніями, и та немедленно согласилась. Но Перепелицына была бѣдна, какъ курица: у ней всего-то было 300 рублей серебромъ, да и то подаренные ей Настенькой на свадьбу. Теперь мужъ и жена грызутся съ утра до вечера. Она теребитъ за волосы его дѣтей и отсчитываетъ имъ колотушки; ему же (по крайней мѣрѣ, такъ говорятъ) царапаетъ лицо и поминутно коритъ его подполковничьимъ своимъ происхожденіемъ. Мизинчиковъ тоже пристроился. Онъ благоразумно бросилъ всѣ свои надежды на Татьяну Ивановну и началъ понемногу учиться сельскому хозяйству. Дядя рекомендовалъ его одному богатому графу, помѣщику, у котораго было три тысячи душъ, въ восьмидесяти верстахъ отъ Степанчикова, и который изрѣдка наѣзжалъ въ свои помѣстья. Замѣтивъ въ Мизинчиковѣ способности и взявъ во вниманіе рекомендацію, графъ предложилъ ему мѣсто управляющаго въ своихъ помѣстьяхъ, прогнавъ своего прежняго управителя-нѣмца, который, несмотря на прославленную нѣмецкую честность, обчищалъ своего графа, какъ липку. Чрезъ пять лѣтъ имѣнія узнать нельзя было: крестьяне разбогатѣли: завелись статьи по хозяйству, прежде невозможныя; доходы чуть-ли не удвоились — словомъ, новый управитель отличился и прогремѣлъ на всю губернію хозяйственными своими способностями. Каково же было изумленіе и горе графа, когда Мизинчиковъ, ровно чрезъ пять лѣтъ, несмотря ни на какія просьбы, ни на какія надбавки, рѣшительно отказался отъ службы и вышелъ въ отставку! Графъ думалъ, что его сманили сосѣди-помѣщики, или даже въ другую губернію. И какъ же всѣ удивились, когда вдругъ, два мѣсяца по выходѣ въ отставку, у Ивана Ивановича Мизинчикова явилось превосходнѣйшее имѣніе, во сто душъ,

ровно въ сорока верстахъ отъ графскаго, купленное имъ у какого-то промотавшагося гусара, прежняго его пріятеля! Эти сто душъ онъ тотчасъ же заложилъ, и черезъ годъ у него явилось еще шестьдесятъ душъ въ окрестностяхъ. Теперь онъ самъ помѣщикъ, и хозяйство у него безподобное. Всѣ дивятся: гдѣ онъ вдругъ досталъ денегъ? Другіе же только покачиваютъ головами. Но Иванъ Ивановичъ совершенно спокоенъ и чувствуетъ себя вполнѣ въ своемъ правѣ. Онъ выписалъ изъ Москвы свою сестру, ту самую, которая дала ему свои послѣдніе три цѣлковыхъ на сапоги, когда онъ отправлялся въ Степанчиково,— премилую дѣвушку, уже не первой молодости, кроткую, любящую, образованную, но чрезвычайно запуганную. Она все время скиталась гдѣ-то въ Москвѣ, въ компаньонкахъ, у какой-то благодѣтельницы; теперь же благоговѣетъ передъ братомъ, хозяйничаетъ въ его домѣ, считаетъ его волю закономъ, а себя вполнѣ счастливою. Братецъ не балуетъ ея и держитъ нѣсколько въ черномъ тѣлѣ; но она этого не замѣчаетъ. Въ Степанчиковѣ ее ужасно какъ полюбили, и, говорятъ, господинъ Бахчеевъ къ ней неравнодушенъ. Онъ и сдѣлалъ бы предложеніе, да боится отказа. Впрочемъ, о господинѣ Бахчеевѣ мы надѣемся поговорить въ другой разъ, въ другомъ разсказѣ, подробнѣе.

Вотъ, кажется, и всѣ лица... Да! Забылъ: Гаврила очень постарѣлъ и совершенно разучился говорить по-французски. Изъ Ѳалалея вышелъ очень порядочный кучеръ, а бѣдный Видоплясовъ давнымъ-давно въ желтомъ домѣ и, кажется, тамъ и умеръ... На-дняхъ поѣду въ Степанчиково и непремѣнно справлюсь о немъ у дяди.

ОГЛАВЛЕНІЕ
ВТОРОГО ТОМА.

Часть первая. Повѣсти и разсказы.

Бѣлыя ночи. Сентиментальный романъ. Изъ воспоминаній мечтателя 3
Неточка Незванова 55
Маленькій герой. Изъ неизвѣстныхъ мемуаровъ 219
На европейскія событія въ 1854 году. Стихотвореніе . . . 255
Дядюшкинъ сонъ. Изъ мордасовскихъ лѣтописей 259

Часть вторая. Повѣсти и разсказы.

Село Степанчиково и его обитатели. Изъ записокъ неизвѣстнаго.

Часть первая.

Глава I. Вступленіе 301
„ II. Господинъ Бахчеевъ 410
„ III. Дядя 425
„ IV. За чаемъ 439
„ V. Ежевикинъ 449
„ VI. Про бѣлаго быка и комариннскаго мужика. 462
„ VII. Фома Фомичъ 469
„ VIII. Объясненіе въ любви 483
„ IX. Ваше превосходительство 489
„ X. Мизинчиковъ 503
„ XI. Крайнее недоумѣніе 516
„ XII. Катастрофа 528

Часть вторая и послѣдняя.

Глава I. Погоня 535
„ II. Новости 550
„ III. Илюша именинникъ 554
„ IV. Изгнаніе 562
„ V. Фома Фомичъ созидаетъ всеобщее счастье. 573
„ VI. Заключеніе 590

PG
3325
A1
1894
t.2

Dostoevskiĭ, Fedor Mikhaĭlovich
Polnoe sobranie sochineniĭ

ROBARTS LIBRARY
DUE DATE
FEB 13 1989